ПОЛ
АНДЕРСОН
ПОЛ
АНДЕРСОН
Коридоры времени

100
150
200

ПОЛ

АНДЕРСОН

Коридоры времени

ПОЛ

АНДЕРСОН

Коридоры времени

Патруль времени

Настанет время

Человек, который пришел слишком рано

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993

ББК 84.7 США
А 65

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

© М. Гилинский, М. Коркин,
Н. Емельянникова, А. Соловьев, перевод, 1993.
© В. Бедин, иллюстрации, 1993.
© Издательство «Северо-Запад»,
подготовка текста, оформление, 1993.
® СЕВЕРО-ЗАПАД. Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0171-0

РОМАН

Коридоры ВРЕМЕНИ

ГЛАВА 1

В замке лязгнул ключ.

— Встречай гостей, — сказал охранник.

— Что? Кого? — Малькольм Локридж приподнялся на своей койке. Сколько уже часов пролежал он на ней, тщетно пытаясь сосредоточиться на учебнике, — нельзя терять форму, — но мысли разбегались, а глаза упорно возвращались к трещине в потолке. А мысли его были самые горькие. Ко всему прочему, очень раздражали звуки и смрад из соседних камер.

— Почем я знаю? Но девчонка, скажу... — Охранник прищелкнул языком, в его голосе звучало восхищение.

Недоумевая, Локридж направился к двери. Охранник отступил на пару шагов. Нетрудно было угадать, что он думает: «Осторожно! Этот парень — убийца!»

Не то чтобы Локридж походил на злодея: среднего роста, ежик волос песочного цвета, голубые глаза, грубоватые черты лица, курносый нос; выглядел он как раз на свои двадцать шесть лет. Разве что грудь и плечи у него были шире, а руки и ноги более мускулистые, чем у обычного, неспортивного мужчины; двигался он по-кошачьи и мягко.

— Не дрейфь, сынок, — презрительно бросил он.

— Ну ты, потише! — вспыхнул охранник.

«О Господи, — подумал Локридж, — и чего на нем срывать дурное настроение? Он-то мне ничего плохого не сделал... А на ком еще его срывать?»

Раздражение утихло, пока он шел по коридору. Любое нарушение мучительного однообразия последних двух недель было почти праздничным. Даже беседа с адвокатом стала событием, хотя за нее потом приходилось расплачиваться ночью, проведенной без сна из-

за злости, вызванной вежливым, но упорным нежеланием того вести защиту как надо.

Но кто может быть сегодняшним «гостем»? Женщина? Его мать улетела обратно к себе, в Кентукки. Симпатичная девушка? К нему приходила одна знакомая, и довольно симпатичная, но она только и твердила: «Как же ты мог?!», и Локридж не думал, что она придет еще. Может, какая-нибудь женщина-репортер? Едва ли: все местные газеты полны его интервью.

Он вошел в комнату для свиданий.

За окном был город, шум движения, через дорогу парк, деревья со свежей листвой и до боли голубое небо с быстрыми белыми облаками; дыхание весны заставило его еще острее почувствовать, какую вонь он только что оставил в камере.

Несколько охранников наблюдало за заключенными и их посетителями, сидевшими, шепотом разговаривая, за длинными столами.

— Вон она, — показал конвоир.

Локридж повернулся. У свободного стула стояла девушка, при взгляде на которую его сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Боже милостивый! Вот это да!

Она была с него ростом, платье — простое, но изысканное и дорогое — подчеркивало фигуру, которой могла бы позавидовать чемпионка по плаванию или богиня охоты Диана. Голова гордо поднята, черные волосы, сверкающие в луче солнца, падают на плечи. Лицо... Он не мог бы сказать, в какой части света сформировались его черты: дуги бровей над продолговатыми зелеными глазами, широкие скулы, прямой нос, властные рот и подбородок, смуглая кожа. На мгновение — хотя чисто физическое сходство было незначительным — Локриджу вспомнились образы древнего Крита, лик Лабрийской Богородицы; дальше он мог думать лишь о том чуде, что было перед ним.

С некоторой опаской он подошел к ней.

— Мистер Локридж. — Это был не вопрос, а утверждение. Ее акцент он тоже не мог определить — возможно, просто слишком тщательный выговор. Голос был низкий и звучный.

— Д-да, — пробормотал он. — А...

— Я — Сторм Дарроуэй. Присядем? — Она села с таким видом, будто взошла на трон, и открыла сумочку. — Сигарету?

— Благодарю, — произнес он автоматически. Она щелкнула зажигалкой «Тиффани», дала ему прикурить, но сама сигарету не взяла. Теперь, когда было чем занять руки, Локридж немного успокоился, сел на стул и встретился с ней глазами. В каком-то дальнем уголке его смятенного сознания возник вопрос: как у женщины с такой внешностью может быть англосаксонское имя? Может, ее родители были иммигрантами с труднопроизносимым именем и изменили его? Однако в ней вовсе не было той... робости, что ли, подобострастия, как бывает в таких случаях.

— Боюсь, я не имел... э-э... удовольствия встречать вас раньше, — промямлил он, взглянул на ее левую руку и добавил, — мисс Дарроуэй.

— Разумеется, нет. — Она замолчала, глядя на него с абсолютно бесстрастным лицом.

Нервничая, Локридж заерзал на стуле. «Прекратить!» — мысленно приказал он себе, сел прямо, выдержал ее взгляд и молча стал ждать, что будет дальше.

Она улыбнулась, не разжимая губ.

— Прекрасно, — тихо сказала она и добавила уже решительным тоном: — Я видела заметку о вас в чикагской газете; она меня заинтересовала. Поэтому я пришла, чтобы узнать больше. Вы, как мне кажется, жертва обстоятельств.

Локридж пожал плечами:

— Я не собираюсь плакаться, но это так. Вы репортер?

— Нет, я просто стремлюсь к торжеству справедливости. Вы удивлены? — добавила она насмешливо.

На мгновение он задумался.

— Пожалуй, да. Есть, конечно, люди вроде Эрла Стэнли Гарднера, но такая женщина, как вы...

— Может найти лучшее занятие, чем кампания в защиту справедливости. — Мисс Дарроуэй усмехнулась. — Это правда. Мне самой тоже нужна помощь. Возможно, именно вы и сможете помочь.

Мир закружился вокруг Локриджа.

— Разве вы не можете нанять кого-нибудь, мэм... простите, мисс?

— Есть качества, которые нельзя купить, они должны быть врожденными, а возможности для тщательного поиска у меня нет. — Глаза ее потеплели. — Расскажите мне о вашем положении.

— Вы же видели газеты.

— Собственными словами. Пожалуйста.

— Что ж... Черт возьми! Тут и рассказывать-то особо нечего. Недели две назад вечером я шел из библиотеки к себе домой. В паршивом таком районе. Напала на меня компания молодых ребят. Думаю, хотели просто избить меня — для забавы да ради мелочи, что у меня была... Я, естественно, стал защищаться... Ну и один из придурков грохнулся на тротуар и разбил голову, остальные, конечно, сразу смылись. Я вызвал полицию, и меня тут же обвинили в убийстве второй степени.

— А как насчет самообороны?

— Само собой. Я так и делаю: пытаюсь доказать всем, что действовал в пределах самообороны. Только толку мало. Свидетелей нет. Сволочей этих я опознать не могу: темно было. К тому же в последнее время много было столкновений между этим сбродом и колледжем. Я и сам раз попал в такую переделку — школьники хотели испортить нам пикник. А теперь говорят, что я сводил с этим парнем счеты, — я, с моей боевой подготовкой, свожу счеты с ребенком! — Он сжал кулаки в бессильной ярости. — Ребенок! Черт возьми! Больше меня ростом, борода растет! Ребенок!.. Да и было их больше десятка... Но у нас, знаете ли, очень честолюбивый прокурор.

Сторм Дарроуэй изучающе смотрела на него. Это чем-то напомнило ему, как его отец много лет назад на ферме в Кентукки разглядывал и ощупывал купленного бычка.

— Вы раскаиваетесь? — спросила она.

— Нет, — ответил Локридж. — И это тоже не в мою пользу. Актер из меня плохой. О, я, конечно же, не собирался никого убивать! Я просто защищался, как мог. Чистая случайность, что этот хулиган так неудачно упал. Да, я сожалею, что это произошло. Но моя

совесть чиста. Я делал то, что было необходимо, защищался; а если бы не знал как, не умел? Был бы или в больнице, или на кладбище. И все бы говорили: «Ах, какой ужас! Надо построить еще один рекреационный центр».

Плечи Локриджа грустно опустились. Он раздавил сигарету и взглянул на свои руки.

— У меня хватило глупости, — продолжал он глухо, — сказать все это газетчикам. И не только это... Здесь сейчас не слишком жалуют южан. Мой адвокат говорил, что местные либералы хотят сделать из меня еще и расиста! Матерь Божья, да я и цветных-то почти не видел там, откуда приехал! И как может человек быть антропологом и сохранять расовые предрассудки? Уж не говоря о том, что эти мерзавцы были белыми. Но все это, по-моему, ничуть не меняет отношения ко мне...

Его злость обратилась на него самого.

— Простите, мисс, — сказал он тихо, — я не собирался плакаться.

Она было потянулась к нему, но остановилась. Взглянув на нее, Локридж увидел, что на ее красивом, необычном лице появилось выражение гордости, даже надменности. Однако голос ее звучал тихо, почти ласково:

— Ваше сердце свободно. Я на это надеялась.

Внезапно она вновь стала безлично деловой:

— Каковы перспективы судебного процесса?

— Не слишком хорошие. Мне назначили адвоката, а тот говорит, что мне нужно признать себя виновным в убийстве по неосторожности, тогда получу меньший срок. Я этого не понимаю. Это несправедливо.

— Полагаю, у вас не имеется средств для продолжительной борьбы?

«Ну и ну, — подумал Локридж. — Такая женщина, а говорит как профессор!»

— Нет, — согласился он. — Я ведь жил на аспирантскую стипендию. Мать, правда, обещает заложить свой дом, чтобы собрать нужную сумму; она вдова, богатых братьев у меня нет. Но мне этого очень не

хочется. Конечно, я отдам долг, если выиграю процесс. А если нет?..

— Думаю, у вас есть шансы выиграть, — сказала она. — Насколько мне известно, Уильям Эллсворт из Чикаго — один из лучших адвокатов в стране по уголовным делам. Вы слышали о нем?

— Что? Эллсворт?! — ошеломленный, Локридж уставился на нее. — Да говорят, что он чуть ли ни разу не проиграл дела!

Сторм Дарроуэй задумчиво погладила подбородок.

— Хороший штат частных сыщиков сможет найти членов этой малолетней шайки, — проговорила она. — Их местонахождение в тот вечер может быть установлено в суде, а умелый перекрестный допрос выведет их на чистую воду. Можно также найти свидетелей, которые подтвердят вашу безупречную репутацию... Вы ведь ничего предосудительного прежде не совершали?

— Ну... — Локридж стиснул зубы, но смог выдавить улыбку. — Нет, ничего — в разумных пределах. Но послушайте, это же будет стоить целое состояние!

— Состояние у меня есть, — отмахнулась она от вопроса. Наклонившись вперед, Сторм Дарроуэй пристально смотрела на него сверкающими глазами. — Расскажите о себе. Мне потребуется информация. Где вы получили боевую подготовку, о которой упоминали?

— На флоте. База была в Окинаве, я заинтересовался каратэ, стал заниматься в школе...

Разговор принял совершенно неожиданный оборот. В голове у Локриджа был какой-то туман, и он даже не заметил, как выложил все подробности о своей жизни: детство, заполненное работой, лесами, охотой, рыбной ловлей; то вечное стремление к чему-то новому, неизведанному, которое привело его к поступлению на военную службу в семнадцать лет; ошеломляющее потрясение, испытанное им при встрече с другими странами, иными народами, с миром, огромность которого он не мог и представить; возникшее у него желание учиться...

— Я много читал во время службы, — продолжал Локридж. — Потом, вернувшись в Штаты, поступил на свои сбережения в колледж, решил заняться антропо-

логией. Здесь в университете хорошее отделение, и я готовлюсь... готовился к защите магистерской диссертации. Все могло быть отлично... Мне вообще нравятся примитивные люди. В них нет ничего романтического, у них свои заботы, как и у нас, но в них есть что-то такое, что мы потеряли...

— Вы, значит, путешествовали?

— Так, полевые поездки в места вроде Юкатана. Мы собирались туда опять этим летом, но теперь, полагаю, это для меня закрыто. Даже если я выберусь отсюда, даже если вовремя выберусь, вряд ли мне будут рады. Что ж, найду другое место.

— Да, верно.

Сторм Дарроуэй осторожно оглядела комнату своими рысьими глазами. Охранники, скучавшие сегодня меньше обычного благодаря необычайной посетительнице, не стесняясь разглядывали ее, но не могли слышать ее слов — беседа шла вполголоса.

— Слушайте, Малькольм Локридж, — сказала она. — Посмотрите на меня.

«С удовольствием», — подумал он. Его по-прежнему трясло от возбуждения.

— Я собираюсь нанять Эллсворта для вашей защиты, — сообщила мисс Дарроуэй. — Он получит инструкции не считаться с расходами. Если вы все же будете осуждены, он подаст апелляцию. Но думаю, что этого не потребуется.

— Но почему? — только и смог прошептать Локридж.

Она откинула голову. Длинные черные волосы упали назад, и в ее левом ухе он увидел какое-то маленькое прозрачное устройство. Слуховой аппарат? От мысли, что и у нее есть свои проблемы, что и она не абсолютное совершенство, у него как-то потеплело на душе. Как будто рухнули стены, отделявшие его от окружающего мира, и все вокруг залил весенний солнечный свет.

— Скажем так, — ответила она на его вопрос, — не нужно льва сажать в клетку. — В ее словах не было кокетства, они звучали искренне.

Мускулы ее лица расслабились. Сторм Дарроуэй сидела совершенно непринужденно и продолжала ровным, спокойным голосом:

— Кроме того, мне нужна помощь. Дело опасное. Думаю, вы подходите куда лучше, чем какой-нибудь слогг с улицы. Плата будет отнюдь не нищенская.

— Мисс, — заикаясь, пробормотал Локридж, — мисс, мне не надо никакой платы за... за что бы то ни было.

— Во всяком случае, вам потребуются деньги на путевые расходы, — возразила она. — Сразу же после суда Эллсворт передаст вам конверт с чеком и указаниями. А пока вы не должны говорить обо мне ни слова. Если спросят, кто финансирует вашу защиту, отвечайте, что богатый дальний родственник. Все понятно?

Лишь позднее, пытаясь как-то осмыслить свою фантастическую встречу с мисс Дарроуэй, он задал себе вопрос, не преступница ли она, но тут же отогнал эту мысль. А сейчас он просто воспринял ее слова как приказание и молча кивнул.

Она встала. Локридж кое-как тоже поднялся.

— Меня здесь больше не будет, — сказала она и быстрым, сильным движением пожала ему руку. — Когда вы будете на свободе, встретимся в Дании. А теперь — до свиданья и не падайте духом.

Он смотрел ей вслед, пока она шла к выходу, потом перевел взгляд вниз, на руку, которую она только что пожала.

ГЛАВА II

14 сентября, говорилось в ее письме, в 9 часов утра.

Локридж проснулся рано, больше уснуть не смог и в конце концов решил пойти прогуляться. Так или иначе, ему хотелось попрощаться с Копенгагеном. В чем бы ни заключалась работа, которую поручит ему Сторм Дарроуэй, наверняка это будет не здесь — раз уж он получил указание купить туристское снаряжение для двоих, винтовку, пистолет, — а он успел полюбить этот город.

Улицы были полны велосипедов, ловко шныряющих в потоке автомашин, — утренний час пик. У велосипедистов вовсе не было затравленного вида спешащих на работу американцев; спокойные, степенные люди, молодые ребята в деловых костюмах или в студенческих фуражках, девушки со свежими лицами и развевающимися белокурыми волосами — все открыто радовались жизни. Веселый блеск Тиволи — словно шампанское в крови, но нет нужды ехать туда, чтобы почувствовать дух старой Вены. Достаточно пройти по Лангелинье, ощутить запах морских ветров и увидеть суда, направляющиеся в самые далекие уголки мира, поклониться Русалочке и Гефионскому Волу, дальше мимо величественного дворца Амалиенборг, налево по каналу через Нюхавн, где существующие с незапамятных времен морские таверны сонно припоминают вчерашнее веселье, потом по Конгенс Нюторв, остановившись на минутку выпить пива в уличном кафе, и, наконец, еще дальше мимо церквей и дворцов эпохи Возрождения, вонзающих в небо свои прекрасные стройные шпили.

«Я чертовски многим обязан этой женщине, — думал Локридж, — и не в последнюю очередь за то, что, по ее указанию, приехал сюда на три недели раньше намеченной встречи».

«Почему?» — удивлялся он. Согласно инструкциям, он должен был достать артиллерийские карты и ознакомиться с датской топографией, много часов пришлось провести в Древнескандинавском отделе Национального музея, прочитать кое-какие книги, подробно рассказывающие о его экспонатах... Локридж безропотно подчинился, недоумевая, но искренне считая, что ему повезло. Времени и возможностей для развлечений вполне хватало, от одиночества страдать не приходилось: все датчане очень дружелюбны, и это было особенно приятно, когда он познакомился с двумя девушками... Может быть, Сторм Дарроуэй того и хотела: чтобы он пришел в себя после трудного испытания, потратил побольше энергии — в том числе и на девушек — и потом не приставал к ней, куда бы они ни направлялись.

Мысли о Сторм Дарроуэй, о предстоящей работе заставили его встряхнуться. Сегодня! Локридж прибавил шагу. Показался отель, где он остановился согласно полученному указанию. Чтобы снять напряжение, он поднялся к себе не на лифте, а по лестнице, пешком.

Нервничая, он шагал по комнате и курил одну сигарету за другой. Впрочем, долго ждать ему не пришлось. Зазвонил телефон, и Локридж снял трубку.

— Мистер Локридж? — услышал он голос клерка. — Вас просят встретить мисс Дарроуэй на улице перед отелем через пятнадцать минут. — Английский язык клерка был безупречен. — Вместе с багажом.

— Понятно. — На мгновение он разозлился: какая наглость! Она приказывает, будто он ее слуга! «Впрочем, нет, — решил Локридж, успокаиваясь, — я не прав. Я так долго прожил в северных штатах, что забыл, как ведут себя настоящие леди».

Звать коридорного он не стал. Надел на плечи рюкзак, второй рюкзак, чемодан взял в руки и отправился вниз оформлять отъезд.

К тротуару подкатил блестящий новый «дофин». За рулем сидела Сторм Дарроуэй. Локридж не забыл, как она выглядит, — забыть это было невозможно, — но, когда в окне машины показалось ее лицо в обрамлении темных волос, у него перехватило дыхание, а девушки-датчанки вылетели из головы, будто их и не было никогда.

— Добрый день, — произнес он, запинаясь.

Мисс Дарроуэй улыбнулась.

— Рада видеть вас на свободе, Малькольм Локридж, — приветствовала она его своим хрипловатым голосом. — Ну что, поехали?

Он положил купленное снаряжение в багажник и сел в машину рядом с ней. На Сторм Дарроуэй на этот раз были брюки и кроссовки, но выглядела она не менее величественно, чем в прошлую их встречу. Она ввела машину в автомобильный поток с такой ловкостью, что он даже присвистнул.

— Вы, я вижу, не хотите терять времени, а?

— Слишком его мало, чтобы терять, — отозвалась она. — Нужно выехать из страны засветло.

Локридж с трудом отвел глаза от ее лица.

— Я... Я готов ко всему, что бы вы ни задумали.

— Да, — кивнула она. — Я в вас не ошиблась.

— Но если вы расскажете мне...

— Подождите немного. Как я понимаю, вас оправдали.

— Полностью. Не знаю, как я смогу вас когда-нибудь отблагодарить.

— Помогая мне, разумеется, — сказала она с ноткой раздражения в голосе. — Но давайте сперва обсудим ваше положение. Я хочу знать, какие у вас планы на будущее?

— Да как сказать... В сущности, никаких. Я ведь не знал, сколько времени займет эта работа, и не искал нового места. Пока не найду, могу пожить с матерью.

— Она ожидает, что вы скоро вернетесь?

— Нет. Я съездил в Кентукки повидать своих. В вашем письме было сказано не болтать, так что я только сказал им, что мою защиту обеспечил один богач, которому казалось, что со мной обошлись несправедливо, а теперь, мол, ему нужен консультант в Европе для исследовательской программы, а занять она может неизвестно сколько времени. Годится?

— Отлично. — Она одарила его ослепительным взглядом. — В вашей изобретательности я тоже не ошиблась.

— Но все же куда мы едем? Зачем?

— Много рассказать вам я не могу, но... Короче, мы должны вернуть и переправить по назначению — законному владельцу — украденное сокровище.

— Ничего себе. — Локридж полез за сигаретой.

— По-вашему, это что-то невероятное? Мелодрама? Сцена из плохого романа? — Сторм Дарроуэй усмехнулась. — Почему люди в этом веке считают, что их жалкое существование — норма для всей вселенной? Сами подумайте. Составляющие вас атомы — это просто сгустки энергии. Солнце, которое светит над вами, может поглотить эту планету, и есть другие солнца, которые могут поглотить ваше солнце. Ваши предки охотились на мамонтов, бороздили океан веслами, гибли на бесчисленных полях сражений. Ваша цивилиза-

ция подходит к грани угасания. В вашем собственном теле в настоящий момент идет беспощадная война с захватчиками, которые стремятся вас поглотить, борьба против энтропии и даже самого времени. И это вы считаете нормой!

Она махнула рукой в сторону улицы: множество людей, каждый занят своим собственным, привычным делом.

— Тысячу лет назад они были мудрее, — продолжала она, — знали, что и мир, и боги исчезнут, и ничего тут нельзя сделать, кроме как мужественно встретить этот день.

— Что ж, — Локридж помедлил. — Ладно. Может, я просто человек иного типа.

Сторм Дарроуэй рассмеялась.

Гудел мотор, машина мчалась вперед. Позади остался старый город, вокруг высились многоквартирные дома.

— Я буду краткой, — прервала она наконец молчание. — Помните, как несколько лет назад на Украине вспыхнуло восстание против Советского правительства? Мятеж был жестоко подавлен, но подпольная борьба велась еще долго. А штаб освободительного движения был здесь, в Копенгагене.

— Да, — Локридж нахмурился. — Я изучал зарубежную политику.

— Так вот, — продолжала она. — Был там у них так называемый военный фонд, который спрятали, когда стало ясно, что игра проиграна. А сейчас, не так давно, мы нашли человека, который знает, где этот тайник.

— Мы? — Он весь напрягся.

— Движение освобождения. Но уже не только Украины, а всех порабощенных народов. Нам нужны эти средства.

— Постойте! На кой черт?

— О, мы не рассчитываем освободить треть планеты за одну ночь. Но пропаганда, подрывная деятельность, налаживание путей переброски людей на Запад — все это требует денег. А от правительств, только болтающих о «разрядке», ждать нечего.

Локриджу понадобилось время, чтобы собраться с мыслями.

— Верно, — сказал он после паузы. — Я всегда утверждал — в разговорах с коллегами, да и не только с ними, — что сегодняшняя Америка страдает какой-то суицидоманией. То, как мы сидим и ждем любого доброго слова — неважно, от кого, пусть даже от тех, кто клялся нас уничтожить. То, как мы отдаем целые континенты идиотам, демагогам, каннибалам. То, как даже у себя мы извращаем совершенно недвусмысленные слова Конституции, чтобы только откупиться от шайки каких-нибудь... ну да неважно. Во всяком случае, мои аргументы не способствовали хорошему ко мне отношению.

Странное выражение торжества промелькнуло на ее лице, но голос был деловит и решителен:

— Золото находится в конце туннеля в Западной Ютландии. Его прорыли немцы во время оккупации Дании для нужд сверхсекретного исследовательского проекта. Антифашистское подполье совершило налет на эту базу незадолго до конца войны. Очевидно, все, кто знал о туннеле, были убиты, поскольку широкой публике о его существовании так и не стало известно. Украинцы узнали о нем от человека, находившегося при смерти, и использовали туннель в качестве тайника. После того как их мятеж был подавлен и они рассеялись, сокровище осталось там. Те же немногие, кто знал о нем, были людьми бескорыстными, и никто не старался присвоить золото в личных целях, а каких-то других целей у них уже не было. Большинство посвященных в тайну умерло — кто от старости, кто от несчастного случая, кто от руки советского агента. Последние из оставшихся в живых решили в конце концов передать золото нашей организации, и мне было поручено забрать его. А вы теперь — мой помощник.

— Но... но почему я? Неужели у вас нет своих людей?

— А вы когда-нибудь слышали об использовании агента со стороны? За восточноевропейцем наверняка будут следить, могут произвести обыск. А американские туристы свободно ездят повсюду. Их багаж на границе редко открывают, особенно если они путешествуют де-

шево... В листовой форме золото можно вшить в одежду, подкладку спальных мешков и так далее. Мы поедем на мотоцикле в Женеву и там передадим его кому надо. — Она взглянула на него с вызовом. — Вы готовы?

Локридж закусил губу. Все это было слишком неожиданно, чтобы переварить сразу.

— А вы не думаете, что нас накроют с тем арсеналом, который я закупил?

— Оружие — просто предосторожность на то время, пока мы будем готовить золото к перевозке. Мы его оставим там. — Сторм Дарроуэй помолчала, потом продолжала мягко: — Думаю, что вы неглупый человек и понимаете, что выполнение нашей задачи чревато определенными нарушениями закона, которые могут оказаться — в случае столкновения — весьма серьезными. Мне нужен человек, готовый пойти на риск и встретиться с опасностью, умеющий переносить трудности, но в то же время не какой-нибудь уголовник, соблазнившийся только возможностью хорошо заработать. Вы мне показались подходящими. Если я ошиблась, лучше, прошу вас, скажите сразу.

— Ну что ж... — Локридж более или менее пришел в себя. — Если вы искали Джеймса Бонда, то безусловно ошиблись.

— Кого? — Она бросила на него непонимающий взгляд.

— Это не имеет значения, — произнес он, стараясь скрыть удивление. — Хорошо. Буду откровенен. Почем я знаю, что вы та, за кого себя выдаете? Может быть, тут замешан синдикат контрабандистов, или это какой-то обман, или... да что угодно — даже происки русских. Откуда я знаю?

Город кончался; движения на дороге почти не было.

— Больше я рассказать не могу. — Она внимательно посмотрела на него. — Доверие ко мне входит в ваше задание.

Он взглянул в ее глаза и с радостью согласился:

— О'кей! Контрабандист к вашим услугам.

Она сжала его руку.

— Спасибо. — Этого было вполне достаточно.

В молчании они ехали через зеленеющий пригород, мимо маленьких деревушек с красными крышами домов. Ему ужасно хотелось заговорить с нею, но, как известно, королева сама начинает разговор.

— Вы бы рассказали мне хоть какие-то детали, — наконец собрался он с духом, когда они уже въезжали в Роскилле. — План действий и так далее.

— Потом, — ответила она. — День слишком хорош.

Он не мог прочитать выражения ее лица, но какая-то мягкость была в очертаниях ее губ. «Да, — подумал он, — при такой жизни, как у тебя, нужно не упускать все хорошее, пока есть возможность».

Они проехали мимо огромного собора с тремя шпилями.

— Ничего себе церковь, — сказал Локридж, жалея, что не может найти лучших слов.

— Здесь похоронена сотня королей, — ответила она. — Но под базарной площадью — еще более древние развалины собора Святого Лаврентия; а до того, как его построили, там был языческий храм с вырезанными на фронтонах драконами. Это ведь была королевская резиденция Викинга Денемарка.

От этих слов его почему-то бросило в дрожь. Однако ее мрачное настроение тут же прошло — словно ветер прогнал тучу. Она улыбнулась:

— Вы знаете, что современные датчане называют Персеиды слезами Святого Лаврентия? У этого народа очаровательные фантазии.

— Вы как будто сильно интересуетесь ими? — заметил Локридж. — Поэтому вы хотели, чтобы я изучал их прошлое?

Тон ее голоса стал жестким.

— Нам необходимо прикрытие — легенда — на случай, если за нами станут следить. Любознательность археолога — отличное объяснение того, почему мы там роемся, в этой древней земле. Но я уже сказала, что не хочу думать сейчас об этих проблемах.

— Прошу прощения.

И снова Сторм Дарроуэй поразила его внезапной переменой.

— Бедный Малькольм, — сказала она, поддразнивая. — Неужто тебе так трудно сидеть без дела? Слушай, мы же будем парой туристов; нам придется ночевать в палатках, есть и пить в гостиницах для бедных, пробираться по всяким закоулкам, через тихие деревушки — отсюда и до Швейцарии. Давай начнем играть нашу роль.

— Ну, — сказал он, желая доставить ей удовольствие, — бродяга из меня отличный.

— Ты много путешествовал — кроме полевых работ?

— Вроде того. «Голосовал» на дорогах, ездил на Окинаве во всякие глухие местечки, когда отпускали на побывку, провел отпуск в Японии...

У него хватало ума оценить ту ловкость, с которой она переводила разговор на его прошлое. Но рассказывать о себе было от этого не менее приятно. Не то чтобы он был склонен к хвастовству, но если прекрасная женщина проявляет такой интерес, почему же не доставить ей удовольствие?

«Дофин» мягко прокатился через остров, Ринстед, Соре Слагельсе и въехал в Корсер на Бельте. Здесь надо было садиться на паром. На нем Сторм — она пожаловала ему разрешение называть ее по имени; это было словно посвящение в рыцари — повела его в ресторан.

— Самое время позавтракать, — сказала она, — тем более что напитки в интернациональных водах не облагаются налогом.

— Ты хочешь сказать, что этот пролив — интернациональный?

— Да, где-то около девятисотого года Британия, Франция и Германия созвали конференцию и с трогательным единодушием решили, что проливы, пролегающие через середину Дании, являются частью открытого моря.

Они заказали алкоголь и пиво.

— Ты до черта знаешь об этой стране, — сказал Локридж. — Ты что, датчанка?

— Нет. У меня американский паспорт.

— Может, по происхождению? Ты на американку не похожа.

— А на кого же я похожа?

— Бог его знает. Вроде всего понемногу, а вышло лучше, чем любая из составляющих.

— Что? Южанин одобряет расовое смешение?

— Брось, Сторм! Я не верю в эту чушь насчет того, хочешь ли ты, чтобы твоя сестра вышла замуж за черного или желтого. У моей сестры достаточно мозгов, чтоб самой выбрать подходящего парня, — неважно, какой он расы.

— Однако раса существует. — Она подняла голову. — Нет, не в извращенном понимании двадцатого века. Нет. Но в генетических линиях. Есть хороший материал, есть и дрянь.

— Ммм... Теоретически. Только как их разделить, покуда они не проявят себя?

— Это возможно. Начало уже положено исследованиями в области генетического кода. Когда-нибудь смогут определять, на что человек годится, еще до его рождения.

— Мне это не нравится, — покачал головой Локридж. — Я за то, чтобы все рождались свободными.

— А что это значит? — Она рассмеялась. — Свободными делать что? Девяносто процентов этого биологического вида по природе своей — домашние животные. Свобода может иметь значение только для остальных десяти из ста. Но сегодня вы и их хотите превратить в домашних животных. — Она поглядела в окно, за которым на воде играли солнечные блики и кружились чайки. — Ты говорил о стремлении цивилизации к самоубийству. Только жеребец может вести за собой стадо кобылиц, но никак не мерин.

— Возможно. Но уже был эксперимент с наследственной аристократией, и посмотри, что получилось.

— Ты полагаешь, ваша soi-disant[1] демократия может дать что-то лучше?

---

[1] Так сказать (*фр.*).

— Не толкуй меня превратно, — ответил Локридж. — Я бы не отказался быть выродившимся аристократом. Просто нет такой возможности.

Сторм сбросила маску надменности и рассмеялась.

— Спасибо. Мы ведь чуть не начали говорить серьезно, а? А вот и устрицы.

Она так умно направляла разговор, непринужденно болтая за столом, а потом и на покачивающейся палубе, что он едва заметил, с какой ловкостью она увела разговор от себя.

Они снова сели в машину в Нюборге, проехали по Фюну через Оденсе — родной город Ганса Христиана Андерсена.

— Это название означает «Озеро Одина», — сообщила Сторм, — и когда-то здесь приносили людей ему в жертву.

Наконец, переехав по мосту, они оказались в Ютландии. Локридж предложил сменить ее за рулем, но Сторм отказалась.

По мере того как они продвигались на север, рельеф местности менялся, она становилась менее населенной; под ослепительно высоким куполом неба виднелись гряды холмов, заросших лесом или цветущим вереском. Время от времени Локридж замечал Kaempehoje, дольмены, покрытые грубо вытесанными каменными плитами, контрастно подсвеченные заходящим солнцем. Он что-то сказал по их поводу.

— Они стоят с каменного века, — отозвалась Сторм. — Им четыре тысячи лет, а то и больше. Примерно такие же дольмены встречаются на Атлантическом побережье и по всему Средиземноморью. То была крепкая вера. — Ее руки вцепились в руль, она смотрела прямо перед собой, на тянущуюся ленту дороги. — Те, кто принес с собой эти погребальные обряды, поклонялись Триединой Богине — Той, Которой Норны — богини судьбы — были лишь бледным подобием, — Деве, Матери и Царице Ада. Очень жаль, что ее променяли на Громовержца.

Шины шуршали по бетонному покрытию, в открытых окнах свистел ветер. Длинные тени легли в складках предгорий. Из соснового леса выпорхнула стая ворон.

— Но она вернется, — сказала Сторм.

Локридж уже начал привыкать к минутам мрачного настроения у нее и промолчал. Когда они свернули на Хольстебро, он сверился с картой и у него перехватило дыхание: ехать осталось совсем немного, — разве что она решит прокатиться на коньках по льду Северного моря.

— Ты не думаешь, что пора ввести меня в курс дела? — спросил Локридж.

— Я мало что могу добавить. — Непроницаемое выражение лица, невозмутимый голос. — Я уже провела разведку. У входа в туннель проблемы вряд ли возникнут. Дальше, может быть... — Ее внутреннее напряжение вырвалось наружу, она с такой силой сжала его руку, что он почувствовал боль от впившихся в нее ногтей. — Будь готов к неожиданностям. Я не вдаюсь в подробности, потому что ты стал бы только ломать голову, пытаясь во всем разобраться. В чрезвычайной ситуации — если она возникнет — ты должен не тратить время на размышления, а просто действовать. Ты понимаешь меня?

— Я... Думаю, что да. — Такая психология годилась для каратэ. Но тут... «Нет, черт возьми! Я обещал, — решил он. — Сумасшедший, дурак, донкихот — как меня ни назови, — я буду с нею, что бы ни случилось, безо всяких дополнительных объяснений!»

Его сердце громко стучало, руки похолодели.

Вскоре после Хольстебро Сторм свернула с шоссе. Грунтовая дорога змеей вилась среди полей; справа показалась плантация строевого леса. Сторм съехала на обочину и заглушила мотор. Тишина заполнила мир.

ГЛАВА III

Локридж пошевелился.

— Что мы...

— Тихо! — Резким взмахом руки Сторм заставила его замолчать. Из отделения для перчаток она достала маленький толстый диск. Одна из его плоскостей переливалась необычными цветами. Сторм наклонила

диск в одну сторону, в другую. Приблизив к нему лицо, обрамленное соболиными локонами, она вглядывалась в мелькавшие на диске оттенки. Понемногу ее напряженные мышцы расслабились.

— Все в порядке, — прошептала она. — Можно идти.

— Что это за штука? — Локридж потянулся к диску, но Сторм отвела его руку.

— Это индикатор, — коротко пояснила она. — Вперед! Сейчас местность свободна.

Он напомнил о своем решении делать все, что она скажет. Сюда вроде бы входило и не задавать ненужных вопросов. Локридж вылез из машины и открыл багажник. Сторм открыла бывший при ней чемодан.

— Надеюсь, в рюкзаках у тебя полное лагерное снаряжение, — сказала она; он кивнул. — Тогда бери свой, — добавила Сторм, — я потащу мой. И заряди ружье и пистолет.

Локридж сделал, как было велено. Мурашки бегали у него по спине, но на этот раз ощущение не было неприятным. Приготовившись — сбоку «уэбли», в руке маузер, — он обернулся и увидел, как Сторм закрывает свой чемодан.

Она нацепила что-то вроде патронташа — он такого никогда не видел, — сделанного из тускло светящегося металла; патронные сумки казались наглухо запаянными. На правом боку, как будто притянутая магнитом, висела какая-то странная штуковина. Локридж смотрел на нее в недоумении.

— Слушай, что это за пистолет?

— Неважно. — Она подняла свой разноцветный диск. — Будь готов увидеть более удивительные вещи. Запри машину и пойдем.

По лесной плантации они пошли назад, параллельно дороге, но скрытые от нее ровными рядами сосен. Косые лучи вечернего солнца пробивались сквозь колючие ветки, оставляя на земле, покрытой мягким ковром из сосновой хвои, пятнышки света.

— Я понял, — сказал Локридж. — Нужно, чтобы, если кто появится, по машине не было видно, куда мы пошли.

— Молчи, — приказала Сторм.

Примерно через милю они вернулись к дороге и перешли ее. С этой стороны раскинулось поле золотистого жнивья; за ним поднималась гряда холмов, так что, если поблизости и была ферма, то ее не было видно. Посередине поля высился небольшой холм, увенчанный дольменом. Прежде чем Локридж успел ей помочь, Сторм ловко пробралась через проволочное заграждение и рысью припустила к нему. Ее рюкзак был ненамного легче, чем у Локриджа, но когда они добежали до холма, он все же запыхался, а она хоть бы что.

Она остановилась, открыла свой «патронташ» и достала какую-то трубку, что-то вроде карманного фонарика с граненым стеклом. Сориентировавшись по солнцу, Сторм пошла вокруг поросшего травой и куманикой холма. Специальный знак указывал, что этот реликт охраняется государством. Чувствуя себя беззащитным под огромным куполом неба, с бьющимся сердцем Локридж посмотрел на дольмен, словно ища поддержки у вечности. Вертикально стоящие камни, серые и замшелые, хранили величавое спокойствие, держа на себе тяжелую плиту с тех самых пор, как были воздвигнуты исчезнувшим ныне народом, чтобы служить усыпальницей для их мертвых. Но сама постройка, припомнил он, была когда-то погребена под грудами земли, от которых остался лишь этот курган...

Сторм внезапно застыла.

— Здесь. — Она полезла вверх по склону.

— Что? Но послушай, — отозвался Локридж, — мы же почти обошли его кругом. Почему было не пойти в противоположную сторону?

Впервые он заметил смущение на ее лице.

— Я всегда иду против движения солнца. — Сторм натянуто усмехнулась. — Привычка. А теперь отойди.

Они были на середине склона.

— В 1927 году здесь были произведены раскопки, — сказала она. — Дольмен откопали, все осмотрели, теперь ученым здесь больше нечего делать. Так что мы спокойно можем использовать его в качестве входа. — Она стала возиться с пультом управления на своей трубке. — У нас несколько непривычные для тебя ме-

тоды создания потайных входов, — предупредила Сторм. — Не удивляйся особенно.

Стекло тускло засветилось, трубка начала жужжать и вибрировать в ее руке. Дрожь пробежала по кустам куманики, хотя не было ни ветерка. Неожиданно круглый пласт земли поднялся в воздух.

Десять футов в диаметре, двадцать футов толщиной — этакая затычка из дерна и земли, ничем не поддерживаемая, висела перед глазами Локриджа. Вскрикнув, он отскочил в сторону.

— Спокойно! — приказала Сторм. — Полезай внутрь. Живее!

В оцепенении он приблизился к отверстию. Пологий спуск вел вглубь и терялся вдали. Локридж нервно сглотнул. Только сознание того, что она на него смотрит, заставило его двинуться с места. Он вошел внутрь холма, она за ним. Обернувшись, Сторм нажала на что-то на своей трубке. Локридж услышал легкий чмокающий звук — земляной цилиндр с механической точностью вернулся на место. В тот же миг стало светло — хотя Локридж, совершенно ошеломленный, никакого источника света не видел.

Спуск оказался полом сводчатого туннеля, чуть шире входа. Туннель заворачивал, полого опускаясь. Стены его были по всей длине покрыты твердым гладким материалом, который и испускал свет — холодное белое излучение; из-за того, что при таком освещении не было теней, трудно было судить о расстояниях. Локридж ощущал движение свежего воздуха, хотя вентиляторов нигде не было.

Он взглянул на Сторм, но не мог произнести ни слова. Она спрятала трубку. Плавной походкой — резкости в ней как не бывало — она подошла к нему и положила ладонь на его руку.

— Бедняга Малькольм, — прошептала она. — Тебя ждут еще большие неожиданности.

— О, Господи, — отозвался он слабым голосом. — Надеюсь, что нет. — Однако ее близость, ее прикосновение даже в такую минуту поднимали настроение. Понемногу Локридж начал приходить в себя.

— Как, черт побери, это делается? — спросил он, и голос его гулким эхом отозвался в сводах туннеля.

— Ш-ш... Не так громко. — Сторм взглянула на свой играющий красками диск. — Сейчас здесь никого нет, но они могут появиться снизу, а звук здорово разносится в этих туннелях.

Она помолчала. Потом добавила:

— Если тебе станет от этого легче, я объясню принцип. Земляная пробка связана вместе энергетическим переплетением, исходящим из сети, встроенной в стены. Та же сеть блокирует любые эффекты, которые может уловить металлоискатель, или акустический прибор, или другие инструменты, при помощи которых можно было бы обнаружить этот вход. Она же обеспечивает освежение и циркуляцию воздуха, воздействуя на молекулярную структуру. Трубка, которой я пользовалась, чтобы открыть вход, — просто контрольное устройство, а сама энергия поступает опять-таки из сети.

— Но... — Локридж покачал головой, — это невозможно. Я немного разбираюсь в физике. То есть... я имею в виду, может быть, теоретически... Но на практике такой штуки не существует.

— Я же говорила тебе: это был секретный исследовательский проект. Они многого добились. — Сторм подняла голову — ее губы были так близко от его губ! — Ты не боишься, а, Малькольм?

— Нет. — Локридж расправил плечи. — Иди.

— Настоящий мужчина, — произнесла она одобрительно, едва заметно сделав акцент на втором слове, отчего кровь побежала быстрее в его жилах. Отпустив его руку, она пошла вперед по ведущему вниз туннелю.

— Это только вход, — сказала она. — Сам коридор на сотню с лишним футов ниже.

По вьющемуся спиралью туннелю они спускались все глубже. Локридж отметил, что уже не испытывает первоначальной растерянности. «Это все Сторм! — подумал он. — О Боже, ну и приключение!» Он чувствовал себя в полной боевой готовности.

Туннель закончился длинной комнатой, ничем не примечательной, кроме того, что у противоположной стены стоял не то большой шкаф, не то комод, сделан-

ный из того же блестящего металла, что и пояс Сторм. Кроме того, в этой стене виднелся дверной проем примерно десять на двадцать футов. Чем он закрыт? Занавесом? Нет, подойдя ближе, Локридж убедился, что завеса, заполнившая вход мягким светом, переливающимся всеми цветовыми оттенками, которые он мог различить, и многими (так он думал), не воспринимаемыми человеческим глазом, — нематериальна; она — просто мерцание в пустоте, мираж, пелена живого света. От нее исходило еле слышное жужжание, воздух вблизи был насыщен электричеством.

Здесь Сторм остановилась. Он почувствовал, как под одеждой напряглось ее тело. Одновременно с нею он выхватил свой пистолет. Сторм посмотрела на него.

— Дальше коридор. — Голос ее звучал возбужденно. — Теперь слушай внимательно. Я лишь дала тебе понять, что нам, возможно, предстоит драться. Но враги повсюду. Не исключено, что им известно, где мы. Вражеские агенты могут оказаться даже по ту сторону ворот. Ты готов стрелять по моей команде?

Локридж смог только кивнуть в знак согласия.

— Отлично. Следуй за мной.

— Но послушай, я пойду, но...

— Говорю тебе: за мной! — Она шагнула сквозь мерцающий занавес.

Он последовал за ней, почувствовал мгновенный электрический удар, пошатнулся, но тут же взял себя в руки. По ту сторону занавеса он с интересом огляделся.

Сторм наклонилась, бросая по сторонам тревожные взгляды. Через какое-то время она посмотрела на свой прибор и опустила руку, державшую пистолет.

— Никого, — выдохнула она. — В данный момент мы в безопасности.

Локридж с облегчением глубоко вздохнул и попытался разобраться, куда они попали.

Коридор был огромный, футов, должно быть, сто диаметром, той же полуцилиндрической формы, что и туннель, по которому они спускались; стены его были покрыты тем же светящимся металлом. Прямой, как стрела, он тянулся вправо и влево, концы его терялись

вдали. «Несколько миль, не меньше», — прикинул Локридж. Жужжание и характерный запах электричества были здесь сильнее; они наполняли все его существо — было такое ощущение, как будто он очутился внутри какой-то огромной машины.

Он взглянул назад, на дверной проем, через который они вошли, и замер в изумлении.

— Что за чертовщина!

Портал с этой стороны был той же высоты, но шириной никак не меньше двухсот футов. Покрывая часть пола коридора, от него шли параллельные — на расстоянии нескольких дюймов одна от другой — черные линии. У их концов были краткие надписи незнакомыми ему буквами. Но примерно через каждые десять футов появлялись номера: 4950, 4951, 4952... Прежним остался только мерцающий занавес.

— Нельзя терять времени, — потянула его за рукав Сторм. — Потом объясню. Давай садись. — Она показала на парящую в двух футах над полом платформу с изогнутым передом, напоминавшую большие металлические санки с низкими боковыми стенками и несколькими лавками без спинок. Расположенная спереди панель переливалась разноцветными огнями: красными, зелеными, желтыми, голубыми...

— Ну давай же!

Вслед за ней он забрался на платформу. Сторм села на переднее место, положила свой пистолет на колени и пробежалась рукой по сверкающему перед ней пульту. Сани развернулись и поплыли налево по коридору. Они двигались абсолютно бесшумно, со скоростью, как ему казалось, миль тридцать в час; никакого ветра почему-то не чувствовалось.

— Ну, а это еще что за хреновина? — выдавил из себя Локридж.

— Ты когда-нибудь слыхал о судах на воздушной подушке? — рассеянно отозвалась Сторм. Она всматривалась в зиявшую впереди пустоту, то и дело бросая взгляд на разноцветный диск, который она сжимала в ладони.

— Да, слышал, — мрачно ответил он. — И я прекрасно знаю, что это совсем не то. — Он показал на устройство в ее руке. — А это что?

Сторм вздохнула.

— Это индикатор жизнедеятельности. А едем мы на гравитационных санях. Теперь помолчи и следи лучше, что там сзади, за нами.

От напряжения Локридж еле сидел, но кое-как повернулся. Винтовку он положил на лавку рядом с собой. Липкий холодный пот струился у него по спине, зрение и слух были обострены до предела.

Они проплыли мимо еще одного входа, и второго, и третьего... Ворота попадались на разном расстоянии друг от друга, в среднем — насколько можно было судить в этом холодном, пронизывающем все освещении — примерно через каждые полмили. В голове Локриджа роились беспорядочные, дикие мысли. Никакие немцы не могли это построить, никакое антикоммунистическое подполье не могло этим пользоваться! Существа с другой планеты, другой звезды, затерянной где-то во мраке неизмеримых космических пространств...

Из ворот, которые они только что проехали, вышли трое.

Одновременно с возгласом Локриджа индикатор Сторм окрасился в кроваво-красный цвет. Она резко обернулась и взглянула назад. Губы ее раздвинулись, обнажив зубы.

— Что ж, будем драться, — громко, с каким-то торжеством, сказала она и выстрелила в ту сторону.

Ослепительный луч вырвался из дула ее пистолета. Один из людей покачнулся и упал. Струйка густого дыма поднималась из дырки в его груди. Он еще не успел упасть, а двое других уже держали в руках оружие. Луч из пистолета Сторм пробежал мимо них и рассыпался сверкающим радужным фонтаном, оживив стены коридора переливающимся многоцветьем. В воздухе слышался треск разрядов, запахло озоном.

Сторм надавила на кнопку переключателя на своем пистолете. Луч погас. Раздался тихий шипящий звук, и они с Локриджем оказались окруженными мерцающей завесой.

— Энергетическая защита, — пояснила она. — Она забирает всю энергию моего оружия, но если два луча

ударят в одну точку, она может не выдержать. Стреляй!

Локридж был потрясен, но для чувств не было времени. Он прижался щекой к прикладу винтовки и прицелился. Человек, на которого он навел оружие, был высокого роста, но на расстоянии казался маленьким; можно было разобрать только его обтягивающую черную одежду и золотисто-бронзовый шлем, напоминавший древнеримский; лица не было видно. В какую-то долю секунды в памяти Локриджа промелькнули родные леса, зеленые и тихие, белка высоко в ветвях... Он спустил курок. Пуля попала в цель, человек упал, но тут же поднялся. Вместе со своим товарищем он вскочил в гравитационные сани: они стояли у каждых ворот.

— Энергетическое поле замедляет и материальные объекты, — мрачно сказала Сторм. — На таком расстоянии у твоей пули была слишком низкая остаточная скорость.

Сани пустились за ними в погоню. Двое в черном низко пригнулись, прячась за передним щитом; виднелись лишь верхушки их шлемов.

— Мы намного впереди, — сказал Локридж. — Двигаться быстрее они не могут, так?

— Так, но они заметят, где мы выйдем, вернутся и сообщат Брэнну, — ответила Сторм. — Если меня узнают, уже это будет достаточно скверно. — Ее глаза сверкали, вздымалась и опускалась грудь, но Локриджу редко приходилось видеть даже мужчин, которые могли бы сохранять такой спокойный голос в пылу сражения.

— Нам придется контратаковать. Дай мне свой пистолет. Когда я встану, чтобы привлечь на себя огонь, — успокойся, я буду защищена! — стреляй.

Она развернула сани, и они помчались навстречу противнику. Локриджу, однако, казалось, что приближаются они медленно, словно в ночном кошмаре. Надо убивать — убивать живых людей. Он с трудом справился с подкатившей тошнотой. Что ж, они ведь хотят убить его и Сторм, разве нет? Стоя на коленях, пригнувшись за боковой стенкой, он приготовился стрелять.

Они съехались. Сторм выпрямилась — в одной руке энергопистолет, в другой «уэбли». За несколько ярдов другие сани затормозили. В Сторм ударили два световых луча; отбрасывая искры и потоки света, они понемногу сближались. Просвистела пуля, выпущенная из какого-то бесшумного толстоствольного оружия, которое держал один из людей в черной униформе.

Локридж вскочил на ноги. Краем глаза он видел Сторм — она стояла, выпрямившись, в фонтане красных, желтых, голубых языков пламени; бушующие потоки энергии разметали по плечам ее волосы. Она стреляла и смеялась. Локридж взглянул на врага, прямо в его вытянутое бледное лицо. Мимо него прожужжала пуля. Он выстрелил дважды.

Сани противника промчались мимо и понеслись дальше по коридору.

Смолкло эхо. Исчезла колкость наэлектризованного воздуха. Остались только идущие из глубин мелодии неизвестных энергий, их запах да мерцание в выходящих в коридор воротах.

Сторм оглянулась на распростертые на полу тела, взяла со скамейки свой индикатор жизнедеятельности и удовлетворенно кивнула.

— Ты прикончил их, — прошептала она. — О, мой верный стрелок! — Она отбросила индикатор, обняла Локриджа и до боли крепко поцеловала его.

Прежде чем он успел ответить на ее поцелуй, она разжала руки, повернулась и развернула сани. Ее возбуждение еще не прошло, но голос по-прежнему был совершенно спокоен.

— Не стоит терять время и тратить энергию на их дезинтеграцию. Патруль все равно поймет, что они погибли от руки Хранителей. Но больше он ничего не узнает — если, конечно, мы не повстречаем в коридоре еще кого-нибудь.

Локридж плюхнулся на скамью и попытался осмыслить происшедшее.

Он вышел из задумчивости только тогда, когда Сторм остановила сани. Он вылез вслед за ней. Она наклонилась над приборным щитом и провела по нему рукой. Сани уехали.

— Отправились на свою стоянку, — пояснила она. — Если Брэнн узнает, что убийцы его людей вошли через 1964-й, и найдет транспорт здесь, он будет знать все... Теперь сюда.

Они подошли к воротам. Сторм выбрала одну из линий группы, обозначенной номером 1175.

— Здесь нужно быть очень осторожным, — предупредила она. — Мы легко можем потерять друг друга. Иди прямо по этой отметке. — Она протянула назад руку и взяла его ладонь в свою. Локридж все еще не до конца пришел в себя и не испытал от этого прикосновения того удовольствия, которое, как он смутно сознавал, он получил бы при иных обстоятельствах.

Следуя за Сторм, он прошел сквозь светящийся занавес. Она отпустила его руку, и он увидел, что они оказались в точно такой же комнате, как та, из которой они вошли в коридор. Сторм открыла шкаф, взглянула на похожее на хронометр устройство и удовлетворенно кивнула. Она достала два свертка, упакованные в грубую ворсистую ткань синего цвета, передала их Локриджу и закрыла шкаф. Они пошли вверх по вьющемуся спиралью туннелю. В конце его она открыла, при помощи своей трубки, земляной люк, такой же, как первый, и, когда они выбрались наружу, закрыла его. «Крышка» опустилась на место с безупречной точностью, не оставив ни малейшего следа подъема. Локридж на это не обратил внимания, его мысли были заняты другим.

Когда они вошли в туннель, солнце стояло еще достаточно высоко; были они внутри от силы полчаса. Теперь же вокруг была ночь, почти полная луна сияла в небе. В ее призрачном свете перед ним предстал дольмен, но теперь холм закрывал его до самой верхней плиты, оставляя свободной лишь грубо сделанную деревянную дверь. Прохладный влажный ветерок колыхал траву. На пахотную землю внизу не было и намека — вокруг холма росли кусты и молодые деревца. К югу поднималась гряда холмов, до жути знакомая, но поросшая лесом, старыми, невероятно, до невозможности старыми деревьями, — такие громадные дубы он видел лишь в последних нетронутых уголках Америки.

Их верхушки казались седыми в лунном свете; внизу лежали густые тени.

Заухала сова. Послышался волчий вой.

Локридж снова поднял глаза и увидел, что они не в сентябре. Над ними было небо конца мая.

ГЛАВА IV

— Разумеется, я соврала тебе, — сказала Сторм.

Высоко вздымалось пламя костра, отбрасывая искры, тускло освещая клубы дыма и в рембрандтовской манере высвечивая выразительные черты ее лица. Вокруг сомкнулась ночь. Локридж поежился и протянул руки к огню.

— Ты бы все равно не поверил, пока не увидел своими глазами, — продолжала Сторм. — Разве не так? В лучшем случае мы потеряли бы время на объяснения, а я и так уже слишком долго пробыла в двадцатом веке. Каждый лишний час увеличивал опасность. Если бы Брэнн догадался выставить охрану у датских ворот... Он должен думать, что я убита. В моей группе были и другие женщины, которые в схватке с ним были изуродованы до неузнаваемости. Но все же он мог почувствовать...

— Значит, ты из будущего? — только и смог сказать Локридж: давала себя знать реакция на все происшедшее.

— Равно как и ты теперь. — Она улыбнулась.

— Я имею в виду — из моего будущего. Откуда?

— Около двух тысяч лет после твоей эпохи. — Помрачнев, она задумчиво вглядывалась в окружавшую их темноту. — Я бывала во многих веках, столько раз принимала участие в исторических событиях, но, ты знаешь, иногда мне кажется, что частичка моей души по-прежнему в том времени, когда я родилась.

— Но... Мы ведь сейчас на том же самом месте, где вошли в коридор, да? Только в прошлом. И как далеко?

— По вашему летосчислению — в конце весны 1827 года до Рождества Христова. Я посмотрела точное число на часах-календаре в аванзале. Нельзя точно

рассчитать появление, поскольку человеческое тело имеет конечную ширину, эквивалентную приблизительно двум месяцам. Именно поэтому нам пришлось при проходе держаться за руки — чтобы не оказаться разделенными несколькими неделями. Если когда-нибудь такое случится, — добавила она поспешно, — возвращайся в коридор и жди. Время течет и там, но иначе, так что мы сможем встретиться.

«Почти четыре тысячи лет», — думал Локридж. В это самое время в Египте восседал на троне фараон; морской владыка Крита строил планы насчет торговли с Вавилоном; Мохенджо-Даро гордо возвышался в долине Инда; дерево генерала Гранта было еще не проросшим семенем. Средиземноморье уже знало бронзу, но Северная Европа еще не вышла из неолита, а дольмен в этом холме был воздвигнут всего несколько поколений тому назад людьми, чье сельское хозяйство, основанное на принципе «режь и жги», заставляло их перебиратья на все новые места. Восемнадцать веков до рождения Христа, столетия даже до Авраама, — а он разбил лагерь в Дании, где те, кто называют себя датчанами, еще и не появились. От совершенной невероятности всего этого Локриджа — в буквальном смысле — бил озноб. Стараясь прогнать неприятное ощущение, он спросил:

— Ну, а все-таки, что это за коридор? Как он действует?

— Научно-физическое объяснение тебе ничего не даст, — отозвалась Сторм. — Просто представь себе энергетическую трубу, намотанную своей протяженностью на временную ось. Внутри по-прежнему возрастает энтропия, сохраняетя течение времени. Но с точки зрения человека, находящегося внутри, космическое — внешнее — время застывает. Выбрав нужные ворота, можно оказаться в любой соответствующей эпохе. Фактор конверсии, — она сосредоточенно нахмурилась, — равен, в вашей системе мер, приблизительно тридцати пяти дням на фут. Через каждые несколько веков расположен вход шириной в двадцать пять лет. Промежутки не могут быть меньше примерно двухсот лет, иначе разрушится ослабленное силовое поле.

— И коридор идет прямо до твоего времени?

— Нет. Этот коридор тянется до 4000 года до Р. Х. и до 2000 года н. э. Делать их намного длинней практически невозможно. По всему пространству — времени планеты разбросано много коридоров разной протяженности. Ворота синхронизированы, так что, переходя с одного канала на другой, можно попасть в любой нужный год. Скажем, если бы мы хотели попасть в прошлое дальше 4000 года до Р. Х., нужно было бы воспользоваться коридорами, которые я знаю в Англии или в Китае; их ворота охватывают год, в котором мы сейчас находимся. Чтобы отправиться еще дальше, пришлось бы искать другие ворота, в других местах.

— А когда они... Когда их изобрели?

— За пару веков до моего рождения. Уже вовсю шла война между Хранителями и Патрулем, так что изначальные цели — научные изыскания — отошли на задний план.

В ночной темноте раздавался вой волков. С треском продираясь через подлесок, пробежал какой-то, судя по всему, крупный зверь; дико завывая, волчья стая бросилась в погоню.

— Понимаешь, — сказала Сторм, — мы не можем начать тотальную войну. Погибнет Земля, как уже было с Марсом, превратившимся в кольцо радиоактивных обломков, вращающихся вокруг Солнца... Я иногда думаю: может, в конце концов, изобретатели отправятся на шестьдесят миллионов лет назад и построят космический флот, который уничтожил динозавров и оставил неизгладимые следы на Луне...

— Значит, ты не знаешь своего будущего? — спросил Локридж, затаив дыхание.

Она покачала головой.

— Нет. Когда включают активатор, чтобы просверлить новый коридор, он бурит туннель в обе стороны, на одинаковое расстояние. Мы пытались проникнуть вперед из нашего времени. Но там оказались охранники, они заставили нас вернуться с помощью неизвестного нам оружия. Мы больше не пробуем. Это было слишком страшно. «Загадки внутри загадок — это уже

чересчур», — решил Локридж и вернулся к практическим проблемам.

— Ладно, — сказал он, — я вроде как вступил в войну на вашей стороне. Может, расскажешь, зачем вся эта стрельба? Кто твои враги? — Он помолчал. — Кто ты сама?

— Я лучше буду пользоваться тем именем, которое выбрала в вашем времени, — ответила Сторм. — Оно, кажется, оказалось счастливым. — Некоторое время она сидела в раздумье. — Сомневаюсь, чтобы ты смог сразу разобраться в сущности моего столетия. Слишком большой исторический период между вами и нами. Разве смог бы человек из вашего прошлого по-настоящему понять принципиальную разницу между Востоком и Западом вашего времени?

— Полагаю, что нет, — согласился Локридж. — По правде говоря, и у нас-то многие ее не понимают.

— Здесь, — продолжала Сторм, — суть та же. Потому что проблема всегда, на протяжении всей истории человека, сводилась к одному — пусть в извращенном, запутанном виде, пусть прикрытая другими, менее важными мотивациями, но это всегда, в том или ином смысле, было столкновением двух философий, двух образов жизни и мысли — существования. Извечно стоял вопрос: в чем природа человека?

Взгляд Сторм, устремленный в ночной мрак, вернулся к гаснущему костру. Она пронзительно взглянула на Локриджа, молча ожидавшего продолжения.

— Жизнь, какой она представляется, против жизни, как она есть. Планирование против естественного развития. Контроль против свободы. Отметающий все остальное рационализм против природной целостности. Машина против живой плоти. Если человека с его судьбой можно спланировать, организовать, сделать из него какое-то подобие совершенства, разве не долг человека привести себе подобных к этому совершенству — неважно, какой ценой? Тебе это знакомо, не правда ли?

Великий враг твоей страны — вечное проявление того, что родилось в доисторические времена, того, что нашло выражение в законах Дракона и Диоклетиана;

привело к сожжению Ивовых книг Конфуция; звучало в устах Торквемады, Кальвина, Локка, Вольтера, Наполеона, Маркса, Ленина, Аргвеллы; отразилось в Манифесте Юпитера и так далее, и так далее... Нет-нет, не прямо, не открыто — многие из тех, кто верил в высший разум, не были в душе тиранами; с другой стороны, были не верившие в него, но тираны в душе — вроде Ницше. На мой взгляд, ваша индустриальная цивилизация, даже в тех странах, которые называют себя свободными, — это сплошной кошмар; тем не менее, я пользуюсь техникой такой мощной и сложной, какая вам и не снилась. Но для чего? Вот в чем суть борьбы!

Сторм замолчала. Ее взгляд обратился к лесу, стеной окружающему луг.

— Я часто думаю, — задумчиво проговорила она, — что поворот вспять начался именно в этом тысячелетии, когда земные боги и их Мать были отринуты теми, кто поклонялся небесам.

Она встряхнулась, словно освобождаясь от чего-то, и продолжала ровным голосом:

— Что ж, Малькольм, прими на данный момент, что Хранители стремятся сохранить жизнь, жизнь во всей ее целостности, безграничности, великолепии и трагичности, а Патруль хочет превратить мир в механизм. Это, конечно, упрощение. Может, потом я сумею объяснить лучше. Но скажи: ты считаешь мою цель недостойной?

Локридж задумчиво посмотрел на Сторм — она напоминала молодую дикую кошку.

— Нет. Я буду с тобой, — сказал он с волнением, прогнавшим все страхи, сожаления и чувство одиночества. — Я уже с тобой.

— Спасибо, — прошептала она. — Если бы ты только знал — не на словах, а существом своим, — как много это значит, я, наверное, могла бы прыгнуть за это к тебе прямо через огонь.

Ему хотелось спросить, что она имеет в виду. Однако прежде, чем он успел что-либо сказать, Сторм проговорила с усмешкой:

— Думаю, ближайшие месяцы покажутся тебе интересными.

— О Господи, разумеется! — Он лишь сейчас осознал открывающиеся возможности. — Да любой антрополог отдал бы свою... свой правый глаз, чтобы оказаться здесь. Мне все еще не верится в это.

— Впереди ждут опасности, — предупредила она.

— Ладно, так или иначе, на чем мы стоим? Что нужно делать?

— Начну с начала, — сказала Сторм. — Как я уже объяснила, в широком масштабе вести войну между Патрулем и Хранителями в нашем времени нельзя. Поэтому она в основном передвинулась в прошлое. Базы расположены в стратегических пунктах и... это сейчас неважно. Я знаю, что у Патруля есть опорный пункт в царствовании Харальда Синезубого. Хотя религия Аза уже признавала Небесного Отца, введение христианства было для них очередным шагом вперед и положило начало централизованной монархии и, в конце концов, рационалистическому государству. Потом там появились те, кого мы с тобой встретили.

— Что? Подожди! Ты хочешь сказать, что ваши люди меняют прошлое?

— Да нет. Ни в коем случае. Это по существу своему невозможно. Любой, кто попробует, убедится, что события всегда возвращаются на круги своя. Что было, то было. Мы, путешествующие во времени, тоже часть целого. Но скажем так: мы узнаем некоторые аспекты, которые могут оказаться полезными для наших целей, набираем добровольцев, копим силы для решительного сражения.

— Ну так вот. В моем времени Патруль контролирует западное полушарие, Хранители — восточное. Я возглавляла отряд, отправившийся в двадцатый век и, через океан, в Америку. Сами мы ничего существенно незаметно построить не могли: вражеских агентов в вашем столетии куда больше, чем наших. Наш план заключался в создании промышленной компании, видимой целью которой было бы что-то примечательное, а мы должны были сойти за людей вашего времени. Мы выбрали именно это время, потому что двадцатый

век — первый, где то, что нам необходимо, — транзисторы, например, — можно достать на месте и не вызывая подозрений. Под прикрытием горнорудного предприятия в Колорадо мы создали наши подземные установки, построили активатор и пробурили новый коридор.

Мы собирались ударить через него, появившись в нашем собственном времени в самом сердце владений Патруля. Но как только коридор был закончен, явился Брэнн с намного превосходящими наши силами. Не знаю, как он пронюхал. Спаслась одна я. Потом больше года болталась по Соединенным Штатам, изыскивая возможность вернуться. Я знала, что все коридоры, ведущие в будущее, охраняются, — Патруль очень силен в раннеиндустриальной цивилизации. И я нигде не могла найти ни одного Хранителя.

— А на что ты жила? — поинтересовался Локридж.

— Ты бы назвал это грабежом, — ответила Сторм.

Он вздрогнул. Она рассмеялась.

— Мой энергопистолет может быть настроен на всего лишь оглушение. Заполучить несколько тысяч долларов — это не проблема. А у меня было отчаянное положение. Ты считаешь, что я очень виновата?

— Как сказать... — Он взглянул на ее лицо в отблесках костра. — Нет, не считаю.

— Я была уверена, что ты не будешь меня винить. Ты такой человек, какого я даже не надеялась найти... Видишь ли, — пояснила она, — мне нужен был помощник, телохранитель, кто-то, с кем я не выглядела бы женщиной, путешествующей в одиночку. Во все прошлые времена это выглядело бы слишком подозрительно. А мне необходимо было попасть именно в прошлое.

— Я убедилась наверняка, что этот датский коридор не охраняется. Он был единственным, где я могла рискнуть, из тех, что имели ворота, открывающиеся в эти десятилетия. Да и то — ты сам видел — мы чуть не погибли...

Тем не менее мы здесь. У Хранителей есть база на Крите, где еще крепка старая вера. К сожалению, я не могу просто связаться с ними и попросить забрать нас.

Патруль здесь тоже активен — это переломное время, — и они вполне могут перехватить наше послание и найти нас раньше наших друзей. Но когда мы доберемся до Кносса, нам дадут вооруженный эскорт, который проводит меня из коридора в коридор, до дому. Тебя высадят в твоем собственном времени. — Она пожала плечами. — У меня в Соединенных Штатах припрятана куча долларов. Ты сможешь взять их за свои труды.

— Оставь это! — грубо бросил Локридж. — Скажи лучше, как мы доберемся до Крита?

— Морем. Между этими землями и Средиземноморьем давно ведется торговля. Лимфьорд недалеко, а судно из Иберии, где господствует религия мегалитических строителей, должно подойти где-то этим летом. В Иберии мы можем пересесть на другой корабль. Это будет не дольше и менее опасно, чем идти сухопутным янтарным путем.

— Ну что ж... звучит разумно. И у нас, я полагаю, хватит денег заплатить за проезд. Или нет?

Сторм тряхнула головой.

— Если нет, — произнесла она надменно, — они не откажутся перевезти Ту, Которой поклоняются.

— Что? — Локридж разинул рот от удивления. — Ты хочешь сказать, что можешь выдать себя за...

— Нет, — сказала она. — Я и есть Богиня.

ГЛАВА V

В лучах восходящего солнца над насквозь промокшей землей клубился низкий туман. Блестящие капли росы стекали, сверкая, с листьев и исчезали в зарослях папоротника, лес был полон птичьих песен. В вышине парил орел, его крылья отливали золотом в утреннем свете.

Локриджа разбудило прикосновение руки. Он облизал пересохшие губы.

— Что?.. В чем дело?.. Нет...

Он совершенно вымотался за вчерашний день, в голове было пусто, болели мускулы, тело казалось чужим.

Увидев перед собой лицо Сторм и даже не сразу узнав ее, он постарался припомнить и объяснить себе все происшедшее накануне.

— Вставай, — сказала Сторм. — Я снова разожгла огонь. Ты приготовишь завтрак.

Только тут он заметил, что на ней ничего нет. Подавив возглас изумления и восторга — может быть даже благоговения, — он сел в своем спальном мешке. Локридж никогда не думал, что человеческое тело может быть так прекрасно.

Его инстинктивная реакция, однако, прошла быстро. Дело было не только в том, что она обращала на него не больше внимания, чем если бы он был, как и она, женщиной или, скажем, собакой. Нет, нельзя, просто невозможно заигрывать с Никой Самофракийской.

От этих мыслей его отвлек прозвучавший вдалеке дикий рев, от которого в испуге, заслонив крыльями солнце, поднялась стая глухарей.

— Кто это? — воскликнул Локридж. — Бык?

— Зубр, — отозвалась Сторм.

Его пронзила мысль, что он — собственной персоной — находится сейчас здесь, в этом опасном времени.

Дрожа в своей пижаме, он выкарабкался из спального мешка. Сторм не обращала на холод никакого внимания, несмотря на то, что капли росы усыпали ее волосы и стекали по бедрам. «Да человек ли она?» — подумал Локридж. После всего происшедшего, при всем том, что им предстояло, — ни следа напряжения! Сверхчеловек. Он вспомнил, что она что-то говорила о генетическом контроле. Возможно, они — люди будущего — создали человека, который выше человека. Ей не нужно никого обманывать, чтобы создать культ Лабрис на Крите много веков назад. Достаточно ее самой...

Сторм присела на корточки и открыла один из свертков. Локридж воспользовался этой возможностью, чтобы переодеться за ее спиной.

— Нам понадобится современная одежда, — сказала она, обернувшись. — Та, что на нас, вызвала бы удивление. Возьми другой костюм.

Ему было обидно, что она им так командует, но он развязал сверток. Внутри оказался короткий груботканый плащ, окрашенный растительной краской в голубой цвет и с заколкой в виде шипа. Главным предметом одежды была лыковая безрукавка — она надевалась через голову и препоясывалась ремнем. На ногах завязывались сандалии, голову украшала повязка из птичьих перьев, расположенных зигзагом. Кроме того, на Локридже оказалось ожерелье из медвежьих когтей вперемешку с раковинами; был еще кинжал в форме листа — кремневый, но настолько искусно сработанный, что его почти можно было принять за стальной. Рукоятка была обернута кожей, ножны сделаны из бересты.

Сторм оглядела его, он — ее. Одежда женщины состояла из сандалий, головной повязки, ожерелья из необработанного янтаря, сумочки из лисы, свисающей через плечо, и коротенькой, украшенной перьями юбочки. Правда, Локридж почти не замечал этих деталей.

— Сойдет, — сказала Сторм. — В сущности, мы являемся анахронизмом. Мы одеты как зажиточные члены клана Тенил Оругарэй — Морского народа, аборигенов. Но у тебя короткие волосы, а мой расовый тип... Впрочем, это неважно. Мы выдадим себя за путешественников, которым пришлось купить одежду здесь, поскольку старая износилась. Так часто делают. Кроме того, здешний примитивный народ не слишком утруждает себя логическими умозаключениями.

Сторм указала на маленькую коробочку, которая тоже была в свертке:

— Открой.

Он взял ее, но ей пришлось показать, где надавить, чтобы отскочила крышка. Внутри лежал прозрачный шарик.

— Вложи его в ухо, — сказала Сторм.

Она откинула назад локон, и он увидел у нее в ухе такой же. Ему вспомнилось устройство, которое он, увидев у нее, принял когда-то за слуховой аппарат; он

вставил шарик в ухо. Это нисколько не повлияло на его слуховое восприятие, но на мгновение он ощутил странный холод, непонятная дрожь пробежала от мозга к позвоночнику.

— Ты меня понимаешь? — спросила Сторм.

— Слушай, само собой... — Слова застряли у него в горле: они были произнесены не по-английски! И ни на одном из известных ему языков.

Сторм рассмеялась.

— Береги свою диаглоссу! Она может оказаться куда полезнее пистолета.

Локридж заставил свой разум вернуться на путь наблюдения и рассуждения. Что она в действительности сейчас сказала? Слово «пистолет» было произнесено по-английски; «диаглосса» никак не вписывалась в общую структуру. А это значит... Постепенно, пользуясь языком, ему предстояло обнаружить, что ему свойственна агглютинация, увидеть, как сложна его грамматика и сколько в нем оттенков значений, незнакомых цивилизованному человеку. Вода, например, могла обозначаться двадцатью словами — в зависимости от ситуации. С другой стороны, на этом языке невозможно было передать такие понятия, как «масса», «правительство», «монотеизм», — во всяком случае, без подробнейших объяснений. Лишь понемногу, на протяжении дней и недель, предстояло ему заметить, насколько здесь отличаются от его собственных понятия «цель», «время», «я» и «смерть».

— Это — молекулярное кодирующее устройство, — сказала Сторм по-английски. — Оно хранит в памяти важные языки и основные обычаи данного времени и данного региона — в нашем случае, Северной Европы от того места, где когда-то будет Ирландия, до того, где будет Эстония, плюс еще некоторых областей, где, может быть, придется оказаться, таких, например, как Иберия и Крит. Устройство извлекает энергию из тепла, выделяемого человеческим телом, затем она смешивается с нервной энергией, производимой мозгом. В результате к естественному центру памяти добавляется еще один — искусственный.

— И все, — спросил Локридж растерянно, — в этом крохотном шарике?

Сторм пожала своими красивыми обнаженными плечами.

— Хромосомы куда меньше размером, но несут больше информации... Приготовь чего-нибудь поесть.

Локридж был только рад уйти в повседневность приготовления пищи. Кроме того, он лег спать без ужина.

В свертках были упакованные в металлическую фольгу продукты. Локридж не разобрал, что это такое, но в разогретом виде они оказались на удивление вкусными. Еды было очень немного, но Сторм нетерпеливо приказала ему выбросить остатки.

— Мы будем жить за счет гостеприимства, — объяснила она. — Эта вот сковорода — такой великолепный подарок, что может обеспечить годичное содержание даже при дворе фараона.

Локридж с удивлением обнаружил, что улыбается.

— А если какой-нибудь археолог выкопает ее из кучи мусора четырехтысячелетней давности?

— Сочтут мистификацией, вот и все. Хотя на практике вряд ли листовое железо протянет столько в этом влажном климате. Время неизменяемо. А теперь — тихо.

Пока Локридж разогревал пищу, Сторм в задумчивости ходила по лугу. Высокая трава, невнятно шепча, обнимала ее щиколотки; расцветшие одуванчики лежали у ее ног, словно монеты, рассыпанные перед победителем.

То ли в продуктах содержался возбудитель, то ли движение тому способствовало, но Локридж перестал чувствовать утреннюю скованность. Он разбросал костер и засыпал угли землей.

— Отлично, ты знаешь, как заботиться о земле, — сказала Сторм с улыбкой, и ему показалось, что он готов ради нее на все.

Она показала ему, как открывать и закрывать вход в коридор при помощи контрольной трубки, и спрятала устройство в дупле дерева. Туда же она сунула и их одежду из двадцатого века, оставила только оружие.

Потом они уложили свои рюкзаки, надели их и отправились в путь.

— Мы идем в Авильдаро, — сказала Сторм. — Сама я там никогда не бывала, но это порт захода, и если в этом году судно не появится там, то мы узнаем, где оно будет.

Благодаря устройству в своем ухе, Локридж узнал, что «Авильдаро» — усеченный вариант еще более древнего названия, звучавшего как «Дом Матери Моря»; что Та, Которой посвящена была деревня, являлась в некотором роде воплощением Охотницы, которая бродит в глубине леса; что здешний народ жил здесь с незапамятных времен: они были потомками охотников на оленей, пришедших сюда, когда ледники отступили из Дании, и оставшихся у воды, в то время как стада последовали за льдом в Швецию и Норвегию; что именно на этой территории, несколько поколений назад, они начали заниматься также и сельским хозяйством, хотя и не в таких масштабах, как иммигранты из глубины материка, от которых они научились этому искусству, — поскольку они по-прежнему следовали за Той, у Которой Влажные Локоны, Которая поглотила землю там, где теперь плавают их лодки, и Которая точно так же глотает людей, зато дает сверкающую чешуей рыбу, устриц, тюленей, морских свиней тем, кто Ей служит; что не так давно разъезжающие на колесницах ютоазы, не верящие в Нее, а приносящие жертвы богам мужского пола, нарушили долго сохранявшийся мир... Локридж прекратил поток призрачных, не принадлежавших ему воспоминаний: они заслоняли от него настоящий, окружающий его мир и женщину, которая шла рядом с ним...

Солнце стояло уже высоко, туман растаял, над головой раскинулось голубое небо с разбегающимися белыми облаками. На опушке древнего первозданного леса Сторм остановилась, определяя дальнейший путь. Под кронами дубов почти непроходимой стеной стоял подлесок; понадобилось какое-то время, чтобы отыскать тропинку, ведущую к северу, — узкая и неясная в игре световых бликов и зеленых теней, она извивалась меж-

ду огромных стволов; чувствовалось, что по ней гораздо чаще ходят олени, чем люди.

— Будь осторожен, не повреди чего-нибудь, — предупредила Сторм. — Леса священны. Охотиться можно только принеся Ей жертву, прежде чем срубить дерево, его нужно умилостивить.

В лесу, однако, ничто не напоминало церковного благолепия. Жизнь била ключом. Шиповник и папоротник, грибы и куманика, мох и омелы заполнили все пространство под дубами, облепили каждый ствол. Муравейники были по пояс; бабочки наполняли воздух шафраном; голубыми стрелами носились стрекозы; белки скакали по ветвям, словно языки пламени; вили гнезда птицы сотни различных видов. Песни, щебет, хлопанье крыльев разносились под лиственными сводами. В глубине леса токовал тетерев, хрюкал дикий кабан, тяжело ступали зубры. Локридж чувствовал, как его сознание расширяется, сливаясь с окружающей природой, пока наконец оно не стало с нею одним целым, упивающимся солнцем, ветром и запахом цветов. «О да, — думал он, — я достаточно путешествовал и знаю, что жизнь на природе может порой оказаться весьма нелегкой. Но трудности здесь настоящие — голод, холод, сырость, болезни; это не академические сражения, не нахальные сборщики налогов; стало быть, и вознаграждение настоящее можно получить только здесь. Если Сторм охраняет все это, то я, безусловно, с нею».

Весь следующий час она молчала, и он тоже не испытывал потребности говорить: это отвлекло бы его внимание от нее. Она шла рядом, ступая с грацией пантеры, свет отливал сине-черным в ее волосах, играл в глазах малахитовыми бликами, солнечные лучи золотили ее смуглую кожу и терялись в тени между грудей. В памяти Локриджа промелькнул миф об Актеоне, который увидел Диану обнаженной и был превращен в оленя, после чего его разорвали собственные собаки. «Что ж, — подумал он, — я избежал этой участи, по крайней мере физически, но не стоит слишком испытывать судьбу».

Полоса леса, через которую они пробирались, оказалась не слишком широкой, — они вышли из чащи еще до полудня. На север и на запад, до самого мерцающего горизонта, перед ними теперь расстилалась плоская равнина. По траве пробегал ветерок, шелестели разбросанные там и тут рощицы, переливались на солнце облака. Тропа, огибавшая болото, расширилась, под ногами захлюпала грязь.

Здесь Сторм внезапно остановилась. Камыши шумели вокруг озерца, покрытого слоем листьев лилии, по которым прыгали лягушки, спасаясь от аиста. Большая белая птица не обратила на людей никакого внимания; новая «память» подсказала Локриджу, что аисты находятся под защитой; они — табу, поскольку приносят удачу и возрождение. К берегу древние люди подтащили валун необычной формы — он служил алтарем. Каждый год вождь племени бросал с него в воду лучшее орудие, изготовленное в Авильдаро, как подарок для Владычицы Топора. Сегодня на камне лежал лишь одинокий венок из бархатцев — скромный дар какой-нибудь девушки.

Внимание Сторм привлекло нечто другое. Мышцы ее живота напряглись, ладонь легла на рукоятку пистолета. Локридж наклонился вместе с нею. На сырой земле отпечатались следы колес и неподкованных копыт. Кто-то дня два тому назад проезжал здесь и...

— Значит, они добрались уже и сюда, — пробормотала Сторм.

— Кто?

— Ютоазы. — Она произнесла это название со специфическим акцентом. Локридж еще только учился технике пользования диаглоссой и понял лишь, что так называют себя местные племена культуры Боевого Топора. И топор этих поклоняющихся Солнцу пришельцев был предназначен не для рубки деревьев — это был томагавк.

Сторм выпрямилась, почесала задумчиво подбородок и нахмурилась.

— Имеющаяся информация слишком скудна, — пожаловалась она. — Никто не считал эту станцию достаточно важной, чтобы проверить все тщательно. Нам не известно, что должно произойти здесь в этом году.

Тем не менее, — продолжала она в раздумье, — разведкой точно установлено, что никакого широкого применения энергетических устройств в этой местности не было в течение всего тысячелетия. Это одна из причин, почему я предпочла отправиться так далеко в прошлое, вместо того чтобы выйти из коридора в более позднем времени, где Хранители тоже действуют. Я знаю, что Патруль здесь не появится. Поэтому я решила оставить коридор в первый год этих ворот; они будут функционировать в течение четверти века. И еще есть данные — отчет группы наблюдателей из Ирландии, где входы на сто лет не совпадают с датскими. Век спустя Авильдаро по-прежнему существует, ее положение даже укрепилось. — Сторм поправила рюкзак и зашагала вперед. — Так что бояться особо нечего. В худшем случае мы можем оказаться замешанными в стычке двух племен каменного века.

Локридж догнал ее и пошел рядом. Мили две они ступали среди колышущейся травы, мимо одиноких рощиц. Не считая редких деревьев-великанов, сохранившихся благодаря тому, что они считались священными, прибрежные лесочки состояли не из дубов, а из ясеней, вязов, сосен и особенно берез — этих очередных захватчиков, начавших завоевание Ютландии.

Тропинка обогнула такую группу деревьев, и неподалеку Локридж увидел стадо коз. Их пасли двое мальчишек лет десяти — обнаженные, загорелые, с копнами выгоревших волос. Один из них играл на костяной флейте, другой болтал ногами, сидя на ветке. Однако стоило им заметить путешественников, раздались крики. Первый мальчик бросился прочь по тропинке, второй взлетел на дерево и исчез в листве.

— Да, — кивнула Сторм, — у них есть основания опасаться. Прежде было не так.

Псевдопамять Локриджа хранила воспоминания о том, какой была жизнь племени Тенил Оругарэй: мир, гостеприимство, краткие периоды тяжелой работы, разделенные долгими спокойными промежутками, когда люди занимались изготовлением изделий из янтаря, музыкой, танцами, любовью, охотой, просто бездельничали. Между рыбацкими поселениями, разбросанными вдоль берега, существовало лишь самое дружеское со-

перничество, тем более что все жители были между собой в сложных родственных отношениях; торговые связи поддерживались только с фермерами, ведущими хозяйство внутри страны. Нет, эти люди не были слабыми. Они охотились на зубров, медведей и кабанов, заостренными кольями распахивали целину, перетаскивали на огромные расстояния каменные глыбы, чтобы строить свои дольмены и более современные усыпальницы еще большего размера. Они выживали в зимы, когда шторма осыпали их дождем и снегом и катили на них с запада воды самого моря; в лодках, обтянутых шкурами, они преследовали тюленей и морских свиней за пределами залива, еще не отрезанного в ту эпоху от моря; часто пересекали Северное море и вели торговлю в Англии или Фландалирии. Однако ничего похожего на войну эти люди не знали — даже убийство было чрезвычайной редкостью, — пока не появились воины на колесницах.

— Сторм, — медленно произнес Локридж, — ты основала культ Богини, чтобы вложить в головы людей идею мира?

— Богиня триедина: Дева, Мать и Царица Смерти. — Ее ноздри раздулись, голос звучал почти презрительно; Локридж был так потрясен, что с трудом расслышал остальное. — Жизнь имеет свою темную сторону. Как, по-твоему, все эти клубы, где пьют слабый чай и занимаются общественной работой, которые вы называете Протестантскими церквями, переживут то, что ожидает ваш век? В танце быка на Крите умершие считаются жертвоприношениями Высшим Силам. Мегалитические каменщики Дании — не здесь, где верования вросли в еще более древнюю культуру, а в других местах, — каждый год убивают и съедают человека. — Она заметила его потрясение, улыбнулась и похлопала его по руке. — Не принимай это так близко к сердцу, Малькольм. Я была вынуждена пользоваться тем человеческим материалом, который был. А война за абстракции, вроде власти, грабежа, славы, Ей действительно чужда.

Он не мог возражать, когда она так разговаривала с ним, мог только соглашаться. Но за следующие полчаса он не произнес ни слова.

К тому времени они оказались среди полей. Окруженные изгородями из колючего кустарника, из темной земли только что начали пробиваться бледно-зеленые ростки пшеницы, ячменя, двузернянки. Засеяно было лишь несколько десятков акров — на общинных началах; так же содержались овцы, козы и свиньи (но не волы); женщин, обычно занятых прополкой, не было видно. Кроме этого поля в обе стороны расстилались ничем не огражденные пастбища. Впереди блестела гладкая поверхность Лимфьорда. Деревня была скрыта перелеском, но из-за деревьев поднимался дымок.

Оттуда выбежало несколько мужчин. Рослые и светловолосые, они были одеты так же, как Локридж; волосы у них были заплетены, бороды коротко обрезаны. Некоторые держали ярко раскрашенные плетеные щиты. Оружие их состояло из копий с кремневыми наконечниками, луков, кинжалов и пращей.

Сторм остановилась и подняла пустые ладони. Локридж сделал то же самое. Увидев этот жест и рассмотрев одежду пришельцев, деревенские заметно успокоились. Тем не менее, по мере приближения путников ими овладевала нерешительность; они двигались все медленнее, шаркая ногами и опустив глаза, и наконец остановились.

«Они не уверены, кто она или что собой представляет, — подумал Локридж, — но вокруг нее всегда есть это нечто».

— Всеми Ее именами, — сказала Сторм, — мы пришли как друзья.

Предводитель набрался смелости и подошел. Это был коренастый седой человек, обветренное лицо и сеть морщинок у глаз свидетельствовали о жизни, проведенной в море. На шее у него висело ожерелье, включавшее пару моржовых клыков, на широком запястье блестел браслет из выменянной меди.

— В таком случае, — прогремел его голос, — всеми Ее именами и моими — именем Эхегона, чья мать была Улару и который возглавляет совет, — добро пожаловать.

Этого было достаточно, чтобы Локридж, пользуясь своей новой, вложенной в его мозг памятью, попробовал

произвести профессиональный анализ того, что было упомянуто. Имена были подлинные — они не держались в тайне из страха перед колдовством — и своим источником имели интерпретацию Мудрой Женщиной Авильдаро снов, которые видели молодые люди во время обрядов полового созревания. «Добро пожаловать» означало нечто более, чем простую формулу вежливости: личность гостя считалась священной, он мог просить чего угодно, кроме участия в особых клановых ритуалах. Разумеется, гость держался в рамках приличия хотя бы потому, что, вполне возможно, ему предстояло быть гостем снова.

Вместе с жителями деревни путешественники направились к берегу. Краем уха Локридж прислушивался к объяснениям Сторм. По ее словам, она и ее спутник прибыли с юга (далекого экзотического юга, откуда появлялись все чудеса, но о котором более проницательные люди были удивительно хорошо осведомлены), отстали от своих товарищей и хотели бы побыть в Авильдаро, пока не подвернется возможность вернуться домой. Сторм намекнула, что, устроившись, они будут рады сделать богатые подарки.

Рыбаки совершенно успокоились. Если это Богиня и ее слуга, путешествующие инкогнито, то, во всяком случае, они предпочитают вести себя как обычные люди. А их рассказы могут оживить не один вечер; жители окрестных селений будут приходить за много миль, чтобы послушать, посмотреть и рассказать у себя о том, какое высокое положение занимает Авильдаро; их присутствие, возможно, заставит ютоазов, чьих разведчиков недавно видели, держаться подальше. Вся компания вошла в деревню, громко и весело разговаривая.

ГЛАВА VI

— Ты правда хочешь посмотреть птичьи болота? — спросила Аури, чье имя означало «Перо Цветка». — Я могу показать тебе.

Локридж почесал подбородок, где щетина превратилась уже в короткую бороду, и взглянул на Эхегона. Он ожидал чего угодно — от возмущенного отказа до снисходительной усмешки. Вместо этого вождь прямотаки ухватился за эту возможность — его страстное желание отправить дочь на прогулку со своим гостем вызвало чуть ли не жалость. В чем тут было дело, Локридж не знал.

Сторм отказалась принять участие в поездке — к явному облегчению Аури. Девушка весьма и весьма побаивалась этой темноволосой женщины, державшейся особняком и проводившей столько времени в лесу в полном одиночестве. Сторм призналась Локриджу, что это нужно, помимо всего прочего, для утверждения в глазах племени ее маны; но создавалось впечатление, что она держится в стороне и от него тоже: за те полторы недели, что они провели в Авильдаро, он не слишком часто ее видел. Хотя он был настолько увлечен окружающим, что настоящей обиды не чувствовал, все же ее поведение нет-нет да напоминало ему, какая пропасть лежит между ними...

Солнце клонилось к горизонту. Локридж взмахнул веслом и направил челнок в сторону дома.

Они плыли на небольшой рыбачьей лодке из ивняка, обтянутого кожей, какие выходили за пределы Лимфьорда. Он уже успел побывать на охоте на тюленей в одной из этих лодок — опасное, кровавое занятие; команда гикала и пела, валяя дурака среди огромных серых волн. Гарпуном с костяным наконечником он действовал достаточно неуклюже и завоевал уважение лишь тогда, когда был поднят войлочный парус: управление не представляло трудности для человека, привыкшего к косому парусу и куда более сложной оснастке гоночной яхты двадцатого века. Лодка, в которой он был сегодня, представляла собой просто выдолбленный из ствола челнок с плетеным фальшбортом, — он требовал ненамного больше внимания, чем зеленая ветка, привязанная на носу, чтобы умилостивить богов воды.

Позади осталось болото — неподвижное и заросшее тростником, где роились утки, гуси, лебеди, аисты, цапли. Локридж вел лодку параллельно южному берегу бухты, зеленый склон которой золотился в длинных лучах заходящего солнца. Слева до самого горизонта мерцающим светом отливала водная гладь, тревожимая лишь одинокими кружащимися чайками да редким всплеском выпрыгнувшей из воды рыбы. Такая тишина была в воздухе, что эти далекие звуки доносились почти так же отчетливо, как плеск поднимающегося и опускающегося весла. Пахло землей и солью, лесом и водорослями.

Безоблачно-синий свод неба, постепенно темнеющий с приближением заката, раскинулся над головой сидевшей на носу Аури.

«Да, — подумал Локридж, — прекрасный день, но я рад избавиться от этих москитов! Ей они нисколько не мешают... что же, надо полагать, что они так часто кусают местных жителей, что у них выработался иммунитет».

Зуд, однако, был не так уж силен — равно как и зуд по недоступной сигарете. Неприятные ощущения компенсировались чувством жизни, которую он дает неподвижной воде взмахами своего весла, и возрождающейся упругости мышц. И, конечно, присутствием рядом красивой девушки.

— Тебе доставил удовольствие этот день? — спросила она застенчиво.

— О да, — ответил он. — Большое спасибо, что ты взяла меня с собой.

На ее лице отразилось крайнее удивление. Локридж вспомнил, что люди Тенил Оругарэй, подобно индейцам племени навахо, благодарили лишь за самые большие услуги; обычная же, повседневная помощь воспринималась как нечто самой собой разумеющееся. С помощью диаглоссы он бегло говорил на их языке, но не мог избавиться от укоренившихся привычек.

Краска залила ее лицо, шею и обнаженную юную грудь.

— Это я должна тебя благодарить, — прошептала она, опустив глаза.

Он оценивающе посмотрел на нее. Здесь не вели счет дням рождения, но Аури была такой тоненькой, в ее движениях было столько подкупающей игривости, что он думал — ей около пятнадцати. «В таком случае, — удивлялся он, — почему она до сих пор невинна? Другие девушки, замужние или нет, в еще более раннем возрасте наслаждались свободой самоанского типа».

Разумеется, ему и в голову не приходило ставить под угрозу свое положение здесь, связавшись с единственной оставшейся в живых дочкой хозяина дома, где он жил. Еще важнее была честь — и, конечно, стеснительность. Он уже отверг несколько предложений, исходивших от слишком, по его мнению, молодых: у них было достаточно старших сестер. Невинность Аури показалась ему нежным ветерком, прилетевшим с кустов боярышника, цветущего позади ее дома.

Надо признать, он испытывал некоторое искушение. Аури была очень хорошенькой: огромные голубые глаза, усыпанный веснушками курносый нос, мягкая линия рта, распущенные девичьи волосы, льняными волнами ниспадающие на плечи из-под венка из первоцвета. И она столько времени проводила в деревне рядом с ним, что было прямо неловко. Но тем не менее...

— Тебе не за что благодарить меня, Аури, — сказал Локридж. — Ты и твои близкие ко мне добры больше, чем я заслуживаю.

— О нет, есть за что, и много за что! — пылко возразила она. — Ты даешь мне счастье.

— Как это? Я ничего не сделал.

Она переплела пальцы и вновь опустила глаза. Объяснение было для нее таким трудным, что он пожалел, что задал вопрос, но не мог придумать, как ее остановить.

История была простая. У Тенил Оругарэй девственница считалась священной, неприкосновенной. Но когда она сама чувствовала, что время ее пришло, она называла мужчину, который должен был посвятить ее в женщины на празднике весеннего сева, — чувственный и жуткий обряд. Избранник Аури утонул в море за

несколько дней до этого события. Ясно было, что Силы разгневаны, и Мудрая Женщина приняла решение, согласно которому Аури должна была не только пройти очищение, но и оставаться в одиночестве, пока проклятие не будет каким-либо образом снято. Это произошло больше года назад.

Это было серьезной проблемой для ее отца (или, во всяком случае, главы семьи: об отцовстве у Тенил Оругарэй можно было только гадать), а также, поскольку он был вождем, и для всего племени. Хотя в совете могли заседать лишь женщины, имеющие внуков, по существу оба пола пользовались одинаковыми правами, а наследование осуществлялось по материнской линии. Если Аури умрет бездетной, что станется с наследством? Что касается ее самой, то нельзя сказать, что ее открыто сторонились, но в течение целого горького года она почти совсем не принимала участия в общих делах.

Когда появились приезжие, принеся с собою невиданные чудесные вещи, некоторые из которых они преподнесли в качестве подарков, это сочли знамением. Мудрая Женщина разложила буковые щепки в полумраке своей хижины и подтвердила, что это действительно так. Великие и непознанные силы вселились в Сторм и ее (Ее?) Слугу Малькольма. Оказав честь дому Эхегона, они изгнали зло. Сегодня, когда Малькольм не побрезговал отправиться на эти вечно коварные воды вместе с Аури...

— Ты не можешь остаться? — с мольбой обратилась она к нему. — Если бы ты оказал мне честь следующей весной, я была бы... больше чем женщиной. Проклятие обернулось бы для меня благословением.

Щеки его горели.

— Мне очень жаль, — ответил он как можно мягче. — Но мы не можем ждать, нам нужно отправиться с первым же судном.

Она опустила голову, закусив губу своими белыми зубками.

— Но я непременно прослежу, чтобы запрет был снят, — пообещал он. — Завтра я побеседую с Мудрой Женщиной. С нею вместе, я уверен, мы найдем выход.

Аури смахнула слезу и неуверенно улыбнулась ему.

— Спасибо. Все-таки мне бы очень хотелось, чтобы ты мог остаться — или вернуться весной. Но если ты возвращаешь мне жизнь... — Она с трудом сдержала рыдания. — Нет слов, чтобы поблагодарить тебя за это.

Как просто стать богом.

Стараясь успокоить ее, он перевел разговор на хорошо знакомые ей предметы. Она так удивилась, что его интересует гончарное дело — оно считалось женским ремеслом, — что совершенно забыла о своих бедах, тем более что она считалась искусной в выделке красивой посуды, восхищавшей Локриджа. Это заставило ее вспомнить сбор янтаря.

— Когда после бури, — Аури прерывисто дышала, глаза ее горели, — мы всем народом выходим на дюны собирать то, что море выбрасывает на берег... О, это веселое время! А рыба, а устрицы, которых мы жарим! Почему бы тебе не вызвать бурю, пока ты здесь, а, Малькольм? Ты бы тоже повеселился. Я покажу тебе место, где чайки едят прямо из рук, мы будем плавать в бурунах, искать обломки и... и все остальное!

— Боюсь, что погода не в моей власти, — сказал Локридж. — Я всего лишь человек, Аури. Да, я владею кое-какими силами, но не слишком большими.

— Я думаю, ты можешь все.

— Ммм... этот янтарь. Вы ведь собираете его в основном на продажу, да?

Она кивнула светловолосой головой.

— Он нужен жителям внутренних районов, и народу, что живет за западным морем, и корабельщикам с юга.

— А кремневыми изделиями вы тоже торгуете? — Ответ ему был известен: он провел не один час, наблюдая за работой мастера. Осколки сыпались с его каменной наковальни на кожаный передник; искры, запах серы и густой звон ударов, — и вот под узловатыми старческими руками создается прекрасная форма... Локридж, однако, хотел поддержать легкую беседу. Так приятно было слышать смех Аури.

— Да, инструменты мы тоже продаем, но только во внутренние районы, — ответила она. — А если судно придет не в Авильдаро, а в другое место, можно мне будет поехать с тобой посмотреть?

— Ну... конечно. Если никто не будет против.

— Я бы хотела поехать с тобой на юг, — сказала она задумчиво.

Он представил ее на Критском невольничьем рынке, или — недоумевающую, растерявшуюся — в его собственном мире машин и вздохнул.

— Этого никак нельзя. Хотя мне очень жаль.

— Я знала это. — Голос ее был спокоен, в нем не было и следа жалости к самой себе. В неолите человек привычно принимал неизбежное. Даже долгая изоляция Аури под сенью обрушившегося на нее гнева богов не лишила ее способности радоваться.

Локридж посмотрел на девушку. Аури сидела, гибкая и загорелая, опустив руку в булькающую воду. Какая судьба ее ждет? История забудет клан Тенил Оругарэй; от него останется разве что несколько реликтов, извлеченных из болота; задолго до того она обратится в прах, а когда не станет ее внуков — если она проживет достаточно долго, чтобы их иметь, в этом мире диких зверей и не менее диких людей, бурь, наводнений, неизлечимых болезней и неумолимых богов, — навсегда угаснет последняя память о ее нежности.

Он узидел перед собой оставшиеся несколько лет ее юности, когда она сможет обогнать оленя и провести целую летнюю ночь в поцелуях; детей, следующих нескончаемым потоком: так много их умирало, что каждая женщина должна была рожать как можно чаще, чтобы не вымерло само племя; он увидел ее в зрелые годы, почитаемой в качестве хозяйки дома вождя, видящей, как вырастают сыновья и дочери, а ее собственные силы угасают; наконец, в возрасте, когда она отдает совету накопленную мудрость, а ее мир сужи-вается слепотой, глухотой, выпадением зубов, ревматизмом, артритом, и единственное время, остающееся ей, — в полузабытом прошлом; наконец, последний образ — съежившаяся и чужая, отправляется она в последний

путь через отверстие в крыше усыпальницы, означающее новое рождение; в течение нескольких лет — жертвоприношения перед гробницей и невольная дрожь по ночам, когда снаружи скулит ветер: ведь, может быть, это ее дух вернулся; и — темнота.

Он увидел ее через четыре тысячи лет, четырьмя тысячами миль западнее: вот она склонилась за тесной школьной партой; затянувшееся отрочество, скука и бессмысленность, возбуждение и разочарование; замужество или несколько замужеств — жизнь с человеком, чье дело — продавать то, что никому не нужно, чего никто не желает, жизнь с закладными и жестким ежедневным расписанием; принесение в жертву всего своего существования, кроме двух недель в году, ради покупки всяких дурацких устройств и выплаты налогов; дым, пыль и отравляющие вещества, которыми приходится дышать; вот она сидит в машине, за карточным столом, в косметическом кабинете, перед экраном телевизора, — ей еще нет двадцати, но тело уже утратило гибкость, во рту гнилые зубы; жизнь в стране — оплоте свободы, среди самой могучей нации из существовавших на земле, пока она пыталась освободиться из-под власти тиранов и варваров; жизнь под страхом рака, инфаркта, психических заболеваний и заключительного ядерного пожара...

Локридж отогнал видение. Он знал, что несправедлив к своей эпохе, — да и к этой тоже. В некоторых местах жизнь была тяжелее физически, в других — в духовном плане; и там и тут она иногда погибала. В лучшем случае боги даровали лишь малую толику счастья, все остальное было просто существованием. В целом Локридж не думал, что они были к здешним людям менее благосклонны, чем к нему. И именно здесь было место Аури.

— Ты много думаешь, — сказала она робко.

Он вздрогнул и забыл сделать гребок. Весло повисло над водой. Блестя в горизонтальных лучах заходящего солнца, с него стекали прозрачные капли.

— Да нет, — отозвался он. — Просто мысли блуждают.

Опять он не так выразился. Дух, блуждающий в мыслях или во сне, может посещать удивительные, таинственные сферы. Аури посмотрела на него с благоговением.

Прошло несколько минут. Тишина нарушалась только разрезающим воду челноком да далеким криком возвращающихся гусей.

— Можно я буду звать тебя Рысью? — вдруг тихо спросила Аури.

Локридж заморгал в недоумении.

— Я не понимаю твоего имени — Малькольм, — объяснила она. — Значит, это сильная магия, слишком сильная для меня. Но ты похож на большую золотую рысь.

— Ну что ж... — Это было очень по-детски, но он был тронут. — Если хочешь. А вот для тебя, мне кажется, ничего лучше Пера Цветка не придумаешь.

Аури покраснела. Они замолчали и поплыли дальше в тишине.

Постепенно Локридж начал сознавать, что тишина окружает их слишком уж долго. Обычно так близко от деревни слышалось множество разных звуков: крики играющих детей, приветственные возгласы приближающихся к берегу рыбаков, пересуды домохозяек; иногда — победная песня охотников, подстреливших лося. Но они уже повернули направо, Локридж греб между сужающихся берегов бухточки, но не слышалось ни одного человеческого голоса. Он взглянул на Аури: возможно, она знает, в чем дело? Она сидела, подперев рукой подбородок, и смотрела на него, ничего кругом не замечая. У Локриджа не хватило духу заговорить; вместо этого он поплыл вперед — быстро, как только мог.

Показалась Авильдаро — крытые дерном мазанки на фоне древней рощи, сгрудившиеся вокруг Длинного Дома церемоний — роскошного, по сравнению с хижинами, строения из дерева, кирпича и торфа. Рыбацкие лодки были вытащены на берег, там же сохли растянутые на кольях сети. В стороне, в нескольких сотнях ярдов, располагалась помойка. Люди Тенил Оругарэй уже не жили, в отличие от своих предков, непосредст-

венно у подножия этой горы раковин, костей и прочих отбросов, но они сносили туда требуху, которой кормились полуприрученные свиньи, поэтому над площадкой роились тучи мух.

Аури вышла из оцепенения и нахмурилась.

— Никого нет! — воскликнула она.

— Кто-нибудь должен быть в Длинном Доме, — предположил Локридж. Из отдушины в крыше вился дымок. — Надо посмотреть. — Он был рад, что на боку у него висит «уэбли».

С помощью девушки он вытащил челнок на берег и привязал его. Держась за руки, они вошли в деревню. Вечерние тени заполнили проходы между хижинами; внезапно потянуло холодом.

— Что это значит? — В голосе Аури звучала мольба.

— Если и ты не знаешь... — Он ускорил шаг.

Из зала собраний явственно слышались голоса. Двое юношей стояли на страже снаружи.

— Они здесь! — крикнул один из них; копья опустились перед Локриджем.

Вместе с Аури он прошел через завешенную шкурами дверь. Некоторое время понадобилось, чтобы глаза привыкли к темноте. Окон в помещении не было. Дым щипал глаза — огонь в центральном очаге считался священным, ему никогда не давали погаснуть. (Подобно большинству примитивных традиций, это имело и практический смысл: разжигание огня было до изобретения спичек непростым делом, а здесь любой мог, если понадобится, запалить головню.) Его разжигали, вороша угли, покуда не начинали плясать, треща, языки пламени, отбрасывающие беспокойные отсветы на закопченные стены и столбы, украшенные грубо вытесанными магическими символами. Внутри Длинного Дома столпились все жители деревни — около четырехсот мужчин, женщин и детей сидели на корточках на земляном полу, невнятно слышались их голоса.

Эхегон и его главные советники стояли у огня вместе со Сторм. Увидев ее высокую, величественную фигуру, Локридж забыл об Аури и подошел к ней.

— Что случилось? — спросил он.

— Ютоазы идут, — ответила Сторм.

В течение минуты он вбирал связанную с этим названием информацию, которую смогла предоставить ему диаглосса. Племена Боевого Топора образовывали вытянутый к северу край той огромной волны — скорее, культурной, нежели расовой, — которая распространялась от Южной Руси в течение последних одного-двух столетий. Они продвигались вперед, повсюду сокрушая цивилизации: Индия, Крит, Хетты, Греция — никто не устоял перед этими воинами, и их язык, религия, образ жизни изменили облик всей Европы. Но в Скандинавии с ее редким населением до сих пор удавалось избежать крупных столкновений между местными охотниками, рыбаками и крестьянами и пришельцами — разъезжающими на колесницах кочевниками.

Тем не менее до Авильдаро доходили слухи о кровавых столкновениях на востоке.

Эхегон на секунду прижал Аури к своей груди.

— Я не особенно боялся за тебя, поскольку ты под защитой Малькольма, — сказал он, — но я благодарю Ее за то, что вы вернулись. — Он повернулся к Локриджу своим бородатым, с резкими чертами лицом.

— Сегодня, — продолжал он, — люди, которые охотились в южной стороне, вернулись домой с известием, что ютоазы движутся на нас и завтра будут здесь. Это чисто военный отряд, только вооруженные воины, а Авильдаро — первая деревня на их пути. Чем оскорбили мы их богов?

Локридж взглянул на Сторм.

— Что ж, — сказал он по-английски, — мне, честно говоря, очень не хотелось бы применять наше оружие против этих бедолаг, но если придется...

— Нет, — покачала она головой. — Выброс энергии могут засечь. Или, во всяком случае, агенты Патруля могут прослышать об этом, и у них возникнут подозрения. Нам лучше всего укрыться в другом месте.

— Что? Но ведь...

— Не забывай, — сказала Сторм, — что время неизменяемо. Раз это селение существует через сто лет,

значит, вполне вероятно, что местные жители завтра отобьют нападение.

Он не мог оторваться от ее взгляда; однако Аури тоже смотрела на него, и Эхегон, и рыбаки, с которыми он вместе выходил в море, и подружки, и кузнец, делавший кремневое оружие, — все они не сводили с него глаз. Локридж решительно расправил плечи.

— А может и нет, — возразил он. — Может, они в будущем — просто прислужники победителей, или станут ими, если б не мы. Я остаюсь.

— Ты смеешь... — Сторм осеклась. Несколько мгновений она стояла — неподвижная и напряженная. Потом улыбнулась, протянула руку и потрепала его по щеке.

— Я должна была знать, — сказала она. — Хорошо. Я тоже остаюсь.

ГЛАВА VII

Они шли на запад по лугам, оставляя слева дубовый лес; жители Авильдаро вышли им навстречу. В общей сложности их было человек сто — десяток колесниц, остальные двигались пешком, — не больше, чем защитников деревни. Локридж смотрел на войско противника, щурясь в блеске полуденного солнца, и с трудом мог поверить, что перед ним те самые внушающие ужас воины Боевого Топора.

По мере их приближения он сосредоточил внимание на одном из них, казавшемся типичным. Своим телосложением воин не слишком отличался от людей Тенил Оругарэй — разве что был несколько меньше ростом и более коренастым; волосы его были заплетены в косу, борода раздвоена; лицо с резкими чертами и крючковатым носом — скорее центральноевропейского, чем славянского типа. На нем была короткая куртка и кожаная юбка до колен с выжженным символом клана; он держал круглый щит из буйволовой кожи с изображенной на нем свастикой; оружием ему служили кремневый кинжал и красиво отделанный каменный

топор. Губы его были плотоядно раздвинуты в нетерпеливой усмешке.

Колесница, которую он сопровождал, представляла собой легкую двухколесную повозку из дерева и прутьев, запряженную четырьмя косматыми лошадками. Правил ими юноша, невооруженный и в одной лишь набедренной повязке. Позади него стоял его хозяин — видимо, вождь, ростом выше многих, он размахивал топором, длинным и тяжелым, словно алебарда; рядом с ним были укреплены два готовых к бою копья. На вожде были шлем, латы и наколенники из армированной кожи; на поясе висел короткий бронзовый меч, на плечах развевался выцветший плащ из выделанного на юге полотна; под косматой бородой сверкало массивное золотое ожерелье.

Таковы были ютоазы.

Завидев неровный строй жителей рыбацкой деревни, они замедлили движение. Затем вождь на передней колеснице протрубил в бычий рог, отряд разразился боевым кличем, похожим на волчий вой, и кони перешли в галоп. Подскакивая и раскачиваясь, мчались за лошадьми повозки, вприпрыжку неслись пешие воины, гремели топоры, ударяя по туго, как на барабане, натянутой коже щитов.

Эхегон с мольбой посмотрел на Сторм и Локриджа:

— Пора?

— Еще немного. Пусть подкатятся поближе, — Сторм вглядывалась, прикрыв глаза ладонью, — что-то тут не так — вон тот, в задних рядах... из-за других не вижу...

Локридж ощущал, как растет позади него напряжение: шумное дыхание и шепот, шарканье переступающих ног, острый запах пота. Люди, вышедшие защищать свои жилища, не были трусами. Однако враг был специально оснащен и обучен для сражений; даже ему, человеку из двадцатого века, знакомому с танками, атака колесниц казалась все ужаснее по мере того, как они вырастали перед ними.

Он поднял ружье и прижался щекой к прохладной и твердой ложе. Сторм неохотно разрешила использовать сегодня оружие из времени Локриджа. И, возмож-

но, знание того, что им предстоит увидеть стреляющие молнии — пусть даже на их стороне, — подвергало мужество людей Тенил Оругарэй еще большему испытанию.

— Лучше позволь мне начать стрелять, — сказал Локридж по-английски.

— Подожди! — Голос Сторм прозвучал так резко, перекрыв окружающий гвалт, что он обернулся к ней. Ее кошачьи глаза сузились, обнажились зубы; ее рука лежала на энергопистолете, которым, по ее словам, она не собиралась пользоваться. — Я должна сперва увидеть того человека.

Воин на колеснице поднял и вновь опустил топор.

Лучники и пращники в задних рядах ютоазов остановились; оружие показалось в их руках; камни и стрелы с кремневыми наконечниками со свистом полетели в сторону прибрежных жителей.

— Огонь! — заревел Эхегон. В этом не было нужды: одновременно с возмущенным рычанием с передней линии его войска разрозненным залпом полетели стрелы.

На таком расстоянии они не причинили противнику никакого вреда. Локридж видел, как две-три стрелы ударились о щиты, остальные вообще не достигли цели. Но ютоазы мчались во весь опор — до столкновения оставалось, вероятно, не больше минуты. Уже можно было различить раздувающиеся ноздри и белки глаз передних лошадей; Локридж хорошо видел развевающиеся гривы, вспыхивающие на солнце кнуты, безбородого кучера и дикую усмешку, раздвинувшую торчащую позади него бороду вождя; сверкал поднятый топор с блестящим, словно металл, каменным острием.

— К черту все! — закричал он. — Я хочу, чтоб они знали, от чьей руки погибли!

Он взял вождя на прицел и спустил курок. Сильная отдача несколько охладила его пыл. Звук выстрела потерялся в криках, топоте копыт, скрипе осей и грохоте колес. Однако воин, служивший мишенью, широко раскинул руки и упал на землю. Его «алебарда», описав дугу, последовала за ним. Трава скрыла ютоаза вместе с его оружием.

Юноша-возница осадил лошадей — видно было, что он до смерти напуган. Локридж сразу сообразил, что нет необходимости убивать людей, повернулся и занялся следующей упряжкой. Бах! Бах! Достаточно по одной лошади из упряжки, чтобы вывести повозку из строя. Камень со звоном отскочил от дула ружья. Но вторая колесница перевернулась — упряжь спуталась, гребень сломался, разбилось колесо. Оставшиеся в живых лошади пятились и испуганно ржали.

Локридж заметил, что ряды нападавших дрогнули. Остановить еще пару боевых колесниц, и завоеватели разбегутся. Он шагнул вперед, чтобы иметь хороший обзор, — волнение заставило его забыть о стрелах. Солнечные блики играли на металлическом стволе ружья.

И тут в него ударило само солнце.

В мозгу Локриджа прогремел взрыв. Ослепленный, разбитый вдребезги, он погрузился в ночь.

Сознание возвращалось с потоком страдания. Перед глазами все еще плясали пятна света. Сквозь крики, ржание, грохот и гул он услышал громкий клич:

— Вперед, ютоазы! Вперед с Небесным Отцом!

Призыв прозвучал на языке, известном диаглоссе, но не на том, на котором говорили люди Тентил Оругарэй.

Локридж неуклюже поднялся на четвереньки. Первое, что он увидел, было валявшееся на земле его наполовину расплавившееся ружье. Видимо, на это разрушительное действие ушла большая часть лучевой энергии: патроны в обойме не взорвались, сам он отделался сильными ожогами лица и груди. Но внутри все горело. Трудно было думать.

Рядом лежал мертвый. Его лицо было месивом обгорелых костей и мяса, но по медному браслету на руке можно было узнать Эхегона.

Сторм стояла поблизости, достав собственное оружие, чтобы соорудить энергозащиту. Вокруг нее всеми цветами радуги переливались короткие вспышки пламени. Вражеский луч пробежал мимо и скосил троих молодых людей, вместе с которыми Локридж не так давно охотился на тюленей.

Страшен был рев ютоазов, когда они, прокравшись сокрушительной волной, смяли защитников деревни. Локридж увидел, как один из сыновей Эхегона — нельзя было не узнать эти черты лица, это упорство — выставил и упер в землю копье, будто на него неслись не лошади, а дикий кабан. Колесница с грохотом пронеслась мимо. Стоявший в ней воин с поразительной ловкостью взмахнул топором. Брызнул раскроенный мозг; сын Эхегона упал рядом со своим отцом. Ютоаз торжествующе заухал, нанес удар топором по другую сторону повозки — кому, Локридж не видел, — метнул копье в одного из лучников и умчался.

Охваченные паникой, жители деревни с воплями бежали со всех сторон к лесу. Дальше их не преследовали: ютоазы, чьи боги-покровители обитали на небе, не любили полумрака и шорохов леса. Они повернули назад, чтобы добить и скальпировать раненых врагов.

Одна из колесниц летела прямо на Сторм, которая сейчас напоминала львицу, готовящуюся к прыжку в мерцающем энергетическом поле; Локриджу в его полусознательном, бредовом состоянии казалось, что перед ним оживают сцены из мифологии. А ведь у него еще остался «уэбли»... Он нащупал его, но, не успев достать, потерял сознание. Последнее, что он видел, был человек, стоявший в повозке позади кучера, — это был не ютоаз, а мужчина без бороды и с белой кожей, очень большого роста, в черном плаще с капюшоном, хлопающим у него за спиной, словно крылья...

Локридж просыпался медленно. Он лежал на земле, и какое-то время ему было достаточно сознания того, что он не чувствует боли.

Постепенно, отрывками он вспомнил о том, что произошло... Услышав женский крик, он наконец открыл глаза и сел.

Солнце уже зашло, но сквозь дверной проем хижины, где он находился, за линией берега и отливающим кровью Лимфьордом он видел еще освещенные облака. Из единственной комнаты все было вынесено, а вход был закрыт ветками, переплетенными ремнями и при-

крепленными к дверному косяку. Снаружи у входа стояли двое ютоазов. Один из них постоянно заглядывал внутрь, дотрагиваясь до веточки омелы, защищающей от колдовства. Его напарник с завистью следил за двумя воинами, гнавшими вдоль берега нескольких коров. Повсюду вокруг царила суматоха, слышались крики и хриплый мужской хохот, стук лошадиных копыт и скрип колес; побежденные же в это время оплакивали свое горе.

— Как ты себя чувствуешь, Малькольм?

Локридж повернул голову. Рядом с ним стояла на коленях Сторм Дарроуэй. Ее фигура почти не выделялась среди других теней во мраке хижины, но он уловил аромат ее волос, ощутил мягкое прикосновение ее рук; никогда еще он не слышал в ее голосе такой тревоги.

— Жив... как будто. — Он потрогал пальцами лицо и грудь — они были смазаны каким-то жиром. — Не болит. Я... Правду сказать, я чувствую себя отдохнувшим.

— Тебе повезло, что у Брэнна были с собой противошоковые средства и ферментативная мазь и что он захотел спасти тебя, — сказала Сторм. — Твои ожоги совсем заживут к завтрашнему дню. — Она помолчала и добавила: — Так что мне тоже повезло. — Она произнесла это таким тоном, что можно было подумать, что говорит Аури.

— Что происходит там, снаружи?

— Ютоазы грабят Авильдаро.

— Женщины... дети... Нет! — Локридж попытался встать, но Сторм заставила его опуститься.

— Побереги силы.

— Но эти дьяволы...

— В настоящий момент, — сказала Сторм с долей прежней резкости в голосе, — твои подружки не слишком страдают. Вспомни местные нравы. — Ее тон опять стал сочувственным. — Но, конечно, они оплакивают тех, кого любят, мертвых или убежавших, а сами они будут рабынями... Нет-нет, погоди! Это тебе не Юг. Жизнь рабыни у варваров не так уж отличается от жизни самого варвара. Она страдает, да, — от неволи,

от тоски по дому, от того, что никакая женщина у индоевропейцев не пользуется таким уважением, каким она пользовалась здесь. Но прибереги свою жалость на будущее. Мы с тобой находимся в куда худшем положении, чем твоя вчерашняя юная спутница.

— Ну ладно, — сдался он. — Почему у нас ничего не вышло?

Она передвинулась, села перед ним на пол, обхватила руками колени и со свистом выдохнула сквозь сжатые губы.

— Я оказалась слоггом, — сказала она с горечью. — Мне и в голову не пришло, что Брэнн может появиться в этом веке. Он и организовал нападение, это совершенно ясно.

В ее словах чувствовалось напряжение и боль самообвинения.

— Ты не могла этого знать, — сказал Локридж и протянул к ней руки.

— Для Хранителя, который терпит неудачу, нет оправданий. — Голос ее был холоден как лед. — Есть только неудача.

Это был кодекс той службы, чью форму он надел, и, вероятно, поэтому ему внезапно показалось, что он понимает ее и они стали одним целым. Он прижал ее к себе, как мог прижать сестру в ее горе, она положила голову ему на плечо и прильнула к нему.

Вскоре темнота стала почти полной. Она мягко высвободилась из его объятий и выдохнула:

— Спасибо.

Теперь они сидели рядом, взявшись за руки.

— Ты должен понять, что число принимающих участие в этой войне во времени невелико. — Она говорила быстрым шепотом. — С теми силами, которыми может пользоваться один человек, оно не может быть большим. Брэнн — это... у вас нет такого слова. Центральная фигура. Хотя он сам должен принимать участие в сражении, потому что так мало людей, способных на это, — он командующий, он принимает решения, сотрясающие планету, он... король. А я — такая же крупная добыча. И я — в его руках.

— Я не знаю, как он узнал, где я, — продолжала Сторм. — Просто не представляю. Если он не смог найти меня в твоем столетии, то как он сумел выследить меня здесь, в этой забытой эпохе? Это пугает меня, Малькольм. — Ладонь, крепко сжимавшая его руку, была совсем холодной. — Какое искривление произвел он в самом времени?

— Он здесь один. Но больше никого и не требовалось. Думаю, что он вышел из туннеля, но дольменом раньше нас, разыскивал людей Боевого Топора и стал их богом. Это было нетрудно. Все пришествие индоевропейцев, поклоняющихся Диаушу Питару, Небесному Отцу, Солнцу, — гуртовщиков, оружейников, воинов на колесницах и без них, людей с умелыми руками и безудержными мечтами, чьи жены — прислужницы, а дети — собственность, — все это организовано Патрулем. Понимаешь? Завоеватели — разрушители древней цивилизации, старой веры; они — предки людей механической эпохи. Ютоазы принадлежат Брэнну. Ему достаточно появиться среди них, как мне достаточно появиться в Авильдаро или на Крите, и они уже будут смутно понимать, кто он такой, и он будет знать, как ими управлять.

— Каким-то образом ему стало известно, что мы здесь, — продолжала она. — Он мог бы выступить против нас со всеми своими силами. Но это могло бы встревожить наших агентов, которые еще сильны в этом тысячелетии, и привести к неконтролируемым событиям. Вместо этого он дал указание ютоазам напасть на Авильдаро, поклявшись, что солнце и молния будут сражаться на их стороне, и он сдержал слово.

— Победив, — Локридж почувствовал, как она передернулась, — он пошлет за определенными людьми из своих и за всем, что ему еще понадобится, чтобы подвергнуть меня обработке.

Он крепко обнял ее.

— Слушай, — лихорадочно зашептала она ему в ухо, — вдруг у тебя появится возможность спастись — как знать? Книга времени была написана, когда произошел направленный наружу взрыв Вселенной; но мы еще не перевернули страницу. Брэнн примет тебя за

простого наемника. Возможно, он не сочтет тебя опасным. Если сможешь... если удастся... двигайся по коридору в сторону будущего. Найди господина Йеспера Фледелиуса — в Виборге, в гостинице «Золотой Лев», в канун Дня Всех Святых в любом из годов от 1521 до 1541. Можешь это запомнить? Он один из нас. Если только ты найдешь его, то возможно, возможно...

— Да. Конечно. Если. — Локриджу не хотелось больше говорить. Пусть объяснит все через час-другой. А сейчас она так одинока... Он положил свободную руку ей на плечо. Подвинувшись, так что его рука соскользнула вниз, она прижалась губами к его губам.

— Мне недолго осталось жить, — прошептала она, задыхаясь. — Пользуйся тем, что у меня есть. Дай мне утешение, Малькольм.

«Сторм, о Сторм!» — только и мог подумать Локридж. Он ответил на ее поцелуй, утонул лицом в волнах ее волос. И не было больше ничего — лишь темнота и она...

Свет факела упал сквозь решетку. Взметнулось копье.

— Выходи! — рявкнул охранник. — Ты, мужик. Он желает тебя видеть.

ГЛАВА VIII

Патрульный Брэнн сидел в одиночестве в Длинном Доме. Священный огонь погас, но свет, исходивший из кристаллического шара, падал на медвежью шкуру, покрывавшую возвышение, на котором он расположился. Воины, которые привели Локриджа, преклонили колени в благоговейном ужасе.

— О, наш Бог, — сказал их дородный рыжий начальник. — Мы привели колдуна по твоему приказанию.

— Хорошо, — кивнул Брэнн. — Подождите в углу.

Четверо воинов отсалютовали томагавками и отошли за пределы освещенного круга. Их факел шипел, отбрасывая красные и желтые искры, в свете которых

их обветренные лица были едва различимы. Молчание затянулось.

— Садись, если хочешь, — мягко сказал Брэнн по-английски. — Нам нужно о многом поговорить, Малькольм Локридж.

Откуда он узнал его полное имя?

Американец остался стоять, поскольку иначе ему пришлось бы сесть рядом с Брэнном, и внимательно оглядел его. Так вот он, враг.

Патрульный успел снять плащ; он оказался худым и мускулистым, почти семи футов ростом; на нем был облегающий черный костюм — такие Локридж уже видел в подземном коридоре. У него была очень белая кожа, руки изысканной формы, лицо... пожалуй, красивое: узкое, с прямым носом; холодное совершенство линий. Следов бороды не было, густые волосы были коротко подстрижены и напоминали соболиную шапку. Глаза отливали сталью.

— Что ж, можешь постоять. — Он улыбнулся и указал на бутылку и два тонких, изящных бокала, стоявшие рядом с ним. — Выпьешь? Это бургундское 2012 года. То был чудесный год.

— Нет, — отказался Локридж.

Брэнн пожал плечами, налил себе и отпил.

— Я вовсе не желаю тебе зла.

— Ты его уже достаточно причинил, — огрызнулся американец.

— Это, безусловно, прискорбно. Но если человек прожил всю жизнь с концепцией необратимости, неизменяемости времени, видел вещи куда страшнее, чем сегодня, да не один, а множество раз; если сам подвергался такому же риску — что проку в сентиментальности? Если уж на то пошло, Локридж, ты сам сегодня убил человека, чьи жены и дети будут оплакивать его.

— Так ведь он же хотел убить меня!

— Верно. Но он не был дурным человеком. Он управлял своими родными и иждивенцами как мог лучше, достойно вел себя с друзьями и не стремился быть особенно жестоким с врагами. По пути сюда ты проходил через деревню. Если честно: ты ведь не видел ни

убийств, ни пыток, ни избиений, ни поджогов, — скажи, не видел? В целом, в ближайшие века эта последняя волна иммигрантов будет смешиваться с местным населением довольно мирно. Сегодняшняя потасовка — в некотором роде исключение. Гораздо чаще — во всяком случае, в Северной Европе, если не на юге и востоке — пришельцы будут занимать господствующее положение просто благодаря тому, что их обычаи более подходящи для приближающегося бронзового века. Они более мобильны, их горизонты шире, они лучше умеют защищаться. Поэтому аборигены станут подражать им. Ты и сам сформировался не без их влияния, и многое из того, что тебе дорого, подверглось этому воздействию.

— Это все слова, — сказал Локридж. — А то, что благодаря тебе они напали на нас, — это факт. Ты убил моих друзей.

— Не я, — покачал головой Брэнн. — Это Кориока.

— Кто?

— Эта женщина. Каким именем она назвалась?

Локридж заколебался. Однако он не видел смысла упрямиться по пустякам.

— Сторм Дарроуэй.

Брэнн беззвучно рассмеялся.

— Вполне подходяще. Она всегда любила показуху. Прекрасно, если хочешь, будем называть ее Сторм. — Он поставил свой бокал и наклонился вперед. Черты его вытянутого лица посуровели. — Появившись в этой деревне, она принесла горе ее жителям. И она знала, чем это грозит. Ты серьезно думаешь, что ее хоть каплю волновало, что может произойти, — с ними или с тобой? Нет, мой друг, нет, вы были просто пешками в очень большой и очень давней игре. Она формировала целые цивилизации и отбрасывала их, когда они больше не были нужны для осуществления ее замыслов, так же спокойно, как ты отбросил бы сломанный инструмент. Что ей горстка дикарей из каменного века?

— Заткнись! — заорал Локридж, сжав кулаки.

Стоявшие в тени ютоазы заволновались и зарворчали. Брэнн дал им знак оставаться на месте, однако держал руку на широком, медного цвета поясе, где висел энергопистолет.

— Как видно, она и впрямь производит громадное впечатление, — пробормотал он. — Она, разумеется, сказала тебе, что ее Хранители сражаются за абсолютное добро, а мои Патрульные — за абсолютное зло. Опровержений ты слушать не хочешь. Но подумай сам, парень: разве когда-нибудь так бывало?

— Было в мое собственное время, — возразил Локридж. — Например, нацисты. — Брэнн насмешливо поднял брови, и он поспешил добавить неуверенным голосом: — Я не утверждаю, что союзники были святыми. Но, черт побери, выбор был ясен.

— Где у тебя доказательства, кроме слова Сторм, что в войне, идущей во времени, сложилась аналогичная ситуация? — спросил Брэнн.

Локридж нервно сглотнул. Ночь, казалось, смыкается вокруг него — мрак, и сырость, и далекие неразличимые лесные звуки. Он вдруг остро ощутил свое одиночество и, чтобы прогнать это чувство, до боли сжал челюсти.

— Послушай, — очень серьезно сказал Брэнн, — я не утверждаю, что мы, Патрульные, — образцы добродетели. Эта война не менее безжалостна, чем любая из прошлых войн; это война между философиями; две стороны, принимающие в ней участие, формируют само прошлое, их породившее. Подумай, прошу тебя. Наука, которая дает людям возможность лететь на Луну и еще дальше, освобождает их от тяжкого труда и спасает от голода, помогает вылечить ребенка, погибающего от дифтерита, — это зло? Конституция Соединенных Штатов — зло? Это что, зло, если человек использует свой разум — то, чем он отличается от животных, — и старается обуздать в себе зверя? А если нет, то откуда все это появляется? Какой взгляд на жизнь, какой образ жизни нужны для создания этого?

— Только не путь Хранителей! Неужели ты и вправду думаешь, что эта направленная к земле, полная заговоров и заклинаний, основанная на животном инстинкте, разнузданная вера в Богиню сможет когда-нибудь подняться над собой? Тебе хотелось бы, чтоб она возродилась в будущем? В мою эпоху это, знаешь

ли, произошло. А потом, подобно змее, кусающей свой хвост, она вернулась назад, чтобы морочить и пугать людей в этом смутном прошлом, пока они не станут ползать на брюхе перед Ней. О, они в некотором роде могут быть счастливы: воздействие на них не так уж сильно. Но погоди, пока увидишь ужас настоящего правления Хранителей!

Подумай — это всего лишь маленький археологический штрих: местные жители хоронят своих мертвых в общих могилах. А культура Боевого Топора предоставляет каждому отдельную. Это тебе что-нибудь говорит?

На какое-то мгновение Локриджу вспомнилось, как его дед рассказывал ему об индейских воинах. Он всегда сочувствовал индейцам, но если бы он мог переписать по-новому историю, стал бы он это делать?

Локридж отогнал тревожную мысль, выпрямился и сказал:

— Я выбрал сторону Сторм Дарроуэй и не стану менять решения.

— А может, это она выбрала тебя? — мягко спросил Брэнн. — Как вы с ней встретились?

Локридж сперва не собирался говорить ни слова. Один Бог знает, каким вражеским целям это может послужить. Однако — что же, Брэнн вел себя совсем не как негодяй. А если удастся его успокоить, он, может быть, мягче обойдется со Сторм. Да так или иначе, какое значение могут иметь детали его вербовки? Локридж кратко рассказал. Брэнн задал несколько вопросов. Прежде чем Локридж понял, что происходит, он уже сидел рядом с Патрульным, держа в руке бокал, и рассказывал обо всем.

— Ага, так, значит. — Брэнн кивнул. — Любопытно. Хотя ничего необычного. Обе стороны используют в своих операциях коренных жителей. Это одна из практических причин, которые вызывают все эти манипуляции с культурами и религиями. Однако у тебя, кажется, незаурядные способности. Мне хотелось бы, чтоб ты был моим союзником.

— Этого не будет, — ответил Локридж менее решительно, чем собирался.

Брэнн искоса взглянул на него.

— Не будет? Может и нет. Но расскажи-ка ты мне, как Сторм Дарроуэй доставала деньги в вашей эпохе?

— Грабежом, — вынужден был признать Локридж. — Настраивала пистолет на оглушение. У нее не было выбора. Вы вели войну.

Брэнн достал свой пистолет и повертел его в руках.

— Может, тебе будет интересно узнать, — сказал он безразличным тоном, — что это оружие не может быть установлено на мощность ниже смертельной.

Локридж вскочил, уронив бокал. Он не разбился, но вино растеклось по полу, точно кровь.

— Правда, зато оно может дезинтегрировать труп, — добавил Брэнн.

Локридж выбросил вперед кулак, целясь ему в зубы, но Брэнн увернулся, отпрыгнул в сторону и направил на него пистолет.

— Полегче! — предупредил он.

— Ты врешь, — проговорил Локридж, задыхаясь от ярости.

— Если я когда-нибудь смогу тебе доверять, с удовольствием дам тебе самому его испытать, — сказал Брэнн. — А пока пошевели мозгами. Мне кое-что известно о двадцатом веке — не только благодаря диаглоссе, но и благодаря тому, что я несколько месяцев провел, охотясь за своим противником, — я знал, что ей удалось скрыться. По твоим словам — спокойно, я сказал! — по твоим словам, Локридж, у нее были тысячи долларов. Скольких прохожих пришлось ей оглушить, чтобы очистить их кошельки, прежде чем она набрала эту сумму? Разве волна таких ограблений, когда люди один за другим приходят в сознание после загадочного обморока, не стала бы сенсацией года? Разве не стала бы? Но в газетах не было ни слова.

С другой стороны, исчезновения — вещь весьма распространенная, и если человек пропадает без вести, то сообщение об этом появляется разве что на последней странице местных газет... Подожди. Я не говорил, что она никогда не пользовалась пистолетом, чтобы ограбить ночью пустой дом, а потом поджечь его, чтоб замести следы, — хотя и странно, что она не сказала

тебе, что это и был ее modus operandi[1]. Но я представляю тебе доказательства того, что она, может, и не сознательная преступница, может, просто безжалостная. В конце концов, она ведь богиня. Что смертные для нее, бессмертной?

Локридж с шумом втянул воздух. Его била непроизвольная дрожь, похолодели конечности и пересохло во рту.

— У тебя преимущество передо мной, — с усилием выговорил он. — Но я ухожу. Я не обязан больше слушать.

— Не обязан, — согласился Брэнн. — Думаю, лучше всего, если правда будет открываться тебе постепенно. Ты человек, который умеет хранить верность. Поэтому я и думаю, что ты можешь оказаться ценным, когда решишь, кому в действительности нужно эту верность хранить.

Злобно огрызнувшись, Локридж резко повернулся и шагнул к двери. Ютоазы сразу подбежали и окружили его.

— К твоему сведению, — бросил Брэнн ему вслед, — ты все-таки перейдешь на другую сторону. Как, ты полагаешь, мне стало известно о коридоре Хранителей в Америке и о том, что Сторм удрала в эту эпоху? Откуда, ты думаешь, я знаю твое имя? Ты отправился в мое время, туда, где находился я, Локридж, и предупредил меня!

— Врешь! — завопил он и выбежал из дома.

Сильные руки заставили его остановиться. Он долго стоял и громко ругался.

Наконец спокойствие частично вернулось к нему. Локридж огляделся вокруг, словно ища новую опору для своего пошатнувшегося мира. В Авильдаро было пусто и тихо. Женщин и детей, не ушедших в лес со стариками и старухами, которых победители с пренебрежением отпустили, согнали вокруг мерцающих на лугу костров. Оттуда доносилось грустное мычание захваченных коров; еще дальше слышалось кваканье ля-

---

[1] Способ действия (*лат.*).

гушек. Дома казались черными пятнами с мохнатыми шапками крыш; за домами поблескивала вода, позади шелестела роща, над ними раскинулось великолепное звездное небо. Воздух был прохладным и влажным.

— Непросто это — разговаривать с богом, а? — посочувствовал рыжий начальник охраны.

Локридж фыркнул и направился в сторону хижины, где была Сторм. Ютоаз остановил его.

— Стой, колдун. Бог сказал, что тебе нельзя ее больше видеть, а то могут быть неприятности.

В своем буйном возбуждении Локридж пропустил эти слова Брэнна мимо ушей.

— И еще он сказал, что отобрал у тебя колдовскую силу, — добавил воин. — Так что почему бы тебе не побыть таким же человеком, как все? Мы должны тебя сторожить, но мы не желаем тебе зла.

«Сторм!» — кричала душа Локриджа. Но делать было нечего: приходилось оставить ее одну, в непроглядном мраке. Факел в руке юноши со странно привлекательным веснушчатым лицом отбрасывал беспокойный тусклый свет на готовые к действию томагавки.

Он сдался и зашагал в ногу со стражниками. Начальник шел рядом с ним.

— Меня зовут Уитукар, сын Хронаха, — сказал он приветливо. Находясь под покровительством бога, он ничуть не боялся колдуна. — Моя эмблема — волк. А ты кто, откуда явился?

— Локридж посмотрел в его откровенные, ждущие ответа голубые глаза и почувствовал, что не может испытывать к нему ненависти.

— Зови меня Малькольмом, — хмуро ответил он. — Я из Америки, это далеко за морем.

— Мокрый путь, — поморщился Уитукар, — это не по мне.

Тем не менее, вспомнил Локридж, датчане — как и все европейцы — в конце концов обойдут на кораблях моря всего света. Так что дух Крита и Тенил Оругарэй все-таки выстоит. До сих пор, во всяком случае, Брэнн говорил правду: люди Боевого Топора были не какими-то извергами, а просто иммигрантами. Более воинственными, конечно, чем древнее население этой земли;

более индивидуалистичными, несмотря на то что правили ими аристократы, разъезжавшие на колесницах; у них была более простая религия, согласно представлениям которой боги управляли космосом так же, как у поклоняющихся им людей отец управляет своим семейством; однако эти люди обладали отвагой, чувством чести и определенной грубоватой добротой. Не их вина, что существа в черном проникли сквозь время и использовали их в своих целях.

Словно читая его мысли, Уитукар продолжал:

— Понимаешь, я ничего дурного не могу сказать о морских и лесных племенах. Они храбрые, и я, — он начертал в воздухе знак, — уважаю их богов. Мы бы не напали на вас сегодня, если бы нам не приказал наш бог. Но он сказал нам, что в этом селении укрывается ведьма — его враг. Ну, а теперь, коли уж мы здесь, мы получим свою награду. По мне, я бы лучше вел обмен. Может, со временем взял бы жену из их женщин. Это выгодно, если она из зажиточного дома. Они, видишь ли, наследуют по женской линии, значит, я получил бы вещи ее матери. Но раз уж все так получилось, думаю, мы расширим досюда пастбищные угодья, поскольку земля теперь наша. Но нас не так много, чтобы вечно воевать с окрестными деревнями. Если мы не сумеем договориться, придется забрать добычу и отправляться домой. — Он пожал плечами. — Вожди будут держать совет по этому поводу.

Какая-то отрешенная часть сознания Локриджа, преодолев четыре тысячи лет, начала анализировать слово, которым обозначался «вождь». Оно означало просто «патриарх», человек, обладающий значительной собственностью, стоящий во главе своих сыновей, слуг и честолюбивых юношей, поступивших к нему на службу. В этом качестве он также совершал богослужения во время жертвоприношений; однако здесь не было никакого духовенства и ничего, подобного той традиции, которая закрепляла за членом клана Тенил Оругарэй его положение еще до рождения. В связи с этим религия у ютоазов не была такой обязывающей: меньше табу, ритуальности, страха перед неведомым, — чистая вера в солнце, ветер, дождь, огонь. Более мрачные

элементы скандинавского язычества будут включены позднее из древних культов земли.

Локридж прогнал эти мысли и лихорадочно попытался сосредоточиться на языке. Такой вещи, как индоевропейский язык, не существовало, только набор понятий, нашедших отражение в грамматике и словаре, который оказал влияние на язык коренного населения, подобно тому как нормандскому диалекту французского языка предстояло оказать влияние на английский язык. (Дочь — dohitar — доярка, чей труд считался в Авильдаро мужским.) Меньше половины слов, употребляемых Уитукаром, пришло из черноморских степей. Сам он, скорее всего, родился в Польше, Германии или...

— Вот мы и пришли, — сказал ютоаз. — Извини, но нам придется связать тебя на ночь. Это не дело, так поступать с мужчиной. Но бог приказал. Да и не лучше ли спать на свежем воздухе, чем в какой-нибудь вонючей хижине.

Локридж едва расслышал. С проклятием он остановился как вкопанный.

Высоко вздымалось пламя костра, затянув пеленой дыма Большую Медведицу; в его пляшущем свете виднелись колесница Уитукара и пасущиеся стреноженные лошади. Вокруг разлеглось еще полдюжины человек — оружие они держали под рукой, но глаза у них были сонные и усталые. Один из них — юноша лет семнадцати, кажущийся широкоплечим в своих кожаных латах, со старым боевым шрамом на пухлой щеке — держал в руке ремень. Другой его конец был обмотан вокруг запястья Аури.

— Именем всех Марутов! — воскликнул Уитукар. — Что это?

Девушка лежала, сжавшись в своей безнадежности. Увидев Локриджа, она с криком вскочила на ноги. Волосы ее были спутаны, слезы оставили дорожки на заляпанном грязью лице, на бедре виднелся пурпурно-красный шрам.

Парень осклабился.

— Мы услыхали не так давно, как кто-то крадется. Я ее нашел и поймал. Девчонка ничего, а?

— Рысь! — взмолилась Аури на своем родном языке. — Рысь! — Шатаясь, она шагнула в его сторону.

Молодой воин дернул за привязь, и она упала на колени.

— Рысь, я убежала в лес, но я должна... я должна была вернуться и увидеть, как ты... — Она не могла говорить.

Локридж стоял, объятый кошмаром.

— Ну что ж, отлично, — улыбнулся Уитукар. — Видно, боги любят тебя, Туно.

— Я ждал, пока ты вернешься, вождь, — сказал юноша с ноткой самодовольства. — Можно мне теперь пойти с нею?

Уитукар кивнул. Туно встал, сжал в горсти прядь волос Аури и заставил ее подняться на ноги.

— Ну ты, пошли, — бросил он. Зубы его обнажились в плотоядной улыбке, блестели влажные губы.

С пронзительным криком Аури попыталась вырваться. Туно залепил ей пощечину с такой силой, что у нее затряслась голова.

— Рысь! — рыдала она жутким, полным муки голосом, в отчаянии цепляясь за слова. — Я не должна!

Локридж скинул с себя оцепенение. Он знал, что она имеет в виду. Пока с нее не снят запрет, переспать с мужчиной было для Аури равносильно смерти, даже хуже смерти. Плевать, что это предрассудок; а что бы чувствовала на ее месте его сестра?

— Нет! — заревел он.

— Что? — отозвался Уитукар.

— Я знаю ее. — Локридж схватил вождя за плечи и тряхнул. — Она священна, к ней нельзя прикасаться: самое страшное проклятие навлечет на себя тот, кто ее тронет.

Мужчины, сидевшие вокруг костра и с интересом наблюдавшие сцену, в гневе вскочили. Уитукар выглядел смущенным. Однако Туно, как ни был возбужден, только огрызнулся:

— Врет он!

— Я могу поклясться чем угодно, — сказал Локридж.

— Чего стоит клятва колдуна? — усмехнулся Туно. — Если он имеет в виду, что она девушка, то что, нам когда-нибудь было хуже от этого? А больше она никем не может быть. У них здесь нет священных женщин, кроме одной древней старухи, которая в молодости нарожала кучу щенков.

Уитукар нервно пощипывал бороду, его глаза перебегали с одного воина на другого.

— Верно... Это верно, — проговорил он. — Все так, но лучше не рисковать.

— Я свободный человек, — резко возразил Туно. — Если что случится, то падет на мою голову. — Он рассмеялся. — Что случится прежде всего, я знаю. Пошли!

— Ты вождь! — в исступлении крикнул Локридж Уитукару. — Останови его!

— Не могу. — Ютоаз вздохнул. — Как он сказал, он свободный человек. — Уитукар проницательно посмотрел на американца. — Я видел людей, боящихся гнева богов. Ты не похож на них. Может, тебе самому ее хочется?

Аури впилась ногтями в ухмыляющую рожу Туно. Тот схватил и вывернул ее руку. Она согнулась от боли.

«А ее отец и брат лежат в поле, и вороны выклевывают им глаза...» — подумал Локридж и перешел к действиям.

ГЛАВА IX

Уитукар стоял рядом с ним. Локридж развернулся и всадил кулак ему в живот, как раз под ребра. Удар о крепкие мускулы отозвался болью в костяшках пальцев, но вождь согнулся и упал.

Веснушчатый паренек, державший факел, бросил его и схватился за топор. Помогла тренировка Локриджа, полученная в морской пехоте. Одним прыжком оказавшись рядом, он рубанул его по шее ребром ладони. Издав что-то вроде кваканья, молодой ютоаз обмяк и остался лежать неподвижно.

Прежде чем он успел схватить его оружие, Локридж почувствовал кого-то за спиной. Автоматически он за-

щитил ладонями горло. Чьи-то волосатые руки сомкнулись вокруг его шеи. Рывком он развел кисти; кольцо рук разорвалось. Повернувшись, Локридж завел ногу за щиколотки противника и толкнул его. Еще один есть!

Воины, сидевшие вокруг костра, с воплями бросились к нему. Локридж поднял валявшийся на земле факел. Будто комета пронеслась, оставляя за собой огненный хвост, когда он ткнул им в ближайшую пару глаз. Нападавший отпрянул назад и упал; двое других, споткнувшись о него, свалились, изрыгая сверху проклятия.

Локридж прыгнул через костер. Туно стоял там один, в изумлении раскрыв рот, но при приближении американца бросил повод, на котором держал Аури, чтобы освободить руки. Быстро достать топор он не мог, поэтому выхватил кремневый нож и нанес колющий удар сверху.

Локридж закрылся кистью руки; острое лезвие скользнуло по предплечью. Из разреза хлынула кровь, но он даже не заметил этого, ответил резким ударом колена, и Туно, пронзительно вскрикнув, откатился в сторону.

— Беги, Аури! — рявкнул Локридж.

Он вывел из строя лишь двоих из десяти. Остальные бежали к нему вокруг костра. Против стольких ему было не выстоять, но он мог выиграть время. Брошенное копье воткнулось в землю рядом с ним.

Он остановился, вытащил оружие из земли и повернулся к нападающим. «Не вздумай колоть этой штукой, — под стук крови в висках мелькнула у него мысль. — Длинному, прямому древку можно найти лучшее применение». Локридж взял копье в обе руки, ближе к середине, привстал на носки и стал ждать. Толпа налетела на него. С яростью он начал орудовать копьем — примерно так дрались крестьяне дубинами с железным наконечником. Неплохой удар деревянным древком по чьей-то голове, сломаны у кого-то пальцы, державшие топор, вмято солнечное сплетение; подножки, удары... Ночь наполнилась треском, звоном, рычанием, криками; в отсветах огня блестели зубы и белки глаз.

Внезапно, совершенно неожиданно, Локридж оказался один. Трое ютоазов корчились в окружавшей его темноте. Остальные разбежались. Тяжело дыша, они собрались у костра и с ужасом смотрели на него. На их лицах видны были блестящие капли пота.

— Да возьмут вас всех Маруты! — проревел Уитукар. — Он всего лишь человек!

И все-таки четырех его здоровых воинов он уложил. Они даже не успели натянуть луки.

Вождь, оклемавшийся после удара Локриджа, приблизился к нему один. Локридж взмахнул своей палкой, но Уитукар был начеку и парировал удар томагавком — с такой силой, что дрожь пробежала по костям Локриджа; оружие выпало из его онемевших рук. Уитукар отбросил его ногой подальше в сторону, издал победный клич и приблизился вплотную. К этому времени уже начал сбегаться народ от других костров.

Локридж прыгнул навстречу ютоазу. Снова блокировал удар сверху вниз. Сделал плечевой выпад. Смутно почувствовал кожей прикосновение его щетинистой бороды. Применил «рычаг» локтя. Бросок — жестокий и ловкий; треск кости, подобный пистолетному выстрелу, — и Уитукар заковылял прочь, с просвистом дыша сквозь стиснутые зубы.

Дюжий воин в тунике и с поднятым топором был уже совсем рядом. Локридж собрался с силами, увернулся, приняв удар от столкновения на бедро, захватил пальцами грубую ткань и применил один из приемов дзюдо. Прежде чем упасть, здоровенный ютоаз пролетел еще пару метров по инерции.

Ночь взорвалась криками и ревом. Воины отступили, превратившись в тени в ночном мраке. Локридж схватил томагавк Уитукара и поднял его над головой; из его горла вырвался мятежный клич.

Внезапно он понял, что произошло. Какой бы полной ни была их победа, внутренне пришельцы были потрясены действием неведомых сил, которое они наблюдали сегодня. А теперь один человек за несколько минут справился с полудюжиной закаленных воинов. Темнота и растерянность помешали им сообразить, что он просто применил тактику боя, неизвестную в эту эпоху. Он

казался чем-то вроде вырвавшегося на волю тролля, и их охватил страх.

Они не убежали, но толклись за пределами ясной видимости. Диаглосса подсказала Локриджу, что нужно крикнуть:

— Следующего, кто меня тронет, я съем!

Волна ужаса прокатилась в ночи. Почитатели Небесного Отца все еще боялись богов земли, которым в более удаленных от моря местностях ежегодно во время сбора урожая приносился в жертву человек.

Локридж медленно повернулся и пошел прочь. Спина напряглась в ожидании копья, стрелы, раскалывающего череп удара топором... Но оборачиваться было нельзя. Окружающий мир воспринимался смутно, как в тумане; сердце билось неровно, кружилась голова.

Перед ним вырос корявый дуб. Шелестели листья, где-то слышался крик козодоя. Локридж обошел дерево и ступил в полную темноту.

Он почувствовал прикосновение чьей-то руки, отскочил и наугад нанес удар. Кулак погрузился во что-то мягкое.

— Рысь, — услыхал он дрожащий голос, — подожди меня.

Во рту у него пересохло, ему пришлось откашляться, прежде чем он смог выговорить:

— Аури, тебе надо было бежать.

— Я убежала. Я остановилась здесь, чтобы видеть, что будет с тобой. Пойдем. — Она прижалась к нему, и окружающее перестало казаться кошмарным сном. — Я знаю дорогу к лесу.

— Это хорошо. — Самообладание понемногу вернулось к нему, он снова мог думать. Выглянув из-за ствола дерева, он увидел широко разбросанные по полям костры, фигурки, снующие между ними, редкий блеск отполированного камня или меди. Низкие и хриплые мужские голоса звучали слишком далеко, чтобы можно было разобрать слова.

— Смелость скоро вернется к ним, — сказал Локридж, — особенно когда Брэнн узнает о случившемся и успокоит их. Лес не близко, и они будут нас искать. Мы можем как-нибудь спрятаться?

— Богиня Земли поможет нам, — ответила Аури.

Она вывела его на открытое пространство и опустилась на четвереньки. Тонкая и гибкая, словно ласка, она зигзагами поползла по лугу, выбирая места, где трава была повыше. Локридж следовал за ней. На четвереньках он двигался несколько более неуклюже, но когда-то, Бог знает сколько лет тому назад, в еще не наступившем будущем, ему приходилось так ползать. Правда, тогда он был еще мальчишкой.

Когда враги уже не могли их увидеть, они встали и вприпрыжку побежали к югу. Оба молчали: нужно было беречь дыхание. Зрачки у Локриджа понемногу расширились, и он уже мог видеть, как ветерок колышет траву, видел рощицы, бледные сверху и абсолютно черные внизу, стоящие под сверкающими высоко в небе созвездиями; сквозь топот ног он слышал, как залаяла лисица, пробежал заяц, хором заквакали лягушки. Аури бежала рядом с ним — само воплощение грации; при свете звезд ее волосы казались совсем белыми.

Затем послышался волчий вой из леса, уже черневшего впереди. Словно это был сигнал, протрубили рога, и позади раздались крики преследователей.

Оставшаяся часть пути промелькнула как в тумане. Локридж никогда не сумел бы спастись, если бы не Аури. Бегом, наклоняясь и изгибаясь, она провела его по всем углублениям в земле, через каждую полосу тени, которую предоставляла ей ее Богиня. Один раз им пришлось спрятаться за камнем, и люди прошли мимо; в другой раз они едва успели забраться на дерево, как внизу, покачиваясь, проплыли ряды копий. Когда наконец их укрыл лес, Локридж упал на землю и лежал, будто из него вытряхнули все кости.

Сознание возвращалось не сразу. Сперва он увидел блеск неба над головой — сквозь редкие небольшие просветы в листве. Не считая этого, вокруг была непроглядная ночь. Папоротник шуршал и кололся жесткими листьями, зато земля была покрыта мягким, влажным мхом с резким и острым запахом. Покалывали онемевшие руки и ноги, кровь стучала в висках. Но к нему прижималась Аури, он чувствовал ее тепло и

дыхание, ощущал легкий запах волос, пропахших дымом костра. Вокруг было тихо.

Локридж заставил себя сесть. Аури проснулась от его движения.

— Нам действительно удалось уйти? — пробормотал он.

— Да, — сказала девушка; ее голос звучал спокойнее, чем его. — Если они станут нас преследовать, мы сразу узнаем по их топоту, — в ее словах слышалось презрение ко всем неловким обитателям вересковых пустошей, — и найдем укрытие... О, Рысь! — Она обняла его.

— Да ладно, будет тебе. — Он высвободился и нащупал топор. — Я никак не думал, что мы оба спасемся. — В его голосе звучало удивление.

— Нет-нет, конечно же, ты знал, что делаешь. Ты можешь все.

— Ммм... — Локридж тряхнул головой, стараясь привести в порядок мысли. Он начал понимать, как все было на самом деле. Он не планировал события. Бедственное положение Аури пробудило в нем ярость; дальше им руководили приобретенные во время многочисленных тренировок навыки. Если только не были правы люди Тенил Оругарэй, верившие, что в человека могут вселяться Те, кто бродит по этой дикой местности.

— Почему ты вернулась? — спросил он.

— Я искала тебя — того, кто снимет с меня проклятие, — простодушно призналась Аури.

В этом был смысл, хотя его самолюбие и страдало в какой-то мере. Получалось, что она действовала в своих собственных интересах. И даже не слишком безрассудно, судя по тому, как она затем улизнула от ютоазов. Ей просто не повезло, что ее услышали и поймали, и чистая удача, что Локридж оказался именно в том отряде, который ее схватил.

Удача? Везение? Время может обернуться против себя самого. Действительно, есть такая штука, как судьба. Может быть, она и слепа... Локридж вспомнил последние слова Брэнна: «Ты отправился в мое время... и предупредил меня!» Неприятная дрожь пробежала

по его нервам. «Нет! — беззвучный крик затерялся в ночном мраке. — Это ложь!»

Дух противоречия привел его к решению. Пока в его голове созревал план и в нем росло чувство предначертанности событий, он почти не обращал на Аури внимания, но все же слышал ее слова:

— Многие ушли из Авильдаро в лес. Я знаю, где прячутся некоторые из них, те, которых я оставила, чтобы вернуться к тебе. Мы можем найти их, а потом пойти в другую деревню Тенил Оругарэй.

Локридж собрался с духом.

— Ты так и сделаешь, — сказал он. — А мне нужно в другое место.

— Как? Куда? В морскую глубину?

— Нет, это на берегу. И надо попасть туда как можно быстрее, пока Брэнн не догадался послать охрану. Заброшенный дольмен, в половине утреннего перехода в южном направлении. Знаешь его?

Аури вздрогнула.

— Да, — прошептала она. — Дом Старых Мертвых. Когда-то Тенил Васкулан жили в том месте и хоронили в нем своих великих людей; теперь там только духи. Тебе правда нужно туда? И после захода солнца?

— Да. Не бойся.

Она судорожно сглотнула.

— Не буду... раз ты говоришь.

— Тогда пошли. Веди меня.

Они зашагали сквозь заросли по оленьим тропам, окутанным темнотой, он — спотыкаясь и чертыхаясь, она — скользя неслышно, словно эльф.

— Видишь ли, — попытался объяснить Локридж, когда они остановились передохнуть, — моя... э-э... подруга, Стром, по-прежнему в руках Брэнна. Я должен попытаться привести спасателей.

— Эта колдунья? — Она вскинула голову; он услышал шорох ее спутанных волос и презрительное фырканье и не мог удержаться от усмешки. — Она что, сама не может о себе позаботиться?

— Кстати, спасательный отряд сможет также прогнать ютоазов.

— Значит, ты вернешься! — воскликнула она радостно. Ее восторг почему-то не показался ему эгоистичным. Да и ее возвращение в Авильдаро — было ли оно вызвано только эгоистическими побуждениями? Локридж почувствовал себя неуютно.

Дальше говорили мало: слишком тяжело было идти. Прошли «мертвые» часы, кончалась короткая в середине лета ночь. Начали бледнеть звезды, понемногу рассеивался окутывавший лес мрак, послышался щебет птиц, негромкий и чистый.

Локриджу казалось, что он узнает тропинку, по которой они шли со Сторм. Уже близко...

Аури напряженно застыла. Ее глаза, сияющие на смутно вырисовывающемся лице, широко раскрылись.

— Стой! — выдохнула она.

— В чем дело? — Локридж до боли в ладони сжал топор.

— Ты не слышишь?

Нет, он не слышал. Она повела его вперед, вертя головой вправо и влево, раздвигая ветки с крайней осторожностью. Наконец и он услышал: трещали кусты — пока далеко позади, но звук с каждой минутой приближался.

У Локриджа свело горло.

— Звери? — спросил он с глупой надеждой

— Люди, — ответила Аури. — Движутся в нашем направлении.

Значит, Брэнн направил воинов охранять ворота времени. Если бы ютоазы пробирались через лес так же ловко, как эта девочка, они уже поджидали бы его там. А так еще оставался какой-то шанс.

— Быстро! — скомандовал он. — Плевать на шум. Мы должны быть у дольмена раньше них.

Аури пустилась бегом, он за ней. В предрассветном сумраке Локридж споткнулся о поваленное дерево; падая, зацепился одеждой за стоявшие кругом молодые деревца, они затрещали. С полян, которые беглецы оставили позади, донеслись крики.

— Они нас услышали, — предупредила Аури. — Скорее!

Они бежали по тропинке. Стоявшие по обе стороны деревья проплывали мимо ужасно медленно. И становилось все светлее.

Наконец они выбежали из леса на луг. На траве под розовеющим небом сверкала роса. Холм был перед ними.

У Локриджа кололо в печени, не хватало воздуха. Однако он бросился к дереву с дуплом, в котором Сторм спрятала входное контрольное устройство.

Он стал шарить в дупле. Вскрикнула Аури. Локридж достал металлическую трубку и огляделся. На опушке леса показалось десятка два воинов.

Увидев их, ютоазы с ревом бросились вперед. Аури и Локридж, спотыкаясь, полезли вверх по склону холма, сквозь спутанные заросли подроста выбираясь на открытое пространство. Мимо просвистела стрела.

— Не стреляй, болван! — рявкнул предводитель ютоазов. — Бог велел взять его живым!

Локридж передвинул рычажки на трубке. Один из преследователей пробрался сквозь молодую поросль у подножия кургана, перевел дух и призывно махнул рукой своим товарищам. Необычайно ясно Локридж разглядел заплетенные волосы, кожаную юбку, мускулистую грудь и длинный томагавк. Брэнн, надо думать, подготовил этот отряд к любым — или почти любым — неожиданностям.

Трубка в его руке засветилась и завибрировала. К первому воину уже присоединились другие ютоазы. Пылая боевым задором, они начали продираться через траву и шиповник. Локридж метнул в них топор Уитукара. Предводитель уклонился и захохотал. Позади него бушевали и другие преследователи.

Сдвинулась с места земля.

Аури вскрикнула, упала на колени и схватила Локриджа за руку. Ютоазы остановились как вкопанные, а в следующую секунду с воплями бросились вниз, в заросли. Там они остановились. Насколько можно было разобрать сквозь листву, они были в полной растерянности. Локридж услыхал рев их командира:

— Бог поклялся, что никакое колдовство не причинит нам вреда! Вперед, вы, заячьи дети!

Ведущий в глубь туннеля спуск отливал белым светом. Ютоазы снова наступали. Оставить здесь Аури было невозможно. Локридж схватил девушку за руку и втолкнул ее внутрь.

Предводитель ютоазов был уже совсем близко. Локридж кубарем скатился через отверстие, упал плашмя и передвинул нужные рычажки на контрольном устройстве. Висящий над землей диск опустился и, закрыв небо, с легким шипением встал на место.

Их обступила тишина.

Ее нарушил пронзительный крик Аури; он быстро рос, поднимаясь до истерических нот. Пересилив себя, Локридж дал ей пощечину. Она осталась сидеть на том же месте, совершенно ошарашенная, глядя на него лишенными мысли глазами.

— Мне очень жаль, — сказал Локридж. И ему правда было жаль ее, когда он увидел проступившее на ее щеке красное пятно. — Но ты должна держать себя в руках. Мы теперь в безопасности.

— У-у-у... — Она тяжело и прерывисто дышала. Ее взгляд пробежал по окружающим их сияющим ледяным светом стенам. — Мы в Доме Старых Мертвых... — запричитала она, скорчившись на полу.

Локридж встряхнул ее.

— Бояться нечего, — сказал он резко. — У них нет власти надо мной. Поверь мне!

Он не рассчитывал, что самообладание вернется к ней так быстро. Она всхлипнула несколько раз, тело ее напряглось, ее била дрожь; с минуту она пристально смотрела на Локриджа.

— Я верю тебе, Рысь, — сказала она почти нормальным голосом.

Это прибавило ему сил; вместе с ними вернулось и мрачное чувство тревоги.

— Я не собирался брать тебя с собой сюда, — сказал он, — но у нас не было выхода: иначе тебя схватили бы. Теперь тебе придется увидеть много удивительного, не пугайся. — С усмешкой он вспомнил, как Сторм говорила ему почти то же самое. Неужели он так быстро освоился с существованием этого таинственного сообщения между эпохами? Его родное сто-

летие казалось уже полузабытым сном. Все это, конечно, во многом объяснялось неотложностью предстоящих дел.

— Надо двигаться, — сказал Локридж. — Ютоазы не могут проникнуть сюда за нами, но они расскажут своему хозяину, а тот может. Да вдруг еще встретим... ладно, неважно. — Если они, безоружные, наткнутся в коридоре на Патруль, это, несомненно, будет конец. — Сюда.

Аури молча следовала за ним. При виде сверкающего призрачным светом, переливающегося всеми цветами занавеса она раскрыла от изумления рот и, словно ребенок, крепко ухватилась за его руку. Локридж обшарил весь шкаф, но там были только соответствующие этому веку одежда и снаряжение. Свои сложные устройства путешественники во времени должны были таскать с собой. Проклятье!

Жуткое это было чувство — проходить через ворота, не имея ни малейшего представления о том, что ждет по ту сторону. Однако белый коридор был пуст на сколько хватал глаз; слышалось знакомое тихое жужжание. Локридж вздохнул с облегчением и тяжело плюхнулся на гравитационные сани.

Медлить тем не менее было нельзя. В любой момент кто-нибудь мог появиться из других ворот и засечь их. (Что это означало конкретно в этом времени, которое текло вне времени? Надо будет подумать.) Поэкспериментировав со светящимся щитом, Локридж выяснил, как управлять санями, и направил их в «будущее».

Аури сидела рядом с ним. Она крепко ухватилась за сиденье, но ее паника прошла, в горящих глазах даже мелькало любопытство. Она не испытывала того изумления, которое в свое время испытал он, но надо было учесть, что все встречавшиеся чудеса были для нее одинаково удивительны — и, в сущности, не более загадочны, чем дождь, ветер, рождение, смерть или смена времен года.

— Так как же нам быть? — вслух размышлял Локридж. — Мы можем доехать до 1964 года и попробовать просто смыться. Но не думаю, что это удастся. Там до хрена Патрульных, и выследить человека им

раз плюнуть, тем более что ты, крошка, будешь, правду сказать, довольно заметной. И уж если Сторм не смогла там установить связь с Хранителями, то что обо мне говорить? — Только сейчас он осознал, что говорит по-английски. Аури наверняка решила, что он произносит заклинание.

Что говорила ему Сторм?

Внезапно всем своим существом он вновь ощутил себя в хижине, служившей им тюрьмой, и она была рядом с ним, и на его губах горел ее поцелуй. На какое-то время он позабыл обо всем на свете.

Локридж возвратился к действительности. Их окружала таинственная светящаяся пустота коридора. Сторм была далеко — за сотни лет от него. Но о н мог вернуться к ней. И он вернется, черт побери!

Можно ли добраться прямо до ее века? Нет, этот коридор не тянется так далеко. И в любом случае это было бы слишком рискованно. Чем раньше они выйдут и затеряются в окружающем мире, тем лучше. Но она упоминала господина Йеспероа Фледелиуса, живущего в Виборге в эпоху Реформации. Да, это был самый верный шанс. К тому же Локриджа по-прежнему не оставляло чувство предопределенности.

Он замедлил ход саней, чтобы разглядеть надписи у ворот. Он не знал букв, но арабские цифры можно было разобрать. Было ясно, что счет лет идет от «нижнего» конца туннеля. Значит, если 1827 год до Р. Х. соответствовал 1175 году...

Когда показались номера, начинавшиеся с 45, он остановил сани и отослал их назад. Аури ждала, пока он разбирался в разметке и размышлял. Чтоб он провалился, этот фактор неопределенности! Локридж хотел выйти за несколько дней до Дня Всех Святых, чтобы успеть добраться до Виборга, но в то же время не так рано, чтобы ищейки Брэнна не напали на его след.

Со всей возможной тщательностью он выбрал линию из комплекта, соответствующего 1535 году н. э. Они с Аури крепко взялись за руки, сплетя пальцы; девушка доверчиво последовала за ним сквозь занавес.

Снова они оказались в длинной безмолвной комнате со шкафом. Спрятанная в нем одежда, однако, была совсем иной, нежели в палеолите. На выбор были представлены костюмы крестьянина, джентльмена, священника, солдата и многие другие. Локридж гадал, какой из них окажется более подходящим. Кто его знает, что за чертовщина может твориться в Дании шестнадцатого века! «Да уж, — подумалось Локриджу, — воистину чертовщина, коли тут замешана война во времени!»

Еще он нашел в шкафу кошель с золотыми, серебряными и медными монетами — Аури не удержалась от восклицания при виде всего этого блестящего металла, — что ж, деньги всегда кстати. Но человека низкого положения, имеющего при себе такую сумму, могут заподозрить в воровстве. Поэтому Локридж выбрал комплект одежды, представлявший собою, по его мнению, дорожный наряд состоятельного человека: полотняное нижнее белье и сорочка, атласный камзол, короткие штаны малинового цвета, сапоги, мягкая шляпа, голубой плащ, отороченный мехом, меч и нож (надо думать, для использования во время еды), а также всякие мелочи, о назначении которых можно было только догадываться. Разумеется, он взял диаглоссы для себя и для Аури. В шкафу было много париков — Локридж понял, что в эту эпоху носили длинные волосы. Он надел парик соломенного цвета, который, казалось, сжался словно живой и обхватил его голову так плотно, что создалась полная иллюзия естественности.

Аури сбросила юбку и украшения, в своей невинности ни капли не стесняясь его взгляда, и начала возиться с длинным серым платьем и плащом с капюшоном, которые Локридж подобрал для нее.

— Даже мореплаватели с юга не одеваются чуднее тех, кто живет под землей, — заметила она.

— Мы сейчас опять выйдем наверх, — сообщил ей Локридж. — В совсем другой стране. Так вот, эта штука, которую я засунул тебе в ухо, поможет тебе говорить и вести себя. Но лучше старайся быть как

можно скромнее и незаметнее. Всем будем говорить, что ты моя жена.

Она нахмурилась, пытаясь понять значение этого. Ее способность удивляться притупилась, она безоговорочно принимала все как есть, сохраняя в то же время настороженность лисицы, — такому отношению к окружающему могли бы позавидовать дзэн-буддисты. Но датское слово hustru содержало великое множество понятий, связанных с отношениями между полами, которые ютоазы восприняли бы как само собой разумеющееся, но которые были новыми для Аури.

Внезапно ее щеки вспыхнули. Пассивность уступила место неуемной радости, она обвила его шею руками, крича:

— Значит, проклятие снято? О Рысь, я твоя!

— Да ну же, ну! Погоди! — Он вырвался из ее объятий, уши его горели. — Не так быстро. Этот месяц — ну... В общем, здесь сейчас не весна.

Это была чистая правда. Когда они оказались снаружи, на склоне холма, и Локридж закрыл вход, их окутал мрак холодной осенней ночи; полумесяц плыл в небе среди рваных туч, ветер тихо подвывал в иссохшей траве. Голый и пустой стоял наверху дольмен. Леса, где когда-то ступали ноги Богини, не было, лишь несколько низкорослых вязов покачивались на ветру в северной стороне. За ними белели наползающие песчаные дюны, которые еще предстояло оттеснить грядущим поколениям.

Однако земля вокруг холма обрабатывалась — не так давно. Среди сорняков были заметны следы борозд, а к югу, у гряды холмов, торчала зазубренная глиняная труба — все, что осталось от сгоревшего дома. Война прокатилась по этим местам меньше года назад.

ГЛАВА X

— Неужели Кносс, о котором рассказывают, такой же большой? — спросила девушка из неолита с благоговейным ужасом.

Несмотря на усталость и тревогу, Локридж не мог сдержать улыбки. На его взгляд, Виборг XVI века был вроде городка на перекрестке дорог, где его родители делали покупки. Правда, он казался куда более приятным, особенно после двухдневного путешествия пешком через пустошь. К тому же он обещал уют в то время, когда последние лучи заходящего солнца пронизывали иссиня-черные дождевые облака, гонимые ветром, который развевал плащ Локриджа и насвистывал песню надвигающейся зимы.

За озером сквозь дубовую рощу (буки еще не успели вытеснить это доброе дерево из Дании) он разглядел заброшенный монастырь — кирпичное здание теплых тонов. Высившиеся рядом городские стены сохраняли зеленый цвет у своего основания, где на насыпи росла трава. Тот же оттенок придавал мох высоким гребням видневшихся соломенных крыш. Тянулись к небу тонкие и изящные башни собора.

— Думаю, Кносс малость побольше, — сказал Локридж.

Улыбка сбежала с его лица. «Тридцать три столетия, — подумал он. — И все надежды, расцветавшие когда-то так ярко, обратились в прах, не оставив по себе даже памяти. И другие надежды рождались и умирали, покуда сегодня...»

Диаглосса давала общую информацию, но умалчивала об исторических событиях. То же самое было и в эпоху Аури, и — он подозревал — во все годы земного существования, где открывались ворота времени. Локридж догадывался о причине этого. Патруль и Хранители вербовали для себя помощников из местных жителей, но кто может сохранить твердость, зная, что ожидает впереди его народ?

Дания переживала тяжелые дни. Они с Аури старались держаться проселочных, гужевых дорог, которые вились через лес и вересковые заросли; питались они продуктами из продовольственного пакета, а спали на открытом воздухе, прижавшись друг к другу и завернувшись в плащи, когда не столько темнота, сколько усталость заставляли их делать привал. Но они видели фермы и людей, останавливались попить

воды у колодцев; и хотя все крестьяне были угрюмые, запуганные, неразговорчивые, нельзя было не узнать кое-что. По стране гуляла песня:

Весь птичий народ, что в лесу живет,
От ястреба злого страдает.
Срывает он с птичек и перья, и пух,
Из лесу их выгоняет.

И вот уже со своими детьми
Старый орел улетает...
И птичий народ одичал совсем —
Что делать, как быть, не знает...

Через четыре столетия на этом месте будет лежать счастливая страна, которую Локридж видел. Это было слабое утешение в этот серый холодный вечер. Сколько продлится ее благополучие?

— Идем, — сказал он. — Нам надо спешить. На закате солнца они закрывают ворота.

Они шли вдоль берега озера, пока тропинка не вывела на главную дорогу. По словам мальчика, который доверился Локриджу, рассказал кое-что и даже спел ему балладу (о благородных дворянах, которые теперь, когда король Кристиан II, друг простого народа, был заключен в замок Сёндерборг, стали совершенно бессовестно этот народ притеснять), завтра был Канун Всех Святых. Локридж довольно точно рассчитал время; ему хотелось устроиться в городе и хоть немного освоиться в нем, прежде чем приниматься за поиски Йеспера Фледелиуса.

Главная дорога была грунтовой, грязной и изрытой глубокими колеями. Никакого транспорта на ней не было видно. Над Северной Ютландией все еще витал призрак прошлогоднего восстания, подавленного пушками Йоханна Рантзау.

В голых ветвях деревьев завывал ветер.

Полдюжины воинов стояло на страже у главного входа. Это были германские ландскнехты в перепачканных голубых мундирах, рукава которых раздувались вокруг лат. За плечами у них висели двуручные мечи пяти футов длиной. Две алебарды со звоном

преградили путникам дорогу, третья оказалась нацеленной Локриджу в грудь.

— Halt! — рявкнул начальник караула. — Wer gehts da?[1]

Американец облизал пересохшие губы. Наемники выглядели не слишком внушительно. Они были ниже его на несколько дюймов, как и большинство людей в этот век постоянного недоедания, — в его время, или в эпоху Аури, такого не было, — их лица под высокими шлемами были изрыты оспой. Тем не менее убить его они могли запросто.

Легенда у Локриджа была подготовлена.

— Я английский купец, путешествую со своей женой, — сказал он на их родном языке. — Наше судно потерпело крушение у западного берега. — Берег этот был настолько пустынным — там, где он его видел, — что Локридж был уверен, что никто не уличит его во лжи. По сведениям, полученным от диаглоссы, кораблекрушения были далеко не редкостью. — Мы добрались досюда сушей, — закончил он.

Сержант смотрел недоверчиво, его люди напряглись.

— В это время года? И только вы двое спаслись?

— Нет-нет, все добрались до берега целыми и невредимыми, — ответил Локридж. — Корабль сидит на мели, он получил повреждения, но не развалился. — Хоть ему и много пришлось путешествовать, но морским волком, безусловно, он не был. — Капитан решил остаться там с командой, чтобы не разграбили товары. А поскольку у меня в Виборге неотложные дела, я предложил сообщить об аварии и попросить помощи. — Локридж знал, что для того, чтоб добраться дотуда и выяснить, что он все наврал, понадобится как минимум три дня, и столько же на дорогу обратно. К тому времени его здесь уже не будет.

— Значит, ты англичанин, да? — Маленькие глазки сержанта еще сузились. — Никогда не слыхал англичанина, который говорит так, будто родился в Мекленбурге.

---

[1] Стой! Кто идет? *(Нем.)*

Локридж мысленно выругался. Надо было постараться обойтись тем немногим из немецкого, что осталось в его памяти от колледжа, и не поддаваться соблазну использовать устройство в его ухе.

— Но так оно и есть, — постарался он поправить положение. — Мой отец много лет был там комиссионером. Поверьте, я вполне порядочный человек. — Он сунул руку в кошель, достал пару золотых ноблей и многозначительно позвенел ими. — Видите, я могу позволить себе предложить достойным людям выпить за мое здоровье.

— Фридрих! Позови юнкера! — гаркнул сержант.

Один из ландскнехтов побежал через напоминавшие туннель ворота. Древко его копья стучало по булыжникам. Локридж попятился.

— Стой, где стоишь, чужеземец! — Стальное острие едва не коснулось его.

Аури схватила Локриджа за руку. Сержант подкрутил усы.

— Какая это, к черту, жена богатого кущца? — нашел он, к чему еще придраться. — Загорелая, как любая крепостная девка. — Он вытер нос тыльной стороной ладони и задумался. — Кто же вы все-таки?

Локридж заметил, как страх в глазах Аури уступил место другому чувству, прежде ей незнакомому, — смущению, вызванному тем, как пялились на нее ландскнехты. Будь у него в руке пистолет...

— Эй вы! — рявкнул он. — Ведите себя прилично, не то вас высекут.

Сержант захихикал:

— Или ты будешь болтаться на виселице — с той стороны города. Шпион! Вороны будут тебе рады. Тех крестьян, что мы для них повесили, они уж давно склевали до косточек.

Локриджу стало душно. Он не ожидал неприятностей. Что-то вышло не так.

Взгляд его блуждал по сторонам, он пытался найти выход из трудной ситуации, но выхода не было. Тлели запальные фитили аркебуз; невдалеке он услышал цокот железных подков.

Показался всадник в легких доспехах. На его лице застыло выражение надменности. «Должно быть, это один из датских аристократов, — подумал Локридж, — которым подчиняется эта страна, этот иностранный гарнизон среди их собственного народа». Немцы неуклюже отдали честь.

— Это юнкер Эрик Ульфельд, — объявил сержант. — Расскажи ему свою сказку.

Приподнялись светлые брови.

— Что ты можешь сказать? — произнес Ульфельд, тоже по-немецки.

Локридж назвал свое настоящее имя — почему бы и нет? — и повторил свою историю, добавив некоторые подробности. Ульфельд погладил подбородок — чисто выбритый, по понятиям этого времени с существующими в нем бритвенными принадлежностями: ладонь юнкера прошлась словно по наждачной бумаге.

— Какие у тебя есть доказательства?

— Документов никаких нет, милорд, — ответил Локридж. Пот из подмышек стекал по его бокам. Всадник возвышался над ним горой на мутном фоне облаков; солнечные лучи приобрели медный грозовой оттенок, придав окружающему резкие очертания; ветер выл все громче. — Они пропали при кораблекрушении.

— Тогда, может быть, ты знаешь здесь кого-нибудь? — Голос Ульфельда звучал жестко и грозно.

— Да, в гостинице «Золотой Лев»... — Локридж осекся. Ульфельд схватился за рукоять меча. Все понятно: проклятая диаглосса! Вопрос был задан по-датски, и он, не подумав, ответил так же.

— Англичанин, который совершенно свободно говорит на двух иностранных языках? — пробормотал Ульфельд. В его бледных глазах вспыхнул огонь. — Или человек графа Кристоффера?

— Прах господен, милорд! — выпалил сержант. — Он убийца-поджигатель!

Вооруженные солдаты приблизились вплотную. Слишком поздно Локридж сообразил, в чем дело. Поскольку люди этого века умели пользоваться порохом, совершено уже было кругосветное плавание, жив был Коперник, — он не догадался разобраться, чем, по

существу, и насколько эта эпоха отличается от его собственной. Деревянные дома, соломенные крыши, воду приходится таскать ведрами — при таких условиях вряд ли хоть одному городу удавалось избежать повторяющихся опустошительных пожаров. Теперешний страх перед вражескими поджигателями был чем-то сродни тому страху перед ядерным оружием, который был Локриджу хорошо знаком.

— Нет! — воскликнул он. — Выслушайте меня! Я жил в Дании и немецких городах...

— Без сомнения, — сухо заметил Ульфельд, — в Любеке.

Сквозь путаницу мыслей в каком-то уголке сознания Локриджа пробивались привычные отвлеченные построения беспристрастной логики. Любек был ганзейским городом, по всей видимости, заключившим союз с Кристоффером, графом, чья обреченная на поражение война в интересах короля все еще бушевала на островах, — Локридж узнал это из того немногого, что мог рассказать ему тот бедный крестьянский мальчик. Вывод Ульфельда был вполне естественным.

— Но ты говорил, что тебя может опознать некий достойный гражданин, — продолжал датчанин. — Кто он?

— Его зовут Йеспер Фледелиус, — брякнула Аури.

— Вот зараза! — Спокойствия Ульфельда как не бывало. Его конь захрапел и сделал курбет, ветер взметнул его гриву. Сержант подал знак своим ландскнехтам, и они окружили пришельцев.

«О Господи, — внутренне застонал Локридж, — мало нам было всего? Я ведь хотел подождать, если можно, пока не разузнаю, значит ли здесь что-нибудь это имя...» Он едва заметил, как у него отобрали меч и нож и грубо обыскивали Аури.

На лице Ульфельда вновь была маска отрешенности.

— Ты сказал, в гостинице «Золотой Лев»? — спросил он.

Раз начав, Локриджу оставалось только продолжать.

— Да, милорд. Так мне говорили. Хотя его может там еще не быть. Я ведь не был в Дании много лет. И

я почти ничего не знаю о том, что здесь происходило. По правде говоря, я никогда не видел этого Йеспера. Моя компания странствующих купцов дала мне его имя, как человека, который... который может помочь нам наладить торговлю. Если бы я был вражеским агентом, милорд, разве я пришел бы вот так?

— Если бы ты был настоящим купцом, — возразил Ульфельд, — разве ты не знал бы, что нельзя приехать сюда торговать так же просто, как если бы мы были индейскими дикарями, у которых нет никаких законов, устанавливающих, кому это можно, кому нет?

— У него полный кошель, юнкер, — самодовольно сказал сержант. — Он пытался подкупить нас, чтобы пройти. — Локриджу хотелось выбить мерзавцу зубы. Он почти испытал удовольствие, услышав резкий ответ Ульфельда:

— Для тебя это был бы дорогой подарок.

Некоторое время дворянин молча сидел на коне, умело обуздывая его беспокойство. Аури отодвинулась от лошади подальше: она была такая большая, куда больше пони, которых она знала; к тому же Аури никогда не слыхала, что на лошадях можно ездить верхом.

Ульфельд принял решение.

— Приведите отряд, — приказал он.

— Я тоже пойду, милорд, — сказал сержант. Усмешка тронула углы губ юнкера.

— Ты, конечно, чуешь вознаграждение. Действительно, за голову герра Йеспера назначена денежная премия. Однако оставайся на своем посту. — Ландскнехты пробурчали что-то в усы. Ульфельд бросил на них взгляд, и они тут же изобразили что-то вроде стойки «смирно»: как-никак, с другой стороны города стояли виселицы.

— Мы отправимся в гостиницу, — сказал датчанин, — и посмотрим, если есть на что смотреть, а потом зададим кое-какие вопросы. — Его глаза остановились на Аури. — Девка из Дитмарша, чтоб мне с места не сойти. Никто другой из низкорожденных не смеет так себя держать. Мой отец погиб там в день памяти

короля Ханса, когда открыли шлюзы против нашей армии. Может быть, сегодня...

У Локриджа комок подкатил к горлу.

Появилось еще несколько пеших солдат. Ульфельд приказал им сопровождать пленников и поехал через ворота.

Внутри Виборг был менее привлекателен, нежели на расстоянии. На узких улочках свиньи ковырялись в гнилой требухе, из куч которой еле торчали расположенные посередине камни для пешеходов. В наступивших сумерках народу на улицах было мало. Локридж увидел рабочего в блузе, согнутого пожизненным тяжким трудом; служанку с корзинкой хлеба; проковылял прокаженный, дребезжа своей трещоткой, предупреждающей о его приближении; проехала тяжело нагруженная повозка с огромными деревянными колесами, запряженная волами. Все они быстро исчезали в темноте, все гуще заполнявшей пространство между домами с высокими двускатными крышами и уже запертыми дверями и закрытыми ставнями — предосторожности против ночных грабителей. На лицо Локриджа упали первые капли дождя.

Сквозь ветер, шлепанье ног, стук копыт вдруг донесся высокий, далеко расходящийся звон.

— О! — воскликнула Аури. — Голос Богини!

— Церковные колокола, — сказал Локридж. Несмотря на терзавшее его душу отчаяние, он не мог не признать, что звук был очень красив — равно как и собор, смутно вырисовывающийся на другой стороне рыночной площади... Ветер переменился, и в нос ему ударил кладбищенский смрад.

Вскоре Ульфельд натянул поводья. Качаясь на ветру, скрипела деревянная вывеска. При тускло-желтом свете, едва пробивающемся сквозь двери и ставни, в сгустившейся темноте Локридж смог разобрать лишь грубо намалеванного стоящего на задних лапах льва. Ландскнехты со стуком поставили свои пики на землю. Один из них проворно подскочил, чтобы придержать стремя, пока дворянин слезает с коня. Другой солдат стал стучать в дверь; юнкер Эрик, матово блестя шлемом и нагрудником, ждал, стоя с обнаженным мечом.

— Открывай, ты, свинья! — орал немец.

Дверь со скрипом приотворилась, из нее выглянул маленький, толстый человечек.

— Нечего вам тут делать в приличном заведении, — сердито начал он, но тут же прикусил язык. — Господин рыцарь! Я нижайше прошу прощения!

Ульфельд оттолкнул его и вошел. Локриджа и Аури впихнули вслед за ним.

Комната была маленькая. Человек двадцатого века, выпрямившись, ударился бы головой о закопченные стропила; стены, казалось, сходятся друг с другом. Грунтовый пол был устлан тростником. Стоявшие на полках лампы светили неверным тусклым светом, отбрасывая множество огромных бесформенных теней. Печь, сложенная из глиняных горшков, в которых можно было разогреть мороженую ногу или окорок, давала кое-какое тепло; грубо сделанный дымоход пропускал столько дыму, что слезились глаза. Стоявший на козлах стол еще не был убран на ночь; какой-то человек сидел за ним с кружкой пива.

— Кто еще здесь остановился? — осведомился Ульфельд.

— Никого больше нет, милорд. — Было неприятно смотреть, как раболепствует хозяин гостиницы. — Клиентов теперь мало, вы знаете.

Ульфельд дернул головой:

— Обыскать.

Он подошел к одинокому посетителю, который остался сидеть на скамье.

— Кто такой?

— Герр Торбен Йенсен Свердруп, из Вендсюсселя. — Глухой бас звучал дружелюбно, как после хорошей выпивки. — Простите, что я не встаю: сколько лет уже в ноге шведский осколок. Ищете кого-нибудь?

Ульфельд глядел на него исподлобья. Мужчина был огромного роста — он казался бы гигантом в любом столетии, — бычьи плечи возвышались над внушительным животом. Его лицо портили оспины и приплюснутый нос, зато глаза были ясные и жизнерадостные. Неряшливые темные с проседью волосы и нечесаная борода спадали на засаленный камзол.

— У тебя есть доказательства, что ты тот, за кого себя выдаешь? — спросил юнкер.

— О да, конечно, конечно! Я здесь по вполне законному делу, пытаюсь возродить мясную торговлю, поскольку она теперь снова в руках людей благородного происхождения, как ей и положено быть. — Свердруп рыгнул. — Выпьете со мной? Думаю, что могу даже потратить несколько грошей и поставить вашим людям.

Ульфельд приставил меч к его горлу.

— Йеспер Фледелиус!

— Как? Что такое? Никогда о нем не слышал.

Из задних комнат донесся испуганный женский визг, сопровождаемый грубым немецким хохотом.

— Ах да, — усмехнулся Свердруп, — у нашего хозяина прехорошенькая дочка. — Он взглянул на Локриджа и Аури. — А у вас с собой тоже недурная куропаточка, господин. Что все это значит?

— Я слышал, — Ульфельд пронзил взглядом Свердрупа и хозяина, — что предатель Фледелиус находится в этом доме.

Свердруп отхлебнул гигантский глоток из своей кружки.

— Слухами земля полнится. Вам мало того, что шкипер Клемент в Виборге?

— Фледелиуса ждут соседняя камера и топор палача. Эти незнакомцы говорят, что должны с ним встретиться. Ты должен представить мне документы, подтверждающие, кто ты есть.

Свердруп, моргая, посмотрел на пленников.

— Я, пожалуй, не отказался бы быть Фледелиусом, если такая прекрасная дама горит желанием его увидеть. Но, увы, я всего лишь бедный старый помещик из Скау. — Он начал шарить в своей одежде, потревожив солидную колонию блох. — Вот. Я полагаю, вы, в отличие от меня, еще не забыли, чему учились.

Ульфельд, нахмурившись, смотрел на пергамент. Вернулись его люди.

— Никого, кроме семьи хозяина, милорд, — доложил один из них.

— Вот видите, видите, я же говорил, — затараторил хозяин гостиницы. — Герр Торбен останавливался

в «Золотом Льве» и в прошлые годы, милорд. Я его хорошо знаю, а у меня всегда было доброе имя — спросите у бургомистра, пусть скажет, разве Миккель Мортенсен не честный и добропорядочный человек?

Ульфельд бросил письмо на стол.

— Мы установим наблюдение, — решил он. — Преступник еще может объявиться. Но ни в коем случае нельзя допустить, чтоб его предупредили. Вы двое, — он указал на двоих наемников, — оставайтесь пока здесь. Сторожите все двери и арестовывайте всех, кто придет. И чтоб никто не выходил. Остальные — за мной.

— Выпейте хоть кружку со старым одиноким человеком, — убеждал Свердруп.

— Нет. Я должен проследить за допросом арестованных.

«Если потребуется, — подумал Локридж, — на дыбе, с клещами и испанским сапогом. Для Аури...»

Сквозь застилавший глаза туман он уставился на сидевшего за столом человека.

— Постойте, — прохрипел он. — Помогите нам.

Мешки под глазами у Свердрупа, казалось, набрякли еще больше.

— Мне очень жаль, девочка, — тихо проговорил он, — но столько уже умерло, и стольким еще предстоит скоро умереть. — Он перекрестился.

Рука подтолкнула Локриджа к двери. Он уперся ногами. Древко пики с треском ударило его по колену. Боль пронзила его, он пошатнулся и крепко выругался. Голова Аури не была закрыта капюшоном, и солдат схватил ее за волосы.

— Нет! — пронзительно закричала девушка. — Мы принадлежим Ей!

Кружка Свердрупа со стуком опустилась на дощатый стол. Аури начертала в воздухе какой-то таинственный знак. Локридж не мог его разобрать — что-то из их ритуалов, мертвых и забытых, слепой крик...

Гигант сунул руку под стол и с усилием поднялся на него. В его руках появился самострел — натянутый и заряженный; под столом его скрывали складки плаща Свердрупа.

— Не спешите, милорд, — пропыхтел он, — не спешите так, умоляю вас.

Ульфельд повернулся на каблуках. Блеснул, поднимаясь, меч. Немцы нацелили свои копья, послышалась непристойная брань.

Если бы медведь умел улыбаться, он был бы похож на этого человека, который, судя по всему, и был Йеспером Фледелиусом.

— Спокойно, — сказал он, — спокойно. Одно движение, самое крошечное движение — и милорд рыцарь уже не будет таким красивым. Мы ведь не хотим огорчать благородных дам Виборга, а?

— Они убьют тебя! — завопил трактирщик. — С нами Божья милость!

— Что ж, они могут попытаться, после того как эта леди, которую я защищаю, произнесла свое веское слово, — согласился Фледелиус. — Но мой меч пока еще при мне. Им приготовлен паштет из многих шведов, и голштинцев, и даже датчан. Нет ничего вкуснее, чем датчанин, отрекшийся от старого орла, — разве что, может быть, немецкий наймит. Мы могли бы провести весьма интересную дискуссию — все вместе. Однако вам, господин рыцарь, пришлось бы, к сожалению, удовлетвориться местом зрителя, и хотя в аду вам, несомненно, предоставили бы место, соответствующее вашему положению, всех ваших ребят, доживших до утра, вряд ли поблагодарили бы за то, что они не сумели уберечь столь драгоценную жизнь. Быть может, их даже попросили бы сплясать на веревочке, как вы думаете? Так что давайте лучше попробуем разрешить наш спор мирными, научными методами, как подобает истинным христианам.

Наступила такая тишина, что собственное дыхание звучало в ушах Локриджа громче, чем ветер и усиливающийся дождь на улице.

— Миккель, друг мой, — сказал Йеспер Фледелиус, — у тебя наверняка есть где-нибудь моток веревки. В этом случае мы могли бы связать этих замечательных парней, а не рубить им головы, как туркам. Конечно, это тоже достойная турков судьба — лежать в трактире и не иметь возможности выпить пива. Но завтра

кто-нибудь да появится. Мужчины всегда хотят пить. Вам не кажется, что это евангелический символ: пиво, омывающее горло, в то время как спасение оставляет иссушенную грехом душу? — Он посмотрел на Аури весело сияющими глазами. — В Писании верно сказано о мудрости, заключенной в невинности, милая девушка. Слова могли и не тронуть мою трусливую старую тушу, ибо слова дешевы и лукавы. Но ты нарисовала Ее знак, который не лжет. Я благодарю тебя.

Хозяин начал всхлипывать. Женщина с двумя детишками высунули испуганные лица из задней двери.

— Не унывай, Миккель, — продолжал человек, объявленный вне закона. — Просто-напросто тебе и твоим домашним придется покинуть город вместе с нами. Жалко отдавать этот постоялый двор в руки придурковатых судебных исполнителей юнкера, но Шабаш накормит и укроет тебя. — На мгновение широкое лицо озарила чистая и полная любовь. — А когда вернется Она, ты будешь вознагражден.

Он подал Локриджу знак движением подбородка.

— Господин, будь добр, отбери оружие у этих... — произнесенное выражение производило жуткое впечатление на фоне его спокойного голоса, — и спрячь в безопасное место. Нам надо отправляться, с соизволения Божьего, как можно скорее. Дело нашей госпожи не ждет.

ГЛАВА XI

По крыше барабанил дождь. Пастушья лачуга, одиноко стоявшая посреди вересковой пустоши, в это время года пустовала; она представляла собою постройку из мха, где человек мог отдохнуть, настолько грубую и бедную, что ею погнушались бы даже люди Тенил Оругарнэй. Аури, однако, спала, свернувшись на земле и положив голову Локриджу на колени.

Миккель Мортенсен с женой и детьми сидели снаружи. Американцу это казалось унизительным; чувство усугублялось полным отсутствием у них обиды за то, что он, которого они принимали за Adelsmand, отдыхает в относительной сухости.

Фледелиус тоже настаивал:

— Нам нужно обсудить кое-какие секретные вопросы — тебе и мне, — а когда мы пойдем завтра пешком, так я из-за своих старых костей не то что говорить, а дышать-то еле смогу.

Провести лошадей через контрабандистский тоннель, проложенный под стенами Виборга, было невозможно. Поэтому беглецы были недалеко от города. Но снаружи царили пустота и темнота, нарушаемые лишь иногда вспышкой молнии. При этом каждая веточка вереска, каждая стремительно падающая капля дождя, каждый ручеек, струящийся по пропитанной влагой земле, на мгновение отчетливо выступали в белом пламени.

Без огня в хижине было темно и холодно. В промокшей насквозь одежде было только хуже, и Локридж, по примеру Фледелиуса, разделся до чулок, обхватил себя руками и старался не стучать зубами. Аури лежала голая, и ничто ее не тревожило. Следовало бы вместо нее пустить под крышу одного из детей трактирщика; но ей необходимо было его присутствие — в этом мире железа и жестокости, — более необходимо, чем детишкам крыша над головой.

Очередная вспышка молнии расколола небо. Раздались раскаты грома. На секунду помятая физиономия Фледелиуса предстала в дверном проеме, словно фантастическая маска сатира, — и вновь беспросветная тьма и завывание ветра.

— Пойми, — сказал датчанин искренне, — я добрый христианин. Я не желаю иметь ничего общего с этой лютеранской ересью, которую юнкера со своим марионеточным королем навязывают королевству, и, уж конечно, с язычеством колдунов. Но ведь есть не только черная, но и белая магия. Разве не так? А обычай приносить жертвы Невидимым существует с незапамятных времен. Они, в сущности, не обращаются к Сатане — эти бедные невежественные крестьяне, которые собираются в Канун Мая и завтра. Не обращаются и к ложным богам, о которых можно прочитать в хрониках Сакса Грамматикуса. Виборг когда-то назывался Вебьорг — Святая Гора. Там, где сейчас стоит собор,

было святилище, древнее уже к тому времени, когда Один привел свой народ с востока. Духи земли и воды — почему нельзя человеку обращаться к ним за помощью, не совершая тяжкого греха? В наше время крестьянину зачастую больше не к кому обратиться. — Он повернулся на мокрой земле. — Но я только поддерживаю контакт с Шабашем. Я не вхожу в него.

— Я понимаю, — сказал Локридж.

Слова Фледелиуса казались ему верными, и видел он больше того, чем тот сказал. Перед его мысленным взором начал вырисовываться узор — смутный и громадный.

История человека была историей религии.

Аури, спящая так мирно среди грозовых раскатов, или народ Аури, или индейцы, которых он видел на Юкатане, да и все примитивные народы, о которых ему было известно, чья культура не приняла совершенно извращенных форм, — все они обладали одним качеством — духовной целостностью. Личное дело каждого — считать ли это достаточной компенсацией за все то, чего у них не было. Факт оставался фактом: они составляли единое целое и с землей, и с небом, и с морем — так, как те, кто отделяет богов от себя или вообще отрицает их существование, никогда не смогут. Когда индоевропейцы приносили с собой в ту или иную землю свой патриархальный пантеон, они приносили много хорошего; но они также создавали новый тип человека — одинокого человека.

Никакого резкого разделения не существовало. Старым богам удавалось устоять. С течением времени они сливались с пришельцами, преображали их, и в конце концов вечные формы снова становились ясными, только под другими именами. Диауш Питар, с его солнечной колесницей и боевым топором, стал Тором, чья повозка была запряжена скромными серыми козлами и чей молот возвещал дождь, который есть жизнь. Рыжебородому не предлагали кровавых жертв: он сам был йоменом. А когда Один, одноглазый бог в волчьем обличье, которому военачальники приносили человеческие жертвы, пал, уступив место Христу, и остался в

памяти всего лишь троллем, Тор принял имя Святого Олафа, Фрей стал Святым Эриком, чья повозка выезжала каждую весну для благословения полей, а Она надела голубую мантию Пресвятой Девы Марии. И всегда во все времена существовали маленькие боги, эльфы, домовые, гномы, русалки, настолько близкие к реальному миру, что их даже не называли богами; они превращались людьми в символы помощи и зла, любви и страха, удивительной тайны и непостоянства, которые и составляют жизнь.

Сам Локридж был агностиком (дитя грустного, превозносящего интеллект и отвергающего инстинкт времени, которому, как он теперь видел, недолго оставалось жить) и не стал высказывать мнения по поводу затронутых объективных истин. Насколько он понимал, Мария могла быть настоящей Царицей Небесной, а Триединая Богиня — лишь ее интуитивным восприятием. Рассудительный человек вроде Йеспера Фледелиуса мог этому поверить. Или же обе могли быть тенями, отбрасываемыми некой абсолютной реальностью, или обе могли быть мифом. В истории имеет значение не что люди думают, а что они чувствуют.

И в этот гигантский, медленно развивающийся конфликт и переплетение двух мировоззрений вмешалась война во времени. Патруль организовывал нашествия воинствующих племен и их воинственно настроенных богов; Хранители изыскивали тайные пути для того, чтобы сберечь старых богов и подогнать новых под их образ. Патруль поддерживал народ томагавка, который уничтожил культ переходной могилы; однако кочевники неолита превратились в фермеров и мореплавателей бронзового века, и солнце стало уже не духом огня, а хранителем земли и ее оплодотворяющим супругом. Пришло христианство с его книгами и с первым из богов, каравшим за неверные представления о его природе, — и вскоре сердца людей стали принадлежать Марии. Реформация вернула Иегову, вооруженного страшным оружием против инстинктивной веры — печатным словом, — но сама религия оставалась тонко разделенной, дискредитированной, выхолощенной, пока, спустя пять или шесть веков, мир не ощутил собствен-

ное бесплодие и не возжаждал новой веры, которая была бы более глубокой, чем слова. Локридж попробовал заглянуть в столетие, следующее за его собственным, и не смог увидеть победного шествия науки; перед его мысленным взором представали люди, собирающиеся на холмах во славу нового бога — или возрожденного старого.

А может быть, богини?

— Как она пришла к тебе? — спросил он.

— Ну... — В грубом и хриплом голосе Фледелиуса звучало благоговение. — История довольно длинная. Надо тебе сказать, что я — самый крупный землевладелец округи около Лемвига, точнее, был им так же, как и мои предки со времен первого Вальдемара. Это бедный район; Фледелиусы никогда особо высокого положения не занимали и гордыней не страдали, были близки к своим крестьянам; а в Ютландии до сих пор простые люди более свободны, чем на островах, где крепостные продаются и покупаются. На моей земле находится кемпехей («Я знаю этот дольмен», — мрачно подумал Локридж), где простой народ имел обыкновение делать небольшие жертвоприношения. Люди рассказывали о происходящих там время от времени чудесах, которым были свидетелями, странных появлениях и исчезновениях, о всякой всячине. Но если священник ничего не говорит, то кто такой я, чтобы вмешиваться в старинные обычаи? Это приносит несчастье. Лютеране еще узнают это, стране на горе.

— Ну так вот. Я воевал. Не стану ничего говорить против милорда короля Кристиана. Швеция принадлежала ему по праву, восходящему еще к королеве Маргарите, и я считаю Стена Стуре предателем за то, что он поднял королевство против датского правления. И все же... пойми, я не тряпка какая-нибудь, я не одну башку расколотил... и все же... Когда мы вошли в Стокгольм, была обещана амнистия; тем не менее обезглавленные трупы были сложены высокими штабелями, словно поленницы дров: дни были морозные. Так что я вернулся домой несколько расстроенный и зарекся покидать свои песчаные земли. Жена моя тоже умерла — хорошая была старуха, действительно хорошая, — а

сын учился в Париже и, надо полагать, смотрел на меня свысока: я ведь свою подпись еле умею поставить...

И вот как-то летним вечером я шел по полю возле этого дольмена, и тут появилась Она. — Фледелиус попытался описать ее, и по его неуклюжим словам Локридж узнал Сторм Дарроуэй.

— Ведьма, или святая, или вечный дух земли — я не могу сказать, кто она. Возможно, она околдовала меня. Ну и что с того? Она не стремилась отвратить меня от христианской веры; она больше рассказывала о некоторых вещах, про которые мне было неизвестно, — например, про Шабаш, — и предупредила, что впереди ждут тяжелые времена. И еще она показывала мне чудеса. Я своими бедными старыми мозгами не могу толком понять Ее рассказа о путешествиях из прошлого в будущее и обратно, — но разве не все возможно с Божьего соизволения? Она дала мне золота, в котором я крайне нуждался, столько времени пробыв на войне и вернувшись почти без добычи. Но в основном я служу Ей ради Нее самой и в надежде когда-нибудь увидеть Ее снова.

Обязанности мои просты. Я должен быть в гостинице «Золотой Лев» в Канун Дня Всех Святых в течение двадцати лет. Видишь ли, Она ведет войну. Ее друзья, как и Ее враги, перелетают с места на место, даже по воздуху; они могут объявиться где угодно и когда угодно. Колдуны — не простые, которые лишь немного связаны с язычеством, а их вожди, которые могут им приказывать, — подчиняются Ей, составляют часть Ее сети шпионов и агентов. Но они не могут показываться в приличных местах, а я могу. Если кто-то появится — как вы — и ему понадобится помощь, я должен там быть и отвести его на Шабаш, где он найдет мощное оружие и волшебные машины. Был еще человек, выполнявший те же обязанности, только в Канун Майского Дня, но он умер. В общем, нетрудная работа за кучу золота, а?

«Ночи равноденствия, — подумал Локридж, — они принадлежат земным богам. Летнее и зимнее солнцестояния принадлежат солнцу — ими владеет Патруль».

Голос Фледелиуса стал еще глуше:

— Безусловно, Она думала, что в своем ожесточении я останусь нейтральным и, таким образом, буду в безопасности в войне, которую Она, должно быть, предвидела. Но я не оправдал ее надежд. Очень часто я не мог быть на месте. Кто-нибудь погиб из-за меня, как ты думаешь?

— Нет, — ответил Локридж. — Мы тебя нашли. Вспомни: война ведется во всем мире и во всех временах. Твой — лишь один из многих форпостов.

Ему стало не по себе, когда он подумал, сколько их может быть всего. Никто не в состоянии вести наблюдение за всеми отрезками пространства и времени. Сторм была вынуждена заключать такие маленькие союзы, опирающиеся на полупонимание, как языческий культ, родившийся из отчаяния, основанный на существовавших с незапамятных времен символах, которые она вернула к жизни и интерпретировала. В других эпохах были свои секретные связи. Все — предназначенные для того, чтобы оказать помощь в случае нужды.

И сейчас эта помощь нужна была как никогда. Ибо она находилась под замком в лапах Брэнна, за тридцать три столетия до нынешнего времени; когда прибудет его технический персонал, они высосут из нее все, что ей известно, и выбросят шелуху. Все лучше и лучше осознавал Локридж, каким краеугольным камнем, должно быть, является она во всем их деле. Если отряд ютов сумеет ей помочь, то это, может быть, послужит оправданием тому, что тысячи и тысячи людей по всей Европе были схвачены и сожжены живьем охотниками на ведьм времен Реформации.

Локриджу не хотелось развивать эту мысль. Вместо этого он стал размышлять о том, какими анклавами может владеть Патруль. При дворе Эхнатона? Цезаря? Мухаммеда? В Манхэттенском проекте?

— Понимаешь, — продолжал свои признания Фледелиус, — когда король бежал в Голландию, я простил ему Стокгольм после того, как он предоставил народу столько прав; знаешь, даже колдунов всего-навсего выгоняли плетьми из города, — я отправился с Сереном

Норби воевать против захватчиков. А потом я плавал со шкипером Клементом и защищал Аальборг в тот год, когда нас окончательно разбили. С тех пор я вне закона. Но мне удалось найти священника, который подделал мне письмо и печать, чтобы я мог войти в Виборг. А наш трактирщик Миккель давно меня знает и сам принимает участие в Шабаше. Благодаря этому, когда вы появились, я оказался под рукой. Разве не так?

— Именно так, — ответил Локридж как можно мягче.

Фледелиус похлопал по своему вложенному в ножны мечу. Сомнения и чувство вины оставили его — он вновь стал тем человеком, который насмехался над юнкером Эриком.

— Хвала Всевышнему! Теперь твоя очередь, друг. Кого нам нужно отправить в преисподнюю?

Локридж рассказал ему все, насколько позволяли языки и доступные понятия.

На возвышающемся посреди пустоши холме горел колдовской костер. Красные языки пламени плясали на высоком валуне, перед которым Аури почтительно склонилась: в ее время это был алтарь. Над их головами сияли звезды Кануна Дня Всех Святых — неисчислимые и далекие. По земле разлился покой; в воздухе ощущался холод.

На молящихся Локридж не обратил особого внимания. Их было немного: лохматые крестьяне в блузах и шерстяных шапках, деревенские жители в залатанных кожаных куртках и чулках, их дети-подростки, совершенно здесь неуместная содержательница борделя из Виборга, чей наряд производил жалкое впечатление в этом неземном мраке. Все они выскользнули тайком из своих домов и хижин и прошагали не одну милю ради того, чтобы на час стать свободными, получить одобрение и умиротворение от древних Сил этой земли и хоть немного, совсем немного мужества для завтрашней встречи со своими господами. Локридж надеялся, что ему удастся увести Аури отсюда, пока еще ничего не

началось. Не то чтобы оргия как таковая могла ее шокировать — просто он не хотел, чтобы она увидела то, что, по его предположениям, представляет собой выродившийся остаток радостно-праздничных обрядов ее народа.

Его взгляд и мысли вновь обратились к Магистру.

Высокий и худой, стоял Маркус Нильсен; черты лица, плохо различимые в тени капюшона его потрепанной рясы монаха-доминиканца, выдавали в нем иностранца. В этой эпохе его знали как бродячего проповедника. В отличие от Англии, где он называл себя Марком из Солсбери, в Дании католики не подвергались преследованиям, колдуны, однако, вновь оказались в опасности. Родился он под именем Хранителя Марета через две тысячи лет после Локриджа и колесил по захолустным уголкам Европы времен Реформации, служа своей королеве Сторм Дарроуэй.

— Ты принес худые вести, — сказал он. Диаглосса позволяла ему говорить с американцем на французском — языке, непонятном как его пастве, так и бесстрастному Фледелиусу; Аури же он велел отойти за пределы слышимости.

— Ты, может быть, не сознаешь, какое исключительное значение имеют она и Брэнн, — продолжал он, помолчав. — Так мало способных людей с той и другой стороны. Они становятся чем-то вроде первобытных царей, ведущих свои войска на битву. Ты и я — ничто, а вот то, что она схвачена, — катастрофа.

— Что ж, — резко ответил Локридж, — теперь ты в курсе. Полагаю, у тебя есть доступ к будущему. Организуй спасательную экспедицию.

— Все не так просто, — сказал Марет. — Во всем историческом периоде от Лютера до дальше твоего времени господствует Патруль. Силы Хранителей сконцентрированы в других эпохах. В этом столетии действует лишь несколько агентов, вроде меня. — Он сплел пальцы и хмуро уставился на них. — Говоря по правде, мы фактически вроде как отрезаны. Насколько могла выяснить наша разведка, все ворота, через которые можно проникнуть далеко в будущее, охраняются. Ей следовало сказать тебе, чтобы ты искал отрезок в

истории Дании, где Хранители более твердо стоят на ногах. Правление Фродхи, например. Однако она лично занималась установлением этого поста наблюдения, потому как окружение здесь действительно трудное и опасное. Поэтому, я думаю, он был первым, пришедшим ей в голову в те короткие минуты, что были у вас для разговора.

Опять Локридж увидел ее, ощутил ее близость.

— К черту все это, ты же должен решать проблемы! — Он схватил Марета за рясу. — Наверняка что-то можно сделать!

— Конечно, конечно. — Тот в раздражении оттолкнул Локриджа. — Разумеется, надо действовать. Но не опрометчиво. Ты не испытал на себе единства времени. Имей уважение к тем, кто в этом разбирается.

— Слушай, если я смог подняться во времени по здешнему коридору, значит мы все можем по нему спуститься. Мы можем даже появиться в неолите раньше Брэнна и ждать его там.

— Нет. — Марет энергично, даже слишком, отрицательно затряс головой. — Время неизменяемо.

Он перевел дух и продолжал уже более спокойно:

— Попытка была бы заранее обречена на провал. Что-нибудь, вне всякого сомнения, произошло бы — например, встретились бы в коридоре с превосходящими силами противника, и они расстроили бы наши планы. В любом случае не вижу никакого смысла вообще использовать датский туннель. Здесь некому нам помочь, кроме этих... — Он презрительно махнул рукой в сторону участников Шабаша. — Верно, мы могли бы попробовать спуститься по нему сами и собрать подкрепление в довикинговой эпохе. Но зачем это делать — или зачем рисковать и пересекать полмира, добираясь до наших восточных и африканских баз, — когда под рукой куда более надежная помощь?

— Что? — вытаращил глаза Локридж.

Хранитель отбросил свою академическую манеру. Он шагал взад-вперед, рассуждая вслух, — ни дать ни взять полководец в монашеской рясе.

— Брэнн прибыл один, потому что знал, что Кориока — Она — тоже одна, так что у него сил не больше,

чем у нас. Однако схватив ее, он призовет людей, чтобы закрепить свои завоевания. С этим нужно считаться. Неопределенность появления, если помнишь. Раз мы не появились и не спасли ее той ночью, значит и не появимся. Следовательно, все говорит за то, что мы не появимся — не появились, — пока к нему не прибудут Патрульные. И совершенно ясно, что они поставят охрану у входа в коридор.

Но в нынешнем столетии основные наши европейские силы сосредоточены не в Дании. Скорее, они сконцентрированы в Британии. Король Генрих отошел от римской церкви, но мы проследили, чтобы он не перешел в лютеранство: его королевство является для нас стержневым. То, что тебе известно как эпизод с двумя королевами Мариями, — время победы Хранителей; Патруль вновь поднимется с Кромвелем, но мы вытесним их в период Реставрации.

Знаю: ты удивляешься, зачем вести кампанию, исход которой заранее известен. Ну, прежде всего, во время ее ведения враг несет потери. Но важнее то, что каждый твердо удерживаемый участок является источником могущества, рекрутов, сил, на которые можно опереться, еще одной гирей, брошенной на чашу весов будущего, в котором будет достигнуто окончательное решение, суть которого нам неизвестна.

Но слушай дальше. В Англии у меня тоже есть паства, и там я не языческий церемониймейстер, совершающий обряды с горсткой изголодавшихся крестьян, а проповедник у рыцарей и богатых йоменов, убеждающий их оставаться в лоне пресвятой католической церкви. Ну и... там есть коридор, о существовании которого Патруль не подозревает, с собственным выходом в неолите. Ворота открываются в прошлое относительно датских ворот, но частично — на несколько месяцев в том самом году, который нам нужен, — они совпадают.

Марет схватил Локриджа за плечи. Его глаза горели.

— Друг, ты со мной? Ради нее?!

— Эй-е-и! Hingst, Hest, og Plag faar flygte Dag! Kommer, kommer, kommer!

Полы рясы Магистра Ордена колдунов взлетали, будто крылья. Он протянул вверх руки и обратил лицо к небесам; вихрь — невидимый, неощутимый, неслышный — подхватил его и его избранников. Все выше и выше поднимались они, пока не затерялись среди холодных созвездий. Праздничный костер взметнулся вверх, бросая искры и языки пламени вослед своему господину, и снова вернулся в свое лоно. Участники Шабаша с содроганием разошлись.

Крик застрял в горле Аури; она закрыла глаза и уцепилась за руку Локриджа. Йеспер Фледелиус выдал серию непотребных ругательств, затем опять стал самим собой и завопил восторженно, как мальчишка. Американец в какой-то мере разделял его возбуждение: ему приходилось летать, но не на конце гравитационного луча.

Никакого ветра не ощущалось: воздушную струю отклоняла энергия, излучаемая поясом, скрытым под рясой Марета. Они двигались неслышно, как летучие мыши, в нескольких сотнях футов над землей: скорость уже достигла сотен миль в час.

В темноте пронеслись над пустошью; Виборг показался на мгновение и исчез; блеснули воды Лимфьорда; остались позади западные дюны, и вот уже внизу волны Северного моря, тронутые белыми отсветами обгоняющего зарю месяца. Окутанный мраком и полный удивления Локридж вздрогнул от неожиданности, когда в поле зрения появилась Англия, — так скоро?

Они летели над равнинами Восточной Англии. Виднелись окруженные полями деревушки, состоящие из домов с соломенными крышами, вздымались над рекой зубчатые крепостные стены замка... Это было как сон — невозможно представить, что он — такой, в сущности, обычный — летит за колдуном по небу в ту же самую ночь, когда король Генрих храпит рядом с Анной Болейн... бедной Анной, чью голову меньше, чем через год, снимет с плеч топор, — и некому ее предупредить. Зато

ее дочь лежит в колыбели в том же дворце, и ее назвали Елизаветой... Словно видение, Локриджа охватило ощущение не только необычности его собственной судьбы, но и тайны, общей для всех людей.

Возделанные поля уступили место пустоши, где островки сгрудились посреди озерцов и болот, — Линкольнширским топям. Марет устремился вниз. Остатки увядшей листвы расступились перед ним, он остановился и ловко опустил остальных. На фоне бледнеющего неба Локридж увидел мазанку.

— Это моя английская база, — объяснил ему Хранитель. — Ворота во временной коридор — под ней. Вы побудете здесь, пока я собираю людей.

За простым фасадом хижина оказалась почти роскошной: деревянные полы и панельная обшивка, достаточное количество мебели и хорошая подборка книг. Продовольствие и другие запасы из будущего были спрятаны за скользящими панелями; не было видно ничего, что могло бы показаться слишком необычным для этой страны и для этого времени. Правда, незваный гость мог бы заметить, что внутри тепло и сухо в любое время года. Однако никому не случалось сюда заходить: крестьяне были суеверны, а дворяне нелюбопытны.

Трое спутников Марета обрадовались передышке. Они были обычными людьми, а не продуктами той эпохи, в которой стало возможным придавать наследственности любые желаемые качества, к тому же и их нервы были напряжены до предела. Следующие два дня прошли, можно сказать, как интерлюдия, заполненная сном и отдыхом в полусонном состоянии.

На третье утро, однако, Аури подошла к Локриджу. Он сидел на лавке у входной двери и с наслаждением курил. Хоть он и не был заядлым курильщиком, но все же ему иногда очень не хватало возможности покурить, и, по его мнению, Хранители проявили редкую предусмотрительность — пусть даже это было анахронизмом, — держа под рукой табак вместе с глиняными трубками. Приятно было и то, что погода значительно улучшилась. Лучи бледного солнца падали сквозь обнаженные ветви ив. Высоко в небе летел к югу запоздалый клин диких гусей; их крик пронизывал застыв-

шую тишину — далекая и полная одиночества песня бродяг. Тут Локридж услышал приближающиеся легкие шаги, поднял глаза и был поражен красотой Аури.

До этой сонной «интерлюдии» у него как-то не находилось времени подумать о ней иначе, как о ребенке, нуждавшемся в его защите — пусть даже не слишком надежной. Этим утром девушка вышла погулять на болото — почти такое же, как в ее родных местах, — прикрытая лишь своими длинными, до пояса, шелковистыми волосами цвета кукурузы; теперь она чувствовала себя обновленной. Грациозно, как лань, Аури подбежала к нему, огромные голубые глаза задорно сияли на ее веселом лице. Он увидел смех и удивление на ее губах и встал с бьющимся сердцем.

— О, пойдем, посмотри! — восклицала она. — Я нашла замечательную лодку!

— Господи Боже! — У Локриджа перехватило дыхание. — Надень что-нибудь, девочка.

— Зачем? Ведь тепло. — Она пританцовывала от нетерпения. — Рысь, мы можем поехать кататься и ловить рыбу, и весь день наш, и Богиня счастлива, и ты наверняка уже отдохнул; ну давай поедем!

— Но... — «А почему бы и нет?» — подумал он. — Хорошо. Но сперва ты оденешься, понятно?

— Если ты хочешь. — Недоумевая, она все же послушно взяла платье в хижине, где Фледелиус все еще храпел среди разбросанных кувшинов из-под эля, и стрелой полетела через лес впереди Локриджа.

Ялик, привязанный к пню, показался ему весьма заурядным. Но, конечно, у народа Аури лодки были либо сплетены из ивняка и обтянуты кожей, либо выдолблены из ствола дерева; фальшборт у них закреплялся колышками или ивовыми прутьями. Здесь же были использованы настоящие железные гвозди! А уж когда Аури увидела, как он сел на весла, вместо того чтобы отталкиваться шестом или грести одним веслом, она прямо рот раскрыла от изумления.

— Это, конечно, привезли с Крита, — вздохнула она.

У Локриджа не хватило духу сказать ей, что разоренный Крит находится под властью венецианцев, а в

следующем веке ему предстоит пережить турецкое нашествие.

— Возможно.

Он вел лодку среди камышей и ивняка, пока они не выплыли на открытое мелководье. Здесь расположился заросший кустами островок; солнце играло на спокойной воде. Вместе с одеждой Аури прихватила с собой рыболовные снасти. Она насадила наживку и умело закинула леску в укромное место под бревном. Локридж откинулся и вновь разжег свою трубку.

— Ты исполняешь странный обряд, — заметила Аури.

— Только для удовольствия.

— Можно мне попробовать? Ну пожалуйста!

Он дал себя уговорить; результат был именно такой, какого он и ожидал. Сглатывая и отплевываясь, она протянула трубку.

— У-ух! — Она терла глаза. — Слишком сильно для таких, как я.

Локридж усмехнулся.

— Я предупреждал тебя, девочка.

— Мне надо было послушаться. Ты всегда прав.

— Но послушай...

— Но мне бы хотелось, чтобы ты не говорил со мной, как с ребенком. — Она покраснела. Затрепетали и опустились длинные ресницы. — Я готова стать женщиной, когда только ты захочешь.

Сердце Локриджа забилось быстрее.

— Я обещал снять с тебя заклятие, — пробормотал он. Ему пришло на ум, что он ведь может погибнуть в предстоящем сражении. — В сущности, оно уже снято. Колдовства больше не нужно. Ну... понимаешь... проход через подземный мир... новое рождение. Понимаешь?

Ее охватила радость. Она придвинулась к нему.

— Нет, нет, нет! — Локридж не знал, как быть. — Я не могу... сам...

— Почему нет?

— Посмотри вокруг... сейчас не весна.

— Разве это имеет значение? Все остальное ведь тоже изменилось. И знаешь, Рысь, ты мне так дорог...

Аури прижалась к нему — теплая, нежная и горящая желанием. Ее губы и руки были очаровательно неловкими. «Что ж, мой собственный дедушка назвал бы ее мужа счастливчиком, — подумал он, утопая в ее волосах и в ней самой. — Но нет, черт возьми, нет!»

— Мне придется оставить тебя, Аури...

— Так оставь меня со своим ребенком. Я не хочу думать, что будет потом — не сегодня.

Проявить резкость было выше его сил. Локридж сделал единственное, что пришло ему в голову, — подвинулся слишком далеко вбок, и ялик опрокинулся.

К тому времени, когда они перевернули его и вычерпали воду, ситуация была уже под контролем. Аури восприняла знак недовольства богов без страха, поскольку всю жизнь прожила среди подобного рода предзнаменований; она даже не была особенно разочарована: слишком светло и радостно было у нее на сердце. Она стянула с себя мокрое платье, хихикая из-за того, что Локридж не захотел раздеться.

— Во всяком случае, я могу смотреть на тебя, — сказала Аури, когда к ней вернулась рассудительность. — Еще будет время, после того, как ты освободишь Авильдаро.

Локридж помрачнел.

— Деревня, которую ты знаешь, не вернется, — сказал он. — Вспомни, кого не стало.

— Я знаю, — ответила она с грустью. — Эхегона, который всегда был таким добрым, и Вуровы Веселого, и еще стольких других. — Однако все, что произошло с тех пор, приглушило ее боль. Кроме того, люди Тенил Оругарэй не переживали потери так тяжело, как те, кто пришли после них. Они прекрасно научились принимать все таким, как оно есть.

— К тому же нельзя забывать о ютоазах, — продолжал Локридж. — Мы можем прогнать это племя в этот раз. Но есть ведь и другие могущественные племена, которым не хватает земли. Они вернутся.

— Зачем ты все время мучаешь себя, Рысь? — Она склонила голову набок. — Ведь у нас есть сегодняшний день, и... О-о! Рыба!

Он жалел, что может лишь притворяться веселым, но не радоваться жизни по-настоящему, как она. Его мертвые были с ним неотлучно: народы, короли и не оставившие по себе памяти простые люди во всех эпохах, где шла война во времени, — да, даже тот парень, которого он убил у себя на родине через четыре века. Он видел теперь, что его ханжеская уверенность в своей правоте лишь прикрывала ощущение виновности в убийстве. «О, конечно, я этого не хотел, — устало говорил он себе, — но факт остается фактом... это произойдет... и будь это в моей власти, я вывернул бы само время наизнанку, лишь бы этого не было».

Они завтракали своим уловом, в стиле сашими, когда протрубил рог. Локридж вздрогнул: так быстро? Не теряя времени, он стал грести к дому.

Действительно, Марет уже был там — с шестью другими Хранителями. Они сменили свои наряды священника, рыцаря, купца, йомена, нищего на плотно облегающую форму, похожую на ту, что он видел на Патрульных, но цвета зеленой листвы; радужно-переливающиеся плащи ниспадали с их плеч. Из-за бронзовых шлемов они отчужденно глядели на своих помощников темными продолговатыми глазами на лицах, так напоминавших лицо Сторм, что становилось не по себе.

— У нас есть еще один агент на Британских островах, — сказал Марет. — Он приведет войско после наступления темноты. А пока нужно заняться приготовлениями.

Локриджу, Аури и Фледелиусу пришлось выполнять поручения, смысла которых они не понимали. Поскольку этот коридор оставался тайной для врага и эти ворота открывались на жизненно важный период, аванзал был забит военными машинами, и входы были достаточно широки, чтобы их пропустить. Американец мог в общих чертах распознать некоторые из них — средства передвижения, стрелковые орудия; но что представлял собой кристаллический шар, в котором клубилась тьма, усыпанная, словно звездами, мерцающими точками? Что это за спираль из желтого огня,

холодного на ощупь? Его вопросы пренебрежительно игнорировались.

Даже Фледелиус разозлился.

— Я им не крепостной, — ворчал он.

Локридж старался подавить собственное раздражение.

— Ты же знаешь, как прислужники любят распоряжаться другими. С королевой все будет иначе, когда мы с ней встретимся.

— Да, ты прав. Ради Нее я готов проглотить свою гордость... Любят распоряжаться. Охо-хо! Да ты остроумный парень! — Фледелиус захохотал и так хлопнул Локриджа по спине, что тот пошатнулся.

Наступили сумерки, опустилась темнота. С неба вихрем спустились люди из Англии короля Генриха.

Это была компания неотесанных и необузданных ребят — всего человек сто: отставные солдаты, моряки, более похожие на пиратов, охотящиеся за состоянием младшие сыновья, разбойники, бродячие ремесленники, валлийские повстанцы, парни с низин, занимающиеся кражей скота, — они собрались отовсюду — от Дувра до Лендс-Энда, от Шевиот-Хиллз до лондонских улиц. Локридж мог только гадать, как был каждый из них завербован. Кто-то по религиозным побуждениям, кто-то за деньги, кто-то, чтобы избежать виселицы; одного за другим, Хранители разыскали их и втянули в тайный союз — и вот теперь пришло время воспользоваться их услугами.

Факел высвечивал лица в бурлящей и ворчащей толпе, собравшейся на острове. Рядом с Локриджем стоял коренастый моряк с косичкой, в драных штанах и рубашке, босой, с серьгами в ушах и изрезанным старыми шрамами лицом.

— Ты откуда, друг? — спросил его Локридж.

— Из Девона я, — ответил тот. Локридж понимал его с большим трудом: даже лондонцы все еще произносили гласные на голландский манер, а у этого парня вдобавок имелся еще и сильнейший диалект. — Я был в борделе матушки Колли, когда меня вызвали. Была там, знаешь, на редкость шустрая бабенка! Будь у меня еще часок, она б нескоро забыла Неда Брауна. Но когда

медальон заговорил... Клянусь Богом, я был под французским огнем и накалывал на пику караибов, а они орали и лезли по бортам галеона... но никогда не посмел бы я ослушаться этого вызова.

— Медальон?

Браун постучал по диску с изображением Девы Марии, который висел у него на шее. Локридж заметил такие же диски на волосатых торсах еще нескольких человек.

— А тебе что, не дали такого? Ну он шепотом сообщает, когда ты им нужен, да так, что никто, кроме тебя, не слышит, и говорит, куда надо двигать. О н меня там встретил и перенес в какое-то дикое место, а потом сюда... Я и не знал, что на службе такая уйма народу.

Перед входом в хижину выросла фигура Марета. Он возвысил голос — не слишком сильно, — но волнение улеглось.

— Люди, — сказал он, — долгое время большинство из вас состоит в Товариществе, и многие могут вспомнить, как оно спасло их от тюрьмы или смерти. Вы знаете, что служите делу добрых магов, которые своим искусством помогают Святой Католической вере в борьбе с язычниками и еретиками. Сегодня вы призваны, дабы исполнить свою клятву. В далекий и необычн путь отправитесь вы, чтобы сражаться с дикими лю ми, в то время как мы, ваши господа, займемся ко дунами, которым они служат. Идите же смело впер во имя Господа, и те, кто останется в живых, бу богато награждены, а павшие получат еще более в сокую награду на небесах. Теперь преклоните кол и получите отпущение грехов.

У Локриджа этот ритуал оставил неприятный пр вкус. Была ли необходимость в таком цинизме?

Ладно — во имя спасения Сторм Дарроуэй. «Я увижу ее снова», — подумал он, и сердце забилось в его груди.

Притихшие и серьезные — Локридж и не предполагал, что они могут быть такими, — англичане гуськом вошли в дверь хижины и спустились вниз. В аванзале, перед радужным занавесом, им роздали ору-

жие: меч, пику, топор, самострел. Порох был бесполезен против Патруля, для сражения с ютоазами в нем не было необходимости. Марет подозвал Локриджа.

— Ты лучше оставайся со мной как проводник. — Он вложил в ладонь американца энергопистолет. — Держи. Ты прибыл из эпохи, технически достаточно развитой, чтобы пользоваться им. Это несложно.

— Я знаю, как им пользоваться, — огрызнулся Локридж.

Марет оставил свой высокомерный тон.

— Да, она ведь остановила на тебе свой выбор, — пробормотал он. — Ты далеко не обыкновенный человек.

Сквозь толпу протиснулась Аури.

— Рысь! — взмолилась она: ее начинал мучить возвратившийся страх. — Будь рядом со мной.

— Пусть она остается здесь, — приказал Марет.

— Нет, — возразил Локридж. — Она отправится с нами, если захочет.

Марет пожал плечами:

— Тогда пусть держится в стороне.

— Я должен быть в передних рядах, — объяснил ей Локридж. Ладонями он ощущал ее дрожь. Нужно поцеловать ее... или не стоит?

— Пойдем, крошка. — Йеспер Фледелиус положил на плечо Аури свою огромную, как у гориллы, руку. — Держись рядом со мной. Мы, датчане, должны держаться вместе среди этих английских невежд. — Они скрылись в толпе.

В течение дня Локридж помог протащить через ворота несколько летательных аппаратов — флаеров. Они были яйцеобразной формы, сверкающие и прозрачные, и основу их составляло не вещество, а энергия непонятной ему природы. В каждом из аппаратов могло поместиться двадцать человек. Он забрался в первый из них вместе с Маретом. Люди, которые уже были в нем, тяжело дышали, шептали молитвы или бормотали ругательства и затравленно озирались, словно попавшие в западню животные.

— Они не слишком будут напуганы, чтобы сражаться? — поинтересовался Локридж на датском.

— Нет, я их знаю, — ответил Марет. — Кроме того, обряды посвящения включают бессознательное кондиционирование. Их страх превратится в ярость.

Аппарат бесшумно поднялся и под тихое жужжание, исходившее от стен, поплыл по отливающему холодным светом туннелю. Остальные флаеры полетели следом — в каждом из них за пультом управления сидел Хранитель.

— Раз уж у вас есть этот коридор, — спросил Локридж, — почему бы не набрать еще подкреплений в других периодах?

— Нет возможности. — Марет отвечал рассеянно, пальцы его бегали по разноцветному щиту, черты лица были напряженно сосредоточены. — Коридор был построен, в основном чтобы обеспечить доступ именно в эту эпоху. Его терминал в будущем находился в восемнадцатом веке, где у нас есть еще один надежный опорный пункт в Индии. Патруль особенно активен в Англии от Нормандского завоевания до войн Алой и Белой Розы, поэтому у нас вовсе нет ворот, выходящих в средние века; немного их и в более ранних эпохах, где критические регионы, театры крупных сражений находятся в других местах. Фактически на севере времен неолита и бронзового века ворота служат почти как пересадочные пункты. Это во многом просто удачное совпадение, что у нас здесь есть ворота, имеющие частичное временное перекрытие с воротами в Дании.

Локридж хотел было продолжить расспросы, но безжалостно быстрый флаер был уже в нужном им году.

Марет вывел его из коридора и вылез, чтобы свериться с находящимися в шкафу часами-календарем.

— Отлично! — с воодушевлением сообщил он, вернувшись. — Нам повезло. Не придется ждать. Сейчас ночь, приближается рассвет, и мы, похоже, совсем недалеко от того момента, когда она была захвачена.

Энергетические лучи держали аппараты вместе при пересечении ими временного порога. Теперь они быстро поднялись ко входу, люк открылся и закрылся за ними. Марет установил приборы на полет при небольшой высоте в восточном направлении.

Локридж смотрел на проплывавшую под ними местность. В лунном свете каменного века лежали Линкольнширские топи — еще более обширные и дикие. Однако за ними он разглядел на берегу рыбачьи деревни, которые с виду вполне могли бы сойти за Авильдаро.

Это не было случайностью. До того как образовалось Северное море, люди добирались пешком из Дании в Англию; культура Маглемозе была единой. Позднее водное пространство пересекали их лодки, а Ее миссионеры прибывали с юга и в ту, и в другую землю. Диаглосса в его левом ухе рассказала Локриджу, что племена Восточной Англии и Западной Ютландии, переговариваясь медленно, все еще могли понимать друг друга.

Чем дальше в глубь страны, тем менее близким становилось это родство. Население Северной Англии составляли в основном охотники и мастера по изготовлению топоров, сконцентрировавшиеся в Лангдэйл-Пайке, но торговавшие по всему острову. Долина Темзы была заселена достаточно мирно недавними иммигрантами с другой стороны пролива; фермеры с южных низин отказывались от своих мрачных обрядов, из-за которых прежде их сторонились. Возможно, это происходило под влиянием сильной, прогрессивной конфедерации на юго-западе, которая даже начала в небольших масштабах добычу олова, чтобы привлечь купцов из цивилизованных земель. В первую очередь это был народ Кубка, представители которого путешествовали маленькими компаниями и торговали бронзой и пивом. В Дании доживала последние дни старая эпоха; в Англии рождалась новая: эта западная страна лежала ближе к будущему. Оглянувшись, Локридж увидел реки и бескрайние леса; словно во сне, перед его мысленным взором ясно предстали миллионы порхающих птиц, лоси, встряхивающие огромными рогами, и счастливые люди. С внезапной болью он понял, что настоящий его дом — здесь.

Нет. Под ним перекатывались морские волны. Он был на пути домой — к Сторм.

Марет вел флаер с черепашьей скоростью, ожидая, пока посветлеет небо. Но даже летя так, уже через пару часов в поле зрения показался Лимфьорд.

— Приготовиться!

Летательные аппараты опустились ниже. Стальным блеском отливала вода, сверкала роса на траве и листьях внезапно возродившегося начала лета, крыши Авильдаро виднелись за священной рощей. Локридж увидел, что люди Боевого Топора все еще располагаются лагерем в поле, чуть поодаль. Он заметил часового у угасающего сторожевого костра — вытаращив глаза, он громко кричал, призывая спящих воинов.

Другой — чужой — сверкающий флаер вспорхнул со своей стоянки перед Длинным Домом. Стало быть, Брэнн успел собрать своих людей. Под гаснущими звездами затрещали молнии, ослепительно яркие, сопровождаемые раскатами грома.

Марет отрывисто отдал серию команд на незнакомом языке. Два флаера сошлись в том месте, где находился летательный аппарат Патруля. С ревом взметнулось яростное пламя, и аппарат лопнул, словно мыльный пузырь. Фигурки в черном, кувыркаясь, разлетелись по воздуху и попадали на землю.

— Спускаемся, — сказал Марет Локриджу. — Они не ожидали нападения, так что их здесь немного. Но если они вызовут подкрепление... Нужно как можно быстрее перехватить контроль.

Аппарат скользнул над самой водой и опустился на землю; Марет отключил силовое поле.

— Вылезайте! — крикнул он.

Локридж выпрыгнул первым, за ним посыпались англичане. Рядом сел еще один флаер. Во главе этого отряда был Йеспер Фледелиус с поднятым сверкающим мечом в руке.

— Бог и король Кристиан! — гремел его голос.

Другие аппараты опустились несколько поодаль, на лугу, где расположились ютоазы, и, высадив вооруженных людей, снова поднялись. Спокойно и бесстрастно пилоты-Хранители наблюдали за вспыхнувшим сражением, отдавая команды через висящие у англичан на шее амулеты, словно передвигая шахматные фигуры.

Звенел металл, ударяясь о камень.

Локридж бросился к хижине, которую хорошо помнил. Она была пуста. С проклятием он развернулся и со всех ног припустил к Длинному Дому.

Вход сторожили около дюжины ютоазов. Проявляя отвагу перед лицом сверхъестественной угрозы, они неподвижно стояли с поднятыми топорами. Вперед вышел Брэнн.

На его вытянутом лице играла вызывающая тревогу улыбка. В его руке блеснул энергопистолет. Пистолет Локриджа был настроен на защиту. Он метнулся сквозь фонтан огня и набросился на Патрульного; они покатились по пыльной земле. Оружие отлетело в сторону, каждый пытался схватить другого за горло.

Меч Фледелиуса взлетел и опустился. Вооруженный топором воин остался лежать в луже крови. Другой ютоаз нанес удар, датчанин парировал его; тут подоспели следовавшие за ним англичане, и закипела битва.

Краем глаза Локридж заметил еще две одетые в черное фигуры; струйки огня трещали там, где лучи пистолетов играли на щитах. Занятый дракой с Брэнном, он лично ничего больше сделать не мог. Патрульный был необычайно сильным и умелым противником. Но неожиданно они оказались лицом к лицу, и он узнал Локриджа. От ужаса у Брэнна отвисла челюсть и открылся рот; он отпрянул и попытался закрыться руками. Локридж ударил его по горлу ребром ладони, сел на него и бил головой об землю, пока тот не затих.

Американец вскочил, даже не поинтересовавшись, что стало с черепом Брэнна. Повсюду вокруг Фледелиус и его соратники преследовали караульных-ютоазов. От других Патрульных остались лежащие у ног Марета и его товарищей-Хранителей обгоревшие трупы. Не обращая ни на кого внимания, Локридж через дверной проем ворвался в Длинный Дом.

Внутри царил мрак. Он ощупью пошел вперед.

— Сторм! — позвал он взволнованно. — Сторм, ты здесь?

Тенью среди теней она лежала на возвышении, связанная. Его ладони ощутили холодный пот, покрывавший ее обнаженное тело; он сорвал провода с ее головы,

прижал ее к себе и заплакал. Какой-то момент, показавшийся Локриджу вечностью, она не двигалась, и он подумал, что она умерла. А затем...

— Ты пришел, — прошептала Сторм и поцеловала его.

ГЛАВА XIII

Весть облетела лес, изгнанники возвратились домой, и в Авильдаро воцарилась радость.

Празднество было буйным и веселым, хотя триумф победы и омрачался похоронами стольких убитых. Иноземцы, чье металлическое оружие прогнало ютоазов, были вовлечены в это неуемное веселье. Они говорили на непонятном языке — ну и что с того? Жареный поросенок объяснялся с ними своим вкусом, мужчина — улыбкой, женщина — самой собою.

Только Длинный Дом оставили в покое, поскольку там расположились зеленые боги, которые привезли своих людей. Мясо и питье оставляли у дверей, и все взрослые мужчины соперничали за честь быть им слугой или посыльным. На второй день праздника один из них подошел к Локриджу, наблюдавшему, как танцуют на лугу жители деревни, и сказал, что его зовут.

Он покинул танцующих с нетерпеливо бьющимся сердцем. Тревога за Сторм мешала ему принимать активное участие в забавах. Теперь же ему сообщили, что Богиня Луны потребовала его присутствия.

Солнечный свет, запахи леса, дыма и соленой воды, звучащие вдалеке возгласы и песни — все это исчезло из его сознания, как только он вошел в дом. Священный огонь пока не был вновь разожжен: было обещано, что Она сама совершит этот обряд в подходящее для Нее время. Светящиеся шары освещали все внутри; грубо вытесанные столбы и стропила выступали на фоне закопченых стен; разбросанные меховые шкуры поблескивали, словно живые. Семь Хранителей, сидя на лавках, ожидали свою королеву. До того, чтобы поздороваться с Локриджем, они не снизошли.

Зато, когда появилась Сторм, все встали. Дальний конец дома был теперь отгорожен — не ширмой из

какого-нибудь материала, а силовым занавесом, полностью поглощавшим свет. Она прошла сквозь него. На фоне абсолютной темноты казалось, что она пылает огнем.

«Или нет... она сияет, — подумал Локридж, чувствуя головокружение, — как то море, которое также принадлежит Богине». Три дня и три ночи мучений в устройстве для чтения мыслей наложили на нее отпечаток: резко вырисовывались широкие скулы, в зеленых глазах притаился лихорадочный огонь. Однако держалась она так же прямо, тем же иссиня-черным блеском отливали ниспадающие волосы, обрамляя смуглые лицо и шею. От ворот эпохи короля Фродхи было доставлено одеяние, соответствующее ее времени и положению. Сверху, до силового пояса, ее полупрозрачная мантия была голубой; книзу она расширялась и волнами спадала до щиколоток, постепенно приобретая более темный оттенок, приближающийся к пурпурному; на ней были вытканы серебром эмблемы, изображавшие одновременно пену и змей. Брошь в форме Лабрис держала плащ, подкладка которого была белой, как летнее облако, но который снаружи был серым из-за грозовых туч и предвещающих дождь перистых облаков. На ногах у Сторм были золотые туфельки, обсыпанные бриллиантами. Полумесяц кованого серебра увенчивал ее лоб.

Марет сопровождал ее. Он что-то говорил на языке Хранителей. Сторм прервала поток его слов резким взмахом руки.

— Говори так, чтобы было понятно Малькольму, — сказала она на языке Оругарэй.

Марет растерялся.

— На этом свинском языке, о сияющая?

— Тогда на критском. Он достаточно тонок.

— Но сияющая, я собирался доложить о...

— Он должен знать. — Сторм оставила его переживать свое унижение и подошла к Локриджу. Она улыбалась. Он неумело наклонился и поцеловал протянутую ему руку.

— Я еще не поблагодарила тебя за все, что ты сделал, — сказала она. — Но словами этого не выра-

зить. Ты сделал гораздо больше, чем просто спас меня. Ты нанес мощный удар во имя всего нашего дела.

— Я... Я рад, — выговорил он с трудом.

— Садись, если желаешь. — С кошачьей гибкостью она повернулась и начала ходить взад и вперед. Локридж не слышал ее шагов на земляном полу. У него подгибались колени; он упал на лавку рядом с одним из Хранителей, который кивнул ему с внезапным уважением.

Черты лица Сторм ожили.

— Брэнн захвачен нами живым, — сказала она. Мягкие звуки критского языка звенели в ее устах. — Благодаря тому, что мы узнаем от него, мы можем получить перевес в Европе на ближайшую тысячу лет. Продолжай, Марет.

Он, бывший священником и военачальником, остался стоять.

— Я не могу понять, как ты выдержала, сияющая, — сказал он. — Брэнн уже раскалывается. Ручеек его секретов скоро превратится в бурный поток.

— То же самое было со мной, — сурово ответила Сторм. — Если бы он успел использовать информацию... нет, я не хочу, чтобы мне напоминали.

Локридж бросил взгляд на черный занавес и быстро отвел глаза. В животе появилось неприятное ощущение. За занавеской лежал Брэнн.

Он не мог точно сказать, что делают с пленником. Во всяком случае, не пытают. Сторм не унизится до того, да и в любом случае это было бы слишком грубо, пожалуй, даже бесполезно против тщательно выпестованных, тренированных нервов и несгибаемой воли лорда будущего. Сторм была напичкана наркотиками; силовыми потоками ее мозг раздражался до самых потаенных глубин. Они не давали ей умереть, но подавляли ее «я» и вызывали жуткий эффект автоматического мышления, так что, дюйм за дюймом, все, что она когда-то знала или делала, все, о чем мечтала и что собой представляла, — выходило на поверхность и бесстрастно фиксировалось в молекулах одного из проводов.

Ни одно живое существо не должно подвергаться этому.

«Ну да, как же, черта с два! — Внутри Локриджа все кипело. — Брэнн принимает собственное лекарство, после того как он убил моих друзей, не сделавших ему ничего плохого. Война есть война».

К Марету вернулось его достоинство.

— Итак, — начал он, — мы выяснили подлинную ситуацию, ту, которая находится в центре его внимания. Когда Локридж сбежал и двинулся по коридору в направлении будущего, у Брэнна, естественно, не было ни малейшего представления о возможности получения им помощи в Англии. Но его тревожило, что Локридж может каким-нибудь образом передать известия Хранителям. Поэтому Брэнн проинформировал своих агентов на протяжении всей датской истории. Они, без сомнения, все еще ищут нашего человека или факты, указывающие на организацию Хранителями спасательной экспедиции.

Между тем ему нужно было взвесить все за и против — что опаснее: перебрасывать ваше сияние в другое место и время или оставить здесь. Поскольку у него были определенные основания полагать, что Локриджу в конечном счете не удастся рассказать нам о нем, он решил остаться, по крайней мере временно. Это отдаленный пространственно-временной регион, который редко посещается. Вызвав лишь несколько Патрульных и держа наготове людей Боевого Топора в качестве помощников, он мог быть практически уверен, что его не обнаружат.

В результате, однако, он у нас в руках, а его организация остается об этом в неведении. Когда мы завершим его обработку, у нас будет информация, необходимая для того, чтобы совершать внезапные нападения на позиции Патруля на всем протяжении времени, устраивать засады на отдельных агентов, разбивать созданные замкнутые группы, — это будет их самое большое поражение за всю войну.

— Да, — кивнула Сторм, — я думала об этом. Мы можем заставить врага поверить, что мы сами сразу убрались отсюда, а в действительности остаться. Брэнн

был совершенно прав, считая, что из этого места удобно действовать. Все внимание сосредоточено на Крите, Анатолии, Индии. Патруль думает, что уничтожение этих цивилизаций нанесет нам тяжелый удар. Что ж, пусть продолжают так думать. Пусть тратят силы, пытаясь способствовать индоевропейскому завоеванию, которое предопределено. Обе стороны были склонны упускать из виду север.

Сторм расхаживала по комнате, ее плащ развевался. Она хлопнула кулаком по ладони и воскликнула:

— Да! Часть за частью мы перебросим наши силы сюда. Мы можем потихоньку организовать эту часть света, как захотим. Доказательств того, что мы этого не сделали, нет; возможность остается открытой. Много ли станет известно на юге о том, что происходит у варваров в этих отдаленных районах? А когда наступит бронзовый век, они будут жить по нашему образцу, будут обеспечивать нас людьми и товарами, охранять базы Хранителей. Этот регион вполне может стать стержнем последнего, решающего удара в направлении будущего.

Пылая энергией, Сторм повернулась и начала отдавать приказания:

— Как можно скорее нам нужно создать вооруженные силы из коренного населения, достаточно сильные, чтобы воспрепятствовать вмешательству других культур. Юскво, обдумай пути и средства и представь свои соображения. Спариан, выведи этих британцев из скотского состояния и организуй из них охрану. Но они слишком заметны — мы не должны держать их дольше, чем необходимо. У ворот в их стране никого нет, так? Урио, возьми нескольких из них и лети с ними туда: обучишь их, чтобы могли нести вахту в течение нескольких недель, пока ворота открыты. Нам может понадобиться такой запасный выход. Безусловно, нам надо сообщить на Крит, что мы здесь, и провести консультации. Радио и мысленные волны слишком рискованны. Зарех и Найгис, подготовьтесь к полету туда после наступления темноты. Шилон, начинай программу по сбору подробной информации обо всем этом

регионе. Ты, Марет, можешь продолжать наблюдение за обработкой Брэнна.

Что-то в выражении их лиц ей не понравилось.

— Да, да, конечно, — сказала она нетерпеливо, — я знаю, что ваши посты — в шестнадцатом веке и вы чувствуете себя здесь не в своей тарелке. Что ж, придется научиться чувствовать себя, как надо. База на Крите располагает лишь тем, что ей необходимо. Они не могут выделить нам никого, пока реорганизация не пойдет полным ходом. Если мы станем звать на помощь, то дадим противнику слишком хорошую возможность обнаружить, что происходит.

Восьмой Хранитель поднял руку.

— Да, Ху?

— Разве не следует сообщить в нашу собственную эпоху, о сияющая? — спросил он почтительно.

— Разумеется, следует. Известие может быть передано с Крита. — Нефритовые глаза сузились. Сторм погладила подбородок и добавила мягко: — Ты сам отправишься домой другим путем — вместе с Малькольмом.

— Что? — вырвалось у Локриджа.

— Ты что, забыл? — сказал Марет. Рот его искривился. — Нам стало известно, что он сообщил тебе. Ты пришел к нему и предал ее.

— Я... Я... — В голове Локриджа все перепуталось.

К нему подошла Сторм. Он встал.

— Возможно, я не имею права требовать от тебя этого, — сказала она, положив руку ему на плечо. — Но от факта никуда не денешься. Так или иначе, ты разыщешь Брэнна в его собственной стране и расскажешь ему, куда я скрылась. И этим ты начнешь цепь событий, которая ведет к его поражению. Гордись. Не многим дано стать вестниками судьбы.

— Но я не знаю... я всего лишь дикарь по сравнению с ним — или с тобой...

— Одно из звеньев цепи — я сама, лежащая связанной в темноте, — прошептала Сторм. — Это навсегда оставило шрамы в моей душе. Ты думаешь, я не хотела бы, чтоб этого не было? Но у нас лишь один путь, и по нему мы должны идти. Это моя последняя

просьба, Малькольм, и самая трудная. После этого ты сможешь возвратиться в свою страну. А я всегда буду тебя помнить.

Локридж сжал кулаки.

— О'кей, — сказал он по-английски. — Ради тебя.

Ее улыбка, ласковая и немного грустная, показалась ему благодарностью, которой он не заслужил.

— Иди к празднующим, — сказала она. — Повеселись, пока можно.

Локридж поклонился и вышел нетвердым шагом.

Солнце ослепило его. Он не хотел принимать участия в забавах: слишком во многом нужно было разобраться. Вместо этого он пошел в другую сторону вдоль берега.

Он стоял в одиночестве и глядел на залив. Легкие волны лизали песок, белые чайки кружились над голубой водой, за его спиной на дубу посвистывал дрозд.

— Рысь.

Он обернулся. К нему шла Аури. На ней снова была одежда ее народа: лыковая юбка, сумочка из лисьего меха, янтарное ожерелье. К этому, в знак уважения, был добавлен медный браслет вождя Эхегона, плотно, чтоб держался, обмотанный вокруг ее тонкого запястья; в выгоревших на солнце волосах золотился венок из одуванчиков. Но губы ее дрожали, небесно-голубые глаза были полны слез.

— Ну, что случилось, девочка моя? Почему ты не на празднике?

Аури остановилась рядом с ним с поникшей головой.

— Я хотела найти тебя.

— Я был неподалеку, кроме того времени, когда разговаривал со Сторм. Но ты... Лишь сейчас, оглядываясь назад, Локридж осознал, что Аури не плясала, не пела, не ходила с другими в лес. Вместо этого она держалась в отдалении, словно маленькая безутешная тень.

— Что-то не так? Я сказал всем, что на тебе больше нет заклятия. Они что, не верят мне?

— Верят, — вздохнула она. — После всего, что случилось, они считают, что на мне благословение Богини. Я не знала, что оно может быть таким тяжелым.

Возможно, потому, что ему не хотелось думать о собственных проблемах, Локридж сел и дал ей выплакаться у него на груди. Прерывающимся голосом Аури все рассказала. Ее путешествие через подземный мир наполнила ее м а н о й. Она превратилась в сосуд неведомых Сил. По какой-то причине она оказалась избранницей Богини. Кто же посмеет прикоснуться к ней? Нет, ее не сторонились, ничего такого не было. Скорее, к ней относились с благоговением, готовы были сделать все, что она скажет, по первому ее слову, — кроме как признать ее такой же, как они сами.

— Не в том дело... что меня... не хотят любить... Я могу подождать... тебя... или кого-нибудь другого... если ты, правда, не хочешь... Но... когда они видят меня, они... перестают смеяться!

— Бедное дитя, — пробормотал Локридж на языке своей матери. — Бедная малышка. Ну и награду же ты получила.

— Ты меня боишься, Рысь?

— Конечно, нет. Мы столько пережили вместе.

Аури крепко обняла его. Уткнувшись головой в его плечо, она продолжала, запинаясь:

— Если бы я была твоей... они знали бы, что... что так должно быть. Знали бы, что это воля Богини... что она выполнена... Я снова заняла бы свое место среди них... Разве не так?

Он не осмелился признаться, что она права. Разумеется, у нее всегда будет особое положение. Но когда ее новая непредсказуемая судьба из возможной станет действительной и все вокруг увидят это, страх растворится в повседневности, и ее подарят простым и естественным дружеским отношением.

— Я не думаю, что какой-нибудь другой мужчина посмеет дотронуться до меня, — сказала Аури. — И тем лучше. Мне не нужен никто, кроме тебя.

«Проклятие! Ну и идиот же ты! — выругал сам себя Локридж. — Забудь о ее возрасте. Она не американская школьница. Она видела и рождение, и любовь, и смерть всю свою жизнь; она свободно бродила по лесам, где рыщут волки, попадала в шторм на лодке, сделан-

ной из шкур, растирала между камней зерна и зубами свежевала убитых зверей; она пережила болезни, зимы Северного моря, войну, путешествие, после которого многие взрослые начали бы заикаться. Девушки моложе ее, а она старше шекспировской Джульетты, уже бывают матерями. Ты что, не можешь отбросить свои глупые предрассудки и запреты и оказать ей эту маленькую милость?»

Нет. В тот день, в ялике, он был очень близок к тому, чтобы уступить. Теперь же ему предстояло страшное и опасное дело. Он мог держаться избранного курса, лишь стараясь, чтобы в его мыслях все время была Сторм. Если он вернется живым, он в качестве награды попросит позволения бросить все и сопровождать ее. Он знал, что ей все равно, как он ведет себя со случайными женщинами. Зато ему уже было не все равно. Не могло быть.

— Аури, — сказал он, проклиная собственную бестактность, — моя работа не закончена. Мне скоро надо отправляться по Ее поручению, и я не знаю, вернусь ли когда-нибудь.

У нее перехватило дыхание, она обхватила его руками и заплакала — их тела сотрясались от ее рыданий.

— Возьми меня с собой, — умоляла она. — Возьми меня!

На них упала тень. Локридж поднял глаза. Глядя на них, перед ними стояла Сторм. В руке у нее был посох Мудрой Женщины, увитый боярышником, — должно быть, она ходила благословить народ, который теперь принадлежал ей. От внезапного порыва ветра темные волосы, платье из океанских вод, плащ, сотканный из дождя, затрепетали и обвились вокруг высокой фигуры.

Ее улыбка не выдавала никаких чувств, но она была иной, чем та, которой Сторм одарила его в Длинном Доме.

— Я думаю, — сказала она довольно резко, — что удовлетворю желание девочки.

ГЛАВА XIV

Хранитель Ху не ждал неприятностей на пути домой. Было точно известно, что Локридж доберется до Брэнна в интервале между отправлением Сторм в XX век и сокрушительным контрударом ее врага. Этот факт был вписан в структуру Вселенной.

Правда, детали были неизвестны. («Что, например, будет потом? — мрачно думал Локридж. — Вернусь я живым или нет?» Пределы погрешности в воротах не позволяли выяснить это заранее.) Как бы то ни было, агенты Патруля, если засекут группу Ху, могут сделать нежелательные выводы. Так что он двигался с осторожностью.

Даже средь бела дня, когда их никто не преследовал и рядом были герой и бог, вход, ведущий в коридор через гробницу, внушал Аури ужас. Локридж с жалостью увидел, как напряглась ее спина, и постарался успокоить девушку.

— Будь еще раз храброй, — сказал он, — как ты была в прошлый раз.

Аури ответила взволнованной и благодарной улыбкой.

Локридж пробовал возражать против решения Сторм. Но королева Хранителей отбросила свою надменность и сказала мягко:

— Нам нужно собрать точные сведения об этой культуре. Не просто антропологические данные; надо глубоко разобраться в психике, иначе мы можем наделать непоправимых ошибок, входя в контакт с этим народом так близко, как я планирую. Квалифицированный специалист может многое узнать, наблюдая типичного представителя примитивного общества при его встрече с цивилизацией. Так почему не Аури? Это не причинит ей особого вреда после того, что ей уже пришлось испытать. Ты хотел бы, чтобы в таком необычном положении оказался кто-то другой?

Он не мог спорить.

Разверзлась земля. Все трое начали спускаться.

По дороге в будущее они никого не встретили. Но вышли, по указанию Ху, в VII веке н. э.

— У этих ворот Датскими островами правит Фродхи, — объяснил тот. — Кроме того, на материке здесь мир, и Ваниры — более древние боги земли и воды — по своему влиянию по меньшей мере равны Аэзирам. Чуть дальше в будущем Патруль вынудил бы нас вернуться, начинают свои походы викинги. В той части туннеля встреча с вражескими агентами более чем вероятна.

Вспомнив тех, с кем ему пришлось сражаться, Локридж поморщился.

Снаружи в мире царила зима; слой снега лежал между голыми деревьями все еще огромного леса под холодным мутно-серым небом.

— Можно двигаться сразу, — решил Ху, — с земли нас видно не будет. Да если коренные жители нас и заметили бы — неважно. Однако... — Его пальцы пробежались по пульту управления на поясе; все трое поднялись в воздух.

— Рысь, где мы? — воскликнула Аури. — Сразу столько красоты не бывает!

Локриджа, привычного к тому, что облака сверху представляются белыми, оттененными синими горами, больше занимало, почему им тепло, когда они летят в таком морозном воздухе. Какое-нибудь хитрое радиационно-обогревательное устройство? Но, видя сверкающие восторгом глаза девушки, он немножко завидовал ей. А вновь зазвучавший ее смех придал ему бодрости.

Дания осталась позади. Германия, пограничная страна христианского мира, была скрыта от глаз той же массой водяного пара, пока через час не показались резко возвышающиеся на краю суши Альпы. Ху сориентировался и через некоторое время опустился со своими спутниками ниже облаков. Локридж увидел деревню — крытые дерном бревенчатые хижины, окруженные частоколом, посреди пустынного зимнего пейзажа. Местность была холмистой; речки чернели на фоне тонкого снежного покрова; лед обрамлял озера. Когда-нибудь этот район будет называться Баварией.

С предельно возможной скоростью Ху наискось полетел к одному из горных кряжей. Когда они опусти-

лись, он, как-то по-человечески очень понятно, с облегчением вздохнул.

— Вот мы и дома! — сказал он.

Локридж огляделся. Скалистая, пустынная, мрачная местность производила гнетущее впечатление.

— Что ж, — высказал он свое мнение, — у каждого свой вкус.

Точеные черты лица Ху выразили досаду.

— Это земля Кориоки — ее поместье в будущем, а следовательно, и на протяжении всех времен. В окрестностях было создано по меньшей мере семь коридоров. Ворота одного из них открываются в эту четверть столетия.

— Но только не в мое время, да? Поэтому она не могла отправиться из Америки в Германию. Меня удивляет другое: почему она не хотела вернуться из неолитической Дании этим маршрутом, а не через Крит?

— Пошевели мозгами! — резко ответил Ху. — После встречи с Патрулем в том коридоре — ты знаешь, ты был с ней — она рассчитала, что слишком велика вероятность новой встречи. Лишь теперь, когда Брэнн у нас в руках, этот путь можно считать относительно безопасным. — Он зашагал по снегу.

Локридж и Аури последовали за ним. Девушка дрожала от холода, мерзлая земля скрипела под ее босыми ногами.

— Эй, так не годится, — сказал Локридж. — Идика сюда.

Он поднял ее на руки; она счастливо прижалась к нему.

Идти пришлось недалеко. Внутри неглубокой пещеры Ху поднял земляной пласт, открыв вход. Исходящий из туннеля матовый свет слился с тусклым дневным светом.

По дороге в будущее они молчали, и от этого пульсация энергии казалась громче. Один раз они сделали пересадку, пройдя через ворота в туннель, в физическом смысле находившийся в XXIII веке, и дальше, через другие ворота, в коридор, нужный Ху. Кровь стучала у Локриджа в висках, во рту пересохло.

В конце концов, перешагнув порог, они оказались в аванзале, более просторном, чем любой из тех, что он видел. Пол был устлан богатыми коврами; красные занавески свисали между многочисленных шкафов. При появлении Ху четверо стражников в зеленом отдали честь, поднеся оружие ко лбу. На Ху они не походили, зато были до странности похожи между собой: короткие, коренастые, с приплюснутыми носами и массивными челюстями.

Хранитель не обратил на них внимания. Покопавшись в шкафу, он достал две диаглоссы. Локридж вынул из уха диаглоссу из периода Реформации, чтобы освободить место для новой.

— Дай ее мне, — сказал Ху.

— Нет, — ответил Локридж, — она останется у меня. Вдруг мне еще захочется поболтать со своим корешем Йеспером?

— Ты понял меня? — сказал Ху. — Это приказ.

Охранники подошли поближе.

Локридж вышел из себя.

— Знаешь, что ты можешь делать со своими приказами? — грубо ответил он. — Если ты понимаешь меня. Я Ее человек — и больше ничей.

Хранитель чуть ли не вытянулся по стойке «смирно». Лицо его потеряло всякое выражение.

— Как хочешь.

Локридж попробовал закрепить свою маленькую победу:

— Ты мог бы еще выдать мне пару штанов. У этого неолитического костюма нет ни одного кармана.

— Тебе дадут пояс с карманами. Пойдем... пожалуйста.

Охранники не понимали разговора, который велся на критском языке. Но вызывало тревогу то, как они сразу почувствовали, что произошло, и отошли назад.

Локридж вставил новую диаглоссу и настроил свой мозг — он хорошо научился это делать — на получение конкретной информации.

Языки: два основных — восточный и западный, Хранителей и Патрульных; остальные сохранились среди низших классов обеих гегемоний. Религия: здесь — ми-

стический, ритуалистический пантеизм, признающий Ее символом и воплощением всего божественного; у врага — только жесткая материалистическая теория. Правительство — ему стало противно от потока данных о землях Патруля, слугах, превращенных из плоти и крови и предназначенных для использования несколькими властителями. Сведений, касающихся Хранителей, было немного. Было ясно, что это не демократия, но перед Локриджем возникла картина мягкой иерархической структуры, законы которой основываются скорее на традиции, чем на формальных нововведениях; власть была поделена между аристократами, представлявшими собой единое целое с народом, бывшими в большей степени духовными пастырями или родителями, нежели господами. Жрицами, матерями, госпожами? Женщины доминировали. На вершине пирамиды находились Кариоки, бывшие — как бы это? — чем-то средним между Папой и Далай-ламой? Нет, не то. Странно, каким поверхностным было описание. Может быть, это потому, что посетители могли послушать объяснение местной ситуации viva voce[1].

Перед Локриджем открылся дворец, и он позабыл свои сомнения.

На этот раз они не стали подниматься по спуску, а взлетели по вертикальной шахте и вышли из нее высоко в огромном здании. Сверкал голубовато-зеленый пол чуть ли ни не в акр площадью; он казался теплым и мягким под ногами и был инкрустирован узором, состоявшим из птиц, рыб, змей и цветов, выглядевших почти живыми. Колонны из нефрита и кораллов поднимались на невероятную высоту, их капители буйно расцветали листвой из драгоценных камней. Но не менее красивы были растения, которые росли между ними и центральным фонтаном. Локридж мало что распознал в этом багряном, пурпурном, золотом море сладких запахов: за два тысячелетия наука создала новый источник радости. Прозрачно-разноцветный сводчатый потолок был словно радуга, сливающаяся с мандалой, привлекающей взор и знаменующей собой

[1] Живым голосом *(лат.)*.

бесконечность; ни один соборный витраж не мог бы похвастаться такой значительностью и великолепием. Стены были совершенно прозрачными. Сквозь них были видны террасы, парки, фруктовые и яблоневые сады; летними красками сверкали холмы. И... что это за гигантское, величественное создание с изогнутыми бивнями выходит из чащи, затмевая собой стадо оленей... мамонт, доставленный за двадцать пять тысяч лет как символ для внушения благоговейного страха перед Ней?

Семь юношей и семь девушек, похожих друг на друга как две капли воды, со стройными и красивыми обнаженными телами, преклонили колена перед Ху.

— Добро пожаловать, — произнесли они хором. — Приветствуем тебя, который служит Тайне.

Лишь один вечер рискнули Хранители подарить Локриджу перед отправлением на задание: они объяснили это тем, что вокруг слишком много шпионов.

Роскошно одетый, он сидел с Аури на чем-то, что не было ни стулом, ни диваном, но повторяло любую принимаемую позу, лакомился яствами, ему незнакомыми, но восхитительно вкусными. Вино также было превосходным; после него мир казался Локриджу полным призрачного счастья.

— Оно с наркотиком? — спросил он.

— Оставь свои предрассудки, — ответил Ху. — Почему бы не употреблять безобидный эйфориак? — Хранитель заговорил о разных зельях и благовониях, открывавших врата к ощущению Ее истинного воплощения во всем сущем. — Но они предназначены лишь для самых торжественных обрядов. Мужчина слишком слаб, чтобы долго выдержать присутствие в нем божества.

— Женщины могут делать это чаще, — заметила леди Юрия.

Она стояла высоко в иерархии советников Сторм; у нее были светлые волосы и фиалковые глаза, но их двоюродное родство ясно проявлялось в лице и фигуре Дианы. Женщин в совете было больше, чем мужчин, и они явно имели большее влияние. Всех их отличало фамильное сходство; люди обоих полов были красивы-

ми, полными жизни и, казалось, вечно молодыми. Их беседа была блестящим словесным взаимообменом; вскоре Локридж потерял нить разговора, оставил попытки принять в нем участие, развалился в своем «кресле» и слушал его, как слушал бы музыку. Впоследствии у него не осталось никакого четкого представления о том, что же, собственно, было сказано.

Они перешли в другой зал, где пол и стены меняли цвета в гипнотическом ритме. Слуги, ступая неслышно и мягко, как кошки, разносили на подносах закуски; танцевали под музыку, источника которой не было видно. Диаглосса обучила Локриджа замысловатым танцевальным фигурам, а высокопоставленные Хранительницы, которых он вел в танце, подстраивали движения своих гибких тел к его движениям, пока партнеры не становились как бы одним целым. Музыка, несмотря на непривычные гаммы, произвела на него более сильное впечатление, чем практически все, что ему доводилось когда-либо слышать.

— Я думаю, здесь, кроме нот, используются субзвуковые эффекты, — высказал предположение Локридж.

Юрия кивнула:

— Само собой. Но зачем искать всему название и объяснение? Разве недостаточно самой реальности?

— Виноват, — ответил он, — я ведь простой дикарь.

Она улыбнулась и приблизилась к нему, повинуясь танцевальному па.

— Не «простой». Я начинаю понимать, почему ты снискал расположение Кориоки. Мало кто из здесь присутствующих — уж во всяком случае не я — отважился бы пуститься на такие авантюры, как она и ты.

— Ммм... спасибо.

— Предполагается, что я должна заботиться о твоей юной подруге, — смотри, она уснула; я ей сегодня не понадоблюсь. Как насчет того, чтобы провести этот вечер со мной?

До этого Локриджу казалось, что ему нужна только Сторм, но Юрия была так похожа на нее, что сейчас все его существо пылало желанием и кричало: «Да!»

Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы объяснить, что ему необходимо отдохнуть перед завтрашним днем.

— В таком случае когда ты вернешься? — предложила Юрия,

— Сочту за честь. — Окружавшие его вино, музыка и женщины не оставили места для сомнения в своем возвращении.

— Оставь время и для меня, воин, — весело вставила леди Тарет, танцевавшая с Ху рядом. Ее партнер улыбнулся, ничуть не обидевшись. Институт брака был давно забыт. Сторм однажды заметила несколько сердито, что свободные люди не могут иметь никаких прав друг на друга.

Локридж лег спать рано и с ощущением полного счастья. Спал он так, как не спал с младенческого возраста.

Утро было не столь радостным. По настоянию Ху он снова принял эйфориак.

— Тебе нужен разум, не затуманенный страхом, — сказал Хранитель. — Это будет в лучшем случае трудное и опасное дело.

Они отправились потренироваться в управлении устройствами, которыми американцу предстояло пользоваться, чтобы отработать на практике навыки и умения, полученные им от диаглоссы. Они летели высоко над раскинувшимися внизу парками, а когда уже собирались поворачивать назад, Локридж заметил башню серо-сизого цвета. На ее верху, в полутора тысячах футов над землей, распростерлись под золотым кругом два крыла — анк, символизирующий жизнь.

— Там начинается город? — спросил он.

Ху сплюнул.

— Не говори мне о городах. Только Патруль строит эти гнусные норы. Мы предоставляем людям жить рядом со своей матерью землей. Это промышленное предприятие. Там не живет никто, кроме техников. Автоматы обходятся без солнечного света.

Они вернулись во дворец. Снаружи его крыши и шпили производили впечатление огромного многоцветного водопада. Ху провел Локриджа в небольшую комнату, где ожидало еще несколько человек. Женщин

среди них не было: война, как и инженерное дело, по-прежнему была в основном мужским занятием, кроме как на высшем уровне, на котором действовала Сторм.

Инструктаж был долгим.

— Мы можем доставить тебя на расстояние в несколько миль от Нийорека. — Ху показал пятно на разложенной перед ним карте, на восточном побережье Северной Америки, имевшей странные, непривычные очертания. — Дальше тебе придется действовать самому. Сбрив бороду, в форме Патрульного, имея диаглоссу и всю дополнительную информацию, которую мы можем предоставить, ты сможешь добраться до штаба Брэнна. Мы узнали наверняка, что он сейчас там, а что ты его увидишь, нам, разумеется, известно.

Несмотря на действие наркотика, мышцы живота Локриджа напряглись.

— Что еще вам известно? — медленно произнес он,

— Что ты ушел от него. Ему сообщили — то есть сообщат, — что ты скрылся в коридоре времени. — Глаза Ху, когда он снова посмотрел на Локриджа, ничего не выражали. — Лучше ничего больше не говорить. Тебе будет слишком мешать созание того, что ты только кукла в драме, содержание которой нельзя изменить.

— Или знание того, что меня убили? — рявкнул Локридж.

— Тебя не убили, — сказал Ху. — Тебе придется поверить мне на слово. Я мог бы соврать. И соврал бы при необходимости. Но я говорю тебе чистую правду, ты не будешь ни схвачен, ни убит Патрулем. Разве, что возможно, когда-нибудь позже... поскольку сам Брэнн так и не узнал, что с тобой сталось. Если повезет, однако, ты выйдешь из коридора через другие, находящиеся в прошлом, ворота, выберешься из города и, переплыв океан, доберешься до этого места. Там ты уже будешь знать, как попасть в наше время. Я надеюсь вновь приветствовать тебя не позднее чем через месяц.

Тревога Локриджа улеглась.

— О'кей, — сказал он. — Займемся деталями.

ГЛАВА XV

В этой эпохе не велось никаких крупномасштабных войн, иначе Земли давно бы не было. Где-то, когда-то, когда одна из сторон будет считать, что достаточно сильна для этого, она нанесет сокрушительный удар, но каким образом это произойдет, не могли предугадать сами сражающиеся. А пока полушария планеты представляли собой крепости; стычки происходили постоянно.

Космический корабль Хранителей с ревом промчался по вытянутой кривой, на запад и вниз, через океан, где в эту ночь была искусственно вызвана буря. В конце дуги траектории раздался голос: «Сейчас!» — и капсула Локриджа была выброшена из корабля. Метеором пронеслась она сквозь ветер и дождь, на огромной скорости взрезая воздух и пылая огнем. Космический корабль повернул и начал набирать высоту.

Локридж лежал внутри раскаленной капсулы. Его обдавало жаром, в голове звенело от вибрации. Затем ослабленная оболочка лопнула, и он оказался в воздухе, поддерживаемый гравитационным поясом.

Скорость была все еще так велика, что силовое поле с трудом защищало его от ветра, который иначе разорвал бы его в клочья. За энергетическим щитом бушевал ураган, темноту рассекали молнии, непрекращающимся потоком лил дождь. Волны тянулись вверх, к нему, брызгая пеной. Когда скорость упала ниже звукового барьера, он услышал вой ветра, раскаты грома, рев бушующего океана. Сквозь непогоду Локридж увидел вспышку голубовато-белого света, ослепившую его на несколько минут. Последовавший взрыв молотом ударил по его барабанным перепонкам. «Значит, они нас засекли, — подумал он, — и выстрелили по кораблю. Интересно, удалось ли ему уйти? Интересно, удастся ли скрыться мне?»

Но такому маленькому объекту, как человек, легко было затеряться среди буйства разъяренных стихий. Да и вряд ли Патруль ожидал его появления и был настороже. Скорее всего, они полагают, что противник станет брать на себя такие хлопоты только ради круп-

ной операции, и не догадываются, насколько важно может быть внедрение одного-единственного агента.

История утверждала, что он доберется до замка Брэнна.

Контролирующие климат энергополя отогнали бурю и грозу от побережья. Локридж вылетел в чистое воздушное пространство и увидел Нийорек.

Мрачным чудовищем раскинулся он по берегу и дальше в глубь материка, насколько хватало глаз. Из карт и диаглоссы Локридж знал, что мегаполис оплел паутиной всю Америку от края до края. В редких местах отступала эта глыба бетона, стали, энергии, набитая десятью миллиардами рабов; лишь кое-где встречались пустыни, бывшие когда-то зеленеющей сельской местностью. Опустошение его родной земли казалось Локриджу таким ужасным преступлением, что ему не нужно было никаких наркотиков, чтобы подавить страх. «Ах, бабье лето на Смоки-хиллз! — подумал он. — Я отомщу за тебя!»

К северу, к югу и впереди него город вздымался крепостными валами; лишь одинокие тусклые фонари да огонь сотен печей рассеивали мрак внизу. По воде разносились гул, стук, иногда звуки такие резкие, что больно было ушам, — голоса машин. На верхних уровнях на милю и выше поднимались отдельные башни; бледные лучи занимающейся зари освещали их стены, не имеющие окон. Башни связывали кабели, трубы, подземные переходы. Открывавшейся картине нельзя было отказать в определенной величественности. Те, кто придумал эти уходящие в небо вертикальные пещеры, не были мелочными. Но их жесткие очертания говорили о людях, чьим самым большим стремлением было получение неограниченной власти — навечно.

— Кто такой? — прозвучал в шлемофоне голос.

Над Локриджем нависли двое стражей в черной, как и на нем, форме. Внизу на пароме поднялись дула орудий.

На этот случай он был проинструктирован.

— Начальник караула Дарваст, из гвардии Директора Брэнна, возвращаюсь с особого задания. — Фразы на языке Патруля звучали резко. Он должен признать,

что его грамматика и семантика были ближе к английскому языку, чем к языку Хранителей, на котором он даже не мог иногда более или менее точно высказать свою мысль. Но здесь самое близкое к понятию «свобода» слово означало «способность осуществить», а для понятия «любовь» слова вообще не было.

Поскольку он все равно собирался открыть Брэнну свое имя, Локридж предложил сделать это с самого начала. Ху отверг эту идею:

— Тебе придется пройти через слишком много бюрократических уровней. — Чтобы сказать это, ему волей-неволей пришлось обратиться к фразеологии языка Патрульных. — Хотя ты в конце концов все равно пробьешься к нему, в ходе допросов они узнают слишком многое, а ты будешь слишком ослаблен.

— Опуститесь у ворот сорок три для опознания, — приказал голос по радио.

Локридж повиновался, приземлившись на торчащем над водой выступе. Он был металлический, без покрытия, так же как и огромный портал в возвышавшейся перед ним стене. Охранник сошел с площадки, на которой стоял.

— Ваша модель личности, — сказал он.

Агенты Хранителей хорошо поработали. На случай нужды фиктивные личностные параметры были введены в машину, которая хранила сведения о жизни каждого человека в этом полушарии. Локридж подошел к прибору для сканирования мыслей и мысленно произнес кодовое слово. В автоматических цепях оно было преобразовано в полную биограмму Дарваста 05-874-623-189, генетически выведенного тридцать лет назад, получившего образование в яслях 935 и Академии Войны, имеющего специальное значение на службе у Директора Брэнна, политически благонадежного, обладателя нескольких наград за успешное выполнение опасных заданий. Стражник отсалютовал, прижав руку к груди.

— Проходите, начальник.

Ворота открылись с жутковатой для своей огромной массы бесшумностью. Из них донесся пульсирующий

гул города, потянуло нечистым воздухом. Локридж вошел.

Времени хватило лишь на то, чтобы дать ему общее представление о местонахождении замка, важнее было внимательно изучить все, что было известно о самом замке. «Придется играть без нот», — подумал Локридж. Впрочем, направление он более или менее знал.

Башню Брэнна, покрытую сталью и увенчанную шаром голубого огня, нельзя было не узнать. До нее должно было быть мили две. Локридж зашагал в ее сторону.

Выяснилось, что, пройдя через ворота, он очутился в самом нижнем ярусе человеческого жилья. Город уходил далеко под землю, но там находились только машины, небольшое число инженеров в защитной одежде и миллионы обслуживавших механизмы каторжников, жизнь которых была не слишком долгой среди испарений и радиации. Здесь же узкая пешеходная дорожка была стиснута между ржавых и грязных стен. В вышине балки и строения верхнего уровня закрывали небо. Вибрировал зловонный воздух. Вокруг Локриджа кишели полуквалифицированные рабочие, бесполезные люди, непойманные преступники — все убого одетые, покрытые волдырями. Никто не выглядел истощенным; синтетическая пища раздавалась бесплатно в столовых, к которым жители были прикреплены, — зато Локриджу казалось, что в его легких буквально оседает грязь от запаха немытых тел. Слышались хриплые голоса:

— Так я ему говорю: значит, ты, говорю, не можешь мне, значит, это сделать; я, говорю, знаю лично надзирателя...

— ...где ты можешь достать настоящую, ведь, да, точно, действительно, крутой кайф в башке...

— Лучше оставь его. Он ведет себя не так, как все. Как-нибудь вечерком придут за ним, помяни мое слово.

— Ежели она хочет избавиться от своих щенков, пока их не зарегистрировали, так и хрен с ней; это ее дело и надзирателя, а мне начхать, — но когда она швыряет их в м о й мусоропровод — это уж извини!

— Последнее, что я слышал, его отправили в это... не знаю точно, что-то вроде похоронной команды, в южном, как его там...— Не-а, не станут они расследовать. Она не выполняла норму. Что им с того, если кто-то перережет ей глотку? Им же, по сути, и лучше.

— Шшш!.. Осторожно!

Тишина кольцами расползалась вокруг униформы Локриджа. Ему не приходилось проталкиваться через толпу, как всем остальным: люди прижимались к стенам, лишь бы оказаться у него на дороге, опускали глаза и старались делать вид, будто их нет вообще.

Их предки были американцами.

Он обрадовался, когда перед ним оказалась вертикальная шахта, через которую он мог подняться при помощи своего гравипояса. На верхних уровнях были широкие, безукоризненно чистые коридоры. Двери были закрыты, народу на улице почти не было: классу техников незачем болтаться весь день, чтобы заработать на жизнь. Люди, которые попадались Локриджу, были одеты в униформы из хорошего материала и шагали с подчеркнутой целеустремленностью. Они отдавали ему честь.

Затем мимо него прошла колонна одетых в серое людей; единственный солдат сопровождал их в качестве охраны. Головы их были выбриты, лица мертвы. Локридж понял, что это осужденные, неблагонадежные. Генетический контроль пока еще не охватывал целиком всю личность, идеологическая обработка тоже не всегда была успешной. Чтобы этим людям можно было доверить работу внизу, среди машин, их мозг был стерилизован энергетическим полем. Более эффективным было бы все полностью автоматизировать, чем использовать труд этих несчастных, но наглядные уроки были необходимы. Еще важнее было занять население. Под бесстрастной маской Локридж с трудом сдерживал тошноту.

Он напомнил себе с некоторым раздражением, что ни одно государство не может долго продержаться, если не имеет хотя бы пассивной поддержки большинства. Но творившееся здесь было просто до предела омерзительно. Почти все здесь, на любом социальном

уровне, принимали правление Патруля как должное, не могли представить себе, что можно жить иначе, часто были довольны своим существованием. Господа кормили их, защищали, одевали, давали им образование, лечили их, думали за них. Одаренный, честолюбивый человек мог подняться высоко в качестве техника, ученого, военного, импресарио всегда тщательно продуманных садистских развлечений. Чтобы чего-то достичь, надо было бить других по зубам, — и это была потеха, это давало освобождение. Никто, конечно, не претендовал на высшие руководящие должности. На них люди назначались машинами, считавшимися умнее любого смертного; а если кому-то везло и он становился приближенным такого человека, то служил ему с усердием сторожевого пса.

«Как Дарваст, — подумал Локридж. — Надо все время помнить, за кого я себя выдаю». Он ускорил шаги.

Солнце еще только вставало, пробираясь сквозь похожие на раковые опухоли тучи, когда он, оставив позади крыши, полетел к крепости Брэнна. Копошащиеся на стенах стражники выглядели как мухи на фоне горы. На каждом выступе притаились орудия; боевой летательный аппарат кружил над горящим на шпиле шаром. Здесь, на высоте, воздух был чистым и прохладным, городской шум слышался тихим шепотом, на западе скалистой горной цепью вставали башни.

Услышав приказ, Локридж опустился и снова прошел процедуру опознания. Потянулись три часа беспокойного ожидания — отчасти из-за того, что ему пришлось пройти через целую цепочку начальников, отчасти потому, что хозяин замка не был еще готов принять кого бы то ни было. Офицер достаточно высокого ранга, чтобы говорить, не опасаясь последствий, объяснил, криво усмехнувшись:

— Он был занят допоздна с новым своим увлечением. Ты знаешь.

— Нет, я был в отъезде, — сказал Локридж. — Какая-нибудь девочка а?

— Что? — Патрульный был потрясен. — Женщина... для удовольствия? Где ты был? — Он сощурил глаза.

— В прошлом, и провел там несколько лет, — быстро ответил Локридж. — Там как-то отвыкаешь от своего времени.

— Д-да... Это действительно проблема. У агентов, отсутствовавших слишком долго — по их индивидуальному времени, — могут появляться отвратительные, ненормальные представления.

Офицер по-прежнему пристально смотрел на него.

— Можешь не говорить мне, — сказал Локридж. — Я встречался с такими случаями. К счастью, у врагов дело обстоит не лучше,

— Выходит так на так, — кивнул офицер, расслабляясь. — Ну ладно; что такого срочного в твоем сообщении, что ты не можешь подождать пока тебе назначат время?

— Это только для его ушей, — ответил Локридж совершенно автоматически. Он был слишком поражен, что его ложь была воспринята как сам собою разумеющийся факт. Как мог быть Хранитель совращен с пути истинного? Ведь ясно же, что нигде и никогда в прошлом не было ничего лучше того, что он видел в сегодняшней Европе.

Снимающий тревогу химический препарат, который он принял, подавил его недоумение. Он устроился в маленькой, строго обставленной комнатке и привел в порядок свои мысли. Сперва — поговорить с Брэнном, затем — смыться. В основании башни были ворота в коридор времени, открывавшиеся на этот год. Он отправится в период, предшествующий возвышению Патруля. Существует вероятность, что они будут преследовать его всю дорогу, убьют его и почему-либо не смогут вернуться до отъезда своего господина. С другой стороны, не исключена возможность, что ему удастся уйти от них, перелететь в Европу, найти один из коридоров, о которых его проинформировали, и благополучно вернуться назад. Кто знает, может быть, в этот самый момент он здоровается с Аури во дворце Сторм. Здесь, в логове врага, эта мысль казалась особенно дорогой.

— Начальник караула Дарваст! — раздался в воздухе голос. — Директор готов принять вас.

Через раздвинувшуюся перед ним стену Локридж прошел в вестибюль, обшитый сталью и окруженный энергополями. Там ему пришлось раздеться, и солдаты обыскали его одежду и его самого — уважительно, но с предельной тщательностью. Когда он оделся, ему разрешили оставить диаглоссы, но гравипояса и оружия не вернули.

Открылась двустворчатая дверь, и Локридж очутился в изящно обставленной комнате с высоким потолком, серой драпировкой на стенах и серым же ковром. Видеоэкран показывал огромную панораму Нийорека. На одной из стен золотом и драгоценными камнями сверкала византийская икона. После тесноты помещений, в которых он провел несколько часов, у Локриджа на мгновение возникло странное ощущение — будто он вернулся домой.

Брэнн сидел рядом с обслуживающим автоматом. Черная одежда облегала его длинное, тонкое тело, лицо было бесстрастным, как у статуи; он был абсолютно спокоен.

— Должно быть, ты понимаешь, — тихо сказал он, — что люди вроде тебя не являются настолько мне близкими, чтобы я знал их по имени. Однако тот факт, что ты смог пройти посредством идентификции личности, имеет настолько важное значение, что я решил принять тебя по твоей просьбе. Нас видят только мои Немые. Полагаю, у тебя в мыслях нет смехотворного намерения убить меня. Говори.

Локридж посмотрел на него. Вероятно, действие наркотика начинало проходить, потому что он с содроганием подумал: «Боже мой, я встречался с этим человеком и дрался с ним шесть тысяч лет назад, и тем не менее он видит меня сейчас впервые!»

Трудно было дышать, подгибались колени, вспотели ладони.

Брэнн ждал.

— Нет, — выдавил Локридж. — То есть... Я не Патрульный. Но я на вашей стороне. У меня есть кое-какие сведения, которые... которые, мне кажется, вы предпочли бы сохранить в тайне.

Брэнн изучающе смотрел на него. Острые черты его лица оставались неподвижными.

— Сними шлем, — сказал он.

Локридж сделал, как было приказано.

— Архаический тип, — пробормотал Брэнн. — Так я и думал. Большинство никогда бы не обратило внимания, но я встречался со слишком многими расами, в самые разные эпохи. Кто ты?

— Малькольм... Локридж... США, середина двадцатого века.

— Так. — Брэнн помолчал. Внезапно он преобразился, на его лице появилась улыбка.

— Садись, — пригласил он, словно хозяин гостя, и дотронулся до одного из светящихся на автомате пятен. Открылась панель, и появились бутылка и два бокала. — Ты, должно быть, любишь вино.

— Не откажусь, — хриплым голосом ответил Локридж. Он вспомнил, как пил с Брэнном в прошлую встречу, и от волнения осушил свой бокал двумя глотками.

Брэнн наполнил его снова.

— Не спеши, — проговорил он снисходительно.

— Нет, я должен... Слушайте, Кориока из Вестмарка. Вы знаете ее?

Брэнн остался таким же благожелательно-невозмутимым, но лицо его снова закрыла маска.

— Да, из века в век.

— Она готовит операцию против вас.

— Я знаю. То есть она исчезла какое-то время назад — несомненно, с серьезной миссией. — Брэнн наклонился вперед. Его взгляд стал таким пристальным, что Локридж не выдержал и отвел глаза, ища поддержки в безмятежном лице византийского святого.

— У тебя есть информация? — продолжал Брэнн глубоким, резким голосом.

— Да... Есть... господин. Она отправилась в мое столетие, в мою страну — чтобы провести коридор сюда.

— Что? Не может быть! Нам было бы известно!

— Они действуют под прикрытием. С самого начала местные работники, местные материалы. А когда они

закончат, Хранители просочатся со всем, что у них есть.

Брэнн со звоном опустил кулак на обслуживающий автомат. И вкочил на ноги.

— Обе стороны уже пытались проделать это, — возразил он. — Ни у той, ни у другой ничего не вышло. Это невозможно!

Локридж заставил себя посмотреть на возвышающуюся над ним фигуру.

— На этот раз, похоже, операция будет успешной. Говорю вам, она отлично законспирирована.

— Если кто-то смог, то она... — Голос Брэнна упал. — О нет. — Рот его искривился. — Решающий бросок. Огненные удары по моим людям.

Он начал ходить взад и вперед по комнате. Откинувшись, Локридж наблюдал за ним. И ему пришло в голову, что Брэнн не был злодеем. В Авильдаро он отзывался — будет отзываться — хорошо о своих ютоазах, потому что они не были жестокими без необходимости. Сейчас его страдание было искренним, Зло породило его, и ему он служил, но в глубине этих серых глаз скрывалась невинность тигра. Когда Брэнн потребовал фактов, Локридж ответил почти с сочувствием:

— Вы сможете остановить ее. Я могу сказать точно, где находится коридор. Когда ведущие из него ворота откроются здесь, вы нанесете через них удар. У нее будет лишь несколько помощников. Вам не удастся захватить ее на этот раз, но для этого представится возможность позднее.

Более или менее правдиво он рассказал о своих приключениях до момента прибытия в Авильдаро вместе со Сторм.

— Она выдала себя за их Богиню, — продолжал Локридж, — и устроила гнуснейшее празднество. — Как и предполагалось, Патрульный не знал, что клан Тенил Оругарэй, находящийся далеко за пределами сферы его манипуляций с культурами, не практикует ритуального каннибализма, в отличие от своих соседей. Кроме того, он, скорее всего, решил, что Локридж отрицательно относится к обрядам; это не соответствовало действительности, но было на руку.

— Именно с этого времени у меня начало меняться мнение о ней. Потом появились вы во главе военного отряда индоевропейцев, и вы захватили деревню и нас тоже. — Брэнн разжал и снова сжал пальцы. — Я сбежал. Тогда я думал, что мне просто повезло, но теперь мне кажется, что вы нарочно плохо охраняли меня. Я добрался до Фландрии и нашел иберийское судно, на которое меня взяли палубным матросом. В конце концов я оказался на Крите и связался там с Хранителями. Они отправили меня в этот год. Вообще-то я хотел вернуться в свой век. Это не моя война. Но мне не дали.

— Разумеется, не дали, — сказал Брэнн, к которому вернулось его самообладание. — Главная причина — суеверие. Они, видишь ли, считают ее священной, фактически бессмертным воплощением Богини, равно как и ее сподвижников. Ты, видевший ее последним, сам теперь слишком священная личность, чтобы осквернить-ся, став обычным человеком эпохи, которую они презирают.

Локридж был крайне удивлен тем, как гладко проходит состряпанная Хранителями история. Может ли мысль Брэнна быть верной?

— В остальном со мной обращались прекрасно, — сказал он. — Я завязал... ну... дружеские отношения с одной высокопоставленной леди.

Брэнн пожал плечами.

— Она много рассказывала мне о разведывательных операциях, — продолжал Локридж, — показывала разные устройства и всякое такое. Показала, в сущности, слишком многое из своей цивилизации — черт возьми, это не для нормального человека. Меня напичкали пропагандой против Патруля, но все равно мне стало казаться, что вы мне как-то ближе. По крайней мере, вы, может быть, отправите меня домой, а я... — Локриджу пришлось перейти на английский, — я тоскую по родине! Есть там и кое-какие обязательства. Так что в конце концов я упросил ее отправить меня с разведывательной миссией вчера вечером; мне даже дали надеть одну их ваших униформ. Поскольку мне

было известно о подставной личности Дарваста... — Он развел руками. — Вот, я здесь.

Брэнн, по-прежнему расхаживавший по комнате, остановился и с минуту стоял совершенно неподвижно.

— Каково точное географическое расположение этого коридора? — спросил он наконец.

Локридж объяснил.

— Меня удивляет, — добавил он, — почему Хранители, после того как все узнали, не отправились на несколько месяцев назад и не предупредили ее?

— Они не могут, — рассеянно ответил Брэнн. — Что было, то должно быть. Иными словами: любая Кориока обладает абсолютной властью — даже большей, чем такой Директор, как я. Она делится своими планами только с избранными. Опасаясь шпионов, об этом своем плане она, вероятно, не рассказала никому, кроме нескольких техников, которых взяла с собой. Считала, что можно сообщить, когда коридор будет готов. Они так поздно получили предупреждение, у них столько дел в разных эпохах, что теперь просто нет времени собрать достаточные силы Хранителей, способные эффективно действовать в прошлом. Тем силам, что могли быть отправлены, наверняка помешал фактор неопределенности — они появились либо слишком рано, либо слишком поздно. Если они вообще были отправлены. У нее есть соперники, которые не будут слишком горевать, потеряв ее.

Брэнн остановил взгляд на Локридже и долго изучающе смотрел на него.

— Предполагая, что твой рассказ — правда, я благодарен, — наконец произнес он медленно. — Ты действительно сможешь вернуться к себе и будешь хорошо награжден. Но сперва мы должны убедиться в твоей искренности путем психического зондирования.

Локриджа захлестнула волна страха. Приближался момент, после которого его будущее было неизвестно. Брэнн напрягся: выступивший на лбу пот, бледное лицо, дергающийся кадык — чего этот парень так нервничает?

— Нет, — сказал Локридж слабым голосом. — Не надо. Пожалуйста. Я знаю, к чему это приводит.

Видимая причина его побега должна была быть такой, чтобы не возбудить недоверия Брэнна к его словам настолько, чтобы он не отказался от поисков ворот Сторм и отправил через них свои войска. Но страх Локриджа был самым настоящим. Он и правда видел ту темную половину Длинного Дома.

— Не бойся, — ответил Брэнн с ноткой нетерпения в голосе. — Глубинные уровни затронуты не будут, если только не выявится чего-нибудь подозрительного.

— Откуда я знаю, что вы говорите правду? — Локридж встал и попятился.

— Ты должен принять мои слова на веру. И, возможно, также мои извинения.

Брэнн подал знак. Дверь отворилась, вошли двое стражников.

— Отведите этого человека в Восьмой Отдел и скажите начальнику отделения, чтобы связался со мной.

Пошатываясь, Локридж вышел из комнаты. Его провожали глаза святого — далекие, как небеса, с которых они смотрели.

Воины в черном повели его через пустой коридор. Стены гасили звук, глухо отдавались шаги, никто не проронил ни слова. Локридж сделал глубокий вдох. «Ничего, парень, — подумал он, — ты ведь знаешь, что сумеешь добраться до временного коридора». Голова у него перестала кружиться.

Показался нужный ему туннель. Входом служило продолговатое отверстие в стене; в глубине свистел прогоняемый под давлением воздух. Солдаты вели Локриджа мимо.

Энергопистолеты были у них в руках, но не нацелены на него. Пленники никогда не доставляли особых хлопот. Локридж резко остановился и ребром ладони рубанул по кадыку охранника справа. Отлетел назад шлем, солдат упал на четвереньки. Мгновенно развернувшись, американец нанес другому охраннику удар плечевым блоком, вложив в него весь свой вес. Стражник повалился назад. Обхватив его руками, Локридж бросился вместе с ним в шахту туннеля.

Кувыркаясь, они полетели вниз. Завыл сигнал тревоги. Эта многоглазая машина, которая представляла

собою здание, заметила нечто необычное. Почти человеческим голосом она кричала о том, что видела.

Проносились размытые очертания туннеля, стены которого сходились внизу, в бесконечности. Локридж вцепился в Патрульного, схватив его за горло и колотя кулаком по лицу. Охранник перестал сопротивляться: отвисла челюсть на залитом кровью лице, пальцы, державшие пистолет, разжались. Локридж попытался нащупать пульт управления на его поясе. «Где же, к чертовой матери...?»

Мелькали двери. Дважды из них с шипением вырвались энергетические разряды. Дно приближалось. Локридж нашел нужную кнопку и нажал ее. Неуравновешенные силы чуть не вырвали Патрульного из его рук. Но их падение замедлилось; они избежали страшного удара, от которого у них не осталось бы ни одной целой кости; они были внизу.

На дне из шахты вел другой коридор. Напротив был вход, через который видна была комната, стерильная белизна которой делала радужное сияние ворот времени еще более привлекательным. Двое охранников, выпучив глаза, смотрели поверх наведенного на него оружия. Через туннель уже гнался за ним отряд стражников.

— Держите этого парня! — задыхаясь, приказал Локридж. — И дайте мне пройти!

Он был в униформе с вполне убедительными знаками различия. В замке еще не были известны детали происшедшего. Охранники отдали честь. Он кинулся в аванзал.

Воздух вокруг него прорезал и наполнил собой голос Брэнна, мощный, словно глас Божий:

— Внимание, внимание! Говорит Директор! Человек, одетый в форму начальника караула гвардейских частей, только что вошел во временной переход на девятом подуровне. Он должен быть взят живым любой ценой.

Через ворота! От удара, вызванного фазовым изменением, Локридж упал. Перекувырнувшись, он ударился головой об пол; его пронзила боль, и мгновение он лежал оглушенный.

Страх перед аппаратом для зондирования мозга заставил его очнуться. Он с трудом поднялся и дотащился до стоявших наготове гравитационных саней.

Полдюжины людей высыпало из-за занавеса. Локридж лег ничком. Бледные парализующие лучи били по бортам. Он поднял руку и накрыл ладонью световой контроль ускорения. Сани тронулись.

Да, он удалялся от Патрульных. Патруль остался по отношению к нему в прошлом. Локридж двигался в будущее.

Воздух со свистом вырывался из его легких. Сердце билось так сильно, что его трясло, как крысу в собачьей пасти. Из последних сил он превозмог панику и взглянул назад. Черные фигуры уменьшались. Они в нерешительности топтались на месте. Локридж вспомнил слова Сторм: «Мы пытались проникнуть вперед из нашего времени, — говорила она, сидя у костра в полном волков лесу, — но там оказались охранники; они заставили нас вернуться с помощью неизвестного нам оружия. Мы больше не пробуем. Это было слишком страшно».

— Я служил тебе, Кориока, — всхлипнул он. — Помоги мне, Богиня!

Издалека, отражаясь эхом от пульсирующей белизны туннеля, донесся до него голос Брэнна, отдающего приказ. Патрульные построились. Гравитационные устройства подняли их, и они пустились в погоню.

Коридор вел вперед, теряясь вдали. Никаких ворот не было, одна пустота.

Сани остановились. Он стукнул кулаком по панели управления; машина оставалась неподвижной. Преследователи приближались.

Локридж выпрыгнул из саней и побежал. Луч ударил в пол позади него, задев и парализовав его ступню. Раздался торжествующий крик.

А затем наступила Ночь и пришел Ужас.

Локридж так и не понял, что произошло. Он лишился зрения, слуха, всех чувств и способности мыслить; кружась, он превратился в бестелесную точку, летящую в вечность сквозь пространство, имеющее бесконечное множество измерений. Каким-то образом он

осознал присутствие чего-то живого и одновременно неживого. Оттуда исходил ужас, абсолютное воплощение ужаса — отрицание всего, что есть, было и будет; холод холоднее холода; темнота темнее темноты; пустота в пустоте, ничего, кроме водоворота, который втягивал его, сжимал и превращал в ничто.

Его больше не было.

ГЛАВА XVI

И снова он был.

Сначала он был музыкой — самой нежной и красивой из когда-либо существовавших мелодий, — в которой он, охваченный сонным восторгом, узнал мелодию «Овцы могут пастись спокойно». Затем он был также запахом роз; под его спиной было упругое, повторяющее его движения ложе; его тело было полно блаженством покоя. Он открыл глаза навстречу солнечному свету.

— Доброе утро, Малькольм Локридж, — произнес мужской голос.

— Ты среди друзей, — добавила женщина.

Они говорили по-английски с кентуккийским акцентом.

Он сел. Кушетка, на которой он лежал, стояла в комнате, отделанной панелями из клена. Она почти никак не была украшена, кроме переливающегося красками экрана, на котором цвета воплощались в необычные, мягкие формы настолько совершенных пропорций, что больше ничего и не требовалось. За открытой дверью Локридж увидел сад. Вдоль посыпанных гравием дорожек росли цветы; ивы склонились над заросшим лилиями прудом, защищая его от лучей знойного летнего солнца. По другую сторону дороги, покрытой зеленым дерном, стоял еще один домик, маленький, увитый жимолостью, простой и очень милый.

Мужчина и женщина подошли ближе. Оба были высокого роста, уже немолодые, но свои мускулистые тела они держали прямо. Волосы их были подстрижены пониже ушей и перевязаны лентами с замысловатым узором. Больше на них ничего не было, кроме ремешка

с карманом на левом запястье. Он нащупал на своей руке такой же кошелек на браслете. Женщина улыбнулась.

— Да, твои диаглоссы там, — сказала она. — Не думаю, что тебе понадобится еще что-нибудь.

— Кто вы? — спросил Локридж в недоумении.

Они помрачнели.

— К сожалению, тебе недолго придется пробыть с нами, — ответил мужчина. — Зови нас Джон и Мэри.

— А это... когда?

— На тысячу лет позднее.

— Мы знаем, что тебе пришлось пережить кошмар, — сказала женщина с материнским состраданием в голосе. — Но у нас не было иной возможности заставить этих дьяволов повернуть назад — разве что убить их. Мы вылечили тебя, соматически и психически, пока ты спал.

— Вы отправите меня домой?

— Да. — Тень сострадания пробежала по ее спокойному лицу.

— Фактически прямо сейчас, — сказал Джон. — Мы должны.

Локридж встал с кровати.

— Я имел в виду, не ко мне домой. В Европу, в эпоху Хранителей.

— Я знаю. Идем.

Они вышли. Локридж попытался получить объяснение:

— Я понимаю, почему вы не пускаете сюда никого из прошлого. Так что для вас я?

— Судьба, — ответил Джон. — Самое ужасное слово, которое только может человек произнести.

— Что? Вы... Я... Моя работа еще не закончена?

— Пока нет, — сказала Мэри и взяла его за руку.

— Я не могу рассказать тебе больше, — сказал Джон. — Ради твоего же блага. Война во времени была апогеем человеческой деградации, и не в последнюю очередь потому, что она отрицала свободную волю.

Локридж старался сохранить спокойствие, которое они каким-то образом вселили в него.

— Но ведь время неизменяемо. Разве не так?

— С божественной точки зрения, возможно, — ответил Джон. — Люди, однако, не боги. Загляни внутрь себя. Ты знаешь, что делаешь свободный выбор, не так ли? В войне во времени они оправдывали все ужасные вещи, которые делали, тем, что они якобы так или иначе должны произойти. Тем не менее они сами, непосредственно, были виновны в такой тирании, стольких смертях, такой ненависти, таких страданиях, что страшно представить. Теперь мы знаем, что лучше не заглядывать в собственное будущее, и мы путешествуем только в несчастное, проклятое прошлое — тайком, как наблюдатели.

— Кроме как в случае со мной, — сказал Локридж с ноткой гнева в голосе.

— Мне очень жаль. Мы вынуждены причинять зло, чтобы предотвратить большее зло. — Джон бросил на него твердый взгляд. — Я утешаю себя тем, что у тебя хватит мужества это перенести.

— Что ж... — Кривая усмешка тронула губы Локриджа. — О'кей. Я, безусловно, рад вашему вмешательству там, в коридоре.

— Больше этого не будет.

Они вышли на дорогу. Город казался достаточно большим; куда ни глянь, среди высоких деревьев стояли дома. На улице было много народу — красивые люди, шагающие спокойно, не спеша. Некоторые были голыми, другие, видимо, в летнюю жару чувствовали себя лучше в легкой тунике. Двое взрослых, проходя мимо, поклонились Джону — с уважением, но без подобострастия.

— Ты, должно быть, важная персона, — заметил Локридж.

— Континентальный советник. — В голосе Мэри звучали любовь и гордость.

С гиканьем пронеслась ватага детишек. Они крикнули что-то такое, что заставило Джона улыбнуться и помахать им рукой.

— Ммм... то, что я здесь... это хранится в тайне?

— Почти, — ответила Мэри. — Факт твоего появления известен. Мы подготовились. Но они — назовем их хранителями времени — не раскрывали деталей. Для твоего же блага. Кто-нибудь мог бы рассказать

тебе слишком много... Не обязательно плохого, — поспешила добавить она. — Но ощущение неотвратимости судьбы превращает человека в раба.

«Меня ждут впереди критические события, — подумал Локридж. — Они не хотят, чтобы я знал, как мне предстоит умереть».

Он освободился от этих мрачных мыслей, уцепившись за произнесенные Мэри слова:

— Хранители времени! Значит, моя сторона все-таки победила! — Он посмотрел вокруг, вдохнул запах леса, сосредоточился на ощущении прохладного дерна под ногами. — Конечно. Я должен был сразу догадаться. Это хорошее место.

— Думаю, — сказал Джон, — тебе стоит запомнить написанное одним из наших философов. Всё дурное — это хорошее, ставшее злокачественным.

В недоумении Локридж молча следовал за ними. Вскоре они подошли к участку, огороженному живой изгородью. Джон дотронулся до листа, и ветви раздвинулись. За ними лежал летательный аппарат, формой напоминавший торпеду. Все трое вошли в него. Расположенная впереди кабина была похожа на прозрачный пузырь; не было видно ни рычагов, ни каких бы то ни было приборов управления. В хвосте, через дверь, Локридж увидел — механизмы? Очертания? Что бы это ни было, оно не имело ясно воспринимаемой формы, а, казалось, состояло из немыслимо изогнутых линий, то расходящихся, то вновь сходящихся.

Джон сел. Аппарат бесшумно поднялся. Земля быстро удалялась, поэтому Локридж не смог охватить взглядом все лежащее под темнеющим небом восточное побережье. В основном земля была зеленой (сколько лет потребовалось людям, чтобы исправить содеянное Патрулем?), но на юге на мили раскинулся комплекс зданий. Они были выстроены со вкусом, воздух вокруг был чистым; Локридж различал парки.

— Я думал, Хранители не строят городов.

— Верно, — коротко ответил Джон. — А мы строим.

— Близость других людей человеку тоже нужна, — пояснила Мэри.

Поток беспокойных мыслей Локриджа был прерван появлением на горизонте взлетающего серебристого корабля яйцевидной формы. «Господи, — подумал он, прикинув расстояние, — да эта штука должна быть полмили длиной!»

— Что это? — спросил он.

— Лайнер с Плеяд, — ответил Джон.

— Но они не достигли звезд... в эпоху Сторм.

— Нет. Они были слишком заняты, убивая друг друга.

Аппарат набирал скорость. Америка растворилась в извечном одиночестве океана. Локридж опять начал задавать вопросы, но Мэри покачала головой. На глазах у нее были слезы.

Прошло совсем немного времени, и внизу показалась Европа. Опускаясь, летательный аппарат, благодаря каким-то устройствам, не испытывал сопротивления воздуха. Локридж был бы рад шуму: он отвлек бы его мысли от того будущего, которое сейчас было для него в прошлом. Он напряженно вглядывался вперед. Они все еще летели на такой высоте, что берег разворачивался перед ним словно карта.

— Эй! Ты направляешься в Данию!

— Так надо, — сказал Джон. — Ты сможешь добраться до места назначения сушей.

Аппарат остановился и завис в виду Лимфьорда. Большую часть местности занимали леса и пастбища. Локридж заметил стадо грациозных пятнистых животных — может, они с другой планеты? Но у верхней части залива стоял город. Он не был похож на тот, который Локридж только что оставил, и это его немного обрадовало. Ему всегда претила мысль о безликой земле, где повсюду одно и то же. Красные стены и медные шпили напомнили ему Копенгаген, каким он его знал.

«Ладно, — сказал он себе, — что бы мне еще ни предстояло сделать, я полагаю, это будет во имя благой цели».

— Мы бы с удовольствием показали тебе больше, Малькольм, — мягко сказала Мэри. — Но здесь мы должны расстаться.

— Как? А где же коридор?

— Мы нашли другие способы, — ответил Джон. — Эта машина нас доставит.

Языки пламени поползли по призрачным формам в хвосте. Кабину заполнила темнота. Локридж воспрял духом. Он вовсе не обязательно обречен. Может быть, эта пара просто жалеет его, потому что ему еще предстоит сражаться. Во всяком случае скоро он увидит Аури. Не говоря уже о Юрии и ее двоюродных родственниках — ну и прием же будет! А потом Сторм...

Путешествие во времени закончилось. Лицо Джона стало напряженным.

— Вылезай скорее, — сказал он. — Нас могут засечь; рисковать мы не можем.

Аппарат приземлился без малейшего толчка. Джон пожал Локриджу руку.

— Счастливо тебе, — сказал он отрывисто.

— О да, счастливо тебе! — воскликнула Мэри и поцеловала его.

Скользнула вбок дверь. Локридж выскочил наружу. Аппарат взмыл вверх и исчез.

ГЛАВА XVII

До рождения по-летнему зеленеющей земли, которую он видел через тысячу лет, было далеко. Вокруг была местность не менее дикая, чем во времена Тенил Оругарэй. Большую часть деревьев составляли буки, правда, белые и высокие; их голые ветви проступали на фоне темнеющего неба. Опавшие листья сухо шуршали на холодном ветру. Вверху махал крыльями ворон.

Локридж поморщился. Что это за друзья, которые бросили его здесь, — одного, без одежды!

«Это было необходимо», — подумал он.

Но, черт побери, в их планы не могло входить, чтобы он подох с голоду. Значит, поблизости должно быть жилье. Вглядевшись в окутывавший его полумрак, он различил тропинку. Узкая и, как видно, редко используемая, она вилась между кустов и стволов деревьев в направлении залива. Экспериментальным путем Лок-

ридж выбрал диаглоссу, подходящую для этого времени и этой местности, и быстро — в основном чтобы согреться — зашагал вперед.

Сквозь деревья, в стороне, противоположной догорающему закату, он увидел свет. «Полнолуние после осеннего равноденствия», — решил он. Аури, должно быть, ждет его целых три месяца. Бедная одинокая девочка. Ну что ж, они все равно собираются ее изучать, а он будет с нею, как только найдет возможность добраться...

Он резко остановился. Холод пронизал его: вдали послышался лай собак.

Ну и что, мужчине ли этого бояться? Чего он так нервничает? Локридж продолжил путь.

Сгустившиеся сумерки сменила ночная мгла. Трещали и кололись ветки, на которые он натыкался, ничего не видя и сбиваясь то на одну сторону тропинки, то на другую. Усилился ветер. Собаки подавали голос уже ближе. А это что — протрубил рог? Похоже на то — такой пронзительный звук, переходящий в безобразный рев.

«Возможно, они движутся по этой же тропинке, — подумал Локридж. — Подождем...» Нет. Он перешел на рысь. Почему-то у него не было никакого желания встречаться с этой сворой собак.

Какой-то частью рассудка он пытался сквозь растущее беспокойство понять: почему? Если они смотрели на охоту, как на спорт, — что из этого? Но эта местность была такой чертовски пустынной. Родные леса Аури были полны жизни. А здесь он не видел ничего, кроме деревьев и кустов, да еще питающегося мертвечиной ворона, не слышал ничего, кроме завывания ветра и необыкновенно быстро приближающегося лая собак.

Луна поднялась выше. Снопы света проникали между призрачно-серых стволов, пятна теней лежали на земле. В глубине леса тьма была полной. Все сильнее и сильнее становилось ощущение, будто он бежит по бесконечному туннелю. Локридж начал задыхаться. Эхом отдавался лай собак, вновь протрубил рог; он услыхал стук копыт по мерзлой земле.

Лес расступился перед ним. Вереск поблескивал инеем; под мерцающими звездами серебряными полосами на черной воде раскинулся Лимфьорд. Локридж вздохнул с облегчением.

Внезапно собаки завизжали и затявкали, пронзительно протрубил рог, стук копыт превратился в гулкий цокот скачущих галопом коней. Кинжалом кольнула мысль: они взяли его след! Его охватил не поддающийся контролю страх. Локридж побежал, преследуемый по пятам ужасом.

Свора лаяла и выла. Пронзительно, как дикая кошка, закричала женщина. Он выбежал на открытое, залитое лунным светом пространство. В миле от него, у берега, виднелась какая-то темная масса и несколько желтых огоньков. Дома... Локридж зацепился за что-то и упал в кусты дрока, оцарапавшись до крови.

Падение отрезвило его, паника несколько улеглась. До убежища ему никогда не добежать — если вообще это убежище. Собаки догонят его через минуту. «О, Сторм! — Слезы текли по его лицу. — Сторм, дорогая! Я должен вернуться к тебе!» Воспоминание о том, как он обнимал ее, как ее грудь прижималась к нему, придало ему смелости. Он вернулся назад по своим следам.

Добежать до опушки леса... влезть на высокое дерево... встать на ветку, обхватив руками ствол. Превратиться в одну из многих теней — и ждать!

По тропинке из леса на вересковую пустошь вылетела охота.

Это были не собаки — эти два десятка похожих на волков чудовищ, озаренных лунным светом и с рычанием рвущихся вперед. Это были не лошади — полдюжины громадных животных с огромным, как у нарвала, рогом, торчащим изо лба. В холодном и ярком сиянии луны на острие одного из них Локридж разглядел темное пятно, напоминавшее сгусток крови. Наездниками были люди — две женщины и четверо мужчин в форме Хранителей; их длинные светлые волосы развевались по ветру. И еще один человек — его обнаженное тело со вспоротым животом было перекинуто через луку седла.

Один из мужчин протрубил в рог почти прямо под деревом, на котором укрылся Локридж. Американца охватил такой ужас, что он чуть не разжал руки, обнимавшие ствол; он знал только одно: надо бежать, бежать, бежать... «Субзвуковой эффект!» — промелькнула догадка в еще не охваченной безумием части его мозга, и он изо всех сил, царапаясь о кору, вцепился в дерево.

— Хой-о, хой-о! — Ехавшая впереди женщина трясла поднятым копьем. Невыносимо было смотреть на ее лицо, выдававшее несомненное сходство со Сторм.

Они галопом поскакали дальше, пока собаки не потеряли след и не остановились в нерешительности, сердито сопя. Всадники осадили лошадей. Сквозь рев ветра и фырканье животных Локридж слышал, как они кричали что-то друг другу. Одна из девушек нетерпеливо показала в сторону леса: она догадалась, как поступил тот, кого они преследовали. Но остальные были слишком опьянены погоней, чтобы оставаться на месте. Вскоре они, вытянувшись в линию, поскакали через пустошь в восточном направлении.

«Это может быть уловкой, — подумал Локридж. — Они рассчитывают, что мне придется когда-нибудь слезть, и тут они вернутся и поймают меня».

Опять послышался звук рога, но уже так далеко, что его разрушительного воздействия на мозг не ощущалось. Локридж соскользнул с дерева. Вряд ли они ожидают, что он направится к деревне сразу же. У него не хватило бы хладнокровия, будь он каким-нибудь невежественным слоггом.

Откуда он взял это слово? Не из диаглоссы, в которую было умышленно заложено так мало правды об этой половине земного шара. Минутку... Ну да. Его употребляла Сторм.

Он сделал глубокий вдох, прижал локти к бокам и пустился бегом.

Лунный свет заливал землю, вереск был морозно-серым, вода блестела, — разумеется, они заметят его; но ничего другого не оставалось — только бежать. Цеплялись и царапались кусты, ветер дул прямо в лицо, но оставалось только бежать. Других возможностей не

было — разве что ждать смерти от клыка, рога или пики. Что подталкивало его, позволяя развить такую скорость, — страх или какой-нибудь препарат, введенный ему в вену Джоном и Мэри? Эту часть пути до берега он проделал одним спринтерским броском.

Поселение представляло собой просто беспорядочное скопление домов. Хотя стены их были из бетона, а крыши из какого-то блестящего синтетического материала, они выглядели более тесными и убогими, чем хижины эпохи неолита. Сквозь плохо пригнанные ставни и щели в неплотно закрывающихся дверях просачивались струйки света — их он и видел с опушки леса.

Локридж стал стучаться в ближайший дом.

— Откройте! — кричал он. — Помогите!

Ответа не было, не доносилось ни звука — дом замкнулся в себе и, казалось, отрицает реальность своего существования. Локридж доковылял по грязи до следующего дома и забарабанил в дверь кулаками.

— Помогите! Во имя Нее, помогите мне!

В доме кто-то заплакал.

— Убирайся, — раздался раздраженный мужской голос.

Шум охоты почти не доносился через пустошь; теперь он усилился и начал приближаться.

— Катись отсюда, сука! — заорал внутри дома хозяин.

Локридж попытался вышибить дверь, но она была слишком прочной. Больно ударившись, он отлетел назад.

Шатаясь, он поплелся по деревне, выкрикивая свои мольбы о помощи. В центре селения оказалось что-то вроде площади. Рядом с примитивным колодцем высился двадцатифутовый крест в виде буквы «тау». К нему был привязан человек; он был мертв, и вороны уже начали его клевать.

Локридж прошел мимо. Снова уже слышался стук копыт.

За деревней были поля, где, возможно, выращивали картофель. В по-прежнему ярком лунном свете он ясно

увидел оставленные всадниками следы. Рядом стояла избушка — еще более жалкая, чем другие. Дверь ее со скрипом отворилась, и из нее показалась старуха.

— Эй, ты, — позвала она, — сюда, быстро!

Локридж кое-как перевалился через порог. Женщина закрыла и заперла дверь. Сквозь хриплые звуки собственного дыхания он слышал ее пьяное брюзжание:

— Навряд ли они припрутся в город. Никакого интересу — убивать загнанного человека. А Лесовик, что ни говори, тоже человек. Пусть она злится сколько влезет, если узнает. Я знаю свои права, знаю. Они взяли моего Олу, но это делает меня, его мать, священной на целый год. Никто ниже Кориоки не может меня судить, а миледи Истар не посмеет лезть к Ней с такой чепухой.

Силы понемногу возвращались к Локриджу. Он пошевелился.

— Запомни, — быстро проговорила женщина, — если ты начнешь скандалить, так мне достаточно открыть дверь и крикнуть. У меня соседи — мужики крепкие, и они будут только рады посчитаться с Лесовиком. Не знаю, сами они тебя разорвут на клочки или вышвырнут отсюда, чтобы Истар могла поохотиться, но твоя жалкая жизнь в моих руках, и лучше не забывай об этом.

— Я... не причиню... никаких хлопот. — Локридж сел, обхватив руками колени, и посмотрел на нее. — Если я могу чем-то отблагодарить... что-то сделать...

Совершенно неожиданно с удивлением он увидел, что женщина, в сущности, не так уж и стара. Ее сутулость, вылинявшее серое платье, скрюченные пальцы, обветренное лицо, наполовину беззубый рот — все это ввело его в заблуждение. Ее длинные, до пояса, заплетенные в косы волосы были еще темными, морщин было немного, глаза, хоть и затуманенные алкоголем, не потеряли своего блеска.

Обставлен однокомнатный домик был скудно: пара кроватей, стол и несколько стульев, комод и шкаф... Ну-ка, а это что? В углу, служившем кухней, было устройство, похожее на электронное, а на стене —

экран видеофона; напротив — маленький алтарь с серебряной Лабрис...

Женщина вздрогнула.

— Ты не Лесовик!

— Полагаю, что нет, — кто бы они такие ни были. — Локридж приложил ладонь к уху, прислушиваясь. Своры не было слышно. Он облегченно вздохнул, поняв, что этой ночью ему умереть не придется.

— Но... но ты являешься из лесу нагишом, удираешь от них... однако выбрит и подстрижен и говоришь лучше меня...

— Скажем так: я из других краев, но я не враг. — Локридж говорил с осторожностью. — Я направлялся в эту сторону, когда наткнулся на охотников. Мне очень нужно связаться с... э-э-э... с собственным штабом Кориоки. Тебе хорошо заплатят за спасение моей жизни. — Он встал. — Ммм... ты не можешь одолжить мне какую-нибудь одежду?

Она оглядела его с головы до ног — не как женщина смотрит на мужчину, а с въевшейся в кровь недоверчивостью, которая понемногу уступала место решимости.

— Хорошо! Может, ты и врешь, может быть, даже ты сам дьявол, посланный ловить в западню бедных слоггов, но мне терять нечего. Туника Олы должна быть тебе впору.

Пошарив в комоде, она просунула ему потертую цельнокроеную блузу. Когда он взял ее, женщина погладила рукой ткань.

— Его дух еще должен быть в ней, хоть немного, — сказала она тихо. — Может быть, он помнит обо мне. Если так, я под защитой.

Локридж натянул тунику через голову.

— Ола был твоим сыном? — спросил он как можно мягче.

— Да. Последним. Болезнь унесла остальных еще в колыбели. А в этом году, когда ему едва стукнуло семнадцать, они выбрали его.

У Локриджа возникла жуткая догадка.

— Это он там на кресте? — вырвалось у него.

— Заткни пасть! — неожиданно вспылила хозяйка. — Это изменник. Он обругал Прибо, любовника миледи Истар, который всего-навсего порвал его рыболовную сеть.

— П-прости, — проговорил Локридж, заикаясь. — Я ведь сказал, что не здешний.

Ее настроение изменилось со свойственной опьянению быстротой.

— Так вот: Ола, — сказала она. — Он должен был быть Мужчиной Года. — Она начала тереть кулаками глаза. — Да простит меня Богиня. Я знаю, что его душа в счастливой земле. Если б только я могла забыть, как он кричал, когда они сожгли его.

Локридж нащупал стул, тяжело опустился на него и уставился в пустоту.

— Ты такой бледный, — сказала женщина. — Хочешь выпить?

— О Господи, да! — Какого бога он имел в виду — Локридж и сам не знал.

Она налила ему в стакан из кувшина. Вино было грубее, чем то, что он пил во дворце, но Локридж почувствовал, как его нервы и мозг обволакивает тот же покой. Ну разумеется: им нужно что-то, чтобы вынести такую жизнь.

— Скажи мне, — спросил он, — эта Истар — ваша жрица?

— Ну да, конечно. Как раз к ней тебе и нужно идти. Завтра, не раньше полудня, я думаю. Она будет на охоте допоздна и спать будет долго, и какой бы важной шишкой ты ни был, она не из тех, кто любит вставать с постели. — С л о г г отпила из своего стакана и захихикала. — Вот ложиться в постель — это да, это, я слышала, другое дело. Парни не должны вроде бы болтать о весенних обрядах, но болтают, болтают...

— А эти Лесовики... Кто они?

— Что? Да ты, верно, и впрямь издалека! Это голые люди, лесные жители, мерзавцы, которые прокрадываются в деревню, чтобы спереть цыпленка, а то еще нападают на тех, кто по дурости выходит в одиночку. Право, даже не знаю, почему я впустила тебя: ведь я

думала, ты из Лесовиков. Разве что, может быть, я сидела тут одна и вспоминала Олу, и... конечно, на них надо охотиться, не только для того, чтобы сдерживать, но и потому, что их душа переходит в счастливую землю... и все-таки я иногда задумываюсь: откроет ли нам когда-нибудь Богиня лучший путь?

«О да, — вяло подумал Локридж, — лучший путь существует.

Но не в эту эпоху. Я вижу это совершенно ясно. Я вижу того растерянного старого рабочего, которого знал две тысячи лет тому назад, уволенного, потому что он не умел управлять кибернетическим устройством. Что делать с лишними людьми?

Если это Патруль, то их забирают против воли в постоянную армию. Если это Хранители, то они делают из них невежественных крепостных крестьян, оставив какое-то количество совершенных дикарей в качестве сдерживающего фактора и религию, которая... Нет, хуже всего другое: сами Хранители верят.

А ты, Сторм?

Я должен выяснить».

Он смутно слышал голос хозяйки:

— Что ж, пусть я грешна, но Ола делает меня священной, пока не будет выбран следующий Мужчина Года. Должно быть, это по его указанию я впустила тебя. По чьему же еще? Я помогла тебе, чужеземец, — продолжала она горячо. — В награду за это можно мне увидеть Кориоку? Моя бабка однажды видела. Она пролетала как раз над этой землей, волосы у нее были черные, как гроза, которую Она часто вызывает, — о, этого не забыли за шестьдесят лет! Если бы я ее увидела, я бы умерла счастливой.

— Что? — На Локриджа усыпляюще действовали утомление и наркотик, но тут сон как рукой сняло. — Такая же? Столько лет назад?

— А как же еще? Богиня не умирает.

«Какая-нибудь хитрость, — решил Локридж, — возможно, с воротами времени. Но Брэнн говорил о сражениях с ней на протяжении всей истории; и лишь немногие могут путешествовать по коридорам. Во всяком случае, руководители должны проводить в общей

сложности годы, если не десятки лет, в каждом пространственно-временном регионе. Сколько?»

Стакан выпал из руки Локриджа. Он вскочил.

— Я не могу оставаться здесь! — взорвался он. — Я должен связаться с кем-нибудь, чтобы за мной послали.

— Постой! Этот аппарат соединен только с башней Истар; не думаешь же ты, что у таких, как я, есть прямая связь с Богиней? Садись, дурачок.

Локридж оттолкнул женщину. Она опустилась на кровать и налила себе еще полный стакан. Он закрыл ладонью единственную светящуюся кнопку вызова. Экран ожил, и на нем появился молодой парень со скучающим, сонным и недовольным лицом.

— Кто ты такой? — спросил Хранитель. — Моя госпожа на охоте.

— Твоя госпожа может охотиться хоть в преисподней, — огрызнулся Локридж. — Соедини меня с дворцом Кориоки в Вестмарке.

У парня отвисла его безбородая челюсть.

— Ты что, рехнулся?

— Послушай, красавчик, если не поторопишься, я приколочу твою шкуру к ближайшему сараю, причем половина тебя будет еще внутри нее. Соедини меня с Хранителем Ху, или леди Юрией, или с кем угодно — кого найдешь. Скажи им, что вернулся Малькольм Локридж. Именем Кориоки!

— Вы их знаете? Простите! Одну, всего одну минутку, умоляю вас! — Экран погас.

Локридж протянул было руку к кувшину, но передумал. Сегодня ему нужна была светлая голова. Некоторое время он стоял, кипя от бешенства. Снаружи под стрехой[1] завывал ветер. Женщина смотрела на него и не переставая пила.

На экране возникло лицо Ху.

— Ты! А мы считали тебя пропавшим! — В его голосе было больше удивления, чем радости.

---

[1] Стреха — нижний, свисающий край крыши.

— Это долгая история, — прервал его Локридж. — Ты можешь проследить по этому вызову, где я нахожусь? Тогда прилетай и забери меня.

Старуха была уже слишком пьяна, чтобы проявлять овладевший ею страх, но все же она отодвинулась подальше от него.

— Господин, — невнятно забормотала она, — прости, я не знала...

— Я по-прежнему обязан тебе жизнью, — сказал Локридж. — Но Кориока временно в отъезде. Очень сожалею. — Он не мог больше оставаться в этой хижине, рядом с так аккуратно застеленной постелью юноши. Поцеловав руку его матери, он вышел на улицу.

Шуршали, кружась на ветру, опавшие листья. Луна стояла высоко и казалась меньше. Где-то очень далеко слышался шум охоты. Все это не имело значения.

«Надо быть осторожным, — подумал он. — Что бы там ни было, я должен доставить Аури домой».

Он не заметил, сколько времени прождал. Возможно, полчаса. Двое одетых в зеленое людей вынырнули из темноты и приветствовали его, отдав честь.

— Полетели, — сказал он.

И они понеслись над землей. Локридж видел одну лишь сплошную ночь. Там и тут расположились деревушки, кольцом окружив сверкающие, тянущиеся вверх башни замка-дворца; однако они были отделены от дворца и друг от друга милями пустынных земель. Часто мелькали анки, под которыми находились фабрики. «Несомненно, — подумал Локридж, — жизнь Хранителей в такой же мере зависит от машин, как и жизнь Патрульных. Они лишь чуть больше приукрашивают этот факт.

Они не рассчитывали, что я все увижу. Предполагалось, что я, если останусь жив, попаду прямо в коридор и перенесусь прямо в ее святилище».

Оно выросло перед ним, даже сейчас поразив таким великолепием, что он почувствовал боль, подумав о том, что дворцу суждено исчезнуть. Сопровождающие опустили Локриджа на террасе, где в искусственно теплом воздухе разливался аромат жасмина и пели струи

фонтана. Ху стоял, ожидая его; ниспадавшая с его плеч мантия наводила на мысль о шаровой молнии.

— Малькольм! — Он обхватил Локриджа за плечи. Однако его восторг не был особенно глубоким. — Что случилось? Как тебе удалось удрать и забраться так далеко на север, и... и... в общем, это повод для самого большого праздника с тех пор, как Она избрала свое последнее воплощение в Вестмарке.

— Послушай, — сказал американец. — Я едва стою на ногах от усталости. Моя миссия увенчалась успехом, а подробности могут немного подождать. А сейчас скажи: как Аури?

— Кто?.. А, девочка из неолита. Спит, надо думать.

— Отведи меня к ней.

— Ну... — Ху нахмурился и почесал подбородок. — Почему ты так волнуешься за нее?

— С ней что-нибудь случилось? — закричал Локридж.

Ху сделал шаг назад.

— Нет. Конечно нет. Однако ты должен понимать, что она была вне себя от горя из-за тебя. И она, без сомнения, неверно истолковала кое-что из того, что видела. Этого следовало ожидать. Именно по этой причине нам нужно было изучить кого-нибудь из их культуры так близко. Поверь мне, отношение к ней было самое что ни на есть доброе.

— Я не верю тебе. Отведи меня к ней.

— Неужели она не может подождать? Я думал, мы дадим тебе стимулятор, потом, после того как будет записан твой краткий рассказ, устроим праздник... — Ху сдался. — Ну как хочешь.

Он поднял руку. Появился мальчик-слуга; Ху дал ему указания.

— Увидимся завтра, Малькольм, — сказал он и ушел. Его мантия пылала огнем.

Локридж едва замечал, каким путем его ведут. Наконец открылась дверь. Он шагнул через порог и оказался в маленькой комнате; напротив была еще одна дверь; на кровати лежала Аури. Она была красиво одета и не похудела (здешние биомедики знали, как

держать человека в хорошей форме), но она стонала во сне.

Дрожащей рукой он вставил в ухо диаглоссу для ее эпохи и погладил ее нежную щечку. Она заморгала глазами.

— Рысь, — пробормотала она; затем, полностью стряхнув сон, воскликнула: — Рысь!

Он сел рядом с нею и крепко обнял ее, а она смеялась, и плакала, и дрожала в его руках. Слова бурным потоком срывались с ее губ:

— О Рысь, Рысь, я думала, ты умер; увези меня, отвези меня домой, куда угодно; это — место, куда должны отправляться дурные мертвые; нет, меня не били, но у них с людьми обращаются, как со скотом, они выводят их; и все ненавидят друг друга, и все время шепчутся, потому что хотят владеть другими, все они хотят; она не может быть Богиней, она не должна...

— Она и не богиня, — сказал Локридж. — Я добирался сюда через ее земли, я видел ее людей, и я знаю. Да, Аури, мы отправимся домой.

Отворилась внутренняя дверь. Он обернулся и увидел леди Юрию. Светлые волосы не закрывали устройства в ее ухе, так же как ее вечерняя мантия не могла скрыть напряженности ее позы.

— Мне почти жаль, что ты признал это, Малькольм, — сказала она.

ГЛАВА XVIII

1827 год до Рождества Христова.

Локридж прошел сквозь сверкающий занавес.

— Когда мы находимся?

Ху сверился с часами-календарем.

— Позже, чем мне хотелось, — ответил он. — В конце августа.

«Значит, Авильдаро прожила четверть года с того времени, как были разбиты Брэнн и ютоазы, — подумал Локридж. — Аури — примерно столько же. Я —

несколько дней, хотя каждый из них тянулся как столетие. Чем занималась здесь Сторм — все лето?»

— Фактор неопределенности, именно он делает межвременную связь такой сложной, — пожаловался Ху. Он наполовину обернулся к воротам. — Можно попробовать еще раз. — Четверо сопровождавших их солдат начали выказывать тревогу, один из них даже стал было возражать. Ху передумал.

— Нет. Такие эксперименты, если не повезет, могут привести к страшнейшим парадоксам. Я посылал людей в разные моменты нескольких последних недель. Согласно последнему сообщению, все по-прежнему идет гладко, и было это меньше месяца тому назад по местному времени.

Он направился вверх по спуску; его люди выстроились вокруг Локриджа и Аури.

— Мы правда дома? — выдохнула девушка, сжав руку американца.

— Да, ты дома, — ответил тот.

Как-то отвлеченно он удивился, что никакого гарнизона Хранителей не было выставлено у ворот, которые приобрели такое значение. «Что ж, — решил он, — у нее на это есть множество причин, в том числе и тот факт, что ей нужно иметь в собственной эпохе как можно больше верных людей. Но прежде всего, я полагаю, она заботится о том, чтобы нельзя было догадаться о происходящих здесь событиях, на тот случай, если разведчики Патруля заберутся так далеко».

Они вышли из туннеля. Полуденное солнце стояло высоко над лесом, полным в разгар сезона красок и жизни. Стадо косуль, щипавших на лугу траву, бросилось бежать, вспугнув множество куропаток. Аури, с лицом, освещенным радостным восторгом, на минуту застыла, вознеся к небу руки и откинув назад копну распущенных волос. Перед отправлением она переоделась в простой наряд своего народа; Локридж обратил внимание, насколько поразительно зрелыми стали ее формы за время его отсутствия. Он пожалел, что у него не хватило духу попросить юбку, плащ и ожерелье вместо выданной ему зеленой униформы.

— И мы снова свободны, Рысь! — Девушка не могла удержаться и внезапно подпрыгнула с радостным криком.

«Ты — да. Может быть. Я надеюсь, — подумал Локридж. — А я? Не знаю».

Те два дня, что его держали во дворце, прежде чем отправить сюда, с ним обращались достаточно хорошо. Он мог ходить, где хотел, при нем был лишь один охранник. Ему вполне вежливо посоветовали рассказать о происшедшем с ним, предложив наркотик, исключающий возможность лжи; он согласился и рассказал все как на духу, поскольку альтернативным вариантом вполне могло оказаться устройство для зондирования мозга. После этого Юрия вела с ним долгие беседы — без малейших признаков злости или раздражения. Ее позиция основывалась на том, что, во-первых, из-за своего происхождения и воспитания он не был готов к пониманию совершенно иной цивилизации; во-вторых, увиденное им не являлось характерным примером; в-третьих, трагедия есть неотъемлемая часть человеческой жизни, которой суждено реально воплотить свое величие; в-четвертых, нельзя отрицать, что злоупотребления имеют место, но они поправимы и при более мудром управлении будут исправлены.

Он ничего не отвечал на это, равно как и на проявления ее благосклонности. Она была ему слишком чужда. Как и все они.

Ху дал команду. Группа поднялась и полетела в сторону Лимфьорда.

Локридж думал о предстоящей встрече со Сторм. Сердце стучало у него в груди. Он не мог бы сказать, какое место в нем занимал страх, а какое — она сама.

Тем не менее судить его будет она, больше никто не смеет. Кроме того, что он был ее избранником, с ним еще были эти загадочные слова из ее будущего.

Лес остался позади. Солнечные блики сверкали на воде залива, где стояла Авильдаро под сенью своей священной рощи. Видны были вышедшие в море рыбачьи лодки и женщины, занимавшиеся домашней ра-

ботой рядом с хижинами. Но в северной стороне, простираясь на восток, расположились...

Аури пронзительно закричала. У Локриджа вырвалось ругательство.

— Ютоазы! Рысь, что случилось?

— Ради Бога, Хранитель, объясни! — задыхаясь, выдавил Локридж.

— Успокойтесь, — бросил Ху через плечо. — Это было запланировано. Все идет как надо.

Локридж прищурился и стал считать. Сказать, что там собралось целое полчище людей Боевого Топора, было бы явным преувеличением. Он насчитал около дюжины колесниц, стоящих возле вигвамов своих владельцев-вождей. Воинов, в возбуждении следящих за приближением летучего отряда, собралось немногим более сотни человек. Кто-то мог быть на охоте, кто-то еще где-нибудь, но, безусловно, их было не так уж много.

Но зато с ними были их женщины — никто из женщин Оругарэй не носил грубошерстные кофты и юбки. Вокруг них шалили малыши; дети постарше присматривали за стадами коров и овец, табунами лошадей, — огромное количество скота паслось на лугах на пространстве в несколько миль от деревни.

Строились сараи из дерна.

Враг возвратился, чтобы остаться.

Почему, Сторм, почему?

Ху опустил их у Длинного Дома. Стоящие вокруг хижины закрывали собой раскинувшееся в стороне ютоазское стойбище. Площадь перед входом была безлюдна; все замерло там, где когда-то толкались, торговались, смеялись члены общины. Даже далекие голоса едва нарушали эту залитую солнцем тишину.

Дом тоже претерпел изменения. Прежде под притолокой висел венок: зимой из дубовых листьев, летом — из остролиста. Теперь на его месте золотом и серебром сверкала эмблема — Лабрис на фоне Солнечного Диска. Два воина с гордым видом стояли на страже — в кожаных доспехах, раскрашенные, с плюмажем на головах; каждый был вооружен копьем, кинжалом, лу-

ком и томагавком. Они отдали честь — так, как это было принято у Хранителей.

— Она там? — спросил Ху.

— Да, мой господин, — ответил старший по возрасту — коренастый рыжий ютоаз с расчесанной на две стороны бородой. На его щите был изображен волк. Потрясенный Локридж узнал Уитукара. Стало быть, его рука срослась.

— Она занимается магией за занавесом из тьмы, — добавил тот.

— Пусть этот человек остается с вами, пока Она не позовет. — Ху вошел внутрь. За ним захлопнулась занавеска из шкур.

Аури заплакала, закрыв лицо руками. Локридж погладил ее светлые волосы.

— Тебе не обязательно оставаться, — сказал он тихо. — Пойди поищи своих сородичей.

— Если они живы.

— Должны быть живы. Больше сражений не было. Стром привезла чужеземцев с какой-то своей целью. Ну давай беги домой.

Аури пошла было, но ее схватил один из солдат. Локридж ударил его по руке.

— У тебя не было приказа задерживать ее, — рявкнул он.

С испугом на лице солдат отступил; Аури скрылась между хижин.

Уитукар получил от этой маленькой стычки куда больше удовольствия, чем его перепуганный товарищ. Лицо его расплылось в улыбке.

— Ба! Да ты же тот, что удрал от нас! — загремел его голос. — Ну и ну! — Он опустил копье, подошел к Локриджу и похлопал его по плечу. — То было деяние, достойное воина, — сказал он с самой что ни на есть искренней теплотой. — Хо! Как ты расшвырял нас всех, и все ради одной девчушки! Как шли твои дела с тех пор? Знаешь, мы стали вашими друзьями, и я видел столько богов и так близко за последние недели, что уже надоедает; и я думаю, ты тогда не пользовался колдовством, просто хитрые приемы — я

им был бы весьма и весьма рад научиться. Я приветствую тебя!

Локридж собрался с мыслями. Это была возможность услышать правдивое описание событий.

— Я был далеко, по Ее поручению, — медленно произнес он, — и не знаю, что произошло в этих краях. Я был немало удивлен, увидев, что ваш клан вернулся и что ты, — он решил подпустить шпильку, — стоишь на часах, словно какой-то юнец.

Уитукар осенил себя Ее знаком.

— Кто, кроме самых высокорожденных, — его голос звучал торжественно и высокопарно, — достоин служить Ей?

— Ммм... Да, конечно. И все же с каких это пор?

— С середины лета, может, чуть позже. Видишь ли, мы были очень испуганы после того, как он, которого мы считали самим Господином Огня, был побежден, а нас разбили иноземцы с оружием из настоящего металла. Честно говоря, мы считали, что нам еще повезло, что мы добрались до дому, и мы принесли большие жертвы богам этой земли. Но от Нее явился посланник и обратился к нашему совету. Он сказал, что Она на нас не очень сердится, потому что мы — простые люди, которых великан одурачил. Она, мол, даже охотно использует нас как воинов, так как Ее войско должно вернуться к себе на родину.

«Ну конечно же, — вспомнил Локридж. — Англичан необходимо было отправить домой: они слишком плохо приспособлены, чтобы оказывать эффективную помощь, не говоря о том, что слишком бросается в глаза их иноземное происхождение. Сторм бросила какое-то замечание о возникшей у нее по поводу обеспечения войском этого нового театра ее военных действий...»

— Так вот, — продолжал Уитукар, — мы колебались. Жаждущие приключений молодые ребята могли бы послужить несколько лет в Ее гвардии. Но семейные мужчины? Так далеко от своих родичей и богов? Тогда посланный объявил, что Она хочет, чтобы воины пришли и остались. Рыбаки достаточно храбрые, но у них нет опыта в ведении сражений и пользовании совре-

менным оружием. Она хотела, чтоб мы пришли — не только здоровые и крепкие мужчины, а все наше племя.

— Она говорила, что мы получим землю, нам будут оказывать почет и уважение. И богам нашим тоже. Солнце и Луна, Огонь и Вода, Воздух и Земля — почему бы им не соединиться, чтобы их одинаково почитали? В конце концов, те фратрии, которые ты видел, вспомнили о том, что становятся слишком большими для своих пастбищ, подумали о выгодах союза с Нею, обладающей такой силой, и переселились сюда.

Пока все идет прекрасно. Деремся понемногу с Морским народом дальше вдоль берега — достаточно, чтобы держаться в форме и захватить кой-какую добычу и рабов. В будущем году, похоже, планируется настоящий удар, чтоб заставить относиться к Ней с должным почтением те племена, которые до сих пор еще этого не делают. А между тем мы обустраиваемся на хорошей земле, и Она, Сестра Солнца, — с нами.

«О, Сторм, — подумал Локридж, — эти северные народы никогда прежде не испытывали на себе проклятие империи!»

— Как вы ладите с коренными жителями Авильдаро? — спросил он резко.

Уитукар сплюнул.

— Не слишком здорово. В драку лезть они не решаются, поскольку Она сказала, что они не должны нас трогать. Но некоторые удрали за море, а оставшиеся такие злые! Э-эх, ты ведь знаешь, какие у них бабы; однако если парню из наших захочется малость поразвлечься, так единственная надежда — застать какую-нибудь в лесу и взять силой. Нам, знаешь ли, тоже не велено причинять им вред. — Он повеселел. — Но дай нам время! Если они не захотят частных взаимообменов, мы и сами управимся. В конце концов мы сделаем их нашими, как наши предки переделывали завоеванные народы по своему образу и подобию. — Он приблизил к Локриджу лицо, по-дружески ткнул его локтем в ребра и доверительно поделился:

— Сказать по правде, Она предвидит такой исход. Она сама обещала мне, не так давно, что будут браки между родовитыми домами обоих народов. А таким

путем, ты понимаешь, наследство переходит от их матерей к нашим сыновьям.

«А приведет все это, — подумал Локридж, — к юнкеру Эрику.

Нет, погоди. Это дело рук Патруля.

Но не Хранители ли заложили фундамент?»

Он молчал так долго, что Уитукар обиделся и вернулся на свой пост. Высоко в небе сияло полуденное солнце.

Несмотря на мучившие его мысли, Локридж обрадовался, как дурак, когда появился Ху и сообщил, что она сейчас его примет. Чуть ли не одним прыжком он оказался по ту сторону занавески. Никто за ним не последовал.

Огонь в Длинном Доме по-прежнему не горел; помещение было залито холодным светом шаров. Черная завеса все так же отделяла заднюю часть комнаты. Там, где стоял Локридж, пол был покрыт каким-то жестким материалом, а стены обтянуты серым. Между деревянных опор насмешкой выглядели мебель и устройства из будущего.

К нему подошла Сторм.

Следы ее плена исчезли. Иссиня-черные волосы, золотистая кожа, зеленые, как морские волны, глаза сияли, как будто сами излучали свет; при ходьбе платье прижималось к ее груди, бедрам, ногам, и он снова подумал о Крылатой Победе — Нике Самофракийской. Платье сегодня было белым, с глубоким вырезом и отделано критской лазурью. Лунный серп увенчивал ее лоб.

— Малькольм, — сказала Сторм на его родном языке. — Это моя настоящая награда — то, что ты вернулся. — Она сжала его лицо в своих ладонях и смотрела на него сквозь пульсирующую неподвижность. — Спасибо, — добавила она на языке Оругарэй.

Локридж знал, когда женщина ждет, чтоб ее поцеловали. У него кружилась голова, но он стоял на своем и старался удержать в голове все свои обиды и сомнения.

— Ху, надо полагать, представил тебе мой отчет, — сказал он. — Мне нечего к нему добавить.

— Тебе не нужно ничего добавлять, милый. — Она указала на диван. — Сядем. Мы можем поговорить обо всем.

Он сел рядом с ней. Их колени соприкасались. Перед ними стояли бутылка и два наполненных бокала.

Сторм подала ему один из них, подняла свой.

— Выпьем за нас?

— Брэнн тоже угощал меня вином, — хрипло ответил Локридж.

Ее улыбка погасла. Прежде чем поставить бокал, она долго задумчиво смотрела на него.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала она.

— Что Хранители ничуть не лучше Патрульных, и провались к чертовой матери и те, и другие? Да, мне так кажется.

— Но это неправда, — ответила она серьезно и искренне, ни на миг не давая ему отвести глаза. — Как-то ты упомянул нацистов из своего времени как случай абсолютного зла. Я согласна. Они были созданием Патруля. Но подумай — только честно, — представь себе, что ты — человек из теперешнего неолита, перенесенный в 1940 год. Много ли различий смог бы ты заметить между странами?

— Твоя кузина Юрия пользовалась примерно такой же аргументацией.

— Ах да. Она. — На мгновение ее губы сжались. — Когда-нибудь с Юрией придется разобраться.

Сторм расслабилась, положила руку ему на бедро и заговорила мягко и быстро:

— Ты встретил в моем будущем двух, именно двух людей, которые в своих целях спасли тебя. Около часу ты был в их мире. Они доставили тебя на выбранное ими самими место и бросили там, сделав несколько продуманно двусмысленных замечаний. Ну, сам посуди, Малькольм, у тебя же научное образование. Какое же это основание для того, чтобы делать выводы? Любые выводы!

Ты видел то, что тебе хотели показать. Слышал то, что они хотели, чтобы ты услышал. Им надо, чтобы произошло что-то, к чему ты являешься ключом. Но что такое ключ, как не простой инструмент? Ты всего

лишь видел изменившийся мир. Откуда ты знаешь, что его корни лежат не в победе Хранителей? Я думаю, что это именно так.

Потому что, Малькольм, многое из того дурного, что ты видел в моей стране, — результат войны. Не было бы врага, не нужна была бы такая дисциплина, можно было бы экспериментировать и проводить реформы. Да, я знаю, что собой представляет Истар. Но ты же не настолько наивен, чтобы полагать, что правитель, даже обладающий самой что ни на есть абсолютной властью, может издать указ и добиться исполнения своей воли. Или ты думаешь, что это так? Мне приходится использовать то, что дано мне судьбой. Так вышло, что Истар меня поддерживает. Ее преемник — а я не могу нарушить право наследования: это вызвало бы опасные потрясения во всем королевстве, — тот, кто пришел бы после нее, состоит в другой фракции.

— А Юрия? — спросил Локридж сквозь застилавший его мысли туман.

— Моя дорогая Юрия, — Сторм усмехнулась. — Как бы ей хотелось стать Кориокой! И какая жалкая Кориока вышла бы из нее! — К ней вернулась рассудительность. — Я не недооценила тебя, Малькольм. Ты видел, что я могу сделать. Захватив Брэнна, с твоей помощью я сделала то, что может стать началом смертельного удара по Патрулю. Так мало людей, способных предпринимать эти операции во времени, и так много от них зависит. Пока Брэнн на свободе, большая часть моей энергии уходила просто на отражение его ударов. Я знаю, кто сейчас принял командование, и, откровенно говоря, мне ничего не стоит обвести Гарвена вокруг пальца.

Но и сама наша победа выдвинула целый ряд проблем. Пока тебя не было, верный Ху посылал своих шпионов, и его посланники путешествовали туда-сюда. Мои соперники — о да, у меня дома плетется еще больше темных интриг, чем ты думаешь, — которые организуют заговоры против меня под личиной дружеского расположения, которую нам приходится носить, пока продолжается война, — мои соперники ухватились за этот стратегический пункт. Разве Юрия не

делала намеков насчет наград в случае, если ты станешь ее агентом в моем лагере? — Локридж был вынужден кивнуть. — Так вот, с целью получения поддержки эта фракция утверждает, что мы должны по-прежнему сосредоточивать наши усилия в Средиземноморье и на Востоке. Они говорят: оставьте в покое Север, он не имеет никакого значения; хотя индоевропейское завоевание, безусловно, произойдет на юге и востоке, давайте сделаем так, чтобы оно оказалось не имеющим для врага настоящей ценности. А я говорю: бросьте эти регионы; оставьте лишь символические силы, а Патруль пусть держит там своих лучших людей; незаметно для них, давайте создадим на Севере тысячелетнюю несокрушимую твердыню!

Локридж заставил себя отвлечься от ее лица с широкими скулами, от пленительных изгибов ее тела.

— И поэтому ты предала людей, веривших тебе? — спросил он. В голосе его не было той силы, какую он хотел бы вложить в свои слова.

— Да, конечно, я позвала ютоазов, и мегалитическим каменщикам это не нравится. — Сторм вздохнула. — Малькольм, по моему заданию ты читал книги и провел немало времени в Датском Национальном Музее. Тебе должны быть известны археологические находки. Приходит новая культура, которая сформирует будущее; и что бы мы с тобой ни делали, реликвии, доказывающие это, останутся лежать в своих стеклянных ящиках. Но мы можем контролировать детали, о которых экспонаты ничего не говорят. Ты предпочел бы, чтобы пришельцы завоевали Данию так, как они захватят Индию, — с резней и обращением в рабство?

— Но, Бога ради, скажи: зачем они тебе?

— Я не могла оставить англичан, — сказала она. — Их отправили домой, кроме горстки людей, которые будут охранять ворота, пока они через несколько недель не закроются. Кстати говоря, я даже отправила тех агентов, которых ты видел, назад в их шестнадцатый век. Когда подготовительная работа была закончена, от них было мало проку. А из-за нажима моих соперников я не могу вызвать настоящих специалистов с Крита — во всяком случае до тех пор, пока я не

буду в состоянии представить солидных, многообещающих перспектив.

Она широко развела руками.

— Что я тогда покажу? — продолжала Сторм. — Новую и долговечную нацию. Сильных людей, которые, пусть с некоторыми компромиссами, следуют указаниям Богини. Источник ресурсов, богатства, людей, если понадобятся. Пространственно-временной отрезок, настолько надежно защищенный, что имеет смысл собирать там силы Хранителей для решительной схватки. Узнав о достигнутых первых результатах, другие Кориоки склонятся на мою сторону. Мое положение дома будет в безопасности. Еще важнее то, что мой план примут, и вся мощь будет сосредоточена здесь. И таким образом мы будем ближе к тому, чтобы положить конец непристойным выходкам Патруля; а уж после этого можно будет заняться исправлением зла у себя дома.

Ее голова поникла.

— Но я так одинока, — прошептала она.

Он не мог удержаться и не взять ее лежащую на коленях руку в свою. Другой рукой он обнял ее за плечи.

Сторм близко наклонилась к нему.

— Война — гадкая штука, — сказала она. — В ней очень много грустного; приходится делать то, чего не хочется. Я обещала тебе, что после выполнения этого поручения ты сможешь вернуться домой. Но мне дорог каждый человек, сохраняющий мне верность.

— Я с тобой, — сказал Локридж.

В конце концов... Разве у него не оставалось еще одного незавершенного дела?

— Ты далеко не обыкновенный человек, Малькольм, — сказала Сторм. — Королевству, которое мы строим, нужен будет король.

Он поцеловал ее.

Она ответила.

— Пойдем, мой друг, — чуть погодя шепнула она. — Туда.

Опустилось солнце. С запада, где желтым светом блестела вода, вернулись рыбачьи лодки; над хижинами вился дым; Мудрая Женщина со своими прислуж-

никами отправилась в рощу преподнести свои ежедневные дары. Через луга доносился грохот барабанов: так люди Боевого Топора отправляли своего бога почивать.

Сторм пошевелилась.

— Тебе сейчас лучше уйти, — сказала она со вздохом. — Ты прости, но мне необходимо выспаться. А исполнение роли божества отнимает почти все мое время. Но ты придешь опять. Правда? Пожалуйста.

— Когда только ты захочешь, — ответил он глухо.

Локридж вышел в вечерний полумрак. В душе его царил мир. Вне стен Длинного Дома он застал повседневный быт народа Тенил Оругарэй: детишки все еще возились на улице, мужчины вели беседы; сквозь открытые двери хижин видны были женщины — ткущие, шьющие, готовящие еду, шлифующие металл, формующие горшки. Локридж шел, и за ним катилась волна тишины.

Дойдя до хижины, где когда-то жил Эхегон, он вошел. Здесь он мог остаться.

Вся семья сидела вокруг огня. Они вскочили и осенили себя знаком, еще не так давно им незнакомым. Простым смертным он оставался лишь для Аури. Она подошла к нему и сказала нетвердым голосом:

— Как долго ты пробыл с Богиней.

— Так было нужно, — ответил Локридж.

— Ты ведь заступишься за нас перед ней, правда? — взмолилась девушка. — Может, она не знает, какие они злые.

— Кто?

— Те, кого Она привела. О Рысь, я такое слышала! Как они пасут свой скот на наших посевах, и насилуют женщин, и глумятся над нами на нашей собственной земле. Они совершали набеги на наших родичей, ты знаешь об этом? Сейчас у них в стойбище люди из Улары и Фаоно, мои дорогие родственники, — они рабы. Расскажи Ей, Рысь!

— Расскажу, если смогу. — В его голосе звучало нетерпение. Ему хотелось побыть немного наедине с этим днем. — Но чему быть, того не миновать. А теперь могу я что-нибудь поесть и побыть в тишине? Мне нужно о многом подумать.

ГЛАВА XIX

Как и в любой войне, о которой Локриджу было известно, в этой борьбе основные усилия должны быть направлены на не бросающуюся в глаза организацию всего. Столь же знакомой была и проблема нехватки людей. Агенты были разбросаны вдоль и поперек всей истории, и сражающимся во времени сторонам катастрофически недоставало людей. У Сторм Дарроуэй положение было еще хуже: она оставалась практически одна.

Сторм признавала, что политическая зависть — не единственная причина того, что она не имела поддержки других аватар — воплощений богов на земле. Ее план был радикальным, включал значительное сокращение вложений в древние, обреченные цивилизации в других регионах. Многие из Хранительниц, выступавших в качестве королев, были совершенно искренни, сообщив Сторм, что та выгода, в несомненном получении которой она клялась, должна быть наглядно продемонстрирована, — лишь тогда они будут готовы оказать помощь. Дело в том, что, судя по всему, война во времени не захватила бронзовый век Северной Европы. Насколько было известно, ни Хранители, ни Патруль не проводили сколько-нибудь значительных операций на этом пространственно-временном участке протяженностью в тысячу лет и тысячу миль.

— Но послушай, — раздраженно сказал Локридж, — разве это не доказывает, что ты ошибаешься?

— Нет, — ответила Сторм. — Точно так же это может означать успех. Вспомни: из-за стражей коридоров в нашу эпоху мы не знаем нашего будущего. Мы не можем предсказать, что нам предстоит сделать. Даже такие причинно-следственные круги, как тот, что мы использовали, чтобы поймать в западню Брэнна, — и то редкость, благодаря действующему в воротах фактору неопределенности.

— Ясно, ясно. Но послушай, любимая, безусловно, можно проверить прошлую эпоху, вроде этой, и выяснить, есть ли там твои люди.

— Если их работа идет гладко, то что мы увидим? Ничего, кроме коренных жителей, живущих своей повседневной жизнью. Когда агенты Хранителей прячутся от Патруля, они в большей степени оказываются скрытыми и от Хранителей.

— Ммм... Полагаю, что так. Проблема безопасности. Нельзя, чтобы твои сторонники знали больше, чем необходимо, иначе это может стать известным врагу.

— К тому же, — надменно продолжала Сторм, — это мое поле деятельности. Я буду распоряжаться своими людьми так, как сочту нужным. Приобретенная мною власть будет использована не только против Патруля. Дома тоже надо свести кое-какие счеты.

— Иногда ты просто приводишь меня в ужас, — сказал Локридж.

Сторм улыбнулась и ласково взъерошила ему волосы.

— Иногда, — промурлыкала она. — А иногда?..

— Ты компенсируешь это — и с лихвой!

Но долго оставаться вместе они не могли. Слишком много всего нужно было сделать.

Сторм должна была находиться в Авильдаро: выступать в роли королевы и судьи, принимать решения и издавать законы — до тех пор, пока создаваемая ею нация не примет того облика, который ей нужен. Ху предстояло служить ей связующим звеном с ее родной эпохой и с Критом. Рядовых воинов можно было использовать лишь в качестве курьеров или стражников; в данном случае солдаты, прибывшие вместе с Ху, не нужны были даже для этого, и она отослала их обратно. Едва ли можно было рассчитывать на опытных агентов из других пространственно-временных регионов. Больше всего Сторм не хватало надежного человека, который мог бы работать с племенами...

Локридж шагал вперед. Его сопровождали Уитукар и еще несколько воинов. Он очень привязался к рыжему ютоазу; они наведывались друг к другу, пили мед и болтали далеко за полночь. «О'кей, — думал Локридж, — он не цивилизован. Как и я, наверно. Мне нравится его жизнь».

Конечной целью было слияние двух народов — Лабрис и Топора — в один. Это, без сомнения, должно

было произойти: Ютландии предстояло войти в историю как нации и даже после эпохи Локриджа оставаться распознаваемым единым целым. Подобно многим другим регионам. Вопрос был в том, произойдет ли и здесь то, ради чего Патруль организовал индоевропейское нашествие, — разрушение древней культуры, — или же каменщики неолита выживут в количестве, достаточном для того, чтобы Хранители могли тайно, не безопасно занять Север бронзового века? Сообщения из следующего тысячелетия давали основание предполагать, что второй вариант вполне вероятен, что действия, предпринятые Патрулем, ударят в этой части света по нему самому.

Однако создание этих королевств поневоле должно быть медленным процессом как из-за недостатка агентов, так и для того, чтобы казаться естественным. (По сути дела, б ы т ь естественным, ибо сколоченные на скорую руку империи — например, Александра или Тамерлана — просуществовали слишком недолго, чтобы иметь большую ценность.) Первым шагом было объединение жителей деревень, расположенных вокруг Лимфьорда, в союз более тесный и жесткий, чем существовавший прежде. Для этого Сторм могла использовать ужас, испытываемый жителями в ее присутствии, а также, если возникнет необходимость, своих помощников ютоазов. В то время очень важно было заключить союз с внутренними племенами — как с издревле жившими там, так и с вновь пришедшими. С первой миссией такого рода Сторм отправила Локриджа.

Он предпочел бы ехать верхом. Однако эти косматые, с длинными мордами пони никогда не были под седлом, а выездка заняла бы слишком много времени. Поэтому Локридж шел пешком. Когда они приближались к поселению, он и Уитукар забирались на свои колесницы и, сжав от тряски зубы, с достоинством — как оно понималось в эту эпоху — въезжали в деревню.

Но в целом — даже после того, что за этим следовало, — Локридж не мог не признать, что редко получал больше удовольствия. Его любимым отдыхом всегда было забраться с рюкзаком в какую-нибудь глушь:

теперь он получил такую возможность, причем поклажу тащили вассалы Уитукара.

Когда они встречались с жителями, их принимали радушно; Локридж с большим интересом подмечал детали, не содержавшиеся в диаглоссе. (Кстати, он постепенно нуждался в ней все меньше и меньше: благодаря постоянному употреблению, язык и обычаи фиксировались в его естественной памяти.) В становищах Боевого Топора несложная церемония сменялась празднеством. В древних сельскохозяйственных общинах сперва проявляли некоторую настороженность — но не страх, поскольку с пришлыми племенами у них не было серьезных стычек: земли было много, поселений на ней мало. Здесь обычно начинали с тщательно разработанных ритуалов, но имели склонность заканчивать все таким торжеством, при виде которого у людей XX века глаза бы на лоб полезли.

Послание, которое передавал Локридж, было простым. Богиня избрала местом своего пребывания Авильдаро. У нее нет вражды, как утверждают некоторые, к Солнцу и Огню; скорее она является Матерью, Супругой и Дочерью богам-мужчинам. Высшими Силами высказано желание, чтобы Их дети были так же соединены, как Они. С этой целью в середине зимы в Авильдаро будет созван первый из целого ряда советов для обсуждения путей и средств этого объединения. Приглашаются все вожди. Об альтернативе Локридж ничего не говорил: это могло лишь вызвать враждебное отношение, да и необходимости в этом не было.

Кое-что из того, что он видел и слышал, казалось ему отталкивающим, но он говорил себе, что это будет исправлено. Больше всего ему нравились люди. Он не мог бы даже назвать их менее искушенными, чем его собственный народ. У них были установлены хотя и непрочные, но широкие контакты — к примеру с племенами Боевого Топора они простирались аж до Южной Руси. Их политика была почти так же сложна, как и в XX веке, только в меньшем масштабе и без примеси идеологии; их нравы были куда более псевдонаукой, называемой экономикой, зато прекрасно разбирались в жизни земли, неба и человечества.

Путь Локриджа пролегал мимо священного холма, которому предстояло стать Виборгом, по земле более плодородной, чем та, которую он видел в будущем; на север к прибою и широким берегам Скау; снова на юг вдоль Лимфьорда. Скромное начало. И все же ему понадобился почти месяц. К тому времени, когда они вернулись в Авильдаро, вересковые пустоши уже цвели пурпуром и золотом; на восходе солнца иней блестел на ветках; начали желтеть листья.

В этот день с западной стороны моря с ревом налетел ветер, пятна света и тени от туч гонялись друг за другом по земле, волны гуляли по заливу и по лужам, оставшимся после прошедшего ночью дождя. Лес качался и стонал, желтые сжатые поля, луговая трава была убрана в стога. Освещенная солнцем, пролетела, направляясь в Египет, стая аистов. Прохладный воздух пахнул морской солью, дымом и лошадьми.

Отряд Локриджа заметили издалека. Сопровождаемый громкими приветственными возгласами, он проехал через лагерь ютоазов и выехал на ничейную землю между ним и деревней. Никто из людей Тенил Оругарэй не вышел его встречать.

Кроме Аури.

Она бежала к нему, полная ликования, поминутно окликая его. Локридж велел вознице остановиться, подхватил ее с земли и обнял.

— Да, малышка, со мной все в порядке, никаких неприятностей не было; конечно же, я рад тебя видеть, но я действительно должен прежде всего рассказать о поездке Богине... — Он с удовольствием прокатил бы ее, но в колеснице было слишком мало места. Всю дорогу она приплясывала рядом.

У Длинного Дома Аури забеспокоилась.

— Я буду в своем доме, Рысь, — сказала она и поспешно убежала.

Глядя ей вслед, Уитукар почесал бороду.

— Недурная курочка, — сказал он. — А как она с мужиком?

— Она девушка, — коротко ответил Локридж.

— Что? — Слезавший с колесницы ютоаз открыл рот. — Не может быть. Не у Морского народа.

Локридж объяснил, как все произошло.

— Н-да... — пробормотал вождь. — Ну-ну. Но уж ты-то, конечно, не боишься ее?

— Нет, — бросил Локридж. — Я слишком занят.

— О да. — Уитукар осенил себя каким-то знаком, правда, ухмыляясь в то же время. — Тебе благоволит Богиня. — Из-за этого ему уже незачем было выказывать чрезмерное почтение, после того как они с американцем прошли вместе по стольким холмам, с криками гнались за оленем, проклинали дождь и неразжигающийся костер, глядели в лицо близкой смерти.

— Эта Аури... — сказал он. — Мне она и прежде нравилась, но я был совершенно уверен, что она твоя. Она же тычется в тебя носом при любой возможности.

— Мы друзья, — ответил Локридж с растущим раздражением. — Если б она была мужчиной, мы были бы названными братьями. Обидеть ее — то же, что обидеть меня. И я отомщу.

— О да, да, конечно. Но ведь ты же не хочешь, чтобы она навсегда осталась одинокой?

Локридж смог только отрицательно покачать головой.

— И она наследница бывшего здешнего вождя; и, ты говоришь, заклятие с нее снято, гм...

«Что ж, — подумал Локридж со странным чувством, — это может оказаться для нее лучшим выходом из положения».

Но он не мог долго думать о ней. Его ждала Сторм.

В присутствии Ху и Уитукара она произнесла лишь формальное приветствие и, казалось, слушала его отчет вполуха. Вскоре ему было позволено удалиться. Однако она улыбнулась ему и произнесла по-английски одно слово: «Вечером».

После этого и после простых товарищеских отношений последних недель ему не хотелось проводить день среди людей Тенил Оругарэй. Из веселого народа, который он знал прежде, они превратились в растерянных и мрачных жителей оккупированной страны. Между ним и ими пролегла трещина: он был Ее агентом, а Она предпочла показать себя не с лучшей стороны. Он мог бы пойти к ютоазам... но нет, там он увидит

их рабов. Аури? Становилось все труднее поддерживать с ней прежние отношения... В одиночестве Локридж зашагал прочь от деревни. Возможно, вода в священном пруду на опушке леса не настолько холодная, чтобы он не смог смыть с себя грязь после путешествия.

Вроде бы он должен был быть счастлив. Но что-то вышло плохо. Он раздумывал об этом, оставляя позади милю за милей. Безусловно, мирное объединение двух народов было благой целью. И люди Боевого Топора не были дурными по своей природе, просто несколько властолюбивыми. Как невоспитанные мальчишки. В этом все и дело. В них должен быть заложен страх перед Господом. А в частности, им необходимо уважение к личности коренных жителей. В настоящее время они просто добавили Богиню Луны к сонму своих богов, и ничто, кроме Ее приказаний, не удерживает их от того, чтобы сделать Морской народ своей добычей. И никогда целая культура не испытывала уважения к другой, если та не могла достойно проявить себя в сражении.

«Прогресс, — с грустью думал Локридж. — Будет ли человек другим через четыре тысячи лет? Мы, белые американцы, возможно и ограбили индейцев, но, поскольку они мужественно защищались, мы гордимся любой имеющейся в нас каплей индейской крови. Негров же мы просто презирали, вплоть до последних десятилетий, когда я уже родился, — пока они наконец не поднялись и не начали борьбу за свои права.

Может быть, народу Джона и Мэри не обязательно разбивать носы, чтоб они смогли уважать других. Хотелось бы так думать. Но как добраться отсюда — дотуда?

Возможно, это моя работа. Заложить кирпичик в стену их строящегося дома.

Но как? Ютоазы прекрасно знают, что победили бы Тенил Оругарэй, если бы боги не привели с собой помощников. Они теперь здесь по приглашению Сторм, потому что они лучшие войны. Это здорово, конечно, созвать совет и посадить на трон короля. Но как избежать королевства, в структуру которого заложены хозяин и крепостной?

Да и хочет ли этого Сторм?

Нет! Хватит об этом!»

Локридж был так поглощен своими мрачными раздумьями, что оказался почти у пруда, прежде чем увидел происходящее там. А они — семь молодых парней и девушка из деревни — были настолько увлечены, что не заметили его приближения.

Девушка лежала навзничь на большом камне, с которого, в качестве подношений, бросали в воду изделия мастеров. В то время как шестеро его товарищей стояли с веточками омелы в руках, седьмой юноша занес над ее грудью кремневый нож.

— Что за черт! — заорал Локридж и бросился к ним. Они попятились. Когда же узнали его, в них не осталось от страха ничего человеческого — парни с мольбами ползали по земле; девушка понемногу начала выходить из транса.

Локридж напряг живот и произнес как можно более низким голосом:

— Ее именем требую: покайтесь в своих прегрешениях.

Запинаясь и умоляя о прощении, они все рассказали. Некоторые детали были опущены, но он и сам мог заполнить пробелы.

«Богиня» была далеко не точным переводом слова, которым обозначалось то, чем Она была в этой культуре. Японское ками было ближе; оно означало любое сверхъестественное существо — от этой скалы или дерева, у которого просят прощения, прежде чем его срубить, до необозримых, непостижимых Сил, господствующих над первоэлементами. Господствующих, не управляющих. Не было никакой формальной теологии, разделения магического и божественного; все вещи обладали определенной мистической силой. У него, Локриджа, ее было ужасно много. Уитукар мог быть его другом, но это потому, что Уитукар был уверен, что магия не будет обращена против него. У Аури, которой не так повезло, не было ни одного человека, который чувствовал бы себя спокойно в ее присутствии.

Эти ребята — из добросердечных людей Тенил Оругарэй — видели, как по ее воле была занята пришельцами их страна. Они могли бы сбежать во Фландрию

или Англию, как некоторые уже сделали, но слишком глубоким было в них чувство родины. Вместо этого они решили попробовать поднять силы против Нее. Они слыхали рассказы о человеческих жертвоприношениях у континентальных народов и знали, что эти народы все еще свободны...

— Идите домой, — сказал Локридж. — Я не стану призывать кару на вашу голову. И Ей не расскажу. Грядут лучшие времена. Клянусь в этом.

Они заковыляли прочь. Отойдя на некоторое расстояние, пустились бегом. Локридж прыгнул в воду и начал яростно смывать с себя грязь.

В деревню он вернулся только после захода солнца. Погода стала пасмурной, ветер нагнал тучи с моря, принеся с собой холод и ранние сумерки. На улице никого не было; дверные проемы были затянуты шкурами.

Каковы бы ни были его чувства, человеку надо есть; Локридж питался в доме покойного Эхегона. Он вошел и оказался в царстве тишины. Дым ел глаза, тени заполнили углы и легли вокруг слабо мерцающего в углублении огня. Родня Аури сидела, как будто в ожидании его: мать — вдова, напоминавшая ему ту женщину, которая укрыла его от псов Истар; немногие оставшиеся маленькие сводные братья; тетка и дядя — простой рыбацкий люд; они глядели на него с полной отчужденностью; их собственные дети, некоторые из которых спали, другие, постарше, в страхе попытались спрятаться от него.

— Где Аури? — спросил Локридж.

Ее мать показала на топчан. Волосы цвета спелой пшеницы разметались по одеялу из оленьей шкуры.

— Она выплакала все слезы, и у нее не осталось сил. Разбудить ее?

— Нет. — Локридж переводил взгляд с одного замкнутого и осторожного лица на другое. — В чем дело?

— Ты же знаешь, — ответила мать; в ее голосе не прозвучало даже упрека.

— Не знаю. Расскажи мне!

На мгновение взметнулось пламя, озарив фигуру Аури. Она спала, зажав большой палец в кулаке, словно обиженный ребенок.

— Я хочу помочь. — Он не знал, что еще сказать.

— О да, ты всегда был ей другом. Но что лучше для нее? — жалобно проговорила мать Аури. — Мы не можем знать наверное. Мы всего лишь простые смертные.

— Равно как и я, — сказал Локридж, не надеясь, что они поверят.

— Ну что ж. Сегодня днем пришел ютоазский вождь по имени Уитукар и просил ее стать его... как это у них называется?

— Женой, — подсказал Локридж. Он припомнил, что у Уитукара их было уже три.

— Да. Только его. Вроде рабыни, которая должна выполнять любое его приказание. Тем не менее, ну... ты мудрее нас, и ты знаешь этого человека. Он сказал, что мы все будем под его защитой. Это правда? Наш дом очень нуждается в защитнике.

Локридж кивнул. «За защиту надо платить», — подумал он, но промолчал.

— Аури отказала ему, — устало продолжала мать. — Он ответил, что Богиня сказала, что он может ее взять. Тогда она словно рехнулась, стала кричать — звать тебя. Мы ее немного успокоили и отправились к Длинному Дому. Ждали там, потом Богиня приняла нас и велела Аури выйти за Уитукара. Но у ютоазов это делается не так, как у нас. Сперва нужно совершить определенные обряды. Так что мы привели ее домой. Она вроде как бредила, бормотала, что убьет себя или уплывет одна на лодке, — а это будет то же самое, — но наконец уснула. Что ты обо всем этом думаешь?

— Я поговорю с Богиней, — взволнованно ответил Локридж.

— Спасибо. Я сама не знаю, что лучше. Она будет несвободна с ним, но мы ведь и так уже не свободны. И Сторм приказала. Но жизнь Аури никогда не будет счастливой в таких тесных рамках. Может быть, ты сможешь убедить ее, что так лучше.

— Или освободить ее от этого, — ответил Локридж. — Я пойду сейчас же.

— Разве ты не поешь сперва?

— Нет, я не голоден. — Занавес из шкур опустился за ним.

В деревне было совсем темно. До Длинного Дома пришлось добираться чуть ли не ощупью. Охранники-ютоазы пропустили его без единого слова.

Внутри все так же светились шары. Сторм в одиночестве сидела у контрольного щита психокомпьютера. В этом помещении на ней была лишь короткая туника, однако на этот раз Локридж смотрел на нее, не испытывая желания. Она обернулась, засмеялась и потянулась.

— Так скоро, Малькольм? Ну что ж, я устала уже экстраполировать тенденции. Все равно все в основном строится на догадках.

— Послушай, — начал он, — нам надо поговорить.

Ее веселое настроение сразу прошло, она застыла в неподвижности.

— Наш проект идет не так, как надо, — продолжал Локридж. — Я рассчитывал, что здешний народ примирится с новым порядком. Но вместо этого, когда я вернулся, все оказалось еще хуже, чем было.

— Да, настроение у тебя меняется быстро, — произнесла она ледяным тоном. — Будь более конкретным. Ты хочешь сказать, что трения между племенами усилились. А ты чего ожидал? Что я должна сделать, отказаться от своих славных союзников ютоазов?

— Нет, просто немного сбить с них спесь.

— Малькольм, дорогой, — сказала Сторм уже более мягко, — мы здесь не для того, чтобы строить утопию. Это в любом случае безнадежное занятие. Что для нас важно — это накопление сил. А это значит, что предпочтение должно отдаваться тем, кто является потенциально сильным. Не будь ханжой, спроси себя: жители Эниветока, они что, с большим удовольствием переселятся, чтобы освободить место для ядерных испытаний твоей страны? Мы можем стараться свести к минимуму боль, которую причиняем, но тому, кто вообще отказывается ее причинять, нечего делать в этом мире.

— О'кей, — сказал Локридж и расправил плечи, — ты всегда можешь меня переспорить, когда...

Сторм встала. Взгляд ее был бесстыдным и манящим.

— В особенности одним способом, — сказала она.

— Нет, подожди, черт возьми! — заупрямился Локридж. — Может, нам, людям, и приходится быть сволочами. Но не без оговорок. Во всяком случае, человек должен быть верным своим друзьям. Аури — мой друг.

Сторм застыла. Некоторое время она стояла не двигаясь, затем ее пальцы пробежали по черным как ночь локонам.

— Ага, она. — Голос ее звучал ласково. — Я так и думала, что ты заговоришь об этом. Продолжай.

— Она... ну, в общем, она не хочет в гарем Уитукара.

— Он что, плохой человек?

— Нет, но...

— Ты хочешь, чтобы она осталась одна, — зная, насколько необычной это ее здесь сделает?

— Нет-нет...

— Она может найти кого-нибудь другого?

— Ну...

— Кроме, пожалуй, тебя, — проворчала Сторм.

— О, мой Бог! — сказал Локридж. — Ты же знаешь — мы с тобой...

— Не ставь себя слишком высоко, мой милый. Но что касается этой девки. Если два народа должны стать одним, то союзы неизбежны. Брак для людей Боевого Топора — слишком прочное учреждение, чтобы они могли от него отказаться; следовательно, Морской народ вынужден будет принять его. Аури — наследница главы этой общины. В племени ютоазов никто не имеет влияния больше Уитукара. И практически, и в качестве примера ничто не может быть лучше их брака. Конечно, она закатила истерику. Ты что, такой дурак, что думаешь, она никогда не утешится? Не будет любить своих детей от него? Не забудет тебя?

— Да, но... Я считаю, она заслуживает возможности свободного выбора.

— Из кого ей выбирать, кроме тебя, который ее не хочет? Но даже если б ты хотел, это ничего бы нам не дало. Ты пришел, жалуясь, что деревенские жители

несчастливы. Англичане будут еще более несчастливы после Нормандского завоевания. Но пройдет несколько веков — и нет норманнов. Все стали англичанами. Для нас здесь, в этом времени, аналогичный процесс начинается с Аури и Уитукара. Не говори мне о свободном выборе... если, конечно, ты не считаешь, что во всех войнах принимать участие должны только добровольцы.

Локридж стоял, чувствуя себя беспомощным. Сторм подошла к нему и обвила его шею руками.

— Мне кажется, Аури — по-своему, по-детски — зовет тебя Рысью, — прошептала она. — Я хотела бы тебя так называть.

— Э... послушай...

Она потерлась головой о его грудь.

— Позволь мне вести себя с тобой по-детски — хоть иногда.

Из-за занавески раздался голос ютоаза:

— Богиня, господин Ху просит разрешения войти.

— Проклятье, — пробормотала Сторм. — Я отделаюсь от него, как только смогу... Пусть войдет, — добавила она громко.

Худощавый и стройный в своей зеленой форме, вошел с поклоном Ху.

— Я прошу прощения, сияющая, — сказал он. — Но я только что совершил воздушный облет.

Сторм напряглась:

— И что?

— Скорее всего, это ничего не означает. Но я видел довольно большую флотилию, пересекающую Северное море. Ведущее судно — иберийское, остальные — лодки, обтянутые кожей. Я никогда не слышал о такой комбинации. Они определенно направляются из Англии в Данию.

— В это время года?

Локридж вылетел у Сторм из головы. Она забыла о нем и одиноко стояла в холодном свете.

— Да, сияющая, это еще один парадокс, — сказал Ху. — Мне не удалось обнаружить никакого продвинутого оборудования. Если и есть что-то такое, то в

ничтожном количестве. Но они будут здесь через день-два.

— Какая-нибудь операция Патруля? Или местные искатели приключений? Сейчас такие времена, что аборигены сами стремятся к новому. — Сторм нахмурилась. — Все же мне лучше взглянуть самой.

Она достала свой гравипояс и закрепила его на талии; энергопистолет висел у нее на бедре.

— Ты вполне можешь побыть здесь и отдохнуть, Малькольм. Это не займет много времени, — сказала она и вышла вместе с Ху.

Некоторое время Локридж возбужденно ходил по комнате. В ночи завывал ветер, но он слышал лишь пронзительную тишину внутри. А боги, так неуклюже и с такой нежностью вырубленные в деревянных столбах, — смотрели ли они на него?

«Господи, — думал он, — Господи, что должен человек делать, если он не может помочь тому, кто его любит? Где истина?

Женщина спустя шесть тысяч лет рассказывала, что ее сын был заживо сожжен. Однако она была уверена, что это во благо. Ведь была же!»

Локридж резко остановился. Он чуть было не прошел сквозь сотканный из абсолютной темноты занавес. Брэнн мучился и умер за ним. Он внутренне содрогнулся. Зачем они оставили эту штуку?

Почему он не спросил?

Локридж признался себе, что ему не хотелось спрашивать. И шагнул вперед.

Этот конец дома не был заново обставлен — тот же грунтовый пол, слой пыли на покрытых шкурами лавках. Освещалась эта часть комнаты единственным светящимся шаром; по углам лежали тени. Звуки тоже не проникали через черную завесу. Ветра не было слышно. Локридж стоял в полной тишине.

Тот, кто лежал на столе, присоединенный проводами к устройству, пошевелился и слабо застонал.

— Нет! — пронзительно вскрикнул Локридж и выбежал вон.

Прошло немало времени, прежде чем он сумел остановить рыдания и нашел в себе мужество вернуться.

Поступить иначе он не мог. Брэнн, который сражался как мог за свой народ, не умер.

От него почти ничего не осталось, кроме иссохшей кожи, обтягивавшей большие выгнутые кости. Через трубки вводились питательные вещества, не дававшие распасться организму. Электроды пронизывали череп, раздражали мозг и фиксировали полученную из него информацию. С целью, видимо, стимуляции веки были обрезаны, и глаза должны были непрерывно смотреть на падающий сверху свет.

— Я не знал. — По щекам Локриджа текли слезы.

Язык и губы на оставшемся от лица остове силились что-то произнести. У Локриджа не было диаглоссы для эпохи Брэнна, но он мог догадаться, что еще не разрушенная, последняя частичка его личности молила: «Убей меня!»

«И в это время совсем рядом, за занавеской, — подумал Локридж, — мы с нею...»

Он протянул руку к аппарату.

— Стой! Что ты делаешь?

Он обернулся очень медленно и увидел Сторм и Ху. Энергетический пистолет Патрульного был нацелен ему в живот.

— Я не хотела тебя расстраивать, — быстро проговорила Сторм. — Чтобы извлечь самые глубинные следы памяти, нужно действительно немало времени. Головного мозга у него уже почти не осталось; в сущности, он практически то же, что червяк, так что не стоит испытывать к нему жалость. Вспомни, он начал делать со мной то же самое.

— Разве это извиняет тебя?! — крикнул Локридж.

— А разве Пирл Харбор извиняет Хиросиму? — ответила она с издевкой.

Впервые за всю свою жизнь Локридж сказал женщине откровенную грубость:

— Иди ты на хрен со своими сучьими оправданиями! — Он задыхался от злости. — Я знаю, на что ты жила в моей стране, — убивала моих соотечественников. Я знаю, что Джон и Мэри хотели дать мне возможность самому убедиться в том, как ты управляешь своей страной. Сколько тебе лет? Я и об этом

слышал достаточно. Чтобы совершить все твои преступления, понадобилась бы не одна сотня лет — твоего личного времени. Потому-то они и точат на тебя зубы — там, во дворце, — потому что все хотят быть Кориокой: она становится бессмертной. В то время как мать Олы в сорок лет — уже старуха.

— Прекрати! — закричала Сторм.

Локридж сплюнул.

— Я не хочу думать о том, сколько любовников у тебя было, и о том, что я был просто вещью, которой ты пользовалась, — продолжал он. — Но тебе не удастся использовать Аури, понятно? Или ее народ. Никого. И пошла ты к черту — в преисподнюю, из которой явилась!

— Достаточно, — сказал Ху и поднял пистолет.

ГЛАВА XX

Дождь пошел перед восходом солнца. Локридж проснулся и услышал его шум — приглушенный торфяной крышей хижины, где он лежал, громкий там, где капли падали на грязную землю. Сквозь решетку, закрывавшую дверной проем, он увидел пастбище, где сгрудились коровы ютоазов, насквозь промокшие, как и их пастухи. Увядшие листья один за другим срывались с дуба под струями воды. Из стоящей на отшибе хижины Локридж не мог видеть ни остальной части деревни, ни залива. Это еще усиливало в нем ощущение обособленности, которая и без того казалась ему полной.

Ему не хотелось снова надевать униформу Хранителя, но когда он вылез из-под накрывавших его шкур, воздух оказался слишком холодным и сырым. «Надо попросить одежду Оругарэй или даже ютоазов, — подумал он. — Наверно, она мне в этом не откажет, прежде чем...»

Прежде чем она сделает что?

Локридж раздраженно тряхнул головой. Ему удалось поспать несколько часов после того, как его поместили сюда, и теперь он должен быть в состоянии сохранять мужество.

Это было, однако, не так-то легко, когда в одну ночь разбились все его представления. Понять истинную сущность Сторм и того дела, за которое она борется... что ж, у него было для этого достаточно информации, просто нужно было разобраться в ней как следует, а он уклонялся от своего долга — пока наконец увидел Брэнна, не сорвался с поводка, на котором она его таскала. И узнать, что она собирается сделать с этим народом, который он успел так полюбить, — это была слишком глубокая рана.

«Бедная Аури, — думал он в окутавшей его пустоте. — Бедный Уитукар».

Странным образом воспоминание об Аури оказалось целительным. Возможно, он еще сможет что-то сделать для нее — если уж не для других. Может быть, ей удастся спрятаться на судне направляющейся сюда флотилии. Очевидно, это была совместная иберийско-британская экспедиция, судя по некоторым замечаниям, которыми обменивались Сторм и Ху, наблюдая за подготовкой тюрьмы для Локриджа. Размер флотилии и ее состав были уникальными, но в Англии в это время, оказывается, происходили весьма важные события, одним из последствий которых вполне могло быть основание Стоунхенджа. Сторм была слишком занята, чтобы уделять флотилии особое внимание. Ей хватило того, что все, кто находился на борту, когда их рассматривали через инфракрасные увеличители, оказались людьми архаического расового типа; никаких агентов из будущего не было. Конечно, в такую погоду флотилия, без сомнения, ляжет в дрейф и придет на день-другой позже. Локриджа могло уже не быть здесь. Но он может, если получится, изыскать способ донести идею побега до Аури.

Появившаяся цель несколько подняла его дух. Он подошел к двери и высунул голову между перевязанных ремнями шестов. На страже стояло четверо ютоазов, закутанных в кожаные плащи. Они отодвинулись, подняв оружие и начертав в воздухе знаки, хранящие от злых сил.

— Привет, ребята, — сказал Локридж: Сторм позволила ему оставить диаглоссы. — Я хочу попросить вас об одолжении.

Взводный нашел в себе силы хмуро ответить:

— Что можем мы сделать для того, кто вызвал Ее гнев, кроме как сторожить его, как нам было приказано?

— Вы можете передать мое послание. Я всего-навсего хочу увидеть друга.

— Сюда никто не допускается. Так распорядилась Она. Нам уже пришлось прогнать одну девчонку.

Локридж стиснул зубы. Естественно, Аури слышала новость. Множество людей провожало его испуганными глазами, когда накануне вечером при свете факелов он шагал под нацеленными на него копьями ютоазов. «Ты, Сторм, — подумал он, — дьявол в женском обличье. В той тюрьме, из которой ты меня вызволила, ко мне пускали посетителей».

— Ладно, — сказал Локридж, — тогда я хочу видеть Богиню.

— Хо-хо-хо! — засмеялся воин. — Ты хочешь, чтоб мы сообщили ей, что т ы желаешь, чтоб Она пришла?

— Ведь ты же можешь сказать ей, со всем необходимым почтением, что я очень прошу Ее о встрече. Когда вас сменят, если раньше никак.

— Зачем нам это? Она знает, что Ей делать.

— Послушай, ты, свинья, — сказал Локридж, изобразив на лице усмешку, — может быть, я и в немилости, но я не лишился всех своих сил. Ты сделаешь, как я сказал, или я сделаю так, что у тебя будет гнить и отваливаться от костей мясо. Тогда тебе так или иначе придется молить о помощи Богиню.

Они сразу же залебезили перед ним. Локридж увидел перед собой призрак того королевства, которое собиралась создать Сторм.

— Отправляйся! — сказал он. — И по дороге захвати мне чего-нибудь на завтрак.

— Я... я не могу. Никто из нас не может уйти с поста без разрешения. Но погоди. — Взводный вытащил из-под плаща рог и протрубил в него; глухой и печальный звук полетел сквозь дождь. Вскоре появи-

лась группа молодых ребят с топорами. Рассказав им, в чем дело, начальник послал их с поручением Локриджа.

Это была очень маленькая победа, но и она вселила в него чуть-чуть надежды. С неожиданным аппетитом он набросился на серый хлеб и жареную свинину. «Сторм может меня сломать, — думал он, — но для того ей понадобится аппарат для зондирования мозга».

Он даже не удивился, когда она пришла часа через два. Его удивило то, что сердце его, как и прежде, забилось быстрее при виде ее. Она гордо ступала по земле, в полном облачении, высокая и гибкая, и все такая же красивая. В руке у нее был посох Мудрой Женщины, за ней следовала дюжина ютоазов, среди которых Локридж узнал Уитукара. Ее энергопояс поддерживал над ней невидимый щит, с которого каскадом низвергались потоки дождя, так что она была окружена серебряным водопадом, — Нереида и Морская королева.

Сторм остановилась у его хижины, глядя на него глазами, в которых больше всего было грусти.

— Что ж, Малькольм, — сказала она по-английски, — мне кажется, я должна была прийти, раз ты просил.

— Боюсь, что я никогда больше не примчусь на твой свист, милая, — ответил он ей. — Так жаль. Я был прямо-таки горд, что принадлежу тебе.

— И больше нет?

— И рад, да не могу. — Он покачал головой.

— Я знаю. Такой уж ты человек. Будь ты другим, мне было бы не так больно.

— Что ты собираешься делать? Расстрелять меня?

— Я пытаюсь найти иной вариант. Ты даже не представляешь себе, как я стараюсь.

— Послушай, — сказал он с безумной, сладкой и обреченной надеждой, — ты можешь отказаться от этого проекта. Бросить войну во времени. Почему бы нет?

— Нет, — ответила она с мрачной гордостью. — Я — Кориока.

Сказать на это было нечего.

Вокруг них шумел дождь.

— Ху хотел убить тебя сразу, — продолжала Сторм. — Ты — орудие судьбы, и если ты стал нашим врагом, можно ли рисковать, оставляя тебя в живых? Но я возразила, что твоя смерть может быть тем самым событием, которое необходимо для... для чего? — От ее решительности почти ничего не осталось; она одиноко стояла, окруженная туманной стеной водопада. — Мы не знаем. Я думала — с какой радостью я думала, когда ты вернулся ко мне, — что ты будешь мечом моей победы. Теперь я не знаю, кто ты. Что бы я ни сделала, все может привести к краху. Или принести успех — кто знает? Я знаю только, что ты — это судьба и что я очень хочу спасти тебя. Ты позволишь мне?

Локридж посмотрел в ее колдовские зеленые глаза.

— Они в далеком будущем были правы, — сказал он, испытывая острую жалость. — Знание судьбы превращает нас в рабов. Ты слишком хороша для этого, Сторм. Или нет, не хороша — и не плоха; может, тут даже не какое-то человеческое качество, нет, — но с тобой не должно было бы так случиться.

Слезы ли он увидел? Из-за дождя он не был уверен. Во всяком случае голос ее был тверд:

— Если я решу, что ты должен умереть, я сделаю это сама, быстро и аккуратно; и ты будешь погребен в дольмене — том, где ворота, — с воинскими почестями. Но я очень надеюсь, что в этом не возникнет необходимости.

Борясь с колдовством более древним и могучим, чем любые силы, предоставленные ей ее извращенным миром, он спросил:

— Пока я жду, могу я попрощаться или поговорить с несколькими друзьями?

Тут ее гнев вырвался наружу. Она с силой воткнула посох в грязь и закричала:

— Аури! Нет! Завтра ты увидишь ее свадьбу — вон там, в лагере. Мы поговорим с тобой после, и тогда посмотрим, действительно ли ты тот жалкий идиот, которого из себя строишь!

Резко повернувшись, так что взметнулись ее мантия и плащ, она пошла прочь от дома.

Эскорт последовал за ней. Уитукар отстал от него. Караульный попытался остановить его, но Уитукар оттолкнул его, подошел к двери и протянул руку.

— Ты по-прежнему мне брат, Малькольм, — сказал он своим грубым голосом. — Я поговорю с Ней о тебе.

Локридж пожал протянутую руку.

— Спасибо, — пробормотал он. На глазах у него были слезы. — Ты одно можешь для меня сделать: будь добр с Аури, хорошо? Позволь ей остаться свободной женщиной.

— Насколько это будет в моих силах. Мы назовем сына в честь тебя и станем делать жертвоприношения на твоей могиле, если до этого дойдет. Но я надеюсь, что нет. Да будет с тобой удача, друг.

Ютоаз ушел.

Локридж сел на топчан. В задумчивости смотрел он на дождь; мысли его были долгими и горькими и никого больше не касались.

Ближе к полудню ливень прекратился, но солнце не выглянуло. Вместо этого начал подниматься туман, и мир за стенами превратился в серую, мокрую, бесформенную массу. Иногда слышались голоса, конское ржание, мычание коров, но звуки были глухими и отдаленными, как будто жизнь отодвинулась от него. Воздух был таким холодным и сырым, что в конце концов Локридж снова забрался под одеяло. Усталость сморила его; он уснул.

Ему снились странные сны. Когда он проснулся — понемногу, дюйм за дюймом сбрасывая сон, — он не сразу понял, что уже не спит: действительность и то, что ему привиделось, запутанно переплелись в его сознании. Он потерпел кораблекрушение в океане, черном, словно волосы Сторм; мимо пролетела Аури, выкрикивая имя его матери; звук рога призывал гончих псов; он погрузился в зеленую глубину и услышал звон кующегося оружия, с трудом вырвался назад — туда, где сверкали молнии; его поразило раскатом грома, и — он был в хижине, где царила темнота; сумеречный

полумрак пробирался сквозь туман, слышались возгласы людей и лязг оружия...

Это был не сон!

Локридж вскочил с постели и подбежал к двери, начал трясти прутья решетки и громко кричать в клубящуюся серую муть:

— Что случилось? Куда все подевались? Да выпустите же меня, мать вашу! Сторм!

Сквозь непроглядный туман доносился бой барабанов. Прогремел рев ютоаза, протопали мимо копыта; стучали колеса, скрипели оси. Повсюду орали воины, призывая друг друга. Где-то вдали раздался пронзительный женский вопль, перекрытый грохотом каменного оружия, звоном железа и меди. Локридж услыхал зловещий свист выпущенной стрелы.

Из мутной мглы выдвинулись тени — его стражники.

— Какое-то нападение с берега, — мрачно сказал взводный.

— Чего мы ждем, Храно? — воскликнул другой караульный. — Наши дерутся!

— Стой, где стоишь! Наше место здесь, пока Она не даст другого указания.

Послышался топот чьих-то ног.

— Эй ты, кто напал на нас? Как идет бой?

— Люди с моря, — тяжело дыша, ответил невидимый в тумане воин. — Они направляются прямо к нашей стоянке. Надо держаться своих знамен. Я иду к моему вождю.

Один из часовых выругался и покинул пост. Взводный тщетно орал ему вслед. Звон оружия стал еще громче: пришельцы сошлись с наспех сформированными отрядами ютоазов.

«Пираты, — решил Локридж. — Вероятно, та флотилия, которую видели Хранители. Больше некому быть. Значит, они все-таки не легли в дрейф. Вместо этого гребли весь день и всю ночь, а этот туман обеспечил им прикрытие для высадки чуть в стороне. Да, конечно. Какой-то пиратский корабль со Средиземного моря набрал банду аборигенов из местных племен. Ан-

глия, насколько я понимаю, им не по зубам, а на другом берегу Северного моря можно разжиться добычей.

Нет. Что они смогут сделать, когда Сторм и Ху начнут стрелять по ним?

И это, пожалуй, к лучшему. Мало страдала Авильдаро, так чтоб ее еще и разорили дотла? Чтобы Аури сделали рабыней?»

Весь в напряжении, Локридж вцепился в решетку, ожидая начала паники, которая наверняка вспыхнет, как только эта банда поймет, что связалась с самой Богиней.

Из тумана внезапно вынырнула человеческая фигура — высокий блондин с горящими глазами. Начальник караула махнул ему рукой, чтоб тот убирался.

— Во имя Марутов, ты, оругарэйский цыпленок, — приказал он, — катись, откуда пришел!

Высокий парень всадил в него гарпун. Взводный зажал руками дырку в животе, согнулся и со сдавленным стоном повалился на колени.

Другой охранник зарычал, взметнулся над головой его томагавк. Еще один из деревенских возник за его спиной, накинули ему на шею рыболовную лесу и затянули ее своими здоровенными рыбацкими руками. Голову третьего часового раскроил топор лесоруба.

— Они готовы, девочка! — крикнул высокий. Он подошел к двери. Света хватило, чтобы Локридж увидел капли дождя на его бороде; он узнал одного из сыновей Эхегона. Из десятка деревенских жителей, беспокойно ожидавших чуть поодаль, нескольких он знал по именам, остальных в лицо. Двое принимали участие во вчерашней попытке совершить человеческое жертвоприношение. Сегодня они стояли, как мужчины.

Сын Эхегона достал кремневый нож и принялся перерезать ремни, скрепляющие решетку.

— Скоро ты будешь на свободе, — сказал он, — если никто нас случайно не заметит.

— Что... — начал было Локридж, но он был слишком ошеломлен происходящим, чтобы говорить; он мог только слушать.

— Думаю, нам надо убираться отсюда. Аури целый день шастала по деревне, упрашивала помочь тебе всех,

кому могла доверять. Мы боялись сперва, сидели в ее доме и высказывали свои опасения. Но тут появились эти чужеземцы, словно знамение богов, и Аури напомнила нам, какой властью она обладает в подземном мире. Так что лишь бы сражение шло еще немного, и мы будем в пути. Нормально жить здесь больше нельзя. — Сын Эхегона с тревогой посмотрел на Локриджа. — Мы делаем это, потому что Аури поклялась, что ты обладаешь силой, чтобы защитить нас от гнева Богини. А она должна знать. Но так ли это?

Прежде чем Локридж успел ответить, перед ним оказалась Аури. Она поздоровалась с ним дрожащим шепотом: ее трясло от холода под копной насквозь мокрых волос; но в руке у нее было легкое копье, и Локридж увидел, что она и впрямь стала вполне взрослой женщиной.

— Рысь, ты можешь увести нас отсюда. Я знаю, ты можешь. Скажи, что ты будешь нашим вождем.

— Я не заслуживаю этого, — ответил он. — Я не заслуживаю тебя.

Не подумав, он произнес это по-английски. Аури выпрямилась и сказала с видом королевы:

— Он произносит заклинание, чтобы защитить нас. Он поведет нас туда, где будет лучше всего. Он знает куда.

Ремни лопнули. Локридж протиснулся между шестами. Его окружил клубящийся туман. Он попытался определить, где в этом сером мраке идет сражение. Судя по всему, оно широким фронтом продвигалось в глубь суши. Значит, на берегу залива сейчас никого не должно быть.

— Туда, — скомандовал Локридж.

Жители деревни подошли ближе, ища у него защиты. Среди них были и женщины с маленькими детьми на руках; дети постарше жались к своим матерям. «Каждый, кто идет на такой риск ради свободы, — подумал он, — имеет право на все, что только я могу дать».

Стоп! Еще одна вещь.

— У меня важное дело в Длинном Доме, — сказал Локридж.

— Рысь! — Аури вцепилась в его руку; в глазах ее была мука. — Ты не можешь!

— Идите на берег к лодкам, — ответил он. — Не забудьте мехи с пресной водой и снаряжение для охоты и ловли рыбы с лодок. К тому времени, как вы все подготовите, я буду с вами. Если нет, отправляйтесь без меня.

— В Ее доме? — Сына Эхегона передернуло. — Что тебе нужно там сделать?

— Нечто такое, что... В общем, нам не будет удачи, если я этого не сделаю.

— Я с тобой, — сказала Аури.

— Нет. — Он наклонился и поцеловал ее; мимолетное прикосновение ее губ оставило соленый привкус. Даже в этот краткий миг он ощутил запах ее волос и ее тепло. — Куда угодно, но только не сейчас. Приготовь для меня место в лодке.

Он убежал, прежде чем она смогла ответить.

Вокруг него уныло темнели хижины, в полумраке которых лежали охваченные ужасом жители деревни. Пробежала свинья, черная и быстрая. Локридж припомнил, что Она держала свиней, выступая в ипостаси богини смерти. Звуки битвы раздавались совсем близко — дикие крики, топот, звон оружия, свист стрел и глухие удары топоров, настигающих жертву, — он двигался вперед, поглощенный собственной, внутренней тишиной.

Как он и рассчитывал, никто не охранял Длинный Дом. Но если Сторм и Ху по-прежнему там... У него не было выбора — Локридж переступил порог.

В комнате было пусто.

Он пробежал мимо приборов и ликов богов. Перед занавесом из темноты Локридж чуть было не остановился. «Нет, — сказал он себе, — ты должен это сделать». И прошел внутрь.

Ему показалось, что он чувствует жар агонии Брэнна. Он вставил в уход диаглоссу кошмарного будущего и наклонился над ним.

— Я помогу тебе умереть, если хочешь, — сказал он.

— Умоляю тебя, — прошептали высохшие губы мумии. Локридж отпрянул: Сторм говорила, что у него не осталось разума. Значит, и тут она соврала. Он принялся за дело.

Оружия у него не было, и он не мог перерезать Патрульному горло. Но он вытащил трубки и провода. Почерневшее тело скорчилось с еле слышными жалобными стонами. Крови практически не было.

— Лежи, — сказал Локридж и погладил лоб Брэнна. — Тебе не придется долго ждать. Прощай.

Он отошел, тяжело дыша.

Как только он миновал занавес, его оглушил шум. На одном из флангов сражение откатывалось обратно к деревне. И слышалось шипение энергопистолетов. Вспышки мертвенно-бледного света были видны даже через закрытый шкурами дверной проем. «Вот и конец пиратам, — подумал Локридж. — Если я сейчас же не уберусь отсюда, то мне это уже никогда не удастся!»

Он выбежал на площадь.

Сбоку на ней появился Хранитель Ху.

— Кориока! — кричал он в растерянности и отчаянии. — Кориока, где ты? Мы должны быть вместе, любимая моя... — В руке у него был пистолет, но к всполохам света, игравшим дальше, между хижин, он не имел отношения.

Ху вертел туда-сюда головой, ища свою богиню. Локридж понимал, что не успеет скрыться, даже обратно в Длинный Дом, прежде чем тот заметит его. Он рванулся вперед.

Ху увидел его и пронзительно вскрикнул. Он попытался направить пистолет на Локриджа, но тот налетел на Хранителя, и оба они покатились по земле, вырывая друг у друга оружие. Ху вцепился в рукоятку пистолета с такой силой, что разжать его пальцы было невозможно. Локриджу удалось выскользнуть из его рук; изогнувшись, он оказался у него за спиной. Сжав туловище Ху ногами, он обхватил рукой его шею и резко дернул.

Раздался хруст — такой громкий, что слышно было даже среди окружающего гвалта. Хранитель не дви-

гался. Локридж поднялся на ноги и убедился, что противник мертв.

— Мне очень жаль, — сказал он и наклонился закрыть Ху глаза, потом взял его пистолет и отправился дальше.

У Локриджа мелькнула было мысль найти Сторм — он теперь был вооружен так же, как она, — но он решил, что не стоит: слишком рискованно. Какой-нибудь ютоаз вполне может проломить ему голову, в то время как он будет безуспешно пытаться пробиться через ее энергетический щит. И что будет с Аури? Он всем обязан ей и ее родичам, которые ждут его там, на берегу.

Ко всему прочему, он не был уверен, что сможет заставить себя выстрелить в Сторм.

Впереди блеснула кромка воды. Локридж разглядел неясные очертания большой обтянутой кожей лодки, покачивающейся на легкой зыби; ее заполнили призрачные фигуры. Аури ждала на берегу. Смеясь и плача, она бросилась к нему. Он позволил ей — и себе — несколько мгновений объятий, затем освободился из ее рук и забрался в лодку.

— Куда теперь? — спросил сын Эхегона.

Локридж оглянулся. Еще можно было разобрать в тумане смутные силуэты домов, размытые очертания рощи, тени людей и лошадей там, где шел бой. «Прощай, Авильдаро, — воскликнул он мысленно. — Да хранит тебя Господь».

— В Ирил Вэрэй, — ответил он. Они поплывут в Англию.

Глубоко погружались в воду весла. Рулевой монотонно командовал, словно читал молитву Богине Моря; возрожденная Аури рассказала им, что Сторм вовсе не богиня, а ведьма. Плакал ребенок, тихо плакала женщина; один из отплывающих поднял копье в знак прощания.

Они обогнули западный мыс, и Авильдаро скрылась с их глаз. Милей или около того дальше они разглядели пиратскую флотилию. Обтянутые кожей рыбачьи лодки были вытащены на берег, галера стояла на якоре. Несколько факелов у часовых горели ярко, как звезды,

и Локридж видел гордые формы носового украшения, ахтерштевня и реи, нацеленные в небо.

Можно было только удивляться, что эти викинги бронзового века до сих пор еще не обратились в беспорядочное бегство. Наверняка Сторм и Ху разделились для того, чтобы собрать вокруг своих лучевых пистолетов растерявшихся и разбросанных ютоазов. А потом по какой-то причине Ху пришлось убежать одному. Но все равно Сторм и без него могла... Ладно, все это было позади.

Так ли? Ведомая судьбой, она не успокоится, пока не найдет и не уничтожит его. Если как-нибудь возвратится в свой век... но нет, ее фурии выследят его там еще более верно, чем в широком и малонаселенном мире эпохи неолита. Тем более он взвалил на себя заботу об этих заполнявших лодку людях, чужих ему по крови, но которых он не мог оставить в беде.

У него появились сомнения в правильности выбора им Англии. Локридж знал, что и другие каменщики мегалита бегут туда из Дании. Можно было присоединиться к ним и провести остаток дней в страхе. Он не хотел предлагать Аури такую жизнь.

— Рысь, — прошептала девушка ему на ухо, — я не должна чувствовать себя счастливой, правда ведь? Но я счастлива.

Это была не Сторм Дарроуэй. Ну и что с того? Он привлек ее к себе. «Она — тоже судьба», — подумал Локридж. Может быть, Джон и Мэри всего-навсего того и хотели, чтобы она передала по наследству человечеству это соединение отваги и нежности. В нем самом нет ничего особенного, но в ее сыновьях и дочерях вполне может быть.

Локридж понял, что ему нужно делать.

Он так долго сидел в неподвижности, что Аури даже испугалась:

— С тобой все в порядке, любимый?

— Да, — ответил он и поцеловал ее.

Всю ночь беглецы продвигались вперед — медленно, из-за темноты, — но каждый взмах весла был маленькой победой. На заре они вошли в птичьи болота и спрятались, чтобы отдохнуть. Позже мужчины охо-

тились, ловили рыбу, наполнили водой мехи. Легкий северо-восточный ветерок унес туман, и следующим вечером звезды ярко сияли. Поскольку видимость была хорошей, по указанию Локриджа поставили мачту и развернули парус. К утру они были в открытом море.

Плавание прошло в холоде и тесноте и оказалось весьма опасным. Никто, кроме людей Тенил Оругарэй, не смог бы выдержать такого шторма, в какой они попали, на этой хрупкой посудине, битком набитой людьми. Несмотря на все мучения, Локридж был доволен: когда Кориока не найдет его, она может решить, что он утонул, и прекратит поиски.

Интересно, будет ли она сожалеть? Или ее чувства к нему были очередной ложью?

Наконец, через много дней, они увидели перед собой расцвеченные осенними красками низины Восточной Англии. Просоленные, обветренные, голодные и измученные, они вытащили лодку на берег и с жадностью набросились на чудную воду обнаруженного ими родника.

Бывшие жители Авильдаро думали, что найдут вдоль побережья какую-нибудь общину, которая примет их. Но Локридж решил иначе.

— Я знаю лучшее место, — пообещал он. — Чтобы попасть туда, нам придется совершить путешествие через подземный мир, но зато там мы сможем не опасаться злой колдуньи. Что вы предпочитаете: прятаться, подобно зверям, или ходить свободными людьми?

— Мы пойдем за тобой, Рысь, — ответил сын Эхегона.

Путь их лежал через страну. Двигались довольно медленно: с ними были маленькие дети, кроме того, нужно было охотиться для пропитания. Локридж начал испытывать нетерпение, волнуясь, что они могут достигнуть цели слишком поздно. Аури мучилась нетерпением другого рода.

— Мы теперь на берегу, мой любимый, — сказала она. — А вон там — прекрасный мягкий мох.

Локридж устало улыбнулся:

— Только тогда, крошка, когда доберемся. — И очень серьезно добавил: — Ты слишком много для меня значишь.

Она взглянула на него сияющими глазами.

В конце концов по затянутым льдом болотам они выбрались на остров, который окрестные племена избегали. Местные жители рассказали Локриджу — когда путешественники как-то остановились на ночлег в одной из деревень, — что он заколдован. От них Локридж узнал точное направление.

Под облетевшими деревьям стояла кое-как сделанная пристройка. Ожидавший их человек держал в руке меч. Он был высокого роста, с огромным, как паровой котел, животом; седые волосы и борода обрамляли рябое помятое лицо.

Радость охватила Локриджа.

— Йеспер, ты, старый черт! — закричал он.

Они обнялись, хлопая друг друга по спине. Вставив в ухо диаглоссу XVI века, Локридж спросил, что все это означает.

Датчанин пожал плечами.

— Меня доставили сюда со всеми сражавшимися ребятами. Магистр колдунов спросил, кто согласится посторожить ворота, — последний, мол, этап, совсем недолго. Я вызвался: почему не послужить своей прекрасной Богине? Вот я и сижу здесь, стреляю помаленьку уток, другую живность — для развлечения. Если что случится, я должен сделать что-то с машиной, там, внизу, и Она узнает. Но ничего такого не произошло, а вас я принял за обыкновенных дикарей и никаких сообщений не отправлял. Думал, куда забавнее будет напугать вас до смерти, чтоб сами убрались... Но как я рад снова видеть тебя, Малькольм!

— Но срок, на который тебя здесь оставили, скоро ведь кончается, так?

— Да, через несколько дней. Священник Маркус сказал мне, что нужно смотреть на часы и непременно убраться отсюда, когда подойдет время, иначе ворота исчезнут и я застряну здесь. Я должен добраться до других ворот, а оттуда меня по воздуху перенесут домой.

Локридж сочувственно посмотрел на Фледелиуса:

— В Данию?

— Куда же еще?

— Я здесь по секретному заданию Богини. Настолько секретному, что ты никому не должен говорить ни полслова.

— Не волнуйся. Ты можешь мне так же доверять, как я тебе верю.

Локридж поморщился.

— Йеспер, — предложил он, — давай с нами! Когда мы доберемся до цели, я смогу рассказать тебе... ну, просто ты заслуживаешь лучшего, чем жизнь человека вне закона под властью тирана. Поехали с нами.

В маленьких, заплывших глазках промелькнула тоска.

— Нет. — Фледелиус покачал головой. — Я благодарю тебя, мой друг, но я дал клятву моей Госпоже и моему королю. Пока меня не схватят судебные исполнители, я каждый год в Канун Дня Всех Святых буду ждать в гостинице «Золотой Лев».

— Но после того, что произошло, ты не сможешь там появиться!

Фледелиус усмехнулся.

— Я найду пути. Юнкеру Эрику не удастся приезать старого кабана так просто, как он думает.

Люди Локриджа стояли в ожидании, коченея от холода.

— Ну что ж... Нам надо воспользоваться коридором. Я не могу рассказать тебе больше, и помни: никому ни слова. Прощай, Йеспер.

— Прощай, Малькольм, и ты, моя девочка. Выпейте за меня иногда стаканчик, ладно?

Локридж повел своих подопечных под землю.

У него была готова легенда для часового, который, как он предполагал, мог здесь оказаться. В крайнем случае пришлось бы воспользоваться энергопистолетом. То, что вход сторожил именно Фледелиус, было большой удачей. Или судьбой? Нет, к черту судьбу. Если вдруг Сторм придет в голову, что беглецы могли избрать этот путь, и она захочет лично допросить датчанина, он, конечно проговорится; но это было крайне

маловероятно, а в любом другом случае он будет держать язык за зубами. Не будь рядом с ним Аури, Локридж и сам бы не подумал о таком варианте.

Он вошел в огненные ворота. Люди Тенил Оругарэй, собрав все свое мужество, последовали за ним.

— Мешкать не стоит, — сказал он. — Давайте получим новое рождение. Держитесь за руки и возвращайтесь вместе со мною в мир.

Локридж вывел их обратно через те же ворота, только с другого края. Это соответствовало тому времени, когда ворота появились, — так же, как им предстояло исчезнуть спустя четверть века.

Ни в аванзале, ни на острове никого не было. С помощью контрольной трубки, которую дал ему Фледелиус, он открыл вход над спуском, потом снова закрыл его. Они очутились среди лета. Болотистая низина зеленела листьями и камышом, блестела вода, слышался птичий гомон; оставалось двадцать пять лет до того, как ему со Сторм предстояло оказаться в неолитической Дании.

— О, какая красота! — выдохнула Аури.

Локридж обратился к своему отряду.

— Вы — Морской народ, — сказал он. — Мы отправимся к морю и будем там жить. Такие люди, как вы, могут в этой стране стать сильными. — Он помолчал. — Что же до меня... Я буду вашим вождем, если вы хотите этого. Но мне придется очень много путешествовать и, возможно, иногда обращаться к вам за помощью. Племена здесь большие и занимают обширную территорию, но они разделены. Нас ожидает новое время, которое идет к нам с юга, поэтому необходимо достигнуть как можно более тесного единства между этими племенами. В этом моя задача.

Локридж окинул внутренним оком ожидающие его дни, и на минуту ему стало страшно. Он терял так много. Его мать будет плакать, когда он так и не вернется, и это было тяжелее всего; но он сам — он отказывался от своей страны и своего народа, от всей цивилизации: от Парфенона и Моста Золотых Ворот, от музыки, книг, изысканных блюд, медицины, научного видения мира — от всего хорошего, чему предстояло

появиться в следующие четыре тысячелетия, — ради того, чтобы стать, самое большее, вождем племени в каменном веке. Он всегда будет здесь одиноким.

Но все это поможет ему, подумал Локридж, внушить страх и укрепить власть. С его знаниями он сможет многое сделать — не в качестве завоевателя, а для объединения, обучения, развития целительства, создания законов. Может быть, ему удастся заложить фундамент того, что устоит против зла, которое принесет с собою Сторм.

Это была его судьба. И оставалось только принять ее.

Он окинул взглядом горсточку своих людей — семена того, что грядет.

— Вы поможете мне?

— Да, — сказала Аури, вложив в ответ не только слово, но и все свое существо.

ГЛАВА XXI

И летели годы, пока снова не настал день, когда дождь сменился туманом и воины с запада под его прикрытием поднялись вверх по Лимфьорду к Авильдаро.

Тот, кого они называли Рысью, стоял на носу галеры — мужчина старше годами большинства своих спутников, с седыми волосами и бородой, но все еще такой же крепкий, как и четверо его взрослых сыновей, стоящих рядом. Все были вооружены и в сверкающих бронзовых доспехах. Они вглядывались в береговую линию, очертания которой неясно проступали в просачивающемся сквозь клубящийся в воздухе пар тусклом свете, пока отец не сказал:

— Здесь мы высадимся.

Горячность шестнадцатилетнего юноши звучала в голосе Ястреба, ребенка Аури, когда он передавал команду. Стих плеск весел и скрип уключин. За борт полетел каменный якорь. Люди двинулись по кораблю к корме, бряцая боевым снаряжением, и попрыгали в холодную, доходящую до плеч воду. Лодки их союзни-

ков, вооруженных кремневым оружием, дошли до мелководья, коснулись дна и были вытащены на берег.

— Пусть ведут себя тихо, — сказал Рысь. — Нас не должны услышать.

Капитан кивнул.

— Эй вы, отставить шум! — приказал он своим матросам. Они, как и он, были иберийцами, с горбатыми носами и круглыми головами, меньше ростом и тоньше, чем светловолосые представители племен, населяющих Британию; обуздать их, заставить вести себя спокойно было нелегко: даже ему, капитану, цивилизованному человеку, не раз бывавшему в Египте и на Крите, не без труда удалось уяснить, что им предстоит не пиратский рейд.

— У меня собрано достаточно олова и шкур, чтобы десять раз оплатить ваше путешествие, — говорил ему вождь по имени Рысь. — Все будет ваше, если вы поможете. Но мы выходим против колдуньи, которая умеет метать молнии. Хотя я могу делать то же самое, не будут ли твои люди слишком напуганы? Кроме того, мы идем не грабить, а чтобы освободить моих родичей. Тебе и твоим ребятам достаточно будет моей платы?

Капитан поклялся Той, которой он, как и все эти могущественные варвары, поклонялся, что платы будет достаточно. И он был искренен. Было что-то в глядевших на Локриджа голубых глазах, что говорило о благородстве, достойном Миноса Кносского.

Тем не менее... «Что ж, — подумал Локридж, — нам просто придется разыграть то, что было. Что означает освобождение. Сегодня я выхожу из-под власти судьбы.

Хотя я отнюдь не могу пожаловаться на время, проведенное в Англии. Моя жизнь была лучше, счастливее и полезнее, чем я мог мечтать».

Он прошел на корму. Аури стояла под ютом, рядом с каютой. Вместе с нею ждали остальные их дети: три девочки и мальчик, который был еще слишком мал, чтобы принять участие в сражении. В этом отношении им также сопутствовала удача — лишь одно крошечное тельце обрело покой в дольмене. Боги и в самом деле любили ее.

Высокая, с фигурой зрелой женщины и падающими на ее критское платье волосами, почти такими же ярко-светлыми, как в юности, — она посмотрела на своего мужа глазами, в которых лишь слегка поблескивали слезинки. За четверть века, которые ей пришлось быть его правой рукой, она обрела истинное величие.

— Счастливо тебе, мой любимый, — сказала она.

— Это ненадолго. Как только мы победим, ты сможешь вернуться домой.

— Ты дал мне дом, за морем. Если ты погибнешь...

— Тогда возвращайся, ради них. — Он приласкал детей, всех по очереди. — Правь Вестхейвеном, как мы это делали до сих пор. Народ будет ликовать. — Он выдавил улыбку. — Но со мной ничего не случится.

— Это будет странно, — медленно проговорила она, — увидеть, как мимо проплываем мы сами, молодые. Жаль, что тебя в это время не будет со мной.

— Тебе будет больно смотреть на них?

— Нет. Я подарю им нашу любовь и буду радоваться тому, что ожидает их впереди.

Аури была единственной, кто смог понять, что происходит со временем. Для остальных людей Тенил Оругарэй — это была магия; она вызывала у них тревогу, и они старались думать о ней как можно меньше. Правда, именно с ее помощью они оказались в прекрасной стране, и они были благодарны; но пусть бремя колдовства несет Рысь: ведь он король.

Локридж и Аури поцеловались, и он оставил ее.

Добравшись вброд до берега, он оказался окруженным своими людьми. Несколько из них родились в Авильдаро, в момент бегства они были маленькими детьми. Остальные были собраны с половины Британии.

Это была его работа. Он не пошел назад в Восточную Англию: слухи о нем могли распространиться через море и достигнуть ушей Сторм Дарроуэй, когда она появится. Вместо этого он повел свой отряд в красивую землю, которую позднее должны были назвать Корнуэллом. Там они пахали и сеяли, охотились и рыбачили, любили и приносили жертвы — так же беспечно, как и прежде; однако понемногу, шаг за шагом, Локридж показывал,

как много выгоды могут дать оловянные рудники и торговля; он набирал новых людей из окрестных кочевых племен, вводил новые методы работы и образ жизни, — пока Вестхейвен не стал известен от Скара-Брэ до Мемфиса как богатое и могучее королевство. Одновременно он заключал союзы — с изготовителями топоров Лангдэйл-Пайка, с жителями долины Темзы, даже с угрюмыми фермерами с холмов, которых ему удалось убедить, что человекоубийство неугодно богам. Теперь шли разговоры о том, чтобы воздвигнуть на Солсберийской равнине огромный храм как знак и залог их дружбы. Поэтому он мог их оставить; он смог также отобрать сотню охотников для битвы на востоке из очень многих, желавших отправиться с ним.

— Стройтесь в ряды, — приказал Локридж. — Вперед.

Северяне и южане построились, как он их обучил, и двинулись к Авильдаро.

Они шли в промозглом полумраке; тишину нарушали только шаги да вопли кроншнепов. Он чувствовал, как у него сжимается горло и учащенно бьется сердце. «Стром, — думал он, — Сторм, я возвращаюсь к тебе».

За двадцать пять лет ее образ не потускнел в его памяти. Он похудел и поседел; горести и радости целого поколения пролегли между ним и ею, но он по-прежнему помнил черные локоны, зеленые глаза, янтарную кожу, губы, когда-то прижимавшиеся к его губам. Неохотно, шаг за шагом, осознавал он свое предопределение. Север должен быть спасен от нее. Человечество должно быть спасено. Без Брэнна она может привести своих Хранителей к победе. Но ни Хранители, ни Патруль не должны одержать верх. Нужно, чтобы они изматывали друг друга до тех пор, пока то хорошее, что есть у тех и других, не возвысится над обломками всего дурного, и тогда мир Джона и Мэри сможет обрести форму.

И все же в действительности он не был Рысью — мудрым и неуязвимым. Он был всего-навсего Малькольмом Локриджем, который когда-то любил Сторм Дарроуэй. Ему пришлось выдержать с собой нелегкую борьбу, чтобы остаться верным Аури и не пытаться отсту-

шить от предопределенного решения идти против Кориоки.

Неслышно вернулся из разведки Ястреб.

— В деревне я видел мало народу, отец, — сказал он. — Никто не был похож на ютоазов, насколько я могу судить по тому, что ты о них рассказывал. Сторожевые костры людей с колесницами еле видны в тумане, и большинство лежит, укутавшись от холода.

— Отлично. — Локридж был рад действию. — Отряды теперь разделятся, каждый отправится на свою часть луга.

К нему подошли их командиры, и он дал им подробные указания. Одна за другой, группы исчезли в полумраке, пока он не остался с двумя десятками воинов. Локридж пересчитал их щиты из буйволовой кожи и кремневые наконечники копий, поднял руку и сказал:

— Наша задача самая трудная. Нам предстоит встретиться с самой колдуньей. Я еще раз заверяю вас, что моя магия так же сильна, как и ее. Но любой, кто боится стать свидетелем нашего поединка, может уйти.

— Долго вел ты нас и всегда оказывался прав! — прогремел голос одного из жителей холмов. — Я верен своей клятве. — Возбужденный гул одобрения прокатился по рядам.

— Тогда за мной.

Они нашли тропинку, ведущую к священной роще. Когда начнется бой, Сторм и ее помощники из Длинного Дома должны пойти этим путем.

Крики прорезали туманную мглу.

Локридж остановился возле деревьев, с листьев которых капала вода. Шум справа все усиливался: трубили рога, ржали лошади, гикали и хрипло орали люди, звенела натянутая тетива луков, скрипели колеса; послышались удары топоров.

— Когда же она наконец появится? — прошептал его сын Стрела.

Локридж был напряжен до предела. Не было никакой гарантии успеха. Одним энергопистолетом можно было уничтожить множество людей, а против той штуки, что была у него в руке, их было целых два.

Со стороны Авильдаро донесся топот ног. Из тумана вынырнула дюжина ютоазов. Они потрясали поднятым оружием, их лица были искажены от ярости. Впереди бежал Ху.

«В этот раз мне не придется тебя убивать», — с дрожью подумал Локридж.

Увидев их, ошеломленный Хранитель резко остановился и поднял пистолет.

Из того же самого оружия в руке Локриджа вырвался поток энергии, встретившийся с таким же потоком. Красный, зеленый, желтый, мертвенно-голубой огонь смешались с туманной сыростью. Ютоазы бросились на бриттов, отступивших назад в страхе перед сверхъестественным.

— Кориока! — завопил Ху, перекрывая шипение сталкивающихся энергий. — Это Патруль!

Он не узнал Локриджа в стоявшем перед ним человеке. А меньше чем через час он будет лежать мертвый перед Длинным Домом. Локридж застыл в ужасе от этой мысли. Ху приблизился. Зарычал и взмахнул томагавком ютоаз. Тот житель холмов, что говорил о верности своей клятве, упал.

Это вывело Локриджа из оцепенения.

— Народ Вестхейвена! — громко крикнул он. — Вперед за своих родных!

Стрела прыгнул вперед. Блеснул огнем его бронзовый меч и, найдя цель, вернулся окровавленным. Ястреб получил удар по шлему, который зазвенел почти так же, как его смех, раздавшийся, когда он нанес ответный удар. Их братья, Пастух и Милое Солнце, присоединились к ним, а за ними и остальные. Численно они превосходили людей Боевого Топора, и сражение было коротким и безжалостным.

Локридж нацелил клинок на Ху. Тот, увидев, что его отряд разбит, поднялся в воздух и затерялся в клубах тумана. Слышно было, как он зовет Сторм, пронзительно крича над охваченными битвой лугами.

«Значит, она прошла другой дорогой, — подумал Локридж. — Она уже там».

— Туда, по этому пути! — скомандовал он.

Вышли на луг. Раскачиваясь, прямо на шеренгу его воинов неслась колесница. Обученные им, они не двигались с места, пока она не подкатила почти вплотную, потом расступились и с боков вонзили копья в вождя. Лишившиеся хозяина лошади ускакали и исчезли в белесой мгле. Бритты атаковали ютоазов, бежавших за колесницей. Локриджу все это казалось чем-то вроде театра теней. Он искал Сторм.

Он шел со своим отрядом по полю брани. Время от времени можно было увидеть фрагменты битвы. Ютоаз раскроил череп воину из Вестхейвена и был тут же разрублен на куски иберийцем. Двое людей катались в грязи, как собаки, пытаясь вцепиться друг другу в горло. Юноша, которого звали Туно, лежал, раскинув руки, в луже крови, глядя пустыми глазами в затянутое пеленой тумана небо. Локридж быстро прошел мимо. Ножны хлопали по ноге. Шлем и латы вдруг показались очень тяжелыми.

Спустя какой-то отрезок вечности он услыхал крики. Группа людей из его войска неслась прыжками, плотно сжав губы и стараясь не поддаться панике. Локридж окликнул их командира.

— Мы встретились с нею на окраине селения, — объяснил тот, задыхаясь. — Ее огонь убил троих прежде, чем мы смогли скрыться.

Они не удрали с поля боя. Они выполняли его инструкции, согласно которым должны были отступить и искать другого противника. Локридж бросился в ту сторону, откуда они появились.

Прежде всего он услышал ее голос:

— Ты, ты и ты. Разыщите вождей клана. Пусть явятся ко мне. Я буду ждать здесь, а когда мы все обсудим и наведем какой-то порядок в наших рядах, мы уничтожим этих морских разбойников. — Ее голос звучал хрипло и прекрасно.

Локридж пошел вперед сквозь клубы тумана. Они, казалось, сами расступились, — она была перед ним.

При ней было несколько ютоазов. Били копытами кони, запряженные в колесницу, на которой стоял Уитукар с алебардой наизготовку. Но Сторм стояла одна, впереди. Ее тело Охотницы защищала лишь на-

брошенная туника; во лбу сиял лунный серп. Мокрые волосы блестели в тусклом свете, лицо было исполнено жизни. Он выстрелил в нее.

Ее реакция была молниеносной. Щит окружил ее. Буря против бури — энергии столкнулись, взаимоуничтожаясь в многоцветном пламени.

— Патрульный, — донесся ее голос через ревущую, внушающую трепет радужную красоту, — иди сюда и погибни.

Локридж понял ее, поскольку впервые за много лет в ушах у него были диаглоссы. Он подошел ближе.

Ее лицо валькирии исказил ужас.

— Малькольм! — раздался пронзительный крик.

Его сыновья звали в бой своих людей. Поднялись мечи, копья и томагавки.

Краем глаза Локридж увидел, как длинный топор Уитукара навис над Ястребом. Юноша увернулся, впрыгнул на колесницу и нанес колющий удар. Возница Уитукара — совсем еще мальчик — бросился между клинком и своим господином и упал с мечом в груди; вождь в это время выхватил каменный кинжал. У Ястреба не было времени вытащить меч из тела подростка; он обхватил рыжебородого ютоаза руками. Они вместе свалились с колесницы и продолжали борьбу на земле.

И другие вестхейвенцы вступили в схватку. Им противостоял храбрый, умелый враг, который стоял насмерть, щит против щита, отвечая ударом на удар. Темнеющий воздух сотрясался от яростной битвы.

— О, Малькольм, — всхлипнула Сторм, — что сделало с тобой время?

Ему оставалось только быть безжалостным; он приблизился к ней с пистолетом в руке, другая рука, в которой нужно было держать меч, оставалась свободной. В любой момент она могла упорхнуть, как Ху. Но превосходящие силы противника теснили ее воинов, и она отступала вместе с ними. Локридж не мог подобраться к ней через бурлящую вокруг толпу. Когда между ними на краткий миг открывался проход, он стрелял, она выставляла энергетический щит, и ее

окружала огненная крона. И снова их разделяли хрипение, тяжелое дыхание, звериная ярость битвы.

Они с боем продвигались между хижин. Над крышами возник черный силуэт Длинного Дома.

Неожиданно Стрела и Милое Солнце прорвали линию обороны ютоазов и ринулись вперед, ногами отпихивая тела убитых. Развернувшись, они ударили с тыла. Их люди заполнили образовавшуюся брешь. Сражение разбилось на небольшие группы, дерущиеся под убогими стенами деревенских лачуг.

Локридж увидел перед собой Сторм и прыгнул. Свет вспыхнул так ярко, что на какое-то время они оба ослепли. Он наугад нанес в многоцветной темноте удар ребром ладони; она вскрикнула от боли. Он почувствовал, что пистолет выпал у нее из руки. Пока она не успела подняться в воздух со своим поясом, он бросил собственное оружие и крепко обхватил ее.

Они вместе упали. Она защищалась руками, ногтями, коленями, зубами — по ее коже бежали ручейки крови. Все же ему удалось прижать ее к земле своим весом и весом лат. Зрение вернулось к нему. Он посмотрел ей в глаза. Она подняла голову и поцеловала его.

— Нет, — выдохнул он.

— Малькольм, — сказала она; он чувствовал ее горячее дыхание. — Малькольм, я могу сделать тебя снова молодым, ты будешь бессмертным, вместе со мной.

Он выругался.

— Я — муж Аури.

— Так ли? — Внезапно она затихла в его руках. — Тогда доставай меч.

— Ты знаешь, что я не могу это сделать. — Он поднялся, снял с нее пояс, помог ей встать и завел ее руки за спину. Она улыбнулась и наклонилась к нему.

Сражение вокруг них закончилось. Увидев, что их Богиню взяли в плен, оставшиеся в живых ютоазы побросали оружие и пустились наутек. Раненые стонали и выли, лежа на земле.

— Колдунья в наших руках, — сказал Локридж. Собственный голос казался ему чужим. — Теперь остаются только ее воины.

Подошли с оружием в руках его сыновья. Ему стало стыдно, что он не почувствовал себя счастливее, увидев среди них Ястреба. Он отпустил Сторм. Исцарапанная, грязная, взятая в плен, она окинула их царственным взором.

— Такой судьбы ты желаешь? — спросила она по-английски.

Локридж не мог выдержать ее взгляда; он опустил глаза и вздохнул.

— Это та судьба, которая у меня есть.

— Неужели ты хоть на секунду решил, что сможешь избежать возмездия?

— Да. Когда от тебя не будет известий, твои шпионы, конечно, появятся и узнают, что произошло. Они не найдут тебя. Они услышат о пиратском рейде, во время которого ты, вероятно, погибла; выяснят, что Патруль тут ни при чем, насколько можно судить по путаным рассказам местных жителей, просто набег вождя из каменного века, который прослышал, что Ютландия переживает трудные времена, увидел в этом свой шанс, и ему так повезло, что шальные стрелы сразили тебя и Ху прежде, чем вы успели прогнать его банду. Более того, твои преемники решат, что с этой эпохой и связываться не стоит. Есть много дел в других местах и других временах; нас оставят в покое.

Некоторое время Сторм стояла молча.

— Ты проницателен, Малькольм, — сказала она наконец. — Каким героем мог бы ты стать для нас.

— Меня это не интересует, — ответил Локридж безжизненным голосом.

Сторм разглаживала свою одежду, пока она не стала плотно облегать ее тело.

— А что ты сделаешь со мной? — прошептала она.

— Не знаю, — сказал он, чувствуя себя несчастным. — Пока ты жива, ты представляешь смертельную опасность. Но я... я не могу причинить тебе вреда. Я так благодарен, что тебе удалось выжить в этом... — Локридж часто заморгал глазами. — Возможно, мы сможем спрятать тебя где-нибудь, — закончил он хриплым голосом. — С почетом.

Сторм улыбнулась.

— Ты придешь повидаться со мной?

— Лучше не стоит.

— Придешь. Тогда мы сможем поговорить. — Она отодвинула в сторону меч Пастуха, сына Аури, подошла к Локриджу и еще раз поцеловала его.

— До свиданья, Рысь.

— Уведите ее! — рявкнул он. — Свяжите. Но будьте осторожны: ей нельзя причинять вреда.

— Где держать ее, отец? — спросил Стрела.

Локридж сделал несколько шагов вперед, выйдя на площадь перед Длинным Домом. Лежащее у него ног мертвое тело Ху казалось съежившимся.

— Там, — решил он. — В ее собственном жилище. Поставьте снаружи охрану. Уберите мертвых и сделайте что можно для раненых.

Он провожал ее взглядом, пока она вместе со стражниками не скрылась в дверном проеме.

Гром битвы отдавался в нем так же, как и биение его сердца. Внезапно он почувствовал, что не может больше оставаться на месте, и побежал по деревне, громко крича:

— Люди Авильдаро! Морской народ! Мы пришли, чтобы освободить вас! Колдунья пала. На лугу идет битва за вас. Неужели вы сами будете валяться и не нанесете ни одного удара? Выходите, если среди вас есть мужчины!

И они вышли — семья за семьей: охотники, рыбаки, рыцари моря; с оружием в руках они столпились вокруг пришедшего избавителя. Локридж позвал своих сыновей, чтобы они тоже присоединились. Отряд в пятьдесят человек прошел через священную рощу и обрушился на ряды людей Боевого Топора.

И разбил их.

Когда осколки последней колесницы валялись на земле и последнего ютоаза отогнали на пустошь, Локридж приказал привести к нему всех пленных. В основном это были женщины и дети, переживавшие крушение всех своих надежд. Но Уитукар остался жив. Руки его были связаны за спиной; он узнал Локриджа и проигнорировал его.

В гаснущий костер подбрасывали топливо, пока языки пламени не заплясали в промозглой мгле так же дико, как отплясывали люди Тенил Оругарэй. Локридж посмотрел на представшую перед ним картину страдания и сказал как можно мягче:

— Вам больше не причинят горя. Завтра вы сможете уйти. Это наша земля, а не ваша. Но один из наших людей отправится с вами, чтобы говорить о мире. Земля широка; нам известны незаселенные местности, которыми вы можете воспользоваться. В середине зимы вожди племен будут здесь держать совет, на котором мы будем искать пути удовлетворения наших общих нужд. Уитукар, я надеюсь, что ты будешь среди них.

Ютоаз упал на колени.

— Господин, — сказал он, — я не знаю, какая странность приключилась с тобой этой ночью. Но мы по-прежнему названые братья, ты и я. Если ты не против.

Локридж поднял его.

— Развяжите. Он наш друг.

Глядя на своих людей, он, Рысь, знал, что труд его не завершен. Ветхейвен построен на надежной основе. В следующие двадцать-тридцать лет — сколько ему будет отпущено — он должен создать аналогичный союз в Дании.

Если бы Сторм...

К нему стремительно подбежал человек и бухнулся ничком на землю.

— Мы не знали! Мы не знали! Мы услышали шум слишком поздно! — причитал он.

Словно пальцы, сжимающиеся в кулак, сомкнулась вокруг Локриджа ночь. Он кликнул факельщиков и бежал всю дорогу до Длинного Дома.

Она лежала в безжалостном свете шаров. Ее красота увяла: нельзя умереть от удушья без того, чтобы не почернела кожа, не высунулся между зубов распухший язык, не вылезли из орбит глаза. Но что-то прежнее оставалось — в блестящих волосах и точеных чертах лица, в теле, боровшемся до конца, и связанных руках, когда-то обнимавших его.

Поперек нее лежал труп Брэнна.

«Я забыл о нем, — подумал Локридж. — Я не мог вынести этого воспоминания. Значит, он прошел сквозь занавес, уже почти во власти смерти, — и увидел ее, свою мучительницу, беззащитной...

Сторм, о моя Сторм!»

Люди Моря стояли в полной тишине, пока их господин плакал.

Локридж велел принести дров. Он сам проводил ее в последний путь: в ногах уложил ее верного помощника и одновременно заклятого врага и от факела поджег Длинный Дом. С громким треском высоко в небо взметнулось пламя, и стало светло, как днем. «Мы построим здесь святилище, — подумал он, — для поклонения Той, которую когда-нибудь назовут Марией».

А у него самого было лишь одно место, куда он мог пойти. В одиночестве он вернулся на судно.

Руки Аури обняли его. Ближе к восходу солнца он обрел успокоение.

И возблагодарил Господа или судьбу — как бы их ни назвать — за помощь.

Наступал бронзовый век — новый век. То, что Локридж видел в своей прошлой, но еще не начавшейся жизни, давало основания верить, что это будет богатая, мирная и счастливая эпоха; возможно, самая счастливая из всех тех, которые человечеству предстоит пережить до наступления того отдаленного будущего, в которое он мельком заглянул. Потому что сохранившиеся и обнаруженные впоследствии реликвии никак не свидетельствовали о сожжениях, убийствах или рабстве. Скорее, золотая Колесница Солнца из Трундхольма и рога, чьи изгибы напоминали Ее змей, говорили за то, что северные народы объединились. Широко и далеко будут простираться маршруты их путешествий: ноги датчан будут ступать по улицам Кносса, моряки будут отправляться из Англии в Аравию. Кто-то может даже достичь Америки, где индейцам предстоит рассказывать о мудром и добром боге и богине по имени Перо Цветка. Но большинство вернется. Ибо где еще жизнь может быть так хороша, как в первой в мире земле, одновременно могучей и свободной?

В конце концов она придет в упадок — перед жестоким веком железа. Однако тысяча счастливых лет — тоже немалое достижение; и дух, порожденный ими, выстоит. На протяжении всех грядущих веков позабытая правда о том, что когда-то многие поколения людей жили в радости, должна ждать и мудро действовать. Те, кто создал окончательное будущее, вполне могут вернуться назад в королевство, основанное Рысью, и поучиться.

— Аури, — прошептал Локридж, — будь со мной. Помоги мне.

— Всегда, — сказала она.

РОМАН

Патруль ВРЕМЕНИ

НА СТРАЖЕ ВРЕМЕН

1

Требуются мужчины: возраст — 21—40, желательно холост., с военным или техн. образ., в хорошем физич. состоянии, на высокооплачиваемую работу с заграничн. командировками.

Обращаться: Компания технологических исследований 305 Е., 45, с 9 до 10 и с 14 до 18 ч.

— Работа, как вы понимаете, несколько необычная, — сказал Гордон. — И строго секретная. Надеюсь, вы умеете хранить тайны?

— Как правило, — сказал Мэнс Эверард. — Впрочем, смотря в чем они заключаются.

Гордон улыбнулся. Это была странная улыбка. Эверард и представления не имел, что можно улыбаться, не разжимая губ.

Гордон свободно говорил по-английски с обычным американским акцентом, носил общепринятый деловой костюм, но было в нем что-то иностранное, и не только смуглый цвет лица с гладкими, без намека на бородку щеками и узкие монгольские глаза, совершенно не вязавшиеся с его арийским носом. Трудно было понять, откуда он родом.

— Мы вовсе не шпионы, если именно эта мысль пришла вам в голову, — сказал он.

Эверард усмехнулся.

— Простите, только, ради Бога, не подумайте, что я поддался всеобщей шпиономании. К тому же у меня никогда не было доступа к секретным данным. Но в вашем объявлении говорится о заграничных командировках, а при теперешней ситуации... Словом, я не хотел бы лишиться своего заграничного паспорта.

Эверард был высок ростом, широкоплеч, темноволос и коротко подстрижен, но на лице его уже проступали следы пережитого.

Он положил на стол свои документы: свидетельство об увольнении из армии, справки о работе в различных фирмах в качестве инженера-механика. Гордон вроде и не посмотрел на эти бумаги.

Кабинет выглядел совсем обычно: стол, несколько стульев, бюро и дверь, ведущая, по-видимому, в другую комнату. Из окна открывался вид на забитую автомобилями нью-йоркскую улицу.

— Вы независимы, — сказал человек, сидящий за столом. — Мне это нравится. Многие из тех, кто к нам приходят, чуть ли не ползают на брюхе и готовы благодарить даже за пинок в зад. Конечно, с вашими данными вы еще не потеряли надежду и можете получить работу в другом месте. Кажется, это теперь называется «в порядке временного трудоустройства».

— Меня интересует работа у вас, — сказал Эверард. — Я много раз бывал за границей, как вы можете видеть по документам, и хотел бы еще поездить, хотя, честно говоря, все еще не понимаю, чем вы занимаетесь.

— Мы занимаемся многими вещами. Позвольте, позвольте... вы воевали во Франции и в Германии.

Эверард вздрогнул: в документах упоминались все его ордена и медали, но он мог бы поклясться, что Гордон не успел прочитать ни строчки.

— Гм... Будьте любезны, положите руки на выступы подлокотников вашего кресла. Благодарю. Скажите, как вы реагируете на физическую опасность?

Эверард весь напрягся.

— Послушайте...

Глаза Гордона были прикованы к какому-то прибору на столе: это была простая пластмассовая коробка с индикаторной стрелкой и двумя циферблатами.

— Неважно. Можете не отвечать. Скажите, каковы ваши взгляды на интернационализм?

— Послушайте, я...

— Коммунизм? Фашизм? Как относитесь к женщинам? Чем еще интересуетесь?.. Это все. Можете не отвечать.

— Какого черта? Что все это значит? — взорвался Эверард.

— Небольшой психологический тест. Забудьте об этом. Меня не интересуют ваши взгляды, разве что с точки зрения основных эмоциональных рефлексов.

Гордон откинулся на спинку кресла и сомкнул кончики пальцев.

— Пока все идет очень хорошо. Теперь я объясню вам, в чем дело. Мы занимаемся, как я уже говорил, очень секретной работой. Мы... Гм... Собираемся устроить небольшой сюрприз нашим конкурентам. — Он усмехнулся. — Если хотите, можете прямо отсюда отправиться в ФБР. Нас уже проверяли и выдали нам, так сказать, полное отпущение грехов. Там вам сообщат, что мы действительно ведем финансовые операции и занимаемся технологическими исследованиями во всех странах мира. Но существует еще один аспект нашей работы, и для нее нам нужны люди. Я заплачу вам сто долларов, если вы пройдете вон в ту комнату и разрешите себя обследовать. Это займет три часа вашего времени. Если вы нам не подойдете, тем дело и кончится. Если подойдете, мы подпишем с вами контракт, расскажем о работе и начнем вас обучать. Ну как, годится?

Эверард заколебался. Ему не нравилась эта поспешность. Обычный кабинет и несколько странный человек... За всем этим что-то скрывалось...

— Я подпишу с вами контракт только после того, как узнаю, в чем заключается работа, — сказал он.

— Как угодно. — Гордон пожал плечами. — Тесты покажут, подходите ли вы нам. У нас очень совершенная аппаратура.

По крайней мере, это оказалось правдой. Эверард более или менее разбирался в методах современной психологии: энцефалография, ассоциативные тесты. Но он никогда в жизни не видел ни одного из тех упрятанных в кожухи приборов, которые жужжали и мигали вокруг. Вопросы, которые ему задавал ассистент — неопределенного возраста человек с белым, ничего не выражающим лицом и абсолютно лысый, — казались ему беспредметными. И что это за металли-

ческий колпак, который ему надели на голову? Куда вели многочисленные провода от него?

Он украдкой стал бросать взгляды на шкалы различных приборов — таких букв и цифр он раньше никогда не видел. Не английские, не французские, не русские, не греческие, не китайские — такие буквы и цифры вообще не могли существовать в году 1954-м от Рождества Христова. Возможно, уже тогда Эверард начал подозревать истину.

Он с удивлением отметил, что в ходе этих тестов узнает себя все лучше: Мэнсон Эммерт Эверард, 30 лет, лейтенант в отставке, служил в инженерном корпусе вооруженных сил США; работал проектировщиком и технологом в Америке, Швеции, Аравии; все еще холостяк, но все больше завидующий своим женатым друзьям; не имеет девушки; никаких других связей; немного библиофил; великолепно играет в покер; любит лошадей, оружие и парусный спорт; в отпуске увлекается рыбалкой и туризмом. Все это он, конечно, о себе знал, но только как отдельные факты. Сейчас же у него возникло особое чувство: он вдруг ощутил себя как нечто единое, будто каждая отдельная черточка его биографии стала частью чего-то целого.

Он вышел из комнаты очень усталым и насквозь мокрым от пота. Гордон предложил ему сигарету и торопливо пробежал глазами закодированные листки, которые протянул ассистент. Время от времени он бормотал вслух: «Зета-двадцать кортикальная... здесь недифференцированная оценка... психическая реакция на антитоксин... ослабление центральной координации...»

Он перешел с ассистентом на незнакомый язык с такой интонацией и чередованием гласных и согласных, которых Эверард, хоть он и знал разнообразнейший английский сленг и диалекты, никогда в жизни не слышал.

Прежде чем он оторвался от бумаг, прошло еще полчаса. Эверарда охватило беспокойство, его так и подмывало встать и уйти, но любопытство одержало верх. И вот Гордон обнажил свои невероятно белые зубы в широкой улыбке:

— Ах! Наконец-то! Знаете ли вы, что мне пришлось отклонить уже двадцать четыре кандидатуры? Но вы подойдете. Вы определенно подойдете.

— Подойду — для чего?

Эверард подался вперед, чувствуя, как участился его пульс.

— Для Патруля. Вы будете вроде как полицейским.

— И что же? Где именно?

— Везде. И во все времена. Приготовьтесь, сейчас вы услышите нечто невероятное. Наша компания, хоть и вполне легальная, всего лишь своего рода ширма и средство для добывания необходимых фондов. Наше настоящее дело — патрулирование времени.

2

Академия находилась на американском Западе в теплом олигоценовом периоде, когда среди лесов и травянистых полян жалкие предки человека в трепете скрывались, заслышав поступь гигантских млекопитающих. Академия была основана тысячи лет назад, должна была просуществовать еще полмиллиона лет — срок вполне достаточный для того, чтобы обучить и выпустить столько патрульных, сколько потребуется Патрулю времени, — и затем быть тщательно уничтожена, чтобы от нее не осталось и следа. Позже настанет ледниковый период и появятся люди, и в году 19352 (7841 год Мореннианской Победы) эти люди откроют способ путешествий во времени и вернутся в олигоценовый период, чтобы основать в нем Академию.

Это был комплекс внушительных низких зданий с округлыми линиями, окрашенных в мягкие цвета и расположенных на травянистых полянах между гигантскими древними деревьями на фоне холмов и лугов, спускавшихся к широкой коричневой реке. По ночам иногда слышался рев тираннозавров и далекий рык саблезубого тигра.

Эверард вышел из машины времени — большой, неопределенной формы металлической коробки. В горле у него пересохло. Он чувствовал себя так же, как и в

первый день в армии — двенадцать лет назад или, если угодно, от пятнадцати до двадцати миллионов лет в будущем: одиноким и беспомощным; как и тогда, им владела одна только мысль — найти какой-нибудь достаточно благовидный предлог, чтобы удрать домой. Его немного утешило, что из других машин времени вышло около пятидесяти молодых мужчин и женщин. Новоприбывшие сбились в кучу, видимо, чувствуя себя очень неуютно. Вначале они не разговаривали и только глазели друг на друга. Эверард заметил на ком-то воротничок и котелок времен президента Гувера; моды и прически других доходили до 1954 года и, по-видимому, представляли более поздний период. Откуда, например, эта девушка в переливчатых, облегающих брюках, с зеленой помадой на губах и фантастически взбитыми желтыми волосами? Нет, из какого времени?

Рядом с ним очутился мужчина лет двадцати пяти; судя по его худощавому лицу и потертым твидовым брюкам — англичанин. Казалось, под изысканными манерами он скрывает какое-то глубокое горе.

— Привет, — сказал Эверард. — Давайте хоть покамест познакомимся.

Он назвал себя.

— Чарлз Уиткомб, Лондон, 1947, — смущенно ответил тот. — Только что демобилизовался из Королевского Воздушного флота — и решил податься сюда. Теперь не знаю, может и зря.

— Вполне понятно, — ответил Эверард, думая о предложенной ему зарплате. Пятнадцать тысяч в год для начала! Интересно, как они исчисляют время. Очевидно, исходя из фактического срока жизни каждого.

К ним подошел приятного вида молодой человек в ладно сидящей форме, поверх которой был накинут темно-синий плащ, переливающийся так, будто он усыпан звездами. У него было открытое улыбающееся лицо, говорил он без какого-либо выраженного акцента.

— Здорово, ребята! — сказал он приветливо. — Добро пожаловать в Академию. Полагаю, все тут говорят по-английски?

Эверард заметил какого-то мужчину в потрепанной немецкой военной форме, одного индийца и еще несколько человек из разных стран.

— Тогда будем говорить по-английски, пока не выучите темпоральный. — Он встал поудобнее, упершись руками в бока. — Меня зовут Дард Келм. Я родился... одну минутку... да, в 9573 году от Рождества Христова, но я специализировался как раз на вашем периоде. Кстати, этот период охватывает годы с 1850 по 1975, и каждый из вас родился где-то в промежутке между этими датами. Можете, когда вздумается, поплакаться мне в жилетку, если что не так. Я здесь специально для этого. В нашей Академии учат не совсем так, как вы, может быть, думаете. Мы не обучаем много людей сразу и не требуем школьной или военной дисциплины. Каждый из вас пройдет как индивидуальное, так и общее обучение. Мы не наказываем за неуспеваемость, так как уже предварительное обследование исключило всякую ее возможность и предопределило почти полную гарантию успеха в вашей будущей работе. Каждый из вас обладает высоким умственным потенциалом, исходя из критериев своей эпохи. Однако различие в ваших способностях требует индивидуального обучения, для того чтобы добиться максимума от каждого. Никаких формальностей у нас здесь нет, за исключением, разумеется, правил обычной вежливости. Помимо занятий у вас, естественно, будет и время для отдыха. Мы не собираемся требовать от вас более того, на что вы способны. Мне остается только добавить, что рыбалка и охота здесь хороши даже в двух шагах от здания Академии, а если отъехать на пару сот миль, так это — сплошная фантастика. Если нет вопросов, следуйте за мной, и я размещу вас по комнатам.

Дард Келм показал им технические приспособления в каждой из стандартных комнат для отдыха и занятий. Такие технические новинки, очевидно, должны были войти в повседневный обиход примерно в 2000 году: непритязательная мебель, послушно принимающая формы того, кто на нее садится, кондиционеры, экраны, способные воспроизводить любую кино- или фонозапись из большой коллекции. А в общем ничего необычного. Каждый учащийся имел свою комнату в здании, где располагались спальни. Общая столовая помещалась в другом месте, но обед можно было заказать и «на дом»,

для какой-нибудь вечеринки. Эверард почувствовал, что напряжение постепенно отпускает его.

Для новоприбывших был устроен банкет. Блюда подавались более или менее знакомые, но бесшумные машины, подающие их на стол, были совершенно необычны. На столах появилось вино, пиво, сигареты, табак. Может быть, в пищу было что-то подмешано, потому что Эверард, как и все другие, почувствовал приятное возбуждение. В конце концов он принялся выдавать буги-вуги на рояле, в то время как группа молодых людей так же тщетно сотрясала воздух, пытаясь спеть какую-то песню.

Только Чарлз Уиткомб сидел в стороне. Дард Келм, смакующий в уголке вино, был достаточно тактичен и не пытался втянуть его в общее веселье.

Эверард решил, что ему здесь понравится. Но в чем заключается и как будет организована его работа, каковы ее цели, все еще оставалось для него неясным.

— Путешествие во времени было открыто, когда Хоритская ересь почти распалась, — говорил Келм в лекционном зале. — Подробности вы узнаете позже, а сейчас я просто скажу, что это был бурный век, гигантские концерны сражались не на жизнь, а на смерть за коммерческое и генетическое господство, а различные правительства были просто пешками в галактической игре. Эффект времени был побочным продуктом в поисках средств космического гиперперехода, который, как понимают некоторые из вас, требует для своего описания тончайшего математического аппарата... так же, впрочем, как и путешествие в прошлое. Я сейчас не буду вдаваться в теорию — кое-что об этом вы узнаете впоследствии, изучая физику, — а просто скажу, что речь идет о математических зависимостях, выраженных бесконечными величинами в континууме четырехмерного пространства — 4N, где N — общее число частиц во Вселенной. Естественно, группа, обнаружившая этот эффект, так называемая группа Девяти, четко представляла себе последствия своего открытия. Не только коммерческие — в таких отраслях, как торговля, добыча полезных ископаемых и тому подоб-

ное, — но и военные: то есть возможность нанесения противнику смертельного удара. Ведь время изменчиво, прошлое можно изменить.

— Вопрос!

Это была девушка из 1972 года, Элизабет Грей, в своей эпохе — подающий надежды физик.

— Да? — вежливо сказал Келм.

— Мне кажется, вы описываете логически невозможную ситуацию. Я, конечно, допускаю путешествие во времени как таковое, раз уж мы находимся здесь, но ни одно событие не могло и произойти, и не произойти. Это — внутреннее противоречие.

— Только не тогда, когда в основе лежит логика Алеф-суб-Алеф, — сказал Келм. — А происходит вот что: допустим, я отправился назад в прошлое и предотвратил встречу вашего отца с вашей матерью. Вы бы никогда не родились. Этот небольшой эпизод из истории Вселенной выглядел бы совершенно иначе. Оказалось бы, что он с самого начала был иным, несмотря на то, что у меня в памяти сохранилось бы и первоначальное, исходное положение вещей.

— Ну хорошо, а как насчет вас самого? — не сдавалась Элизабет. — Вы бы перестали существовать?

— Нет, потому что я бы принадлежал к моменту истории, предшествовавшему моему вмешательству. Давайте применим это к вам. Если бы вы вернулись, скажем, в 1946 год и предотвратили брак ваших родителей в 1947 году, вы все же существовали бы в этом году; вы не перестали бы существовать только потому, что оказали влияние на события того времени. То же самое произошло бы, если бы вы пробыли в 1946 году хоть одну микросекунду до того, как убить человека, который, останься он в живых, стал бы вашим отцом.

— Но тогда бы я существовала, не будучи... не будучи рождена, — запротестовала она. — У меня была бы своя жизнь и воспоминания... и... всякое такое... хотя меня и вовсе не было бы на свете.

Келм пожал плечами.

— Что с того? Вы настаиваете на том, что закон случайности или, точнее говоря, закон сохранения энергии касается только непрерывных функций. В действительности же вполне возможна и прерывность.

Он рассмеялся и склонился над кафедрой.

— Конечно, существуют и вещи невозможные, — сказал он. — Вы, например, не можете стать собственной матерью: этого не допускают законы генетики. Если бы вы вернулись в прошлое и вышли замуж за своего бывшего отца, дети были бы другими, ни один из них не был бы вами, поскольку у каждого из них оказалась бы только половина ваших хромосом.

Он откашлялся.

— Давайте не отклоняться от темы. Все подробности вы узнаете за время обучения, я же даю вам только основы. Итак, продолжим: группа Девяти разрешила проблему путешествий в прошлое и таким образом добилась возможности либо пресекать действия своих врагов в зародыше, либо вообще помешать их появлению на свет. И вот тогда появились данеллиане.

Впервые он оставил свою свободную, чуть ироничную манеру говорить. Перед ними стоял человек, оказавшийся перед непознаваемым. Негромко он продолжал:

— Данеллиане — часть будущего, нашего будущего, которое наступит примерно через миллион лет после моей эпохи. Люди там достигли такого развития... что нет слов, чтобы это описать. Вы, вероятно, никогда не встретите ни одного данеллианина. Если же встретите, это будет для вас... большим потрясением. Они не злы и не добры — они стоят настолько же за пределами того, что знаем или чувствуем мы с вами, насколько мы отстоим от насекомоядных, которые были нашими предками. Со всем этим лучше не встречаться лицом к лицу. Данеллиане действовали просто в порядке самосохранения. Когда они появились, путешествия во времени стали уже обычным делом. Для глупых, жадных и безумных открылись неисчислимые возможности возвращаться в прошлые времена и перекраивать историю. Данеллиане не хотели запрещать путешествия во времени — это была часть того комплекса явлений, который породил их самих, — но им пришлось регулировать эти путешествия. Группе Девяти не дали возможности осуществить свои планы. И для наблюдения за порядком на трассах времени был создан Патруль.

Вы будете работать в основном в собственных эпохах, если, конечно, не достигнете высокого статуса

агента с правом свободных действий. Вы будете жить как обычно, иметь семью и друзей. Тайная сторона вашей жизни обеспечит вас деньгами, защитой, если она понадобится, возможностью ездить в отпуск в очень интересные места и, главное, работой, которая будет приносить вам огромное удовлетворение. Но вы должны быть готовы в любой момент явиться по первому зову. Иногда вам придется помогать путешественникам во времени, попавшим в трудное положение; в другой раз — противодействовать конкистадорам, пытающимся захватить власть или получить экономические преимущества и влияние в военных делах; бывает, что Патруль поставлен перед свершившимся фактом какого-нибудь злодеяния в прошлом и вынужден принять необходимые меры в более поздние эпохи, чтобы вернуть историю на ее нормальный путь развития. Желаю вам всем удачи!

Первая часть обучения включала физическую и психологическую подготовку. Эверард раньше даже представить себе не мог, как обкрадывалась его жизнь и телесно и духовно: он был только наполовину тем, кем мог быть. Сначала ему приходилось нелегко, но затем он почувствовал огромную радость от того, что мускулы полностью подчиняются ему, что дисциплина чувств сделала его эмоции намного глубже, а мысль стала точнее, острее и все умственные реакции — осознаннее.

В процессе обучения ему внушили, что он не должен ничего говорить о Патруле непосвященным, даже намекать на его существование. Для него подобные разговоры стали абсолютно невозможными, такими же невозможными, как прыжок на Луну. Он также хорошо изучил все аспекты психологии людей двадцатого века.

Темпоральный — искусственный язык, на котором могли говорить патрульные всех эпох, не боясь быть понятыми кем-либо из непосвященных, был чудом логического совершенства и выразительности.

Раньше Эверард считал, что неплохо разбирается в военном деле, но ему пришлось научиться пользоваться боевыми приемами и оружием, которое существовало на протяжении пятидесяти тысяч лет: от меча бронзо-

вого века до циклобласта, способного уничтожить целый континент. Вернувшись в свою собственную эпоху, он должен был пользоваться только общепринятым оружием, но не исключалась возможность, что его пошлют с поручением в какое-нибудь другое время, а использование неизвестного в тот период оружия допускалось очень редко.

Они изучали разнообразнейшие науки, историю, искусство, философию, различные диалекты и манеры поведения. Впрочем, курс манер охватывал период только с 1850 по 1975 год: если бы потребовалось отправиться в другие времена, то специальное обучение проводилось бы с помощью гипноизлучателя. Именно посредством этих машин все обучение было закончено в три месяца.

Он изучил организацию Патруля. «Впереди» лежала тайна данеллианской цивилизации, но с ней почти не было прямого контакта. Сам Патруль напоминал полувоенную организацию, в которой имелись звания, но не существовало каких-либо особых формальностей.

Вся история была разбита на периоды в соответствии с географическими ареалами, причем для каждого имелось свое центральное управление, находившееся в каком-нибудь из больших городов в период, охватывающий одно из двадцатилетий века. Эти управления занимались для маскировки какой-либо легальной деятельностью вроде торговли. Кроме того, имелись более мелкие местные отделения.

В период жизни Эверарда существовало три ареала — *Запад*, с центром в Лондоне, *Россия*, с управлением в Москве, и *Азия* — штаб-квартира в Пекине. Все они размещались в самом спокойном двадцатилетии — с 1890 по 1910 год, — когда маскировка была проще, чем в последующие годы, где приходилось иметь более мелкие отделения. Рядовые агенты жили каждый в свое время и часто выполняли обычную работу. Связь между различными городами и эпохами осуществлялась с помощью небольших хронокапсул, автоматически настраивающихся на нужную дату.

Организация в целом была настолько велика, что ему трудно было представить ее себе полностью. Он просто знал, что на его долю выпала удивительная и

прекрасная судьба, и старался больше ни о чем не думать... пока.

Наставники его были дружелюбны, готовы в любой момент прийти на помощь. Старый ветеран, учивший Эверарда управлять космическими кораблями, сражался в Марсианской войне 3890 года.

— Вы, ребята, хорошо соображаете, — сказал он как-то. — Это просто ад — учить людей из эпохи до промышленной революции. Мы уже махнули на них рукой и учим только начаткам знаний. Был здесь как-то один римлянин эпохи Цезаря — вполне толковый парень, только он никак не мог взять в ум что машину нельзя седлать, как лошадь. А у этих ребят из Вавилона просто не укладывалось в голове, как это можно путешествовать во времени. Пришлось травить им легенду про битвы богов.

— А что вы травите нам? — спросил Уиткомб.

Космонавт пристально посмотрел на него.

— Вам говорим правду, — сказал он наконец. — Всю правду, какую вы в состоянии осмыслить.

— Как вы попали на эту работу?

— О... Меня сбили около Юпитера. Немного от меня осталось. Собрали по кусочкам. Вся моя команда погибла, и меня тоже считали мертвым, так что возвращаться домой не имело смысла. Мало радости — подчиняться диктаторам. Поэтому я здесь. Хорошие друзья, интересная работа и возможность ездить в отпуск в любые века и эпохи.

Космонавт усмехнулся.

— Подождите, вот попадете в упадочный век Третьего Матриархата, узнаете, что такое настоящее раздолье.

Эверард промолчал. Он был слишком захвачен зрелищем огромного шара Земли, плывущего среди звезд.

Он подружился с несколькими студентами. У них было много общего: все прошли такой же строгий отбор, как и он сам, это были мыслящие люди. Завязалось несколько романов. Никаких запретов на вступление в брак не было, и счастливая пара обычно сама выбирала ту эпоху, в которой хотела жить. Он тоже иногда проводил время с девушками, но не позволял себе увлечься слишком сильно.

Как ни странно, самая тесная дружба у него возникла с молчаливым и угрюмым Уиткомбом. В англичанине было что-то притягательное: славный человек, умный и образованный, но какой-то потерянный...

Однажды они поехали кататься верхом на лошадях, чьи отдаленные предки спасались бегством от своих гигантских потомков. Эверард захватил с собой ружье в надежде подстрелить кабана, следы которого недавно видел. Оба были одеты в светло-серую шелковистую форму Академии, в ней было прохладно даже под палящим желтым солнцем.

— Странно, что нам разрешена охота, — заметил американец. — Допустим, я подстрелю саблезубого тигра в Азии, которому на роду было написано съесть одного из наших насекомоядных предков. Разве это не изменит будущего?

— Нет, — сказал Уиткомб, уже успевший более глубоко изучить теорию путешествий во времени. — Видишь ли, это все равно что представить континуум в виде клубка из тугих резиновых лент. Этот клубок нелегко растянуть: он стремится возвращаться к «первозданному» состоянию. Одно какое-нибудь насекомоядное не имеет никакого значения, важен общий генетический код, ведущий от всего этого вида к человеку. Точно так же, если я убил овцу где-то в средние века, я тем самым отнюдь не уничтожил все ее потомство, всех овец, которые должны были появиться, скажем, к 1940 году. Все эти овцы останутся, и каждый их ген, несмотря на различие предков, не изменится, потому что в ходе столь долгого времени все овцы в целом (или люди в целом) являются прямыми потомками всех более ранних овец (и людей). Происходит самая обычная компенсация: где-то в прошлом в генетической линии какой-нибудь другой предок восполняет те гены, которые, по твоему мнению, ты уничтожил. Таким же образом... ну, скажем, я возвращаюсь в прошлое и предотвращаю убийство президента Линкольна Бутом. Если только я не приму особых мер предосторожности, может случиться, что выстрелит кто-нибудь другой, но обвинят все равно Бута. Такая упругость или пластичность времени и объясняет, почему нам разрешено совершать путешествия. Если ты хочешь изменить поря-

док вещей, нужно правильно взяться за дело и здорово потрудиться.

Он скривил рот.

— Воспитательная работа! Нам повторяют снова и снова, что если мы вмешаемся в историю, нас накажут. Я не могу вернуться назад и убить этого негодяя Гитлера еще в колыбели. Я должен сидеть и смотреть, как он набирает силу, начинает войну и убивает мою девушку.

Некоторое время Эверард ехал молча. Раздавались лишь скрип кожаных седел да шуршание высокой травы.

— Извини, — заговорил он наконец. — Может быть, ты хочешь рассказать мне об этом?

— Да. Хочу. Но рассказывать, по существу, нечего. Она служила в женских вспомогательных частях. Звали ее Мэри Нельсон. Мы собирались пожениться после войны. Семнадцатое ноября сорок четвертого в Лондоне, я никогда не забуду этой даты. Она пошла к соседям в Стритхем (была в отпуске у матери). В дом соседей угодил снаряд «фау», не осталось даже развалин, а ее собственный дом уцелел.

Уиткомб был бледен, как смерть. Он смотрел вперед невидящими глазами.

— Будет очень трудно... не вернуться хотя бы на несколько лет назад и увидеть ее живой. Только увидеть... Но нет! Я не имею права.

Эверард с неловкой лаской положил руку ему на плечо, и они молча поехали дальше.

Занятия продолжались, каждый совершенствовался по своей программе, но закончили обучение они все вместе: за короткой церемонией выпуска последовал роскошный банкет, все растрогались, стали договариваться о будущих встречах и сборах. Затем каждый вернулся в тот же самый год и в тот же самый час, из которого пришел.

Эверард выслушал поздравления Гордона, получил список других агентов своего времени (некоторые из них, как оказалось, работали в военной разведке) и вернулся домой. Позднее ему, возможно, предоставят какую-нибудь важную работу, но сейчас — для официального статуса у налоговых властей — он был

назначен просто консультантом Компании технологических исследований. В его обязанности входило ежедневно просматривать какой-нибудь десяток документов, относящихся к путешествиям во времени, чему он был обучен, а в остальном сидеть и ждать вызова.

Случилось так, что он сам нашел себе первую самостоятельную работу.

3

Было странно читать заголовки газет и знать наперед, что произойдет дальше. Снималось напряжение, но появлялась грусть, потому что время было трагичным. Он начинал понимать желание Уиткомба вернуться назад и изменить историю, но прекрасно осознавал, что возможности одного человека слишком ограничены. Он не мог изменить прошлое к лучшему — разве что каким-то чудом; скорее же всего такая попытка привела бы к полному хаосу. Вернуться и убить Гитлера или японских генералов, развязавших войну... а вдруг вместо них придут еще более изощренные в злодействе? Может быть, атомную энергию так никогда и не откроют, и тогда не наступит блистательный век Венерианского Ренессанса. Ни черта мы не знаем...

Он выглянул из окна. Огни вспыхивали и гасли во взбудораженном небе, по улицам сновали автомобили, и куда-то торопилась безликая толпа; он не мог видеть отсюда башен Манхэттена, но знал, что они дерзко вздымаются к облакам. И все это — всего лишь водоворот в той великой реке времени, которая текла из только что покинутого им мирного доисторического прошлого к невообразимому данеллианскому будущему. Сколько миллиардов и триллионов человеческих существ жило, смеялось, плакало, трудилось, надеялось и умирало в ее водах.

Что ж... Он вздохнул, раскурил трубку и отвернулся от окна. Долгое безделье не успокоило его: и ум, и тело жаждали действия. Но сейчас было уже поздно, и... Он подошел к книжной полке, взял первую попавшуюся книгу и попытался читать. Это был сборник рассказов времен королевы Виктории и Эдуарда VII.

Одна из сносок поразила его. Трагедия в Аддлтоне и необыкновенная находка в древнем английском кургане. Ничего больше. Гм... Путешествие во времени? Он улыбнулся.

И все же...

«Нет, — подумал он. — Этого не может быть».

Однако проверить не помешает. Говорилось, что случай этот произошел в Англии в 1894 году. Можно просмотреть подшивку лондонского «Таймса». Все равно делать нечего.

Возможно, только от скуки он решил взяться за эту нудную работу. Истомившийся от безделья мозг искал любую лазейку, чтобы начать настоящее дело.

В публичную библиотеку Эверард пришел к открытию.

Сообщение он нашел сразу в газете за 25 июня 1894 года и в последующих выпусках. Аддлтон — небольшая деревня в Кенте, известная поместьем эпохи короля Якова, принадлежащим лорду Уиндему, и курганом, относящимся к неизвестной эпохе. Лорд Уиндем, археолог-любитель, начал раскопки кургана вместе с Джеймсом Ротеритом, своим кузеном, экспертом Британского музея. Захоронение оказалось довольно бедным. Находившиеся там предметы уже сгнили или рассыпались от ржавчины; в могиле лежали человеческие и лошадиные кости. Там же обнаружили небольшой сундучок в удивительно хорошем состоянии, в котором лежали слитки неизвестного металла, похожего на свинец или сплав серебра. Лорд Уиндем заболел какой-то смертельной болезнью с признаками отравления неизвестным ядом; Ротерит, который едва заглянул в сундучок, совершенно не пострадал, и следствие пришло к выводу, что он подсыпал лорду какой-то неизвестный восточный яд. Когда 25 июня лорд Уиндем скончался, Скотланд Ярд арестовал Ротерита, предъявив ему обвинение в убийстве. Родственники Ротерита наняли знаменитого частного детектива, который, путем сложных умозаключений, подтвержденных опытами на животных, нашел неопровержимые доказательства того, что подозреваемый невиновен и что кончина наступила от «смертельной эманации» из сундучка. Последний вместе с содержимым выбросили в Ла-Манш.

Детектив принимает заслуженные поздравления. Наплыв. Хэппи энд.

Эверард молча сидел в тихой, уставленной книгами комнате. В сообщении явно не хватало данных, но оно наталкивало на весьма определенные выводы.

Тогда почему же Викторианское отделение Патруля не провело расследование? А может быть, провело? Вполне возможно. Результаты своих исследований они, естественно, в газетах не печатали.

И все же лучше послать запрос.

Вернувшись домой, он взял одну из выданных ему маленьких хронокапсул, вложил туда свое донесение и настроил прибор на Лондонское отделение, на 25 июня 1894-го. Когда он нажал на последнюю кнопку, капсула исчезла, с чуть ощутимым дуновением.

Она возвратилась через несколько минут. Эверард открыл ее и вынул аккуратно отпечатанный лист — да, конечно, машинка в то время была уже изобретена. Он пробежал его глазами с той быстротой, которой научился еще в стенах Академии.

«Дорогой сэр!

Подтверждаю получение Вашего письма от 3 сентября 1954 г. и прошу Вашего просвещенного внимания.

В настоящий момент мы только приступили к упомянутому Вами делу, так как отделение занято предотвращением убийства Ее Величества, а также Балканским вопросом. Хотя нам представляется возможным, закончив текущие дела, заняться Вашим, желательно избежать парадокса времени, т. е. одновременного нахождения в двух местах, что может иметь место в настоящем случае. Будем весьма обязаны, если Вы лично и квалифицированный английский агент окажете нам содействие. При отсутствии иных сведений будем ожидать вас по адресу 14-В, Олд Осборн Роуд, 26 июня 1894 г. в 24.00.

Остаюсь, дорогой сэр,

вашим преданным и покорным слугой

Дж. Мэйнуоттеринг».

Далее следовала записка с пространственно-временными координатами, звучащими весьма неуместно рядом с цветистым слогом самого письма.

Эверард позвонил Гордону, получил его «добро», заказал скуттер на складе компании. Затем отправил записку Чарлзу Уиткомбу в 1947 год, получил ответ, состоящий из одного слова «Конечно», и отправился за скуттером. Это была небольшая машина времени, напоминавшая мотоцикл, но без колес и руля. Позади двух седел располагался двигатель с антигравитатором. Эверард настроил программатор на эпоху Уиткомба, нажал кнопку и оказался в помещении другого склада.

Лондон, 1947. Секунду он сидел не двигаясь, вспоминая, что делал в это время Эверард, который был на семь лет моложе. Учился в колледже в Штатах. Появился Уиткомб. Он прошел мимо охранников и протянул Эверарду руку.

— Рад видеть тебя, старина, — сказал он.

На осунувшемся лице Уиткомба появилась та полная странного обаяния улыбка, которую Эверард так хорошо помнил.

— Итак, в викторианскую эпоху?

— Точно. Садись.

Эверард снова настроил программатор. На этот раз им предстояло появиться в кабинете. Очень маленьком кабинете. Он возник перед ними в мгновение ока. Дубовая мебель, толстый ковер, горящий газовый камин — все это сразу весьма впечатляло. Вокруг горели и газовые рожки. Конечно, к тому времени было уже изобретено электричество, но Дэлхаус и Робертс были солидной импортной фирмой со своими традициями. Приветствовал их сам Мэйнуоттеринг, крупный, весьма помпезного вида человек с пушистыми бакенбардами и моноклем. Но в нем чувствовалась и сила. Говорил он с таким аффектированным оксфордским произношением, что Эверард с трудом понимал его.

— Добрый вечер, джентльмены. Надеюсь, путешествие было приятным? О да, простите... вы еще новички в нашем деле, а? Сначала всегда как-то озадачивает. Помню, как я был шокирован, когда впервые попал в двадцать первый век. Все совсем неанглийское. Хотя это естественно — res naturae, так сказать, другая

грань вечно изумляющей нас Вселенной, а? Извините, я недостаточно гостеприимен, но мы сейчас страшно заняты. Один фанатик, немец из 1917-го, узнал секрет передвижения во времени от какого-то неосторожного антрополога, украл машину и явился в Лондон, чтобы убить Ее Величество. Мы с ног сбились, разыскивая его.

— И найдете? — спросил Уиткомб.

— Да, конечно. Но дело чертовски трудное, джентльмены, тем более что мы должны хранить строжайшую тайну. Я бы не отказался от услуг частного сыщика, но единственный, кто нам подходит, чересчур умен. У него есть свой принцип: если отрешиться от невозможного — то, что останется, как бы невероятно оно ни было, и есть истина. Путешествие во времени тоже может показаться ему не слишком невероятным.

— Могу побиться об заклад, что это тот самый сыщик, который работал по делу лорда Уиндема в Аддлтоне или будет работать завтра, — сказал Эверард. — Впрочем, это неважно — мы знаем, что он докажет невиновность Ротерита. Важно другое: существует большая вероятность каких-то махинаций с этим сундучком в древнеанглийские времена.

— Ты хочешь сказать, саксонские, — поправил Уиткомб, который самолично сверял даты. — Многие путают англов и саксов.

— Почти так же, как путают саксов и ютов, — неожиданно сказал Майнуоттеринг. — Насколько я помню, в Кент вторглись именно юты... Да. Гм. Одежда здесь, джентльмены. И деньги. Бумаги для вас тоже приготовлены. Я иногда думаю, что вы, разъездные агенты, даже не представляете себе, сколько подготовительной работы приходится проделывать в наших отделениях даже для самой мелкой операции. О! Простите. У вас есть план компании?

— Да.

Эверард начал снимать с себя костюм двадцатого века.

— Полагаю, что есть. Мы оба достаточно знаем о викторианской эпохе, чтобы не запутаться. Хотя я должен оставаться американцем... Ведь вы приготовили мне американские документы.

Мэйнуоттеринг сказал похоронным тоном:

— Если, как вы говорите, этот инцидент с курганом появился даже в известном сборнике рассказов, то могу представить себе, сколько придет к нам запросов. Ваш был первым, пришло еще два: из 1923-го и 1960-го. Боже, почему мне не разрешают иметь секретаря-робота?

Эверард с трудом напялил на себя непривычный костюм. Он был ему, конечно, впору, так как размеры одежды всех агентов хранились в любом отделении, но он раньше никогда не подозревал, до чего удобен его прежний костюм. Черт бы побрал этот жилет!

— Послушайте, — сказал он, — во всем этом не должно быть ничего опасного. Строго говоря, если уж мы очутились здесь, значит, ничего опасного и не было.

— На данный момент, — ответил Мэйнуоттеринг. — Но допустим, вы возвращаетесь во времена ютов и находите мародера. Возможно, он убьет вас до того, как вам удастся убить его; возможно, он найдет способ уничтожить и тех, кого мы пошлем за вами. Тогда, естественно, ему удастся произвести промышленную революцию или чего он там еще добивается. История изменится. Вы, попав туда до поворотного момента, все еще существуете... даже если мертвы... нас же здесь никогда не было. Этой беседы никогда не было. Как говорил Гораций...

— Неважно! — засмеялся Уиткомб. — Сначала посмотрим, что там у них в кургане в этом году, затем вернемся сюда и на месте решим, что делать дальше.

Наклонившись, он стал перекладывать свои вещи из современной дорожной сумки в цветастое чудовище, именовавшееся во времена Гладстона саквояжем: пару пистолетов, физические и химические приборы, еще неизвестные в это время, крошечный передатчик, с помощью которого можно было связаться с отделением в случае опасности.

Мэйнуоттеринг сверился со справочником.

— Вы можете уехать завтра утром с вокзала Черинг Кросс на 8.23, — сказал он. — Отсюда до вокзала полчаса ходьбы.

— Отлично.

Эверард и Уиткомб вновь сели в скуттер и исчезли. Мэйнуоттеринг вздохнул, зевнул, оставил своему клерку указания и пошел домой. Когда в 7.45 минут утра скуттер вновь появился в конторе, клерк был уже на месте.

4

Впервые Эверард действительно почувствовал реальность путешествий во времени. Он понимал их умом, восхищался ими, но ощущал их как своего рода экзотику. Сейчас же, трясясь по Лондону, которого он не знал, в двухколесном кэбе (не в стилизованном под старину экипаже для туристов, а в самой настоящей пыльной и расхлябанной коляске, которой пользовались для поездок), вдыхая утренний воздух, в котором чувствовалось больше дыма, чем в городе двадцатого века, но не было бензиновых паров; видя толпы проходящих людей: джентльменов в котелках и цилиндрах, чернорабочих, женщин в длинных платьях — не актеров, а живших, настоящих людей, болтающих, смеющихся, грустных и усталых, спешащих по своим делам, — он по-настоящему осознал, где он находится. Его мать еще не появилась на свет, его бабушка и дедушка были еще молодой парой, собиравшейся пожениться; Гровер Кливленд был президентом Соединенных Штатов, Виктория — королевой Англии, Киплинг сочинял свои произведения, а последнему восстанию индейцев в Америке еще предстояло произойти... Эверард испытал настоящее потрясение.

Уиткомб воспринимал происходящее более спокойно, но и он, не отрывая глаз, смотрел на Англию в дни ее славы.

— Я начинаю понимать, — прошептал он. — Историки никак не могли прийти к согласию, была ли это эпоха претенциозных светских условностей и чуть прикрытой жестокости или расцвет западной цивилизации накануне ее упадка. Глядя на этих людей, я понимаю: это было и то и другое, потому что нельзя просто измерить это время одной общей меркой; оно складывалось из миллионов жизней разных людей.

— Конечно, — ответил Эверард. — То, что ты говоришь, справедливо для любого века.

Поезд был почти обычным и мало отличался от таких же английских поездов в году 1947 от Рождества Христова, что дало Уиткомбу повод съязвить насчет английского консерватизма и пристрастия к традициям. Через несколько часов состав подкатил к небольшой деревенской станции, окруженной ухоженными клумбами. Здесь путешественники наняли экипаж до поместья Уиндема.

Вежливый полицейский задал им несколько вопросов. Они представились как археологи: Эверард — из Америки и Уиткомб — из Австралии, которые спешили к лорду Уиндему и были потрясены известием о его трагической смерти. Мэйнуоттеринг, который, казалось, имел своих людей повсюду, снабдил их рекомендательными письмами от известного специалиста, работающего в Британском музее. Инспектор Скотланд Ярда согласился допустить их к кургану. «Преступление раскрыто, джентльмены, улик вы больше не найдете, даже если мой коллега и не согласен, ха, ха!» Частный сыщик кисло улыбнулся и, прищурив глаза, оглядел новоприбывших; он был высок, худ, в лице его виделось что-то ястребиное. Он всюду ходил в сопровождении какого-то хромого усатого мужчины, видимо секретаря.

Длинный и высокий курган зарос травой; там, где было раскопано место захоронения, зияло отверстие.

Когда-то внутренность кургана была обшита грубо обтесанными бревнами, но они давно сгнили; остатки того, что было некогда деревом, валялись на земле.

— В газетах говорилось о каком-то металлическом сундучке, — сказал Эверард. — Не могли бы мы взглянуть и на него?

Инспектор согласно кивнул головой и провел их в здание, где на столе лежали главные находки археологов. Кроме небольшого железного сундучка здесь находилось всего лишь несколько кусков ржавого металла и сломанных костей.

— Гм-м, — пробурчал Уиткомб.

Он задумчиво смотрел на гладкую поверхность сундучка. Она слегка отливала голубоватым цветом — это

был нержавеющий сплав, которому еще предстояло быть открытым.

— Очень странно. Совсем непохоже на примитивные изделия древних. Можно подумать, что его сделали на станке, верно?

Эверард осторожно подошел и встал рядом. Он слишком хорошо представлял себе, что находится внутри, и думал о необходимых предосторожностях, естественных для жителя так называемого атомного века. Вынув из саквояжа счетчик, он поднес его к сундучку. Стрелка отклонилась — не очень сильно, но все же...

— Интересная какая у вас штука, — сказал инспектор. — Могу я спросить, что это такое?

— Экспериментальный электроскоп, — соврал Эверард.

Он осторожно приоткрыл крышку и поднес счетчик вплотную. Боже милосердный! Радиоактивности было достаточно, чтобы убить человека в один день! Он едва взглянул на тускло-серые слитки металла и сразу же захлопнул сундучок.

— Будьте с этим осторожны, — сказал он дрожащим голосом. Слава Всевышнему: кто бы ни подбросил в курган этот чертов сундучок, появился он из того века, когда уже знали, как защититься от радиации.

Частный сыщик бесшумно подошел и стал за их спиной. Его худое лицо загорелось азартом охотника, увидевшего добычу.

— Итак, вы опознали содержимое, сэр? — спросил он спокойно.

— Да. По-моему, опознал.

Эверард вспомнил, что Беккерель откроет радиоактивность не раньше, чем через два года, даже рентгеновские лучи будут открыты не ранее, чем через год. Ему следовало быть осторожным.

— Дело в том, что... индейцы рассказывали мне, будто находили руду, похожую на эту, и она была ядовитой...

— Чрезвычайно интересно.

Детектив принялся набивать большую трубку.

— Наподобие ртутных паров, да?

— Значит, это Ротерит подложил сундучок в могилу? — прошептал инспектор из Скотланд Ярда.

— Что за нелепость, — отрезал сыщик. — Я располагаю тремя грушами неопровержимых доказательств полной невиновности Ротерита. Я только не мог понять, в чем причина смерти лорда Уиндема. Но джентльмен говорит, что в этом кургане находился смертельный яд. Наверное, чтобы отпугнуть гробокопателей? Странно, однако, как это к саксам попал американский минерал? Возможно, в этих теориях о ранних путешествиях финикийцев через Атлантику есть доля истины. Я в свое время немного занимался исследованиями, чтобы подтвердить свою гипотезу о наличии халдейских элементов в уэльском языке. Эта находка, похоже, подтверждает мою гипотезу.

Эверард испытывал чувство вины перед археологией. Ну да ладно: в любом случае сундучок этот бросят в Ла-Манш и навсегда о нем забудут. Они с Уиткомбом ретировались, как только позволили приличия. По пути в Лондон, уже в купе вагона, где они были только вдвоем, англичанин вынул из кармана кусочек сгнившего дерева.

— Сунул в карман там, на кургане, — сказал он. — Это поможет нам разобраться в датах. Дай мне, пожалуйста, радиоуглеродный счетчик.

Он сунул кусок дерева в отверстие прибора, нажал нужные кнопки и прочитал готовый ответ.

— Год одна тысяча четыреста тридцатый плюс-минус десять лет. Курган был насыпан примерно... гм... в четыреста шестьдесят четвертом году, когда юты только-только начали осваиваться в Кенте.

— Если до сих пор в этих слитках такая чертовская сила радиоактивности, — прошептал Эверард, — хотел бы я знать, какова она была первоначально! Трудно себе представить, чтобы такая высокая радиоактивность сочеталась с таким долгим периодом полураспада, но в будущем уже умеют так использовать атом, как в мое время и не снилось.

Доложив о результатах своей поездки Майнуоттерингу, они целых два дня пробродили по окрестностям, пока он связывался с различными временными периодами и приводил в действие сложный механизм Патруля. Эверарду очень нравился Лондон викторианской

эпохи, несмотря на его угрюмость и нищету. У Уиткомба в глазах застыло мечтательное выражение.

— Я бы хотел жить в эту эпоху, — сказал он.

— Да ну? При таком уровне медицины и с такими зубными врачами?

— Зато без всяких бомб, — ответил Уиткомб.

Когда они вернулись в контору, у Мэйнуоттеринга все было готово. Попыхивая сигарой, расхаживая взад и вперед и заложив за спиной пухлые руки под полы сюртука, он с удовольствием сыпал полученными сведениями.

Происхождение металла установлено с довольно большой точностью. Изотопное топливо примерно из тридцатого века. Проверка показала, что торговец из империи Инг отправился в год 2987, чтобы обменять свое сырье на синтроп, секрет которого был утрачен в период Междуцарствия. Естественно, он принял меры предосторожности, представлялся всем как купец из системы Сатурна, но тем не менее таинственно исчез. Так же как и его машина времени. Вероятно, кто-то из 2987 года выяснил, кто он такой, и уничтожил его, чтобы завладеть скуттером. Патруль был оповещен, но следов машины обнаружить не удалось. В конце концов скуттер был найден в Англии пятого века двумя патрульными по имени — ха, ха! — Эверард и Уиткомб!

— Но если мы уже все сделали, к чему беспокоиться? — ухмыльнулся американец.

Мэйнуоттеринг был явно шокирован.

— Но, дорогой мой, вы же еще не справились с этим делом. С точки зрения периода нашего с вами биологического существования, работу еще предстоит выполнить. И пожалуйста, не будьте так уверены в успехе только потому, что в истории он уже значится. Время гибко и изменчиво; каждый человек наделен свободной волей. Если у вас ничего не выйдет, история изменится, ваш успех нигде не будет отмечен, словно я и не говорил всего того, что вы только что слышали. Именно так бывало, если термин «бывало» верен, в тех немногих случаях, когда Патруль не добивался успеха. Над этими казусами продолжается работа, и если успех все же будет достигнут, история изменится, и окажется, что этот успех существовал «всегда», с самого начала.

— Ну хорошо, хорошо, я просто пошутил, — сказал Эверард.

Оказалось, что даже в Патруле мало осведомлены о том темном периоде, когда римляне оставили Англию (римско-бриттская цивилизация распадалась, и на ее место приходили англы). Эта эпоха никогда не казалась особенно важной. Отделение в Лондоне 1000 года прислало те сведения, которыми располагало, а также одежду, которую носили в те времена.

Эверард и Уиткомб воспользовались гипноизлучателем и уже через час вполне достаточно знали обычаи того времени и могли свободно изъясняться на латыни и нескольких саксонских и ютских диалектах.

Одежда была неудобной: штаны, рубашки, куртки из грубой шерсти и кожаные плащи с бесчисленным множеством ремешков и завязок. Длинные парики из льняных нитей скрыли современные прически; на чисто выбритые лица могли не обратить внимания даже в пятом веке. У Уиткомба на поясе висел топор, у Эверарда — меч, изготовленные для них из особо твердой стали, но они больше полагались на звуковые станнеры, спрятанные под куртками. Латы присланы не были, но в скуттере, в седельной сумке, оказалось два мотоциклетных шлема, которые не должны были привлекать особого внимания в век самодельных вещей и орудий и к тому же были много удобнее и прочнее, чем настоящие шлемы той эпохи. Они захватили с собой также кое-какую еду и несколько кувшинов великолепного викторианского пива.

— Чудесно.

Мэйнуоттеринг вынул из кармана часы и взглянул на циферблат.

— Я жду вас обратно, скажем... в четыре часа? Я вызову несколько вооруженных патрульных на случай, если вы вернетесь с пленником, а потом зайдем ко мне и выпьем по чашке чаю.

Он пожал им руки.

— Доброй охоты!

Эверард вскочил в скуттер, включил прибор, настроил программатор на год 464, курган в Аддлтоне, полночь, и нажал кнопку «Пуск».

5

Была полная луна. Под ней лежала земля, большая и пустынная, на горизонте темнел силуэт леса. Где-то завыл волк. Курган уже был насыпан, они прибыли слишком поздно.

Включив антигравитационную установку, они пролетели низко над густым тенистым лесом. Примерно в миле от кургана находилась деревня — большое строение из обтесанных бревен — и вокруг него постройки поменьше, обнесенные оградой. Высвеченная полной луной деревня безмолвно лежала перед ними.

— Возделанные поля, — заметил Уиткомб. Голос его звучал приглушенно в окружающей тишине. — Юты и саксы были в основном йоменами, они пришли сюда в поисках новых земель. Представь себе только: совсем недавно отсюда прогнали бриттов.

— Надо разузнать насчет этого захоронения, — сказал Эверард. — Может, нам следует вернуться еще немного назад, к моменту, когда курган засыпали. Хотя нет, все-таки безопаснее расспросить сейчас; если по поводу этого кургана и ходили всякие слухи и легенды, они уже улеглись. Скажем, завтра утром.

Уиткомб кивнул, Эверард опустил скуттер в заросли и настроил программатор на пять часов вперед. Ослепительное солнце вставало на северо-востоке, птицы вовсю щебетали, густая трава была мокрой от росы. Сойдя со скуттера, они отправили его с космической скоростью на десять миль от земли, где он и должен был находиться до получения радиоимпульса от крошечного передатчика, который был вмонтирован в их шлемы.

Они открыто подошли к деревне, отгоняя топором и мечом, повернутыми плашмя, довольно диких на вид рычащих и лающих собак. Войдя во двор за ограду, они обнаружили, что он незамощен и покрыт густой грязью и навозом. Несколько голых растрепанных ребятишек глазели на них из плетеных, обмазанных глиной хижин. Девушка, доившая низкорослую корову, вскрикнула; коренастый мужчина с низким лбом, возившийся со свиньями, схватился за копье. Сморщив нос, Эверард подумал о том, что неплохо было бы

привести сюда кое-кого из современных ему чересчур горячих апологетов теории «благородных нордических предков».

В дверях большого строения появился седобородый человек с топором в руке. Как и все люди его эпохи, он был на несколько дюймов ниже среднего человека двадцатого века. Перед тем как поздороваться, он внимательно оглядел их.

Эверард вежливо улыбнулся.

— Я зовусь Уффа Хундингссон, а это — мой брат, он зовется Кнуби, — сказал он. — Мы купцы из Ютландии, приехали сюда торговать в Кентербери. (Он произнес это название Кантуарабириг, как было принято в том веке.) Мы шли с того места, где пристал наш корабль, и заблудились, проплутали всю ночь по лесу и вот подошли к твоему дому.

— Я зовусь Ульфнот, сын Альфреда, — сказал йомен. — Входите и разделите с нами трапезу.

Большая темноватая комната была полна дыма и до отказа набита людьми: детьми Ульфнота, их женами, мужьями и детьми, арендаторами Ульфнота, женами, детьми и внуками арендаторов. Завтрак состоял из полусырой свинины, которую запивали из рогов слабым кисловатым пивом. Вести разговор было нетрудно: как все люди, живущие вдалеке от других поселений, они были рады посплетничать. Труднее было придумать правдоподобный рассказ о том, что происходит в Ютландии. Раз или два Ульфнот, который отнюдь не был дураком, ловил их на какой-нибудь ошибке, но Эверард твердо отвечал:

— Это ложные слухи. Иной раз происходит ужасная путаница, пока вести идут из-за моря.

Впрочем, разговоры о погоде и урожае мало отличались от тех, которые велись на Среднем Западе в двадцатом веке.

Только позже Эверарду удалось спросить о кургане. Ульфнот нахмурился, а его тучная беззубая жена торопливо повернулась к деревянному идолу и сделала рукой какой-то охранительный знак.

— Негоже говорить об этом, — пробормотал ют. — Я бы желал, чтобы волшебник не был похоронен на моей земле. Но он был другом моего отца, умершего в

прошлом году, а отец и слышать не хотел о том, чтобы курган насыпали не здесь.

— Волшебник? — Уиткомб навострил уши. — Что это за история?

— Ну что ж, — сказал Ульфнот. — Могу вам рассказать. Шесть лет назад в Кентербери пришел незнакомец по имени Стейн. Он, наверно, был из далеких стран, потому что не говорил ни на языке бриттов, ни на языке англов. Но король Хенгист милостиво принял его, а потом Стейн научился нашему языку. Он поднес королю странные, но хорошие подарки. Этот человек умел давать хитроумные советы, и король все больше полагался на него во всех делах. Никто не смел перечить Стейну, потому что у него была палка, которая метала молнии. Он разрушал своими молниями скалы, а в битве с бриттами сжигал заживо людей. Многие думали, что он бог Вотан, но этого не может быть, раз он умер.

— Вот как. — Эверард почувствовал, как в нем растет нетерпение. — А чем он занимался, пока жил?

— О... я же говорил, он давал королю мудрые советы. Это он предложил, чтобы мы перестали убивать бриттов и звать сюда в Кент наших родичей из страны ютов. Он говорил, что лучше жить в мире с местными жителями. Он считал, что наша сила и знания бриттов, перенятые от римлян, помогут нам построить могущественное королевство. Может, он и был прав, хотя я-то сам не вижу смысла во всех этих книгах и баснях, не говоря уже об их непонятном Боге с крестом. Как бы то ни было, он был убит три года назад какими-то людьми и похоронен как подобает — с жертвенными животными и теми пожитками, что не забрали его враги. Дважды в год мы приносим жертвы на его могиле, и, должен сказать, его дух не тревожит нас. Но все-таки мне как-то не по себе...

— Три года, — прошептал Уиткомб. — Понятно...

Им удалось уйти только через час, и Ульфнот настоял, чтобы мальчик проводил их до реки. Эверард, которому вовсе не хотелось идти пешком в такую даль, усмехнулся и на полдороге вызвал по радио скуттер. Когда они с Уиткомбом забрались на сиденья, он сказал насмерть перепуганному мальчишке:

— Знай, что у вас гостили великие боги, Вотан и Тор, которые охранят твой род на долгие годы от всяких бед.

Затем он нажал кнопку и отправил скуттер сразу на три года назад.

— Сейчас самое трудное, — сказал он, глядя из кустарника на ночную деревню.

Курган еще не был насыпан, волшебник Стейн был еще жив.

— Мальчишку нетрудно было обмануть нашим волшебством, но сейчас нам предстоит добраться до человека, который живет в большом городе и который к тому же — правая рука самого короля! Притом у него есть бластер.

— По-видимому, нам это удалось... или удастся, — сказал Уиткомб.

— Не обязательно. Если у нас ничего не получится, Ульфнот расскажет нам через три года совсем другую историю, возможно, что Стейн сейчас находится у него — тогда он сможет убить нас дважды! И Англия пятого века, которую Стейн втащит в эпоху неоклассической культуры, пойдет совсем не тем путем, который превратил ее в страну, известную тебе в 1894 году... Интересно, чего же добивается Стейн?

Он поднял скуттер в воздух и направил его в сторону Кентербери. Ночной ветерок овевал его лицо. Вскоре появились очертания города, где они опустились на землю в какой-то рощице. Луна освещала полуразрушенные римские стены древнего Дуровернума с черными пятнами там, где юты пытались заделывать дыры глиной и досками. Никто не мог войти в город после захода солнца.

Скуттер вновь перенес их к полудню следующего дня, и вновь они отослали его в небо. Завтрак, который они съели — два часа назад и через три года в будущем, — вызывал у Эверарда легкую тошноту. Они шли по разбитой римской дороге в направлении города. Движение по дороге было довольно оживленным: большинство проезжающих составляли крестьяне, которые везли на базар свои продукты в скрипучих повозках, запряженных быками. У ворот их остановили два стражника довольно злодейского вида и спросили, за-

чем они идут в город. На сей раз они представились посланниками купца, который поручил им побывать у городских ремесленников. Стражники глядели весьма недружелюбно. Уиткомб сунул им несколько римских монет; скрещенные копья разошлись, и они вошли в город.

Город шумел и бурлил вокруг них, но больше всего на Эверарда снова подействовал какой-то особый запах. Среди торопливо снующих ютов он заметил несколько романо-бриттов, презрительно подбиравших свои ветхие туники, чтобы не коснуться этих дикарей. Все это было бы смешно, если бы не вызывало жалости.

Необычайно грязная гостиница располагалась в покрытых мхом стенах дома, когда-то принадлежавшего богатому римлянину. Эверард и Уиткомб обнаружили, что их деньги в большой цене здесь, где торговля представляла собой главным образом натуральный обмен. Угостив посетителей вином, они очень быстро узнали все, что им было нужно. «Дворец короля Хенгиста находится в центре города... не дворец, а дом, старый дом, который бесстыдно разукрасили по указке этого чужеземца Стейна... я не хочу сказать, что наш добрый и храбрый король в руках... не пойми меня неправильно, незнакомец... да, только в прошлый месяц... что? да, Стейн! Он живет в доме рядом с королем. Странный человек, некоторые говорят, что он — бог... в девушках он разбирается... да, говорят, это он затеял все эти мирные переговоры с бриттами. Столько развелось в городе этих гадов, а честный человек даже не может пустить им кровь без того, чтобы... конечно, Стейн очень мудр, я против него ничего и не имею, понятно, он еще умеет метать молнии...»

— Итак, что нам делать? — спросил Уиткомб, когда они очутились в своей комнате. — Просто пойти и арестовать его?

— Нет. Сомневаюсь, что это возможно, — что-то обдумывая, ответил Эверард. — У меня есть план, но все зависит от того, чего этот человек в действительности добивается. Пойдем, попробуем получить аудиенцию.

Поднявшись с соломенного матраца, служившего постелью, Эверард стал чесаться.

— Черт! Этот век нуждается не в грамоте, а в хорошем дусте.

Дом Стейна был тщательно реставрирован: его белый с портиками фасад выглядел почти болезненно чистым среди окружающей его грязи. На ступенях прохлаждались два стражника, вытянувшиеся по стойке «смирно» при их приближении. Эверард сунул им деньги и сказал, что у него есть новости, которые наверняка заинтересуют великого волшебника.

— Скажите ему «Человек из завтра». Это — пароль. Понял?

— Но эти слова не имеют смысла, — сказал стражник.

— Пароль и не должен иметь смысл! — высокомерно произнес Эверард.

Ют ушел, скорбно покачав головой. Все эти новомодные словечки!

— Разумно ли это? — спросил Уиткомб. — Знаешь, сейчас он будет настороже.

— Я знаю еще, что такая важная персона не станет тратить время на каждого встречного. Это срочное дело! Пока он не совершил еще ничего необратимого, даже не успел стать легендой. Но если Хенгист действительно вступит в союз с бриттами...

Стражник вернулся, проворчал что-то и повел их вверх по ступенькам, через перистиль. Дальше находился атриум, большое помещение, в котором выделанные медвежьи шкуры совершенно не вязались с полированным мрамором и выцветшими фресками. У грубого деревянного ложа сидел человек. Когда они вошли, он поднял руку, и Эверард увидел направленное на них узкое дуло бластера тридцатого века.

— Отведите руки в стороны и не двигайтесь, — мягко сказал человек. — В противном случае мне придется убить вас громом и молнией.

Уиткомб судорожно перевел дыхание, но Эверард вроде как ожидал этих слов. Тем не менее и ему стало не по себе.

Волшебник Стейн был человеком небольшого роста, в вышитой тунике из тонкой ткани. У него было гибкое тело, большая голова, а лицо, почти скрытое под шап-

кой черных волос, чем-то привлекало, несмотря на свое уродство. Губы его кривились в напряженной улыбке.

— Обыщи их, Эдгар, — приказал он. — Вынь то, что у них может быть спрятано под одеждой.

Ют был неуклюж, но станнеры он нашел и бросил их на пол.

— Можешь идти, — сказал Стейн.

— Но ты не в опасности, господин? — спросил воин.

Стейн улыбнулся еще шире.

— С этим в моей руке? Нет, ты можешь идти.

Эдгар вышел.

«По крайней мере, у нас есть топор и меч, — подумал Эверард. — Впрочем, от них мало толку при этой штуке, что нацелена прямо на нас».

— Так вы пришли из завтра? — прошептал Стейн.

Внезапно на лбу его выступил пот.

— Это интересно. Вы говорите на позднеанглийском языке?

Уиткомб открыл было рот, но Эверард, зная, что они рискуют жизнью, быстро вывел его из игры.

— О каком языке вы говорите?

— Вот этом.

Стейн перешел на английский язык со странным выговором, но все же понятным жителям двадцатого века.

— Знать хочу, кто вы, откуда, из какого времени, что вам надо. Говорите правду, или я сожгу вас.

Эверард покачал головой.

— Нет, — ответил он на ютском, — я вас не понимаю.

Уиткомб бросил на него быстрый взгляд, но ничего не сказал, решив не мешать американцу.

Нервы Эверарда были напряжены до предела — с мужеством отчаяния он понимал, что малейшая ошибка грозит им смертью.

— В наше время говорят так...

И он перешел на мексиканско-испанский диалект, коверкая его как можно сильнее.

— Вот как... латинский язык! — Глаза Стейна блеснули. Бластер в его руке задрожал. — Из какого же вы времени?

— Двадцатый век от Рождества Христова, и наша страна зовется Лайонесс. Она лежит за западным океаном...

— Америка! — Это прозвучало, как всхлип. — Ее когда-нибудь называли Америкой?

— Нет. Не понимаю, о чем вы говорите.

Стейн весь задрожал, но быстро взял себя в руки.

— Знаете латынь?

Эверард кивнул.

Стейн нервно рассмеялся.

— Тогда давайте говорить по-латыни. Если бы вы только знали, как я устал от здешнего свинского языка...

По-латыни он тоже говорил с некоторыми ошибками, — видимо, он выучил ее уже в этом веке, — но достаточно свободно. Он помахал бластером.

— Просите мое негостеприимство. Но мне следует быть осторожным!

— Естественно, — сказал Эверард. — Да... мое имя Менциус, а моего друга зовут Ювенал. Как вы уже догадались, мы из будущего, историки, способ передвижения во времени у нас только что открыт.

— На самом деле я — Розер Штейн из 2987 года. Вы... обо мне слышали?

— А как же! — сказал Эверард. — Мы предприняли это путешествие в поисках загадочного Стейна, который, как полагают, определил поворотный пункт истории. Мы подозревали, что он путешественник во времени — perigrinator temporis. Теперь мы знаем наверняка.

— Три года.

Штейн взволнованно заходил по комнате, размахивая бластером. Но он был еще слишком далеко для внезапного прыжка.

— Я здесь уже три года. Если бы вы только знали, как часто я лежал бессонными ночами и думал, удастся мне это или нет... Скажите мне, ваш мир пришел к единству?

— Земля и планеты, — сказал Эверард. — Уже очень давно.

Внутренне он задрожал. Его жизнь зависела от того правильно ли он угадает, чего добивается Штейн.

— И вы свободный народ?

— Конечно. То есть у нас есть император, но все законы издает Сенат, и он избирается народом.

Похожее на маску гнома лицо Штейна выразило почти священный восторг. Черты его исказились.

— Все, как я мечтал, — прошептал Штейн. — Благодарю вас.

— Значит, вы отправились в прошлое, чтобы... творить историю?

— Нет, — сказал Штейн. — Чтобы изменить ее.

Слова полились из него потоком, как будто он мечтал выговориться, но много лет не смел это сделать.

— Я тоже был историком. Совершенно случайно я повстречался с человеком, который всем представлялся как купец с лун Сатурна, но я там жил когда-то и сразу же понял, что он лжет. Потом я докопался до истины. Это был путешественник во времени — из очень далекого будущего.

Вы должны понять, что век, в котором я жил, был ужасен, и как психо-историк я понимал, что война, нищета и тирания, которые были нашим проклятьем, происходили не от зла, внутренне присущего всем людям, а от того, что весь мир был построен не так. Высокая техника развивалась в разделенном мире, войны становились все более ужасными и разрушительными. Были, конечно, и периоды спокойствия, даже относительно долгие, но зло пустило слишком глубокие корни, столкновения стали неотъемлемой частью нашей цивилизации. Вся моя семья погибла во время венерианского налета, мне нечего было терять. Я захватил машину времени после того, как... устранил ее владельца. Самая большая ошибка, думал я, была сделана в глубоком прошлом, в средние века. Рим объединил в мире великую державу, а когда есть мир, то есть и справедливость. Но Рим истощил себя, империя распадалась. Варвары были жизнеспособны, они многого могли бы добиться, но слишком легко поддавались коррупции. Другое дело — Англия. Она была изолирована от загнивавшего римского общества. Ее наводнили германцы, грязные полузвери, обладавшие силой и желанием учиться. В моей истории они просто уничтожили цивилизацию бриттов, а затем, будучи умственно бес-

помощными, сами были поглощены новым и беспощадным врагом, цивилизацией, которая называется западной. Я хотел, чтобы история шла иным путем. Это было нелегко. Не представляете, как это трудно — выжить в незнакомом для тебя веке, пока ты не научился приспосабливаться, даже если у тебя и есть современное оружие и хорошие дары для короля. Но сейчас я добился уважения Хенгиста и доверия бриттов. Я могу объединить эти два народа в борьбе против пиктов. Опираясь на силу саксов и римскую культуру, Англия станет единым королевством, достаточно могущественным, чтобы противостоять любому вторжению. Христианство, конечно, неизбежно, но я прослежу, чтобы это было христианство, которое делает людей образованней и лучше, а не сковывает их догмами. В итоге Англия сможет постепенно овладевать государствами, расположенными на континенте, и вот мир станет единым. Я останусь здесь, пока не создам союз против пиктов, затем исчезну, но пообещаю вернуться позже. Если я буду появляться, скажем, каждые пятьдесят лет в течение нескольких веков, я стану легендой, богом, который не даст им свернуть с намеченного пути.

— Я много читал о Святом Стэниусе, — медленно проговорил Эверард.

— Я добился своего! — вскричал Штейн. — Я дал миру — мир!

По его щекам текли слезы.

Эверард придвинулся ближе. Штейн направил бластер ему в живот, все еще не вполне доверяя. Эверард чуть обошел его кругом, и Штейн тоже повернулся, чтобы держать его под прицелом. Но он был настолько опьянен кажущимися доказательствами своей победы, что совсем забыл об Уиткомбе. Через плечо Эверард бросил на англичанина выразительный взгляд.

Уиткомб замахнулся топором. Эверард бросился на пол. Штейн вскрикнул, и из дула бластера вырвалась молния. Топор рассек Штейну плечо. Уиткомб прыгнул и схватил его за руку, держащую бластер. Штейн застонал, пытаясь повернуть бластер. Эверард вскочил с пола и бросился на помощь Уиткомбу. Наступило минутное замешательство.

Затем бластер выпустил еще одну молнию, и Штейн мертвым грузом повис у них на руках. Кровь, хлещущая из огромной раны у него на груди, залила их одежду.

Вбежали двое стражников. Эверард подхватил с пола свой станнер, оглушающий противника до бесчувственного состояния. Копье задело его руку. Он дважды выстрелил, и стражники упали на пол. Они должны были прийти в себя не раньше, чем через несколько часов.

Пригнувшись, Эверард прислушался. Откуда-то в доме раздался женский крик, послышалась какая-то возня, но в комнату никто не вошел.

— Кажется, все в порядке, — сказал он, задыхаясь.

— Да.

Уиткомб взглянул на труп, лежащий между ними. Он казался маленьким и жалким.

— Я не хотел его смерти, — сказал Эверард. — Но время... не знает жалости. Наверно, так было записано.

— Лучше такая смерть, чем суд Патруля и высылка на отдаленную планету, — сказал Уиткомб.

— Юридически, по крайней мере, он был вором и убийцей, — сказал Эверард. — Но его мечта была великой мечтой.

— А мы уничтожили ее.

— Ее могла уничтожить история. И, наверно, должна была уничтожить. Один человек недостаточно могуч или мудр, чтобы быть в ответе за будущее планеты. Мне кажется, что большинство человеческих несчастий и бед происходит как раз из-за таких вот фанатиков с добрыми намерениями.

— Значит, наше дело — просто сидеть сложа руки и принимать все, что случится? Подумай о всех своих друзьях в 1947-м. Они бы просто никогда не родились на свет.

Уиткомб снял с себя плащ и попытался оттереть кровь с одежды.

— Пойдем, — сказал Эверард.

Они прошли через здание к заднему портику. Испуганная наложница проводила их взглядом. Чтобы попасть в следующую дверь, Эверарду пришлось выжечь замок бластером. В комнате стояла Инговая модель машины времени, [illegible] коробок с оружием [illegible]

ницией и книги. Эверард погрузил в машину все, кроме сундучка с радиоактивным металлом. Его надо было оставить, чтобы в будущем узнать о его существовании, вернуться за ним и помешать человеку, который хотел быть богом.

— Не хочешь отправиться в этой машине? — спросил он у Уиткомба. — Я тем временем заберу наш скуттер и встречу тебя в конторе, в 1894-м.

Уиткомб ответил ему долгим взглядом. Лицо у него было печальное, но постепенно на нем появилось выражение решимости.

— Ладно, старина, — сказал англичанин.

Он улыбнулся — почти грустно — и пожал Эверарду руку.

— Пока. Желаю удачи.

Эверард смотрел ему вслед, пока он входил в серый стальной цилиндр. Странное у них вышло прощание, если учесть, что через каких-нибудь несколько часов они будут вместе пить чай в 1894 году.

Беспокойство грызло его и тогда, когда он уже покинул здание и смешался с толпой. Странный парень этот Чарли. Что ж...

Никто не помешал ему выйти из города и направиться в рощу. Он вызвал скуттер и, несмотря на то, что следовало торопиться, чтобы случайный прохожий не полюбопытствовал, что за птица приземлилась в этих кустах, открыл кувшин с элем. Ему сейчас было просто необходимо выпить. Затем он в последний раз взглянул на Старую Англию и настроил программатор на год 1894.

Мэйнуоттеринг и его охрана были на месте. Сначала они встревожились, увидев только одного человека, всего забрызганного кровью, но Эверард быстро рассеял их опасения на этот счет.

Пока он помылся, побрился и продиктовал рапорт секретарю, прошло довольно много времени. Уиткомб давно уже должен был приехать в кэбе, но о нем не было ни слуху ни духу. Мэйнуоттеринг вызвал по радио склад и нахмурился.

— Его еще нет, — сказал он. — Что-нибудь могло случиться?

— Вряд ли. Эти машины времени безотказны.

Эверард закусил губу.

— Не знаю, в чем дело. Может быть, он меня не понял и отправился к себе в 1947-й?

После запросов выяснилось, что Уиткомб не доложил о своем прибытии и у себя.

Эверард и Мэйнуоттеринг пошли выпить по чашке чая. Когда они вернулись, от Уиткомба все еще не было никаких известий.

— Я думаю, надо оповестить разъездной патруль, — сказал Мэйнуоттеринг. — А что? Они быстро его разыщут.

— Нет. Погодите.

Эверард на минуту задумался. Он начал понимать, что произошло. И мысль эта была ужасна.

— У вас есть какие-либо предположения?

— Да. Кое-какие есть.

Эверард принялся поспешно стаскивать с себя викторианскую одежду. Руки его дрожали.

— Дайте мне мои вещи двадцатого века, пожалуйста. Я, может быть, найду его сам.

— Патруль требует от вас предварительного доклада о ваших предположениях и намерениях, — напомнил Мэйнуоттеринг.

— К черту Патруль! — ответил Эверард.

6

Лондон, 1944-й. Ранняя зимняя ночь и пронзительный холодный ветер, продувающий темные улицы. Где-то слышится взрыв, вспыхивает огонь, красные языки пламени, точно флаги, полощутся над крышами.

Эверард остановил свой скуттер прямо на панели — при обстрелах фау-снарядами все равно никто не выходил из дому — и медленно пошел по сумеречной улице. 17 ноября — тренированная память услужливо подсказала ему нужную дату. День смерти Мэри Нельсон.

Он вошел в будку телефона-автомата на углу и стал листать телефонный справочник. Нельсонов было много, но Мэри Нельсон в районе Стритхема была только одна.

Это, конечно, мать. Он догадался, что дочь зовут так же. Не знал он и времени, когда упал снаряд, но это-то как раз было нетрудно выяснить.

Когда он выходил из будки, рядом раздался взрыв. Он свалился на тротуар ничком, и осколки стекла просвистели мимо. 17 ноября 1944 года. Мэнс Эверард — тогда он был моложе, — лейтенант инженерного корпуса США, в это время находился где-то за Ла-Маншем неподалеку от немецких пушек. Он не мог сейчас точно припомнить, где именно, да и зачем? Это не имело значения.

Он знал, что в эту бомбежку с ним лично ничего не случится.

Новая вспышка высветила пространство за его спиной, пока он бежал к своему скуттеру. Он прыгнул на сиденье и поднялся в воздух. С высоты он не увидел города — только мрак и пятна огня. Вальпургиева ночь! Ад на земле!

Он хорошо помнил Стритхем — скучные ряды кирпичных домов, населенных клерками, зеленщиками и механиками, именно они поднялись на борьбу с силой, перед которой склонилась вся Европа. В 1943-м здесь жила одна девушка... Потом она вышла замуж за другого.

Он летел низко, пытаясь найти нужный дом. Неподалеку поднялся столб огня. Скуттер затрясся, Эверард чуть не вылетел из седла. Потом он увидел, как развалилось и запылало какое-то здание. Всего в трех кварталах от дома Нельсонов.

Он опоздал!

Нет!

Он взглянул на часы — десять тридцать — и перепрыгнул на два часа назад. Ночь уже наступила, но разбомбленный дом прочно стоял на своем месте. На секунду ему захотелось предупредить всех, живущих в нем. Но нет. Люди гибли сейчас во всем мире. Он не Штейн, чтобы взваливать на свои плечи историю.

Эверард усмехнулся, остановил скуттер и вошел в ворота. Он ведь и не из этих проклятых данеллиан. Эверард постучал, и дверь открылась. Женщина средних лет глядела на него из полумрака, и он вдруг

понял, что ее удивил его штатский костюм. Она не привыкла видеть американцев в штатском.

— Простите, — сказал он, — вы ведь знаете мисс Мэри Нельсон?

— Конечно. — Женщина заколебалась. — Она живет поблизости. Она скоро придет. Вы ее друг?

Эверард кивнул головой.

— Она просила меня передать вам, миссис... э...

— Эндерби.

— О да, конечно, миссис Эндерби. Простите мою забывчивость. Мисс Нельсон просила передать вам, что никак не сможет прийти. Но очень просит вас и всю вашу семью быть у нее ровно в десять тридцать.

— Всю семью, сэр? Но дети...

— И детей обязательно тоже. Всех. Она для вас приготовила какой-то сюрприз и хочет его преподнести всем вместе именно у себя. Так что обязательно приходите.

— Что ж, хорошо, сэр... если она просит.

— Она приглашает вас всех, в 10.30 без опоздания. Увидимся там, миссис Эндерби.

Эверард откланялся и вышел на улицу.

Он сделал все, что мог. Теперь надо было спешить к дому Нельсонов. Он проехал три квартала, оставил свой скуттер в темной аллее и пошел к дому. На нем лежала теперь вина, такая же, как на Штейне. Он раздумывал, какой может оказаться отдаленная планета.

Рядом с домом Нельсонов не оказалось машины времени, а Инговая модель была слишком велика, чтобы ее можно было спрятать. Значит, Чарли еще не прибыл. Придется потянуть время.

Постучавшись в дверь, он продолжал размышлять, к чему может привести то, что он спас семью Эндерби. Дети вырастут, у них появятся свои дети; обычные англичане среднего класса, но где-нибудь в веках может родиться или, напротив, не родиться очень значительный человек. Время, конечно, не столь уж негибко. Кроме некоторых исключительных случаев, ближайшие предки не имеют решающего значения, важен генетический код целого рода. Но ведь данный случай вполне может оказаться исключительным.

Дверь ему открыла молодая женщина, хорошенькая, небольшого роста, военная форма была ей очень к лицу.

— Мисс Нельсон?

— Да?

— Меня зовут Эверард. Я — друг Чарли Уиткомба. Разрешите войти? У меня для вас довольно неожиданные новости.

— Я только что собиралась уходить, — сказала она извиняющимся тоном.

— Нет, вы никуда не пойдете.

Он совершил ошибку. Девушка вспыхнула от негодования.

— Простите. Разрешите же мне все объяснить.

Она провела его в гостиную с довольно убогой разношерстной мебелью и занавешенными окнами.

— Присаживайтесь, мистер Эверард. Только, пожалуйста, говорите тише. Мои все спят. Им рано вставать.

Эверард уселся поудобнее. Мэри устроилась на самом краешке дивана, глядя на него большими глазами. Он почему-то подумал, что Ульфнот и Эдгар могли быть ее предками. Да. Возможно. И Штейн тоже...

— Вы в летных частях? — спросила она. — Там и познакомились с Чарли?

— Нет. Я из разведки, поэтому и одет в штатское. Скажите, когда вы его в последний раз видели?

— О, давно. Сейчас он во Франции. Надеюсь, что война скоро кончится. Так глупо с их стороны продолжать воевать, когда совершенно ясно, что им конец, правда?

Она с любопытством посмотрела на него.

— Но что у вас за новости?

— Минуточку.

Эверард пытался отвлечь ее разговорами о военных событиях, о положении на континенте. Странно было разговаривать с призраком. Он не мог заставить себя сказать ей правду, мешала дисциплина, вошедшая в плоть и кровь. Он хотел все рассказать, но язык, казалось, прилипал к гортани и не повиновался ему.

— ...и вы себе представить не можете, как тяжело иногда достать пузырек самых обычных чернил...

— Пожалуйста, — нетерпеливо перебила она. — Скажите мне сразу, в чем дело? Я договорилась пойти сегодня к знакомым.

Его спас стук в дверь.

— Извините, — прошептала она и прошла к двери мимо занавешенных окон. Эверард вышел вслед за ней.

Она отшатнулась и вскрикнула:

— Чарли!

Уиткомб прижал ее к себе, не замечая своей ютской одежды, забрызганной кровью. Эверард вышел в холл. Англичанин с ужасом уставился на него.

— Ты...

Он потянулся за станнером, но Эверард уже успел выхватить свой.

— Не будь дураком, — сказал американец. — Я твой друг. Я хочу тебе помочь. Что за безумие ты хочешь совершить?

— Я... я не дам... не дам ей пойти... не дам пойти...

— И ты думаешь, они не сумеют обнаружить тебя?

Эверард перешел на темпоральный, единственно возможный язык в присутствии перепуганной Мэри.

— Когда я ушел от Мэйнуоттеринга, он уже что-то начал подозревать. Если мы сейчас не найдем верного решения, весь Патруль будет поднят на ноги. Чтобы исправить ошибку, они, возможно, просто убьют ее. Тебя сошлют на отдаленную планету.

— Я...

Уиткомб проглотил комок в горле. На лице его застыл ужас.

— Ты... ты хочешь, чтобы она ушла и ее убили?

— Нет. Но сделать это надо по-умному.

— Мы исчезнем... в какую-нибудь эпоху... если надо, даже к динозаврам.

Мэри высвободилась из его объятий. Она готова была закричать.

— Молчите! — прикрикнул Эверард. — Ваша жизнь в опасности, и мы пытаемся вас спасти. Если не верите мне, поверьте хоть Чарли.

Он снова заговорил с Уиткомбом на темпоральном:

— Слушай, друг, нет такой эпохи или эры, где бы ты мог спрятаться со своей возлюбленной. Мэри Нельсон умерла сегодня ночью. Ее не было в 1947 году. Это тоже

исторический факт. Я сам кое во что впутался: семья, которую она собиралась навестить, уйдет из дома, когда там упадет бомба. Если ты попытаешься скрыться с ней, вас все равно найдут. Чистая случайность, что здесь еще нет патрульных.

Уиткомб попытался взять себя в руки.

— А если я заберу ее с собой в 1948-й? Откуда ты знаешь, что она вдруг внезапно не появилась в 1948-м? Может быть, это тоже факт истории?

— Да пойми ты, это невозможно. Попробуй. Скажи ей, что ты собираешься перенести ее в будущее на четыре года вперед.

Уиткомб застонал.

— Безнадежно... Я обречен...

— Да. Ты вообще не имел права даже появляться здесь в таком виде. Теперь тебе придется лгать, иначе она ничего не поймет. Между прочим, как ты собираешься объяснить ее появление вместе с тобой? Если она останется военнослужащей Мэри Нельсон — она дезертир. Если примет другое имя, — где ее свидетельство о рождении, школьный аттестат, продовольственные карточки — все те документы, которые правительства двадцатого века так свято чтут? Безнадежное дело, дружище.

— Что же делать?

— Ждать патрульных и ничего более. Не уходи, я сейчас вернусь.

Эверард был холоден и точен, ему некогда было ни бояться, ни даже удивляться собственному поведению.

Вернувшись на улицу, он поставил программатор скуттера на пять лет вперед, двенадцать часов дня, площадь Пиккадилли. Он включил главное устройство, посмотрел, как машина исчезает в воздухе, и вернулся обратно в дом. Мэри плакала в объятиях Уиткомба. Бедные дети, заблудившиеся в лесу!

— Порядок!

Эверард отвел их обратно в гостиную, сел и вытащил свой станнер.

— Теперь еще немного подождем.

Ждать пришлось недолго. Скуттер с двумя людьми в серой форме Патруля возник, как по волшебству. В руках патрульных было оружие.

Эверард направил на них слабый луч станнера, рассчитанный на то, чтобы только оглушить их.

— Помоги мне связать их, Чарли, — сказал Эверард.

Когда патрульные пришли в себя, Эверард стоял над ними, холодно улыбаясь.

— В чем нас обвиняют, ребята? — спросил он на темпоральном.

— Думаю, вам это известно, — спокойно сказал один из пленников. — Разыскать вас нам поручило Главное управление. Проверив всю следующую неделю, мы выяснили, что вы эвакуировали семью, которая должна была погибнуть при бомбежке. Из анкеты Уиткомба нетрудно было установить, что вы придете к нему на помощь и попытаетесь спасти женщину, которая должна была умереть сегодня ночью. Советую вам развязать нас, если вы не хотите еще больше повредить себе.

— Я же не изменил историю, — сказал Эверард. — Данеллиане остались там, где и были, верно?

— Да, конечно, но...

— С чего вы взяли, что семья Эндерби должна была погибнуть при бомбежке?

— Их дом разрушен, и они сказали, что ушли заранее только потому...

— Ага, но суть в том, что они ушли. Это факт истории. Значит, это вы хотите изменить прошлое.

— Но эта женщина...

— А вы уверены, что не было какой-нибудь Мэри Нельсон, которая приехала в Лондон в 1850 году и умерла от старости в 1900-м?

Патрульный ухмыльнулся.

— Вы настырный парень, а? Но номер не пройдет. Вы не сможете переспорить весь Патруль.

— Неужто нет? Я могу оставить вас связанными здесь, на полу, и вас найдет семья Эндерби. Я запрограммировал свой скуттер так, что он появится в публичном месте и во время, известное только мне одному. Как вы думаете, что после этого произойдет с историей?

— Патруль примет необходимые меры... как это сделали вы в пятом веке.

— Возможно! Но думаю, что облегчу им задачу, если смогу изложить свою просьбу. Я хочу говорить с данеллианином.

— Что?!

— То, что я сказал, — ответил Эверард. — Если потребуется, я возьму хоть ваш скуттер и отправлюсь на миллион лет вперед. Я просто расскажу им, насколько проще будет пойти нам навстречу.

— *В этом не будет необходимости!*

Эверард резко обернулся. У него перехватило дыхание, станнер выпал из его рук, глаза́ слепило мерцающее сияние. В горле у него сразу пересохло, он попятился назад.

— *Ваша просьба уже рассмотрена,* — произнес беззвучный голос. — *Все было известно и обдумано за много веков до вашего рождения. Но вы все же были необходимым звеном в цепи времени. И если бы сегодня ваш замысел не удался, вам не было бы пощады... Некие Чарлз и Мэри Уиткомб жили в викторианской Англии — это исторический факт. Но в истории также значится, что какая-то Мэри Нельсон погибла в доме своих знакомых во время бомбежки в 1944 году, а Чарлз Уиткомб оставался холостяком до конца жизни и был убит в одной из операций Патруля. Эта неувязка была нами замечена, а так как даже малейший парадокс в ходе истории опасен, один из этих двух фактов должен был исчезнуть с ее страниц. Сейчас вы сами определили, какой именно.*

В подсознании Эверард знал, что веревки с патрульных внезапно упали. В своем мятущемся мозгу он уловил мысль, что его скуттер исчез... исчезает... исчезнет в момент своего появления на Пиккадилли. Он знал, что факты истории теперь выглядят так: Мэри Нельсон пропала без вести, по всей видимости, убита бомбой около дома семьи Эндерби, которая, в свою очередь, находилась в ее квартире, когда упала эта бомба. Чарлз Уиткомб, пропавший без вести в 1947 году, по всей видимости, утонул в море. Эверард знал, что Мэри сказали правду, внушили ей, что она должна ее забыть, и переместили вместе с Чарли в 1850 год. Он также знал, что они будут жить, как и другие англичане

среднего класса, но так до конца и не приспособятся к викторианской эпохе, что Чарли будет с болью душевной вспоминать о своей службе в Патруле, но любовь к жене и детям возьмет верх, и он поймет, что не так уж велика была жертва.

Он узнал все это, а затем данеллианин исчез. Сознание Эверарда постепенно прояснялось, и он снова посмотрел на двух патрульных. Какой будет его собственная судьба, он не знал.

— Пошли, — сказал первый патрульный. — Надо выбраться отсюда, пока люди не проснулись. Мы подбросим вас в ваш год. 1954-й? Верно?

— И что же дальше? — спросил Эверард.

Патрульный пожал плечами. Он держался и говорил небрежно, но за всем этим чувствовалось, что потрясение от встречи с данеллианином еще не прошло.

— Явитесь к начальнику своего отделения. Как показывают факты, вы совершенно не пригодны для регулярной работы.

— Значит... меня просто увольняют?

— Только без драм. Вы что думаете, это первый случай за миллионы лет работы Патруля? Существует обычный порядок. Вам, безусловно, нужно будет еще подучиться. Люди такого типа, как вы, больше подходят для статуса агента с правом свободных действий: сегодня — здесь, завтра — там, любой век и любое место, где вы можете понадобиться. Мне кажется, что эта работа как раз для вас.

Эверард забрался на скуттер, чувствуя слабость во всем теле. Когда он сошел с него, на земле прошло уже десять лет.

БЫТЬ ЦАРЕМ

1

Однажды вечером в Нью-Йорке середины двадцатого века Эверард, переодевшись в старенький халат, смешивал себе коктейль. Его прервал звонок в дверь. Он выругался. За последние несколько дней он очень устал

и сейчас не желал иной компании, кроме доктора Ватсона и его рассказов.

Может быть, ему быстро удастся избавиться от незваного гостя? В домашних туфлях он прошлепал через квартиру и открыл дверь, придав своему лицу как можно более недружелюбное выражение.

— Привет, — холодно сказал он. И тут же в одно мгновение ему показалось, что он на допотопном космическом корабле, который только что освободился от земного притяжения: наступила невесомость, и он беспомощно барахтается в воздухе среди сияния звезд.

— Ох, — сказал Эверард. — Я и не думал... Заходи.

Цинтия Денисон задержалась на секунду в дверях, глядя на бар поверх его головы. Над баром висели два скрещенных копья и шлем с плюмажем из Эгеиды бронзового века. Предметы были темные, блестящие и изумительно красивые. Она попыталась говорить спокойно, но из этого ничего не вышло.

— Налей мне чего-нибудь, Мэнс. Только поскорей.

— Ну конечно.

Он крепко стиснул зубы и помог ей снять плащ. Она закрыла за собой дверь и присела на модную шведскую кушетку, такую же красивую и необходимую, как оружие над баром. Дрожащими руками она достала из сумочки сигареты. Некоторое время они избегали смотреть друг на друга.

— Все еще пьешь ирландское? — спросил он.

Ему показалось, что слова эти донеслись откуда-то издалека, а его тело, неуклюже ворочавшееся среди бокалов и бутылок, забыло все, чему его обучили в Патруле.

— Да, — сказала она. — Значит, ты еще помнишь.

Неожиданно громко щелкнула ее зажигалка.

— Прошло всего несколько месяцев, — сказал он, не зная, что говорить дальше.

Энтропия. Обычное время, ничем не изменяемые сутки по двадцать четыре часа в каждых.

Она выпустила клуб дыма и посмотрела, как он расплывается в воздухе.

— Я почти все время пробыла в нашей эпохе со дня моего замужества. Ровно восемь с половиной месяцев моего личного, биологического времени жизни, с тех

пор как Кейт и я... А ты, Мэнс? Сколько времени и в скольких эпохах ты прожил с тех пор, как был шафером на нашей свадьбе?

У нее всегда был довольно высокий и тонкий голос, единственный недостаток, который он мог в ней найти, если не считать ее маленького роста — всего пять футов. Поэтому речь ее всегда звучала невыразительно. Но сейчас он понял, что она едва сдерживается, чтобы не заплакать.

Он подал ей бокал.

— До дна, — сказал он. — Пей.

Она повиновалась и перевела дыхание. Он дал ей второй бокал и налил себе шотландского виски с содовой. Затем придвинул кресло и достал из своего старого, изъеденного молью халата трубку и табак. Руки у него еще слегка дрожали, но он надеялся, что она не заметит этого. Она повела себя умно, не выпалив сразу же, зачем пришла: им обоим нужно было время, чтобы прийти в себя.

Сейчас он даже нашел в себе силы прямо взглянуть на нее. Несмотря на маленький рост, фигура у нее была почти безупречная, и черное платье подчеркивало изящество линий. Золотистые волосы падали до плеч, глаза — огромные голубые глаза — сияли из-под крутых дуг бровей, на лице, чуть запрокинутом вверх, губы были, как всегда, полуоткрыты.

Эверард медленно набивал трубку.

— Ну ладно, Цин, — сказал он. — В чем дело?

Она вздрогнула и с трудом проговорила:

— Кейт. Он исчез.

— Что? — Эверард выпрямился в кресле. — Выполнять задание?

— Да. Как же иначе? Отправился в Древний Иран. И не вернулся. Это было неделю назад.

Она поставила бокал рядом с собой на кушетку и переплела пальцы.

— Патруль, конечно, провел самое тщательное расследование. Я узнала результаты только сегодня. Они не смогли найти его. Даже не сумели выяснить, что с ним случилось.

— Вот гады, — прошептал Эверард.

— Кейт всегда... всегда считал тебя своим лучшим другом. Ты даже не знаешь, как часто он говорил о тебе. Честно, Мэнс. Я знаю, мы мало общались с тобой, но тебя ведь никогда не было на месте.

— Конечно, — сказал он. — Ты что, думаешь, я малое дитя? Я был занят. И потом, в конце концов, вы же — молодожены.

После того как я познакомил вас на Гавайях в лунную ночь у вулкана Моуна Лоа. Патрулю наплевать на условности, и такой новичок, как молоденькая Цинтия Куннингэм, только что выпущенная из Академии, работающая простым клерком в своем собственном веке, имеет полное право встречаться с заслуженным ветераном... со мной, например, встречаться сколько угодно, когда мы оба свободны от работы. И почему бы не использовать свой опыт и в соответствующей одежде не переносить ее на танцы в Вену Штрауса или в Лондон в Шекспировский театр, в маленькие бары старинного Нью-Йорка или на солнечные пляжи на Гавайях, где человек со своим каноэ появится еще только через тысячу лет? А его товарищ из Патруля, почему бы ему тоже не принять участие в их маленьких развлечениях? А потом и не жениться на ней? Вот так-то!

Эверард раскурил трубку. Когда его лицо обволокло клубами дыма, он сказал:

— Начни-ка с самого начала. Я не видел тебя два-три года своей биологической жизни и не знаю точно, над чем работал Кейт.

— Так долго? — с удивлением спросила она. — Ты даже не проводил отпуска в нашем десятилетии? Мы очень хотели видеть тебя.

— Перестань извиняться, — отрезал он. — Если бы захотел, я бы сам вас навестил.

Ее нежное личико перекосилось, как от удара.

Он тоже вздрогнул и забил отбой.

— Извини. Конечно, я хотел повидаться. Но ведь ты знаешь, мы, агенты с правом свободных действий, слишком заняты — все эти прыжки в пространстве-времени, чувствуешь себя как блоха на сковородке. Ох, черт! — он попытался улыбнуться. — Ты же помнишь, Цин, что

я — невежа, но это ведь только на словах. Знаешь, я лично породил легенду о Химере в Древней Греции. Был там известен под именем «дилайопод», странное чудище с двумя левыми ногами, торчащими изо рта.

Она послушно улыбнулась и взяла из пепельницы свою сигарету.

— А я все еще — просто клерк в Компании технологических исследований, — сказала она. — Но зато у меня тесная связь со всеми секциями и отделениями нашего ареала, включая и главное управление. Поэтому я точно знаю, какие меры были приняты для поисков Кейта, и считаю их недостаточными! Они просто бросили его! Мэнс, если и ты не поможешь, Кейт погибнет.

Она замолчала, вся дрожа.

Чтобы дать себе самому и ей время успокоиться, Эверард промолчал и стал вспоминать карьеру Кейта Денисона.

Родился в Кембридже, штат Массачусетс, в мае 1927 года, в довольно богатой семье. Докторскую степень за выдающуюся работу по археологии получил в двадцать три года. Неоднократно выигрывал чемпионаты по боксу в колледже, пересек Атлантический океан на маленькой яхте. Ушел в армию в 1950-м, служил в Корее и отличался храбростью, которая принесла бы ему славу в более популярной войне.

Надо было достаточно сблизиться с Кейтом, чтобы узнать все это. Когда он ничем не был занят, он судил о разных вещах с тонкой иронией. Когда же наступало время действовать, просто делал свое дело без лишних слов.

«Конечно, — подумал Эверард, — девушка достается самому достойному. Кейт легко мог бы получить статус свободного агента, если бы захотел. Но у него здесь есть корни, которых нет у меня. Наверное, он более постоянен».

Выйдя в отставку в 1952 году, Денисон завербовался по тому же объявлению, что и Эверард. Возможность путешествий во времени он осознал и принял более легко и естественно, чем большинство других: он обладал гибким умом и был, в конце концов, археологом. После окончания Академии он с радостью обнаружил, что его собственные интересы совпадают с нуждами

Патруля: он стал Специалистом по древней истории индоевропейцев Востока и во многих отношениях был более ценным работником, чем Эверард.

Потому что свободный агент мог путешествовать во всех направлениях по трассам времени, спасая попавших в беду, арестовывая правонарушителей, охраняя неприкосновенность ткани человеческих судеб. Но что бы он делал без знания истории? За много веков до появления иероглифов существовали войны, путешествия, совершались открытия, последствия которых сказались на всем протяжении временно́го континуума. Патруль должен был знать о них. Изучать ход событий — в этом состояла работа Специалиста.

Кроме того, Кейт был моим другом.

Эверард вынул трубку изо рта.

— Ну ладно, Цинтия, — сказал он. — Расскажи мне, что же случилось.

2

Высокий голос почти не дрожал — она взяла себя в руки.

— Он прослеживал миграцию разных индоевропейских племен. Об этом мало сведений. Приходится начинать с точно известного в истории момента, а оттуда уже идти назад. Поэтому Кейт и собрался в Иран 558 года до нашей эры. Он говорил, что это близко к концу мидийского периода. Ему приходилось расспрашивать жителей, перенимать их обычаи и нравы, затем отправляться в еще более ранний период, и так далее. Но ты же все это должен знать, Мэнс, ты ведь однажды помог ему, до того, как мы встретились. Он часто говорил мне об этом.

— О, я просто помог ему в одном хлопотном деле. — Эверард пожал плечами. — Он тогда изучал древнейший путь одного племени от Дона до Гиндукуша. Мы представились их вождю как охотники, воспользовались его гостеприимством и пропутешествовали с племенем несколько недель. Это было забавно.

Он вспомнил степи и огромный простор небес над головой, бешеную скачку за антилопой, пиршество у костра и девушку, чьи волосы горьковато пахли дымом. На секунду у него возникло желание прожить свою жизнь и умереть, как самый обычный человек из этого племени.

— В последний раз Кейт ушел один, — продолжала Цинтия. — У них там в отделении, да и во всем Патруле вечно не хватает специалистов. Сколько тысячелетий приходится изучать, и так мало коротких человеческих жизней, чтобы делать это. Он и раньше уходил один. Я всегда боялась его отпускать, но он говорил, что в одежде бродячего пастуха, у которого и украсть-то нечего... он будет в меньшей опасности в горах Ирана, чем переходя Бродвей. Но только не в этот раз!

— Ты хочешь сказать, — быстро спросил Эверард, — что он оставил Нью-Йорк неделю назад, чтобы собрать всю нужную информацию, доложить по своему отделению и вернуться к тебе в тот же день?

Потому что только слепой кретин может оставить тебя одну надолго.

— И он не вернулся?

— Нет.

Она прикурила вторую сигарету от окурка.

— Я сразу начала волноваться и попросила своего начальника выяснить, в чем дело. Он оказал мне любезность, послал запрос на неделю вперед в будущее, то есть в сегодняшний день, и получил ответ, что Кейт еще не вернулся. Информационный пропускной центр сообщал, что Кейт к ним не являлся. Его отделение ничего о нем не знает. Мы сверились с данными главного управления. Они ответили, что... что... Кейт так никогда и не возвращался и что не было найдено даже его следов.

Эверард осторожно кивнул головой.

— Тогда, конечно, и начался поиск, о котором имеются данные в главном управлении.

Изменчивое время допускает множество парадоксов, в тысячный раз подумал он. Если вдруг пропадал человек, из этого вовсе не следовало, что требовалось организовать его поиски, даже если где-то и было

отмечено, что это произошло. Но какая еще есть возможность найти человека? Конечно, можно вернуться в прошлое и изменить историю так, чтобы в конце концов обнаружить его. В таком случае окажется: в истории «всегда» значилось, что дело было успешно завершено. И только ты один будешь знать «прежнюю» правду.

Все это создавало большую путаницу. Неудивительно, что Патруль с неудовольствием относился к любому, пусть самому маленькому изменению, которое даже не затрагивало основного хода событий.

— Наше отделение послало ребят в ареал Древнего Ирана расследовать это дело, — продолжал за Цинтию Эверард. — Они только приблизительно знали, где и когда Кейт должен был появиться, верно? Я имею в виду, что он и сам не знал, где сумеет спрятать свой скуттер, так что не мог оставить точных координат.

Цинтия кивнула.

— Но я не понимаю одного: почему они не нашли скуттер? Что бы ни случилось с Кейтом, скуттер пропасть не мог, он должен был быть где-нибудь поблизости, в какой-нибудь пещере, например. В Патруле есть детекторы. Они должны были найти скуттер и уж отсюда вести поиски самого Кейта.

Она с такой силой затянулась сигаретой, что щеки ее запали.

— Они пытались найти скуттер, — сказала она. — Но мне объяснили, что это — дикая, холмистая страна, где очень трудно вести поиски. Ничего не вышло. Они даже не нашли следов. Конечно, если бы патрульные час за часом прочесывали, милю за милей, может быть, что-нибудь и получилось. Но они не осмелились. Видишь ли, этот ареал в критическом положении. Гордон показал мне выводы из анализа ситуации. Я не поняла всех этих обозначений и букв, но он объяснил мне, что это очень опасный век, который лучше не ворошить.

Эверард прикрыл рукой огонек трубки. Ее тело успокаивало. Эпохи критических ситуаций никогда не приводили его в особенный восторг.

— Понятно, — сказал он. — Они не сумели произвести тщательный поиск потому, что это могло привлечь внимание слишком большого числа местных жи-

телей, и в критический момент они повели бы себя совсем не так, как обусловлено историей. Понятно. А кто-нибудь пытался переодеться, походить среди людей и осторожно разведать, что к чему?

— Несколько экспертов из Патруля. Они жили там по многу недель, конечно, из расчета времени Древней Персии. И не услышали ни малейшего намека. Эти племена настолько дики и подозрительны... может, они боялись, что наши агенты — шпионы мидийского царя: насколько я поняла, они недовольны его правлением... Нет. Патруль не смог ничего обнаружить. И к тому же нет никаких данных, что исчезновение Кейта как-то повлияло на историю. Они считают, что Кейта убили, а его скуттер куда-то исчез. И какая разница...

Цинтия вскочила на ноги и почти закричала:

— И какая разница, если среди множества скелетов, затерявшихся в веках, в каком-нибудь овраге окажется еще один?

Эверард тоже поднялся, она прильнула к его груди, и он не стал мешать ей выплакаться. Он и не подозревал, что ему будет так плохо. Он уже совсем перестал вспоминать ее (разве что по десять раз на дню), но сейчас она пришла к нему сама, и ему придется забывать ее заново.

— Разве нельзя вернуться назад в пределах нашего времени? — взмолилась она. — Хотя бы на неделю назад, чтобы предупредить его, что он не должен туда отправляться? Разве я многого прошу? Что за чудовища придумали закон, запрещающий это?

— Его придумали самые обычные люди, — сказал Эверард. — Если мы хоть раз начнем играть с собственным прошлым, то в конце концов запутаемся так, что никого из нас просто не останется в этом мире.

— Но за миллионы лет, и даже больше... ведь были же исключения!

Эверард не ответил. Он знал, что исключения были. Он также знал, что в деле Кейта Денисона исключения сделано не будет. В Патруле работали не святые, но ни один патрульный не осмелился бы нарушить существующие законы в личных целях. Потери воспринимаешь, как на войне, и поднимаешь бокал в память

погибшего, но не отправляешься назад в прошлое, чтобы увидеть его живым.

Цинтия высвободилась из его объятий, вернулась на кушетку и выпила свой бокал до дна. Когда она запрокинула голову, золотые локоны упали ей на лицо.

— Прости, — сказала она, вынула платок и вытерла глаза. — Прости, что я разревелась.

— Глупости.

Она уставилась в пол.

— Ты можешь попытаться помочь Кейту. Обычные агенты бросили это дело, но ты можешь попробовать.

Это была мольба, и отступать Эверарду было некуда.

— Могу, — сказал он. — У меня может ничего не получиться. В истории значится, что, если я попытаюсь разыскать его, у меня ничего не выйдет. Кроме того, на любое изменение пространства-времени посмотрят косо даже в таком простом и обычном деле.

— Для Кейта это дело совсем не обычное.

— Знаешь, Цин, — прошептал он, — немногие женщины на Земле сказали бы так. Большинство сказало бы, что это дело довольно непростое для меня.

Она попыталась поймать его взгляд и секунду стояла совершенно неподвижно. Потом пролепетала:

— Прости, Мэнс. Я не знала... Я думала, за столько времени ты уже...

— О чем это ты? — проговорил он, обороняясь.

— Неужели психологи Патруля ничего не могут сделать? — спросила она и снова опустила голову. — Уж если они смогли обработать нас до такой степени, что мы просто не в состоянии никому рассказать, что существуют путешествия во времени... я думала, вполне возможно внушить человеку, что он больше не...

— Замолчи, — грубо оборвал ее Эверард. Некоторое время он сосредоточенно грыз свою трубку. — Хорошо, — сказал он наконец. — Есть у меня кое-какие соображения по этому поводу. Если Кейта можно спасти, ты его увидишь завтра утром.

— Скажи, ты можешь перебросить меня сейчас в завтрашний день?

— Могу, — сказал он. — Только я этого не сделаю. Тебе нужно хорошенько отдохнуть за ночь. Я провожу

тебя домой и позабочусь, чтобы ты приняла снотворное. Затем вернусь сюда и все хорошенько обдумаю.

Его губы дрогнули в каком-то подобии усмешки.

— Прекрати этот рев, слышишь? Я же сказал, что мне необходимо подумать.

— Мэнс...

Она вложила свои руки в его.

Он вдруг ощутил в ней внезапный прилив надежды и проклял себя за это.

3

Осенью 542 года до нашей эры в долину Кура въезжал какой-то одинокий всадник. Он ехал на гнедой кобыле, более крупной, чем даже местные кавалерийские лошади, которая в другом месте наверняка привлекла бы какого-нибудь разбойника. Но Великий царь установил во всех своих владениях такой строгий порядок, что, как говорили в народе, даже девственница с полным мешком золота за плечами могла пройти всю Персию вдоль и поперек безо всякого для себя ущерба. Это было одной из причин, по которой Мэнс Эверард выбрал именно эту дату: шестнадцать лет спустя после исчезновения Кейта Денисона. Другая причина заключалась в том, что он хотел оказаться в Персии тогда, когда улягутся волнение и суматоха, вызванные появлением в 558 году первого путешественника во времени.

Какова бы ни была судьба Кейта, о ней легче всего было узнать в более позднее время, по крайней мере непосредственно после происшествия Патрулю ничего сделать не удалось.

И наконец, согласно данным Ахеменидского ареала, 542 год был первым относительно спокойным годом с момента исчезновения Кейта. Годы 558—553, когда персидский царь Аншана Куруш (известный истории под именем Кира) находился в натянутых отношениях со своим господином — мидийским царем Астиагом, были очень напряженными. Затем следовали три года, во время которых Кир поднял мятеж, империю разрывала

гражданская война, и персы в конце концов победили своих северных соседей. Но Кир не мог еще считать себя победителем. Ему предстояло подавить восстания побежденных и отразить набеги урало-алтайских племен; он потратил еще четыре года на то, чтобы справиться со всем этим и расширить свои владения к востоку. Это встревожило его соседей-монархов. Вавилон, Египет, Лидия и Спарта составили коалицию во главе с лидийским царем Крезом и в 546 году напали на Кира. Лидийцы были разбиты наголову, их земли были захвачены, но они поднимали восстания, которые снова и снова приходилось подавлять. Надо было както договориться с греческими колониями: Ионией, Карией и Ликией, — и пока полководцы Кира разрешали эти проблемы на Западе, сам он воевал на Востоке, отбрасывая от границ государства дикие племена, грозящие захватить и сжечь его города.

Сейчас как раз наступила передышка от всех этих войн. Киликия сдалась без борьбы, видя, что на всех завоеванных землях Персия издает невиданно гуманные законы и проявляет терпимость к местным обычаям. Кир поручил восточные походы своим приближенным и занялся объединением империи, которую создал. Войны с Вавилоном теперь не будет до 539 года; только тогда империя присоединит к своим владениям и Месопотамию. А затем опять наступит долгое время мира, пока не наберут силы дикие племена за Аральским морем и царь Кир не отправится воевать с ними, навстречу своей гибели.

Мэнс Эверард въезжал в Пасаргады, как в страну надежды, хотя, пожалуй, нет такой эры в истории, которая давала бы основание для столь пышной метафоры.

Эверард проезжал вдоль полей, где крестьяне серпами жали хлеб и грузили снопы на скрипучие некрашеные повозки, запряженные быками. Пыль, поднимавшаяся от стерни, слепила жнецам глаза.

Дети в лохмотьях, стоявшие у землянок без окон, провожали его глазами.

По дороге метался цыпленок, вспугнутый царским вестником. Всадник проскакал мимо, оставив мертвую птицу валяться в пыли...

Мимо проехал конный отряд. Воины были одеты весьма живописно: мешковатые штаны, латы, остроконечные шлемы, иногда украшенные перьями, и яркие полосатые плащи, правда покрытые пылью и пропитанные пóтом. К тому же всадники отпускали грубые шутки.

За высокими каменными стенами виднелись большие дома знати, окруженные пышными садами, но при существовавшей в эту эпоху экономической системе немногие были в состоянии содержать подобные поместья. Пасаргады — город, в который въехал Эверард, — был на девяносто процентов восточным городом с кривыми грязными улочками, вдоль которых тянулись безликие хибары, с людьми в грязных головных уборах и жалкой одежде, кущами на базаре, зазывающими покупателей, нищими, выставляющими напоказ свои язвы, торговцами, ведущими караваны облезлых верблюдов и тяжело нагруженных ослов; голодными собаками, копающимися в отбросах, музыкой, доносившейся из кабачков и напоминающей мяуканье кошки, попавшей в стиральную машину, воинами, размахивающими оружием и изрыгающими проклятия...

...Откуда взялась эта ходячая легенда о загадочном Востоке?

— Подайте милостыню, господин! Подайте, и да осветит вас улыбка Митры!..

— Взгляни, господин! Клянусь бородой своего отца, ни у кого еще не было такой чудесной уздечки! Тебе повезло, господин, возьми уздечку, всего за...

— Сюда, господин, сюда. Самый прекрасный караван-сарай во всей Персии, нет, во всем мире! Всего четыре дома отсюда! Мои подушки набиты лебединым пухом, мой отец сам подает божественное вино, моя мать готовит плов, слава о котором идет во все концы света, а три мои сестры — это дивные луны восторга, всего за...

Эверард не обращал никакого внимания на бегущих рядом с его конем мальчишек. Один из них схватил его за лодыжку — он выругался и отпихнул мальчишку ногой. Тот не обиделся — только ухмыльнулся. Эверарду не хотелось останавливаться в караван-сарае:

хотя персы и тщательнее следили за чистотой, чем другие народы этого века, насекомых хватало и у них.

Он попытался побороть в себе внезапно возникшее чувство беспомощности. Обычно патрульные всегда както страховали себя, брали в незнакомую эпоху станнер тридцатого века и крошечный радиоприемник, с помощью которого можно было вызвать в любой момент спрятанный скуттер. Но не сейчас, когда его могли подвергнуть обыску, да и прятать всю эту технику было некуда. Эверард был в греческой одежде: туника, сандалии и шерстяной плащ, меч на боку, шлем и щит на луке седла — только вооружение было из нержавеющей стали. Он не мог обратиться в местное отделение, если бы попал в беду: никаких отделений здесь не было. Эта относительно бедная и бурная переходная эпоха не способствовала межвременным торговым операциям. Ближайший патрульный пост находился в управлении ареала в Персеполе, на поколение позже.

Улицы расширялись, торговцев становилось меньше, а дома — роскошнее. Наконец он подъехал к площади, по углам которой стояли четыре больших дворца. За окружавшими их стенами виднелись сливовые деревья. Стражники — легковооруженные юноши — сидели на корточках у стен: стойка «смирно» еще не была изобретена. Но когда Эверард приблизился, они натянули тетивы луков. Он мог просто пересечь площадь, но остановился и обратился к человеку, выглядевшему старшим среди них:

— Пусть солнце всегда ярко светит тебе, уважаемый.

Слова персидского языка, выученного им всего за один час под гипноизлучателем, легко слетали с его губ.

— Я ищу гостеприимства какого-нибудь великого человека, который склонил бы свой слух к удивительным рассказам о моих путешествиях.

— Пусть и твои дни будут долгими, — ответил стражник.

Эверард вспомнил, что он не должен предлагать денег: соплеменники Кира были гордыми людьми, храбрыми охотниками, пастухами и воинами. Все они гово-

рили с той полной достоинства вежливостью, которая отличала этот народ на протяжении многих веков.

— Я служу Крезу Лидийскому, слуге великого царя. Он не откажет в крыше над головой...

— Меандру из Афин, — подхватил Эверард.

Греческое происхождение объясняло его крепкое сложение, светлую кожу и короткую стрижку. Ему все же пришлось прилепить вандейковскую бородку. Геродот не был первым греком, совершавшим кругосветное путешествие, поэтому не следовало утрировать афинскую внешность.

В то же время за полстолетия до Марафона европейцы все еще были здесь в достаточной мере в диковинку, чтобы вызвать интерес.

Позвали раба, который пошел к управляющему, тот послал другого раба, который провел чужеземца через ворота. Сад за стенами утопал в зелени, и от него веяло прохладой, как Эверард и предполагал; нечего было и думать, что здесь у него что-нибудь могут украсть; вино и еда должны были быть великолепными, а сам Крез, несомненно, заинтересуется гостем. «Все будет хорошо, вот увидишь», — сказал Эверард сам себе, принял горячую ванну, умастил себя благовониями и надел чистое белье. Блюда с пищей и вино были принесены в его спартански убранную комнату, где стоял низкий широкий диван и из окон открывался красивый вид. Ему не хватало только сигары. Разумеется, из вещей, вообще для него доступных...

Конечно, если бы Кейт оказался погибшим...

— Черти в аду и грешники на сковородке! — прошептал Эверард. — Не смей об этом даже думать, слышишь?

4

После захода солнца стало прохладно. С большими церемониями были зажжены светильники, раздуты жаровни — огонь считался священным. Раб распростерся перед ним и провозгласил, что обед подан. Эверард последовал за рабом через длинный зал, стены которого были украшены фресками с изображением Солнца и

великого Митры. Мимо двух склонившихся стражников он прошел в небольшую комнату, ярко освещенную, окутанную ароматом благовоний и устланную коврами. У стола, согласно греческим обычаям, было два ложа; вопреки этим обычаям блюда подавались только на золоте и серебре, рабы неслышно сновали взад и вперед, разнося пищу, и откуда-то доносилась далекая, похожая на китайскую, музыка.

Крез Лидийский благожелательно кивнул головой. Его лицо с правильными чертами было когда-то красиво, но он сильно состарился по сравнению с тем временем, когда его слава, богатство и могущество вошли в поговорку. Он носил кудрявую бороду, длинные волосы и был одет в греческую хламиду.

— Будь гостем, Меандр из Афин, — сказал он по-гречески, глядя на Эверарда.

Согласно обычаю, хозяин подставил Эверарду щеку для поцелуя. Было очень любезно со стороны Креза приветствовать его так, тем самым ставя почти на одну доску с собой; неважно, что от него пахло чесноком.

— Приветствую тебя, господин мой. Благодарю за твою доброту.

— Да не унизит тебя, что за трапезой мы только вдвоем, — произнес бывший царь. — Я решил... — Он заколебался. — Я всегда считал себя близким к роду греков, и мы сможем поговорить серьезно...

— Я не достоин столь высокого уважения господина моего.

Исполнив положенный ритуал обмена любезностями, они принялись за еду. Эверард рассказал заранее выдуманную историю своих приключений; иногда Крез задавал неожиданные вопросы, на которые непросто было ответить, но Эверард скоро научился избегать их.

— Да, времена меняются, и счастлив ты, что пришел к нам на заре новой эры, — сказал Крез. — Никогда еще мир не знал более великого царя, чем... — И так далее, и тому подобное, безусловно, для тех слуг, которые попутно были и царскими шпионами. Впрочем, на сей раз царь был действительно велик...

— Сами боги отметили нашего царя, — продолжал Крез. — Знай я раньше, что они на его стороне в действительности, а не согласно легенде, как думал я,

никогда бы не решился я восстать против него. Потому что он, несомненно, избранник богов.

Эверард, продолжая изображать из себя грека, разбавил вино водой и внутренне пожалел, что не избрал для себя народ, менее приверженный к трезвенности.

— Какова же история царя, господин мой? — спросил он. — Я слышал только, что Великий царь — сын Камбиса, который стоял во главе этой провинции как подданный царя мидийского Астиага. Больше ничего.

Крез наклонился вперед. В колеблющемся свете глаза его приобрели странное выражение: страх и энтузиазм отражались в них одновременно — люди эпохи Эверарда просто разучились так смотреть.

— Слушай же и расскажи своему народу, — сказал он. — Астиаг выдал дочь свою Мандану замуж за Камбиса, так как знал, что персы ненадежны под его тяжким игом, а он хотел привязать их вождей к своему дому. Но Кабис был болен и слаб. Если бы он умер и его малолетний сын Кир сел на трон в Аншане, персидские вельможи устроили бы регентство, неподвластное Астиагу. Толкователи снов предупредили мидийского царя, что Кир положит конец его власти. Тогда Астиаг приказал своему придворному Аурвагаушу (Крез произнес это имя на греческий манер — Гарпаг — как, впрочем, он произносил все местные имена) убить Кира. Несмотря на сопротивление царицы Манданы, Гарпаг забрал ребенка. Камбис был слишком болен, чтобы помешать этому, а Персия не могла поднять восстания без подготовки. Но Гарпаг не нашел в себе сил убить мальчика. Он обменял его на другого, мертворожденного сына пастуха, который поклялся молчать. Мертвого ребенка завернули в царские одежды и оставили на склоне холма. Придворные мидийского царя подтвердили, что это — Кир, и его похоронили. Наш повелитель вырос пастухом. Камбис жил еще двадцать лет, но у него не было больше сыновей. Он был слишком слаб, чтобы отомстить за убийство своего первенца. У него не осталось наследника, власти которого персы считали бы себя обязанными подчиниться. Страна снова оказалась под угрозой восстания. В это время и появился Кир, которого узнали по многим знамениям и знакам. Астиаг, сожалея о своем поступке,

приветствовал его и объявил наследником Камбиса. Кир оставался подданным Астиага целых пять лет, но в конце концов не смог больше терпеть тирании мидян. Гарпагу в Акбатанах тоже было за что мстить: ведь он ослушался своего царя и не убил Кира. Астиг за это подверг его чудовищному наказанию: заставил умертвить и съесть собственного сына. Гарпаг договорился кое с кем из мидийской знати. Они выбрали Кира своим вождем, Персия восстала, и после трехлетней войны Кир стал царем двух народов. С тех пор, конечно, он прибавил к своим владениям много новых земель. Когда еще боги яснее выражали свою волю?

Эверард некоторое время молчал. За окном в саду осенний ветер шелестел сухими листьями.

— Все это правда или просто слухи? — спросил он.

— Я слышал подтверждения этой истории достаточно часто, с тех пор как живу при персидском дворе. Ее рассказывал мне сам царь, а также Гарпаг и другие, кто участвовал в этом деле.

Лидиец не мог лгать, раз он ссылался на слова своего царя. Высокородные персы были фанатиками в отношении правды. И все же Эверард не слышал ничего более невероятного за все время своей работы в Патруле. Потому что это было точное изложение рассказа, записанного Геродотом, засвидетельствованное с некоторыми изменениями и в персидской Шах-Наме, и всем было абсолютно ясно, что это — самый обычный миф.

Примерно такие же легенды создавались о Моисее, Ромуле, Сигурде и множестве других великих людей. Не было никаких оснований верить в то, что все это правда и что Кир не вырос обыкновенным образом в доме своего отца, не получил трон по праву рождения и не поднял восстание по самым обычным причинам.

Но все дело в том, что у этой легенды были очевидцы, готовые присягнуть, что она правдива. Здесь была какая-то загадка, и она напомнила Эверарду о цели его пребывания в Персии.

После соответствующих случаю выражений удивления он спросил:

— До меня дошли слухи, что шестнадцать лет назад в Пасаргады пришел человек в простой пастушьей одежде, который на самом деле был волшебником и

умел творить чудеса. Может быть, он и умер здесь. Слышал ли мой досточтимый хозяин что-нибудь об этом?

Весь напрягшись, он ожидал ответа. У него было предчувствие, что Кейта Денисона не могли просто убить какие-нибудь проходимцы, он не мог свалиться со скалы и сломать себе шею или вообще попасть в какую-нибудь переделку, иначе патрульные обязательно нашли бы его скуттер. Возможно, они недостаточно прочесали местность, чтобы отыскать самого Денисона, но как они могли не запеленговать машину времени своими чувствительными детекторами?

Значит, подумал Эверард, здесь что-то другое. И если Кейт еще жив, он должен находиться где-то среди людей.

— Шестнадцать лет назад?

Крез запустил руку в бороду.

— Меня тогда здесь не было. Но действительно в этот год случилось много чудесных знамений, так как именно тогда Кир спустился с гор и законно возложил на себя корону Аншана. Нет, Меандр, я ничего об этом не знаю.

— Я хотел отыскать этого человека, — сказал Эверард, — потому что оракул повелел мне... — И так далее, и тому подобное.

— Ты сможешь расспросить слуг и горожан, — предложил Крез. — Я представлю тебя царскому двору. Ты ведь поживешь здесь немного? Возможно, сам царь пожелает увидеть тебя, ему всегда интересны чужеземцы.

Вскоре их беседа прервалась. Крез объяснил с довольно кислой улыбкой, что персы придерживаются правила «рано ложиться и рано вставать» и что он должен быть в царском дворце с наступлением зари. Раб проводил Эверарда обратно в его комнату, где его ждала хорошенькая девушка с обещающей улыбкой на губах. Он заколебался, припомнив ту, которая живет через две тысячи четыреста лет. Но... к черту! Человеку надо пользоваться всеми благами, которые дают ему боги, а боги не так уж щедры.

5

Вскоре после восхода солнца на площадь вылетела кавалькада вооруженных всадников, громко выкрикивая имя Меандра из Афин.

Эверард поспешно оставил свой завтрак и вышел из дома. Ему пришлось задрать голову, чтобы разглядеть всадника на высоком сером жеребце. Это был человек с ястребиным носом и заросшим волосами лицом, начальник стражников, которых здесь называли бессмертными. Стражники поднимали на дыбы разгоряченных коней, перья и плащи развевались, оружие бряцало, скрипели кожаные седла.

— Тебя призывает хилиарх! — выкрикнул начальник отряда.

В действительности он назвал чисто персидский титул, обозначавший главу бессмертных и великого визиря империи.

Эверард стоял неподвижно, оценивая положение. Его мускулы напряглись. Это было не очень любезное приглашение, но вряд ли он мог не пойти, сославшись на неотложное дело.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал он. — Разреши мне только вернуться и взять скромный подарок, чтобы быть достойным той чести, которая мне оказана.

— Хилиарх повелел, чтобы ты пришел немедленно. Вот лошадь.

Лучник подвел к нему коня и подставил руки лодочкой, на манер стремени, но Эверард вскочил в седло без посторонней помощи: способ, полезный в те века, когда еще не были изобретены стремена. Начальник отряда одобрительно кивнул головой, повернул коня, и они начали бешеную скачку по широкой аллее, украшенной статуями сфинксов и виллами знатных горожан. Здесь не было такой толкотни, как на улицах, примыкавших к базару, но разъезжало много всадников и колесниц, попадались и прохожие, которые шарахались в сторону: бессмертные не останавливались, чтобы пропустить пешехода. Вскоре кавалькада уже прогрохотала через широко распахнувшиеся перед ними ворота дворца, гравий летел из-под копыт. Обогнув

лужайку с несколькими фонтанами, всадники остановились у западного крыла здания.

Сам дворец из безвкусно раскрашенного кирпича стоял на небольшом возвышении, окруженный несколькими зданиями поменьше. Начальник стражи соскочил с коня, жестом приказал Эверарду следовать за ним и направился вверх по мраморным ступеням. Эверард шел, окруженный воинами, которые держали наготове поблескивающие боевые секиры. Они прошли мимо рабов в чалмах, лежавших на полу лицом вниз, по желто-красному колонному залу, затем через зал, выложенный мозаикой, красоту которого Эверард в тот момент был не в состоянии оценить, потом мимо отряда других стражников в зал, купол которого, украшенный мозаикой цветов павлиньего хвоста, поддерживали стройные и легкие колонны. Аромат отцветающих роз наполнял комнату, проникая сквозь сводчатые окна.

Бессмертные совершили ритуал повиновения. *Что могут они, можешь и ты, сынок,* подумал Эверард, пал ниц и поцеловал персидский ковер. Человек, возлежавший на низком диване, кивнул.

— Поднимись и слушай! — сказал он. — Подайте греку подушку.

Солдаты окружили его. Нубиец поспешно принес подушку, которую положил у ног своего господина. Эверард сел, поджав ноги. Во рту у него пересохло. Хилиарх, которого Крез, как он помнил, называл Гарпагом, наклонился вперед. На фоне тигровой шкуры, покрывавшей диван, и роскошной красной мантии, окутавшей его худое тело, мидянин выглядел старым: его длинные, до плеч волосы отливали сероватым блеском стали, темное горбоносое лицо было изрыто морщинами. Но пронзительные умные глаза внимательно смотрели на чужеземца.

— Ну, — сказал он по-персидски с сильным североиранским акцентом, — значит, это ты — человек из Афин. Благородный Крез рассказал нам о твоем прибытии сегодня утром и о том, какие ты задавал вопросы. Поскольку речь может идти о безопасности государства, мне следует знать, кого же ты ищешь.

Он погладил бороду рукой, на которой блеснули драгоценные камни, и улыбнулся ледяной улыбкой.

— Может случиться, что, если твои поиски не принесут вреда, я даже помогу тебе.

Он намеренно опустил обычные формы приветствия, не предложил угощения и вообще не принимал Меандра, как полагается принимать гостя по обычаю. Это был допрос.

— Что ты хочешь знать, господин? — спросил Эверард.

Он хорошо представлял себе, чего хочет Гарпаг, и в ожидании ответа испытывал острое чувство тревоги.

— Ты ищешь волшебника, который пришел в Пасаргады шестнадцать лет назад в одежде пастуха и творил чудеса.

Напряжение исказило голос хилиарха: он стал хриплым.

— Зачем тебе знать это, и что ты еще слышал о человеке, одетом пастухом? Говори быстро и не вздумай лгать!

— Великий господин, — заговорил Эверард, — оракул из Дельф сказал мне, что я разбогатею, если узнаю судьбу пастуха, который вошел в столицу Персии в... э-э-э... третий год первой тирании Писистрата. Больше ничего не ведаю. Господин хорошо знает, как темны предсказания оракулов.

— Так, так...

На худом лице Гарпага промелькнула тень страха. Он начертил в воздухе знак креста — символическое изображение солнца в культе Митры. Потом хрипло спросил:

— И что же ты узнал?

— Ничего, господин. Никто не мог сказать мне...

— Ты лжешь! — вскричал Гарпаг. — Все греки — лжецы. Берегись, ты впутался в нехорошее дело. С кем еще ты говорил?

Эверард увидел, что губы хилиарха дергаются в нервном тике, и сам почувствовал холод и пустоту в желудке. Он приоткрыл завесу над какой-то тайной, которая, как считал Гарпаг, была надежно скрыта, тайной настолько великой, что хилиарх решился даже не считаться с возможностью оскорбить Креза, под чьей защитой Меандр, как гость, находился согласно обычаям. А сам он мог полагаться только на кинжал. В

эту эпоху ничего более надежного еще не изобрели. И после того как дыба и клещи извлекут из чужеземца все, что ему известно... *Но что же, черт побери, ему известно?*

— Ни с кем, господин, — сказал он. — Ни с кем, кроме оракула и Бога Солнца, говорившего устами оракула, который прислал меня сюда. Впервые я рассказал об этом почтенному Крезу вчера вечером.

Гарпаг отпрянул, несколько обескураженный упоминанием божества, но буквально в ту же секунду овладел собой.

— Мы слышали только от тебя, от грека, что ты послан оракулом. А может, ты пришел выпытать наши тайны? Но даже если ты действительно послан богом, то, значит, для того, чтобы тебя здесь казнили за твои грехи. Мы это быстро выясним.

Он кивнул начальнику стражи:

— Отведи его вниз. Именем царя.

Царь!

Догадка ослепительно, как молния, блеснула в мозгу Эверарда.

— Да, царь! — закричал он. — Бог сказал мне... что будет знак... и что я должен донести его слова до царя персов!

— Взять его! — взревел Гарпаг.

Стража бросилась выполнять приказание. Эверард отскочил, крича, что отдается на милость царя Кира. Он кричал изо всех сил. Пускай его даже арестуют, его слова дойдут до трона и... Два воина с поднятыми секирами прижали его к стене. Через их головы он видел, как Гарпаг вскочил с дивана.

— Схватить и отрубить ему голову, — приказал мидянин.

— Господин, — возразил начальник стражи, — он отдался на милость царя.

— Это колдовство. Я теперь знаю, он — колдун, слуга Аримана! Убить его!

— Нет, подождите! — вскричал Эверард. — Подождите, он сам предатель, который не дает мне сказать царю, что... Отпустите меня сейчас же, мерзавец.

Кто-то схватил его за правую руку.

Эверард был готов отсидеть несколько часов в тюрьме, пока этот царь не услышит о нем и не вытащит его оттуда, но дело начало принимать совсем иной оборот. Боковым ударом Эверард расквасил стражнику нос. Тот попятился. Американец вырвал у него секиру, отпрыгнул и парировал удар воина, нападавшего слева.

Бессмертные атаковали. Эверард взмахнул секирой, она ударилась о другую, и один из стражников поплатился пальцами руки. Искусством владеть оружием патрульный превосходил большинство нападавших, но долго, конечно, он бы не продержался. Уклонившись от очередного удара, направленного в голову, он нырнул за колонну. Немного свободного пространства. Еще один удар, и рука атакующего воина безжизненно повисла. Перепрыгнув через падающее тело в латах, Эверард выбежал на середину комнаты. Гарпаг поднялся с дивана, выхватывая из-под мантии меч: чертов старик отнюдь не был трусом. Эверард развернулся, так что хилиарх оказался между ним и стражей. Меч и секира скрестились. Патрульный старался подойти к Гарпагу вплотную, по крайней мере тогда стража не сможет бросать в него оружие. Но воины стали окружать его сзади. Вот ведь черт! Может быть, сейчас погибнет еще один патрульный!

— Стойте! Все — ниц! Царь идет! — три раза прокричал глашатай, огромный мужчина в алом плаще.

Стража застыла на месте, не сводя с него глаз, а затем попадала ниц. Гарпаг уронил меч. Эверард чуть не рассек ему череп, но вовремя сдержал руку и, слыша торопливую поступь воинов через зал, тоже бросил свою секиру. Секунду они с хилиархом, задыхаясь, глядели прямо в глаза друг другу.

— Он услышал... и пришел... сразу же... — с трудом выговорил Эверард.

Мидянин подобрался, как кот, и зашипел:

— Берегись! Я буду наблюдать за тобой. Если ты отравишь его мозг своими лживыми речами, для тебя тоже найдется яд или кинжал!

— Царь! Царь! — кричал глашатай.

Эверард вместе с Гарпагом бросились на пол.

Сначала в комнату вошли бессмертные и выстроились в две шеренги, образуя широкий проход к дивану.

Затем вошел сам Кир, в длинной мантии, развевавшейся при каждом его широком шаге. За ним следовало несколько приближенных, одетых в кожаные доспехи; они пользовались привилегией носить оружие в присутствии царя. Раб-церемониймейстер ломал руки, глядя им вслед: он не успел расстелить ковер и позвать музыкантов.

Голос царя разорвал абсолютную тишину:

— В чем дело? Где чужеземец, который сдался мне на милость?

Эверард рискнул приподнять голову. Кир был высок, широкоплеч, но худощав; он выглядел старше, чем можно было предположить из рассказа Креза. С дрожью в сердце Эверард подумал, что ему сорок семь, но шестнадцать лет войн, которые пришлось вести царю, и охота сохранили его тело гибким. У Кира было узкое темное лицо со шрамом на левой скуле, карие глаза, прямой нос и полные губы. Его слегка вьющиеся черные волосы были зачесаны назад, а борода подстрижена немного короче, чем полагалось по персидскому обычаю. Он был одет просто, насколько позволял его сан.

— Где же тот чужеземец, о котором сообщил раб?

— Я здесь, великий царь, — сказал Эверард.

— Встань. Назови свое имя.

Эверард поднялся на ноги и прошептал:

— Привет, Кейт.

6

По стенам мраморной беседки густо вились виноградные лозы. Они почти скрывали окружавших ее лучников. Кейт Денисон тяжело опустился на скамейку. Глядя на причудливые тени от листьев на полу, он сказал с отвращением:

— По крайней мере мы можем поговорить без чужих ушей. Английский язык еще не изобретен.

Он помолчал и продолжал говорить по-английски с некоторым напряжением: сказывалось отсутствие практики.

— Иногда мне казалось, что самое трудное в здешней жизни — ни минуты не быть предоставленным самому себе. Максимум, что я могу сделать, это выгнать всех из комнаты, где нахожусь, но они тут же начнут подслушивать у дверей, подглядывать в окна, всячески охранять меня. Пусть их преданные души сгорят в адском пламени!

— Представление о том, что такое право на уединение, пока еще не существует в этом веке, — напомнил Эверард. — Впрочем, такие важные персоны, как ты, не очень-то располагали собой во все исторические эпохи.

Денисон поднял на него усталый взгляд.

— Я все хочу спросить тебя, как Цинтия, — сказал он, — но ведь, конечно, для нее прошло... пройдет не так много времени, может быть, всего неделя. Кстати, у тебя не найдется сигарет?

— В скуттере, — сказал Эверард. — Я подумал, что мне и так придется достаточно многое объяснять. Вот уж никак не ожидал, что ты будешь здесь заправлять всем этим государством.

— Я и сам этого не ожидал. — Денисон пожал плечами. — Самое фантастическое, что только могло произойти. Парадоксы времени...

— Как же это случилось?

Денисон потер лоб рукой и вздохнул.

— Меня затянуло в машину здешней государственной политики. Знаешь, иногда все прошлое кажется мне странным сном. Существовало ли когда-нибудь христианство? Хартия вольностей? Полифоническая музыка? Не говоря уже о тех людях, которых я знал. Все еще никак не верится, что ты здесь, Мэнс. Наверное, я сейчас проснусь. Ладно, дай вспомнить. Знаешь, как все произошло? Мидяне и персы и в расовом, и в культурном отношении находятся в близком родстве, но мидяне в те времена держали власть в своих руках; они многое переняли от ассирийцев, о которых персы не столь хорошего мнения. Мы в основном свободные земледельцы и скотоводы, и, конечно, несправедливо, что мы оставались подданными...

Денисон поперхнулся.

— Черт! Ну вот видишь, опять. Почему я говорю «мы»? Ну, в общем, в Персии было неспокойно. За двадцать лет до того мидийский царь Астиаг приказал убить Кира, но теперь он пожалел об этом, так как отец Кира умирал, и отсутствие законного наследника могло вызвать гражданскую войну. Я высадился в горах. Для того чтобы спрятать скуттер, мне пришлось поискать место и во времени, и в пространстве: день туда, несколько миль сюда... Потому-то Патруль и не смог потом засечь его своими детекторами... Это одна из причин. В конце концов я оставил его в пещере и отправился дальше пешком, но почти сразу же попал в беду. Через этот район на усмирение персов, среди которых начались волнения, как раз проходила мидийская армия. Один из воинов заметил, как я выходил из пещеры, вернулся, и не успел я оглянуться, как меня схватили и стали допрашивать, выпытывать, что это я прячу. Они приняли меня за волшебника и сильно испугались, но еще больше они боялись показать себя трусами.

Со скоростью лесного пожара весть обо мне разнеслась по армии и по всей стране. Все знали, что я появился при удивительных обстоятельствах.

Их начальником был сам Гарпаг, злой и умный, как черт. Он решил, что меня можно использовать. Он приказал мне привести в движение мою бронзовую лошадь, но не разрешил сесть на нее. Мне все же удалось настроить программатор скуттера и отправить его путешествовать во времени. Это вторая причина, по которой Патруль не нашел его. Машина находилась в этом веке всего несколько часов, а потом, вероятно, отправилась к началу начал.

— Здорово! — одобрительно сказал Эверард.

— Я ведь знал приказ, запрещающий такую степень анахронизма.

Денисон скривил рот.

— Но я все же ожидал, что Патруль меня выручит. Знай я, как все получится, я совсем не уверен, что повел бы себя столь законопослушно. Я мог бы взять скуттер с собой, сделать вид, что подчиняюсь во всем Гарпагу, и удрать, как только представится такая возможность.

Эверард целую минуту мрачно смотрел на него.

«Кейт изменился, — подумал он, — не просто постарел; годы, проведенные среди чужестранцев, изменили его так, что он сам не замечает в себе этих перемен».

— Если бы ты рискнул изменить будущее, — сказал он, — ты поставил бы под угрозу и существование Цинтии.

— Да, да, правда. Я помню, что подумал об этом... тогда... Как давно все это было!

Денисон наклонился вперед, положив руки на колени и глядя сквозь переплет беседки. Он продолжал говорить ровным, безжизненным голосом:

— Гарпаг, конечно, рвал и метал. Я думал, он собирается убить меня. Меня все время держали связанным, как скотину, которую ведут на убой. Но, как я уже говорил, слухи обо мне разнеслись по всей стране, и чем дальше, тем больше, и у Гарпага возник план. Он предоставил мне выбор: повиноваться ему или умереть. Что я мог поделать? И к тому же здесь речь шла не об изменении прошлого: я скоро понял, что играю роль, уже записанную в истории. Гарпаг подкупил пастуха, чтобы тот подтвердил его версию и представил меня как Кира, сына Камбиса.

Эверард, ничуть не удивленный, кивнул.

— Зачем ему это было надо? — спросил он.

— В то время он еще просто хотел поддержать мидийского царя. Царь Аншана, всецело от него зависящий, будет теперь предан Астиагу и станет держать персов в узде. Я был так ошеломлен, что ничего не мог поделать и подчинился ему во всем, с минуты на минуту ожидая, что мне на выручку придет Патруль. Фанатическая преданность иранских аристократов идее правды здорово помогла нам — только немногие заподозрили, что я самозванец, а не Кир, хотя мне кажется, что сам Астиаг нарочно игнорировал некоторые неточности. Он поставил Гарпага на место, сурово наказав его за то, что тот не убил Кира, хотя Кир был сейчас Астиагу нужен. Ирония судьбы особенно очевидна, если иметь в виду, что в действительности Гарпаг в точности выполнил его приказание за двадцать лет до того.

На протяжении первых пяти лет Астиаг вызывал все большую ненависть у меня лично. Сейчас, глядя в прошлое, я вижу, что он был не таким уж исчадием ада, просто типичный восточный монарх древнего мира, — но тогда, глядя каждый день на пытки и мучения людей, мне трудно было мыслить столь рационально. Гарпаг, мечтавший отомстить за несправедливость и обиду, подготовил восстание и предложил мне встать во главе его.

Денисон усмехнулся.

— В конце концов я был Киром Великим, который должен был выполнить свое предназначение. Сначала нам пришлось тяжело — мидяне били нас вновь и вновь, но знаешь, Мэнс, я чувствовал, что все это начинает мне нравиться. Это тебе не сидеть в окопе двадцатого века и гадать, скоро ли прекратится вражеский обстрел. О, война и здесь достаточно ужасна, в особенности когда ты рядовой и когда начинаются болезни, а они всегда начинаются. Но если ты сражаешься, боже правый, ты сражаешься собственными руками! И я даже обнаружил в себе талант: оказывается, я умею драться! А какие замечательные сражения у нас были!

Эверард видел, как светлеет лицо Кейта: царь Кир выпрямился и сказал со смехом:

— Вот, например, лидийская конница многим числом превосходила нас. Обозных верблюдов мы поставили в авангард, пехоту позади них, а в самом конце — кавалерию. Лошади Креза почуяли запах верблюдов и обратились в бегство. По-моему, они бегут до сих пор. Мы стерли кавалерию Креза с лица земли!

Он внезапно замолчал, прикусил губу и посмотрел на Эверарда.

— Прости, я все время забываю. Иногда после боя, глядя на убитых и особенно на раненых, я вспоминаю, что там, дома, я не был убийцей. Но я ничего не мог поделать, Мэнс! Я должен был воевать! Сначала было восстание. Если бы я не подчинился Гарпагу, как ты думаешь, остался бы я в живых? А затем речь пошла о судьбе государства. Я не просил ни лидийцев, ни варваров нападать на нас. Ты когда-нибудь видел город, захваченный варварами? Вопрос стоит так: или

мы, или они, и когда побеждаем мы, то по крайней мере не превращаем побежденных в рабов: у них остаются их земли и обычаи, и... Во имя Митры, Мэнс, мог ли я поступить иначе?

Эверард сидел, вслушиваясь в шуршание листьев под легким ветерком. Наконец он сказал:

— Нет. Я понимаю. Надеюсь, тебе было не слишком одиноко.

— Я привык, — осторожно сказал Денисон. — Гарпаг — выходец из низов, но он интересен. Крез оказался очень порядочным человеком, у волшебника Кобада оригинальный ум, и он единственный осмеливается обыгрывать меня в шахматы. Здесь есть праздники, охота, женщины...

Он с вызовом посмотрел на Эверарда.

— Да. Ты ожидал от меня другого?

— Нет, — сказал Эверард. — Шестнадцать лет — долгий срок.

— Кассандана — моя старшая жена — стоит всего того, что я выстрадал за эти годы. Хотя Цинтия... Боже мой, Мэнс!

Денисон встал и положил руки на плечи Эверарда, сжав их до боли сильными пальцами, которые за шестнадцать лет привыкли держать топор, лук и уздечку. Царь Персии громко спросил:

— Как ты собираешься вытащить меня отсюда?

7

Эверард тоже поднялся, подошел к краю беседки и стал смотреть сквозь плетение каменных кружев, опустив голову и засунув руки за пояс.

— Не знаю, — ответил он.

Денисон изо всех сил стукнул себя кулаком по ладони.

— Этого я и боялся. С каждым годом я все больше боялся, что если Патруль меня и обнаружит... Ты должен помочь мне, Мэнс.

— Говорю тебе, что не могу!

Голос Эверарда прервался. Он не обернулся.

— Пойми меня. Ты наверняка уже сам думал об этом. Ведь ты не какой-нибудь там мелкий предводитель варваров, судьба которого не будет иметь особого значения уже лет через сто. Ты — Кир, основатель Персидской империи, ключевая фигура всей этой эпохи! Если исчезнет Кир, исчезнет и будущее: не будет вообще никакого двадцатого века, и, конечно, исчезнет Цинтия.

— Ты уверен? — взмолился человек за его спиной.

— Я просчитал все, прежде чем направиться сюда, — сказал Эверард сквозь зубы. — Не обманывай себя. Мы предупреждены против персов, потому что одно время они враждовали с Грецией, а в нашей собственной культуре слишком многое от греческой. Но персы имеют по меньшей мере столь же важное значение в истории. Ты и сам видел, как все здесь было. Конечно, по твоим представлениям, все они грубы, но такова эпоха, и греки ничуть не лучше персов. Да, у них нет демократии, но нельзя же упрекать людей за то, что они не дошли до этого европейского открытия, столь далекого от их умственных горизонтов. Важно другое: Персия была первой державой-победительницей, сделавшей попытку уважать побежденные народы и умиротворять их; державой, соблюдавшей собственные законы, добившейся мира на огромной территории, что позволило наладить тесный контакт с Дальним Востоком и привело к появлению жизнеспособной религии, зороастризма, распространившейся среди многих рас и на большом пространстве. Может быть, ты не знаешь, сколько христианство переняло от культа Митры, но, поверь мне, — очень многое. Не говоря уже об иудаизме, религии, которую ты, Кир Великий, спасешь собственными руками. Помнишь? Ты завоюешь Вавилон и дашь возможность всем евреям, еще не принявшим другой веры, возвратиться к себе на родину; без тебя они будут поглощены другими народами, так, как это случилось с десятками племен.

Даже в своем упадке Персидская империя останется как бы матрицей будущей цивилизации. Какими победами знаменит Александр Великий, как не завоеваниями персидских территорий? А это распространило эллинскую культуру по всему миру! И затем появятся преемники персидского государства: Понт, Парфия,

Персия времен Фирдоуси, Омара Хайяма и Хафиза, Иран, который мы знаем, и Иран будущего, после двадцатого века...

Эверард круто повернулся.

— Если ты сейчас исчезнешь, — сказал он, — то я могу ясно представить себе, как через три тысячи лет человечество еще будет гадать о своих судьбах на внутренностях животных и скитаться по лесам Европы. Америка не будет открыта вовсе...

Денисон обмяк.

— Да, — ответил он. — Я думал об этом.

Он прошелся взад и вперед, заложив руки за спину. Его потемневшее лицо старело с каждой минутой.

— Еще тринадцать лет, — прошептал он, как бы про себя. — Еще тринадцать лет, и я погибну в битве с кочевниками. Я не знаю точно, как это произойдет. Но так или иначе обстоятельства приведут меня к гибели. Почему бы и нет? Волей-неволей обстоятельства заставили меня проделывать все, что от меня требовалось... И как бы я ни воспитывал своего сына Камбиса, я знаю, что он окажется недоумком и садистом и что только Дарий сможет спасти империю. Боже мой!

Он прикрыл лицо широким рукавом.

— Прости, я ненавижу жаловаться, но не могу справиться с собой.

Эверард сел, избегая смотреть на Денисона. Он слышал тяжелое его дыхание.

В конце концов царь налил вино в две чаши, сел рядом с Эверардом и сухо произнес:

— Еще раз прости. Все прошло. И я еще не сдался.

— Я могу поставить вопрос перед главным управлением, — с некоторой долей сарказма сказал Эверард.

Денисон с той же иронией ответил:

— Спасибо, старина. Я помню их правила достаточно хорошо. Без нас можно обойтись. Они просто запретят путешествия сюда на весь период жизни Кира, чтобы не вводить меня в соблазн, и пошлют мне любезное письмо. В нем будет говориться, что я — абсолютный монарх цивилизованного народа, с дворцами, рабами, виноградниками, шутами, поварами, наложницами, охотничьими угодьями — и все это в неограни-

ченных количествах. Чем же я недоволен? Нет, Мэнс, этот вопрос нам придется решать только с тобой вдвоем.

Эверард сжал руки в кулаки с такой силой, что почувствовал, как ногти впиваются в ладони.

— Ты хочешь от меня чертовски многого, Кейт, — медленно сказал он.

— Я просто прошу тебя обдумать все возможности, и, Ариман тебя побери, ты это сделаешь!

Его пальцы опять впились в плечи Эверарда: это завоеватель Востока отдавал приказ. Прежний Кейт никогда бы не разговаривал таким тоном, отметил про себя Эверард, начиная злиться, и подумал:

Если ты не вернешься и Цинтия узнает, что ты не сможешь вернуться... она явится сюда к тебе, а еще одна чужестранка в гареме царя никак не сможет повлиять на историю. Но если я представлю доклад в главное управление до того, как увижу ее, доложу, что проблема неразрешима, а это не подлежит сомнению... Что ж, тогда посещение эпохи Кира будет под запретом, и Цинтия никогда не сможет попасть к тебе.

— Я не раз сам думал об этом, — более спокойно продолжал Денисон. — И я не хуже тебя понимаю все сложности. Но послушай, я могу показать тебе пещеру, в которой мой скуттер находился несколько часов, пока меня не схватили. Ты сможешь вернуться туда к моменту, когда я появлюсь, и предупредить меня.

— Нет, — сказал Эверард. — Это отпадает. По двум причинам. Во-первых, закон, причем очень мудрый закон, запрещает делать это. В некоторых случаях бывали исключения, но тут вступает в силу вторая причина: ты — Кир. Они не пойдут на то, чтобы уничтожить будущее ради спасения одного человека.

Сделал бы я это ради спасения одной женщины? Не уверен... Надеюсь, нет. Цинтии вовсе ни к чему знать все факты. Будет куда лучше, если она вообще ничего не узнает. Я могу использовать свой авторитет агента с правом свободных действий, чтобы эти сведения не пошли дальше главного управления, и не говорить ей ничего, разве только, что Кейт умер при обстоятельствах, которые вынудили нас запретить путешествия во времени в эту эпоху. Она,

конечно, погорюет некоторое время, но она слишком молода и здорова, чтобы скорбеть всю жизнь... Правда, это непорядочно. Но разве лучше будет позволить ей жить здесь, в качестве рабыни, и делить своего любимого по меньшей мере с дюжиной царевен, на которых он был вынужден жениться из политических соображений? Не лучше ли для нее будет все позабыть и начать жизнь сначала, среди своих соотечественников?

— Ясно, — сказал Денисон. — Я просто хотел быть до конца уверен, что это отпадает. Но должен же быть какой-нибудь другой выход. Слушай, Мэнс, шестнадцать лет назад создалась ситуация, являющаяся причиной всего того, что произошло впоследствии, но ведь это случилось не из-за человеческого каприза, а по самой логике событий. Допустим, я бы не появился. Разве Гарпаг не нашел бы другого псевдо-Кира? Кто именно стал великим царем — не имеет абсолютно никакого значения. Другой Кир вел бы себя совершенно не так, как я, во множестве повседневных деталей. Естественно. Но если только он не был бы безнадежным болваном или маньяком, а достаточно разумным и порядочным человеком — надеюсь, ты не будешь отрицать этих моих качеств, — его поведение во всех важных событиях не отличалось бы от моего. Я имею в виду поступки и события, отраженные в истории. Ты знаешь это не хуже меня. За исключением нескольких критических моментов, время всегда стремится вернуться на круги своя. Небольшие различия с годами исчезают и забываются — это и есть негативная обратная связь. Только в ключевые моменты может возникнуть позитивная обратная связь, и прошлые события с годами возрастают в своем значении и последствиях, вместо того чтобы исчезнуть. Ты ведь знаешь все это.

— Конечно, — сказал Эверард. — Но по твоим же словам, твое появление в пещере и было таким критическим ключевым моментом. Именно твое появление навело Гарпага на мысль о Кире. Без этого... я хорошо представляю себе, как разваливается мидийская империя. Либо ее завоевывает Лидия, либо варвары, потому что персы не получат царя, имеющего божественное право властвовать ими по рождению... Нет, я не появ-

люсь в пещере в тот момент, если не получу разрешения по меньшей мере самого данеллианина.

Денисон бросил на него взгляд поверх края чаши, потом поставил ее на стол, но продолжал глядеть на Эверарда.

— Ты не хочешь, чтобы я вернулся, верно?

Эверард вскочил со скамьи. Он уронил свою чашу, и она со звоном упала на пол. Вино растеклось, как кровь.

— Замолчи! — крикнул он.

Денисон кивнул головой.

— Я — царь. Стоит мне пальцем шевельнуть, и стража разорвет тебя на куски.

— Прекрасный способ заручиться моей поддержкой. — Эверард все еще никак не мог успокоиться.

Денисон вздрогнул. Секунду он сидел неподвижно, затем сказал:

— Извини. Ты не можешь себе представить, что я испытал... Да, да, жизнь моя здесь была не так уж плоха. Даже более интересна, чем у большинства, а когда тебя почитают божеством, со временем это начинает нравиться. Наверное, поэтому я через тринадцать лет ввяжусь в бой за Яксартом; ведь у меня не будет иного выхода; все мои храбрецы будут смотреть на своего повелителя. Черт возьми, может, оно и стоит того. — Он растянул губы в улыбке. — Некоторые мои наложницы сногсшибательны. И у меня есть Кассандана. Я сделал ее своей старшей женой, наверно, потому, что она чем-то напоминает мне Цинтию. Трудно сказать, ведь прошло столько времени. Двадцатый век нереален для меня. И знаешь, мчаться на горячей лошади — гораздо большее удовольствие, чем гнать спортивный автомобиль... И я знаю, что делаю здесь полезное дело, — не каждому дано знать это о себе... Да, извини, что я накричал. Я верю, ты бы помог, если бы только смел. Но ты не смеешь, и я не упрекаю тебя, и тебе незачем меня жалеть.

— Прекрати это! — простонал Эверард.

Он почувствовал, будто мозг его разрывается на части в абсолютной пустоте. Сквозь решетки беседки он видел статую на крыше: юноша убивает быка — это был символ человека и солнца. За колоннами и

виноградными лозами стояли стражники в кожаных доспехах с луками наготове. Лица их казались вырезанными из дерева. Видно было и то крыло здания, где находился гарем и где сотня, а может быть, и тысяча молодых женщин считали за счастье проводить время в ожидании случайной прихоти своего царя. За городскими стенами лежали возделанные поля, где крестьяне готовили жертву земле-матери. Люди поклонялись ей еще в те времена, когда пришли индоевропейцы, а это произошло в далеком туманном прошлом. Далеко за городом будто парили в небе горы, где водились волки, львы, кабаны и скрывались демоны. Этот мир был совсем чужим.

Эверард считал, что годы службы в Патруле дали ему достаточную закалку и готовность воспринимать все чужое, но сейчас он почувствовал острое желание сбежать в свой собственный век, к своему народу, скрыться там и все позабыть. Он осторожно сказал:

— Дай мне посоветоваться кое с кем. Придется детально проверить весь период. Мы можем обнаружить какую-нибудь зацепку... Я недостаточно компетентен, чтобы справиться с этим в одиночку, Кейт. Надо мне вернуться обратно к себе и все обговорить. Если мы что-нибудь придумаем, я вернусь... в эту же ночь.

— Где твой скуттер? — спросил Денисон.

Эверард махнул рукой.

— Там, в холмах.

Денисон погладил бороду.

— Точнее ты мне не скажешь, а? Что ж, это разумно. Я не уверен, что доверил бы себе самому, если бы знал, где машина времени.

— Я имел в виду вовсе не это! — вскричал Эверард.

— А, неважно. Не будем ссориться еще и по этому поводу.

Денисон вздохнул.

— Конечно, отправляйся домой и посмотри, что можно сделать. Тебе нужна охрана?

— Лучше не надо. Это ведь не обязательно?

— Нет. У нас здесь безопаснее, чем в Центральном парке Нью-Йорка.

— Ну, это еще ни о чем не говорит.

Эверард протянул руку.

— Только верни мне патрульную лошадь. Она специально обучена, и мне бы не хотелось ее потерять.

Их взгляды встретились.

— Я вернусь. Сам. Каково бы ни было решение.

— Ладно, Мэнс, — сказал Денисон.

Они вместе покинули беседку, чтобы беспрепятственно пройти мимо застывших при появлении царя стражников и часовых у ворот. Денисон указал на дворцовую спальню и сказал, что будет ждать Эверарда там всю неделю каждый вечер.

Затем Эверард облобызал ногу Кира, и когда Великий царь удалился, сел на лошадь и медленно выехал из ворот дворца.

Он чувствовал себя усталым и совершенно опустошенным. Сделать было ничего нельзя, а он обещал вернуться самолично и сообщить царю его приговор.

8

День близился к концу, и он ехал среди холмов, где над бурными холодными ручьями хмурились кедры, и боковая дорога, на которую он свернул, вела вверх и была хорошо наезжена. В засушливом Иране в те времена были еще такие леса. Его лошадь явно устала и ступала тяжело. Надо найти какую-нибудь хижину пастуха и попросить пристанища, чтобы дать животному отдохнуть. Но нет, тогда уже будет поздно. Нет! Сейчас полнолуние, и если потребуется, он лучше пойдет пешком, лишь бы добраться до скуттера к восходу солнца. Ему было не до сна.

Лужайка, покрытая высокой, уже пожелтевшей травой и спелыми ягодами, так и манила отдохнуть. Последний раз он ел рано утром, но в седельных сумках у него была еда и мех с вином. Он подстегнул лошадь и свернул с дороги.

Что-то привлекло его внимание. Вдалеке, на дороге, низкое солнце осветило облако пыли. Оно становилось все больше, росло прямо на глазах. Несколько всадников, решил он, чертовски гнавших коней. Царские вестники? Но почему они спешат в этом направлении?

Ему стало не по себе. Он надел подшлемник, затем пристегнул шлем, повесил на руку щит и высвободил из ножен короткий меч. Всадники просто проскачут мимо, он почти не сомневался в этом, и все же...

Сейчас он ясно видел, что их было восемь. Кони были хорошие, а последний всадник вел на поводу еще свежих лошадей. Коней успели загнать: видно, скакали они давно — пот стекал струйками по их запыленным бокам, гривы прилипли к шеям. Одеты всадники были хорошо: широкие белые штаны, рубахи, сапоги, плащи и высокие шляпы без полей — не придворные, не профессиональные воины, но и не бандиты. Они были вооружены мечами, луками и арканами.

Внезапно Эверард узнал седобородого человека, скачущего впереди. Его как обухом по голове ударило: Гарпаг!

Сквозь летучее облако пыли он ясно видел всадников: даже для древних иранцев вид у них был устрашающий.

— Ого, — сказал Эверард вслух. — Все ясно.

У него не хватило времени испугаться, надо было быстро думать и принимать решение. У Гарпага не могло быть иной причины для этого бешеного галопа в горы, кроме поимки грека Меандра. Естественно, во дворце, полном доносчиков и болтунов, Гарпаг не позднее чем через час узнал, что царь говорил с чужеземцем как с равным, на незнакомом языке, а потом отпустил его обратно на север. Немного больше времени хилиарху понадобилось, чтобы придумать причину, позволяющую ему покинуть дворец, собрать воинов из своей личной охраны и броситься в погоню. Почему? Потому что «Кир» когда-то появился среди этих же холмов на какой-то неизвестной штуке, которую Гарпаг мечтал захватить. Мидянин был отнюдь не дурак и явно не поверил истории, которую тогда сплел для него Кейт. Он вполне допускал, что рано или поздно из страны царя явится другой волшебник, и уж на сей раз он, Гарпаг, не допустит, чтобы чудесная повозка так легко выскользнула из его рук.

Эверард более не медлил. Всадники были всего в сотне ярдов от него. Он видел глаза Гарпага, сверка-

ющие из-под кустистых бровей. Пришпорив лошадь, Эверард свернул с дороги и поскакал прямо через луг.

— Стой! — закричал позади него знакомый голос. — Остановись, грек!

Эверард погнал свою усталую лошадь рысью. Кедры бросали на него длинные тени.

— Стой, или будем стрелять!.. Стой!.. Стреляйте! Только не убивать. Стреляйте по коню!

На опушке леса Эверард соскочил с седла. Сзади послышались злое жужжание стрелы и тяжелый топот. Лошадь заржала. Эверард оглянулся — бедное животное упало на колени. Черт побери, они заплатят за это! Но он был один, а их — восемь. Он поспешил под защиту деревьев. Стрела вонзилась в ствол, просвистев мимо его левого плеча.

Он побежал, пригибаясь, петляя из стороны в сторону в холодных сгущающихся сумерках, напоенных запахом трав, радуясь, что мягкая, покрытая хвоей земля не издавала ни звука под его деревянными сандалиями. Ветки деревьев хлестали его по лицу. Жаль, что кустарник рос очень редко, можно было бы воспользоваться каким-нибудь индейским приемом и укрыться в кустах. Персов видно не было. Почти наугад они пытались проехать за ним верхом. Треск ломающихся кустов и громкие ругательства за его спиной говорили о том, что это им дается нелегко.

Скоро они спешились. Он прислушался. Где-то далеко журчала вода... Он двинулся в направлении этого журчания, вверх по крутому склону холма, покрытому большими валунами. Его преследовали не беспомощные новички-горожане, подумал он. По крайней мере некоторые из них были горцами, умеющими прочитать малейший его знак на земле. Ему нужно сбить их со следа — тогда можно будет спрятаться и переждать, пока Гарпаг не вынужден будет вернуться к своим дворцовым обязанностям. Эверард тяжело дышал. Резкие голоса слышались за его спиной, было принято какое-то решение, но они находились слишком далеко, и он не мог расслышать, какое именно. К тому же кровь слишком громко стучала у него в висках.

Если Гарпаг посмел напасть на гостя самого царя, он, естественно, не предполагал, что тому удастся ког-

да-нибудь пожаловаться на это царю. Плен и пытки — пока он не откроет им, где находится скуттер и как он действует, а в конце программы — в порядке милосердия — нож в горло.

Черт побери, подумал Эверард, слыша бешеный стук своего сердца, *я изгадил эту операцию до такой степени, что теперь ее можно включить в учебник в качестве примера, как не должен поступать патрульный. И все потому, что не надо столько думать о некоей женщине, чужой женщине, чтобы эти мысли не заставили тебя забыть об элементарных предосторожностях.*

Он вышел на высокий берег. Внизу, под его ногами, по направлению к долине тек ручеек. Они, конечно, увидят, что он здесь был, но им придется гадать, вверх или вниз по течению он пошел... Кстати, куда же лучше?.. Сначала он пошел вниз по ручью; тина и скользкая грязь холодили ноги. Нет, лучше все-таки идти вверх по течению. Во-первых, так будет ближе к скуттеру, а во-вторых, Гарпаг, вернее всего, подумает, что он отправился вниз по течению, чтобы вернуться назад, к царю.

Камни речушки ранили его ноги, и вода леденила их. Деревья стеной поднимались вдоль обоих берегов, наверху виднелась только быстро темнеющая узкая полоска неба. В вышине парил орел. Становилось все холоднее. Но ему повезло: ручеек петлял, как змея в бреду, и Эверард почти сразу же, скользя и спотыкаясь, исчез за поворотом.

Я пройду милю или две, подумал он, *и, может быть, там окажется свисающая низко ветка, ухвачусь за нее, вылезу и окончательно запутаю следы.*

Минуты текли медленно.

Я доберусь до скуттера, обращусь в главное управление и попрошу помощи. Я знаю, черт побери, что никакой помощи от них не будет. Почему бы не пожертвовать одним человеком, чтобы обеспечить собственное спокойное существование и благоденствие? Так что Кейт застрянет здесь еще на тринадцать лет, пока его не убьют варвары. Но через тринадцать лет Цинтия все еще будет молода и, пережив весь кошмар изгнания, точно зная дату

смерти мужа, останется совсем одна в запрещенной для путешествия во времени эпохе, при запуганном дворе безумного Камбиса II... Нет, я должен скрыть от нее правду, удержать ее дома, сказать, что Кейт мертв. Он и сам хочет, чтобы я так поступил. А через год или два она опять будет счастлива, я сумею научить ее быть счастливой.

Он не замечал, как острые камни изранили его обутые в тонкие сандалии ноги, как неверен его шаг и как сильно шумит вода. Но тут он подошел к повороту речушки и увидел персов.

Их было двое. Они брели вниз по течению. Очевидно, его поимке придавали большое значение, раз уж решились пренебречь религиозным запретом относительно осквернения речных вод. Сверху по обоим берегам шли еще двое, прочесывая лес. Одним из них был Гарпаг. Они со свистом вытащили длинные мечи из ножен.

— Стой! — вскричал Гарпаг. — Стой, грек, сдавайся!

Эверард остановился как вкопанный. Вода журчала по его ногам. Те двое, что шли по реке навстречу ему в этом колодце темноты, казались нереальными: их темные лица были совсем не видны. Выделялась только белая одежда и мерцающие лезвия их мечей. Эверард вздрогнул: преследователи видели, как он вошел в ручей, и просто разделились — половина пошла вниз по ручью, остальные — вверх, передвигаясь по твердой земле быстрее, чем он по воде. Пробежав дальше, чем он мог дойти, они повернули назад и пошли медленнее, так как река петляла, но уже уверенные, что добыча от них не ускользнет.

— Взять живым, — напомнил Гарпаг. — Можете ранить его в ноги, если придется, но возьмите живым.

Эверард захрипел от ярости и повернулся лицом к берегу.

— Ну подожди же, негодяй! — по-английски сказал он. — Ты сам напросился.

Двое воинов, идущих по реке, с криком бросились вперед. Один поскользнулся и упал лицом в воду. Воин, двигавшийся вдоль берега, съехал вниз по склону, сидя на заду.

Береговой склон был покрыт скользкой грязью. Эверард вонзил в нее нижний конец щита, оперся на него и с трудом выбрался из воды. Гарпаг медленно и спокойно двинулся вперед, ожидая этого момента. Лезвие в руке мидянина сверкнуло, обрушиваясь на Эверарда сверху. Он наклонился, подставляя шлем, который погнулся, но выдержал удар. Меч соскользнул со шлема и задел правое плечо, но не очень сильно. Эверард почувствовал небольшое жжение, но уже через секунду ему стало некогда разбираться в своих ощущениях.

Он знал, что не сможет справиться со всеми нападающими. Но он заставит их убить его и дорого заплатить за эту честь.

Эверард упал на траву и поднял щит, как раз вовремя, чтобы парировать удар в лицо. Гарпаг сделал выпад, пытаясь достать его ноги. Эверард и этот удар парировал своим коротким мечом. Сталь мидянина со свистом рассекла воздух. Но при близком бое у легко вооруженного азиата не было ни одного шанса против греческого вооружения, что истории предстояло доказать двумя поколениями позже.

Бог ты мой, подумал Эверард, *если бы только у меня были панцирь и поножи, я бы справился со всеми четверыми.*

Он искусно прикрывался щитом, отражая выпады и удары и стараясь как можно ближе подойти к Гарпагу, чтобы тот не мог действовать своим длинным мечом и сам оказался не защищенным от меча Эверарда. Хилиарх усмехнулся в седую бороду и отскочил назад. Тянет время, конечно. Так и есть. Еще трое солдат вскарабкались на берег и с криком бежали к ним. Атака была беспорядочной. Умелые воины каждый по отдельности, персы никогда не могли научиться организованной массовой дисциплине Европы, за что и поплатились при Марафоне и Гавгамелах. Но вчетвером против одного, да еще не одетого в латы, они имели все шансы на успех.

Эверард прислонился спиной к дереву. Первый воин подбежал к нему совершенно беспечно, его меч зазвенел о щит Эверарда. Клинок американца сверкнул из-за бронзового овала щита. Эверард почувствовал, как кли-

нок с трудом вошел во что-то мягкое. По прежнему опыту он знал это ощущение. Он быстро вытащил клинок и отскочил в сторону. Воин медленно осел на землю, истекая кровью. Он знал, что умирает, и, застонав, обратил лицо к небу.

Остальные воины были уже рядом с Эверардом — по одному с каждой стороны. Нависающие кусты не давали персам возможности воспользоваться арканом. Придется им вступить в открытый бой. Патрульный отразил щитом нападение слева. Тем самым он приоткрыл правую сторону груди, но так как им было приказано взять его живым, он мог себе это позволить. Солдат справа пытался подсечь Эверарду ноги. Патрульный подпрыгнул, и меч просвистел под ним. Теперь воин слева ударил ниже, и внезапно Эверард ощутил боль и увидел лезвие, торчавшее в его ноге. Он отдернул ногу. Последний луч заходящего солнца проник сквозь густую хвою и тронул лужу крови, заставив ее блеснуть немыслимо алым цветом. Эверард почувствовал, как нога под ним начинает подгибаться.

— Так, так, — возбужденно выкрикнул Гарпаг, подпрыгивая футах в десяти от места сражения, — рубите его!

Уклоняясь от очередного удара, Эверард выкрикнул, немного опустив щит:

— Рубите! Сам-то он на это не решается, трусливый шакал. У вашего предводителя духу не хватает сразиться со мной самому. Ведь он уже раз бежал от меня, поджав хвост.

Расчет оказался правильным, атака персов немедленно прекратилась. Эверард снова заговорил, не давая им опомниться:

— Если уж вы, персы, должны быть собаками мидянина — неужели вы не могли найти такого, который хоть немного напоминал бы мужчину, а не этого шакала, который предал своего царя, а сейчас бежит от одного-единственного грека?

Даже так далеко к западу и в такое давнее время ни один человек с Востока просто не мог решиться «потерять лицо» при подобных обстоятельствах. Гарпаг был далеко не трус: Эверард знал, насколько несправедливы его упреки. Но хилиарх уже кинулся к нему,

сыпя проклятиями. На секунду Эверард увидел дикие расширенные глаза на худом лице с ястребиным носом. Он повернулся боком и пошел вперед, подволакивая ногу. Двое из воинов на секунду заколебались; этой секунды было достаточно, чтобы Эверард и Гарпаг встретились. Меч мидянина взлетел и упал, отскочив от греческого щита и шлема Эверарда, и скользнул к его ноге. Перед глазами Эверарда мелькнула широкая белая рубаха мидянина. Чуть подняв плечи, американец сделал выпад своим коротким мечом и вонзил его в грудь Гарпага.

Он вытащил меч, слегка повернув его привычным профессиональным движением, обеспечивающим смертельную рану, затем развернулся на правой ступне и отразил щитом удар одного из воинов. Эверард и перс какое-то мгновение в ярости смотрели друг на друга. Потом Эверард краешком глаза увидел, что еще один воин пытается зайти ему за спину. «Что ж, — промелькнула у него смутная мысль, — по крайней мере одним опасным человеком для Цинтии меньше...»

— Стой! Стойте!

Голос прозвучал в воздухе слабо, тише журчания ручейка, но воины отступили и опустили мечи. Даже умирающий перс отвел свой неподвижный взгляд от неба.

Гарпаг пытался подняться и сесть в луже собственной крови. Его лицо стало серым.

— Нет... постой... — прошептал он. — Подожди. В этом есть своя цель. Великий Митра не дал бы мне умереть, если...

Как ни был он слаб, Гарпаг сумел величественно подозвать Эверарда движением руки.

Эверард отбросил меч, хромая подошел к Гарпагу и опустился рядом с ним на колено. Мидянин откинулся ему на руки.

— Ты из страны царя, — прошептал Гарпаг в окровавленную бороду. — Не отрицай, я знаю. Но знай и ты, что Аурвагауш, сын Кшаяварша, не предатель.

Мускулы его лица напряглись, как бы величественно отгоняя смерть, пока он не совершит задуманного.

— Я знаю, что есть силы и могущества — от бога или от черта, до сих пор не понимаю, — но они есть

в стране царя. И только они сделали возможным его появление здесь. Я использовал их, использовал его; не для себя, но потому, что я поклялся в верности своему царю Астиагу, а ему был нужен... Кир... чтобы государство не развалилось. Потом, из-за своей жестокости, Астиаг не имел больше права на мою верность. Но я все еще оставался мидянином. Я видел в Кире единственную надежду, надежду на лучшее будущее Мидии. Потому что он был хорошим царем и для нас тоже — вторыми после персов почитались мидяне в его государстве... Понимаешь ли ты это, человек из страны царя?

Мутнеющие глаза пытались поймать взгляд Эверарда, но тщетно.

— Я хотел взять тебя в плен, выпытать, где спрятана и как работает твоя повозка, а затем убить тебя... это правда... но не ради себя. Для блага государства. Я боялся, что ты заберешь царя в его страну, ведь я знал, что он этого хочет. И что тогда станет с нами? Будь милосерден, ведь и тебе когда-нибудь понадобится милосердие.

— Не бойся, — сказал Эверард. — Царь останется здесь.

— Хорошо, — выдохнул Гарпаг. — Я верю, что ты говоришь правду... я не смею думать иначе... Но тогда... значит, я искупил свою вину? — еле слышно спросил он с тревогой в голосе. — За то убийство по приказу моего повелителя, когда я положил беспомощного младенца на вершину холма и смотрел, как он умирает, — искупил ли я свою вину, человек из страны царя? Потому что из-за смерти царевича... наше государство чуть не погибло... но я нашел другого Кира! Я спас всех нас! Искупил ли я свою вину?

— Да, — сказал Эверард и подумал о том, имеет ли какую-нибудь силу данное им отпущение грехов.

Гарпаг закрыл глаза.

— Тогда оставь меня, — сказал он, и это прозвучало как слабое эхо команды.

Эверард осторожно опустил его на землю и заковылял в сторону. Два перса склонились над своим господином, исполняя какой-то ритуал. Умирающий воин вернулся к своей молитве. Эверард сел под дерево,

разорвал часть плаща на полосы и принялся перевязывать свои раны. Той, что на ноге, придется заняться. Ему надо как-то добраться до скуттера. Это будет нелегко, но он как-нибудь перебьется, а врач Патруля вылечит его за несколько часов с помощью медицины, которая появится в будущем, даже много позже, чем его собственная эпоха. Ему придется отправиться в какое-нибудь отделение в малоизвестном ареале, чтобы не отвечать на вопросы, которых будет слишком много в двадцатом веке. А он не может себе позволить подобные разговоры. Если только в главном управлении узнают, что он решил сделать, вероятно, запретят ему и думать об этом.

Ответ пришел к нему не как озарение, а как убеждение, которое подсознательно созревало уже давно. Он откинулся назад, переводя дыхание. К этому времени подошли еще четыре воина; им сказали, что произошло. Никто из них не обращал на Эверарда внимания, они лишь бросали на него взгляды, в которых страх боролся с гордостью, и незаметно делали знаки против злых сил. Затем воины подняли своего мертвого начальника и умирающего товарища и понесли их в лес. Сгущались сумерки. Где-то проухал филин.

9

Великий царь сел на постели. За занавесками раздался какой-то легкий шум.

Кассандана, царица, неслышно зашевелилась. Тонкая рука скользнула по его лицу.

— Что там такое, о солнце моего счастья? — спросила она.

— Не знаю.

Он пошарил под подушкой, где у него всегда лежал короткий меч.

— Ничего.

Ее ладонь скользнула по его груди.

— Нет, солнце моей души, — прошептала она, внезапно задрожав. — Что-то случилось. Твое сердце бьется, как барабан войны.

— Оставайся здесь. — Он встал с постели, откинул тяжелый полог.

Лунный свет лился с иссиня-голубого неба и падал на пол сквозь сводчатое окно. Он почти слепил, отражаясь от бронзового зеркала. Воздух холодил обнаженное тело.

Какой-то черный металлический предмет, на котором находился человек, осторожно дотрагивающийся до тумблеров на пульте управления, внезапно, как тень, возник в воздухе.

Предмет беззвучно опустился на ковер, и человек сошел с него. Он был в шлеме и греческой тунике, крепко сложен и высок ростом.

— Кейт, — прошептал он.

— Мэнс!

Денисон вышел из темноты в лунный свет.

— Ты вернулся!

— Да не может быть! — иронически усмехнулся Эверард. — Скажи, нас тут могут подслушать? Не думаю, чтобы меня видели. Материализовался прямо над крышей и спустился на антигравитаторе.

— За дверью стража, — сказал Денисон. — Но они не войдут, пока я не ударю в гонг или не крикну.

— Хорошо. Одевайся.

Денисон выронил меч. Секунду он стоял не двигаясь, затем у него вырвалось:

— Ты нашел выход?

— Может быть, может быть...

Эверард отвел глаза и стал выстукивать дробь на панели управления.

— Послушай, Кейт, — сказал он в конце концов. — У меня есть одна мысль, но из нее может ничего не получиться. Мне нужна твоя помощь. Если у нас все выйдет, как задумано, считай, что ты дома. Главное управление будет поставлено уже перед свершившимся фактом и закроет глаза на какое-то там нарушение правил. Если же ничего не выйдет, тебе придется вернуться сюда в эту самую ночь и жить жизнью Кира до самой смерти. Ты в состоянии пойти на это?

Дрожь била Денисона сильнее, чем при лихорадке. Очень тихо он сказал:

— Наверно.

— Я сильнее тебя, — грубо напомнил Эверард, — и у меня с собой современное оружие. Если будет необходимо, я доставлю тебя назад связанным. Пожалуйста, не заставляй меня делать это.

Денисон глубоко вздохнул.

— Не заставлю.

— Тогда остается надеяться, что боги будут на нашей стороне. Одевайся. Я объясню тебе все по дороге. Скажи этому году «прощай», и будем надеяться, что не «до свиданья», потому что, если все получится, ты его никогда больше не увидишь, да и никто другой тоже.

Денисон, уже отправившийся в угол комнаты, где была свалена его одежда, которую до утра должен был прибрать раб, остановился на полдороге.

— Что? — спросил он.

— Мы попробуем переписать историю, — сказал Эверард. — Или, может быть, восстановить историю в том виде, как она существовала на самом деле. Не знаю. Давай скорее!

— Но...

— Говорю тебе, одевайся! Понимаешь ли ты, что я появился здесь в тот же самый день, когда уехал отсюда, что в эту минуту я, раненный в ногу, карабкаюсь по холмам, только бы выкроить для тебя лишнее время? Давай шевелись!

Денисон принял решение. Лицо его было скрыто темнотой, но голос прозвучал твердо, хоть и негромко.

— Мне надо проститься с одним человеком:

— Что?

— С Кассанданой, моей женой. Она была со мной... боже, уже четырнадцать лет! Она родила мне троих детей и выхаживала меня, когда я два раза умирал от лихорадки и сотни раз от отчаяния, а однажды, когда мидяне были уже у ворот города, она повела за собой женщин, и они вдохновили нас на сражение и победу... Дай мне пять минут, Мэнс.

— Ну хорошо, хорошо. Правда, за пять минут до нее и евнух дойти не успеет...

— Она здесь.

Денисон скрылся за пологом ложа.

Эверард так и остался стоять, пораженный.

Ты ждал меня сегодня ночью, подумал он, *и ты надеялся, что я смогу вернуть тебя Цинтии, и все же ты послал за Кассанданой.*

И потом, когда пальцы его онемели от того, что он все крепче сжимал рукоять меча, внутренний голос сказал ему:

Заткнись, Эверард, ты просто лицемер и самодовольный ханжа.

Денисон вернулся быстро. Он оделся в полном молчании и сел на заднее сиденье скуттера.

Эверард включил тумблер пространства, комната исчезла, и теперь перед ними уже лежали освещенные луной холмы. Холодный ветер продувал их насквозь.

— А сейчас — в Экбатаны.

Эверард включил освещение и принялся манипулировать с контрольными рукоятями, сверяясь с записями в блокноте.

— Эк... О, ты имеешь в виду Хагматан? Старую столицу Мидии?

Голос Денисона звучал удивленно.

— Но ведь сейчас это просто летняя резиденция царей.

— Я имею в виду Экбатаны тридцать шесть лет назад, — сказал Эверард.

— Что?

— Слушай. Все историки будущего категорически утверждают, что рассказ о детстве Кира в изложении Геродота и самих персов — чистая легенда. В конце концов, может быть, они и правы. Может быть, то, что произошло здесь с тобой, — просто одно из тех искривлений пространства-времени, которые Патруль так тщательно старается выправить.

— Понятно, — медленно сказал Денисон.

— Ты был в свите Астиага достаточно часто, пока еще оставался подданным. Ты будешь указывать мне путь. Старик нам нужен самолично, предпочтительно один, и ночью.

— Шестнадцать лет — долгий срок, — сказал Денисон.

— А?

— Если ты все равно хочешь изменить прошлое, зачем я нужен тебе именно сейчас? Ты можешь отпра-

виться в то время, когда я правил всего год, достаточно для того, чтобы знать все относительно Экбатан, но...

— Нет. Прости. Я не смею. Мы и так чертовски рискуем. Один Господь Бог знает, к чему может привести вторичный эффект, который возникает в мирных линиях при таком изменении событий. Даже если у нас все получится, Патруль вполне может сослать нас обоих на отдаленную планету только за то, что мы пошли на подобный риск.

— Да... я понимаю.

— К тому же, — сказал Эверард, — ведь ты не самоубийца! Ты что, действительно хочешь, чтобы тебя, такого, какой ты есть в эту минуту, никогда не существовало?

Он закончил программирование на панели управления. Человек позади него вздрогнул.

— Великий Митра! — произнес Денисон. — Ты прав. Давай не будем говорить об этом.

— Тогда поехали.

Эверард нажал кнопку главного переключателя.

Скуттер завис над незнакомым городом, окруженным стеной. Хотя эта ночь тоже была лунной, город терялся в темноте. Эверард начал открывать сумки, пристегнутые у седел.

— Возьми, — сказал он. — Надень этот костюм, я тоже переоденусь. Ребята из отделения в Мохенджодаро подогнали их под наши размеры. Там, во втором тысячелетии до нашей эры, им самим приходится часто так переоблачаться, ситуации возникают всякие...

Ветер свистел мимо, скуттер повернул к востоку. Денисон показал Эверарду рукой вниз.

— Вот дворец. Царская опочивальня в восточном крыле.

Это было массивное и менее изящное здание, чем новый дворец персидского царя в Пасаргадах. Эверард заметил среди осенней листвы белые скульптуры двух крылатых быков, оставшиеся от ассирийцев. Окна были слишком узки, в них невозможно было влететь. Эверард выругался и направил машину к ближайшему входу. Двое конных стражников взглянули вверх и, увидев, что к ним приближается, завопили от ужаса. Скуттер разнес в щепки дверь. Лошади встали на дыбы и

сбросили всадников. Еще одно чудо никак не повлияет на историю, потому что в этих веках так же истово верили в чудеса, как в его собственную эпоху — в витамины, и, возможно, с куда большим основанием. Они проехали по длинному коридору, освещенному лампами, бросающими на стены тусклый свет, мимо перепуганной насмерть стражи к царской опочивальне. Здесь Эверард вытащил меч и постучал эфесом в дверь.

— Теперь давай ты, Кейт, — шепнул он. — Ты лучше знаешь мидийскую речь и как с ними обращаться.

— Открывай, Астиаг! — загремел Денисон. — Открывай посланцам великого Ахурамазда.

К некоторому удивлению Эверарда, человек за дверью немедленно исполнил приказание. Астиаг был не менее храбр, чем любой из его подданных, но когда царь, коренастый мужчина средних лет с грубым лицом, увидел двух существ в люминесцентной одежде, с сиянием вокруг головы и крыльями за спиной, излучающими свет, в воздухе на железном троне, он распростерся перед ними ниц.

Эверард услышал, как Кейт заговорил громовым голосом ярмарочного прорицателя на диалекте, который сам он не совсем понимал:

— О бесславный сосуд порока, проклятие небес пало на твою голову! Неужели ты думаешь, что самые сокровенные твои мысли, хоть и прячешь ты их во тьме, их породившей, могут сокрыться от Всевидящего Ока? Неужели ты возомнил, что великий Ахурамазда допустит, чтобы свершилось то подлое зло, которое ты замыслил?

Эверард перестал слушать, отдавшись собственным мыслям. Гарпаг был, вероятно, где-то в этом же городе, в цвете сил и еще не повинный в преступлении. Теперь ему никогда не придется нести всю жизнь этот тяжелый крест. Он никогда не оставит ребенка на вершине холма и, опершись на копье, не будет ждать, когда стихнут его крики и плач. Он, конечно, восстанет в будущем, но уже по другим причинам, и станет хилиархом Кира, но он не умрет от руки врага в дремучем лесу; и какой-то перс, чьего имени Эверард не знал,

тоже не умрет от греческого короткого меча, пронзившего его насквозь.

Но воспоминание о тех двух людях, что я убил, останется в клеточках моего мозга, на моей ноге всю жизнь будет виден тонкий белый шрам. Кейту Денисону сорок семь лет, и он научился думать и повелевать, как царь.

— Знай же, Астиаг, что этот ребенок — Кир, избранник небес. Небеса милосердны. Ты получил знак. И если ты возьмешь на душу этот грех и прольешь кровь невинного младенца, тебе ее никогда не смыть! Оставь Кира в его родном Аншане, или ты будешь гореть в огне с Ариманом. Митра сказал свое слово!

Астиаг, простертый у их ног, бился головой о пол.

— Поехали, — сказал Денисон по-английски.

Эверард поставил программатор на тридцать шесть лет вперед. Лунный свет освещал ручей в горах Персии и кедры вдоль дороги. Было холодно. Где-то завывал волк.

Эверард посадил скуттер, спрыгнул с него и начал высвобождаться из одежды. На бородатом лице Денисона застыло непонятное выражение.

— Знаешь, — сказал он, — я опасаюсь...

Голос его будто растаял в окружающей его тишине.

— Я опасаюсь, Мэнс, не слишком ли мы его напугали? В истории записано, что Астиаг три года воевал с Киром, когда персы восстали.

— Мы всегда можем вернуться назад, скажем, к самому началу войны, и устроить ему видение, которое побудит его сопротивляться восставшим, — сказал Эверард, с трудом стараясь сохранить здравый смысл. — Но надеюсь, что этого не понадобится. Он не тронет царевича сейчас, но когда его подданные восстанут, он достаточно разъярится для того, чтобы забыть сегодняшний далекий сон. Да и его приближенные, мидийская знать, вряд ли разрешат ему сидеть сложа руки. Но ведь это можно проверить. Разве в день зимнего солнцестояния царь не устраивает пышного праздника?

— Да. Поехали. Быстро.

И внезапно в вышине над ними зажглось солнце. Они спрятали скуттер и пошли пешком в Пасаргады, влившись в толпу стремящихся на праздник Митры

людей. По пути они спрашивали, что случилось, объясняя, что долгое время пробыли в чужих странах. Ответы удовлетворили их до мельчайших деталей, которые не были записаны в истории, но остались в памяти Денисона.

И, стоя в многотысячной толпе под холодным голубым небом, они приветствовали Кира, Великого царя, который проезжал со своими приближенными и помощниками — Кобадом, Крезом и Гарпагом. Вслед за ними ехали те, кто составлял гордость и славу Персии, ее сановники и жрецы.

— Он моложе меня, — прошептал Денисон. — Так я и думал. И немного меньше ростом... лицо совсем не похоже, как ты думаешь? Но он годится.

— Хочешь остаться посмотреть? — спросил Эверард.

Денисон завернулся в плащ. Было холодно.

— Нет, — глухо сказал он. — Домой. Прошло так много времени. Даже если всего этого никогда и не было.

— Ну-ну.

Эверард тоже был угрюм и совсем не походил на счастливого спасителя.

— Да, этого никогда не было, — повторил он.

10

Кейт Денисон вышел из лифта своего дома в Нью-Йорке. Он был немного удивлен тем, что забыл, как выглядит этот дом. Он даже не мог вспомнить номера своей квартиры, так что пришлось обратиться к помощи справочника. Детали, детали. Он попытался остановить дрожь в руках.

Цинтия открыла дверь, как только он подошел к ней.

— Кейт, — сказала она почти удивленно.

Он не нашелся что сказать и только спросил:

— Мэнс предупредил тебя? Он обещал мне, что предупредит.

— Да. Неважно. Я не могла себе представить, что ты так изменился. Но это неважно. О, мой дорогой!

Она втащила его в квартиру, закрыла дверь и прижалась к нему.

Денисон оглядел комнату. Он совсем забыл, какая она тесная. И ему всегда не по душе был вкус Цинтии в выборе обстановки, но он не спорил с ней.

Уступать женщине, даже спрашивать ее совета — этому ему еще предстояло заново учиться. Будет нелегко.

Она подставила свое заплаканное лицо для поцелуя. Значит, вот как она выглядит! Нет, он не помнил, не помнил. После стольких лет в его памяти остался только полустертый образ маленькой женщины со светлыми волосами. Он прожил с ней всего несколько месяцев... Кассандана называла его своей утренней звездой, дала жизнь троим его детям и все четырнадцать лет была готова исполнить любые его желания.

— Ох, Кейт, наконец-то ты дома, — сказал высокий, тонкий голос.

Дома! — подумал он. — *Боже!*

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

1

Имя Джон Сандовал ему явно не шло. И уж совсем нелепым казался сам человек с поджарой фигурой, одетый в слаксы и блузу, стоявший на шкуре белого медведя (когда-то подаренной Эверарду Бьёрне Герьюльсоном) перед окном квартиры, из которой открывался вид на Манхэттен середины двадцатого века. Эверард привык к анахронизмам, но глядя на темное лицо с орлиным носом, он невольно представлял себе боевую раскраску, коня и пистолет, направленный на какого-нибудь бледнолицего вора.

— Ну хорошо, — сказал он. — Китайцы открыли Америку. — Факт не лишен интереса, но при чем здесь я?

— Почем мне знать? — ответил Сандовал и отвернулся, уставившись в окно. На фоне ясного неба резко выделялись башни зданий; городской шум, терявшийся

далеко внизу, почти не был слышен. Руки индейца, заложенные за спину, нервно сжимались и разжимались. — Мне было приказано подыскать агента с правом свободных действий, отправиться с ним в прошлое и принять необходимые меры. Тебя я знаю лучше других, так что... — Он умолк.

— Может, все-таки обратишься за помощью к одному из твоих соплеменников? — спросил Эверард. — Ведь мое появление в Америке середины тринадцатого века, мягко говоря, будет несколько необычным.

— Тем лучше. Зато достаточно впечатляющим и загадочным... Да и задание не такое уж трудное.

— Что верно, то верно, — заметил Эверард. — Трудных у нас не бывает.

Он достал из кармана своего старенького, видавшего виды халата кисет с табаком и трубку и принялся набивать ее быстрыми нервными движениями. Еще в самом начале своей карьеры, будучи простым патрульным, он усвоил суровую истину: любое, даже самое важное поручение, следовало выполнять малыми силами, не создавая мощных организаций, так характерных для двадцатого века. Примером могла служить Афинская Эллада, Япония времен Камакура[1], да и более поздние цивилизации, которые уделяли внимание развитию и совершенствованию отдельно взятой личности. Выпускник Академии Патруля (само собой, снабженный техническими новинками и оружием будущего) мог при необходимости заменить воинскую часть. Слишком мало было патрульных и над слишком многими тысячелетиями приходилось им вести наблюдения.

— У меня такое ощущение, — медленно проговорил Эверард, — что в данном случае речь идет не о конкретном исправлении чьего-либо вмешательства извне.

— Ты прав, — хрипло ответил Сандовал. — Когда я доложил обстановку, отделение Юань провело самое тщательное расследование. Путешественники во времени здесь ни при чем. Хубилай-хан[2] организовал экспе-

---

[1] Бывшая резиденция японских сёгунов (фактических правителей страны).

[2] Ши-цзу Хубилай — монгольский император (1264—1295). Завершил завоевание Китая, основав юаньскую династию (двадцатую по счету и первую из инородческих, овладевших всем Китаем).

дицию на свой страх и риск. Возможно, его вдохновило описание путешествий Марко Поло по венецианскому и арабскому морям, но такова история, даже если в книге Марко ни словом не упоминается о возможности открытия Америки.

— Китайцы — древние мореплаватели, — пробормотал Эверард. — Так что все вполне естественно. Но только при чем здесь мы? — Он раскурил трубку, глубоко затянулся и, видя, что Сандовал упорно молчит, задал следующий вопрос: — Как ты обнаружил монголов? Неужели в стране навахо?

— Я не ограничиваюсь изучением одного своего племени, — ответил Сандовал. — В Патруле слишком мало индейцев, а гримировать под «краснокожих» достаточно сложно. Последнее время я работал над миграцией атабасков.

Подобно Кейту Денисону он был этническим специалистом и изучал историю народов, о которых почти ничего не было известно, собирая данные, необходимые для наблюдения над определенными ключевыми моментами истории.

— Я исследовал восточный склон Каскадных гор, неподалеку от Кратерного озера, — продолжал Сандовал. — Это — страна лутуами, но у меня были все основания подозревать, что племя атабасков, следы которого я потерял, двигалось именно здесь. Аборигены говорили о загадочных незнакомцах, пришедших с севера. Я решил проверить, в чем дело, и наткнулся на отряд конных монголов. Проследив их путь, я обнаружил лагерь в устье реки Чечалис, где еще несколько монголов помогали китайским морякам сторожить корабли. Делать было нечего, и я тут же доложил обстановку в центр.

Эверард уселся в кресло и окинул своего собеседника долгим взглядом.

— Достаточно ли тщательным было расследование в Китае? — спросил он. — Ты абсолютно уверен, что экстратемпорального вмешательства не произошло? Ведь оно могло быть и неумышленным: ты знаешь, иногда последствия остаются неясны десятилетиями.

Сандовал кивнул.

— Получив задание, я первым делом отправился в главное отделение Юань в Ханбалыке — древнее название Пекина. Они скрупулезно проверили время вплоть до правления Чингисхана, а пространственно охватили даже Индонезию. Исторически все так же верно, как и в случае скандинавов, открывших свой Винланд[1]. При китайском дворе известно, что экспедиция была отправлена и никогда не вернулась и что Хубилай решил не рисковать второй раз. Запись хранилась в имперском архиве, уничтоженном во время восстания Минской династии[2], в результате которого монголы были изгнаны из Китая. Историографы вообще позабыли об этом инциденте.

Эверард задумался. Как правило, он любил свою работу, но сейчас чувствовал себя не совсем уютно. Сандовал явно чего-то недоговаривал.

— Послушай, — обратился он к индейцу, — совершенно очевидно, что экспедиция погибла. Вполне понятно, нас интересует, как это произошло. Но почему следить за ними должен агент с правом свободных действий?

Сандовал перестал смотреть в окно и повернулся. На какое-то мгновение Эверарду опять пришла в голову мысль, насколько индеец племени навахо чужд этому миру. Он родился в 1930 году, прошел суровую школу армии, окончил колледж с отличием, стал прекрасным патрульным, но так никогда и не выглядел полноправным жителем двадцатого века.

А кто из нас в лучшем положении? И вообще, в состоянии ли человек жить на свете, зная будущее своего народа?

— Но я не должен следить за ними! — воскликнул Сандовал. — Доложив обстановку, я получил приказ прямо от данеллиан. Без объяснения причин, без малейших колебаний: уничтожить экспедицию! Переписать страницу истории!

---

[1] Под этим именем был известен в X в. у скандинавов восточный берег Северной Америки. Бьёрне Герьюльсон открыл его в 986 г., но не высадился. В 1000 г. сын Эрика Рыжего, Лейф, назвал часть страны Винланд (виноградная страна).

[2] Двадцать первая китайская династия (1368—1636). Ее основатель, Чжу-Юань-чжань, известный под именем Минского Тай-цзу, окончательно изгнал из своей страны монголов.

2

Год одна тысяча двести восьмидесятый новой эры. Воля Хубилай-хана распространилась по параллелям и меридианам, он мечтал о мировой империи, а при его дворе с почетом встречали каждого чужеземца, несшего с собой новые знания. Молодой венецианский купец по имени Марко Поло стал фаворитом. Но отнюдь не все народы жаждали жить под игом монгольского императора. Тайные революционные общества, собиравшиеся во многих покоренных странах, создали свой центр в Катае[1]. Япония, за троном которой стояли представители рода Ходзо[2], успешно отразила первый натиск. Да и объединены монголы были только в теории. Среди русских князей, собиравших дань Золотой Орде, происходили брожения; Ильхан Абака царил в Багдаде.

В те далекие времена аббасиды[3] нашли прибежище в Каире; Дели процветал под властью первой турецкой династии[4]; Николай III был папой римским; гвельфы и гибеллины разоряли Италию; Рудольф Габсбургский

---

[1] Китай.

[2] Род Ходзо (Ходжо) обладал действительной властью в стране, и его представители, под титулом регентов, командовали всеми вооруженными силами Японии. Первое нападение было совершено Хубилаем на острова, но успешно отбито (1274). В 1281 г. Хубилай отправляет стотысячную армию в саму Японию, но после высадки буря уничтожила весь монгольский флот, и отрезанные от сообщения с материком войска были полностью уничтожены японцами; только троим удалось перебраться в Китай и сообщить об участи армии.

[3] Аббас — дядя пророка Магомета. Старший из его сыновей, Абдалла, был основателем династии аббасидов (652), которая в 750 г. в лице внука Абдаллы, Абул-Аббаса, вступила на трон багдадских калифов и в 1258 г., в лице Мотазема, была свергнута с него монголами.

[4] Дели обрел независимость в 1206 г., и его наместник, Катайбэй-дин-Айбек сделал его резиденцией могущественного государства и положил начало первой турецкой династии, при которой Дели стал одним из самых богатых городов Азии. С 1288 г. в Дели царствует вторая турецкая династия Гильджи, при которой город удачно отражал нашествия монголов.

был германским императором; Филипп Смелый — королем Франции; Эдуард I — «рыцарь без страха и упрека» — правил Англией. Великими их современниками были Данте Алигьери, Иоанн Дунс Скот[1], Роджер Бэкон и Томас Стихотворец[2].

А в Северной Америке Мэнс Эверард и Джон Сандовал остановили своих коней на вершине пологого холма и уставились вдаль.

— Впервые я увидел их на прошлой неделе, — сказал индеец, — причем достаточно далеко отсюда. Если так будет продолжаться, через пару месяцев они окажутся в Мексике, невзирая ни на какие препятствия.

— Согласно монгольским стандартам, — ответил Эверард, — это еще медленно.

Он поднес к глазам бинокль. Вокруг зеленела весенняя апрельская трава. Даже на самых высоких и старых ветвях распускались веселые молодые листочки. Холодный ветер, дующий с гор, шумел в соснах; множество птиц, спешащих в родные края, казалось, затмили собой солнце. Пики Каскадных гор как бы парили в небе далеко на западе: бело-голубые, величавые, неприступные. У подножья холма росли группы деревьев, за которыми виднелись долины, а там, вдали, за горизонтом, лежала необъятная прерия, сотрясающаяся под громовым топотом бизоньих стад.

Эверард перевел бинокль на экспедицию. Монголы растянулись по равнине длинной цепью, более или менее следуя течению реки. Примерно семьдесят человек на косматых, караковой масти, коротконогих, длинноголовых азиатских лошадях. Они вели в поводу вьючных животных и сменных лошадей. Эверард сразу приметил несколько туземных проводников: не только по лицу и одежде, но и по тому, как они неуклюже держались в седле. Потом он вновь принялся тщательно изучать монголов.

---

[1] Последний и самый оригинальный представитель средневековой схоластики. Знаменит тем, что еще в 1305 г. защитил диссертацию, отстаивающую изначальную непорочность Святой Девы Марии (за пять с половиной веков до провозглашения этого догмата папой Пием IX).

[2] Томас де Галь — замечательный лирический поэт конца XIII в., который, в отличие от своих собратьев по перу, не писал духовных стихов.

— Что-то больно много вьючных беременных кобыл, — пробормотал он себе под нос. — Видимо, они перевезли на кораблях столько лошадей, сколько смогли, выпуская их прогуляться и попастись на каждой остановке, а сейчас решили увеличить поголовье. Да, эти пони достаточно выносливы и могут перенести все тяготы пути.

— Те, кто остался у кораблей, тоже занимаются разведением лошадей, — сообщил Сандовал. — Видел собственными глазами.

— Что ты еще о них знаешь?

— Практически ничего. О записи, которая хранится в архиве Хубилая, я тебе уже говорил. Если помнишь, там мимоходом упоминается о четырех кораблях под командованием нойона Токтая и ученого Ли Дай-цзуна, посланных для исследования островов, лежащих за Японией.

Эверард рассеянно кивнул. Незачем сидеть сложа руки и в сотый раз повторять одно и то же. Он просто оттягивал тот момент, когда от слов пора будет переходить к делу.

Сандовал откашлялся.

— Может, все-таки я пойду один? — спросил он. — Мало ли что взбредет им в голову?

— Жаждешь увенчать себя лаврами героя? Ну нет, лучше вместе. К тому же я не жду никаких неприятностей. По крайней мере в начале. Эти ребята достаточно умны, чтобы ни с того ни с сего наживать врагов. Ведь они завели хорошие отношения с индейцами, ты же видишь. А мы для них вообще величина неизвестная... Но от рюмки на дорожку я не откажусь.

— И я тоже. Ладно, давай!

Они вынули из седельных сумок фляжки, примерно на полгаллона каждая, поднесли их к губам и сделали по глотку. Шотландское виски обожгло Эверарду горло, огнем прокатилось по жилам. Он окрикнул лошадь и поскакал вниз по склону холма. Сандовал последовал его примеру.

Послышался резкий свист. Их заметили. Все так же неторопливо они продолжали ехать к выстроившимся в линию монголам. Несколько всадников приблизились

к ним с двух сторон, натянув стрелы на тетивах коротких мощных луков, но не стали останавливать.

«Наверное, мы выглядим достаточно безопасными», — подумал Эверард.

На нем, как и на Сандовале, была одежда двадцатого века: охотничий жакет, защищающий от сильного ветра, широкополая шляпа от дождя; но индеец выглядел куда более элегантно в специально изготовленном «Аберкромби и Фичем» национальном костюме навахо. У обоих патрульных висели на поясе кинжалы напоказ, а также маузеры и станнеры тридцатого века, на тот случай, если дело дойдет до потасовки.

Дисциплиной монголы отличались безукоризненной: отряд остановился, как один человек. Подъезжая, Эверард пристально наблюдал за ними. Примерно за час до отправки в прошлое он прошел курс полного гипнообучения, включая языки, историю, уровень технологии, манеры и моральные принципы монголов, китайцев и даже местных индейцев. Но он впервые видел их так близко.

Монголы не отличались особой импозантностью: коренастые, кривоногие, с жиденькими бороденками и плоскими широкими лицами, смазанными жиром и сверкающими на солнце. Все они были прекрасно обмундированы: сапоги, брюки, покрытые тонкими кожаными пластинками кирасы с лаковым орнаментом, конические стальные шлемы с костылем или плюмажем наверху. Вооружение составляли кривые сабли, кинжалы, копья и луки самых разнообразных размеров. Один из монголов, стоявший почти в самом начале отряда, нес штандарт из позолоченных хвостов яка. Они наблюдали за приближением патрульных своими узкими, ничего не выражающими глазами.

Их начальника легко было узнать. Он ехал в повозке, и разодранный шелковый плащ раздувался от ветра за его спиной. Он был крупнее своих воинов, с рыжей бородой, почти римским носом и еще более жестоким выражением лица. Проводник-туземец рядом с ним вскрикнул и отпрянул назад, но нойон Токтай продолжал свой путь, глядя на Эверарда немигающим кровожадным взором.

— Я приветствую незнакомцев! — громким голосом произнес он, когда вновь прибывшие остановились в нескольких шагах от него. — Какие духи привели вас к нам?

Эверард ответил на лающем, но безукоризненном монгольском:

— Приветствую тебя, Токтай, сын Батыя. Да будет на то воля Тэнгри[1], мы пришли с миром.

Это произвело эффект. Краешком глаза Эверард заметил, как монголы потянулись за амулетами и начали делать различные движения руками от сглаза. Но всадник слева от Токтая быстро обрел самообладание.

— Ах! — сказал он. — Значит, путешественники с запада уже побывали здесь раньше. Нам об этом ничего не было известно.

Эверард повернулся. Китаец был выше ростом любого из монголов, с почти белой кожей, холеными руками и тонкими чертами лица. Одетый почти так же, как остальные воины, он был безоружен. Ему можно было дать лет пятьдесят, больше, чем нойону. Эверард слегка поклонился в седле и обратился к нему на северно-китайском диалекте:

— Достопочтенный Ли Дай-цзун, как ни печально, что такой ничтожный червь, как я, противоречит столь уважаемому человеку, но должен сказать, что мы пришли из великого государства далекого юга.

— До нас дошли слухи, — ответил ученый. Он так и не смог до конца скрыть своего волнения. — Даже здесь, на севере, мы слышали много удивительных рассказов о далекой прекрасной стране. Мы ищем эту страну, чтобы передать братский поклон вашему царю от великого Кагана Хубилая, сына Тули, сына Чингиса, попирающего землю своими стопами.

— Мы слышали о Великом Кагане, — как бы вскользь произнес Эверард, — а также о Калифе, Папе Римском, Императоре и прочих менее именитых властителях. — Ему приходилось как можно тщательнее подбирать слова, чтобы, с одной стороны, не нанести

---

[1] Тэнгри *(монгольск.)* — небо, небесный дух, высший представитель всех сил природы.

открытого оскорбления китайскому владыке, а с другой — как бы невзначай поставить его на место. — О нас же почти ничего не известно, так как наш повелитель сам не ищет мирской славы и не желает, чтобы она пришла к нему из чужих краев. А теперь разрешите представиться мне, недостойному. Мое имя — Эверард, и хоть по внешнему виду меня можно принять за жителя России или запада, это не так. Я — пограничник.

Пусть-ка поломают голову над тем, что это значит.

— Немного же людей в твоей свите, — резко бросил Токтай.

— Зачем нам свита? — удивленно ответил Эверард, стараясь говорить как можно непринужденней.

— И вы путешествуете далеко от родины, — вставил Ли.

— Не далее монголов, достопочтенный, когда они маршируют в киргизских степях.

Токтай взялся рукой за эфес сабли и окинул патрульных пронзительным настороженным взглядом.

— Пойдемте, — сказал он. — Я буду принимать вас как послов. Разобьем лагерь и выслушаем слово вашего повелителя.

3

Солнце, нависшее над западными пиками гор, посеребрило их снежные вершины. Тени удлинились, опускаясь в долину, лес потемнел. И лишь небольшая лужайка, казалось, осветилась еще ярче. Вокруг стояла такая тишина, что каждый звук слышался особенно отчетливо: быстрое журчание ручья, плеск воды, звон топора, хрупанье лошадей, пасущихся в высокой траве. В воздухе пахло дымом костра.

Монголы были явно озадачены присутствием незнакомцев и столь ранним привалом, и хотя лица их оставались бесстрастными, они то и дело поглядывали на Эверарда и Сандовала, бормоча себе под нос заклинания: языческие, буддийские, мусульманские и несто-

рианские[1]. Правда, это нисколько не повлияло на ловкость и быстроту, с которой они разбили лагерь, выставили дозорных, позаботились о лошадях и стали готовить ужин. И все же Эверарду показалось, что они ведут себя куда тише обычного. По крайней мере гипноизлучатель твердо вбил ему в голову, что, как правило, монголы народ веселый и разговорчивый.

Он сидел, скрестив ноги, на коврике в палатке. Сандовал, Токтай и Ли замыкали круг. На горячих углях кипел чайник. Палатка была единственной во всем лагере — видимо, ее возили с собой именно для таких вот торжественных случаев. Токтай собственноручно наполнил чашу кумысом и передал ее Эверарду. Патрульный отхлебнул как можно громче — того требовал этикет — и пустил чашу по кругу. Ему приходилось пить напитки куда более неприятные, чем ферментированное кобылье молоко, но он вздохнул с облегчением, когда ритуал завершился и всем был подан чай.

Вождь монголов произнес речь. Она звучала отнюдь не так гладко, как у его китайского секретаря. Невольно в голосе нойона проскальзывали вызывающие нотки, и казалось, он сейчас рявкнет: «Какой чужеземец осмелился приблизиться к посланнику Великого Хана не на брюхе своем?» Однако слова его прозвучали достаточно вежливо:

— Так пусть наши гости расскажут, с каким поручением посланы они своим повелителем. И для начала мы бы хотели услышать его имя.

— Его имя нельзя произносить вслух, — ответствовал Эверард. — О его владениях до вас могли дойти лишь ничтожные слухи. О его могуществе, нойон, ты можешь судить по тому, что он отправил в далекие края лишь нас двоих и нам не потребовалось даже сменных лошадей.

Токтай ухмыльнулся.

---

[1] Несториане — христианская секта, ведущая свое происхождение от Нестория, патриарха Константинопольского, фанатика, устраивавшего гонения на еретиков. В конце концов сам Несторий был объявлен еретиком и сослан в Египет.

— Красивые кони, вот только не знаю, годятся ли для степей. И долго вы до нас добирались?

— Менее одного дня, нойон. Мы знаем способ. — Эверард сунул руку в карман куртки и достал несколько небольших пакетов. — Наш владыка просит китайских вождей принять эти скромные дары в знак его глубокого уважения.

Пока разворачивали бумагу, Сандовал наклонился и прошипел на ухо Эверарду по-английски:

— Посмотри-ка на их физиономии, Мэнс. Мы сваляли дурака.

— Что ты имеешь в виду?

— Сверкающий целлофан и упаковка произвели впечатление на такого варвара, как Токтай. Но обрати внимание на Ли. Каллиграфия в Китае известна с незапамятных времен, так что его мнение о нашем вкусе резко поменялось к худшему.

Эверард незаметно пожал плечами.

— Ну что ж, и он прав, ты не находишь?

Их разговор не остался незамеченным. Токтай бросил на патрульных хмурый взгляд, но тут же вновь принялся рассматривать подарок: электрический фонарик, действие которого пришлось демонстрировать под аккомпанемент всевозможных восклицаний. Сначала нойон отнесся к нему недоверчиво и даже пробормотал заклинание, но затем, видимо, вспомнил, что монголу не позволено бояться ничего, кроме грома, взял себя в руки и вскоре радовался, как ребенок. Китайский ученый, последователь Конфуция[1], получил в подарок книгу «Содружество людей» с множеством цветных иллюстраций, но Эверард не был уверен, что она произвела на Ли ожидаемое впечатление. Патрульным хорошо было известно, что мудрость существует при любом уровне развития технологии.

Следовало принять ответные дары: красивую китайскую саблю и связку бобровых шкур с побережья, так что прошло довольно много времени, прежде чем их

---

[1] Кун-фу-цзы (551—479 до н. э.) — знаменитый китайский философ. Учение первоначального конфуцианства занималось только вопросами этики и политики и отрицало все то, что не может быть объяснено человеческим разумом, в частности вопросы веры.

беседа возобновилась. Сандовалу удалось повернуть ее в нужное русло.

— Раз вы так хорошо обо всем осведомлены, — произнес Токтай, — то не можете не знать, что наше вторжение в Японию несколько лет тому назад окончилось неудачей.

— Такова была воля небес, — заметил Ли с придворной учтивостью.

— Конский помет! — рыкнул Токтай. — Такова была глупость людей, ты хочешь сказать. Мы послали слишком мало войск, ничего не зная ни об островах, ни о бурном море. Ну ничего! В следующий раз будем умнее!

Эверард с грустью подумал, что они действительно высадятся в Японии, и буря уничтожит их флот, а множество молодых людей бесславно погибнет. Но он не стал перебивать Токтая.

— Великий хан собирается тщательно изучить эти острова. Возможно, организовать базу к северу от Хоккайдо. К тому же до нас дошли слухи о землях, лежащих далеко к западу. Рыбаки, сбившиеся с курса, мельком видели неизвестную страну; купцы из Сибири рассказывали о морском проливе, отделяющем одну сушу от другой. Каган снарядил четыре корабля с китайскими матросами, приказал мне взять на борт сотню монгольских воинов и разузнать, что к чему.

Эверард кивнул. Рассказ не произвел на него особого впечатления: китайцы уже сотни лет бороздили моря в джонках, причем некоторые из них могли принять на борт до тысячи пассажиров. Правда, они не были так надежны, какими станут несколько веков спустя, под португальским влиянием, и их капитанов не прельщал океанский простор и уж тем более северные холодные воды. Но оставались еще китайские мореходы, готовые ради новых рынков сбыта добывать сведения о неизвестных землях у корейцев, мореплавателей с Формозы[1] и листая древние рукописи своих предков.

[1] Формоза — бывшее название Тайваня. Здесь автор несколько грешит против истории, так как остров был открыт португальцами лишь в XVI в. и получил свое имя ввиду живописности и красоты местности.

Во всяком случае, они должны были знать Курильские острова.

— Мы прошли две группы островов, одну за другой, — тем временем продолжал Токтай. — Суровые края, но мы изредка делали остановки, выпускали лошадей попастись и расспрашивали туземцев. Один Тэнгри знает, как мы намучались, переводя с шести языков! Зато мы поняли, что впереди лежат два континента — Сибирь и еще один, — которые так близко сходятся на севере, что зимой море можно пересечь пешком по льду, а летом — переплыть в лодке из шкур. И наконец-то мы увидели землю! Огромную страну, покрытую лесом, с массой зверей, птиц, тюленей. Впрочем, там слишком часто шли дожди. Мы решили плыть дальше, более или менее следуя береговой линии.

Эверард мысленно представил себе карту. Если идти вдоль Курильских, а затем Алеутских островов, то суша всегда неподалеку. К счастью для монголов, джонки обладали высокой посадкой, так что в случае шторма они могли бросить якорь в любой скалистой бухте. К тому же им помогало течение, несшее корабли по большому кругу. Токтай открыл Аляску, сам того не подозревая. Так как по мере его продвижения на юг местность становилась все более привлекательной, он прошел залив Пьюджет и остановился в устье реки Чечалис. Возможно, индейцы предупредили его об опасностях дальнейшего плавания, а потом и помогли воинам с лошадьми перебраться через реку.

— Мы высадились с кораблей и разбили лагерь в конце года, — говорил Токтай. — Племена там живут отсталые, но отнеслись к нам дружелюбно и помогли во всем. Наши матросы не остались в долгу: показали несколько способов ловли рыбы, научили строить крепкие лодки. Мы перезимовали, выучили местные языки, сделали несколько вылазок в глубь страны. И повсюду мы слышали рассказы о необъятных лесах и равнинах, где стада диких буйволов так многочисленны, что из-за них не видно земли. Мы достаточно узнали, чтобы верить этим рассказам. Никогда еще я не видел такой богатой страны. — Глаза его хищно блеснули, совсем как у тигра. — И она так мало заселена, а о железе здесь вообще никто не слышал.

— Нойон, — многозначительно пробормотал Ли и слегка кивнул головой в сторону патрульных. Токтай умолк и поджал губы.

Ли повернулся к Эверарду.

— До нас дошли слухи о сказочной, полной золота стране далеко на юге. Мы почли своим долгом отправиться туда, а заодно разузнать о тех краях, по которым путешествуем. Мы никак не ожидали, что нам выпадет большая честь встретиться с вами, уважаемые.

— Это — честь для нас, — ответил Эверард слащавым голосом и тут же придал своему лицу строгое выражение. — Мой повелитель Золотой Империи, имя которого нельзя произносить вслух, послал нас из дружеских чувств, которые он к вам питает. Он будет глубоко опечален, если с вами случится несчастье. Мы пришли, чтобы предупредить вас.

— Что такое? — Токтай выпрямился. Мускулистая рука ухватилась за эфес несуществующей сабли, которую он из вежливости снял у входа. — Забери тебя злые духи, что ты несешь?

— Вот именно, нойон, злые духи. Прекрасной кажется эта земля с первого взгляда, но на ней лежит заклятье. Скажи, брат мой.

Сандовал, у которого язык был лучше подвешен, не заставил себя упрашивать. Его рассказ был рассчитан на суеверных, полуграмотных монголов, и вместе с тем составлен таким образом, чтобы не возбудить особых подозрений китайца. Дело в том, объяснил он, что на юге существует не одно, а два великих государства. Одно из них действительно находится на крайнем юге, другое — на северо-востоке. Оба государства обладают несказанной мощью, которую одни приписывают колдовству, другие — великим научным достижениям. Северная Империя, Плохогония, считает все земли в округе своими и не потерпит никаких чужеземцев. Ее дозорные обнаружат отряд в кратчайшие сроки и уничтожат пришельцев громом небесным. Дружественно настроенная Южная Империя, Прекрасногония, не может взять экспедицию под свое покровительство и защитить ее, поэтому она послала своих представителей предупредить монголов об опасности и просить их немедленно повернуть назад.

— Почему же туземцы ничего не говорили нам о двух таких могущественных державах? — проницательно сказал Ли.

— А разве все маленькие племена в джунглях Бирмы слышали о Великом хане? — не растерялся Сандовал.

— Я всего лишь невежественный чужеземец, — скромно произнес Ли. — Прости мне, но я не понимаю, о каком страшном оружии ты говоришь.

«Еще никто и никогда не называл меня лжецом более вежливо», — подумал Эверард, но вслух произнес:

— Я бы мог показать тебе, если у нойона найдется животное, которым он не слишком дорожит.

Токтай задумался. Если монгол и был устрашен предсказанными напастями, то ничем себя не выдал. Громко хлопнув в ладоши, он отдал резкое приказание заглянувшему в палатку часовому. Потом они долго сидели, перебрасываясь ничего не значащими фразами, паузы между которыми становились все длиннее.

Время тянулось нескончаемо долго, хотя не прошло и часа, как один из воинов появился у входа и сообщил, что они заарканили оленя. Нойон доволен? Да, доволен. Токтай вышел из палатки, расталкивая плечом столпившихся вокруг монголов. Эверард вышел следом, сожалея о том, что должно произойти. Не замедляя шага, он пристегнул к маузеру приклад.

— Может, ты? — спросил он Сандовала.

— О Господи, нет, конечно.

Олень, вернее лань, дрожа стояла у самой реки. На ее шее были натянуты волосяные арканы. В лучах заходящего за западные вершины гор солнца животное казалось отлитым из чистого золота, и что-то нежное почудилось Эверарду в ее взгляде. Он махнул рукой воинам, державшим арканы, и прицелился. Первая пуля убила лань наповал, но Эверард продолжал нажимать на курок, пока не расстрелял все патроны.

Когда он опустил пистолет, в воздухе зазвенела тишина. Он окинул взглядом кривоногие, крепко сбитые тела, плоские угрюмые лица; необычайно отчетливо ощутил запахи пота, лошадей и дыма костра. В этот

момент он перестал быть человеком не только в глазах монголов, но и в своих собственных.

— Это — самое слабое наше оружие, — произнес он. — Душа, оторванная от тела громом, никогда не найдет пути домой.

Он резко повернулся. Сандовал пошел следом. Не говоря ни слова, они оседлали коней и медленно поехали по направлению к лесу.

4

Язык пламени взвился от порыва ветра. Костер был разложен умелыми руками, и огонь лишь смутно высветил две темные фигуры и лица: скулы, бровь, нос, блеск глаз. Но вот пламя опять прижалось к земле, трепеща над красными и голубыми углями, и темнота поглотила людей.

Эверард ни о чем не жалел. Он переложил трубку из руки в руку и глубоко затянулся, крепко сжав мундштук зубами. Легче ему не стало. Когда он заговорил, ночной ветер, шумящий высоко в деревьях, почти заглушил звук его голоса, но и это было ему безразлично.

Неподалеку лежали их спальные мешки, стояли лошади, парил в воздухе пространственно-временной скуттер на антигравитационной подушке. На многие мили вокруг не было ни одной живой души: костры, подобно тому, который они разложили, были так же далеки и одиноки, как звезды во Вселенной. Где-то завыл волк.

— Мне кажется, — сказал Эверард, — каждый полицейский чувствует себя время от времени подонком. До сих пор ты оставался только в роли наблюдателя, Джон. Тебе трудно понять, что мне всегда приходится выполнять поручения подобного рода.

— Да. — Сандовал вел себя еще тише своего друга. После ужина он сидел не шелохнувшись.

— А сейчас вообще все не так. Когда исправляешь последствия чьего-то темпорального вмешательства в историю, во всяком случае знаешь, что восстанавлива-

ешь истинный ход событий. — Эверард запыхтел трубкой. — И не говори, что слово «истинный» лишено в данном контексте всякого смысла. По крайней мере, оно меня утешает.

— Угу.

— Но когда наши шефы, наши данеллианские супермены приказывают вмешаться... Мы знаем, что экспедиция Токтая никогда не вернулась в Китай. Для чего тогда нам прикладывать к этому руку? Если они наткнулись на враждебных индейцев или погибли от стихийных бедствий, я не возражаю. А если и возражаю, то не более, чем против любого несчастья в этой кровавой бойне, которую называют историей человечества.

— Нам не приказывали уничтожить участников экспедиции. Мы должны заставить их повернуть назад. Возможно, твоей утренней демонстрации окажется достаточно.

— Гм-м... повернуть назад, а дальше что? Скорее всего, гибель в открытом море. Не так-то легко им вернуться на родину: штормы, туманы, противоборствующие течения, скалы; а ведь они плывут в своих утлых суденышках, годящихся, в основном, для речных переходов. И получается, что они отправятся в далекий путь именно сейчас, в максимально непригодных условиях. Если бы не наше вмешательство, судьба распорядилась бы по-иному... Так почему же мы должны быть виновниками их гибели?

— Ведь они могли бы благополучно добраться домой, — пробормотал Сандовал.

— Что? — Эверард вздрогнул.

— Вспомни, о чем говорил Токтай. Я уверен, он собирается вернуться сухопутным путем. Берингов пролив пересечь нетрудно, алеуты часто совершают путешествия из одной страны в другую по льду. Мэнс, я боюсь, мы не сможем пощадить их.

— Но они никогда не вернутся на родину! Это исторический факт!

— Допустим, ты ошибаешься. — Сандовал повысил голос, заговорил быстрее. Ночной ветер приглушал слова, уносил их вдаль. — Давай немного пофантазируем. Допустим, Токтай продолжит путь на юго-восток. Да

и что может помешать ему? Довольно скоро он встретится с племенами пуэбло, обладающими высокой неолитической культурой. Это вдохновит его еще больше. Не позже августа он окажется в Мексике. Мексика сейчас такой же лакомый кусочек, как была... будет во времена Кортеса[1]. И завоевать ее очень соблазнительно: ацтеки и тольтеки никак не могут решить, кому встать у власти, а соседние племена с готовностью примкнут к любой посторонней силе, чтобы уничтожить и тех, и других. Если ты читал Диаса, то должен помнить, что пушки мало чем помогли испанцам. А монгольские воины превосходят европейских во всем... Да я и не думаю, что Токтай ринется в бой очертя голову. Он, несомненно, соблюдет все правила хорошего тона, останется на зиму, разузнает все, что только возможно. Через год он уйдет на север, переправится домой и доложит Хубилаю, что богатейшие земли, сказочные, полные золота страны, только и ждут, когда их завоюют!

— А как насчет других индейских племен? — перебил Эверард. — Я довольно смутно представляю себе этот период.

— Новая империя майя достигла вершин своего расцвета. Крепкий орешек, но тем более желанный. Я думаю, обосновавшись в Мексике, монголы ни перед чем не остановятся. В Перу культура еще выше, а организованность куда меньше, чем во времена Писарро[2]; что касается остальных, то только Кечуа и Аймар, цивилизация инков, может оказать хоть какое-то сопротивление. И не забывай о землях. Ты можешь себе представить, во что монгольское войско превратит Великие Равнины?

— Не думаю, что они хлынут сюда ордами, — неуверенно сказал Эверард. В голосе Сандовала проскальзывали нотки, от которых ему становилось как-то не по себе. — Не забывай, им придется пересечь Сибирь и Аляску.

---

[1] Кортес начал завоевание Мексики в 1519 г.

[2] Испанский авантюрист, настолько безграмотный, что на документах за него подписывались другие. Безжалостно разграбил Перу в 1532—1533 гг.

— И не такие препятствия преодолевались. Да я вовсе не хочу сказать, что они все разом отправятся в Америку. Вполне возможно, как и европейцам, им понадобится несколько веков. Могу представить себе кланы и племена, постепенно заселяющие северо-запад страны. Мексика и Юкатан станут ханствами. Постепенно, по мере роста населения и наплыва новых эмигрантов, начнется освоение востока. Не забывай, юаньская династия прекратит свое существование менее чем через сто лет. Монголам придется убраться из Азии. А за ними последуют китайцы, чтобы получить свою долю золота и годных для возделывания земель.

— Мне кажется, — мягко перебил его Эверард, — что кому-кому, а тебе негоже мечтать о скорейшем завоевании Америки.

— Завоевание завоеванию рознь, — ответил Сандовал. — Мне безразлична судьба ацтеков: если ты изучал их историю, то согласишься, что Кортес оказал Мексике милость[1]. Другим индейским племенам придется туговато, но ненадолго. Ведь монголы не такие уж варвары. Мы предубеждены против них, потому что западная цивилизация вбила нам в голову всякие глупости. А ведь европейцы не меньше других наслаждались пытками и устраивали кровавые побоища.

Монголы в этом отношении скорее напоминают древних римлян. Они, конечно, жестоко подавляют восстания, но уважают права тех, кто сдался им на милость. Они оставляют в завоеванных странах гарнизоны и компетентное правительство. Они не обладают высокой культурой, но покровительствуют ученым и жаждут новых знаний. В данный момент монгольская империя охватывает собой такую территорию и объединяет такое количество всевозможных рас, какие и не снились Риму.

Что же касается индейцев... не забывай, монголы — кочевники и скотоводы. И если в нашей истории между охотником и фермером возник неразрешимый конфликт, в результате которого белые уничтожили «краснокожих», в данном случае этого не произойдет. К тому же монголы начисто лишены расовых предрассудков.

---

[1] Ацтеки расширяли свои территории путем захватнических войн и покорения других индейских племен.

И после короткого сопротивления рядовые воины навахо, чиппева, семинолов, алгонкинов, чироки, дакота только рады будут покориться и обрести новых союзников. Почему бы нет? Они получат лошадей, овец, одежду, научатся выплавке металла. Числом они будут превосходить завоевателей, и равноправие им обеспечено истинное, а отнюдь не такое, как в случае белых фермеров и последующих веков технического прогресса. И повторяю, за монголами придут китайцы, несущие древние знания и культуру, объединяющие нации в одну...

Великий боже, Мэнс! Когда Колумб подплывет к этим берегам, он таки откроет Землю Обетованную! Великое Ханство, самую сильную державу на земле!

Сандовал умолк. Ветви деревьев скрипели от порывов ветра, как виселицы. Долгое время Эверард не произносил ни слова, глядя перед собой в ночную тьму, потом нарушил затянувшееся молчание:

— Да, это логично. Теперь понятно, почему мы должны торчать в этом веке, пока кризис не кончится. Наш мир перестал бы существовать. Никогда бы не существовал.

— Не таким уж он был прекрасным, этот мир, — рассеянно пробормотал Сандовал.

— Что ты говоришь? Подумай... о своих родителях. Ведь они тоже никогда бы не появились на свет.

— Мои родители ютились в ветхой лачуге. Однажды я видел, как отец плакал, потому что ему не на что было купить детям зимнюю обувь. Моя мать скончалась от туберкулеза.

Эверард сидел, не шелохнувшись. Да и что он мог сказать? Сандовал первым вскочил на ноги, как бы стряхивая с себя оцепенение, и натянуто рассмеялся.

— Что я тут наболтал, Мэнс? Не обращай внимания. Давай-ка лучше спать. Хочешь, я первым покараулю?

Эверард согласился, но долго не мог уснуть.

5

Скуттер отправил их на два дня в будущее, и сейчас они парили высоко в небе, подальше от посторонних глаз. В разреженном воздухе было холодно. Эверард

передернул плечами, настраивая электронный телескоп. Даже при самом сильном увеличении караван казался состоящим из крохотных точек, двигающихся по необозримой зеленой поверхности. Но в западном полушарии в то время других всадников быть не могло.

Он повернулся к своему товарищу.

— Что ты на это скажешь?

Лицо Сандовала оставалось непроницаемым.

— Раз демонстрация силы не произвела впечатления...

— Это ты верно подметил! Могу поклясться, они двигаются к югу в два раза быстрее прежнего! Но почему?

— Чтобы дать тебе исчерпывающий ответ, Мэнс, мне необходимо тщательно изучить психологию каждого монгола. Но в общих чертах могу сказать, что мы лишь раззадорили их боевой дух. Смело встречать опасности и тяготы походов — единственные добродетели воина... так разве мог Токтай трусливо повернуть назад? Если бы они испугались простой угрозы, им не для чего было бы жить на свете.

— Но ведь монголы не полные идиоты! Все их завоевания говорят о том, что они использовали не грубую силу, а пытались применить более совершенную стратегию и тактику ведения боевых действий. Токтай должен был вернуться, доложить Хубилаю все увиденное, а затем организовать новую, хорошо подготовленную экспедицию.

— Он может поручить эту миссию монголам на кораблях, — напомнил Сандовал. — Только теперь, кажется, я начинаю понимать, как сильно мы недооценили Токтая. Скорее всего, он приказал кораблям отплыть домой, если экспедиция не вернется в течение года. Встретившись по пути с чем-нибудь непредвиденным — например, с нами, — он всегда может отправить к месту стоянки донесение с проводником-индейцем.

Эверард кивнул. Ему пришло в голову, что хоть его и торопили изо всех сил, никогда еще он не был так плохо подготовлен к выполнению задания. Отсюда — осечка. И можно ли винить Джона Сандовала, что

подсознательно он ничем не хочет помочь? На мгновение Эверард задумался.

— А может, они нам просто не поверили? — спросил он. — Монголы всегда были тонкими психологами.

— Может быть. Но что нам делать?

Спуститься вниз, дать несколько залпов из энергетической пушки сорок первого века, установленной на скуттере, и все... О боже, да за одни такие мысли меня отправят в ссылку на отдаленную планету. Есть же предел...

— Попробуем организовать более впечатляющую демонстрацию, — сказал он.

— А если опять сорвется?

— Не каркай! Сперва попробуем.

— Я просто спросил. — Ветер приглушал слова, уносил их вдаль. — Почему бы нам не отменить саму экспедицию? Ведь нетрудно отправиться на пару лет назад и убедить Хубилая в нецелесообразности посылать корабли в столь далекое плавание.

— Ты прекрасно знаешь правила Патруля, запрещающие вмешиваться в исторический ход событий.

— Вот интересно, а что мы сейчас делаем?

— Выполняем задание данеллиан особой важности. Возможно, чтобы исправить темпоральное вмешательство в другие времена, в других странах. Я — человек маленький, всего лишь ступень эволюционной лестницы, а за их плечами — миллионы лет развития.

— Папочка знает лучше, — пробормотал Сандовал.

Эверард стиснул зубы.

— Ты не можешь оспаривать тот факт, — сказал он, — что события при дворе Хубилая, самого могущественного человека на земле, куда важнее и критичнее любых изменений в Америке. Нет уж, ты втянул меня в это злосчастное дело, так изволь теперь повиноваться, как старшему. Нам ясно приказали заставить этих людей повернуть назад. Что произойдет потом — не наше дело. Ну, так они не вернутся домой. Не мы будем тому причиной. Это все равно что упрекать себя в смерти человека, которого ты пригласил на обед, а ему по дороге кирпич упал на голову.

— В таком случае прекрати читать мне нравоучения и возьмемся за дело, — отрезал Сандовал.

Эверард послал скуттер вперед.

— Видишь тот холм? — спросил он несколько минут спустя. — Мне кажется, Токтай разобьет лагерь в нескольких милях от него, в долине у ручья. Давай приготовим ему маленький сюрприз.

— Что-нибудь вроде фейерверка? Тебе придется здорово попотеть. В Катае порох известен с незапамятных времен. Они изобрели даже нечто вроде военных ракет.

— Да, знаю. Но я прихватил с собой кое-какое оборудование на тот случай, если первая попытка не удастся.

На вершине холма росла небольшая группа сосен. Эверард опустил скуттер между деревьями и принялся выкладывать на землю коробки из вместительного багажника. Сандовал молча помогал ему. Патрульные лошади, прошедшие специальную подготовку, спокойно сошли с огороженных платформ и принялись щипать травку вдоль склона.

Индеец первым нарушил молчание:

— Что ты делаешь? Честно говоря, это не совсем по моей специальности.

Эверард ласково похлопал по кожуху наполовину собранного аппарата.

— Часть установки управления погодой, которую применяли в Холодные Столетия. Нечто вроде распределителя. Может организовать такую грозу, что тебе и не снилось.

— Мммм... единственное, чего боятся монголы. — Внезапно Сандовал ухмыльнулся. — Твоя взяла. Ладно, не будем больше ссориться.

— Послушай, собери что-нибудь на ужин, пока я тут вожусь. Только огня не разводи. Они могут заметить дым... О, кстати, вот и генератор чудес. Если ты переоденешься и накинешь капюшон, чтобы тебя случайно не узнали, я преподнесу монголам твой образ в милю высотой и еще уродливей нашей жизни.

— Хочешь, я станцую? Пляски вождей навахо выглядят достаточно устрашающе для непосвященных.

— Годится!

День клонился к вечеру. Серый сумрак разлился под соснами, воздух стал свеж и ароматен. Закончив работу, Эверард с жадностью уплел бутерброд и поднес

к глазам бинокль, с удовольствием убедившись, что высланные вперед дозорные монголов облюбовали для стоянки предсказанное им место. Вскоре у ручья появились охотники с настрелянной добычей и немедленно принялись за приготовление пищи. Основной отряд подтянулся перед самым заходом солнца, и воины тут же принялись за еду. Токтай действительно не щадил людей, используя каждую минуту светлого времени. В сгущавшейся темноте можно было разглядеть часовых: конных, с луками на изготовку. Но как Эверард ни храбрился, настроение у него было неважное. Ведь он имел дело с народом, который заставил говорить о себе весь мир.

Над снежными пиками гор засверкали первые звезды. Пора было начинать.

— Ты стреножил лошадей, Джон? Они могут испугаться. По крайней мере за монгольских лошадей я ручаюсь! Ну ладно, начали! — Эверард нажал на кнопку и присел перед слабо засветившейся панелью управления.

Между небом и землей постепенно стало возникать бледно-голубое сияние. Затем появились молнии: раздвоенные языки и трезубцы пламени неслись сверху, разбивая деревья; от непрерывного грохота дрожали склоны холмов. И наконец пришел черед шаровым молниям: огромным скоплениям, которые, извиваясь и разбрасывая искры, неслись, как пули, по направлению к монгольскому лагерю и взрывались над ним, добела раскаляя воздух.

Эверард, наполовину ослепший и оглушенный, настроил прибор на флюоресцентную ионизацию. Подобно северному сиянию заискрилось небо гаммой цветных полотен от кроваво-красного до ослепительно-белого, зло шипящих под непрерывными раскатами грома. И в это время вперед выступил Сандовал. Он разделся до штанов, и его обнаженное тело было разрисовано глиной по древнему индейскому обычаю, а лицо, хоть и неприкрытое, испачкано землей и перекошено гримасой до такой степени, что Эверард с трудом узнал своего товарища. Генератор чудес мгновенно сканировал и преломил образ, согласно заданной программе. Человек, стоящий на фоне авроры, казалось, был выше гор. Он

дергался в диком танце, раскачиваясь от горизонта до горизонта, и при этом завывал и смеялся отрывистым, лающим смехом, заглушавшим раскаты грома.

Эверард, продолжая нажимать кнопки панели управления, невольно съежился. Он чувствовал, как в нем растет первобытный страх: танец пробудил в нем давно забытые ощущения.

О Боже, если и это на них не подействует...

Он встряхнулся и посмотрел на часы. Полчаса... еще минут пятнадцать, пока все затихнет... До рассвета монголы наверняка не тронутся с места: дисциплина все же у них достаточно высока, и вряд ли они кинутся ночью кто куда, очертя голову. Значит, несколько часов передышки, а напоследок можно окончательно попортить им нервы и, скажем, разбить молнией дерево в лагере... Эверард махнул Сандовалу рукой. Индеец уселся на землю, тяжело дыша, хотя непохоже, что от физической усталости.

Постепенно грохот затих.

— Просто здорово, Джон, — проговорил Эверард. Голос его прозвучал тихо и как-то странно.

— Сколько лет прошло, — пробормотал Сандовал. Он чиркнул спичкой, и в наступившей тишине звук показался на удивление громким. Зажженная сигарета высветила его тонкие губы. — Когда я жил в резервации, никто из нас не относился к этому всерьез. Несколько стариков пытались обучить нас, мальчишек, древним обычаям. Они говорили, нам нельзя забывать, что мы все еще являемся самобытным народом. А нас интересовало только поплясать перед туристами, которые иногда швыряли нам мелочь.

Наступило долгое молчание. Эверард окончательно отключил генератор. В полной темноте виден был лишь огонек сигареты, вспыхивающий и затухающий, как Алголь[1].

— Туристы! — повторил Сандовал. Прошло еще несколько минут. — Сегодня я танцевал, зная для чего. У меня была цель. Раньше я ничего не чувствовал.

Эверард не ответил.

---

[1] Звезда в созвездии Персея, отличающаяся изменчивостью своего света.

На сей раз тишину прервало ржание лошади, отбежавшей на всю длину привязи и все еще напуганной недавними событиями.

Эверард поднял голову, но в кромешной тьме ему ничего не удалось разглядеть.

— Ты что-нибудь слышал, Джон?

Луч фонарика осветил его с головы до ног.

Какое-то мгновение он слепо смотрел прямо на свет. Затем вскочил на ноги, кляня все на свете и выхватывая станнер. Из-за дерева к нему метнулась чья-то тень. Удар пришелся по ребрам. Отпрыгнув назад, он нажал на курок.

Луч фонарика описал полукруг. Эверард мельком увидел Сандовала. Индеец не успел переодеться и теперь, безоружный, еле уклонился от удара монгольской сабли. Воин замахнулся второй раз, но каждый патрульный проходил курс обучения джиу-джитсу. Сандовал упал на колено, и когда клинок просвистел мимо, резко поднялся, угодив противнику плечом в живот. Четкий удар по подбородку, а после того как голова в шлеме откинулась назад — ребром ладони по горлу, и в ту же секунду Сандовал выхватил оружие из ослабевшей руки и отразил нападение сзади.

Среди воплей и криков кто-то отдавал распоряжения четким, лающим голосом. Эверард попятился. Однако нападавшего он уже оглушил выстрелом из станнера. Но между ним и скуттером столпились монголы. Он повернулся к ним лицом. Внезапно плечи его обвил аркан, затянувшийся с профессиональной ловкостью. Он упал, и в ту же секунду на него навалились четверо. Он еще успел разглядеть, как с полдюжины солдат бьют Сандовала древками копий по голове. Дважды удалось Эверарду подняться на ноги, но станнер его отлетел в сторону, маузер вытащили из кобуры, да к тому же невысокие монголы и сами довольно искусно владели разнообразными приемами боя без оружия. Его протащили по земле, нанося на ходу удары кулаками, ногами, рукоятями кинжалов. Эверард не потерял сознания, но через некоторое время ему все стало безразлично.

6

Токтай свернул свой лагерь на заре, и уже с первыми лучами солнца его отряд растянулся длинной цепью по широкой равнине. Земля, покрытая зарослями невысокого кустарника, постепенно становилась более пологой и засушливой, горы уходили за горизонт к западу, и все меньше снежных пиков можно было разглядеть в призрачном белесом небе.

Небольшого роста выносливые монгольские лошади без устали бежали вперед, и слышен был лишь стук копыт да бряцанье упряжи. Оглянувшись, Эверард увидел перед собой вереницу людей, слившихся в четкую линию: копья опускались и подымались, знамена и плащи развевались по ветру, из-под шлемов блестели раскосые глаза, там и тут мелькали непривычно ярко раскрашенные кирасы. Монголы двигались молча, не переговариваясь, и их плоские лица оставались бесстрастными.

У Эверарда болела голова. Руки ему оставили свободными, но голени накрепко привязали к стременам. Сначала его раздели донага — вполне разумная предосторожность, ведь кто знает, какое невиданное оружие могло находиться в одежде, — а затем выдали полное обмундирование монгольского солдата, смехотворно маленького размера. Ему пришлось даже распороть рубаху по швам, прежде чем удалось хоть как-то напялить ее на себя.

Генератор чудес и скуттер остались на холме. Токтай не желал рисковать. Ему даже пришлось накричать на перепуганных воинов, которые никак не хотели привести странных лошадей и походное снаряжение патрульных.

Сзади послышался конский топот. Один из лучников, охранявших Эверарда, что-то буркнул и отъехал в сторону. Его место занял Ли Дай-цзун.

Эверард бросил на него безнадежный взгляд.

— Ну как?

— Боюсь, друг твой больше не проснется, — ответил китаец. — Я устроил его поудобнее.

Ну да, на самодельных носилках, привязанных между двумя лошадьми... Вне всякого сомнения, тя-

желое сотрясение мозга от вчерашних ударов по голове. В госпитале Патруля его поднимут на ноги в два счета. Но ближайшее отделение находится в Ханбалыке, а я не думаю, что Токтай разрешит мне вернуться к скуттеру и связаться с ними по рации. Джон Сандовал умрет за шестьсот пятьдесят лет до того, как появился на свет.

Карие глаза китайца наблюдали за ним спокойно, с интересом, даже с некоторой долей сочувствия, но понимания в этом взгляде не было. Эверард знал, что спорить бессмысленно: аргументы, казавшиеся логичными в двадцатом веке, здесь считались пустой болтовней. И все же он обязан был попробовать.

— Неужели ты не можешь по крайней мере попытаться объяснить Токтаю, какие беды он может навлечь не только на себя, но и на весь свой народ?

Ли погладил свою раздвоенную бороду.

— Мне совершенно ясно, достопочтенный, что ваше племя обладает неизвестными нам знаниями, — сказал он. — Но что с того? Варвары (тут он быстро посмотрел в сторону монголов-охранников, но те, видимо, не понимали по-китайски) покорили много стран, превосходящих их во всем, кроме искусства ведения войны. Нам теперь совершенно ясно, что вы... гм-мм... скрыли истину, говоря о враждебном государстве недалеко отсюда. А если у вашего царя нет причин нас бояться, зачем ему лгать?

— Наш могущественный повелитель, — проговорил Эверард, тщательно подбирая слова, — не любит кровопролития. Но если вы вынудите его...

— Прошу тебя. — Ли даже поморщился. Он помахал в воздухе холеной рукой, как бы отгоняя насекомое. — Говори Токтаю, что хочешь, я не собираюсь вмешиваться. Я не опечалюсь, если придется вернуться домой: ведь я отправился сюда, повинуясь воле императора. Но мы — культурные люди, и когда беседуем с глазу на глаз, давай не оскорблять друг друга никчемными высказываниями. Разве ты не понимаешь, уважаемый, что на монголов тебе не удастся воздействовать никакими угрозами? Смерть они презирают, самые мучительные пытки рано или поздно убьют их, а любое надругательство не страшно воину, готовому покончить

с собой, прокусив язык. Токтай считает, что покроет себя вечным позором, повернув назад, и добудет бесчисленные богатства и славу, бесстрашно продолжив путь.

Эверард вздохнул. То, что их так постыдно захватили в плен, явилось, несомненно, поворотным пунктом. Монголы чуть было не разбежались при первых ударах грома. Многие из них с воем и воплями катались по земле (и именно они поведут себя наиболее агрессивно, чтобы остальные поскорее забыли об их трусости). Токтай велел атаковать, во-первых, потому что сам был напуган, а во-вторых — из духа противоречия. Отчасти его решению способствовал Ли: ученый, скептик, хорошо знакомый с пиротехникой и ни во что не верящий, китаец уговорил Токтая напасть, пока их всех не поубивало громом.

Да, здорово мы напутали. Следовало взять с собой Специалиста, интуитивно разбирающегося во всех оттенках их культуры. А мы ринулись в бой, не сомневаясь, что голых фактов окажется достаточно. И что теперь? Может, спасательная экспедиция Патруля и придет на помощь, но Джон умрет через день-другой... — Эверард посмотрел на каменное выражение лица стражника, скачущего слева. — А возможно, они и со мной покончат. Нервы-то у них на пределе. Им проще избавиться от меня, чем тащить за собой.

А если все-таки (мало шансов!) Патруль его выручит, как смотреть в глаза товарищам? Агент с правом свободных действий, пользующийся всеми привилегиями своего ранга, обязан самостоятельно выпутываться из любых передряг и при этом отвечать за жизнь людей, посланных с ним на задание.

— Поэтому я со всей искренностью советую тебе больше не пытаться прибегать к обману.

— Что? — Эверард вздрогнул и посмотрел на Ли.

— Ты ведь не можешь не понимать, надеюсь, — сказал китаец, — что проводники-индейцы сбежали? И что тебе придется занять их место? Правда, мы надеемся вскоре повстречаться с другими племенами, наладить отношения...

Эверард кивнул, и голова у него разболелась еще больше. Солнечный свет неприятно резал глаза. Его

ничуть не удивляло, что монголам удавалось договориться с аборигенами. Если не упирать на грамматику, достаточно нескольких часов, чтобы довольно сносно изъясняться на любом языке с помощью нескольких основных слов и жестов. А наняв провожатых, можно не торопясь совершенствовать свои знания по дороге.

— ...и нанимать проводников у каждого племени, — продолжал Ли, — как и раньше. Так что если ты вздумаешь завести нас куда-нибудь, обман вскоре откроется и Токтай накажет тебя самым нецивилизованным способом. С другой стороны, за верную службу ты будешь хорошо вознагражден. Со временем ты даже сможешь занять высокое положение при нашем дворе, разумеется, после того как мы завоюем эти земли.

Эверард перестал слушать. От неожиданно пришедшей в голову мысли у него перехватило дыхание.

Почему он так уверен, что Патруль придет к ним на выручку? Совершенно очевидно, что монгольская экспедиция в результате потерпела фиаско. Так ли очевидно? Ведь им приказали вмешаться в исторический ход событий — парадокс, необъяснимый с точки зрения логики, — а это говорило о нестабильности пространственно-временного континуума в данный период.

Все черти в аду! Значит, Токтай мог преуспеть в своем начинании! И тогда будущее Американское Ханство, о котором Сандовал не смел мечтать, — реальная действительность.

Пространство-время полно неожиданностей. Оно прерывисто, изменчиво. Исторические линии пересекаются, текут вспять; незначительные события и факты забываются. Так же, как забудутся Мэнс Эверард и погибший Джон Сандовал — агенты Патруля времени, который никогда не существовал, в далеком будущем, которого никогда не было.

7

После многочасового тяжелейшего перехода, перед заходом солнца, они оказались в довольно неприглядной местности, поросшей лишь редким кустарником да полынью. Коричневые холмы стали более пологими;

пыль клубилась под копытами лошадей; серебристо-зеленые кусты попадались все реже.

Эверард помог уложить Сандовала на землю. Глаза навахо были закрыты, лицо осунулось. Иногда он что-то бормотал в горячечном бреду, вздрагивая всем телом. Намочив тряпку, Эверард влил ему несколько капель воды сквозь растрескавшиеся губы, но больше ничем не мог помочь.

Монголы, устраиваясь на отдых, вели себя куда оживленнее, чем раньше. Они победили двух могучих волшебников, никто на них больше не нападал, и вывод напрашивался сам собой. Они занимались делом, весело болтая друг с другом, а после скромной трапезы открыли меха с кумысом.

Эверард остался сидеть рядом с Сандовалом, почти в центре лагеря. Их охраняли два молчаливых стражника с луками наготове. То и дело один из них вставал, чтобы подбросить дрова в небольшой костер. Постепенно разговоры начали затихать. Даже неутомимые монголы оказались подвластны усталости: люди укладывались на землю и мгновенно засыпали; часовые, объезжающие лагерь, старались выпрямиться в седлах; костры медленно догорали, уступая место появившимся в вышине звездам; на много миль разносился дикий лай койота.

Под тяжелыми шагами заскрипела сухая земля. В ту же секунду стражники приладили к тетивам луков стрелы. Свет костра высветил фигуру Токтая с непокрытой головой. Воины склонились до земли и отступили в тень.

Токтай остановился. Эверард поднял голову, но тут же отвел взгляд. Некоторое время нойон молча смотрел на Сандовала, потом произнес необычно мягким тоном:

— Не думаю, что друг твой увидит еще один восход.

Эверард буркнул что-то неразборчивое.

— Может, у тебя есть какое-нибудь лекарство? — спросил Токтай. — В ваших седельных сумках много непонятных предметов.

— У меня есть лекарство против воспаления, — машинально ответил Эверард, — и еще от боли. Но

чтобы вылечить человека с проломленным черепом, его необходимо отвести к искусным лекарям.

Токтай присел рядом и протянул руки к огню.

— Мне очень жаль, но в моем отряде нет целителей.

— Ты мог бы отпустить нас, — предложил Эверард без всякой надежды на успех. — Моя повозка, оставшаяся на холме, вовремя доставит его туда, где окажут помощь.

— Ты же знаешь, я не могу этого позволить! — Токтай ухмыльнулся. В голосе его перестала сквозить жалость к умирающему. — В конце концов, Эбурар, ты первый на нас напал.

Это было правдой, и Эверард не нашелся что ответить.

— Но я не затаил на тебя зла, — продолжал нойон. — Более того, я хотел бы стать твоим другом. Ведь мне ничего не стоило сделать остановку на пару дней и вышатать у тебя все, что ты знаешь.

Глаза Эверарда яростно вспыхнули.

— Ты бы мог лишь попробовать!

— И, думаю, преуспеть, раз ты возишь с собой лекарство от боли. — Губы Токтая растянулись в волчьей усмешке. — Однако ты еще можешь пригодиться, как заложник например, и вообще, мне нравится твоя смелость. Я даже скажу, какая мысль пришла мне в голову. Мне кажется, ты из небольшого племени волшебников, а вовсе не из южной страны, царь которой, наверное, находится в твоей власти. А если нет, значит ты надеешься заколдовать его и не хочешь, чтобы мы тебе мешали. — Токтай сплюнул в костер. — Я слышал много легенд, и в них герой всегда побеждает волшебника. Почему бы мне не стать этим героем?

Эверард вздохнул.

— Скоро ты узнаешь почему, нойон. — На какое-то мгновение он подумал, что скорее всего окажется не прав.

— О, перестань. — Токтай хлопнул его по спине. — Неужели тебе трудно рассказать мне хоть самую малость? Ведь между нами нет крови. Будем друзьями!

Эверард молча кивнул в сторону Сандовала.

— Это печально, — сказал Токтай, — но он оказал сопротивление солдатам Великого Кагана. Брось, Эбурар, давай лучше выпьем. Я прикажу подать кумыс.

Невольно патрульный скорчил гримасу.

— Не самый лучший способ умиротворить меня!

— Вот как, твоему народу не нравится кумыс? Боюсь, больше у нас ничего нет. Вино давно кончилось.

— Ты мог бы разрешить мне выпить виски. — Эверард вновь посмотрел на Сандовала и перевел взгляд в окружающую тьму. Он чувствовал, что его бьет легкий озноб. — О господи, от рюмки я бы сейчас не отказался!

— А?

— Наш национальный напиток. Фляги лежат в седельных сумках.

— Что ж... — Токтай явно колебался. — Ну хорошо. Пойдем со мной и возьмешь, что тебе надо.

Стражники последовали за своим начальником и пленником, пробираясь сквозь кусты, мимо спящих воинов, пока не подошли к сваленным в кучу вещам, тоже находившимся под охраной. Один из часовых зажег ветку от костра, чтобы посветить Эверарду. Мускулы патрульного напряглись, он физически ощущал стрелы, нацеленные ему в спину. Тем не менее он спокойно присел на корточки, открыл седельные сумки и неторопливо достал из них обе фляжки. Затем опять же в сопровождении нойона и стражников вернулся к своему костру.

Токтай сел на землю. Он внимательно следил, как Эверард налил виски в отвинчивающийся колпачок, а затем опрокинул содержимое себе в рот.

— Странно пахнет, — заметил он.

— Попробуй. — Патрульный настолько остро чувствовал свое одиночество, что и сам не понял, как у него вырвались эти слова. В конце концов, чем плох нойон? По современным понятиям, он даже ведет себя любезно. А если ты сидишь рядом с умирающим другом, можно выпить хоть с самим дьяволом, лишь бы ни о чем не думать.

Токтай посмотрел на Эверарда, недоверчиво понюхал горлышко, на секунду задумался, а затем, явно бравируя, припал к нему губами.

— Оо-оо-оо-аа-аа-аа!

Эверард едва успел подхватить фляжку, пока ее содержимое окончательно не вылилось. Нойон отплевывался, тяжело дыша. Один из стражников натянул стрелу на тетиву лука, другой — бросился вперед и схватил Эверарда за плечо, высоко занося саблю.

— Это не яд! — воскликнул патрульный. — Просто для него напиток слишком крепок. Смотрите, я сейчас еще выпью.

Токтай махнул рукой и посмотрел на пленника слезящимися глазами.

— Что это за штука? — спросил он сдавленным голосом. — Должно быть, приготовлена из драконьей крови?

— Из ячменя. — Эверард был не в настроении объяснять монголу процесс дистилляции. Он плеснул в небольшой колпачок еще немного виски. — Давай пей свое кобылье молоко.

Токтай причмокнул.

— Здорово согревает. Как перец. — Он протянул грязную руку. — Дай сюда.

Эверард сидел, не шевелясь.

— Ну?! — прорычал нойон.

Патрульный покачал головой.

— Я ведь сказал тебе: напиток этот слишком крепок для монголов.

— Что такое? Послушай, ты, бледнолицый слизняк...

— Смотри же, я тебя честно предупредил. Пусть твои воины будут свидетелями: завтра утром тебе будет плохо.

Токтай сделал несколько крупных глотков, рыгнул и протянул фляжку Эверарду.

— Чепуха! Просто сначала я не был готов. Пей!

Эверард надолго приложился губами к горлышку, делая вид, что пьет.

Токтай нетерпеливо заерзал на месте.

— Чего ты возишься? Давай скорее. Нет, лучше я возьму вторую фляжку.

— Хорошо. Тебе виднее. Но прошу тебя, не пей со мной наравне. У тебя ничего не получится.

— То есть как это не получится? Да я перепил в Каракоруме двадцать человек, и не каких-нибудь там китайцев, а настоящих монголов. — Он забулькал.

Эверард прихлебывал виски крохотными глотками, чувствуя лишь некоторое жжение в желудке. Внезапно он понял, что у него есть шанс.

— Глотни немного, — сказал он, кивнув ближайшему стражнику. — Ночь сегодня холодная. Погрейтесь, ребята.

Токтай поднял голову и посмотрел на Эверарда слегка осоловелым взглядом.

— Хорошее вино, — с упреком в голосе произнес он. — Слишком хорошее для... — Он вовремя спохватился и умолк. Жестокой была монгольская империя и пользовалась всеми правами абсолютной власти, но начальники ее честно делились любыми благами с самым последним из своих подчиненных.

Воин обиженно посмотрел на нойона, схватил фляжку и поднес ее ко рту.

— Полегче, — предупредил Эверард. — А то голова закружится.

— А у меня никогда не закружится. — Токтай влил в себя очередную порцию. — Трезв, как бонза[1]. — Он погрозил пальцем. — Знаешь, почему монголы так несчастны? Никогда не могут напиться допьяна.

— Ты хвастаешься или жалуешься? — спросил Эверард. Первый стражник прищелкнул языком, взял лук в руки и передал драгоценный сосуд своему товарищу. Токтай сделал еще несколько глотков.

— Аххххх! — Он уставился в костер бессмысленным взглядом. — А теперь — спать. Часовые, отдайте ему вино!

У Эверарда перехватило дыхание. Но он нашел в себе силы насмешливо улыбнуться.

— Вот это правильно, — произнес он. — А я еще выпью. Рад, что ты понял, что вам за мной не угнаться.

— Что ты болтаешь? — Токтай сурово посмотрел на патрульного. — Монгол сколько ни пьет — ему все мало!

Он снова забулькал. Первый охранник получил от своего товарища фляжку и торопливо принялся пить, пока начальник не передумал.

---

[1] Бонзы — название, даваемое европейцами всем буддийским духовным лицам в Индии, Японии, Китае и Корее. Происходит от китайского слова, которое означает «учитель закона».

Весь дрожа, Эверард с облегчением вздохнул. Может быть, получится. Может быть.

Токтай привык бражничать. Не было никакого сомнения в том, что он и его соплеменники могли, почти не пьянея, пить кумыс, вино, эль, мед, квас — это жиденькое пиво, которое неправильно называли хлебным вином, — короче, напитки своей эпохи. Они знали меру и, пожелав друг другу спокойной ночи, доходили до постели по прямой.

Вся беда заключалась в том, что любой продукт, подверженный брожению, не может быть крепче двадцати четырех градусов — отходы брожения прекращают процесс, — а в большинстве напитков, употребляемых в тринадцатом веке, содержание алкоголя не превышало пяти процентов, и пили их, как правило, за обильными трапезами.

Шотландское виски — совсем другое дело. Если пить его, как пиво или вино, жди беды. Сначала ты теряешь рассудок, сам о том не подозревая, а затем и сознание.

Эверард протянул руку за фляжкой, которую держал один из стражников.

— Отдай! — потребовал он. — Ты все выпьешь!

Воин ухмыльнулся, сделал большой глоток и передал фляжку товарищу. Эверард скорчил гримасу, поднялся на ноги и неуклюже попытался отобрать ее. Стражник ткнул его в живот. Патрульный тут же свалился на спину, задрав вверх ноги. Монголы зашлись смехом, прислонившись друг к другу. Шутка была так хороша, что по ее поводу необходимо было выпить.

Когда Токтай отключился, заметил это один Эверард. Нойон, сидевший скрестив ноги, принял полулежачее положение. При свете костра видна была глупая улыбка, блуждавшая на его губах. Мускулы патрульного напряглись, как струна.

Один из стражников продержался на несколько минут дольше. Но затем и он мягко опустился на четвереньки и принялся выдавать на землю свой ужин. Другой стражник повернулся, недоуменно моргая, и попытался вытащить из ножен непослушную саблю.

— Что такое? — простонал он. — Чшто сшлучшилось? Отрава?

Пришла пора действовать.

Эверард перескочил через костер и, кинувшись на Токтая, прижал его к земле, выхватывая саблю из ножен. Второй стражник, все еще державшийся на ногах, громко вскрикнул и попытался напасть на патрульного. Эверарду не хотелось убивать практически беспомощного человека, так что пришлось пустить в ход кулак. Монгол медленно опустился на колени и, последовав примеру своего товарища, тут же заснул мертвым сном.

Эверард бросился бежать. В потревоженном лагере послышались недоуменные голоса. Раздался топот копыт: конные часовые спешили проверить, в чем дело. Кто-то достал из костра почти потухшую ветку и принялся размахивать ею в воздухе, пока та не разгорелась. Эверард упал и прижался к земле.

Мимо куста, за которым он лежал, промчался воин. Сзади раздался громкий вопль и взрыв проклятий, значит, нойона обнаружили.

Эверард вскочил на ноги и побежал что было сил.

Лошади были стреножены и, как обычно, охранялись. Табун выделялся черным пятном на равнине, серебристой от звездного света. Эверард увидел, что к нему на полном скаку несется один из часовых.

— Что случилось? — крикнул он.

— Нападение на лагерь! — ответил патрульный высоким голосом, плотнее заворачиваясь в плащ и чуть согнув ноги. Ему необходимо было выиграть время, чтобы монгол не успел приладить стрелу и выстрелить. Часовой поравнялся с ним. Эверард прыгнул.

Он схватил коня под уздцы в ту самую минуту, когда его узнали. Громко вскрикнув, монгол выхватил саблю и, не колеблясь, нанес удар. Но Эверард находился с левой стороны и легко отпарировал. Сделав, в свою очередь, выпад, он почувствовал, как клинок погрузился во что-то мягкое. Лошадь испуганно встала на дыбы, и всадник вылетел из седла. Покатившись по земле, он тем не менее поднялся и, прихрамывая, побежал вперед, громко крича. Эверард тем временем уже нащупал стремя. Монгол хромал все сильнее, и в темноте кровь черной струей била из его раны в ноге.

Эверард вскочил в седло и плашмя ударил саблей по крупу животного.

Он скакал к табуну. Еще один часовой мчался наперерез. Патрульный пригнулся, чувствуя свист стрелы над головой. Его лошадь, обеспокоенная непривычной тяжестью, не желала слушать повода и вскидывала задом. Пришлось потратить целую минуту, чтобы заставить ее повиноваться, и в это время монгол мог прикончить его, если бы схватился врукопашную. Но привычка оказалась сильнее, и часовой промчался мимо, стреляя на ходу. В темноте он промахнулся, и прежде чем успел вернуться, Эверард был далеко.

Разворачивая на ходу аркан, он заехал в самую середину табуна, накинул петлю на шею одной из лошадей, взмахом сабли обрубил ремешки, которыми она была стреножена, и поскакал прочь, на север.

«Придется им со мной повозиться, — не совсем к месту сказал он сам себе. — Надо запутать следы, иначе поймают. Насколько я помню географию, вулканические пласты находятся примерно к северо-западу».

Он оглянулся. Погони пока что не было. Для того чтобы организовать ее, понадобится время... Но что это?

Над его головой засверкали молнии. Воздух посвежел, послышались раскаты грома. Эверард почувствовал, что его бьет озноб, и вовсе не от ночного холода. Он умерил бег своего коня. Теперь можно было не спешить. Потому что там, сзади, находился Мэнс Эверард...

...который вернулся к патрульному скуттеру и отправился на нем к югу в пространстве и к настоящему моменту во времени.

Мягко говоря, не совсем этично. По неписаным правилам Патруля помогать самим себе считалось недозволенным. Слишком велика вероятность появления замкнутой петли времени, не говоря уже об изменении будущего.

Но в данном случае мне это сойдет с рук. Никто даже не упрекнет. Потому что я спасаю не себя, а Джона Сандовала. Я уже свободен, и мне ничего не стоит уйти от погони в горах, которые мне известны, а монголам — нет. А ведь речь идет о спасении жизни моего друга.

Кроме того, с горечью подумал он, *наше задание, на поверку, состояло именно в том, чтобы, изменив прошлое, обеспечить собственное будущее.*

Необъятное черное небо было усыпано звездами: редко когда доводилось наблюдать такую картину. Большая Медведица сияла над древней землей; дробь копыт звенела в тишине. Никогда еще Эверард не чувствовал себя таким одиноким.

— Интересно, чем это я занимаюсь сейчас в монгольском лагере? — спросил он вслух.

Ответ пришел к нему сам собой, и, облегченно вздохнув, он поудобнее уселся в седле и пришпорил лошадь. Ему хотелось как можно скорее выполнить задание, и теперь он знал, что надо делать.

Не так уж все страшно, как казалось с первого взгляда. Токтай и Ли Дай-цзун никогда не вернулись на родину. Но не потому, что погибли в море или столкнулись с враждебными племенами. Просто волшебник спустился с неба, и уничтожил всех их лошадей громом, и сжег их корабли в устье реки. Ни один китайский матрос не отправится в плавание на суденышках, которые можно здесь построить; ни один монгол не осмелится вернуться домой пешим. Значит, так оно и было на самом деле. Экспедиция не погибнет, а останется в Америке; монголы обзаведутся местными женами, научат индейцев чинук, тлингитов, нутка, все племена потлач[1] строить прочные корабли, дома, выплавлять медь, обрабатывать меха, шить одежды... что ж, монгольский нойон и даже конфуцианский ученый могли провести остатки дней своих куда более счастливо и с большей пользой, чем осуществив свои прежние чаяния.

Как бы соглашаясь сам с собой, Эверард кивнул. С Токтаем и его кровожадными замыслами покончено. Тут все ясно. Куда труднее осознавать горькую правду о потомках: ведь он считал их своей семьей, и в работе, которую выполнял, видел цель всей жизни. Далекие супермены оказались на деле совсем не такими бескорыстными. Они не просто охраняли тот самый истинный исторический ход событий, в результате которого

---

[1] Племена, связанные обычаем.

появились в далеком будущем. Нет, они тоже передергивали, чтобы создать собственное прошлое... И не надо спрашивать, что значит «истинный». Лучше вообще ни о чем не спрашивать. Гляди себе на тернистый путь, которым идет человечество, и говори, что где-то могло быть лучше, а где-то — хуже.

— Может, это и не единственный выход, — вслух произнес Эверард, — но другого я не знаю.

Голос его прозвучал неожиданно громко, прокатившись над покрытой инеем равниной, и больше он не произнес ни слова: лишь прищелкнул языком, понукая лошадь, держа путь на север.

DELENDA EST[1]

1

Двадцать тысяч лет назад в Европе была великолепная охота, а зимний спорт там хорош в любую эпоху. Вот почему Патруль времени, всегда заботившийся о своих высококвалифицированных сотрудниках, разместил несколько охотничьих домиков в Пиренеях плейстоценового периода.

Мэнс Эверард стоял на застекленной веранде и смотрел на голубые горы, покрытые льдом; ниже по склонам спускались леса, а совсем внизу тянулись болота и тундра. Сильное мускулистое тело патрульного было одето в свободные зеленые штаны и в куртку из инсульсинта двадцать третьего века; ботинки были сшиты на заказ сапожником из французской Канады девятнадцатого века; он курил старую вересковую трубку вовсе не известного происхождения. Эверард ощущал какое-то беспокойство и не обращал внимания на шум, доносившийся из дома, где другие патрульные пели, пили, разговаривали и играли на пианино.

---

[1] «Delenda est» — «разрушен есть». Перефразировка знаменитых слов Катона-старшего, которыми он заканчивал свои выступления в Сенате на любую тему: «Карфаген должен быть разрушен» («...esse delendam»). *(Примеч. перев.)*

Через покрытый снегом двор прошел их проводник-кроманьонец, высокий красивый парень в эскимосской одежде (непонятно, почему авторы романов о ледниковом периоде никогда не признавали за людьми палеолита достаточно здравого смысла, чтобы носить куртки, штаны и обувь?). Лицо у проводника было раскрашено, за поясом торчал стальной нож, ради которого он и взялся за эту работу. Так далеко в прошлом Патруль мог действовать достаточно свободно, не боясь нарушить ход истории: нож все равно заржавеет, а пришельцев через несколько столетий забудут. Основное затруднение было в другом: женщины-агенты из далеких веков, где нравы были проще, все время заводили романы с местными охотниками.

Пит Ван Саравак (голландско-индонезийский венерианин из раннего двадцать четвертого века), стройный, темноволосый молодой человек, чья наружность и манера ухаживать составляли большую конкуренцию охотникам, присоединился к Эверарду на веранде. Минуту они стояли молча, с удовольствием ощущая присутствие друг друга. Пит тоже был агентом свободных действий, в любой момент готовым прийти на выручку в любом ареале. Несколько раз они работали вместе. Отдыхать они тоже приехали вдвоем.

Пит первым нарушил молчание, заговорив на темпоральном:

— Я слышал, около Тулузы обнаружили несколько мамонтов.

Тулуза будет построена только спустя столетия, но сила привычки велика.

— Я уже подстрелил одного, — нетерпеливо сказал Эверард. — И уже вволю накатался на лыжах, назанимался альпинизмом и по горло сыт зрелищем местных танцев.

Ван Саравак кивнул и раскурил сигарету. Когда он затянулся, его скулы еще резче выдались вперед на худом коричневом лице.

— Это приятный отдых, — согласился он, — но, честно говоря, через некоторое время жизнь на природе малость надоедает.

Им предстояло ничего не делать еще две недели. В теории, поскольку, возвращаясь из отпуска, агент имел

возможность при желании попасть чуть ли не в день и час своего отъезда, отпуск мог длиться бесконечно, но на практике каждый должен был посвятить определенный отрезок своей биологической жизни работе. (В Патруле никогда не говорилось, когда кому предстоит умереть, и у каждого обычно хватало ума не пытаться выяснить это самому. К тому же в любом случае дата могла оказаться неточной — время изменчиво. Одним из преимуществ работы в Патруле была возможность пройти данеллианский курс продления жизни.)

— Чего бы я хотел, — продолжал Ван Саравак, — так это ярких огней, музыки и встреч с девочками, которые никогда и не слышали о путешествиях во времени...

— Сказано — сделано! — подхватил Эверард.

— Рим времен Августа? — радостно спросил его товарищ. — Я никогда там не был. Могу за час выучить их язык и обычаи под гипноизлучателем.

Эверард покачал головой.

— Слишком дорого обойдется. Если мы не намерены забираться далеко в будущее, то по части всяческого разложения лучшего века, чем мой, не найти. Нью-Йорк, в особенности... если ты знаешь нужные номера телефонов. А я их знаю.

Ван Саравак ухмыльнулся.

— Я и сам знаю несколько приятных местечек в моем веке, — ответил он. — Но в целом новое общество мало нуждается в изысканном искусстве развлечений. Ладно, пусть это будет Нью-Йорк... когда?

— Давай год 1960-й. Перед тем как поехать в отпуск, я как раз там проживал как гражданин и налогоплательщик.

Они усмехнулись друг другу и пошли собирать вещи. Эверард предусмотрительно захватил с собой одежду двадцатого века не только для себя, но и для приятеля.

Бросая одежду и бритву в маленький чемодан, американец думал, надолго ли его хватит, чтобы поддержать компанию Ван Сараваку. Он никогда не был заядлым гулякой и не представлял себя бесшабашным бражником ни в одну из эпох на протяжении пространства-времени. Бой быков, ящик пива и интересная

книжка — пожалуй, этот набор исчерпывал его возможности. Но и самому умеренному человеку иногда необходимо встряхнуться.

И не только встряхнуться, но и забыться. Ведь он свободный агент в Патруле времени; ведь его работа в Компании технологических исследований — только ширма для скитаний и сражений на всем протяжении истории; ведь он собственными глазами видел, как эту историю, пусть в мелочах, перекраивают наново — не боги, что было бы еще терпимо, а простые смертные, которым свойственно ошибаться, ибо даже данеллиане все же не боги; ведь он знал, что может произойти изменение в чем-то главном, и тогда он сам и весь окружающий его мир перестанут существовать.

Простое лицо Эверарда перекосила гримаса. Он провел рукой по своим жестким темным волосам, будто отгоняя эти мысли. Бесполезно думать о таких вещах. Перед парадоксом не устоит никакая логика. Лучше в такие минуты расслабиться и отдохнуть, а он сейчас может себе это позволить.

Эверард подхватил чемодан и присоединился к Питу Ван Сараваку.

Их маленький двухместный антигравитационный скуттер стоял в гараже. Трудно было поверить, что его программатор можно настроить на любую эпоху и любое место земли. Но и самолет тоже — чудо, и корабль, и даже огонь.

Подайте мне блондиночку,
Блондиночку мою,
Подайте мне блондиночку,
Я так ее люблю! —

громко распевал Ван Саравак, и дыхание его облачком растворялось в морозном свежем воздухе. Он вскочил на заднее сиденье скуттера. Саравак выучил эту песню, когда как-то раз ему пришлось сопровождать армию Людвика XIV. Эверард рассмеялся.

— Уже! Не рано ли?

— Ну вот еще, — пропел молодой человек, — это такой веселый континуум в прекрасном и вечно живом космосе. Гони машину!

Эверард совсем не был в этом уверен: он повидал достаточно человеческих страданий во всех веках. Со временем ты затвердеваешь снаружи, но внутри... когда крестьянин смотрит на тебя больными, измученными глазами, или воин кричит, пронзенный пикой, или город вдруг вздымается вверх грибом радиоактивного взрыва... что-то в тебе плачет. Он мог понять фанатиков, которые стремились изменить прошлое. Но, к сожалению, они вряд ли могли привести мир к лучшему будущему.

Он настроил программатор на двадцатый век, склад Компании технологических исследований — хорошее, скрытое от глаз место, где можно материализоваться без опаски. Оттуда они пойдут к нему домой и уж потом начнут развлекаться.

— Надеюсь, ты успел попрощаться со всеми своими здешними красотками? — посмеиваясь, спросил Эверард.

— О да, и уверяю тебя, весьма любезно. Поехали скорей. Ты тут завяз, будто в патоке на Плутоне. К твоему сведению, эту машину не требуется гнать к дому веслами.

Эверард пожал плечами и включил главный тумблер. Гараж исчез из виду.

2

От неожиданности они на какую-то секунду замерли на месте. Все замелькало перед их глазами. Они материализовались в нескольких дюймах от поверхности земли — скуттер был сконструирован так, что не мог вдруг появиться внутри твердого объекта, — поэтому машина ударилась о мостовую с такой силой, что патрульные чуть не вывихнули себе челюсти. Они очутились на месте, напоминавшем площадь. Рядом шумел фонтан, его каменные стенки были украшены резными виноградными гроздьями. От площади отходили улицы, застроенные квадратными зданиями из кирпича или бетона от шести до десяти этажей в высоту. Эти дома совершенно диких расцветок были украшены грубым лепным орнаментом. Мимо проезжали неуклюжие ко-

робки-машины абсолютно неизвестной им марки. На площади толпилась масса народу.

— Боги — хранители Патруля! Где мы?

Эверард уставился на приборы. Нет, все было правильно. Скуттер приземлился в Манхэттене 23 октября 1960 года в 11.30 утра и точно в пространственных координатах склада. Но порывистый ветер бросал им в лицо пыль и сажу, пахло дымом печных труб и...

Ван Саравак выхватил звуковой станнер. Толпа пятилась от них, крича на каком-то непонятном языке. Люди здесь были самые разные: и высокие круглоголовые белые с рыжими волосами, и американские туземцы, и полукровки всех мастей. Мужчины были одеты в свободные цветные блузы, шотландские юбки и в какие-то, похожие на шотландские, шапки; на ногах — ботинки и чулки до колен. Прически здесь носили длинные, так же как и усы. На женщинах были пышные юбки до лодыжек. Волосы они укладывали в косы вокруг головы и прятали под капюшоны плащей. Независимо от пола, здешние жители носили массивные браслеты и ожерелья.

— Что случилось? — прошептал венерианин. — Где мы?

Эверард сидел, напрягшись. Его мозг лихорадочно работал на пределе, вызывая картины всех веков, где он побывал или о которых читал. Промышленная цивилизация? Автомобили эти смахивали на паровые, но почему тогда радиаторы такой острой формы и с такими носовыми украшениями? Уголь в качестве топлива? Или эпоха восстановления после ядерной войны? Тоже нет, при чем тут тогда эти шотландские юбки, да и речь не английская!

Ничто не сходилось. Такой эпохи просто не было!

— Скорей поехали отсюда!

Руки Эверарда уже легли на панель управления, когда на него прыгнул какой-то высокий мужчина. Они вместе рухнули на тротуар — в ход пошли ноги и кулаки. Ван Саравак выстрелил, кто-то упал без сознания, но его самого схватили за руки сзади. Толпа навалилась на них обоих, и все смешалось в сознании Эверарда. Он смутно помнил, как сквозь людскую массу пробились несколько человек со сверкающими медными

пластинами на груди и в шлемах, подняли его на ноги и защелкнули наручники на запястьях. Затем их с Ван Сараваком обыскали и впихнули в большую закрытую машину. «Черные вороны» одинаковы во все века и эпохи.

Окончательно он пришел в себя только в сырой и холодной камере с забранной железной решеткой дверью.

— Черти в адском пламени!

Венерианин плюхнулся на деревянный топчан и закрыл лицо руками.

Эверард стоял у двери, выглядывая наружу. Он смог увидеть только узкий зал с бетонными стенками и камеру на другом его конце. Оттуда через решетку на них смотрел человек с типично ирландским лицом, кричавший что-то непонятное.

— Что происходит?

Стройное тело Ван Саравака задрожало.

— Не знаю, — медленно сказал Эверард. — Просто не знаю. Наша машина времени устроена так, что ею может управлять совершенный дурак, но мы, вероятно, все же еще большие дураки, чем те, на которых она рассчитана.

— Такого места нет на свете, — сказал Ван Саравак в полном отчаянии. — Сон?

Он ущипнул себя за руку и выдавил грустную улыбку. Губа у него была разбита и уже стала опухать, на скуле начал проступать грандиозный синяк.

— Логически рассуждая, друг мой, щипок не может служить доказательством реальности, но есть в нем что-то обнадеживающее.

— Лучше бы не было, — сказал Эверард.

Он затряс металлические перекладины с такой силой, что они зазвенели.

— Послушай, может быть, мы действительно неправильно произвели настройку? Есть ли такой город на Земле? А в том, что это Земля, я, по крайней мере, уверен. Пусть не город, а никому не известное захолустье!

— Я такого не знаю.

Эверард полностью расслабился, как его учили в Академии, заставляя свой мозг работать с полной от-

дачей. В свое время он изучал историю всех веков, даже тех, в которых никогда не был, причем настолько тщательно, что имел полное право претендовать на присуждение ему степени доктора философии, и даже не единожды.

— Нет, — сказал он в конце концов. — Нечто среднее между белыми брахицефалами в шотландских юбках и индейцами, разъезжающими в паровых автомобилях, — ничего подобного никогда не было.

— Координатор Стантель В., — слабым голосом сказал Ван Саравак. — В тридцать восьмом веке. Великий экспериментатор создавал колонии, в точности воспроизводящие цивилизации прошлого...

— Не было в прошлом таких цивилизаций, — сказал Эверард.

Постепенно он начал осознавать, что произошло, и готов был продать душу дьяволу, лишь бы это оказалось не так. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы не завопить и не разбить голову о стенку.

— Придется подождать, что будет дальше, — сказал он безжизненным тоном.

Полисмен (Эверард предполагал, что они находятся в руках закона) принес им пищу и попытался заговорить с ними. Ван Саравак сказал, что язык напоминает кельтский, но что он понял лишь несколько отдельных слов. Пища была недурна.

К вечеру их отвели в умывальную, и они привели себя в порядок под дулами пистолетов. Эверард внимательно осмотрел оружие: восьмизарядные револьверы и длинноствольные винтовки. Газовые светильники в виде переплетающихся лоз и змей освещали помещение. Характер удобств, оружия, а также запахи заставляли предполагать уровень техники примерно начала девятнадцатого века.

По пути в камеру он заметил несколько букв на стенах. По начертанию они безусловно относились к семитическим, но хотя Ван Саравак знал древнееврейский, он не смог прочитать ни слова.

Вновь запертые в камеру, они наблюдали, как ведут мыться других заключенных: на удивление веселую толпу бродяг и пьяниц.

— Кажется, мы удостоены особого внимания, — заметил Ван Саравак.

— Ничего удивительного, — сказал Эверард. — Интересно, как бы ты поступил с двумя неизвестными, явившимися из ниоткуда и применившими неизвестное оружие?

Ван Саравак повернулся к нему и спросил с несвойственной ему угрюмостью:

— Ты думаешь то же, что и я?

— Возможно.

Венерианин скривил рот, в его голосе послышался ужас.

— Другая линия времени. Кому-то все же удалось изменить историю.

Эверард кивнул.

Ночь они провели плохо, хотя сон был бы истинным благодеянием: во-первых, из других камер раздавался шум — дисциплина здесь, видимо, хромала на обе ноги, во-вторых, в постелях оказалось достаточно клопов.

Позавтракали они словно в тумане, потом им опять разрешили умыться и побриться безопасными бритвами, довольно похожими на современные. Затем стража из десяти человек отвела их в какой-то кабинет и неподвижно застыла у стен.

Патрульных усадили у стола, и они стали ждать. Мебель здесь была такой же полузнакомой-получужой, как и все остальное, и это действовало на нервы. Только через некоторое время появилось большое начальство.

Их было двое: седой краснощекий мужчина в доспехах и зеленом мундире, вероятно, шеф полиции, и худощавый с жесткими чертами лица полукровка — тоже седой, но с черными усами, одетый в голубой мундир и в шерстяную, надвинутую на лоб шапочку. Слева на груди у него блестела золотая бычья голова, очевидно, воинский знак различия. В человеке этом ощущалось спокойное достоинство, но это впечатление нарушали тонкие волосатые ноги, торчавшие из-под шотландской юбки. За ним следовали двое молодых людей, вооруженные и одетые почти как он. Когда человек сел, они встали за его спиной.

Эверард наклонился и прошептал:

— Могу спорить, что это — военные. Кажется, мы представляем интерес.

Ван Саравак слабо кивнул.

Шеф полиции с важностью откашлялся и что-то сказал... генералу? Последний нетерпеливо что-то буркнул в ответ и обратился к пленникам. Он выкрикивал слова отчетливо, и это помогло Эверарду уловить фонемы, но тон генерала не предвещал ничего хорошего.

Каким-то образом надо было установить контакт. Эверард указал на себя.

— Мэнс Эверард, — сказал он.

Ван Саравак последовал его примеру и тоже представился.

Генерал заерзал на стуле и стал совещаться с шефом полиции.

Повернувшись к пленникам, он резко сказал:

— Irn Cimberland?

— Но спикка да Инглиз, — ответил Эверард.

— Gotland Svea? Nairoin Teutonach?

— Эти названия, если только это названия, похожи на германские, — прошептал Ван Саравак.

— Так же, как и наши имена, если ты прислушаешься повнимательней, — сухо ответил Эверард. — Может быть, они решили, что мы — германцы.

Он повернулся к генералу.

— Шпрехен зи дойч? — Лицо генерала не выразило понимания. — Талер, ни свенск? Нидерландск? Денск тунга? Парле ву франсэ? Ох, черт побери, абла устед эспаньоль?

Шеф полиции снова откашлялся и указал на себя.

— Кадвалладер Мак Барка, — сказал он. — Генерал Цинит ап Сиорн.

Или по крайней мере так англо-саксонский мозг Эверарда уловил звучание этих слов.

— Кельтский, точно, — сказал он, чувствуя, что весь взмок от пота. — Но чтобы проверить окончательно...

Он вопросительно указал на нескольких человек у стены и получил в награду такие имена, как Гамилькар ап Ашур ир Катхлан и Финн О'Картиа.

— Нет... Здесь явно есть и семитический элемент. К тому же это соответствует буквам, написанным на стенах тюрьмы.

Ван Саравак облизнул пересохшие губы.

— Попробуй классические языки, — хрипло предложил он. — Может, нам удастся установить тот момент, когда история сошла с ума.

— Loquerisne latine?

Они молча смотрели на него.

— Хеллена?

Генерал ап Сиорн дернулся, подул себе в усы и сузил глаза.

— Hellenach? — насторожился он. — Irn Parthia?

Патрульный покачал головой.

— По крайней мере, они слышали о греках, — медленно проговорил он.

Эверард сказал еще несколько слов по-гречески, но никто не знал этого языка.

Ап Сиорн приказал что-то одному из своих людей, который поклонился и вышел. Наступило долгое молчание.

Эверард почувствовал, что перестает бояться за себя. Он попал в скверное положение, мог скоро умереть, но что бы с ним ни случилось, это было до смешного несущественно в сравнении с тем, что произошло со всем миром.

Боже великий! Со всей Вселенной!

Он не мог осознать этого до конца. Он ясно представлял себе землю, которую знал: просторные равнины, высокие горы, горделивые города. Он вспомнил своего отца в гробу и то, как в детстве отец подбрасывал его высоко в воздух и смеялся, глядя на него снизу вверх. И мать... Родители прожили вместе хорошую жизнь.

Он вспомнил девушку, с которой вместе учился в колледже: самую прелестную девушку из всех, каких парень может быть удостоен чести провожать домой под дождем; и Берни Ааронсона, пиво, табачный дым и ночные разговоры; Фила Брэкни, который выволок его из грязи во Франции, когда пулеметы перепахивали изрытое снарядами поле; Чарли и Мэри Уиткомб в викторианской Англии, крепкий чай и раскаленные угли в камине; Кейта и Цинтию Денисон в отделанном

хромированной сталью гнездышке в нью-йоркском небоскребе; Джека Сандовала в желто-коричневых горах Аризоны; собаку, которую он однажды завел; суровые песни Данте и громоподобные звучания шекспировских строк, величие собора в Йорке и мост у Золотых ворот; боже, целую человеческую жизнь и жизнь миллиардов людей, которые трудились, терпели лишения, плакали, смеялись и уходили в землю, чтобы на их место пришли сыновья...

Ничего этого никогда не было.

Он тряхнул головой, ошеломленный несчастьем, так и не осознавая до конца, что же произошло.

Солдаты вернулись с картой и расстелили ее на столе. Ап Сиорн сделал повелительный жест рукой, и Эверард с Ван Сараваком склонились над ней.

Да, это была Земля в меркаторовой проекции, но память подсказывала им, что карта довольно приблизительна.

— Ты можешь прочесть названия, Ван?

— Могу только попытаться — здесь много букв древнееврейского алфавита, — сказал венерианин. Он начал читать названия вслух. Ап Сиорн сварливо поправлял его.

Северная Америка до Колумбии называлась Инис ир Афаллон, по всей видимости — одна страна, разделенная на штаты. Южная Америка была большим государством, Хай Бразил; там же было несколько меньших стран, чьи названия напоминали индейские. Австралазия, Индонезия, Борнео, Бирма, восточная Индия и добрая половина тихоокеанских островов принадлежали Хиндураджу. Афганистан и остальная Индия назывались Пенджабом. Литторн простирался далеко на территорию Европы. Британские острова назывались Бриттис; Франция и Нидерланды — Галлис; Иберийский полуостров — Солтан. Центральная Европа и Балканы были разделены на множество мелких государств, названия некоторых из них имели, по-видимому, гуннское происхождение. Над Швейцарией и Австрией было написано — Хельвети; Италия называлась Симберлендом; посередине Скандинавии проходила граница: Свеа на севере и Готланд на юге. Северная Африка, очевидно, была конфедерацией от

Сенегала до Суэца, подходила почти к самому экватору и называлась Картагалан; южная часть континента была разделена на более мелкие страны, имевшие в большинстве чисто африканские названия. Ближний Восток состоял из Парфии и Аравии.

Ван Саравак оторвался от карты. В его глазах стояли слезы.

Ап Сиорн выкрикнул вопрос и помахал пальцем около карты. Он хотел знать, откуда они.

Эверард пожал плечами и указал на небо. Единственное, чего он не мог сказать, это правды. Они заранее договорились с Ван Сараваком утверждать, что прибыли с другой планеты: благо, в этом мире еще не знали космических кораблей.

Ап Сиорн что-то сказал шефу полиции, который кивнул и ответил ему. Пленников снова отвели в камеру.

3

— И что дальше?

Ван Саравак опустился на топчан и уставился в пол.

— Надо подлаживаться, — хмуро сказал Эверард. — Любым путем нужно добраться до скуттера и бежать отсюда. На свободе разберемся, что к чему.

— Но что случилось?

— Говорю тебе, не знаю! На первый взгляд можно сделать такое предположение: что-то произошло с греко-римлянами, и власть перешла к кельтам. Но я понятия не имею, что именно случилось.

Эверард мерил камеру шагами. Ему было горько, но решение уже созревало.

— Вспомни основополагающую теорию, — сказал он. — События являются результатом комплекса явлений. Не существует одной-единственной причины, могущей повлиять на будущее. Вот почему так трудно изменить историю. Если я вернусь, скажем, в средние века и застрелю одного из голландских предков Франклина Рузвельта, он все равно родится в девятнадцатом

веке, потому что он и его гены происходят от целого мира его предков. Вступает в действие компенсация. Но время от времени, конечно, возникают ключевые ситуации. Какое-нибудь событие может явиться узлом многих событийных линий, и тогда его исход станет решающим для будущего в целом. Кто-то неизвестно почему и каким образом вмешался в такое ключевое событие в далеком прошлом.

— Нет больше моего города, — прошептал Ван Саравак. — Ни каналов в голубых сумерках, ни веселых пирушек с девушками, ни... ты знаешь, что на Венере у меня осталась сестра?

— Заткнись! — почти выкрикнул Эверард. — Я знаю. К черту все это. Сейчас надо думать, что можно сделать.

— Послушай, — продолжал он через минуту, — ни Патруля, ни данеллиан больше нет. (Не спрашивай меня, почему я сказал «нет», а не «никогда не было», почему мы впервые возвращаемся из прошлого и находим изменившееся будущее. Я не понимаю парадоксов изменчивого времени. С нами просто это случилось в первый раз, вот и все.) Как бы то ни было, отделения Патруля, существовавшие в ареалах до ключевого момента, наверняка уцелели. Должно остаться несколько сот агентов, на которых мы можем рассчитывать.

— Если нам удастся к ним вернуться.

— Только тогда мы сможем обнаружить, в чем заключается этот ключевой момент, и попытаться прекратить вмешательство в историю. Мы должны сделать это!

— Прекрасная мысль. Но...

Снаружи раздались шаги. В замке повернулся ключ. Пленники отпрянули. Затем внезапно Ван Саравак принялся раскланиваться, расшаркиваться и расточать улыбки. Даже Эверард чуть не раскрыл рот от изумления.

Девушка, вошедшая в камеру в сопровождении трех солдат, была потрясающе красива. Высокого роста, с массой золотисто-рыжих волос, спускающихся ниже плеч до тонкой талии, она словно собрала в себе красоту всех поколений ирландок, живших на земле.

На прекрасном лице сияли огромные светло-зеленые глаза. Длинное белое платье облегало фигуру, будто созданную для того, чтобы стоять не здесь, а на стенах Трои... Эверард еще раньше обратил внимание, что в эту эпоху пользовались косметикой, но девушка прекрасно обходилась без нее. Он даже не заметил золота и драгоценных камней ее украшений и стражников за ее спиной.

Она застенчиво улыбнулась и сказала:

— Вы меня понимаете? У нас решили, что вы знаете греческий.

Она говорила скорее на классическом, чем на современном языке. Эверард, однажды работавший в Александрии, понимал ее, несмотря на акцент, если внимательно смотрел ей в лицо, не смотреть на которое было трудно в любом случае.

— О да, конечно! — ответил он. Слова наскакивали одно на другое, торопясь выстроиться во фразы.

— На каком это языке ты бормочешь? — спросил Ван Саравак.

— На древнегреческом, — сказал Эверард.

— Ну конечно, как же иначе! — простонал венерианин, казалось, забывший о своем недавнем отчаянии. Глаза его сияли.

Эверард представил себя и своего товарища. Девушка тоже сказала свое имя: Дейрдра Мак Морн.

— О нет, — простонал Ван Саравак, — это уж слишком. Мэнс, научи меня греческому, быстро!

— Замолчи, — сказал Эверард. — Сейчас не до шуток.

— Ну хорошо, а разве я не могу тоже заняться ею всерьез?

Эверард перестал обращать на него внимание и пригласил девушку присесть. Он сел рядом с ней на койку, а несчастный Ван Саравак кружился вокруг них, не находя себе места. Стража держала оружие наготове.

— Разве на греческом еще говорят? — спросил Эверард.

— Только в Парфии, и там он сильно исковеркан, — сказала Дейрдра. — Я изучаю классический период,

помимо других занятий. Саоранн ап Сиорн — мой дядя, и он попросил меня попробовать говорить с вами по-гречески. В Афаллоне немногие знают аттический язык.

— Я... — Эверард едва удержался от глупой улыбки, — весьма признателен вашему дяде.

Она серьезно посмотрела на него.

— Откуда вы? И как получилось, что из всех существующих языков вы говорите только на греческом?

— Я говорю и по-латыни.

— Латынь?

Она нахмурилась, вспоминая.

— О, язык римлян, да? Боюсь, что у нас почти никто не знает о нем.

— Мы вполне обойдемся греческим, — твердо сказал Эверард.

— Но вы не ответили мне, откуда вы, — повторила она настойчиво.

Эверард пожал плечами.

— Нас приняли не очень-то любезно, — намекнул он.

— Очень жаль. — Она, видимо, говорила искренне. — Но наш народ так легко приходит в волнение. В особенности сейчас, когда такое напряженное международное положение. И когда вы появились прямо из воздуха...

Эверард кивнул. Международное положение? Это звучало достаточно знакомо и достаточно неприятно.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Неужели вы не знаете? Хай Бразил и Хиндурадж на грани войны, и мы не знаем, чем все это кончится... Трудно быть маленькой страной.

— Маленькой страной? Но я видел карту. Афаллон показался мне достаточно большим.

— Мы истощили свои силы еще двести лет назад, во время великой войны с Литторном. Сейчас ни один из штатов нашей конфедерации не может прийти к соглашению с другими по вопросам общей политики.

Дейрдра взглянула ему прямо в глаза.

— Как объяснить, что вы этого не знаете?

Эверард проглотил комок в горле и сказал:

— Мы из другого мира.

— Что?

— Да. С планеты (нет, по-гречески это значит — спутник)... С небесного тела, вращающегося вокруг Сириуса. Так мы называем некую звезду.

— Но... что вы говорите? Целый мир, вращающийся вокруг звезды? Я вас не понимаю.

— Разве вы не знаете? Звезды — это те же солнца.

Дейрдра отшатнулась и сделала пальцем какой-то знак.

— Великий Баал, защити нас, — прошептала она. — Или вы сумасшедший, или... Звезды прикреплены к кристаллической сфере.

Нет, это невозможно!

— Какие из движущихся звезд вы можете видеть? — медленно спросил Эверард. — Марс, Венеру и...

— Я не знаю этих названий. Если вы имеете в виду Молоха, Ашторет и остальных, то это, конечно, такие же миры, как наш, и они так же вращаются вокруг своего солнца. На одном живут души мертвых, другой — прибежище ведьм, третий...

Все это и паровые автомобили!

Эверард улыбнулся дрожащими губами.

— Если вы мне не верите, то как вы считаете, кто я?

Дейрдра оглядела его своими большими глазами.

— Я думаю, вы оба — волшебники, — сказала она.

На это нечего было ответить. Эверард задал еще несколько беспредметных вопросов, но узнал только, что город этот называется Катувеллаунан и что он является центром торговли и промышленности. Дейрдра определила его население в два миллиона человек, а всего Афаллона — в пятьдесят миллионов, но точнее сказать не смогла. Перепись населения здесь не производилась.

Судьба патрульных тоже оставалась весьма неопределенной. Скуттер и остальные их вещи забрали военные, но никто не осмелился даже дотронуться до них, и сейчас шла горячая дискуссия: что же делать с пленными дальше. У Эверарда создалось впечатление,

что все управление этим государством, в том числе его военными силами, зависит от личных амбиций и проходит в постоянных спорах, представляя собой довольно плохо организованный процесс.

Афаллон — это очень непрочная конфедерация бывших самостоятельных государств — колоний Бриттиса и индейских племен, перенявших европейскую культуру. Каждое из них постоянно опасалось ущемления своих прав. Старая империя Майя, уничтоженная во время войны с Техасом (Теханнах) и аннексированная, не забыла еще времен своей славы и посылала самых несговорчивых представителей в Совет конфедерации.

Майя хотели вступить в союз с Хай Бразил, возможно потому, что те тоже были индейцами. Штаты западного побережья, боящиеся Хиндураджа, тяготели к юго-восточной азиатской империи, надеясь на ее поддержку. Штаты Среднего Запада (как всегда) придерживались изоляционизма. Восточные штаты каждый вели политику на свой лад, но склонялись к политическому курсу Бриттис.

Когда Эверард понял, что здесь еще существует рабство, хотя и не по расовому признаку, он в ярости чуть было не решил, что люди, изменившие историю, могли оказаться представителями рабовладельцев американского Юга.

К черту! Ему за глаза хватало одной заботы: как вызволить себя и Вана из этой проклятой западни.

— Мы с Сириуса, — высокомерно повторил он. — Ваши представления о звездах ошибочны. Мы — мирные путешественники, но если с нами что-нибудь случится, придут другие наши собратья и отомстят за нас.

Вид у Дейрдры был такой несчастный, что ему стало совестно.

— Но они пощадят детей? — взмолилась она. — Дети ни в чем не виноваты.

Эверард ясно представил себе, какая картина возникла перед ее мысленным взором: маленьких плачущих пленников гонят в рабство на планету ведьм.

— Если нас отпустят и наши вещи возвратят, то вообще не будет никаких неприятностей, — сказал он.

— Я поговорю с дядей, — обещала она, — но даже если мне удастся убедить его, ведь это только один голос во всем Совете. Мысль о том, что ваше оружие может значить для нас, если мы его заполучим, свела всех с ума.

Она поднялась. Эверард взял обе ее руки в свои — они были мягкими и теплыми — и улыбнулся.

— Выше носик, детка, — сказал он по-английски. Она задрожала, вырвалась от него и сделала пальцем все тот же защитный знак от волшебства.

— Ну что? — спросил Ван Саравак, когда они остались вдвоем. — Теперь рассказывай.

Выслушав Эверарда, он погладил подбородок и пробормотал:

— Прелестное сочетание очаровательных линий и форм. Бывают и худшие миры, чем этот.

— Или лучшие, — грубо оборвал его Эверард. — У них нет атомных бомб, но, ручаюсь, нет и пенициллина. А наше дело не строить из себя богов.

— Да, да, конечно.

И венерианин вздохнул.

4

День они провели беспокойно. Когда наступила ночь, в коридоре зажглись фонари, и надзиратель в военной форме отпер дверь их камеры. В полном молчании пленников повели к заднему выходу, где уже стояли два автомобиля: их усадили в один из них, и обе машины отъехали от тюрьмы.

Катувеллаунан не имел уличного освещения, особого движения по ночам тоже не было. Наверное, поэтому лежащий в темноте город выглядел нереально. Эверард обратил внимание на устройство автомобиля, как он и предполагал, с паровым двигателем, который работал на порошкообразном угле; колеса были на резиновых шинах. Машина имела обтекаемую форму, остроконечный радиатор украшало изображение змеи. Простой в обращении, автомобиль был добротно сработан, но не

очень интересен по конструкции. По-видимому, в этом мире постепенно освоили на практике необходимые технические приемы, но не знали никаких научных основ технологии и инженерного дела.

Они проехали по неуклюжему стальному мосту к Лонг Айленду — в этом мире здесь тоже жили люди состоятельные. Несмотря на тусклый свет масляных фар, водитель не снижал скорости. Дважды они чуть было не врезались в другие машины: никаких дорожных знаков, конечно, не было, не было и водителей, которых волновала бы проблема безопасности движения. Характер государственного управления, уличное движение... Все это несколько напоминало Францию, если не считать, конечно, те редкие периоды, когда там приходил к власти какой-нибудь Генрих Наваррский или Шарль де Голль. И даже в собственном XX веке Эверарда Франция оставалась в большей мере кельтской. Он никогда не был поклонником многословных теорий о врожденных расовых качествах, и все же традиции, столь древние, что вошли в плоть народа, имели какое-то значение. Западный мир, где главную роль стали играть кельты, а народы германского происхождения сведены до положения небольших этнических групп... да, если вспомнить Ирландию его времени и племенные распри, фактически приведшие к поражению восстания галлов Верцингеторикса... но как насчет Литторна? Минутку, минутку! В период раннего средневековья его мира Литва была могущественным государством: она долго сдерживала немцев и поляков и даже не принимала христианства до пятнадцатого века! Если бы не соперничество немцев, литовское владычество легко могло бы распространиться на Восток...

Несмотря на политическую нестабильность кельтов, здешний мир состоял из больших государств, здесь было меньше отдельных стран, чем в мире Эверарда. Это говорило о более древней цивилизации. Если западная цивилизация его мира родилась из умирающей Римской империи, примерно в 600 году нашей эры, кельты в мире, где они сейчас находились, должны были вытеснить римлян в более раннюю эпоху.

Эверард начал понимать, что произошло с Римом, но пока оставил свои умозаключения при себе.

Машина подъехала к широким, украшенным орнаментом воротам в длинной каменной стене. Шоферы что-то сказали двум вооруженным стражам, одетым в ливреи и тонкие стальные ошейники рабов. Через минуту машина уже мчалась мимо лужаек и деревьев. В дальнем конце аллеи, почти у самого берега, стоял дом. Эверарду и Ван Сараваку жестами приказали выйти из машины и повели их ко входу.

Это было деревянное строение, не имевшее определенной архитектурной формы. В свете газовых ламп у подъезда можно было разобрать, что оно раскрашено яркими полосами разного цвета, а конек крыши и венцы бревен вырезаны в виде драконьих голов. Совсем близко слышался шум моря, и в свете луны на ущербе Эверард разглядел стоящее у берега судно, по-видимому, грузовое, с высокой трубой и носовым украшением.

Окна светились желтым светом. Раб-дворецкий провел их внутрь. На полу холла лежал пушистый ковер, стены были отделаны темными резными панелями. В конце холла находилась гостиная, уставленная мягкой мебелью. Стены украшали несколько картин весьма традиционного стиля, весело трещало пламя в огромном, сложенном из камня камине.

Саоранн ап Сиорн сидел в одном кресле, Дейрдра — в другом. Когда они вошли, она отложила книгу и поднялась с улыбкой на губах. Генерал курил сигару и взглянул на них весьма сердито. Он прорычал несколько слов, и охрана исчезла. Дворецкий внес поднос с бутылками, и Дейрдра пригласила патрульных присесть.

Эверард отпил из своего бокала — это оказалось великолепное бургундское вино — и прямо спросил:

— Зачем мы здесь?

Дейрдра дразняще улыбнулась.

— Думаю, вам будет здесь приятнее, чем в тюрьме.

— Конечно. Кроме того, здесь гораздо красивее. Но я все-таки хочу знать. Нас освободили?

— Вас...

Она заколебалась, подыскивая подходящий дипломатичный ответ, но присущая ей искренность, по-видимому, взяла верх.

— Мы рады принимать вас здесь у себя, но вы не должны покидать это поместье. Мы надеемся, что сумеем убедить вас помочь нам. Вы будете щедро вознаграждены.

— Помочь? Как?

— Научив наших мастеров и друидов делать такое же волшебное оружие и такие же волшебные повозки, как ваши.

Эверард вздохнул. Объяснять было бесполезно. В этом мире не было орудий, чтобы сделать орудия, необходимые для производства нужных им предметов, но как объяснить это людям, которые верят в колдовство?

— Это дом вашего дяди? — спросил Эверард.

— Нет, мой собственный, — ответила Дейрдра. — Я единственный ребенок. Мои родители были очень богаты и знатны. Они умерли в прошлом году.

Ап Сиорн выговорил несколько слов, будто отрубил их. Дейрдра перевела. Лицо ее стало озабоченным.

— История вашего прибытия известна уже всему Катувеллаунану, а значит, и иностранным шпионам тоже. Мы надеемся, что сможем вас здесь от них спрятать.

Эверард вспомнил, какие шутки в его собственном мире откалывали страны Оси и союзные державы в маленьких нейтральных странах вроде Португалии, и внутренне содрогнулся. Люди, доведенные до отчаяния приближающейся войной, очевидно, не будут столь гостеприимны, как афаллоняне.

— В чем заключается конфликт, о котором вы мне говорили? — спросил он.

— Речь, конечно, идет о контроле над Айсенийским океаном. В частности, над группой богатейших островов, которые мы называем Инис ир Лионах.

Плавным движением Дейрдра поднялась с кресла и показала на глобусе Гавайи.

— Видите ли, — продолжала она тоном старательной ученицы, — как я уже говорила, Литторн и за-

падные союзники (включая нас) истощили друг друга в войнах. Основные же могущественные державы сегодня — Хай Бразил и Хиндурадж. Они постоянно ссорятся, захватывают новые земли. В их ссору втягиваются и маленькие государства, потому что тут вопрос не только в престиже, но и в том, какая система лучше: монархия Хиндураджа или теократия солнцепоклонников Хай Бразил.

— Могу я спросить, какова ваша религия?

Дейрдра поморщилась. Вопрос явно показался ей ненужным.

— Более образованные люди считают, что существует Великий Баал, который создал всех меньших богов, — наконец ответила она. — Но, естественно, мы придерживаемся и древних культов и чтим также могущественных богов других стран, например, в Литторне — Перхунаса и Чернебога, в Симберленде — Вотана, Аммона, Браму, Солнце... Лучше не испытывать их терпения.

— Понятно.

Ап Сиорн предложил им сигары и спички. Ван Саравак затянулся и сердито сказал:

— Черт, почему это история изменилась именно по такой линии, что я не знаю здесь ни одного языка?

Потом лицо его просветлело.

— Но мне легко даются языки, даже без гипноза. Я попрошу, чтобы Дейрдра взялась учить меня.

— И тебя, и меня, — сразу же сказал Эверард. — Но послушай, Ван...

Он быстро пересказал ему содержание разговора.

— Гм-м...

Молодой человек потер подбородок.

— Хорошего мало, а? Конечно, если только они дадут нам добраться до скуттера, мы легко ускользнем. Почему бы не сделать вид, что мы согласны помочь?

— Не такие уж они дураки, — сказал Эверард. — Они могут верить в чудеса, но не в такое неограниченное бескорыстие.

— Странно, что при подобной отсталости в области интеллектуальной им известны двигатели внутреннего сгорания.

— Нет. Это как раз вполне понятно. Поэтому я и спросил их о религии. Она всегда была чисто языческой: даже иудаизм — и тот исчез, а буддизм не имеет большого влияния. Как доказал еще Уайтхэд, средневековые представления об едином всемогущем боге дали толчок науке, внушив понятие о существовании законов природы. А Льюис Мэмфорд добавил, что ранние монастыри были, вероятно, первыми изобретателями часового механизма. Это было очень нужное изобретение в связи с необходимостью собираться на молитву. В здешний мир часы пришли, кажется, значительно позже.

Эверард горько улыбнулся, скрывая за улыбкой грусть.

— Странно говорить об этом. Уайтхэда и Мэмфорда никогда не было. И все-таки...

— Подожди минуточку. — Эверард повернулся к Дейрдре. — Когда был открыт Афаллон?

— Белыми? В 4827 году.

— Гм... откуда вы ведете летосчисление?

Дейрдра уже перестала обращать внимание на их невежество.

— С сотворения мира. По крайней мере, с той даты, которую называют в этой связи ученые. 5964 года назад.

Что соответствует знаменитой дате епископа Успера: 4004 года до нашей эры. Возможно, это простое совпадение... но все-таки в этой цивилизации был определенный семитический элемент. Легенда о сотворении мира в Книге бытия тоже вавилонского происхождения.

— А когда пар (шнеума) стал впервые использоваться в двигателях машин?

— Около тысячи лет назад. Великий друид Бороихм О'Фиона...

— Неважно.

Эверард курил сигару и что-то обдумывал. Потом он повернулся к Ван Сараваку.

— Я начинаю понимать, что произошло, — сказал он. — Галлы всегда считались не более чем варварами. Но они многому научились у финикийских торговцев,

греческих колонистов и этрусков в цизальпинской Галлии. Очень энергичный, предприимчивый народ. Римляне же были флегматичны и довольно далеки от интеллектуальных интересов. В нашей истории до средних веков, когда Римская империя была сметена варварами, уровень развития техники был чрезвычайно низок. В здешней истории римляне исчезли рано. Так же, как и евреи, уверен в этом. На мой взгляд, произошло следующее: при отсутствии могущественного Рима с его теорией равновесия сил, сирийцы подавили маккавеев, даже у нас чуть было не случилось то же самое. Иудаизм исчез, а следовательно, так и не возникло христианство. Но как бы то ни было, когда Рим прекратил свое существование, галлы стали господствующей силой. Они начали изучать окружающий мир, построили более совершенные корабли и в девятом веке открыли Америку. Но они не настолько превосходили индейцев, чтобы те не могли догнать их в развитии и даже создать собственные империи, как сейчас Хай Бразил. В одиннадцатом веке кельты начали мастерить паровые машины. У них, наверное, был и порох, может быть, из Китая, и некоторые другие изобретения. Но все эти достижения — результат проб и ошибок, без всякой научной основы.

Ван Саравак кивнул.

— Думаю, ты прав. Но что случилось с Римом?

— Не знаю. Пока еще не знаю. Но ключевой момент, который мы ищем, находится именно там.

Он повернулся к Дейрдре.

— Сейчас я, вероятно, удивлю вас, — сказал он вкрадчиво. — Мои соотечественники уже побывали в вашем мире 2500 лет назад. Вот почему я говорю по-гречески, но мне неизвестно, что у вас произошло с тех пор. Как я понял, вы занимаетесь наукой и много знаете, и мне хотелось бы услышать именно от вас историю вашего мира.

Она покраснела и опустила свои длинные темные ресницы, столь необычные у рыжеволосых.

— Буду рада помочь вам всем, чем могу. А вы, — воскликнула она с мольбой, — вы поможете нам?

— Не знаю, — с трудом проговорил Эверард. — Я бы хотел помочь, но не знаю, сможем ли мы...

Потому что мой долг — уничтожить и вас и весь ваш мир. Навсегда.

5

Когда Эверарда проводили в его комнату, он обнаружил, что здешнее гостеприимство действительно не знает границ. Сам он слишком устал и был подавлен, чтобы воспользоваться им... но, подумал он, засыпая, по крайней мере рабыня, которая ждала Вана, не будет разочарована.

Вставали здесь рано. Из своего окна Эверард видел стражников, шагающих взад и вперед по берегу, но это никак не повлияло на прелесть свежего утра. Вместе с Ван Сараваком он сошел вниз к завтраку, состоявшему из бекона, яиц, тостов и крепкого кофе, — о чем еще можно было мечтать! Дейрдра сообщила, что ап Сиорн уехал обратно в город на совещание: она, казалось, забыла свои огорчения и весело болтала о пустяках. Эверард узнал, что она играет в любительском драматическом театре, который иногда ставит классические греческие пьесы в оригинале, и поэтому так бегло говорит по-гречески, любит ездить верхом, охотиться, ходить под парусом, плавать...

— Как вы насчет этого? — спросила она.

— Насчет чего?

— Поплавать в море.

Дейрдра вскочила с кресла, стоящего на лужайке, где они беседовали под багряными кронами осенних деревьев. Она совершенно непринужденно принялась скидывать с себя одежду. Эверарду показалось, что он услышал стук отвалившейся челюсти Ван Саравака.

— Пошли! — засмеялась она. — Кто нырнет последним, тот бриттиский дохляк!

Она уже плескалась в седом прибое, когда к морю дрожа подошли Эверард с Ван Сараваком. Венерианин застонал.

— Я с жаркой планеты. Мои предки были индонезийцами. Экватор. Тропические пташки.

— В твоем роду были и голландцы, — ухмыльнулся Эверард.

— У них достало ума перебраться в Индонезию.

— Ну что ж, тогда оставайся на берегу.

— Вот еще! Если может она, могу и я.

Ван Сарвак попробовал воду ногой и снова застонал.

Эверард собрал все свое мужество, вспомнил все, чему его учили, и вбежал в море. Дейрдра брызнула на него водой. Он глубоко нырнул, схватился за стройную ногу и потянул ее вниз. Они дурачились в воде несколько минут, затем выскочили на берег и побежали в дом под горячий душ. Ван Саравак горестно плелся сзади.

— Танталовы муки, — жаловался он. — Самая красивая девушка в этом мире, а я не могу поговорить с нею, да она еще к тому же — наполовину белый медведь.

Растертый полотенцем и одетый рабами в местную одежду, Эверард прошел в гостиную к пылающему очагу.

— Что это за расцветка? — спросил он, указывая на свою шотландскую юбку в клетку.

Дейрдра подняла рыжую головку.

— Это цвета моего клана. Почетный гость у нас всегда считается принадлежащим к клану хозяина дома, даже если он кровный его враг. А мы не враги, Мэнслах.

Эти слова опять повергли его в дурное настроение. Он вспомнил, какая перед ним цель.

— Мне бы хотелось узнать побольше о вашей истории, — сказал он. — Я всегда интересовался этим предметом.

Она кивнула, поправила золотую пряжку в волосах и сняла с тесно уставленной полки одну из книг.

— На мой взгляд, это самая лучшая книга по истории мира. В ней я смогу найти все детали и подробности, которые вас заинтересуют.

И заодно расскажешь мне, как лучше разрушить ваш мир.

Эверард уселся рядом с нею на диван. Дворецкий вкатил столик с едой. Эверард ел машинально, не чувствуя вкуса.

— Скажите, — спросил он наконец, желая проверить свое предположение. — Рим и Карфаген воевали друг с другом?

— Да. Два раза. Сначала они были союзниками против Эпира. Римляне выиграли первую войну и попытались ограничить действия Карфагена.

Девушка склонилась над книгой, и, глядя на ее тонкий профиль, Эверард подумал, что она напоминает прилежную школьницу.

— Вторая война разразилась через двадцать три года и продолжалась... гм... одиннадцать лет, хотя последние три года войны по существу, не было, просто добивали противника — Ганнибал уже взял и сжег Рим.

Ага! Почему-то этот успех Ганнибала не вызвал у Эверарда прилива радости. Вторая Пуническая война (здесь ее называли римской) или, вернее, какой-то ключевой эпизод этой войны и был тем поворотным пунктом, в результате которого изменилась история. Но частью из любопытства, частью из суеверия Эверард не стал сразу выяснять, какой именно это был эпизод. Сначала в его мозгу должно было уложиться все, что произошло (нет... то, чего не произошло. Реальность — вот она, теплая, живая, рядом с ним; сам же он — бесплотный призрак).

— Что же было дальше? — бесстрастно произнес он.

— Карфагенская империя захватила Испанию, южную Галлию и кончик Итальянского сапога, — сказала она. — После того как римская конфедерация распалась, остальная часть Италии оказалась совершенно бессильной, там царил хаос. Но правительство Карфагена было слишком продажно и поэтому не могло управлять империей. Сам Ганнибал был убит людьми, считавшими, что его честность стоит им поперек дороги. Тем временем Сирия и Парфиа воевали за восточное побережье Средиземного моря. Парфиа победила и попала под еще более сильное греческое влияние, чем

когда-либо прежде. Примерно через сто лет после римских войн Италию захватили германские племена. (По всей видимости, кимвры с тевтонами и амбронами, которые были их союзниками. В мире Эверарда их остановил Марий.) Их разрушительные походы через Галлию заставили переселиться кельтов. В основном по мере упадка Карфагенской империи они мигрировали в Испанию и Северную Африку. А от карфагенян галлы научились многому. Последовал долгий период войн, в течение которых Парфиа уступала свои территории, а государства кельтов росли. Гунны разбили германцев в Средней Европе, но, в свою очередь были побеждены Парфией, на завоеванные пространства вошли галлы, и германцы остались только в Италии и Гиперборее (по всей видимости, на Скандинавском полуострове). На верфях стали закладывать большие корабли, в результате росла торговля между Дальним Востоком и Аравией, а также непосредственно с Африкой, которую корабли огибали, направляясь на восток. (В истории Эверарда Юлий Цезарь был изумлен, когда увидел, что венеты строят самые лучшие корабли во всем Средиземноморье.) Кельты открыли Северный Афаллон, думая, что это остров, — отсюда название «инис», — но они были изгнаны оттуда индейцами майя. Бриттиские колонии дальше на север уцелели и впоследствии завоевали независимость. Тем временем набирал силу Литторн. Был период, когда это государство завоевало большую часть Европы. Только западная ее часть возвратила себе независимость в результате мирного договора после столетней войны, о которой я уже говорила. Азиатские страны сбросили иго своих истощенных войной европейских завоевателей и быстро развивались, а западные государства, наоборот, приходили в упадок.

Дейрдра подняла голову от книги, которую перелистывала, ведя свой рассказ.

— Но все это — только самые основные факты нашей истории, Мэнслах. Продолжать?

Эверард покачал головой.

— Нет, спасибо.

После минутной паузы он сказал:

— Вы очень честно рассказываете о положении в своей стране.

— Большинство из нас не хочет признавать этого, но я предпочитаю смотреть правде в глаза, — резко сказала Дейрдра.

Она тут же добавила с живым интересом:

— Но расскажите мне о вашем мире. В это чудо трудно поверить.

Эверард вздохнул, плюнул на свою совесть и принялся врать.

Нападение произошло после обеда.

Ван Саравак наконец-то воспрял духом и прилежно занимался с Дейрдрой изучением афаллонского языка. Они ходили по саду, взявшись за руки, и называли различные предметы; затем, чтобы освоить и глаголы, производили всевозможные действия. Эверард плелся за ними, мимолетно думая о том, что, пожалуй, он — третий лишний, и главным образом пытаясь сообразить, как добраться до скуттера.

На безоблачном бледном небе сверкало ясное солнце. Алым пламенем полыхал клен, по траве катились гонимые ветром желтые листья. Пожилой раб неторопливо убирал двор граблями. Молодой стражник-индеец стоял в ленивой позе с ружьем на плече. Два волкодава дремали у ограды. Картина была настолько мирной, что с трудом верилось, что за этими стенами люди готовились убивать друг друга.

Но люди остаются людьми в истории любого мира. Возможно, в здешнем мире они не обладают безжалостной и утонченной жестокостью западных цивилизаций; можно даже сказать, что они кажутся до странности неиспорченными. Но это не от недостатка старания. И в этом мире наука может никогда не достигнуть развития, и люди могут бесконечно повторять один и тот же цикл: война, рождение империи, ее гибель и снова война. В будущем Эверарда человечество наконец отошло от всего этого.

Для чего? Честно говоря, он не мог утверждать, что этот континуум хуже или лучше его собственного. Он был иным — вот и все. И разве этот народ не имеет такого же права на существование, как... как и его

собственный, которого, как окажется, вовсе и не было на земле, если им не удастся сделать то, что они с Сараваком сделать должны?

Он до боли сжал кулаки. Слишком многое поставлено на карту. Не дело одного человека брать на себя подобные решения.

Если решать придется ему, не абстрактное чувство долга заставит поступить так или иначе, а воспоминание о мелочах жизни и простых людях того мира, где он жил сам.

Они обошли дом, и Дейрдра указала на море.

— Аварланн, — сказала она. Ее свободно распущенные огненные волосы развевались по ветру.

— Что ж это значит? — рассмеялся Ван Саравак. — Океан, Атлантический, или просто вода? Пойдем посмотрим. — Он потянул ее к берегу. Эверард последовал за ними.

По волнам, милях в двух от берега, шел какой-то пароходик — длинный и быстроходный. За ним, хлопая крыльями, летела туча белых чаек. Эверард подумал, что если бы охрана дома была поручена ему, он обязательно держал бы на море военный корабль.

Разве именно он должен принимать решение? В доримское время были и другие агенты Патруля. Они могут вернуться в свои эпохи, увидеть, что случилось, и...

Эверард замер на месте. Озноб пробежал по его спине, он весь похолодел.

...Они вернутся, увидят, что случилось, и постараются исправить ошибку. Если у кого-нибудь из них это получится, здешний мир исчезнет в мгновение ока из пространства-времени, и он вместе с ним.

Дейрдра остановилась. Эверард, весь в поту, едва понял, на что она так пристально смотрит. Затем Дейрдра закричала и указала вперед рукой. Эверард посмотрел вслед за ней на море.

Пароходик стоял уже совсем близко от берега, из его высокой трубы шел дым и летели искры, на носу сверкало украшение — позолоченная змея. Эверард разглядел на борту людей и что-то белое с крыльями. Оно поднялось с кормы и начало набирать высоту.

Планер! Кельтская аэронавтика достигла уже такого уровня.

— Красиво, — сказал Ван Саравак. — Воздушные шары у них, наверное, тоже есть.

Планер отбросил веревку, соединявшую его с кораблем, и направился к берегу. Один из стражников закричал. Остальные выбежали из-за дома. Солнце блестело на их ружьях. Корабль шел прямо к берегу. Планер приземлился, пропахав полосу в песке.

Офицер закричал и замахал патрульным, призывая их назад. Эверард краем глаза увидел бледное озадаченное лицо Дейрдры. Затем на планере повернулась турель, вспыхнул огонь, и раздался грохот выстрела легкой пушки. Эверард автоматически отметил про себя, что турель поворачивается вручную, и упал на живот. Ван Саравак последовал его примеру и потащил за собой Дейрдру. Шрапнель проложила дорожки среди афаллонских солдат. Из планера выскочили люди с темными лицами в чалмах и саронгах. «Хиндурадж», — подумал Эверард. Они на ходу стреляли в уцелевших стражников, окруживших своего начальника.

Тот громко отдал какой-то приказ и вместе со своими людьми кинулся вперед. Эверард чуть поднял голову и увидел, что афаллонцы атакуют команду планера. Ван Саравак вскочил на ноги, Эверард, ловко повернувшись, ухватил его за ногу и снова заставил лечь, прежде чем Ван Саравак успел ввязаться в бой.

— Пусти меня! — крикнул венерианин.

По всему пляжу, как в кровавом кошмаре, валялись убитые и раненые. Шум сражения, казалось, доносился до самого неба.

— Лежи, ты, кретин! Неужели ты не понимаешь, что им нужны именно мы... И так этот безумный ирландец, их командир, сделал ужасную глупость... хуже некуда.

Внимание Эверарда отвлек новый взрыв. Корабль подошел к самому берегу и выплевывал вооруженных солдат. Слишком поздно афаллонцы поняли, что они истратили все патроны, и теперь их атакуют с тыла.

— Скорей!

Эверард вскочил и рывком поднял Дейрдру и Ван Саравака на ноги.

— Нам надо уходить отсюда, может, к кому-нибудь поблизости...

Десант с корабля увидел его и развернулся. Он скорее почувствовал, чем услышал, подбегая к лужайке, как в песок позади него с чавканьем вошла пуля. Из дому доносились истерические крики рабов. Два волкодава бросились на непрошеных гостей и были тут же застрелены.

Сначала ползком, потом зигзагами, через стену и на дорогу! У Эверарда это получилось бы, но Дейрдра споткнулась и упала. Ван Саравак остановился, чтобы помочь ей. Эверард тоже остановился, и это стоило им свободы. Их окружили.

Предводитель темнокожих что-то крикнул Дейрдре. Она села на землю и дерзко ответила ему. Он коротко рассмеялся и указал большим пальцем на пароход у себя за спиной.

— Что им надо? — по-гречески спросил Эверард.

— Вас. — Она с ужасом посмотрела на него. — Вас обоих. И меня как переводчицу... Нет!

Она вырвалась из рук схватившего ее солдата, высвободила одну руку и вцепилась ему в лицо. Кулак Эверарда описал дугу и разбил чью-то челюсть. Но долго это продолжаться не могло. На его голову опустился приклад ружья, и он смутно ощутил, как его волокут ногами по песку на пароход.

6

Команда бросила планер на берегу, перенесла своих убитых и раненых на корабль, и он, набирая скорость, стал удаляться в море.

Эверард сидел в кресле на палубе и смотрел на удаляющийся берег. В голове у него постепенно прояснялось. Дейрдра плакала на плече Ван Саравака, и венерианин пытался ее успокоить. Холодный ветер с шумом швырял брызги пены им в лицо.

Когда из рубки вышли двое белых, Эверарда сразу же покинуло охватившее его оцепенение. Нет, они все-таки не азиаты! Европейцы. И сейчас, приглядевшись к команде, он заметил, что у всех лица европейского типа. Смуглая кожа — это просто-напросто грим.

Он встал и осторожно оглядел своих новых хозяев. Один из них — довольно представительного вида человек средних лет, не очень высокий, в красной шелковой рубахе, мешковатых белых штанах и в похожей на каракулевую шапке — был чисто выбрит, его темные волосы были заплетены в косу. Другой казался несколько моложе: косматый светловолосый гигант в мундире с нашитыми медными колечками, в штанах с гамашами, кожаном плаще и явно декоративном шлеме с рогами. У обоих к поясу были пристегнуты револьверы. Судя по отношению команды, они были здесь старшими.

— Какого черта!

Эверард еще раз огляделся. Земля уже исчезла из виду, и корабль поворачивал к северу. Мотор работал на полную мощность, корпус парохода дрожал, и когда нос зарывался в волны, брызги долетали до палубы.

Сначала старший из двоих заговорил на афаллонском. Эверард пожал плечами. Затем попытку объясниться сделал бородатый северянин сначала на совершенно незнакомом Эверарду диалекте, но потом:

— Taelan thu Cimbric?

— Кимврийский? — Эверард, который знал несколько германских языков, решил попытаться вступить в разговор, а Ван Саравак навострил свои голландские уши. Дейрдра прижалась к нему, глядя широко открытыми глазами, потрясенная случившимся.

— Ja, — сказал Эверард, — ein venig.

Когда золотоволосый взглянул на него неуверенно, он повторил по-английски:

— Немного.

— Ах, aen litt, Goḍe!

Гигант потер руки и назвал себя и своего спутника.

— Ik hait Боерик Вульфилассон ok main gefreond heer erran Болеслав Арконски.

Такого языка Эверард никогда в жизни не слыхал — это не мог быть даже чисто кимврийский, ведь прошло столько веков, — но собеседника своего он понимал сравнительно легко.

Труднее было говорить. Эверард не мог себе представить, как именно развился первоначальный язык.

— Что, черт побери, arran thu задумал? — угрожающе спросил он. — Ik bin человек auf Sirius, со звезды Сириус, mir planeten и всякое такое. Отпустите uns gebach или Willen вы чертовски, der Teufel, дорого заплатите.

Боерик Вульфилассон выглядел огорченным. Он предложил продолжить разговор у него в каюте с Дейрдрой как переводчицей. Их провели в рубку, где оказался небольшой, но комфортабельный салон, дверь осталась открытой, перед ней стоял часовой. Еще несколько вооруженных людей находились поблизости.

Болеслав Арконски сказал что-то Дейрдре на афаллонском. Она кивнула, и он налил ей стакан вина. Она выпила и как-то немного успокоилась, но голос ее звучал слабо.

— Мы попали в плен, Мэнслах. Их шпионы узнали, где вы находитесь. Другая группа должна украсть вашу машину. Где она, они тоже знают.

— Так я и думал, — сказал Эверард. — Но кто они, во имя Баала?

Боерик грубо расхохотался в ответ и долго хвалился своей хитроумной выдумкой. Его план заключался в том, чтобы правители Афаллона подумали, будто нападение совершили хиндураджцы. В действительности же секретное сотрудничество между Литторном и Симберлендом помогло им создать прекрасную шпионскую сеть, и сейчас они направлялись в летнюю резиденцию посольства Литторна на Инис Лланголен (то есть в Нантакет), где волшебников настоятельно попросят растолковать смысл своего колдовства, а для великих держав приготовят хорошенький сюрприз.

— А если мы этого не сделаем?

Дейрдра перевела ответ Арконски дословно.

— Я сожалею о последствиях. Мы — цивилизованный народ и хорошо заплатим за помощь и почетом, и золотом, если вы ее нам окажете добровольно. Но в случае отказа мы можем и заставить вас. На карту поставлено существование наших государств.

Эверард внимательно поглядел на них.

Боерик выглядел смущенным и неуверенным, от его бравады не осталось и следа. Болеслав Арконски выстукивал по столу пальцами дробь, губы его были сжаты, а глаза, казалось, говорили: *не заставляйте нас поступать так. Ведь и у нас есть совесть.*

Они, наверное, были хорошими мужьями и отцами, любили пропустить иногда по кружке пива и сыграть с друзьями в кости. Может быть, Боерик разводил породистых лошадей в Италии, а Арконски выращивал розы на берегах Балтики. Но все это никак не могло помочь пленникам в тот момент, когда одно всемогущее государство сцепится с другим.

Эверард задумался, отдавая должное тому, с каким искусством была проведена операция по захвату их в плен. Потом прикинул, что делать дальше. Пароход шел быстро, но, насколько патрульный помнил путь до Нантакета, плыть им оставалось еще часов двадцать. А значит, по крайней мере двадцать часов в их распоряжении было.

— Мы устали, — сказал он по-английски. — Можем мы немного отдохнуть?

— Да, конечно, — с неуклюжей вежливостью сказал Боерик. — Ok wir skallen gode gefreonds bin, ni? — ведь мы будем добрыми друзьями?

На западе тлел закат. Дейрдра и Ван Саравак стояли на палубе, глядя на серый морской простор. Трое матросов, уже снявшие свои маскарадные костюмы и грим, стояли на корме с оружием наготове. Рулевой вел корабль по компасу. Боерик и Эверард прохаживались по палубе. Все были в теплых куртках, защищающих от резкого ветра. Эверард делал успехи в кимврийском — язык еще с трудом ему повиновался, но собеседник мог понять, что он говорит. Впрочем, он больше старался слушать Боерика.

— Так вы со звезд? Этого я не понимаю. Я простой человек. Будь моя воля, я уехал бы к себе в Тоскану, занимался бы там своим поместьем, а мир пусть сходит с ума, как хочет. Но у каждого из нас, граждан, есть свои обязанности перед государством.

По-видимому, тевтоны полностью вытеснили латинян из Италии, как в мире Эверарда — англы бриттов.

— Я вас понимаю, — сказал Эверард. — Странно, что так много людей воюет, когда только немногие хотят воевать.

— О, но это необходимо. И, — почти жалобно, — ведь Картагаланн захватил Египет, наше законное владение.

— Времена повторяются, — прошептал Эверард.

— А?

— Нет, нет, ничего. Значит вы, кимврийцы, заключили союз с Литторном и надеетесь захватить Европу и Африку, пока большие и могущественные государства дерутся на Востоке.

— Вовсе нет! — с возмущением возразил Боерик. — Мы просто восстанавливаем свои законные исторические территориальные права. Сам король сказал...

И так далее, и тому подобное.

Эверард старался удержаться на ногах: корабль качало.

— Мне кажется, что вы обращаетесь с нами, волшебниками, довольно неучтиво, — сказал он. — Смотрите, как бы мы по-настоящему не рассердились.

— О, ведь нас с детства защищают особыми заклинаниями против колдовства.

— Ах так...

— Я бы очень хотел, чтобы вы помогли нам добровольно. Буду рад убедить вас в справедливости нашего дела, если вы готовы посвятить мне несколько часов.

Эверард покачал головой, отошел от борта и остановился рядом с Дейрдрой. Лицо девушки было едва различимо в сгущающихся сумерках, но в голосе ему послышалась ярость отчаяния.

— Я надеюсь, Мэнслах, вы сказали ему, куда он может идти вместе со своими планами!

— Нет, — твердо ответил Эверард, — мы собираемся помочь им.

Она вздрогнула, как от удара.

— Что ты сказал, Мэнс? — спросил Ван Саравак.

Эверард перевел.

— Нет! — воскликнул венерианин.

— Да! — сказал Эверард.

— Бог ты мой, нет! Я...

Эверард схватил его за руку и холодно сказал:

— Успокойся. Я знаю, что делаю. Мы не можем принимать ничью сторону в этом мире — мы против всех, и чем скорее ты это поймешь, тем лучше. Единственное, что нужно сейчас, это некоторое время делать вид, что мы — с ними. И не вздумай сказать это Дейрдре.

Ван Саравак склонил голову и задумался.

— Ладно, — угрюмо согласился он.

7

Летний курорт Литторна находился на южном берегу Нантакета, рядом с рыбацкой деревушкой, но был отгорожен от нее стеной. Архитектура посольства была того же стиля, что и здания в самом Литторне, — длинные бревенчатые дома с крышами, выгнутыми, как спина рассерженной кошки. Главное здание и его флигели окружали выложенный плитами двор.

Пока корабль подходил к частному пирсу, Эверард, стоя на палубе, успел позавтракать под гневным взглядом Дейрдры, отнюдь не улучшившим его аппетит.

Другой, большего размера, корабль уже стоял у пирса, кругом толпилось множество людей весьма сурового вида.

Арконски возбужденно сказал на афаллонском:

— Видите, вашу волшебную машину уже привезли. Вы сможете сразу же нам все показать.

Когда Боерик перевел эти слова, сердце Эверарда забилось сильнее.

Гости, как их настойчиво называли кимврийцы, были проведены в огромную комнату, где Арконски преклонил колено перед идолом с четырьмя лицами, тем самым Свантевитом, которого датчане в истории другого мира изрубили на дрова. В камине горел огонь, вокруг стен стояла вооруженная охрана, но Эверард ни на что не обращал внимания: его глаза были прикованы к скуттеру, поблескивающему на полу.

— Я слышал, что нашим пришлось здорово подраться, чтобы заполучить эту штуку в Катувеллаунане, — обронил Боерик. — Многие были убиты, но остальным удалось уйти от погони.

Он опасливо дотронулся до рукоятки скуттера.

— И эта повозка действительно может появиться в любом месте по желанию седока прямо из воздуха?

— Да, — сказал Эверард.

Дейрдра взглянула на него с таким презрением, какого он до сих пор не встречал. Она с высокомерным видом стояла в стороне, стараясь держаться как можно дальше от него и Ван Саравака.

Арконски заговорил с ней. Потом потребовал, чтобы она перевела. Девушка плюнула ему под ноги. Боерик вздохнул и сказал Эверарду:

— Мы хотим, чтобы вы продемонстрировали нам эту машину. Мы вместе поднимемся на ней. Предупреждаю, что приставлю револьвер к вашей спине. Вы будете говорить мне заранее, что собираетесь делать, и если что-нибудь окажется не так, я выстрелю. Ваши друзья останутся здесь заложниками и тоже будут застрелены при первом подозрении. Но я уверен, — поспешно добавил он, — что все мы останемся добрыми друзьями.

Эверард кивнул. Нервы его были напряжены до предела, ладони взмокли от холодного пота.

— Но раньше я должен прочесть заклинание, — сказал он. Глаза его блеснули. Сначала он бросил взгляд на пространственно-временные счетчики приборов. Затем посмотрел на Ван Саравака, сидящего под дулами пистолета Арконски и ружей стражников. Дейрдра находилась на той же скамейке, хотя постаралась отодвинуться от патрульного как можно дальше. Эверард прикинул примерное расстояние от скуттера до

скамейки, воздел руки к небу и нараспев заговорил на темпоральном:

— Ван, я попытаюсь вытащить тебя отсюда. Не двигайся с места ни на миллиметр, повторяю, ни на миллиметр. Мне придется подхватить тебя на лету. Если все пойдет, как задумано, я вернусь за тобой примерно через минуту после того, как мы испаримся с нашим волосатым другом.

Венерианин сидел с абсолютно бесстрастным лицом, но на лбу его выступили мелкие бисеринки пота.

— Очень хорошо, — сказал Эверард на своем ломаном кимврийском. — Садись сзади, Боерик, и мы погоним мою волшебную лошадку вперед.

Светловолосый гигант кивнул и повиновался. Когда Эверард устраивался на переднем сиденье, он почувствовал, как в спину ему уперлось дрожащее дуло пистолета.

— Скажи Арконски, что мы вернемся через полчаса, — бросил он через плечо.

Время в этом мире исчислялось примерно так же, как в его собственном, и там и тут заимствованное у вавилонян.

Когда Боерик перевел, Эверард продолжал:

— Прежде всего мы возникнем из воздуха прямо над океаном и зависнем там.

— Х-х-хорошо, — выдохнул Боерик. Голос его звучал нетвердо.

Эверард настроил программатор пространства на десять миль к востоку и на тысячу футов высоты, потом включил главный тумблер.

Они сидели, как ведьмы на помеле, глядя вниз на сине-зеленый простор волн и на дымку, которая была далекой землей. Сильный ветер дул им в лицо, и Эверард покрепче сжал седло коленями.

— Ну? — спросил он. — Как тебе нравится?

— Это... чудесно!

По мере того как он свыкался с обстановкой, Боерика охватывал все больший энтузиазм.

— Наши воздушные шары перед этим — ничто. С такими машинами мы взлетим в небо над вражескими городами и сметем их огнем с лица земли.

После этих слов Эверарду стало как-то легче при мысли о том, что ему предстояло сделать.

— Сейчас мы полетим вперед — и скуттер будет скользить по воздуху.

Боерик восхищенно крякнул.

— А сейчас мы спрыгнем сразу вниз, на землю твоей родины.

Эверард включил тумблер маневрирования. Скуттер на бешеной скорости сделал мертвую петлю и вышел из нее в пике. Зная, что произойдет, Эверард еле удержался в седле. Он так и не понял, когда именно выпал Боерик; только краем глаза успел он заметить человека, камнем летящего сквозь пространство в море, и пожалел, что увидел это.

Затем патрульный позволил себе недолгий отдых, зависнув у самой поверхности воды. Сначала его пробрала дрожь: успей Боерик выстрелить... Потом он почувствовал угрызения совести. Отогнав от себя ненужные мысли, он сосредоточился на проблеме спасения Ван Саравака, поставил верньеры пространства на один фут от скамейки, где находились пленники, настроил время — одна минута после того, как они с Боериком отбыли. Правая его рука лежала на панели управления — ему предстояло действовать быстро, — а левую он оставил свободной.

Держите шапки, ребята! Поехали!

Машина возникла из воздуха, прямо перед Ван Сараваком. Эверард схватил венерианина за рубашку, притянул его к себе, внутрь пространственно-временного силового поля, в то время как правая его рука, проделав все необходимые переключения, уже нажимала главный тумблер.

От металлической поверхности скуттера отскочила пуля. Эверард успел увидеть что-то бешено кричащего Арконски. А затем — все исчезло, и они оказались на травянистом холме, спускавшемся к морю две тысячи лет назад.

Нервное напряжение взяло свое: Эверард, весь дрожа, упал головой на панель управления.

В чувство его привел крик. Он обернулся, чтобы посмотреть на Ван Саравака, распростертого на склоне холма.

Одна рука венерианина все еще обнимала талию Дейрдры.

Ветер стих, море набегало на берег широкой пенистой волной, по небу плыли высокие облака.

— Не могу сказать, что осуждаю тебя, Ван. — Эверард ходил взад и вперед возле скуттера, глядя в землю. — Но это безусловно усложняет наше положение.

— Что мне оставалось делать? — спросил венерианин с болью в голосе. — Оставить ее на растерзание негодяям или дать ей исчезнуть из жизни вместе со всем ее миром?

— Вспомни, как действует психовнушение, которому нас подвергали в Академии. Без разрешения мы не можем сказать ей правду, даже если и захотим. А я к тому же и не хочу.

Эверард взглянул на девушку. Она стояла, тяжело дыша, но в глазах ее светилась радость. Ветер трепал ее волосы и длинное тонкое платье.

Она тряхнула головой, как бы пытаясь освободиться от кошмара, подбежала к патрульным и схватила их за руки.

— Прости меня, Мэнслах, — выдохнула она. — Я должна была догадаться, что ты не предашь нас.

Она поцеловала их обоих. Ван Саравак, как и следовало ожидать, с готовностью ответил, но Эверарду не удалось себя пересилить. Он вспомнил об Иуде.

— Где мы? — продолжала она. — Похоже на Лланголен, но нет жителей. Или вы привезли меня на Счастливые острова?

Она подпрыгнула на одной ноге и принялась танцевать среди цветов.

— А можно нам отдохнуть здесь немного, прежде чем мы вернемся домой?

Эверард тяжело вздохнул.

— Боюсь, что у меня для вас дурные вести, Дейрдра, — сказал он.

Она замолчала. Он увидел, как она вся сжалась.

— Мы не можем вернуться. Это... заклинание, которое мне пришлось использовать, чтобы спасти нашу жизнь. У меня не было выбора. Но теперь из-за них мы не можем вернуться домой.

— И никакой надежды? — Он едва расслышал ее слабый голос.

— Нет, — сказал он, чувствуя резь в глазах.

Она повернулась и медленно пошла прочь.

Ван Саравак метнулся было следом, но остановился и сел рядом с Эверардом.

— Что ты сказал ей?

Эверард повторил.

— По-моему, это самый лучший компромисс, — сказал он. — Я не могу отослать ее обратно, в тот мир, который скоро перестанет существовать.

— Ты прав.

Ван Саравак некоторое время сидел молча, глядя на море. Потом спросил:

— Какой сейчас год? Примерно время Христа? Тогда мы все еще находимся позже ключевого момента.

— Да. И нам все еще предстоит выяснить, когда он был и в чем заключался.

— Надо обратиться в отделение Патруля в более ранние века. Там мы сможем получить необходимую помощь.

— Может быть.

Эверард улегся на траву и стал глядеть в небо, буквально раздавленный физической усталостью после всего, что им довелось пережить.

— Хотя я думаю, что ключевой момент мне удастся установить прямо здесь, с помощью Дейрдры. Разбуди меня, когда она вернется.

Она вернулась с сухими глазами, хотя по лицу ее было заметно, что она плакала. Когда Эверард спросил, поможет ли она ему в его деле, Дейрдра кивнула.

— Конечно. Моя жизнь принадлежит тем, кто спас ее.

После того, как мы сами втянули тебя в эту историю.

Эверард осторожно сказал:

— Я просто хочу узнать от вас кое-какие сведения. Слышали ли вы о... о том, что можно человека усыпить и во сне он будет делать все, что ему говорят?

Она неуверенно кивнула.

— Я видела, как это делали медики-друиды.

— Это не причинит вам вреда. Я только хочу, чтобы вы заснули и могли вспомнить во сне все, что когда-либо знали, даже если вам кажется, что вы это забыли. Это не займет много времени.

Она была так доверчива, что ему стало совестно... Применяя методы, изученные в Патруле, он погрузил ее в гипнотическое состояние полного раскрытия памяти и выудил из ее мозга все, что она когда-либо читала или слышала о Второй Пунической войне. Этого оказалось вполне достаточно для его целей.

В 219 году до нашей эры Ганнибал Барка, правитель карфагенской Испании, осадил Сагунт. После восьми месяцев осады он захватил его, и это вызвало задолго до того задуманную им войну с Римом. В начале мая 218 года он пересек Пиренеи с армией в 90 000 пехотинцев, 12 000 конников и 37 слонами, прошел Галлию и перевалил через Альпы. Потери его в пути были огромны: к концу года к Италии подошло только 20 000 пехотинцев и 6000 конных воинов. Тем не менее около реки Тицин он встретил и разгромил превосходящие силы противника. В течение следующего года он дал римлянам еще несколько кровопролитных, но победоносных сражений и вошел в Апулию и Кампанию.

Апулийцы, луканы, бруттии и самниты перешли на его сторону. Квинт Фабий Максим повел ожесточенную партизанскую войну, которая разорила Италию, но так ничего и не решила. Тем временем Газдрубал Барка спешно собирал в Испании новое войско и в 211 году прибыл с подкреплениями. В 210 году Ганнибал захватил и сжег Рим, а к 207 году последние города конфедерации были вынуждены сдаться ему.

— Вот оно, — сказал Эверард и погладил медноволосую головку девушки, лежавшей перед ним. — Теперь усни, спи спокойно и проснись с радостью в сердце.

— Что она тебе рассказала? — спросил Ван Саравак.

— Множество подробностей, — ответил Эверард. — Весь рассказ занял более часа. Важно одно: она прекрасно знает историю тех времен, но ни разу не упомянула о Сципионах.

— О ком?

— Публий Корнелий Сципион командовал римской армией при Тицине. В нашем мире его тоже постигла неудача — он проиграл сражение. Но позже у него хватило ума повернуть на запад и постепенно разрушить базу Карфагена в Испании. Кончилось тем, что Ганнибал оказался полностью отрезанным от своих баз в Италии, а те небольшие подкрепления, которые ему могли послать иберийцы, уничтожались в пути. Сын Сципиона, носивший такое же имя, тоже занимал высокий пост и был тем самым человеком, который окончательно разгромил войска Ганнибала при Заме — это Сципион Африканский. Отец и сын были лучшими полководцами, которых когда-либо знал Рим. Но Дейрдра о них никогда не слышала.

— Итак...

Ван Саравак опять стал смотреть на восток через море, туда, где галлы, кимвры и парфяне опустошали античный мир.

— Что произошло с ними в здешнем времени?

— Насколько я помню, оба Сципиона в нашем мире участвовали в сражении при Тицине и чудом избежали смерти. Во время отступления, скорее бегства, сын спас жизнь отцу. Совершенно очевидно, что в *здешней* истории оба Сципиона погибли.

— Кто-то должен был их убить, — сказал Ван Саравак. В его голосе зазвучали металлические нотки.

— Какой-нибудь путешественник во времени. Все другое отпадает.

— Что ж, во всяком случае, это вероятно. Посмотрим.

Эверард отвел взгляд от лица спящей Дейрдры.

— Посмотрим.

На курорте в плейстоценовом периоде — они вернулись обратно через полчаса после того, как вылетели отсюда, — патрульные сдали девушку на попечение пожилой доброжелательной экономке, говорившей по-гречески, и собрали своих коллег. Затем сквозь пространство-время полетели хронокапсулы с сообщениями и запросами.

Отделения до 218 года — ближайшее находилось в Александрии в периоде с 250 по 230 год — «все еще» были на месте: работало в них примерно двести агентов Патруля. Письменные связи с отделениями в будущем, как выяснилось после проверки, оказались невозможными. Обеспокоенные патрульные собрались на совещание в Академии, в олигоценовом периоде. Присутствующие свободные агенты соответствовали по званиям своим коллегам, работавшим постоянно в тех или иных отделениях, хотя между собой они не были равны в правах.

Эверард неожиданно для себя оказался председателем комитета самых высокопоставленных офицеров патруля. Это была трудная и мучительная работа. Люди, собравшиеся здесь, подчинили себе пространство и время, они владели оружием богов, но все же оставались людьми с человеческими недостатками — упрямством, своеволием, раздражительностью.

Все согласились с тем, что происшедшее необходимо исправить. Но возникали опасения относительно судьбы тех агентов, которые, как в свое время Эверард, могли находиться сейчас в будущих эпохах, не будучи заблаговременно предупреждены о предполагаемых действиях. Если они не вернутся к тому моменту, когда история еще раз будет изменена, они просто перестанут существовать.

Эверард организовал несколько спасательных экспедиций, но сомневался, что они достигнут успеха. Он твердо приказал спасателям вернуться в течение дня по местному времени, если они сами не хотят оказаться в положении спасаемых.

Специалист по возрождению науки тоже высказал некоторые соображения. Конечно, безусловный долг всех, кто уцелел, восстановить «первоначальную» линию развития времени. Но существует и долг перед наукой. Открылись блестящие и уникальные возможности изучения новой линии времени в истории человечества. Нужно провести антропологические исследования в течение нескольких лет, прежде чем... Эверард с трудом прервал это словоизвержение. У них оставалось не так много патрульных, чтобы идти на подобный риск.

Были созданы исследовательские группы с задачей — определить точный момент и обстоятельства, при которых произошло изменение. Разгорелись яростные споры о том, как следует действовать. Эверард глядел в окно в доисторическую тьму и думал, что саблезубые тигры, в конечном счете, справляются со своими делами куда лучше, чем их обезьяноподобные потомки.

Когда все группы и команды были наконец назначены, расставлены по местам и отправлены, Эверард открыл бутылку виски и напился вместе с Ван Сараваком до бесчувствия.

На следующий день руководящий комитет заслушал сообщения спасателей, побывавших в различных эпохах будущего. С десяток патрульных удалось выручить из более или менее затруднительных положений; человек двадцать, видимо, придется списать со счетов. Рапорт групп, занимавшихся разведкой, был интереснее. Оказалось, что два гельветских купца присоединились к Ганнибалу в Альпах и полностью вошли к нему в доверие. После войны они заняли в Карфагенской империи высокое положение. Назвавшись Фронтос и Химилко, они практически управляли государством, организовали убийство Ганнибала и жили с небывалой роскошью. Один из патрульных видел и самих узурпаторов, и их дворцы.

— Масса предметов и усовершенствований, о которых в античные времена не могли и мечтать. Сами они показались мне нелдорианцами из 205-го тысячелетия.

Эверард кивнул. Это был век бандитов, с которыми Патрулю «уже» немало пришлось повозиться.

— Думаю, что все ясно, — сказал он. — Были они или не были с Ганнибалом до сражения при Тицине, не имеет никакого значения. Нам было бы чертовски трудно захватить их в Альпах незаметно, не наделав такого шума, из-за которого мы сами, чего доброго, можем изменить ход событий. Важно то, что, по всей видимости, именно они убили обоих Сципионов, и именно в этот момент истории нам следует вмешаться.

Англичанин из девятнадцатого века, весьма компетентный в своем деле, но напоминающий полковника Блимпа, развернул составленную им карту боя, который он наблюдал с помощью инфракрасного телескопа сквозь низкие облака.

— Римляне стояли вот здесь...

— Знаю, — сказал Эверард. — Тонкая красная линия. Критический момент наступил, когда они обратились в бегство, но и предшествующая сумятица может оказаться нам в помощь. Ну что ж, придется окружить поле, но считаю, что в самой битве должны участвовать только два агента. Эти «кущцы» наверняка все время будут начеку, ожидая возможного противодействия. Отделение в Александрии может снабдить меня и Вана нужной одеждой.

— То есть как! — воскликнул англичанин. — Я полагал, что достоин чести...

— Нет. Простите.

Эверард улыбнулся краешком губ.

— Какая там честь? Просто возможность сломать себе шею ради того, чтобы уничтожить целый мир таких же людей, как мы сами.

Эверард поднялся.

— Идти надо мне, — бесстрастно сказал он. — Не могу объяснить почему, но знаю, что идти должен именно я.

Ван Саравак кивнул.

Они оставили скуттер под защитой купы деревьев и пошли через поле боя.

За горизонтом, высоко в небе, парило около сотни скуттеров с вооруженными патрульными, но это было

слабым утешением среди свиста копьев и стрел. Низкие облака стремительно мчались под напором холодного ветра, моросил мелкий дождь, в солнечной Италии наступила поздняя осень.

Пробиваясь сквозь месиво грязи и крови, Эверард чувствовал тяжесть панциря на своих плечах. На нем был шлем, поножи, римский щит на левой руке и меч у пояса, но в правой руке он держал станнер. Ван Саравак, экипированный точно так же, тащился сзади, глядя по сторонам из-под развевающегося на шлеме командирского плюмажа.

Взвыли трубы, застучали барабаны. Эти звуки почти потонули в воплях людей, топоте ног, ржании лошадей, потерявших всадников, свисте стрел. Только немногие командиры и разведчики все еще держались верхом; как это часто бывало до изобретения стремени, бой, который начинался сражением конницы, превращался в рукопашные схватки, когда всадников выбивали из седел.

Карфагеняне наступали, прорубаясь сквозь римские линии и сминая их. То в одном месте, то в другом сражение превратилось в отдельные стычки: люди проклинали противников и бросались врукопашную.

Здесь бой уже кончился. Вокруг Эверарда лежали трупы. Он поспешил за отступающией римской армией, к сверкающим вдали значкам легионов — бронзовым орлам. За шлемами и трупами он различил победно развевающееся пурпурно-красное знамя. И тогда, словно чудовища на фоне серого неба, подняв хоботы и трубя, выступили слоны.

Война всегда одинакова: это не бравада храбрецов и не аккуратные линии на картах, а крики, пот и кровь людей, мечущихся в круговерти боя.

Темнолицый худощавый карфагенянин-пращник со стоном пытался вытащить копье, застрявшее у него в животе. Но сидящий на земле рядом с ним римский крестьянин не обращал на него никакого внимания и только с недоумением рассматривал культю своей руки.

Над полем кружили вороны. Они покачивались на ветру и ждали своего часа.

— Скорей! — прошептал Эверард. — Поспеши, ради всего святого! Линия обороны может рухнуть в любую минуту.

В горле у него пересохло, он поспешно заковылял туда, где развевались знамена Республики. Ему пришло в голову, что в душе он всегда стоял за победу Ганнибала, а не Рима. Было что-то отталкивающее в его холодной и всеядной жадности. И вот он здесь, пытаясь спасти этот вечный город. Да, жизнь — странная штука.

Его немного утешало то, что Сципион Африканский был одним из немногих порядочных людей, оставшихся в живых после войны.

Стоны и крики усилились — римляне откатывались назад. Эверард увидел нечто похожее на волну, разбивавшуюся о скалы. Но здесь двигалась не волна, а скала — с громким криком и нанося удары...

Он побежал. Мимо него, крича от страха, пронесся легионер. Седоволосый римский ветеран плюнул в землю, широко расставил ноги и бился, не сходя с места, пока не упал замертво. Карфагеняне держали строй и наступали под нечеловеческий грохот барабанов.

Там, впереди! Эверард увидел группу римлян, окружившую полководцев верхом на лошадях. Они высоко поднимали бронзовых орлов, что-то громко кричали, но их невозможно было расслышать из-за шума битвы.

Мимо пробежала небольшая группа легионеров. Их начальник окликнул патрульных:

— Эй, вы, спешите туда! Мы еще покажем им, клянусь лоном Венеры!

Эверард покачал головой и продолжал свой путь. Римлянин оскалил зубы и кинулся на него.

— Ах ты, трусливый...

Луч станнера оборвал его слова. Он рухнул в грязь. Остальные легионеры дрогнули, закричали и бросились бежать. Карфагеняне были очень близко — сплошная стена щитов и мечей, с которых стекала кровь. Эверард увидел орлиный профиль одного из них, свежий шрам на щеке у другого.

Копье отскочило от его шлема. Он наклонил голову и побежал. На его пути возникла стычка. Он хотел

обойти дерущихся, но споткнулся о труп и упал. На него свалился какой-то римлянин. Ван Саравак с проклятьями вытащил Эверарда и получил удар мечом по руке.

Неподалеку люди Сципиона, окруженные врагами, безуспешно пытались отразить атаку. Эверард остановился, набрал побольше воздуха в легкие и внимательно огляделся. Сквозь сетку дождя он увидел группу приближающихся римских всадников в мокро отблескивающих доспехах. Кони их по брюхо были забрызганы грязью. Это, должно быть, сын, Сципион Африканский, спешил на помощь отцу. Под копытами дрожала земля.

— Вон там!

Ван Саравак закричал и махнул рукой. Эверард пригнулся. Дождь стекал с его шлема на лицо.

С другой стороны группа карфагенян направлялась к тому месту, где дрались римляне. Во главе их гарцевали два человека, высокие, с грубыми чертами лица, характерными для нелдориан. Они были одеты в те же доспехи, что и остальные, но в руке каждый держал по длинноствольному пистолету.

— Сюда!

Эверард круто повернулся и побежал к ним. Кожа его панциря скрипела на ходу.

Карфагеняне заметили патрульных, когда те были уже совсем близко. Только тогда какой-то всадник выкрикнул предупреждение. Двое безумных римлян! Эверард видел, как воин ухмыльнулся в бороду. Один из нелдориан поднял свой бластер.

Эверард бросился плашмя на землю. На том месте, где он только что стоял, мелькнул страшный сине-белый луч огня. Он выстрелил лежа, и одна из африканских лошадей упала. Раздался лязг металла. Ван Саравак стоял на месте и методично нажимал на курок. Два, три, четыре, и вот уже один из нелдориан свалился с лошади в грязь!

Воины рубились вокруг Сципионов.

Эскорт нелдориан завопил от ужаса. Действие бластера они, очевидно, видели раньше, но невидимое оружие, которым поражали Эверард и Ван Саравак, было

для них в диковинку. Они разбежались. Второй нелдорианин с трудом успокоил свою лошадь и повернулся, намереваясь последовать за ними.

— Присмотри за тем, которого ты сбил, Ван, — выкрикнул Эверард. — Оттащи его с поля боя, нам придется допросить...

Он быстро вскочил на ноги и поймал пробегавшую мимо лошадь без седока. Вскочить в седло и последовать за оставшимся нелдорианином было делом одной минуты — Эверард даже не успел толком сообразить, что он делает.

Позади Публий Корнелий Сципион и его сын отбились наконец от карфагенян и присоединились к своей отступающей армии.

Эверард скакал сквозь хаос. Он все убыстрял бег лошади и только приветствовал, что нелдорианин тоже пришпоривает своего коня. Как только они окажутся за пределами поля боя, сверху сможет спуститься скуттер и быстро решить исход схватки.

Та же мысль, очевидно, пришла в голову и нелдорианину. Он развернул коня и прицелился. Эверард увидел вспышку и почувствовал жжение: огненный луч едва не задел его левую щеку. Эверард поставил свой станнер на широкий диапазон действия и, стреляя, помчался вперед.

Вторая молния попала его лошади прямо в грудь. Колени животного подогнулись, и Эверард вылетел из седла. Тренированное тело мгновенно собралось, и это смягчило удар от падения — он быстро поднялся на ноги и бросился навстречу врагу. Правда, станнер Эверарда остался лежать где-то в грязи, рядом с лошадью, но искать его уже не было времени. Неважно! Если он останется жив, оружие можно будет найти потом, тем более что станнер сделал свое дело. Широкий луч попал в цель. При таком расстоянии он не мог, конечно, сбить с ног, но нелдорианин выронил свой бластер, а лошадь едва стояла, шатаясь и закрыв глаза.

В лицо Эверарда бил дождь. Он бросился к лошади. Нелдорианин соскочил на землю и выхватил меч. В ту же минуту в воздухе сверкнул клинок Эверарда.

— Как вам будет угодно, — сказал он по-латыни. — Но один из нас останется на этом поле.

9

Луна осветила горы, и снег тускло заблестел на их вершинах. Далеко на севере лунный свет отразился от ледника. Где-то завыл волк. Кроманьонцы что-то пели в своей пещере; их напев едва слышно доносился до веранды.

Дейрдра стояла в темноте. Лунный свет высветил ее лицо, мокрое от слез. Когда Ван Саравак и Эверард подошли к ней сзади, она с удивлением посмотрела на них.

— Так скоро? — спросила она. — Но ведь вы приехали сюда и простились со мной только сегодня утром.

— Мы быстро справились, — ответил Ван Саравак, первым делом выучивший под гипноизлучателем древнегреческий.

— Я надеюсь... — она попыталась улыбнуться, — вы уже освободились и теперь сможете хорошо отдохнуть.

— Да, — сказал Эверард. — Мы освободились.

Некоторое время они стояли молча рядом, вглядываясь в снежную равнину перед ними.

— Это правда, что я никогда не смогу вернуться домой? — тихо спросила Дейрдра.

— Боюсь, что да. Заклинание...

Эверард и Ван Саравак переглянулись.

Они получили официальное разрешение сказать девушке все, что сочтут нужным, и взять ее в любое место, где она, по их мнению, сможет быстро привыкнуть к новой жизни.

Ван Саравак настаивал, что этим местом может быть только Венера его века, а Эверард слишком устал, чтобы спорить.

Дейрдра глубоко вздохнула.

— Пусть будет так, — сказала она. — Я не собираюсь тратить всю жизнь на сожаления. Ведь Великий Баал в конце концов дарует счастье моему народу. Правда?

— Уверен в этом, — сказал Эверард.

Внезапно он почувствовал, что у него больше нет сил. Он хотел только одного: поскорей добраться до постели и заснуть. Пусть Ван Саравак скажет ей то, что следует сказать, и получит свою награду.

Эверард кивнул товарищу.

— Прощай, — сказал он. — Теперь дело за тобой, Ван.

Венерианин взял девушку за руку. Эверард медленно пошел в свою комнату.

РОМАН

Настанет ВРЕМЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Успокойтесь, я не собираюсь утверждать, что вся эта история истинна. Во-первых, этому вы не поверите. Во-вторых, если под рассказом стоит мое имя, то ясно, что это развлекательная история. Я ведь писатель, а не пророк. В-третьих, композиция придумана мною. Места, где возникали какие-то сомнения или пробелы в массе заметок, вырезок, фотографий, воспоминаний, я заполнял своим воображением. Разумеется, имена и названия городов мне приходилось изменять. Короче, мне многое пришлось сочинить.

И, наконец, я сам во все это не верю. О, конечно, мы можем вместе полистать старые газеты, журналы, ежегодники, официальные документы. Все это займет очень много времени, а результаты, даже положительные, ничего не докажут. Так что нет смысла этим заниматься, сейчас перед нами стоят более важные и неотложные задачи.

В своем предисловии я задался целью рассказать немного о докторе Роберте Андерсоне. Своим появлением эта книга обязана только ему. И в ней я старался сохранить стиль его речи, его дух.

Я многим обязан ему. Во многих романах я использовал его идеи, моими героями я делал людей, о которых он мог рассказывать часами, сидя перед камином с бутылкой хорошего шерри и слушая Моцарта. Разумеется, все его рассказы я подвергал литературной обработке, но основные идеи принадлежали ему. Однако он решительно отказался от своей доли гонорара.

— Если тебе удастся продать это, — смеялся он, — то угости Карен обедом в самом экстрава-

гантном ресторане Сан-Франциско и опустошим бутылочку аквавита за меня.

Конечно, мы говорили еще о многом. В моей памяти сохранились почти все наши разговоры. У него было очень развито чувство юмора. Все свои рассказы, которыми доктор просто заваливал меня, он в конце концов сводил к шутке.

Правда, часть этих рассказов по своей сути была довольно мрачной.

Несколько раз при наших встречах присутствовали его внуки, и я заметил, что та радость, которую он испытывал от общения с ними, неожиданно прерывалась глубокой печалью, даже меланхолией. А когда мы виделись в последний раз — мы говорили о будущем, — он внезапно воскликнул: «Несчастная молодежь! Мое и ваше поколение прожило жизнь удивительно легко. Все, о чем приходилось нам думать, так это о здоровье людей и о мире под солнцем. Но теперь история возвращается к своему нормальному течению, к нормальному климату Земли — наступает ледниковый период».

Он поставил стакан на стол и наполнил его дрожащей рукой.

— Выживут только самые стойкие и везучие. Остальные... остальные будут довольствоваться тем, что им дарует судьба. Медик ведь всегда должен говорить правду, не так ли? — Он печально улыбнулся и сменил тему разговора.

Роберт Андерсон и в последние годы жизни был высоким и стройным человеком, немного сутулым, но в прекрасной форме, которую он постоянно поддерживал прогулками на велосипеде и игрой в крикет. Его голубые глаза зорко смотрели из-за толстых стекол очков. Одежда и седые волосы всегда были в идеальном порядке. Речь его была медленной, а особо важные места он подчеркивал жестом руки, в которой обычно держал трубку. Трубку он курил два раза в день. Своим чувством независимости он мог сравниться, пожалуй, с собственным котом, но

при этом сохранял непринужденную и дружескую манеру общения.

— В моем возрасте, — как-то заметил он, — у людей начинаются старческие причуды, — он улыбнулся. — Но сейчас я отдаю предпочтение только фактам. Вспомни эти слова, когда доживешь до моих лет.

Если посмотреть со стороны, то его жизнь была спокойной. Родился он в Филадельфии в 1895 году в семье дальних родственников моего отца. Хотя наша семья имела корни в Скандинавии, отдельные ее представители жили в Штатах еще со времен Гражданской войны. Однако ни я, ни он никогда не слышали друг о друге, пока один из его сыновей, интересовавшийся генеалогией, не узнал обо мне и не списался со мною. Затем Роберт сам нанес нам визит и пригласил нас с женой к себе.

Его отец был журналистом. В 1910 году он стал редактором газеты в небольшом городке на Среднем Западе (сейчас его население составляет примерно десять тысяч человек, тогда — немного меньше), который я назову Сенлак. Роберт Андерсон впоследствии говорил, что хотя его семья и была религиозной, но имела демократические взгляды. Он получил медицинское образование. А потом началась первая мировая война. Его взяли в армию, но за океан он так и не попал. После выхода в отставку он продолжил свое образование и получил степень доктора. Со временем вернулся в Сенлак и женился на девушке, которая очень долго его ждала.

Работы у него, как и у любого практикующего доктора, было много. И семейная жизнь складывалась довольно счастливо. Они с женой вырастили троих детей.

В 1955 году он забросил практику и много путешествовал с женой. К сожалению, она умерла в 1968 году. Андерсон продал свой дом и купил поблизости небольшой коттедж. Теперь он путешествовал редко. Он говорил, что без Кейт даже путеше-

ствия не доставляют ему радости. И все же он не потерял интереса к жизни.

Он рассказывал мне о народе, который называл Маури, и рассказывал так, словно сам все это придумал, но у него не хватило времени написать роман или повесть. Лет десять назад он вдруг очень встревожился обо мне, потом все снова пришло в норму, и он стал самим собой, хотя время от времени на него нападала какая-то хандра, и он бывал угрюмым. Во всяком случае, он, без сомнения, знал, что делает, когда вписывал мое имя в свое завещание. Он оставил мне свои записи и воспоминания, предоставляя право использовать их так, как я сочту нужным.

А в конце прошлого года совершенно неожиданно Роберт Андерсон умер во сне. Нам очень не хватает его сейчас.

П. А.

ГЛАВА I

Как известно, начала определяют окончания, хотя здесь я почти ничего не могу сказать, кроме того, что сам принял Джека Хейвига в этом мире. Разве в холодное сентябрьское утро 1933 года кто-нибудь думал о генетическом коде, о теории Эйнштейна и о других высших материях, занимавших умы ученых богов на их олимпе; разве кто-нибудь думал о силе тех стран, которые мы намеревались завоевать легко и просто? Я помню, как медленно и трудно он рождался. Это был первенец весьма молодой и хрупкой Элеоноры Хейвиг, и мне очень не хотелось делать кесарево сечение. Может, это и было моей ошибкой, в результате которой она не родила мужу второго ребенка. Наконец маленькое сморщенное существо очутилось в моих ладонях. Я шлепнул его по заду, призывая к жизни, и он негодующе закричал. А дальше все пошло как обычно.

Родильное отделение находилось на третьем, верхнем, этаже нашей больницы, расположенной на окраине города. Я снял халат и подошел к окну, откуда открывался вид на город. Я видел скопления домов вдоль замерзшей реки — кирпичных в центре города и деревянных на окраинах, элеватор, резервуар для воды возле железнодорожной станции. Дальше под серым небом тянулись низкие холмы, между которыми тут и там виднелись фермы. А еще дальше темнели леса Моргана. Стекло запотело от моего дыхания. От окна веяло холодом, и дрожь пробежала по моему потному телу.

— Ну что ж, — громко произнес я, — добро пожаловать на Землю, Джон Франклин Хейвиг. — Его отец настоял на том, чтобы заранее было придумано имя

для ребенка любого пола. — Надеюсь, жизнь тебе будет в радость.

«Вообще-то ты выбрал не самое удачное время для появления на свет — подумал я. — Мировая депрессия нависла над всеми государствами, как тяжелое зимнее небо. В прошлом году Япония захватила Маньчжурию, прошел марш голодающих в Вашингтоне, похитили ребенка Линберга. И этот год начался в том же духе: Адольф Гитлер стал канцлером в Германии; в Белом Доме собирается поселиться первый президент; отмена сухого закона почти неизбежна... Но вообще в этом полушарии немного теплеет».

Я вошел в комнату ожидания. Томас Хейвиг вскочил с кресла. Этот человек никогда открыто не проявлял своих чувств, но сейчас вопрос, мучивший его, трепетал у него на губах. Я взял его за руку:

— Поздравляю, Том. У тебя бойкий мальчик, и я только что отправил его вниз, в ясли.

Я вспомнил эти свои слова несколько месяцев спустя.

Сенлак был коммерческим центром небольшого сельскохозяйственного района. В нем было также несколько предприятий легкой промышленности, работающих на местном сырье.

Хотел я этого или нет, но мне будучи ротарианцем приходилось принимать участие в политической жизни города, хотя я старался свести к минимуму свою активность и оставаться подальше от политических интриг. Поймите меня правильно. Я знал этих людей. Я любил их даже восхищался ими. Они и есть соль Земли. Но человеку нужна не одна только соль.

У нас с Кейт был очень миленький, тесный кружок друзей. В него входили: ее отец — банкир, ставший и моим банкиром, над которым я часто подтрунивал, что сделал он это только затем, чтобы заполучить демократа для своих споров; одна леди, управлявшая нашей общественной библиотекой; несколько профессоров из Хольберг-колледжа, что жили в сорока милях он нас, а тогда это было немалое расстояние; и наконец — Хейвиги.

Они, уроженцы Новой Англии, были немного домоседами. Однако в 30-х годах приходилось браться за любую работу. Хейвиг преподавал физику в школе. Стройный, с заостренными чертами лица, он чем-то был похож на тех, кого учил. Ребята очень любили его. Он неплохо играл в футбол. Элеонора, более смуглая и живая, хорошо играла в теннис. Она занималась благотворительностью, считая, что каждый должен приносить какую-нибудь пользу.

Я весьма удивился, когда она однажды позвонила мне и попросила немедленно прийти. В ее голосе слышалась истерика.

В те времена квартира врача отличалась от нынешних, особенно в провинциальных городах. Я переоборудовал две комнаты в большом старом доме, в котором мы жили. Одна из них была предназначена для собеседования, другая — для осмотра и лечения, в том числе и для небольших хирургических операций. У меня были фармацевт и секретарь. Кейт помогала во всякого рода бумажной работе. Хотя сейчас мне думается, что основная ее работа заключалась в том, что она развлекала пациентов, ожидавших приема. Я уже сделал утренний обход своих пациентов, а на прием еще никто не пришел, поэтому я тотчас запрыгнул в «Мармон» и отправился на Эльм Стрит.

Я прекрасно помню, что утро было чрезвычайно жарким. На небе ни облачка, совершенное безветрие. Деревья, мимо которых я шел, обдавали жаром, как раскаленные зеленые печи. В чахлой их тени стонали от жары собаки и дети. Ни одна птица не нарушала пением знойную тишину. Мною овладел страх. Элеонора так выкрикнула имя своего Джонни, что мне стало не по себе.

Когда я вошел в прохладную, благодаря вентиляторам, полутьму ее дома, она обняла меня, вся дрожа.

— Я схожу с ума, Боб? — спросила она и повторила: — Скажи мне, я схожу с ума?

— Спокойно, спокойно, — пробормотал я. — Ты звонила Тому?

Том сейчас был на работе, которой занимался во время каникул, — он проверял качество работы на небольшой кондитерской фабрике.

— Нет, я... я думала...

— Сядь, Элли, — я оторвал от себя ее руки. — По-моему, ты вполне в своем уме. Может, ты перегрелась? Успокойся, расслабься, покрути головой. Вот так. Тебе уже лучше? А теперь расскажи, что же произошло.

— Джонни. Два Джонни. А потом снова один, — она охнула, — ДРУГОЙ.

— Да? Элли, расскажи поподробнее.

В ее глазах стоял ужас, пока она рассказывала мне, что случилось.

— Я... я мыла его, когда услышала детский крик. Я подумала, что это на улице, но он как будто слышался из спальни... да-да, из спальни. Я завернула Джонни в полотенце — не могла же я оставить его в воде — и пошла посмотреть. И там, в колыбели своего мальчика, я увидела другого ребенка, голенького, тоже мокренького. Он кричал и сучил ножками. Я была так удивлена, что... выронила своего ребенка. Я стояла над колыбелью, и он не мог упасть на пол. Но... Боб, он вообще не упал, он исчез... растворился в воздухе. Я инстинктивно попыталась поймать его, но ухватила только полотенце. Джонни исчез! Кажется, я потеряла на несколько секунд сознание. И когда очнулась, его не было.

— А другой мальчик?

— Он... он остался... мне кажется...

— Идем, посмотрим...

Оказавшись в спальне, я сказал:

— Ну что ж, здесь никого нет, кроме старого доброго Джонни.

Она стиснула мою руку:

— Он как две капли воды похож на Джонни.

Ребенок уже успокоился и что-то довольно лопотал.

— Он совсем такой же, — говорила Элли, — но это не Джонни.

— Элли, у тебя просто была галлюцинация. Это и не удивительно, ведь сейчас так жарко, а ты еще слишком слаба.

Никогда раньше я не сталкивался ни с чем подобным. Все это казалось весьма необычным, особенно для такой уравновешенной женщины, как Элли. Но мой голос прозвучал вполне убедительно, не хуже, чем у медицинских светил.

Однако она никак не могла успокоиться, и мне пришлось достать сертификат новорожденного и сравнить отпечатки рук и ног Джонни и этого младенца в колыбели. После этого я напоил Элли кофе, прописал ей тоник и вернулся к своей работе.

Через неделю я совершенно забыл об этом случае — в те дни наша единственная двухлетняя дочь заболела пневмонией и умерла.

Джонни Хейвиг рос очень умным, впечатлительным, но любил одиночество. Чем лучше он ходил и говорил, тем меньше проявлял склонность к общению. Он с большим удовольствием рисовал, лепил глиняных зверюшек, пускал по реке кораблики. Элеонору это очень беспокоило, а Тома, напротив, нисколько.

— Я был таким же, — говорил он. — У него будет ужасная юность, но он возьмет свое, когда станет взрослым.

— Нужно внимательнее смотреть за ним, — настаивала Элеонора. — Ты не знаешь, как часто он исчезает. О, пока для него это игра, прятки. Он прячется везде. А когда-нибудь найдет способ проникнуть через забор, и тогда... — ее пальцы сжались, — он может потеряться совсем.

Это случилось, когда ему было четыре года. В какой-то момент он, казалось, прекратил свои прятки, как бы поняв, что это всех беспокоит. Но вот однажды утром его не нашли в постели. И нигде не нашли. Весь город — полицейские, соседи — искал его.

В полночь зазвонил звонок у двери. Элеонора спала, выпив по моему наставлению снотворное, а Том сидел возле стола один и курил. Услышав звонок, он вскочил, уронив сигарету и опрокинув стул — пятно на ковре еще долго напоминало ему эту мучительную ночь, — бросился к двери.

На пороге стоял человек. Воротник пальто был поднят, широкие поля шляпы бросали тень на его лицо. Да Тому было и не до этого. Все его внимание было обращено на мальчика, которого человек держал за руку.

— Добрый вечер, сэр, — сказал незнакомец приятным голосом. — Не этого ли юного джентльмена вы разыскиваете?

И когда Том упал на колени, обхватив сына, плача и пытаясь выговорить слова благодарности, человек исчез.

— Странно, — впоследствии говорил он мне, — ты знаешь, Эльм Стрит хорошо освещена. И даже бегом ее невозможно пробежать из конца в конец за минуту. Кроме того, заслышав топот ног, все собаки залаяли бы. Но когда я через минуту посмотрел на улицу, она была пуста.

От Джонни так ничего и не добились. Он извинился, сказал, что больше так не будет, и пошел спать.

И действительно, больше он не убегал. Более того, его одиночество закончилось: он нашел себе друга, сына Данберов. Пит был физически более развит, чем Джонни, да и голова у него работала неплохо — сейчас он занимает довольно высокий пост в какой-то фирме. Но Джон — он потребовал, чтобы его теперь так называли — верховодил во всем. Они играли в игры Джона, ходили на его любимые места на реке, а позже — в лес Моргана.

Мать Пита вздыхала в моем пропахшем лекарствами кабинете: «Мне кажется, Джон гораздо более мечтателен и впечатлителен, чем Пит. Весь мир для него полон контрастов. Это тревожит меня».

Шел уже второй год после его исчезновения, и за это время я видел Джона всего пару раз во время обычных осмотров. Поэтому я удивился, когда Элеонора вновь позвонила и вновь попросила о встрече, чтобы обсудить кое-то. Она рассмеялась.

— Ты же знаешь, Том — истинный янки. Он не разрешает мне обсуждать с врачом специальные проблемы, касающиеся нашего сына. — Ее смех был каким-то резким.

Я откинулся на спинку своего скрипучего кресла, переплел пальцы и спросил:

— Значит, ты говоришь, что он рассказывает о том, чего не может быть, но во что он абсолютно верит? Ничего особенного. Обычное явление.

— Я думаю, Боб, — она нахмурилась, — что он слишком много знает.

— Возможно. Особенно если учесть, что за последние месяцы он очень сильно развился как физически, так и умственно. Однако у меня, как у врача-практика, давно сложилось убеждение, что «средний» и «нормальный» не одно и то же... Хорошо. У Джона есть воображаемые партнеры?

Она вымученно улыбнулась.

— Да. Воображаемый дядя.

Я поднял брови.

— В самом деле? Это он сам сказал тебе?

— Нет. Разве дети рассказывают такое своим родителям? Я просто слышала, как он говорил Питу, что дядя приходит и берет его в самые замечательные путешествия.

— Дядя Джек? Какие путешествия? В то королевство, о котором ты рассказывала? Где правит Леон Лев?

— Н-нет. Совсем другое. О той, Звериной стране он сам рассказывал мне и знал, что это чистая фантазия... Но эти путешествия с дядей... нет... они совсем другие. Все подробности, которые я слышала, очень реалистичны. Например, визит в лагерь индейцев... Он рассказывал, что делают индейцы, описывал, как пахнет сохнущая кожа, догорающий костер... А в другой раз он говорил о полете на самолете. Я могу понять, что он вообразил себе самолет величиной с дом. Но его самолет без пропеллера, летает бесшумно и очень быстро. А в самом самолете показывают фильмы. Цветные. Он даже говорил, как самолет называется. Реактивный. Да-да, реактивный.

— Ты боишься, что его воображение обгоняет развитие? — спросил я беззаботно. А когда она кивнула, проглотив комок в горле, я наклонился вперед и похлопал ее по руке. — Элли, воображение — это самое драгоценное, чем владеет ребенок. А способность представить детали — вообще неоценимый дар. Твой сын не просто здоров. Он, может быть, гений. Постарайся не убить в нем это.

Я по-прежнему думаю, что я был прав. Ошибался, но был прав.

А тогда я хмыкнул и сказал:

— Что касается реактивного самолета и прочего, то я могу показать тебе десятки тайников, где они с Питом прячут книжки о Баке Роджерсе.

Всем маленьким мальчикам приходит срок идти в школу. Этот срок настал и для Джона. Не сомневаюсь, что он отправился туда без особой охоты.

Впрочем, как и все остальные дети. Кому охота сидеть в помещении, когда вокруг столько интересных дел? Однако учился он прекрасно. И особенно его захватывала история: «Звезда пролетела поблизости от Солнца и из облака огненного газа, оставленного ею, впоследствии образовались планеты... Периоды мировой цивилизации — это Египет, Греция, Рим, Средние века и наше время, начавшееся в 1492 году...»

Круг его друзей расширился. Их родители сетовали: «Мой Билли на четыре года старше... Мой Джимми и Стюарт младше Джонни на два года и четыре года...» На этом жизненном этапе такая разница в возрасте казалась непроходимой пропастью, но тем не менее Джонни умудрялся организовывать детей. Он вообще обладал организаторскими способностями. Например, Элеонора полностью доверяла ему подготовку празднования для рождения Тома.

На восьмом году жизни он испытал новое ощущение. Два старших мальчика из другого района города надумали позабавиться, решив подстеречь и поколотить кого-нибудь из малышни, когда те будут возвращаться из школы. В те годы улицы в сентябре были довольно пустынны.

Но им не повезло: они нарвались на Джона Хейвига. Впоследствии они сетовали, что Джон созвал себе на помощь целую армию мальчишек.

Когда эти двое пожаловались своим родителям, то получили хорошую трепку. «Все трусы — идиоты», — сказали отцы сыновьям.

Долгое время все ребята смотрели на Джонни с обожанием и трепетом, хотя он отказывался рассказать подробности сражения.

Прошло время — и инцидент канул в Лету.

В тот год пала Франция.

— Есть новости о воображаемом дяде? — спросил я Элеонору, когда мы встретились на какой-то вечеринке. Я подошел к ней, чтобы избавиться от политических разговоров.

— Что? — недоуменно спросила она. Мы стояли на крыльце дома. За освещенными окнами слышались смех, разговоры. С площадки доносились удары игроков в крикет. Полная луна висела над часовней Хольберг-колледжа.

— О, — проговорила она. — Ты имеешь в виду моего сына? Нет, ничего подобного. Ты был прав. Это прошло.

— Или он научился скрывать, — подумал я вслух.

Она была уязвлена.

— Значит, ты думаешь, что он не доверяет нам? Впрочем, да, он никогда не говорит нам ничего такого...

— Спокойно, — быстро прервал я. — Он во всем повторяет своего отца. Элли, не беспокойся, все будет хорошо. Лучше пойдем выпьем.

В моих записях точно указан день, когда Джек Хейвиг — да, да, теперь я стал называть его Джеком — на время потерял над собой контроль.

Вторник, 14 апреля 1942 года. Накануне Том Хейвиг сделал гордое заявление своему сыну. До этого он ничего не говорил о своих намерениях, потому что не был уверен, что они осуществимы. Однако счастливый

день настал: школа приняла его отставку, а армия зачислила в свои ряды.

Несомненно, он мог бы остаться. Ему было больше тридцати лет, он был учителем. По правде говоря, он послужил бы стране лучше, если бы остался. Но «крестовый поход» был объявлен, полетели «дикие гуси», и тень смерти нависла над крышами Сенлака. Даже я, человек средних лет, и то рассматривал возможность примерить форму. Но меня не взяли.

Звонок Элеоноры поднял меня с постели еще до рассвета.

— Боб, приезжай! Прямо сейчас, пожалуйста! Джонни! Он в истерике! Хуже, чем в истерике! Я боюсь... Мозговая лихорадка... Боб, приезжай!

Я поспешил и вскоре сжимал худенькое тело мальчика, пытаясь понять его выкрики, сделать инъекцию. Джек кричал, вешался отцу на шею, расцарапал себя до крови, бился головой о стену.

— Папа! Папа, не уезжай! Они убьют тебя! Я знаю, я знаю! Я видел! Я видел, как возле этого окна плачет мама! Папа, папа! Не уезжай!

Я держал его под действием лекарств почти целую неделю — столько времени потребовалось, чтобы успокоить мальчика. И потом, до самого мая, он оставался тихим и бессловным.

Его реакция казалась совершенно необъяснимой. Другие дети гордились своими отцами, рассказывая об их настоящих или выдуманных подвигах. Но Джек был не таким, как все.

Постепенно он оправился и вернулся к занятиям в школе. Все свое свободное время он воображал, что находится рядом с Томом. И писал ему письма каждый день. Он писал отцу... который был убит в Италии 6 августа 1943 года.

ГЛАВА 2

Ни один врач не мог бы перенести свои профессиональные неудачи, если бы у него не было удач. Пусть я не смог помочь ему как доктор, зато я помог ему как человек.

Мой опыт позволил мне понять, что мальчик серьезно страдает.

В 1942 году в восточных штатах продажа бензина еще не была ограничена. Я распределил между коллегами свою практику, а когда закончились занятия в школе, мы с Биллом отправились в путешествие. И взяли с собой Джека.

В Эрроухеде штата Миннесота мы наняли лодку и отправились в дикую, первозданную страну озер, речек и ручьев, которая простиралась вплоть до Канады. Целый месяц мы были предоставлены самим себе: я, мой тринадцатилетний сын и этот мальчик, которому, как я думал, было девять лет.

Это была страна москитов и дождей. Грести против течения очень нелегко; чтобы устроить лагерь и приготовить пищу, тоже требовались значительные усилия. Но я считал, что Джеку нужны были трудности, он должен был работать до изнеможения. Прошло несколько дней, и природа начала излечивать его.

Восхитительные рассветы, ночная прохлада, легкая рябь на поверхности воды, песни птиц, шелест листьев, ароматы леса, белки, бравшие пищу прямо из рук, неохотно удалявшиеся лани... Однажды даже появился медведь, и мы почтительно уступили ему дорогу. А закаты солнца, которые мы наблюдали через тучи стремительно кружащихся летучих мышей... Сумрак, костер, рассказы, ребячье удивление Билла, который впервые видел все это, спальный мешок, звездное небо... Мне казалось, здесь Джек должен был понять, как огромен мир и как ничтожны мы в нем со своими радостями и горестями.

Я надеялся вылечить его.

Но когда мы вернулись, я сделал ошибку, сказав ему:

— Надеюсь, Джек, ты понял, что все рассказы о Томе — плод твоего воображения. Нет такой вещи, как предсказание будущего.

Он побледнел, отвернулся и убежал. А я затратил еще несколько недель, пока снова добился его доверия.

И то не полностью. Он не делился со мной ничем, кроме мыслей и надежд самого обычного мальчика. Я

больше не поднимал вопроса об отце. Он тоже. Но, насколько позволяли мне время и обстоятельства, я старался, как мог, заменять ему отца.

Пока шла война, мы не предпринимали больших путешествий. Однако в нашем распоряжении всегда были деревенские дороги для пеших прогулок, лес Моргана для пикников, река для рыбной ловли и купания. Недалеко было также озеро Виннего с моей маленькой лодкой. Джек часто приходил в мою мастерскую при гараже и мастерил там кормушки для птиц и всякую другую мелочь. Мы могли разговаривать там.

Я думаю, что к тому времени, когда пришло известие о гибели Тома, Джек уже обрел спокойствие. Все были уверены в том, что его предвидение — чистая случайность, игра воображения, не более.

Элеонора теперь работала в библиотеке и к тому же по несколько часов в неделю в госпитале. Овдовев, она пережила такое потрясение, что, находясь в подавленном состоянии, долгое время ни с кем не общалась. Кейт и я старались вытаскивать ее в люди, но она чаще отклоняла предложения, чем принимала их.

А когда она наконец покинула свою раковину, то оказалась в кругу людей, среди которых раньше у нее не было друзей.

Однажды я не удержался и сказал:

— Ты знаешь, Элли, я рад, что ты снова в обществе. Но, прости, меня удивляют твои новые знакомые.

Она покраснела и отвернулась.

— Да, — тихо сказала она.

— Хорошие люди, конечно. Но их нельзя назвать интеллигентными, верно?

— Да-да... — Она выпрямилась в кресле. — Боб, скажу откровенно. Я не хочу умереть хотя бы потому, что есть Джек, есть ты. Но я не хочу и быть погребенной заживо, как эти последние два года. Вы все... с кем мы раньше... вы все женаты...

И я прекратил бесполезный разговор. Она все равно не поняла бы тогда, насколько ей чужды эти новые друзья, громко смеющиеся, громко разговаривающие, с

чисто практическим умом; насколько неприятны они Джеку, как глубоко он презирает их.

Ему было уже двенадцать лет, когда два взрыва уничтожили два города и вместе с ними остатки наивности человечества. Хотя развитие Джека перестало идти с такой скоростью, как это было в 1942 году, он все же намного опережал своих сверстников. И это лишь укрепляло тот вакуум, который он сам создал вокруг себя. Больше у него не было близких друзей. Вежливо, но непреклонно, Джек отклонял любые попытки сблизиться с ним. Он учился хорошо, но все свое свободное время проводил один. Он читал много книг, в основном по истории, совершал далекие прогулки на велосипеде, рисовал или лепил из глины.

Не хочу сказать, что он был угрюмым бирюком. Одинокие мальчишки — явление не столь уж редкое; повзрослев, они, в общем, становятся обычными людьми. А Джек к тому же обладал немалым чувством юмора. Помню, он показал мне несколько своих рисунков, и один из них был явной иллюстрацией к сюжетику из сборника «Посторонний и другие рассказы», который я дал ему почитать. По темному густому лесу бредут двое. Один с испугом на что-то показывает (и это, несомненно, карикатура на Г. Ф. Лавкрафта), а его спутница, женщина в твидовом костюме, насмешливо замечает: «Ну конечно же они мертвенно-бледны и похожи на грибы, Говард. Потому что это действительно грибы».

Хотя он больше не зависел от меня, мы все же продолжали довольно часто встречаться. Разница в возрасте между ним и Биллом теперь сгладилась, и в 1948 году они вместе с Джимом и Стюартом совершили путешествие в Северную Миннесоту.

Когда они вернулись, мой второй сын спросил:

— Отец, ты не знаешь, что мне почитать по философии?

— Что? — я отложил газету. — Философия в тринадцать лет?

— А почему нет? — Кейт оторвалась от своего вышивания. — В Афинах он начал бы раньше.

— Ну что ж... Философия — пространная наука, Джим. Что именно тебя интересует?

— О... свободная во... пространство... и все такое. Джек и Билл много говорили об этом во время путешествия.

Я узнал, что Билл, который теперь учился в колледже, начал было изображать из себя учителя, но очень скоро запутался в вопросах Джека. Как была написана история Вселенной, как возникла сама Вселенная? Или: почему ты считаешь, что мы сами сделали свой выбор? А если нет, то как мы можем воздействовать на свое будущее?

Когда я спросил сына, что подарить ему на Рождество, он ответил:

— Что-нибудь, что помогло бы мне понять теорию относительности.

В 1949 году Элеонора вторично вышла замуж. И ее выбор был катастрофическим.

Свен Биркелунд выглядел великолепно. Его родители покинули Норвегию, когда ему было три года; сейчас ему было сорок. Преуспевающий фермер, владеющий огромным хозяйством и прекрасным домом в десяти милях от города. Он был ветераном войны. Недавно овдовел, и у него росли два сына: Свен, шестнадцати лет, и Гарольд, девяти лет. Огромный, рыжеволосый, громогласный, он производил на нас с Кейт тягостное впечатление. Нельзя сказать, что Биркелунд напрочь был лишен тяги к знанию — он выписывал «Ридерс Дайджест», «Нейшнл Джиографик», «Кантри Джентльмен», читал книги, которые ему изредка попадались. Кроме того, он любил путешествовать и был опасным соперником в бизнесе.

И все же... Элеонора. Она была полна жизни, а с того времени, как умер Том, прошло уже шесть лет.

Когда человек влюбляется, его бесполезно отговаривать. Мы с Кейт и не пытались. Мы были на свадьбе, поздравили молодых, пожелали всего самого лучше. Более всего меня беспокоил Джек. Мальчик еще больше замкнулся; он двигался и говорил как робот.

Когда они переехали в новый дом, мы с Джеком стали редко видеться. Сам он ничего не говорил о том, как ему там живется, а я не спрашивал. Но судите сами: Элеонора — приверженка епископальной церкви. Джек родился агностиком, Биркелунд был слепо верящим в Библию лютеранином. Элеонора с Джеком привыкли к легкой городской пище, Биркелунд и его сыновья обожали мясо и картошку. Том в свое время сделал из Элеоноры политического либерала. Биркелунд, если не занимался счетами, то слушал радио или смотрел телевизор, и по своим политическим взглядам был ревностным и активным американским легионером. Он яростно поддерживал сенатора Джозефа Маккарти.

Можно себе представить разочарование Элеоноры, хотя, я думаю, Биркелунд старался завоевать ее уважение, но когда из этого ничего не вышло, оставил свои попытки. И только то, что Элеонора вскоре забеременела, сохранило тогда их союз и несколько продлило его.

Для Джека жизнь там была адом. Его новые братья, копии своего отца, были недовольны его появлением в доме. Младший, интересы которого сводились к охоте и встречам с девчонками, презирал его за то, что Джек не любит убивать животных и щупать девушек. Гарольд находил немало способов помучать его, и это было нетрудно, так как Джек был младше и не мог защитить себя кулаками.

Джек страдал.

В конце 1950 года родилась Ингеборг. Биркелунд назвал так девочку в честь своей тети. Он был разочарован, что родилась девочка, но все же шумно отпраздновал ее рождение. Все гости перепились, а Биркелунд весь вечер повторял с громким смехом, что намерен сделать сына, как только доктор разрешит.

Мы с Кейт были приглашены, но под благовидным предлогом отказались. Поэтому я лишь по рассказам очевидцев знаю, что Джек покинул праздничный пир, и как негодовал по этому поводу Биркелунд. Позже Джек рассказывал мне: «Когда гости, которые могли двигаться и не уснули на полу, разошлись, он загнал меня в сарай и сказал, что сейчас вышибет из меня

дерьмо. Я ответил, что пусть только попробует, я убью его. И я не шутил. Он понял это и, рыча, удалился. После этого мы перестали разговаривать. Я делал свою работу беспрекословно, но после обеда всегда уходил к себе.

Такое шаткое равновесие держалось до начала декабря. Что нарушило его, я не знаю, да и не в этом дело.

Как-то Элеонора спросила Джека, думал ли он, в каком колледже собирается учиться, а Биркелунд закричал: «Я не дам ни доллара на его учение, пусть служит стране, как служил я!»

Вспыхнула ссора, и Элеонора, не выдержав, вся в слезах сбежала вниз по лестнице.

На следующий день Джек исчез.

Он вернулся в конце января, так никому и не сказав, где он был и что делал, и заявил, что если Биркелунд будет вмешиваться в его дела, он убежит навсегда. Джек завоевал право быть самим собой, и никто не лез к нему с расспросами. Следует сказать, что и его поведение, и внешность заметно изменились после последнего исчезновения.

Ненадолго все снова пришло в зыбкое равновесие. Но через шесть недель, в воскресенье, Джек отправился на свою обычную прогулку. Гарольд, увидев это, вошел в его комнату и обшарил стол. И свою находку он сразу же принес отцу. Это был конец.

Снег валил на землю густой пеленой. Все казалось бело-серебряным. На улице было удивительно тихо.

Элеонора сидела в гостиной и плакала.

— Боб, ты должен поговорить с ним, мы должны помочь ему снова... Что случилось, когда он убегал? Что он делал?

Кейт обняла подругу и прижала ее голову к себе.

— Ничего страшного, моя дорогая, — проговорила она. — Не беспокойся. Всегда помни, что Джек — сын Тома.

Я ходил взад и вперед по пушистому ковру. В комнате царил полумрак — свет не зажигали.

— Давайте будем следовать фактам, — заговорил я уверенно, хотя и мне было не по себе. — У Джека оказалась эта брошюрка. Свен сказал, что это — коммунистическая пропаганда, и хотел позвать шерифа, прокурора, вообще всех, кто мог бы заставить Джека сознаться, с кем он общался во время своего отсутствия. Ты выскочила из дома, взяла машину, встретила мальчика по дороге и привезла сюда.

— Да-да... Боб, я не могу здесь остаться. Там Ингеборг... Свен будет разыскивать меня...

Я помолчал.

— Ты сказала, что выхватила у него эту брошюру?

— Я... — Элеонора отстранилась от Кейт. Сквозь слезы она с усилием сказала: — Теперь, когда нет вещественного доказательства, ему нет смысла звать полицейских.

— Могу я посмотреть это?

Она колебалась.

— Это... чепуха, Боб. Ничего важного. Джек ждет...

Он ждал в моем кабинете, пока мы разговаривали. Он прекрасно владел собой.

— Мы поговорим, — сказал я, — а пока Кейт напоит тебя кофе и накормит. Однако я же должен знать, о чем говорить.

Элеонора всхлипнула, кивнула, залезла в свою сумочку и подала мне несколько листков бумаги, сложенных вместе. Я устроился в своем любимом кресле, заложив ногу за ногу, закурил трубку и стал читать.

Я прочел ее дважды. Трижды. Я совершенно забыл о женщинах.

Вот этот документ. Вы не найдете в нем никаких загадок.

Но не будем спешить. Сегодня 11 марта 1951 года от Рождества Христова.

Гарри Трумэн стал президентом Соединенных Штатов, победив на выборах и Томаса Дэйви, и бывшего вице-президента, который впоследствии имел мужество признаться, что его партия была перчаткой на руке Москвы, столицы Советского Союза, которая, как когда-то уверял нас наш обожаемый ФДР, была столицей мировой демократии, нашим верным союзником в свя-

той войне за вечный мир. Но теперь многое изменилось. Молодые американцы умирали в боях через пять с половиной лет после победы! И их убивали северокорейцы и китайцы. Меньше чем два года назад взорвалась первая русская атомная бомба. Чуть раньше образовалось НАТО, державшее под ружьем сотни дивизий. Многие из нас находились в каком-то эмоциональном параличе, мы вели обычную жизнь, но каждое мгновение ожидали, что разразится третья мировая война...

Да, я не мог осуждать Свена Биркелунда за его реакцию на этот документ.

Продолжая читать, я все больше удивлялся.

Тот, кто написал это, прекрасно знал терминологию коммунистов — я уже видел кое-что подобное, хотя не был коммунистом и даже не сочувствовал им. А что же Джек?

Но вернемся назад и попытаемся понять, каким был наш мир в 1951 году.

Мы прекрасно знали, что у нас, американцев, есть проблемы, но знали также, что при наличии времени и доброй воли мы разрешим их. Со временем люди всех рас, любого цвета кожи и вероисповедания будут жить бок о бок, вместе трудиться и вместе распевать песни. Дело «Браун против Министерства Образования» нашумит еще не скоро. Студенческие волнения происходят только в других странах, а наше правительство беспокоит только апатия студентов. Французы в Индокитае чувствуют себя хозяевами и не испытывают заметных трудностей.

Только-только появились телевизоры, и мы обсуждаем последствия этого события. Межконтинентальные ядерные ракеты только разрабатываются, и никто еще не может представить себе, какое это грозное оружие. Много говорят о перенаселении, но эта тема скоро забудется. Пенициллин и ДДТ считаются друзьями человечества. Смог пока что ощущается только в Лос-Анжелесе и иногда в Лондоне. Все уверены, что океан, бессмертный отец всего живого, вечно будет принимать и хранить в себе отходы человечества. Космические полеты предполагаются только в будущем веке, хотя

какой-то сумасшедший миллионер предложил финансировать проект. Компьютеров очень мало; это настоящие мастодонты, сверкающие лампочками и очень дорогие. Если вы следите за научными новостями, то немного знаете о транзисторах и, может быть, даже мечтаете о дешевом карманном радиоприемнике. Все противозачаточные средства чисто механические. Кто-то говорит о генах, хромосомах. В общем, если человек не очутился в каменном веке, то ему суждено превратиться в машину.

Перенеситесь в год 1951, если сможете, и прочтите, как сделал я, эту брошюру, на первой странице которой напечатано: «Copyright © 1970 год. Джон Ф. Хейвиг».

ГЛАВА 3

Словарь университета Уитхит

АГРЕССИЯ — международная политика, проводимая фашистами.

АКТИВИСТ — человек, борющийся за освобождение. Если это фашист, то он исповедует маккартизм.

БЕДНЫЕ — класс людей, имеющий меньше, чем все.

БОМБЕЖКА — метод проведения войны путем сбрасывания с самолета взрывчатых веществ. Осужден за возможность уничтожения детей, стариков, женщин и других мирных жителей, как это происходило в Берлине, Гамбурге, Дрездене, Осаке, Токио и т. д.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН — поэтическая метафора для определения поражения реакционных сил. Неприменима в случае поражения прогрессивных сил.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС — директорат военных и политических лидеров в США. Не путать с военными и индустриальными лидерами в СССР или других народных республиках.

ГЕРОЙ — тот, кто рискует жизнью во имя прогресса.

ДЕМОКРАТИЯ — нация, свободно выбирающая свое правительство, которое выражает волю народа.

ЖЕЛТЫЙ — выходец из Монголии или Восточной Азии.

ЖЕРТВА — человек, страдающий и умирающий во имя освобождения.

ЖЕСТОКОСТЬ — любое действие, производимое полисменом. См. СВИНЬЯ.

ИМПЕРИАЛИСТ — человек, утверждающий, что любая западная страна имеет право на свои заграничные территории.

КОЛОНИАЛИСТ — любой европеец или североамериканец, считающий, что имеет право называть своей собственностью территории вне своей страны, если на них когда-либо поселились его предки.

КОНСЕРВАТОР — см. АГРЕССИЯ, БОМБЕЖКА, ЖЕСТОКОСТЬ, ШОВИНИЗМ, КОЛОНИАЛИЗМ и т. д.

КОНФОРМИСТ — тот, кто принимает существующий порядок без лишних вопросов.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ — замкнутый район, где содержатся люди, находящиеся в оппозиции к своему правительству или оккупационным силам. Ни одна прогрессивная страна или движение освобождения не используют концентрационные лагеря.

КОРИЧНЕВЫЙ — выходец из Мексики, называемый так из-за цвета кожи. Не смешивать с ЧЕРНЫЙ, КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ, ЖЕЛТЫЙ.

КРАСНЫЙ — потомок американских индейцев, борющихся за освобождение.

КСЕНОФОБИЯ — недоверие к иностранцам.

ЛЮБОВЬ — чувство, которое могло бы разрешить все общечеловеческие проблемы.

МАККАРТИЗМ — способ сокрушения политических противников путем ложного обвинения их в участии в коммунистическом заговоре.

МИР — окончательное решение проблемы фашизма. Мирное сосуществование — фаза, предшествующая наступлению мира.

НАЕМНИК — солдат, служащий за деньги чужому правительству.

НАПАЛМ — желеобразный бензин. Осужден всеми либеральными правительствами как жестокое оружие.

НОНКОНФОРМИСТ — тот, кто принимает все прогрессивные взгляды, не задавая лишних вопросов.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ — организация, использующая войска Швеции, Индии, Ирландии, Канады во всех частях света, чтобы способствовать самоопределению народов.

ОСАДКИ — радиоактивные материалы, распространяющиеся в атмосфере и губительно воздействующие на здоровье людей.

ОСВОБОЖДЕНИЕ — свержение западных правительств, освобождение от западного влияния. Движение освобождения стремится создать народную республику.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ — движение, противоположное по смыслу мужскому движению шовинизма.

ОРГАНИКА — пища, которая готовится только из натуральных продуктов, следовательно, в ней не содержится никаких вредных для здоровья людей веществ.

ПЛУТОКРАТ — гражданин республики, обладающий огромными богатствами, но отказывающийся разделить их с бедными и использующий свое богатство для достижения власти. Не путать с КЕННЕДИ.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — все права людей на свободу. Не путать с правами на собственность — это изобретение западной идеологии.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ — законное право людей на то, что они получили или заработали законным способом.

РАЗВИТИЕ — в фашистских странах: создание военного потенциала для захвата чужих стран. В прогрессивных странах: использование естественных ресурсов для удовлетворения нужд народа.

РАКЕТА — самонаводящееся устройство, способное доставлять к месту назначения взрывные устройства.

РАСИСТ — белый человек, который не бежит тушить пожар, если горит дом черного.

РЕАКЦИОННЫЙ — не прогрессивный.

РЕПРЕССИИ — подавление активистов, отказ предоставить им прессу, радио, ТВ. Не смешивать с действиями прогрессивных правительств против вмешательства реакционных элементов.

РЕСПУБЛИКА — страна, где политическую власть получают при помощи выборов, а не по наследству.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ — право этнической группы на самоуправление. Например: Биафра, Восточный Пакистан, Гое, Катанга, Синай, Тибет, Украина и пр.

ФАШИСТ — тот, кто делает все, чтобы обеспечить процветание Запада.

ЧЕРНЫЙ — африканский житель, имеющий цвет кожи от коричневого до цвета слоновой кости. Не путать с КОРИЧНЕВЫЙ, КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ, ЖЕЛТЫЙ. Это слово заменило первичное НЕГР, считающееся оскорблением.

ШОВИНИЗМ — уверенность любого БЕЛОГО, что его раса превыше всего.

ШОВИНИСТ — человек любой расы, национальности, пола, исповедующий шовинизм. Любой фашист непременно шовинист.

ЭКОЛОГИЯ — наука, изучающая взаимодействие людей с окружающей средой.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ — оружие, в котором используется ядерная энергия. Применяется фашистскими правительствами для агрессии, а прогрессивными правительствами — для достижения мира.

ГЛАВА 4

Когда я вошел в свой кабинет, все показалось мне чужим: и круглый стол, и настольная лампа с гусиной шеей, и обтянутое кожей кресло, и шкаф с книгами, и дипломы в рамках на стенах. Через раскрытую дверь я видел шкафы с инструментами, многие из которых узнал бы даже Кох, — все это было вне времени, маленький островок в океане, который скоро будет смыт волнами времени. Я теперь знал, что в ближайшие десять лет мне придется бросить практику.

Снегопад усилился, сумрак стал гуще. Джек включил лампу и читал журнал. Вокруг пятна света сгустились тени. Урчал радиатор, в комнате было тепло и сухо.

Джек поднялся:

— Прошу простить меня за беспокойство, доктор Андерсон.

Я махнул ему рукой, чтобы он снова сел, сам устроился в кресле, и достал табак для трубки. Я уже слишком много выкурил за сегодняшний день, но мои пальцы нужно было чем-то занять.

Джек кивнул на брошюру, которую я положил на стол.

— Как вы это находите? — ровным голосом спросил он.

Я стал протирать очки. Это был уже не тот мальчик, который знал, что потеряет отца, и не юноша, отстаивающий право на лучшую жизнь перед своим приемным отцом. Нет, передо мной сидел взрослый человек с усталым взглядом.

Серые глаза на узком длинном лице, прямой нос, темно-серые волосы, стройное тело Тома, полные подвижные губы Элеоноры. Нет, это был все-таки Хейвиг, и я в этом не сомневался.

Он всегда одевался довольно небрежно и сейчас был одет так, как будто вернулся с прогулки по лесу. Он был скорее насторожен, чем встревожен, но не отводил взгляда.

— Ну что же, это оригинально. — Я стал набивать трубку. — Правда, должен признать, что несколько странно.

— Да, конечно. Это сувенир. Думаю, мне не следовало приносить словарь сюда.

— Откуда? Где ты был, Джек?

— Так. Гулял.

Я вспомнил ответ того человека, который когда-то привел малыша к отцу. И кое-что еще.

Я чиркнул спичкой, и огонь показался мне неожиданно ярким, затем долго раскуривал трубку, пока вкус табака не заполнил рот. И только после этого я смог заговорить:

— Послушай, Джек, у тебя могут быть неприятности. Еще больше их будет у матери. — Такое начало

удивило его. — Я ваш друг и хочу вам помочь. Но ты, черт побери, отказываешься помочь мне.

— Док, мне бы очень этого хотелось, — прошептал он.

Я похлопал по брошюре.

— О'кей. Скажи мне, ты работаешь над научно-фантастическим романом, действие которого происходит в 1970 году, и это заготовки для твоего романа? Прекрасно. Я думаю, ты зря скрываешь это. Но дело твое. Все осложняется тем, что твоя брошюра напечатана. Ни одна фирма не будет печатать для частного лица. Только для организации. Что это за организация?

— Нет никакой организации. Только несколько друзей. — Он весь напрягся. — Всего несколько человек среди громадного стада свиней.

Я встал.

— Как насчет того, чтобы выпить?

Теперь он улыбнулся.

— Благодарю. Это именно то, чего мне хочется.

Достав бутылку бренди, я наполнил два бокала. У меня всегда была в запасе бутылка. Иногда и мне, и моим пациентам требовалось выпить, особенно когда я выносил им окончательный приговор. Но Джек...

И я снова ощутил, что Джек уже не ребенок.

Он выпил очень умело. Когда и где он мог научиться? Ведь его не было всего месяц.

Я сел и заговорил:

— Я не собираюсь выпытывать у тебя никаких тайн, Джек, хотя ты знаешь, что в моей работе приходится выслушивать много разных признаний, и я всегда свято хранил доверенные мне секреты. Нам стоит продумать твое дальнейшее поведение, чтобы избавить твою мать от лишних забот, и ты обязан мне помочь.

Он нахмурился.

— Вы правы. Но самое неприятное в том, что я не знаю, что вам сказать.

— Может быть, правду?

— Док, вам этого не хочется. Поверьте мне.

— Красота — правда, правда — красота... Помнишь Китса? Он был врач, он знал лучше, Джек. Ставлю десять долларов на то, что я расскажу тебе десяток

правдивых историй, которые изумят тебя больше, чем твоя история изумит меня.

— Я не приму пари, — хрипло сказал он. — Это будет нечестно.

Я ждал.

Он допил бренди, поставил бокал на стол. В желтом свете его лицо казалось совсем изможденным. Но вот на нем появилась решимость.

— Налейте мне еще, — сказал он, — и я расскажу...

— Отлично. — Бутылка немного дрожала у меня в руке, когда я наполнял бокал. — Клянусь хранить твою тайну.

Он рассмеялся странным смехом:

— Не надо клятв, док. Вы и так будете молчть.

Я ждал.

Он сделал глоток, посмотрел куда-то за меня и пробормотал:

— Я очень рад. Я всю жизнь несу в себе огромную тяжесть, а теперь могу разделить ее с вами.

Я выпустил клуб дыма.

И тут мальчик пылко заговорил:

— В основном я был в округе Сан-Франциско, в Беркли. Я провел там больше года.

Я крепче сжал трубку.

Он кивнул:

— Да, да. Меня не было дома месяц, но в самом деле прошло почти восемнадцать месяцев. 1969—1970 годы. — После паузы он добавил: — Да, примерно полтора года. Но из этих месяцев нужно вычесть время, которое я затратил на путешествие в более далекое будущее.

В радиаторе шипел пар. На лбу Джека выступили капельки пота. Он крепко стиснул бокал. Однако, несмотря на напряжение, голос его был ровным.

— У тебя есть машина времени? — выдохнул я.

Он покачал головой.

— Нет, я могу передвигаться во времени сам. Не спрашивайте как, я не знаю. — Он слабо улыбнулся. — Что, док? Паранойя? Мания, будто бы я представляю собой что-то необычное в космосе? О'кей. Продемонстрирую. — Он обвел рукой кабинет. — Проверьте, что

здесь нет никаких ходов, никаких таинственных аппаратов. Ведь это же ваш кабинет.

Я тупо повиновался и обошел кабинет, хотя был уверен, что здесь нет ничего такого, да и не может быть.

— Все в порядке? — спросил он. — Хорошо. Тогда я перенесу себя в будущее. Полчаса? Нет, вам придется слишком долго сидеть и курить. Пятнадцать минут, — он сверил свои часы с настенными. — Сейчас 4.17. Я отправлюсь в 4.30 плюс-минус несколько секунд. Только пусть никто не занимает мое кресло в течение этого времени.

Меня всего трясло.

— Хорошо, Джек. — Кровь бурными толчками текла по венам.

Он улыбнулся, тронул меня за руку:

— Старый добрый док. Ну пока.

И он исчез. Я услышал только легкий вздох воздуха, и ничего больше. Кресло было пусто. Я пощупал. Ничего.

Я сидел за столом четверть часа. Совершенно не помню, о чем я думал.

И вдруг он снова очутился в кресле.

Я постарался не потерять сознание. Джек поспешил ко мне.

— Успокойтесь, док. Все в порядке. Выпейте.

Потом он продемонстрировал мне путешествие в прошлое. На пару минут...

Была уже ночь.

— Нет, я не знаю, как это происходит, — сказал он. — Но я ведь многого не знаю о себе. Я не знаю, как работают мои мускулы, какие химические процессы происходят во мне. Док, вы должны согласиться, что наши научные познания всего лишь легкая зыбь на поверхности тайны.

— Что ты чувствуешь при этом? — спросил я, с удивлением обнаруживая, что спокойствие вернулось ко мне. Хиросима вывела меня из равновесия на более долгое время. Может быть, в глубине души я подозревал в Джеке что-то подобное?

— Трудно описать. — Он нахмурился. — Я... я просто хочу попасть в прошлое или будущее. Совсем так,

как если бы я хотел сделать или взять что-то... И это происходит. — Он старательно подыскивал слова. — Пока я путешествую во времени, я нахожусь в темноте. В темноте, где только мелькает свет при чередовании дня и ночи. Затем я решаю остановиться — и останавливаюсь, становясь обычным человеком в обычном мире. Во время путешествия не воспринимаю движение воздуха. При этом я еще задерживаю дыхание и не дышу.

— Подожди. Если ты при этом не можешь даже дышать, то как ты видишь мелькание света? — спросил я.

— Не знаю, док. Я читал учебники физики, чтобы понять, как это происходит, но ничего не узнал. Видимо, меня перемещает какая-то сила, сила, действующая в четвертом измерении. Если она электромагнитной природы, то я еще могу как-то объяснить, что фотоны захватываются ее полем, и я улавливаю их. А вещество, материя не воспринимаются мною. Но это только предположение. Я не специалист. Мне бы хотелось, чтобы этим явлением занялся настоящий ученый.

— Твоя теория слишком сложна для меня, мой друг. Но ты сказал, что твое перемещение не мгновенно. Сколько же времени оно длится? Какова его скорость? Сколько лет в минуту, например?

— Все зависит от меня. От силы моего желания. Однако я заметил, что чем больше скорость перемещения, тем больше я устаю. Значит, я трачу свою энергию на перемещение во времени. Правда, я никогда не путешествовал больше нескольких минут — на несколько столетий.

— Когда ты был ребенком... — Я замолчал.

Он кивнул:

— Да, я слышал об этом. Когда мать выронила меня, я переместил себя в прошлое — очевидно, чисто инстинктивно — и оказался в колыбели.

Он сделал глоток бренди.

— Моя способность перемещаться во времени росла вместе со мной. Мне кажется, что сейчас для меня нет границ. Однако масса вещей, которые я могу брать с

собой, ограничена. Это всего несколько фунтов, считая одежду. Чуть больше — и я не смогу переместиться. Если, к примеру, вы схватите меня, то я останусь на месте, пока вы меня не отпустите. Кроме того, я возвращаюсь на то же самое географическое место, откуда отправился в путешествие, независимо от вращения Земли.

— Странно, что ты с детских лет так тщательно хранил эту тайну.

— Да. Но я причинил матери много беспокойства. Правда, я не помню всего. Кто может припомнить свои первые шаги? Потребовалось много времени, чтобы я оценил эту свою уникальную способность. А когда я наконец-то понял, то испугался, что, может быть, это плохо, или что я урод. Но дядя Джек объяснил мне все.

— Это тот неизвестный, который привел тебя обратно, когда ты исчез в детстве?

— Да. Я тогда отправился в прошлое, чтобы посмотреть на индейцев. Но я нашел только лес. Он меня отыскал, и мы с ним вместе путешествовали во времени, это было очень интересно. Потом он взял меня за руку и показал, как можно вернуться домой. Он не выпускал меня несколько минут, чтобы я увидел страдания своих родителей. И он добился своего — я понял, что мой дар приносит несчастье другим.

Он говорил так, словно переживал все заново.

— Мы совершили впоследствии много интересных путешествий. Дядя Джек был прекрасным гидом и наставником. Я полностью подчинился его требованию соблюдать тайну. И только кое-что рассказывал своему другу Питу. Дядя Джек показал мне много такого, чего я сам никогда бы не увидел.

— Но ты путешествовал и сам, — напомнил я.

— Изредка. А вы помните, как на меня напали те два идиота? Я тогда совершил несколько переходов в близкое прошлое, чтобы меня стало восемь.

— А когда ты узнал, что отец идет на войну, ты решил убедиться, что он вернется живым?

— Да. — Он нахмурился. — Я стал передвигаться в будущее с небольшими интервалами. И однажды я увидел, как мать плачет у окна. Тогда я отправился обратно и нашел телеграмму. О, я думал, что никогда больше не смогу путешествовать во времени. Просто не захочу.

Тишина окутала нас. За окном медленно падал снег.

Я прервал молчание:

— Когда в последний раз ты видел своего ментора?

— В 1969 году. А перед этим — незадолго до того, как узнал о своем отце. Дядя Джек был очень добр ко мне. Мы с ним отправились в круглый цирк, видимо, конца XIX века. Я спросил, почему он так печален, а он снова напомнил мне о необходимости соблюдать тайну.

— И ты знаешь, кто он?

У него приподнялся уголок губ.

— А как вы думаете, кто он? — Джек помолчал. — В прошлом году я отправился в прошлое. Мне нужно было сбежать с фермы. Вы понятия не имеете, как прекрасна была эта страна до того, как сюда пришли поселенцы. А индейцы! У меня появились друзья среди них. Мне не нужно было даже знать их языка, кроме нескольких слов. А девушки... они всегда были так ласковы, так готовы сделать все, о чем я попрошу...

Я не мог не улыбнуться.

— А Биркелунд-младший издевается над тобой, потому что ты не назначаешь свидания девушкам.

Он ухмыльнулся.

— Можете себе представить, как эти путешествия облегчали мою жизнь. — Он нахмурился. — И вы можете себе представить, как невыносимо было мне в доме Биркелунда. И не только в доме — во всем этом мире. Что я буду делать в колледже? Слушать глупое хихиканье девчонок и монотонные голоса преподавателей? Я ведь уже вырос, вырос и видел столько разных чудес!

— Значит, именно твое положение в доме заставило тебя отправиться в будущее?

— Да. Я был вне себя от ярости. Я надеялся увидеть могилу Биркелунда. Двадцати лет, думал я, будет до-

статочно. И я переместился в конец 1969 года. Дом стоял на месте.

— А Свен?

— Думаю, что он был жив. — Голос его был свирепым. — Я не стал проверять. Моя мать к этому времени разведется с ним.

— И?..

— Вернется в Массачусетс. Третье ее замужество будет счастливым. Мне не следовало причинять ей в то время беспокойство, и я вернулся. Отсутствовал я месяц, а по возвращении дал понять Биркелунду, что в мои дела соваться не стоит.

Я видел, что Джек очень страдает.

Сколько раз я наблюдал такое выражение лица у своих больных. Я поспешно спросил его:

— Так, значит, ты встречался с дядей Джеком, твоим вторым «я»?

— Да. — Он был рад перемене темы. — Он поджидал меня в 1969 году. Я прибыл ночью в дубовую рощу, так как не хотел лишних свидетелей. Правда, в то время роща была уже вырублена, а участок засажен кукурузой. Он снял для меня комнату в отеле, и мы несколько дней провели вместе. Он рассказал мне о моей матери, показал старые газеты с объявлениями, показал ее письмо к нему... ко мне. Потом он дал мне тысячи долларов. Док, какие цены через двадцать лет! Он предложил мне посмотреть страну.

Из газеты я узнал, что Беркли остался там же, где и был. А на другом краю бухты — Сан-Франциско. Я всегда хотел посмотреть его.

— А как Беркли? — спросил я, вспомнив свои визиты в этот университетский городок.

Он рассказал, как мог, но никакие слова в 1951 году не могли бы описать того дикого, феерического, возбуждающего, ужасающего, гротескного удара по всем чувствам, который наносило описание этого города в конце семидесятых годов, семнадцатой декады двадцатого столетия.

— У тебя не было неприятностей с полицией?

— Нет. Я остановился в 1960 году, зарегистрировался под фальшивым именем и явился в 1969 году с

регистрационной картой, где было сказано, что мне двадцать один год. Многолюдье на улицах притягивало меня. Я бродил среди людей, слушал их разговоры, споры о происходящем... Целый месяц я провел с радикалами. Странное существование со строгой конспирацией, демонстрации, попойки, неопрятные девушки...

— Да, твое описание не слишком привлекает, — заметил я.

— Я уверен, что дядя Джек хотел, чтобы я почувствовал жизнь изнутри, чтобы я узнал, куда катится цивилизация, вскормившая меня. И теперь я изменился.

— М-м-м... Я бы сказал, что ты нашел для себя какую-то новую роль, новое поле деятельности. Что случилось?

— Я предпринял путешествие в более далекое будущее.

— И?

— Док, — сказал он чересчур спокойно. — Вы можете считать себя счастливым. Вы уже старик.

— Значит, я умру? — сердце мое застучало.

— Ко времени катастрофы — несомненно. Правда, я не проверял. Однако в 1970 году вы все еще были живы и здоровы.

Я удивился, почему он не улыбнулся, но потом понял: он не упомянул о Кейт.

— Война... Война со всеми ее ужасами придет позже, — продолжал он тем же звенящим металлическим голосом. — Но все ведет к нему, к этому шабашу ведьм, часть которого я видел в Беркли.

Он вздохнул, потер уставшие глаза.

— Я вернулся в 1970 год с ощущением, что волна надвигается, грозя затопить все. Но очень немногие в 1970 году понимали это. Очень немногие. Они помогли мне напечатать и распространить это. Они считали меня ярым республиканцем.

— А ты не республиканец?

— О, боже, нет. Я не вижу ни одной политической партии, которая могла бы сделать что-нибудь полезное в течение трех-четырех поколений. Все они будут делать только хуже.

Он допил бренди, отклонив предложение наполнить бокал снова.

— Мне нужно сохранить голову свежей, док. Ведь мы должны разработать подходящую версию. Теперь я понимаю, что навлек на себя серьезные неприятности. Правда, в том времени было бы то же самое.

— Время не меняется? — удивился я. — Значит, мы завязли в нем, как мухи в застывшем янтаре?

— Не знаю, не знаю. Но я знаю, что все мои усилия были напрасны. Мои первые друзья назвали меня предателем, а других, новых, совсем мало. И мы не можем распространять свои взгляды в стране, в мире.

— В политике нельзя ожидать чудес, — сказал я. — И нельзя верить тому, кто обещает.

— Правильно. Я это тоже понял. Поэтому я решил, что мой долг — вернуться назад и оставаться с матерью. По крайней мере я смогу сделать этот мир менее ужасным для нее. — Его тон смягчился. — Конечно, я сделал глупость, сохранив эту копию. Мне помогла сделать ее очень милая девушка... Ну что же, мне хотя бы повезло в одном: еще один человек будет знать тайну моей жизни. Только теперь я стал понимать, как был одинок.

— Ты один такой? — спросил я.

— Не знаю. Думаю, что не один. Таких, как я, конечно, очень мало. Но я думаю, что есть и другие путешественники во времени. Как мне найти их? — воскликнул он. — А если мы соберемся вместе, что мы сможем сделать?

ГЛАВА 5

С Биркелундом я разобрался проще, чем ожидал. Я увиделся с ним, рассказал, что этот памфлет написан для любительского спектакля и носит чисто сатирический характер. После этого я прочел ему нотацию, как нужно вести себя с женой и с приемным сыном. Он выслушал меня, хотя и неохотно. В конце концов, как я уже говорил, он не был злым человеком.

И все же ситуация оставалась взрывной, а Джек еще добавлял пороху в огонь своим надменным поведением.

— Он так изменился, — со слезами говорила мне Элеонора. — Даже внешне. И я не могу винить за эти скандалы только Свена и его мальчиков. Джек сам ведет себя возмутительно.

Конечно, так оно и было. А как иначе мог вести себя человек, ненавидящий этот дом, скучающий в школе, имеющий на плечах тяжкий груз знания будущего?

— Думаю, — сказал я ей, — лучше всего предоставить ему свободу.

— Боб, но ему же всего восемнадцать лет, — запротестовала она.

Ему был уже двадцать один год, а может, и больше, по моим подсчетам.

— Он достаточно взрослый, чтобы пойти в армию. — После паузы я продолжил: — Это даст ему шанс найти себя. Раз он пойдет добровольно, срок службы будет минимальным.

— Только после того, как он получит образование.

Я понимал ее отчаяние.

— Он может учиться заочно, Элли. Или — во время службы. Там организуются курсы. Он способный мальчик и справится с учебой. Боюсь, это единственное, что можно сделать для него.

Джек сразу же согласился, выяснив, что его могут послать в Европу.

— Я там буду изучать историю, — сказал он. — Кроме того, я буду изучать оружие и технику войны. Ведь в двадцать первом веке меня, скорее всего, убьют.

Армия, конечно, не пришлась ему по вкусу как таковая, но он тем не менее получил необходимую тренировку и знания по электротехнике. Он и там постоянно совершал путешествия в будущее, став старше еще на два года.

Его письма ко мне содержали лишь слабые намеки на происходящие события, так как их читала и Кейт. Мне было очень трудно скрывать от нее эту ужасную тайну.

И вот однажды он пришел ко мне и несколько часов показывал фотографии и рассказывал, рассказывал, рассказывал...

— Док, вы и представить себе не можете, как отличались друг от друга люди других веков. Они такие разные в разных местах, в разные годы...

Он видел легионы Цезаря, триумфально шествующие по Риму, видел узкие серые тени кораблей викингов в фиордах Осло, видел Леонардо да Винчи за работой... Однако у него не было времени посвятить себя наблюдениям. Много ли может узнать человек, попавший в совершенно чужую эпоху, если он едва может произнести несколько слов, если его каждую минуту могут арестовать — уж слишком подозрительно он выглядит.

Я чувствовал себя предателем по отношению к Кейт. Но уж если Джек мог хранить тайну от своей матери, то и я должен был хранить ее.

Представьте, если все узнают о том, что человек может путешествовать во времени? Ведь начнется столпотворение. Он станет жертвой тех, кто захочет узнать свое будущее, или попадет в руки жаждущих власти людей, станет игрушкой в руках тех, кто делает идеологию; другие будут пытаться уничтожить его, чтобы он не рассказал людям, что ждет нашу цивилизацию. И если он сможет пережить все это, то у него не останется другого выбора, как только бежать в иное время, чтобы там скрыть свой дар.

Нет, лучше хранить эту тайну с самого начала.

Но тогда какой смысл в этом фантастическом даре судьбы? Или проклятии?

— В конце своей службы я больше думал, чем путешествовал, — сказал он.

Мы плыли на лодке по озеру Виннего. Джек вернулся домой уже две недели назад, но ему еще многое нужно было рассказать мне. У него были дела и дома. Его мать разводилась с Биркелундом, оставляя дом, где испытала столько страданий, и ей требовалась моральная поддержка сына. Для меня прошло два года — и теперь передо мной сидел мужчина, молодой

мужчина, но уже испытавший в своей жизни и боль, и смятение. Джек Хейвиг, сидевший передо мной, теперь полностью владел собой.

Я отложил весла и достал трубку. Весна отражалась в голубой глади озера. Сладостью дышали поля, зелень лесов, яблоневые сады. Дул легкий ветер. В его потоках медленно плыл в высоте ястреб.

— Да, у тебя было над чем подумать, — отозвался я.

— Во-первых, как происходит перемещение во времени.

— О, скажи мне, как оно происходит?

Он даже не улыбнулся.

— Я изучал физику, электронику, я стал специалистом в этих областях. И читал много специальной литературы. И все теории в один голос утверждают, что это невозможно. Все начинается с того, что для этого требуется огромное количество энергии.

— Э пур си муове — и все-таки она вертится.

— Что?.. А, да, док, я изучал итальянский, перед тем как посетить Италию эпохи Ренессанса. Я узнал, что Галилей никогда этого не говорил. Более того, он даже не бросал шаров с наклонной башни в Пизе. — Джек открыл еще по бутылке пива для каждого из нас. — Но в этих разговорах об энергии есть кое-что, о чем не подозревает современная наука. Математики говорят, что путешествие во времени эквивалентно передвижению со скоростью больше скорости света, что также не допускает современная наука.

Я смотрел, как кольца дыма тают в воздухе.

— Ты оставил меня далеко позади, — заметил я. — Я ничего не улавливаю в твоих словах, кроме уверенности, что в твоем даре не замешана никакая нечистая сила.

Он кивнул:

— Да. Что бы это ни было, оно связано с законами природы, соотношением «энергия — масса». Но тогда почему только я способен на это и никто больше? Поэтому я предположил, что это связано со структурой моих генов.

— Генов?

— Да. Через несколько лет будет открыт молекулярный базис наследственности.

— Что? — я резко выпрямился. — Ты должен рассказать мне об этом.

— Потом... потом. Я сообщу вам всю информацию по этому вопросу, хотя там еще многое неясно. Главное в том, что наши гены — это не просто матрица для воспроизведения организма. Они действуют всю жизнь, управляя организмом. Их можно назвать веществом жизни. Но весь механизм до конца наша цивилизация, пожалуй, не сможет понять. Она еще раньше уничтожит сама себя. Однако лично я предполагаю, что существует что-то вроде резонанса в этих огромных молекулах. И если частота резонанса всех генов одинакова, то человек — путешественник во времени.

— Интересная гипотеза, — промямлил я. Для меня в его присутствии уже становилось обычным состояние ничегонепонимания.

— Я — эмпирическое доказательство этому, — сказал он твердо. — Док, у меня было несколько женщин. Правда, не в этом времени. Для него я слишком застенчив и скован. Нет, в будущем и в прошлом. Там все это происходит гораздо проще. Тем более, что там я окутан некой завесой таинственности.

— Поздравляю, — сказал я, не придумав ничего лучше.

Он смотрел на воду.

— Я не влюблен ни в одну из них, — сказал он. — Если постель — это все, что от меня требуется, как, например, с девушкой из Дакоты три сотни лет назад, прекрасно. Но если требуется нечто большее, то я не могу на это пойти. Ведь тогда придется жить с нею всю жизнь. Думаю, что я никогда не свяжу себя женитьбой. Прежде чем вступить в связь с девушкой, я заглядываю на несколько лет вперед, чтобы убедиться, что знакомство со мной не причинит ей вреда.

После паузы он продолжал:

— Я отклоняюсь, но это важно для меня. Возьмем, к примеру, Мэг. Я был в Елизаветинском Лондоне. У меня почти не возникало проблем из-за незнания эпохи, хотя мне нужно было освоить произношение и жаргон

того времени. Слиток серебра, который был со мною, мне удалось легко превратить в деньги, хотя я подозреваю, что торговец обманул меня. Во всяком случае, моего капитала хватило, чтобы снять комнату в маленькой гостинице и пойти в «Глобус». В общем, мне не хотелось особенно стеснять себя.

Однажды я оказался в бедном квартале. Какая-то женщина схватила меня за рукав и стала предлагать мне свою молодую дочь. Сначала я возмутился, а потом решил встретиться с бедной девочкой, подумав, что смогу ей чем-нибудь помочь.

Она очень нервничала, но была решительной, и когда она мне все объяснила, я вынужден был признать, что для девушки со столь независимым характером лучше быть проституткой, чем вести честный образ жизни, но находиться у кого-либо в услужении.

Она была очень веселая, красивая, и она сказала, что с большим удовольствием будет иметь дело со мной, чем с кем-нибудь другим. Что мне было делать? Если бы я начал ее перевоспитывать, она не поняла бы ничего и прогнала бы меня или убежала сама. — Он сделал глоток пива. — Олл райт, — сказал он. — Я переехал в более просторную квартиру и взял ее с собой. Мэг была женщиной очень молодой, но прекрасной женщиной. Мы прожили вместе четыре года ее жизни.

О, разумеется, я совершал путешествия во времени, возвращаясь в двадцатый век. Иногда, не очень часто, я перемещался во Францию, хотя такие путешествия длились довольно долго. И я верил, что Мэг оставалась верна мне. Вам следовало бы видеть, как она отшивала своих родственников, требующих, чтобы она облапошила меня. Я сказал ей, что нахожусь на службе в Дании...

Впрочем, к чему детали? В конце концов какой-то молодой коммивояжер влюбился в нее. Я дал ей приданое и благословил ее. Я даже проверил, что в ближайшие десять лет у них все будет нормально.

Он вздохнул:

— Док, она подарила ему полдюжины ребятишек, родив первого через год семейной жизни. Но от меня

у нее никого не было. И я решил, что ни одна женщина не может подарить мне ребенка...

Джек сообщил мне, что он даже прошел тест на дееспособность, который показал, что у него все в норме. Мы оба были смущены его откровенностью.

— Может быть, — медленно проговорил я, — ты мутант? Мутант до такой степени, что слишком сильно отличаешься от обычного человека?

— Да. Я думаю, что мои гены совершенно иные.

— Но если есть женщина, путешествующая во времени...

— Верно, док.

Он долго сидел молча, потом сказал:

— Главное, конечно, не в этом. Пожалуй, самое главное — найти других таких же, как я, если они есть, и попытаться предотвратить все грядущие ужасы. Я не могу поверить, что я — всего лишь бессмысленная случайность.

— Как ты предполагаешь найти их?

Его взгляд стал пронзительно-холоден.

— Начну с того, что стану богатым.

Прошли годы, но я мало что знал о его делах. Время от времени он появлялся у нас, но я думаю, только для того, чтобы сохранить нашу дружбу, а не для того, чтобы держать меня в курсе дел. Все чаще и чаще он казался мне плодом моего воображения, настолько чужим он был в заботах нашего маленького городка, ритм жизни которого убыстрялся с каждым годом, с ростом наших сыновей и другими повседневными проблемами. Но когда он появлялся вновь, как бы вынырнув из ночи, я снова бывал захвачен странной судьбой этого необычного человека.

Не хочу сказать, что он был фанатиком, хотя последовательно вынашивал идею спасения мира. Его интеллект развивался в самых разных направлениях, хотя больше всего его интересовали история и антропология. К тому же судьба подарила ему способность быстрого познания языков. Мы часто говорили о том, как незнание языков подрезает крылья путешествен-

нику во времени и как необходима такому человеку способность быстро усваивать их. Сардонический юмор, сочетающийся в нем со среднезападной вежливостью, делали его весьма приятным собеседником. Он полюбил роскошную жизнь, но мог жить не жалуясь и в весьма скромных условиях. Я заметил, что он очень неравнодушен как к естественной красоте, так и к красоте произведений искусства. Особенно он любил классицизм, барокко, китайскую музыку, красивые корабли и оружие, а также эллинскую архитектуру. Боже, если ты существуешь, я от всего сердца благодарен тебе, что мне удалось увидеть фотографию Джека Хейвига на фоне неразрушенного Акрополя.

Я был единственным, с кем он поделился своей тайной, но не единственным, кто был его другом. Теоретически он мог завести дружбу со всеми знаменитостями прошлого и будущего, такими, как Перикл, Эйнштейн, Шекспир, Линкольн... но практически сделать это было трудно. Кроме трудностей, связанных с языком, законами, обычаями, всем укладом жизни, существовали трудности вхождения в контакт: все знаменитости обычно очень заняты. Нет, чаще Хейвиг рассказывал мне о таких людях, как его маленькая Мэг, которая уже триста лет назад обратилась в прах, или горный человек, сопровождающий еще Льюиса и Кларка, или старый усатый солдат армии Наполеона...

— История не стремится быть лучше, док, совсем не стремится. Мы только воображаем себе это. Но подумайте, отбросьте все романтические легенды и оставьте только голые факты. Ведь, к примеру, в 1800 году, когда Франция захватила всю Европу, никак не могла возникнуть первая мировая война, в которой западная цивилизация сама бы стремилась перерезать себе горло. А мы сейчас еще кровоточим от ран, которые нанесли сами себе в 1914 году.

Иногда он предпринимал путешествия во времени в чисто развлекательных целях.

— Если быть честным, — как-то ухмыльнулся он, — то мне все больше и больше нравятся низкопробные развлечения.

— Париж Тулуз-Лотрека? — спросил я. Он уже сообщил мне, что ранний декаданс, в основном, был создан людьми из высших классов, которые подвизались — и не без успеха — в искусстве.

— Нет, там я еще не был, — признался он. — Как-нибудь побываю. Но Сторнквиль в цвету...

Его не интересовала проституция. Он уже много знал о том, какими жестокими могут быть условия жизни людей и к чему это может привести. Он любил ранний джаз, любил компанию тех молодых людей, о которых он сказал, что эти парни гораздо более реальны, чем молодежь нашего времени, не говоря уже о семидесятых годах.

Тогда же он делал себе состояние.

Вы можете подумать, что это было легко, сравнив цены в 1929 году и в наше время.

На самом деле это не так. Что он мог делать?

Он покупал в Европе серебро или золото и обменивал его на деньги в XIX или XVIII веке. Он покупал марки или монеты прошлого и продавал их коллекционерам. Он брал с собой алюминиевые предметы и перемещался в ту эпоху, когда алюминий стоил дороже золота. Но это все были мизерные сделки, к тому же ограниченные тем, что Джек не мог переносить с собой больших тяжестей. Кроме того, он не хотел вызывать к себе излишний интерес.

Он рассматривал возможность вкладывания денег в предприятия, чтобы стричь купоны, но правила этой игры были настолько сложны, что он не хотел тратить время на их изучение. И еще: ему хотелось основать свое богатство в своем собственном времени.

В конце концов он преуспел в своем намерении. Правда, он не рассказал мне подробностей операции. Я знал только самую общую картину.

Джон Франклин Хейвиг основал фонд, который доверил одному из самых надежных банков, и распорядился, чтобы проценты выплачивались «любому его наследнику мужского пола» по достижении двадцати одного года. А затем Джон Франклин Хейвиг в 1964 году обратился в банк и стал обладателем миллионного

состояния. Селакская «Трампет» с трепетом сообщила о рождении нового миллионера, получившего наследство от дальнего родственника.

— Вот и все, — сказал он мне. — Теперь мне нужно только выписывать чеки.

Все-таки для него богатство было лишь средством для достижения цели, вернее, нескольких целей.

Я должен еще упомянуть о помощи, которую он оказал матери и некоторым другим людям. Но в целом благотворительностью он не занимался.

— Это не выход, док, — говорил он мне. — Благотворительность — это все равно, что лечить насморк, когда надвигается эпидемия чумы.

Но я знал, что он тем не менее помог нескольким несчастным и сделал большой вклад в какую-то либеральную организацию.

— Мы нуждаемся в резервах для жизни, — сказал он. — Всех форм жизни. Нетронутые уголки природы нужны нам сегодня для духовного совершенства. А завтра — для сохранения самой жизни на Земле.

— Будущая война, — говорил Джек, — будет не просто выяснением отношений между капиталистическим и коммунистическим миром, как мы представляли в пятидесятых годах. Я могу лишь очень слабо представить себе, что произойдет. И не удивительно. Никто сейчас, да и в будущем не может дать точного анализа ее последствий. Док, ученые много спорят о причинах и последствиях прошлых войн, но никто не задумывался, к чему может привести будущая. А ведь достаточно вспомнить о гигантском облаке пыли, которое окутает землю после ядерных взрывов, чтобы понять: Землю ждет новый ледниковый период.

У него сложилось впечатление, что третья мировая война, как и первая, — это конфликт, которого никто не хочет, но все ждут, и о последствиях которого никто не задумывается. Он считал, что самыми важными после этой войны будут проблемы экологические, а не политические и идеологические.

— Я уверен, что в пустыню обратятся огромные области планеты. И не только в пространственном смысле, но и во временном. Вы знаете, док, что океан снабжает атмосферу половиной кислорода? А в 1970 году инсектициды будут обнаружены и в планктоне. А в 1998 году океан превратится в зловонную клоаку, к которой даже подойти будет страшно.

— Но это все еще можно предсказать и представить, — заметил я.

Он поморщился.

— О, да. Сейчас много говорят о защите окружающей среды. А она буквально бьется о ветровые стекла огромных автомобилей, принадлежащих волосатым бесцеремонным молодым людям. И эти автомобили загаживают всю землю и воздух... Люди стали совершенно беззаботными.

Это логическое заключение из общей тенденции. Я понимаю, глупо всю вину возлагать на тех, кто готовит будущую войну. Тем более, что я до сих пор не знаю, как она начнется. Но, док, я имею моральное право утверждать, что большая часть зла произрастет в этой стране, самой могущественной в мире, передовой как в хорошем смысле, так и в плохом. Америка не хочет нести ответственность за ту мощь, которой она обладает.

Америка сделает попытку наказать своих врагов в Азии, но эта попытка будет не очень уверенной, и наша страна потеряет много своих сынов из-за ничтожной цели. Пытаясь соединить несоединимое, Америка растеряет своих последних друзей. Люди, выбранные в правительство, будут бороться с инфляцией, повышением цен, повышением налогов, а это все равно что заклеивать бумагой трещины в фундаменте. Экономический кризис приведет к немощной международной политике. Белое большинство попытается свалить все экономические трудности на спину цветного меньшинства, последние начнут бунтовать, и в этом мятеже погибнут последние остатки прогресса. А наши глупые попытки сбалансировать разницу между тем, что мы

берем из окружающей среды, и тем, что мы вкладываем в нее...

Сначала американцев охватит чувство вины, затем — апатия. В Америке создадутся огромные запасы денег. Жизненные потребности будут полностью удовлетворены, но что касается духовной жизни...

И вот в феврале 1964 года Хейвиг вступил во владение наследством, которое создал сам для себя. После этого он словно зачеркнул свое прошлое и всю оставшуюся жизнь называл себя не иначе, как «дядюшка Джек». Я спросил его, что он намеревается делать дальше, и он ответил:

— Я хочу узнать как можно больше о том, что нас ждет.

Я задумался, но подавил желание спросить его о своем будущем. Теперь я понимаю, сколько бы ему пришлось рассказывать о моем будущем до дня смерти Кейт.

Я никогда не спрашивал Хейвига, видел ли он раньше могилу Кейт. Может, он и знал все, но молчал. Как врач, я знаю, что такую информацию очень трудно хранить и при этом улыбаться.

Теперь Хейвиг занимался в нашем университете, а в перерывах между занятиями делал визиты в прошлое... Он больше не хотел, попадая в чужое общество, оставаться немым. Более того, он хотел иметь базу, с помощью которой мог бы изучать изменения языка в прошлом и будущем.

Он особенно сосредоточился на латинском и греческом, который был более распространен во времени и пространстве, чем классический. Кроме того, он занимался французским, немецким, итальянским, испанским, португальским, еврейским, арабским, арамейским и одним из языков полинезийской группы.

— Там была цивилизация еще до наших темных веков, — сказал он мне. — Я никак не мог попасть в ту эпоху, попадал либо в ее начало, либо в конец. Ты понимаешь, очень трудно понять чужой век. Предположим, ты путешествуешь во времени и из Египта времен

фараонов попадаешь в сегодняшний мир. Многие действия людей абсолютно не понятны тебе, более того, ты даже не можешь понять — хорошо то, что они делают, или плохо. Потребуется немало лет, чтобы хоть немножко научиться понимать мир.

Поэтому я хочу начать с древних эпох, чтобы оттуда перекинуть мостик к будущему.

Он подробно изучал историю и, можно сказать, стал профессиональным историком. Побывав во многих жестоких эпохах, он говорил, что ни мрачное средневековье с его сожжением еретиков, ни массовая резня где-нибудь в Турции не сравнимы по жестокости и ужасу с тем, что ждет Землю в будущем.

— Погибнут почти все люди. Надеюсь, что моих собратьев, путешественников во времени, эта участь не постигнет, и я смогу встретиться с ними когда-нибудь в более счастливых или, вернее, в менее несчастных эпохах.

А когда Джеку биологически исполнилось тридцать лет, ему повезло. Это случилось в Иерусалиме, в день Распятия.

ГЛАВА 6

Он рассказал мне о своих планах в 1964 году. Его задача заключалась в следующем: разделить двадцать веков так, чтобы его личный календарь и официальные календари не слишком расходились.

После этого я долго не виделся с ним. Он больше не жил в Сенлаке, а перебрался в Нью-Йорк, где устроил себе штаб-квартиру. Правда, он иногда наведывался и к нам. Кейт находила это очень трогательным. Я тоже, хотя знал, что он просто нуждается во мне — ведь я был единственным человеком, которому он доверял.

— Ну что ж, ты был прав, — сказал я, выслушав его. — Это именно тот момент, когда каждый путешественник во времени, если он христианин, захочет оказаться в Иерусалиме. Почему ты не сделал этого раньше?

— Это не так прсто, док. Это довольно долгое путешествие, вдобавок на территорию абсолютно чуждую. А точная дата? Или даже сам факт?

Я моргнул.

— Ты хочешь сказать, что никогда не задумывался о возможности разыскать Христа? Я знаю, ты атеист, но тайна вокруг его имени...

— Док, кем он был, и был ли он, представляет для меня не только академический интерес. Люди с тех пор прожили века с этой верой. Моя жизнь, я уверен в этом, дана мне не для того, чтобы я занимался чистыми исследованиями, как бы мне этого ни хотелось. Я видел слишком много человеческих несчастий. Путешествия во времени имеют свою реальную ценность: с их помощью можно попытаться спасти человечество. — Он улыбнулся. — Вы знаете, док, что я не святой. Но я хочу что-нибудь сделать.

Он улетел из Нью-Йорка в Израиль в 1969 году. К этому времени евреи уже закрепились в Иерусалиме, и по нему можно было ходить более или менее спокойно.

Выйдя из своего отеля, он шел по иерихонской дороге, неся с собой сумку, пока не добрался до апельсиновой рощи, где можно было укрыться. Здесь он дождался ночи и переоделся.

Арабский костюм он купил в лавке туристов. Продавец заверил его, что именно так одевались арабы в библейские времена. Нож, пригодный скорее для бытовых нужд, чем в качестве оружия, прицепил к поясу. Огнестрельное оружие он почти никогда не брал с собой. В кожаном мешке был арабский разговорник (для американских студентов), пища, кое-какая посуда, таблетки от живота, антибиотики, дезинфицирующие средства и деньги (несколько монет эпохи Римской империи и небольшой слиток золота, который можно было обменять).

Хейвиг сложил современную одежду в мешок, затем взял последнее из своего снаряжения. Этот прибор, разработанный и изготовленный под его руководством в 1980 году на основе последних достижений электроники, он называл «хронолог».

Я видел этот аппарат. Он умещался в ящике с ручкой для переноски, размером 24 на 12 и на 6 дюймов. Открыв крышку, можно было увидеть рычажки управления и индикаторы миниатюрного компьютера, питающегося от никель-кадмиевой батареи. Вес аппарата составлял пять фунтов — половину того веса, что Хейвиг мог брать с собой. Прибор этот представлял для него большую ценность.

Вообразите: он хочет перенестись в определенный момент прошлого или будущего. Как ему это сделать? На небольшом промежутке времени можно сориентироваться по смене дня и ночи, отсчитывать их. А если перемещаться дальше? На тысячи лет? Здесь-то его и выручал хронолог, отсчитывая время с большой точностью.

Ночь была ясная, холодная — изо рта при дыхании шел пар. На севере светились огни Иерусалима, а со всех сторон подступала тьма, разрываемая лишь огнями редких домов и светом фар проезжающих машин. Хейвиг сориентировался по Луне и звездам, поставил точное время по Гринвичу, затем покрутил верньер, установил стрелку на деление, соответствующее определенной дате в Анно Домини 33.

Дата точно не установлена, напомнил он себе, но эта, во всяком случае, больше похожа на правду, чем все остальные. Он рассмеялся. Единственное, в чем он был полностью уверен, что это все произошло не в середине зимы. Иначе как бы пастухи могли уйти из своих домов пасти стада?

Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы насытить кровь кислородом, затем набрал полную грудь воздуха, но не напрягаясь, чтобы не тратить энергии, и погрузился в силовое поле Земли.

Как он мне рассказывал, ощущение при этом было примерно такое, как у пловца, преодолевающего сильное приливное течение. Он перемещался во времени, окруженный тишиной, замечая только солнечные восходы и закаты.

Потом он увидел взрыв, мгновенный, бесшумный. Может, это Война за Независимость? Или эпизод первой мировой? Но видение было уже позади. В туманной

ночи XIX века он решил остановиться, чтобы снова глотнуть свежего воздуха. Вдобавок он хотел сориентироваться по звездам, хотя хронолог еще никогда его не подводил. Однако ему это не удалось — поблизости оказалось несколько всадников, видимо, турецкие воины. К счастью, они не увидели его в темноте, и он продолжил путь.

Остановившись в другой раз, он заметил, что пейзаж изменился. Контуры местности оставались те же самые, но вокруг росли деревья, простирались возделанные поля. Видимо, эти земли время от времени страдали от засухи, так как ранее он видел здесь пустыню и знал, что она будет пустыней в том времени, куда он направлялся. Вдали он увидел огромный стадион. Наверное, здесь крестоносцы устраивали свои турниры, пока Салладин не вышвырнул их из своего пропахшего кровью королевства.

Остановки для дыхания становились все чаще. Путешествие истощало его силы. К тому же им овладело возбуждение: ведь всего через несколько часов осуществится его мечта. Сердце тяжелым молотом бухало в груди.

На панели хронолога замигала лампочка.

Маленький прибор с огромной скоростью проделал все вычисления, учитывая возможные возмущения от электромагнитного и гравитационного полей Земли, и определил нужное время с большой точностью.

Вспыхнул красный свет. Хейвиг прибыл на место назначения.

Заканчивалась ночь с четверга на пятницу. Если верить Библии, то уже состоялась Тайная Вечеря, канули в прошлое душевные муки в Гефсиманском саду, и Иисус уже лежал связанный, ожидая решения своей судьбы. Его скоро приведут к Пилату, осудят, распнут на кресте, пронзят копьем, объявят мертвым и похоронят.

— Они привязывают на кресте, — говорил мне Хейвиг. — Ладони, пронзенные гвоздями, не выдержат тяжести тела. Иногда гвозди все же вбивают, но в

дополнение к веревкам. Это просто усиливает наказание, так что можно сказать, что Библия в этом вопросе правдива. — Он закрыл лицо руками. — Док, я видел, как они висят: черные, распухшие, языки высунулись наружу, они не могут даже стонать, только хрипят, никаких мыслей в их обезумевших глазах. Ужас, ужас. Воистину счастлив тот, у кого слабое здоровье, — он быстрее дождется смерти... Даже если в огромной толпе найдется несколько родственников или друзей, они не могут выказать свое горе, не смеют плакать. Остальные же отпускают шуточки, смеются, едят, пьют, поднимают на руки детишек, чтобы им было лучше видно... Что за люди?

А чем мы лучше? Ведь наш век — это век Воркуты и Бухенвальда, век Бельгийского Конго и юга Соединенных Штатов.

Кажется, в такие моменты я совсем не завидовал его способности путешествовать.

Утро высветило небо на востоке. У него за спиной был чей-то сад, а вдали он увидел дома. Дорога представляла собой сплошную грязную жижу. Вдалеке, прячась в утреннем полумраке, раскинулся на холмах Иерусалим — город царей Иродов и римских проконсулов. Он был гораздо меньше того Иерусалима, каким стал через два тысячелетия. Вблизи городских ворот были раскинуты шатры и палатки — это окрестные жители пришли в священный город на святую неделю. Воздух был холодным и пах землей. Слышалось пение птиц.

«Раньше всегда было много птиц», — не раз говорил мне Хейвиг.

Он сидел на земле, задыхаясь, пока наконец не пришел в себя. Почувствовав сильный голод, он достал кусок овечьего сыра и ломоть хлеба. Жадно пережевывая их, он с удивлением подумал, что ест самую обычную для этого времени пищу. Пищу, которую ел сам Христос.

Если он существовал. Никогда на Земле не переводились ученые, считавшие, что Христос — это просто

миф, вроде какого-то Озириса-Митры. Предположим, что его не было. Вернее был, но не совсем такой, каким его изображают церковные книги, не живым воплощением создателя Вселенной. Была бы жизнь на Земле лучше, если бы люди следовали его заветам?

Хейвиг задумался, но вдруг вспомнил о своей цели. Он вздохнул и поднялся. Из-за горизонта появилось солнце.

Хейвиг пошел по дороге. Вскоре к нему присоединилась группа людей.

Люди встали затемно. Они убрали дома, приготовили пищу, сделали все дела накануне. Бородачи в лохмотьях подгоняли тощих ослов, нагруженных товарами. Дети, едва начавшие ходить, перебирали зерно возле шатров, а те, что были чуть постарше, выгоняли овец на пастбище. Хейвиг шел по дороге, и вместе с ним шли к городу шейхи, священники, бродяги, крестьяне, какие-то полупьяные девицы, два торговца из Анатолии в широкополых шляпах. Потом он услышал топот копыт и лязг железа, и мимо проехал отряд римлян, возвращающихся в город после ночного патрулирования.

Я видел фотографии, сделанные им, и легко могу представить себе эту картину. Она была гораздо менее красочна, чем вы можете вообразить, вы, живущие в мире анилиновых красителей. Ткани тогда были, в основном, серого, тускло-коричневого и грязно-голубого тонов. Шум стоял невероятный. Пронзительные вопли, смех, ругательства, обрывки песен, звучание музыкальных инструментов, шарканье ног, скрип колес, стук копыт, лай собак, блеяние овец, фырканье верблюдов — и над всем этим птичьи трели. Эти люди были не чета чопорным англичанам: при разговоре они отчаянно жестикулировали, разрубая воздух ладонями, хлопали друг друга по спине или по плечу, стискивали зубы, хватались за кинжалы, чтобы через секунду, забыв о ярости, залиться жизнерадостным смехом. А запахи! Едкий лошадиный пот, пот людей, дым угасающих костров, запахи готовящейся пищи, запах навоза, запах седельной кожи, нагретой солнцем. Хейвиг ненавидел это время, когда в живых людей вбивали гвозди, но,

наблюдая жизнь простолюдинов, он не испытывал ни омерзения, ни презрения.

Ворота Иерусалима были открыты. Сердце Хейвига забилось еще сильнее...

Тут его нашли.

Это случилось почти сразу. Чьи-то пальцы коснулись спины Джека, он повернулся и увидел невысокого широколицего человека, одетого так же, как и он, тоже безбородого, с короткими волосами и светлой кожей.

Лицо незнакомца было покрыто потом. Стараясь перекричать шум толпы, он спросил:

— Эс ту перегинатор темпорис?

Он говорил с сильным акцентом поляка XIII века, но Хейвиг, изучавший как классическую, так и вульгарную латынь, понял его.

— Ты путешественник во времени?

Хейвиг в первый момент даже не мог ответить. Он утратил чувство реальности. Вот конец его поискам!

Или их поискам.

Хейвиг был слишком высок для человека этой местности. Он нарочно оставил голову непокрытой, чтобы были видны его волосы и европейские черты лица. Иерусалим в те годы был достаточно космополитичен, и в нем свободно могли жить иностранцы. Хейвиг надеялся, что его собратья узнают в нем своего, узнают человека, чуждого этому времени. И вот его мечта сбылась.

Они сидели в таверне и разговаривали: Вацлав Красицкий из Варшавы 1738 года, Хуан Мендоза из Тихуаны 1924 года и другие, те, кого они еще нашли.

Рядом с Джеком сидел Конрад ван Левен, прибывший сюда, чтобы с помощью меча освободить Спасителя, когда тот понесет свой крест на Голгофу. Конрада спас Красицкий за мгновение до того, как римский легионер был готов выпустить ему кишки. Он ошеломил брабантца вопросом: «Откуда ты знаешь, что этот человек — твой Господь?» Был здесь и седобородый монах-ортодокс, говоривший только на хорватском языке и отзывающийся на имя Борис. Видимо, он прибыл из сем-

надцатого века. И тощая женщина, что сидела, не поднимая глаз от своей миски, и говорила на языке, которого никто не мог понять.

— И это все? — недоверчиво спросил Хейвиг.

— У нас есть еще несколько агентов в городе, — ответил Красицкий. Они разговаривали по-английски. — Мы встретимся в понедельник, а потом... хм, после Вознесения. Предположим, что мы найдем еще несколько путешественников, и все равно нас будет слишком мало, чтобы мы могли сделать что-либо существенное.

Хейвиг осмотрелся. Посетители сидели, скрестив ноги на грязных коврах, и пили из глиняных чашек, которые мальчик-слуга наполнял из бурдюка. Вокруг бурлил Иерусалим. О, Святая Пятница!

Красицкий был спокоен. Он сказал, что оставил свой город и свою эпоху ради Французского Просвещения. Шепотом он сообщил, что его партнер Мендоза — гангстер. Вернее, он сказал «наемник», но смысл этого слова Хейвигу был понятен.

— Мне лично наплевать на то, что какого-то еврейского портного, страдающего излишней любовью к проповедям, казнят, — сказал он ухмыляясь. — Но ты относишься к этому иначе, да? Что ж, по крайней мере среди нас появился один разумный человек.

Хейвиг спросил:

— Неужели нас, путешественников во времени, так мало?

Красицкий пожал плечами:

— Кто знает? Многим не так просто прибыть сюда. В твое время достаточно сесть на самолет — и ты здесь через несколько часов. А в другие эпохи это связано с большими трудностями. Мы читали о средневековых пилигримах. Но сколько было их по отношению к общему числу населения? Сколько их погибало в пути? Кроме того, некоторых путешественников во времени нам просто не найти, так как они не желают быть найденными. А может, они даже не подозревают, что есть подобные им, которые ищут их.

Хейвиг посмотрел на него, на непроницаемое лицо Хуана Мендозы, на полупьяного Конрада, на лохмотья

Бориса, на неизвестную сумасшедшую женщину и подумал: «Естественно. Нельзя же было ожидать, что дар путешествия во времени будет распространяться выборочно. Нет, им обладают люди самого разного интеллекта и направления ума. С какой стати я решил, что представляю собой нечто необычное, из ряда вон выходящее?»

— Мы не можем тратить много времени на поиски, — сказал Красицкий. — Нас слишком мало. — Он хлопнул Хейвига по колену. — О, Святая Богородица, как обрадуется Сахэм, когда узнает, что мы нашли тебя!

В конце вечера еще были найдены отшельник из Сирии третьего века и авантюрист из Ионии второго века после Рождества Христова. Говорили что-то еще об одной женщине, вроде бы коптской христианке, но она скрылась прежде, чем ее успели задержать.

— Плохой урожай, — хмыкнул Красицкий. — И все же...

И он повел свою группу. Первый раз они остановились передохнуть после Пятидесятницы, затем отправились в двадцать первый век.

Пыль клубилась над пустыней. От Иерусалима ничего не осталось, кроме руин и костей. Но зато их ждал остроносый самолет, с вытянутыми назад крыльями и атомным реактором. Очевидно, командование так и не успело ввести этот военный корабль в действие, застигнутое врасплох нападением противника.

— Мы летели через Атлантику, — говорил мне Хейвиг. — Штаб-квартира находилась там, где когда-то был Висконсин. Да, они позволили мне забрать хронолог из моего тайника, хотя никак не могли понять, зачем он мне нужен. Им самим приходилось постепенно приближаться к намеченной цели; это неуклюжий способ, сильно сокращающий жизнь, и оправдывалась эта вылазка только тем, что здесь удалось найти большое количество путешественников во времени.

Возвращаться им, правда, было легче. Они установили в руинах доску с индикатором, ежедневно корректирующим дату.

В конце двадцать первого века жизнь в Америке только-только начала возобновляться. Все селения, в том числе и наша штаб-квартира, были под сильной охраной, так как мы в любую минуту могли подвергнуться нападению бандитов и мародеров...

Я так и не знаю, видел ли мой друг Хейвиг Иисуса Христа.

ГЛАВА 7

После страшной разрухи и опустошения прошло сто лет и уже кое-что изменилось к лучшему. Почва оправилась от загрязнения и начала плодоносить, что способствовало росту населения. Хлебные поля раскинулись среди низких холмов под летним небом, по которому гуляли легкие облака. Выросли деревья, в листве которых пели птицы и шумел ветер. Люди были заняты работой. У них не было ничего, кроме ручных инструментов и машин, приводимых в движение животными, но зато это были прекрасно изготовленные вещи. Опыт человечества не пропал даром. Все люди, казалось, были похожи друг на друга, так как мужчины и женщины были одеты одинаково — в голубые рабочие брюки и куртки. Их лица были обветрены, покрыты прочным загаром, волосы отросли до самых плеч; все мужчины носили бороды. Люди были довольно низкие, по меркам нашего времени, у многих были очень плохие зубы — или же их не было совсем. И все же они были гораздо счастливее своих предков эпохи Судного Дня.

Люди поднимались, приветствуя путешественников, возвращавшихся с аэродрома, а затем сразу же возобновляли свою работу. Иногда мимо них проезжали солдаты верхом на лошадях, одетые в голубую форму, стальные шлемы, вооруженные кинжалами, луками со стрелами, топорами и пиками, на которых развевались красные флажки. Они тоже почтительно салютовали путешественникам.

— Похоже, вам приходится быть готовым ко всему? — беспокойно заметил Хейвиг.

— А что делать? — рявкнул Красицкий. — Большая часть мира, в том числе и этот континент, нахо-

дится в состоянии варварства и дикости. Мы не можем снабжать всех продуктами и другими вещами, необходимыми для жизни. Нас окружают монголы. Они нахлынут как торнадо, если мы снимем наши защитные линии. Наши солдаты охраняют рабочих от бандитов. Эти люди должны быть благодарны нам за все то, что мы делаем для них.

Средневековый уклад жизни наблюдался и в городе. Семьи жили не в отдельных домах, но селились кучно вблизи крепости, под ее защитой, и вместе работали. В отличие от средневековых городов, здесь было довольно чисто, хотя и недоставало того шарма, которым отличались города древности. Однообразные кирпичные дома, стоящие вдоль асфальтовой полосы дороги, — все было размеренно и скучно, как в любом городке Викторианской эпохи. «Должно быть, — подумал Хейвиг, — это следствие полной разрухи и необходимости быстрого восстановления, а в таких условиях приоритет приобретают быстрота и прочность, а не красота. Да и экономические соображения играли, наверное, не последнюю роль». Компания двигалась дальше. Хейвиг заметил деревянное здание причудливой архитектуры, какого-то азиатского стиля. Красицкий сказал ему, что это храм, где люди молятся Ясу и приносят жертвы Октаю, божеству монголов.

— Дайте людям религию, сделайте жрецов своими союзниками — и люди будут подчиняться вам, — добавил он.

Хейвиг поморщился:

— А где же тогда виселицы?

Красицкий удивленно посмотрел на него:

— Мы не практикуем публичных повешений. За кого ты нас принимаешь?

Помолчав, он сказал:

— Неужели ты думаешь, что мы могли бы сохранить человечество в эти жестокие десятилетия только с помощью сладкой водички проповедей?

Впереди показалась крепость: высокие кирпичные стены с бойницами, ров с речной водой, окружающий их. Архитектура замка тоже была отмечена печатью

суровой, беспокойной жизни, которая лежала на всем городе. По обеим сторонам ворот и вдоль всех стен были установлены тяжелые пулеметы, вероятно, собранные по частям из оставшегося оружия прошлого. По равномерному шуму Хейвиг догадался, что в крепости работают несколько генераторов, приводимых в движение моторами.

Часовые приветствовали подъезжающих. Запели трубы. Опустился подъемный мост, и копыта лошадей зацокали по каменным плитам небольшой площади.

Группа Красицкого прибыла в замок. Со всех сторон к ним сбегались люди, что-то возбужденно крича. Судя по ливреям, это были, в основном, слуги. Но Хейвиг к ним не присматривался, так как все его внимание было поглощено той, что уверенно прокладывала путь через толпу, пока не встала прямо перед ними.

Она заговорила громко, возбужденно, и Хейвиг едва понимал ее хриплую речь.

Женщина была почти одного роста с Джеком, крепко сбитая, с широкими плечами и бедрами, сравнительно маленькой грудью, большим ртом и прекрасными зубами. Правда, двух зубов у нее не было, Потом он узнал, что ей выбили их в драке. Волосы, густые и тяжелые, спускались до пояса, в ушах болтались варварские серьги — большие медные кольца. Из-под тяжелых густых ресниц на него смотрели карие, немного раскосые глаза, загорелая кожа в нескольких местах была обезображена шрамами. В общем, в ней чувствовалась примесь азиатской или индейской крови. Одета она была в просторную красную тунику и кожаные сапоги. На поясе нож, револьвер, лента с патронами, на цепочке болтался вырезанный из кости череп ласки.

— Откуда ты? — Ее палец ткнулся в грудь Хейвига, и последовал взрыв хохота. — Ты должен все рассказать, приятель.

— Сахэм ждет нас, — напомнил ей Красицкий.

— О'кей. Я тоже буду ждать, но не очень долго, слышишь?

Когда Хейвиг спрыгнул с лошади, она обхватила его руками за шею и крепко поцеловала в губы. От нее

пахло солнцем, потом, дымом... и женщиной. Так он встретился с Леонсой Народа Ледников, Скулой Вахорна.

Они находились в кабинете, размеры которого и роскошь убранства поражали. Пол был покрыт темно-серым ковром с густым ворсом, стены отделаны панелями темного дуба. Тяжелые шторы на окнах отливали мягким блеском. Хейвиг присмотрелся и понял, что они сшиты из меха норки. Благодаря своей массивности и тщательности отделки стол, стулья и диван казались неотъемлемой частью этой эпохи, этого замка, но, насколько смог заметить Хейвиг через открытые двери, они контрастировали с аскетизмом обстановки в других помещениях. На стенах в серебряных рамках висели фотографии. На одном из старинных дагерротипов была изображена печальная женщина в платье девятнадцатого века. Остальные фотографии были сделаны современными камерами с телеобъективом. Хейвиг узнал Сесиля Роде, Бисмарка, молодого Наполеона. Однако не смог узнать желтобородого человека в восточном халате.

Из окон кабинета, находившегося на пятом этаже замка, открывался вид на город и его окрестности. Полуденный свет лился через стекло. Приглушенно звучали двигатели генераторов.

— Не хочешь послушать музыку? — Калеб Уоллис включил миниатюрный магнитофон, сделанный во времена, предшествующие Судному Дню. Зазвучала музыка. Уоллис уменьшил громкость и сказал:

— Это произведение очень подходит к данному моменту. Я ужасно рад, что ты с нами, Хейвиг! — Хейвиг узнал Шествие Богов из «Золота Рейна».

Все остальные, что пришли с ним, включая и проводников, уже исчезли. Уоллис коротко переговорил с ними, он ничуть не скрывал своего пренебрежения к этим людям.

— Но ты совсем другое дело, — сказал Сахэм Хейвигу. — Ты именно такой, какие нам очень нужны. Хочешь сигарету?

— Я не курю.

Уоллис долго молчал, а затем произнес словно бы про себя, но достаточно громко:

— Я основатель и господин этого государства. Мы здесь поддерживаем дисциплину и субординацию. Меня называют «сэр».

Хейвиг взглянул на него. Человек среднего роста, среднего телосложения, с грубо слепленным плосконосым лицом, густыми бровями, серо-рыжими усами, которые переходили в бакенбарды. Он весь был в черном, лишь поблескивали серебряные пуговицы и эмблемы. Воротник, эполеты и обшлага были украшены золотом. За поясом были кинжал в богатых ножнах и автоматический пистолет. Однако в нем не было ничего смешного. Напротив, он внушал почтение. Голос его звучал уверенно и мог бы производить гипнотическое воздействие, если бы Уоллис захотел этого. Его маленькие светлые глаза смотрели уверенно, с превосходством.

— Вы понимаете, это так все неожиданно для меня, — наконец сказал Хейвиг. — Мне нужно время, чтобы привыкнуть... сэр.

— Конечно, конечно, — просиял Уоллис. Он хлопнул Хейвига по спине. — Все будет в порядке. Ты далеко пойдешь, мой мальчик. Здесь нет границ для человека, который знает, что он хочет, и имеет все, чтобы добиться своей цели. Ты ведь тоже американец. Честный добрый американец! Из той Америки, которая всегда была сама собой. К сожалению, среди нас мало таких, как ты.

Он опустился в кресло.

— Садись. Нет, подожди. Видишь мой бар? Я выпью бурбона на два пальца. А себе налей, что хочешь.

Хейвиг поискал глазами соду и лед, но, к своему удивлению, не нашел. Ну что ж, видимо, Уоллису это и не нужно, а вкусы других его не интересуют.

Усевшись в кресло со стаканом рома в руке, он посмотрел на Сахэма и сказал:

— Я мог бы рассказать свою биографию, сэр, но думаю, что будет полезно сначала познакомиться с этим государством, Ээрией...

— Конечно, конечно. — Уоллис кивнул большой головой и затянулся сигаретой. Дым был очень едким и

кислым. — Но сначала несколько фактов из твоей биографии. Родился в... 1933, ты сказал? Что ты думаешь о своем времени?

— Что? Хм... Ничего хорошего. Я перемещался в будущее, чтобы узнать, что нас ждет впереди.

— Это все моральное разложение, Хейвиг. Ты понимаешь это, не правда ли? — Внезапно голос Уоллиса загремел. — Цивилизованные люди стали врагами друг другу: сначала — воюя, позже — в моральном плане. Империя белого человека рухнула быстрее, чем Римская. Все, что было завоевано лучшими сынами расы, было потеряно за одно поколение. Раса потеряла свое лицо. Предатели — большевики и сионисты, занимающие высокое положение, — внушили простому белому человеку, что будущее мира за черными. Я видел все это, изучая ваш век. А ты, живущий в то время, понимал это?

Хейвиг задумался:

— Я видел глупость, предубеждение, суеверие. Пороки отцов часто передаются детям.

Уоллис решил не обращать внимания на отсутствие почтительного обращения. Он улыбнулся и снова заговорил:

— Знаю, знаю. Не думай, что я расист. Многие из цветных вполне приличные люди. Зулусы, например, или индейцы апачи, или японцы. Путешественники этих рас, которых мы можем найти, займут достаточно высокое положение среди наших агентов, как, например, и ты. Черт побери, я восхищаюсь вашими израильтянами, по крайней мере, теми их действиями, о которых слышал. Нечистокровный народ, не имеющий ничего общего с библейскими евреями. Прекрасные солдаты и умницы. Я вообще отношусь с симпатией к тем, кто сохраняет свое лицо, свою национальную самобытность. И меня выводят из себя те, кто использует такие выражения, как нигтер, краснокожий, чанк, кайк, уоп... Ты знаешь, о чем я говорю. И среди таких очень много чистокровных белых, которые либо полностью утратили разум, либо продались врагам.

Хейвиг гадал, что же послужило основой для расистских взглядов Сахэма. И вспомнил, что еще Авраам

Линкольн говорил о врожденной неполноценности негров.

— Сэр, — осторожно начал он, — я думаю, что нам не стоит спорить, пока мы окончательно не выясним терминологию друг друга. А сейчас лучше поговорить о чисто практических вопросах.

— Ну конечно, — прорычал Уоллис. — Голова у тебя варит, Хейвиг. Ты человек действия, хотя, конечно, до известных пределов. Но я буду честным: мозги — вот что нам требуется в данный момент. Особенно, если эти мозги получили профессиональную подготовку в реалистической философии. — Он махнул сигарой. — Посмотри на этих, кто прибыл сегодня в Иерусалим. Брабантца и грека еще можно потренировать, и тогда они смогут быть солдатами, разведчиками, служить прикрытием в путешествиях по времени. А остальные... — он прищелкнул языком, — не знаю. Это просто какая-то отрыжка прошлого. Единственная надежда, что женщина сможет рожать детей.

— Что? — Хейвиг привстал в кресле, внутри у него что-то подпрыгнуло. — Мы можем иметь детей?

— Друг с другом, да. Мы уже успели это выяснить. Только не с обычными людьми. Это мы тоже выяснили. Но ты можешь взять себе какую-нибудь крошку, чтобы она согревала тебе постель. У нас есть рабы, захваченные нами во время рейдов. И не нужно читать мне мораль. Бандиты постоянно нападают на нас, и если мы не будем брать пленников, нам придется убивать их. Он стал серьезным. — У нас очень мало женщин-путешественниц во времени. И к тому же не все из них стремятся стать матерями. Правда, способность путешествовать во времени не передается по наследству, так что нам не удается создать новую расу. Мы, разумеется, даем детям хорошее образование, предоставляем привилегированные посты в администрации, когда они вырастают. Так я гарантирую преданность своих агентов. Но, по правде говоря, мне иногда нелегко подыскать такую должность, где бы такой ставленник не приносил вреда. Да, что-то вроде аристократии, но нам не сделать ее наследственной. Да я и не хочу делать этого.

— Что же вы хотите, сэр? — осторожно спросил Хейвиг.

Уоллис отложил сигарету, сделал глоток, сложил руки на столе.

— Восстановить цивилизацию. Иначе для чего же нас создал Бог?

— Но... когда я путешествовал в будущее...

— Федерация Маури? — Его лицо исказилось гневом, тяжелый кулак грохнул по столу. — Ты много успел увидеть? Думаю, что нет. Я изучал ту эпоху, Хейвиг. Говорю тебе, что это сборище нигтеров, которые сейчас, пока мы здесь сидим, набирают силу. И это происходит только потому, что они меньше всех пострадали от войны. Они хотят завоевать весь мир, оседлать все человечество, в том числе и нас, белую расу. Они хотят навеки остановить прогресс... — Он откинулся назад, тяжело дыша, глотнул виски и заявил: — Но у них ничего не выйдет. Я боюсь только одного: что люди привыкнут к их ярму. Но потом... Вот для чего я создал Ээрию, Хейвиг! Чтобы подготовить будущее...

— Я родился в Нью-Йорке в 1853 году, — сказал Сахэм. — Мой отец был мелким торговцем и убежденным баптистом. Мать... вот ее фотография, — он показал на бледную фотографию печальной женщины, и нежность проступила на его лице. — Я был последним из семи детей, и отец не очень-то обращал на меня внимание, так как его любимым сыном был старший. Я с ранних лет был замкнутым, научился держать язык за зубами. Когда мне исполнилось семнадцать лет в том, моем времени, я поехал в Питсбург. К этому моменту мое второе, более старшее «я» из будущего, хорошо поработало надо мною, и я уже знал свое предназначение.

— А как вы сделали себе состояние? — спросил Хейвиг, вежливо поддерживая разговор.

— Просто спекуляция землей — так это называется в деловых кругах. Во всяком случае, когда мне исполнилось тридцать пять лет, я решил, что пришло время заняться тем, для чего меня создал Бог.

Конечно, я не оправдал надежд отца, но, я полагаю, это судьба всех путешественников. И я верю, что Бог предопределил каждому человеку то, что он должен сделать на Земле.

Уоллис рассмеялся так, что его живот заходил волнами.

— Да, я понял, что жизнь дается человеку только затем, чтобы он совершил то, что ему предназначено!

Он протянул свой пустой стакан:

— Налей. Я обычно мало пью, но видит Бог, как мне хотелось поговорить с умным человеком. Тут есть несколько умных людей, вроде Красицкого, но он иностранец. Кроме того, есть пара американцев, но я с ними провел столько времени, что могу заранее сказать, как они ответят на любое мое слово. Налей себе и мне, и поболтаем еще немного.

Теперь и Хейвиг мог задать вопрос:

— А как вы вошли в свой первый контакт, сэр?

— О, я нанял множество агентов, разбросанных по всему девятнадцатому веку. Они печатали объявления в газетах, журналах, альманахах. Разумеется, они не употребляли слов «путешественник во времени», более того, они даже не знали, зачем мне это. Сам я не писатель, а человек действия, но у меня были деньги, и я мог нанять себе мозги.

Хейвиг кивнул.

— Это и мне приходило в голову, сэр. Но в мое время идея путешествия во времени была уже затрепана авторами научно-фантастических романов. Так что если бы я предпринял что-либо подобное, то неминуемо привлек бы к себе общее внимание. Так сколько же вы собрали?

— Сэр.

— Прошу прощения, сэр.

Уоллис тяжело вздохнул.

— Одиннадцать. Из всего этого проклятого столетия одиннадцать. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Лучший из них — Остин Колдуэлл. Он был заросшим щетиной приграничным жителем, когда пришел ко мне, но потом стал одним из моих лучших

помощников. Это он назвал меня Сахэм. Я очень люблю его.

Затем маг и предсказатель будущего с ярмарки, профессиональный игрок и девушка с юга. Это все американцы. За границей мы нашли баварского солдата, агента Инквизиции в Испании, венгерскую еврейку, студента из Эдинбурга, который чуть не тронулся, отыскивая в книгах объяснение своему дару, кокотку из Парижа и молодую крестьянскую чету из Австралии. С последними нам просто повезло. Они сами нашли друг друга, это единственный случай среди путешественников, когда они оказались соседями...

Ты видишь, какое разнообразие характеров, и можешь представить языковые проблемы, проблемы транспортировки, проблемы убеждений.

— Но не более, чем с последними из найденных? — Хейвиг почувствовал себя уязвленным.

— Да, примерно столько же. Ты же понимаешь: одни боятся присоединиться к нам, другие просто не хотят оставлять старую жизнь, третьи считают, что им выгодно оставаться в таком состоянии, так как можно торговать предсказаниями будущего, кто-то не хочет бросать жену и детей. Я даже обдумывал план похищения у такого жены, но какой толк от путешественника, который крайне неохотно отправляется за тобой? Мужчину можно запугать и добиться от него повиновения, но женщины... они чересчур трусливы, чтобы бояться чего-то определенного.

Хейвиг вспомнил ту бесшабашную девушку, которая поцеловала его во дворе, но ничего не сказал.

— Как только у меня появились подчиненные, — продолжал Уоллис, — я смог расширить свою сферу действий. Теперь я мог изучать большие интервалы времени и на основе полученных данных разрабатывал свой план. В первую очередь следовало создать фонды и опорные пункты в различных эпохах. Теперь я мог собирать путешественников из разных веков, мог выбрать место, где лучше всего основать Ээрию. Изголодавшиеся местные жители с радостью встретили меня как своего повелителя, принесшего им зерно для посевов и обеспечившего им защиту.

Хейвиг потер подбородок:

— Могу я спросить, сэр, почему вы выбрали именно это место?

— Разумеется, спрашивай, что хочешь. Сначала я подумал о прошлом, но даже в доколумбовой Америке мы могли бы оставить следы, которые озадачили бы будущих археологов. В этом же столетии феодализм, подобный нашему, распространен по всей планете, поэтому мы здесь не уникальны. Конечно, наши подданные знают, что мы обладаем неким могуществом, и они называют нас магами, детьми богов, духов, кому что нравится. К моменту возрождения цивилизации о нас останутся только неясные легенды, ученые будут считать, что когда-то здесь существовал религиозный культ, один из многих.

Хейвиг задал еще один вопрос:

— Насколько я знаю, как раз в настоящее время формируется культура Маури на островах Тихого океана. Их будущие археологи наверняка будут больше заинтересованы твоей колонией, чем поселениями темных варваров.

— Ты, разумеется, прав, — согласился Уоллис. — Но это с точки зрения Маури. И не следует забывать, что именно мы наследники великой культуры. Просто нам не повезло.

С этим Хейвиг вынужден был согласиться. Действительно, Океания была слишком незначительна, чтобы подвергнуться атомной бомбардировке. Воды, омывающие острова, были загрязнены меньше всего и быстро очистились. Но к этому времени человек уже стал редким явлением на планете. Люди на этих островах жили прямо-таки примитивно, и их жизнь почти не зависела от современной технологии. А в развитых странах Северной Америки, Европы, Азии люди умирали миллионами, когда был уничтожен индустриально-сельскохозяйственно-медицинский комплекс.

Теперь, когда все погибло, требовалось либо время, либо информация, чтобы восстановить индустрию.

Хейвиг отважился спросить:

— Сэр, а вы не думаете, что прогресс Маури послужит и нам?

— Естественно, — вскинулся Уоллис. — Я даже буду помогать этим ублюдкам. Но только до тех пор, пока они не сядут в седло — и ни на йоту больше. Мы будем пристально наблюдать за их развитием, чтобы не отпустить слишком далеко.

Он резко сменил тему, заговорив о другом:

— Мы должны быть очень осторожны, чтобы не упустить лидерство. Сейчас мы управляем территорией двух штатов. Необходимо добиться, чтобы мы управляли не только в пространстве, но и во времени. Мы должны подбирать руководителей из числа необычных людей. Для этого, к примеру, можно проследить жизненный путь какого-нибудь способного мальчишки. Убедившись в его способностях и преданности, можно будет готовить его к занятию соответствующего поста.

Ты не думай, что мы чудовища или паразиты, хотя порой нам приходится быть жестокими. Но наша цель одна: вернуть человечество на тот путь, по которому его направил Бог. — Он наклонился вперед. — И мы это сделаем, — прошептал Уоллис. — Я путешествовал в будущее. И хотя пройдут тысячелетия, я видел... Ты с нами?

ГЛАВА 8

— Первые несколько месяцев все было хорошо, — рассказывал мне Хейвиг. — Я был очень осторожен. Например, я скрыл некоторые факты биографии и точные даты. Более того, я не открыл истинного значения хронолога, и Уоллис потерял к нему интерес, а я припрятал его подальше. Если эти люди действительно таковы, какими я хотел бы их видеть, они потом простят мне мои колебания и недоверие.

— Но что именно тебя тревожит?

Он поморщился:

— О, пока всякие мелочи, например манеры Уоллиса. Хотя мне не удалось завести с ним более близкого знакомства, так как он вскоре переместился в будущий год. Представляешь, какие возможности для контроля за своими подчиненными?

— Да, если за время его отсутствия подчиненные не устроят переворот.

Джек покачал головой:

— Не та ситуация. В каждой эпохе у него есть преданные сторонники, к тому же целый отряд не менее преданных путешественников постоянно курсирует во времени туда и обратно, контролируя положение вещей в любой точке пространства и времени.

— Да и какой там заговор, с кем, с тупыми фермерами, рабочими, надменными солдатами и чиновниками? Ведь они — разноязыкая толпа, не объединенная никакими общими интересами, хотя почти все собраны из средних веков Западной Европы.

— Почему? Разве в других эпохах меньше путешественников?

— Нет, не меньше. Просто в таком случае препятствием бы стал языковой барьер, культурное наследие. Трудности слишком велики, и результаты не оправдались бы затраченными усилиями. Путешествие в Иерусалим было только экспериментом. И, если не считать меня, результаты поиска оказались разочаровывающими.

В Ээрии официальный язык английский, и каждый обязан изучать его. Но, несмотря на это, я с трудом общался с обитателями замка. И дело даже не в том ужасающем акценте, с каким они говорят, а в том, что наше мышление в корне различно. С моей точки зрения все они мошенники, я с их точки зрения — чистоплюй и сосунок. Они все с подозрением относятся друг к другу, следят друг за другом, каждого считают своим врагом. Как можно объединить их?

А другими они и быть не могут. Ведь они живут в постоянной драке, как петухи. Драка за лучшую пищу, за удобства, за слуг, за женщин для постели, за развлечения, за должность. Каждый из них обучался тому, к чему был способен. Наиболее умные занимают посты в администрации, наиболее сильные становятся командирами воинских отрядов, остальные превращаются в клерков. Меня стали готовить для разведки во времени. И в целом поначалу мне не на что было жаловаться.

— Но все же тебе не понравились твои новые приятели, — заметил я.

— Почему, некоторые понравились. Даже Уоллис вызывает симпатию своей целеустремленностью. Или его лейтенант Остин Колдуэлл, уже седой, но крепко сбитый, большой шутник, прекрасный наездник. Он любит выпить и знает много разных историй, полон юмора и весьма дружески ко мне относится, что облегчило мое существование там в первое время. Рэйел Оррик, бывший ярмарочный маг, восхитительный старый мошенник; Джерри Дженнингс, английский школьник из 1918 года. Еще некоторые. Леонса... — он зачарованно улыбнулся, — особенно Леонса...

Он только вселился в свои двухкомнатные апартаменты в замке, как тут же получил подарок. Леонса подарила ему медвежью шкуру и бутылку глентливета из прошлого. Он не был уверен, что подарок сделан от души, как не был уверен и в расположении остальных, а ее манеры поражали Хейвига еще больше, чем ужасный диалект. Жадный поцелуй всего через пять минут после знакомства, и это слишком откровенное внимание... Но Хейвиг был занят более важными проблемами и не очень задумывался над этим.

Он отказался от предложенной ему девушки. Ему это совсем не понравилось. Возможно, именно поэтому он охотно согласился на предложение Леонсы провести вместе выходной день.

Бандиты были давно изгнаны из близлежащих окрестностей, и конные патрули постоянно следили, чтобы они не появлялись вновь. Так что можно было без охраны поехать в лес. Они взяли с собой пистолеты, но не для защиты, а скорее, как знак принадлежности к привилегированной касте, которой разрешено носить оружие.

Леонса выбрала дорогу, что пролегала среди полей, дремавших под утренним солнцем. Затем они ехали по извилистой тропе и вскоре оказались в лесу, который всколыхнул в душе Хейвига воспоминания о лесе Моргана. Запах свежескошенного сена смешивался с запа-

хом прелых листьев и сырого мха. Было тепло, свежий ветерок шевелил листву, и солнечные зайчики плясали на траве и на лице. Вверху в ветвях шныряли белки. Глухой стук копыт эхом отдавался в тишине леса.

Пока они ехали, Леонса расспрашивала, где и как он жил раньше, и Джек с готовностью отвечал. Да и какой мужчина откажется рассказать о себе привлекательной женщине? Особенно, когда для нее твое прошлое кажется непостижимым. Языковый барьер рухнул. Она была здесь недавно, всего год, если учитывать путешествия во времени, но уже сносно говорила по-английски, особенно сейчас, когда была спокойна. К тому же он быстро привык к особенностям ее произношения.

— Значит, ты из Высоких Лет? — вздохнула она, наклонилась в седле и погладила его по руке.

— Что ты называешь этим именем? — спросил Хейвиг. — Эпоху перед Судным Днем?

— О, это когда люди научились летать к луне и вообще — к звездам. — Он понял, что, несмотря на кажущуюся зрелость, эта девушка еще совсем юна. В ее раскосых глазах лучился свет, когда она смотрела на него, — они буквально светились под рыжей челкой; ее волосы сегодня были причесаны и убраны лентой.

«Когда мы сами себя осудили на смерть и подписали приговор», — подумал Хейвиг, но не произнес это вслух.

— А ты, кажется, пришла из более благополучного времени? — спросил он.

Она улыбнулась, потом внезапно сделалась задумчивой, потерла подбородок и долго молчала, глядя на уши своей лошади. Наконец она сказала:

— И да, и нет. Думаю, что и у тебя так же.

— Может, ты мне объяснишь? Я слышал, что ты из будущего, но больше ничего не знаю.

Она кивнула, и волны розоватого света прокатились по ее волосам.

— Примерно сто пятьдесят лет. Народ Гласьер.

В лесу они уже не могли ехать рядом, и Леонса поехала впереди, а Хейвиг сзади, восхищаясь ее гра-

циозной посадкой в седле. Рассказывая, она изредка поворачивалась, посылая ему солнечную улыбку.

По описанию ее родина была гористой и красивой местностью, известной ему как Гласьер и Ватертон Парк. Сейчас ее предки находились где-то в восточной части, оттесненные ордами монголов, захватывающих пространства для своих стад. Они были больше охотники, чем фермеры, изредка грабили соседние племена, торговали мехами, кожей, шкурами. Пока что они не были объединены и жили замкнутыми кланами.

Но со временем их численность и территория увеличатся, и тогда без твердой организации, без законов им не обойтись. Дикие люди перестают быть дикими, когда преимущества закона и порядка входят в их умы. Несомненно, их вождь Инджун Самель, который начнет вколачивать в них новые понятия, разобьет немало голов.

— Когда я оставила свою родину, — говорила Леонса, — все уже было спокойно. Монголы ушли, и мой народ продолжал торговать и воевать с соседями. Причем все больше и больше он стал заимствовать от них. Как я узнала, через сотню лет после моего ухода Гласьер объединился с Союзом Норвес. Но я не хочу возвращаться к ним.

— Мне кажется, что здесь ты тоже ведешь довольно суровую жизнь.

— Могло быть и хуже. Да не в этом дело. Я могла бы уйти в другую эпоху... Вот мы и приехали.

Они привязали лошадей на небольшой лужайке. Вокруг них склонились деревья, шелестя листвой. В густой траве мелькали поздние одуванчики. Леонса распаковала пакет с провизией, там было огромное количество разнообразных фруктов и сэндвичей. Хейвигу всего этого хватило бы на неделю.

Они решили немного выпить и отдохнуть. Леонса села, прислонившись к стволу дерева, и разлила вино в серебряные стаканчики.

— Продолжай, — напомнил он. — Я все хочу узнать о тебе.

Ее ресницы затрепетали. Он заметил легкие морщинки на лице.

— А, ничего интересного для тебя, Джек.

— Пожалуйста, мне интересно.

Она радостно рассмеялась. И все же история, которую она рассказала, была скорее печальной, чем веселой.

В роду Гласьер существовала традиция равенства между полами, которая либо возродилась в ту эпоху, либо никогда не умирала. Женщины, как и мужчины, ходили на охоту, участвовали в сражениях. Разумеется, существовало и некоторое разделение. Мужчины выполняли тяжелую работу, трубующую физической силы, а женщины делали то, что требовало терпения и усидчивости. Кроме того, прерогативой женщин было то, что Леонса называла «Скулой»: предсказания, толкования снов, чтение и письмо, лечение некоторых болезней, изгнание злых духов. И еще... сглаз, наведение порчи.

И никто из женщин не делал тайны из своего умения.

Ее отец, Вольфскин-Джем, был воином. Он погиб во время нападения враждебного клана Лафи. Его жена Онда вместе с детьми спаслась и нашла убежище в клане Донналь. Затем последовали годы войн и интриг. И только потом остатки Раньянов нашли союзников и после кровопролитного сражения вернулись в свою страну. Леонса, шпионка во времени, играла ключевую роль в этой войне. И она поневоле стала новой Скулой племени.

Сначала она внушала друзьям не ужас, а почтение. Она жила и развлекалась, как все остальные юноши и девушки. Но постепенно дар выделил ее из всех, вызывая у окружающих благоговейный трепет. И, обладая такой Скулой, Вахорн вскоре приобрел могущество среди других кланов.

А Леонса стала совсем одинокой. Все ее сверстницы выходили замуж, и постепенно она осталась одна с Ондой в старом вигваме Джема. У нее были любовники, как это принято среди незамужних, но ни один не просил ее стать женой, словно в ее способностях таилось нечто, не позволявшее сделать это. А потом даже любовники оставили ее. Нет, они иногда приходили, но

приходили искать совета, а не наслаждения. Разочаровавшись в дружбе, Леонса стала требовать, чтобы ее брали в разбойничьи набеги на соседей. В этих набегах погибали люди, и она уже не раз слышала, что ее соплеменники требовали, чтобы она заколдовала их от смерти. Ведь она наверняка может, ведь она же Скула... или не хочет? Затем умерла Онда.

Вскоре прибыли разведчики во времени и нашли ее по слухам. Она со слезами радости приветствовала их. Вахрон больше никогда не увидит ее.

— О, боже. — Хейвиг обнял ее за плечи. — С тобой поступили слишком жестоко.

— Там было так хорошо: охота, игры, лыжы, песни. — Она выпила немного вина. — Я неплохо пою. Хочешь послушать?

— Конечно.

Она вскочила, достала из сумки небольшую гитару и тут же вернулась обратно.

— Я также играю на костяной флейте. Но не могу же я играть на флейте и петь. Вот песня, которую я сочинила сама. Когда я была одинока, я все время сочиняла песни.

К его удивлению, пела она прекрасно. И те слова песни, которые он смог понять, наполняли его трепетом.

— Ну как? — спросила она, закончив.

— Прекрасно, — ответил Хейвиг. — А что ты еще умеешь делать?

— О, я умею читать и писать. Играть в шахматы. Конечно, здесь правила игры несколько отличаются от тех, что были у нас, но я быстро освоила их. Остин научил меня играть в покер, и я много выигрываю. А еще я умею шутить.

— Что?

Леонса улыбнулась и прижалась к нему.

— Я думала, мы пошутим после ленча, Джек, сладкий мой, — прошептала она. — Но почему бы нам не пошутить до и после? Ммм?

И вскоре он узнал, когда неописуемое наслаждение поглотило его, что еще одно слово к этому времени изменило свой первоначальный смысл.

— Вот так, — сказал он мне, — мы жили вместе несколько месяцев, пока я не покинул ту эпоху. И это было восхитительно. Мне нравилась эта девушка.

— Но ты не любил ее?

— Я — нет. Думаю, нет. Хотя что такое любовь? Впрочем, оставим это. — Он посмотрел в окно. Там была ночь. — У нее горячий характер, и она часто заводилась по пустякам. Еще больше ее злило то, что я не вступаю с ней в ссоры. — Он потер усталые глаза. — Не похоже на мой темперамент, да, док? И к тому же я ревновал ее. Она спала со многими до того, как появился я. Леонса продолжала делать это и после, хотя и не так часто. Она просто не представляла, как можно не лечь в постель с мужчиной, если он тебе понравился. Естественно, она предоставила мне такую же свободу относительно других женщин. Но... мне это было не нужно.

— Почему же она ни от кого не забеременела?

Джек недовольно поморщился.

— Она потребовала, чтобы ее отправили в годы, непосредственно предшествовавшие Судному Дню. Отчасти из любопытства, но ее главной целью было запастись противозачаточными средствами. Она хотела иметь детей, но только тогда, когда будет к этому готова. А до тех пор она хотела наслаждаться жизнью. Она любила наслаждаться.

— Но раз она все время оставалась с тобой, значит, между вами существовали какие-то узы, привязанность.

— Конечно. Я пытался разъяснить тебе, что меня притягивало в Леонсе. Что же касается ее... трудно сказать. Хорошо ли мы знали друг друга? Да и насколько вообще могут узнать друг друга мужчина и женщина? Мои занятия и интеллигентность возбуждали ее любопытство. Честно говоря, у меня там был, пожалуй, самый высокий уровень интеллектуального развития. А я полагаю, люди всегда чувствуют тягу к своим антиподам. Я вовсе не был похож на какого-нибудь дикого горца или твердолобого наемника эпохи Ренессанса.

Он снова загадочно улыбнулся.

— Тем не менее она подарила мне много радости, и я всегда буду благодарен ей за это и за то, что произошло потом.

Подозрения Хейвига росли с каждым днем. Как ни уговаривал он себя, что они не имеют под собой никакой почвы, некоторые вещи убеждали в обратном. Джек заметил, что все в разговорах здесь избегают определенных тем, и любые его вопросы, так или иначе затрагивающие их, остаются без ответа. Остин Колдуэлл заметно терялся, когда Хейвиг затевал беседы на эти запретные темы, а Рэйел Оррик сразу переводил разговор на вышивку или, когда выхода не было, неохотно цедил: «Придет время, ты все узнаешь, сын мой». Другие же просто советовали ему заткнуться.

И он был не одинок в своем неведении. Но многие вообще не обращали внимания на это, и только юный Джерри Дженнингс воскликнул: «Клянусь Богом, ты прав!»

То же самое сказала и Леонса, правда, в более крепких выражениях, и тут же попыталась объяснить, чем может быть вызвано это молчание: «Мы с Конрадом появились здесь недавно, а ты и вообще только что».

«Я пробудил ее любопытство, — говорил он, — и она нашла способ удовлетворить его. О, совсем не то, о чем ты подумал, док. Нет, она просто могла перепить любого мужчину и, споив кого-нибудь, выпытывала все, что ее интересовало. А по ночам, хихикая, как нашкодившая школьница, она рассказывала мне о том, что выведала самые сокровенные тайны, проникая в различные периоды существования Ээрии». —

— Насколько я могу судить, — сказала Леонса, — Уоллис просто боится того, как ты и тебе подобные возмутитесь, когда узнаете, что творят его агенты кое-где во времени и в пространстве.

— Я и сам уже понял это, — ответил я. — Побывав в средних веках, я имею представление о людях, населяющих эти эпохи, а ведь путешественники во времени ничем не отличаются от большинства соплеменников.

И то, что они оказываются в Ээрии, не меняет их природы.

— Судя по всему, тебя будут постепенно вводить в курс дела, — сказала Леонса. — А от меня они все скрывали до сих пор потому, что я с тобой.

— И ты смиришься со всем этим?

— А что, нам иногда приходится быть жестокими. Да и разве в вашем времени все иначе?

Он с болью вспомнил время, в которое родился, бесчеловечные деяния людей своего века: безжалостную эксплуатацию коренных жителей в колониях, изгнание индейских племен с их исконных земель и многое другое.

Леонса на все смотрела проще.

— Слабых всегда притесняют и угнетают, — продолжала она, — если только им не повезет и кто-либо сильный не встанет на их защиту. Если бы я была бессмертна, я никогда бы не убила ни одного животного, даже для пищи, мой дорогой. Так давай же играть так, чтобы получить выигрыш.

Он долго раздумывал над этими словами.

— Во всяком случае, — сказал он, и в его голосе я услышал горечь, — я еще раз убедился, что золото лучше, чем дерьмо.

— И что цель не всегда оправдывает средства, — заметил я. — Иначе говоря, совершенства достигнуть невозможно. Хотя в реальном мире всегда можно выбрать меньшее из зол. Как врач, могу сказать, что иногда выбор очень труден. Например, чтобы избавить пациента от неизлечимой мучительной болезни, кажется милосердием дать ему яд. Но продолжай, пожалуйста.

— Мне показали эпоху Маури, чтобы я сам мог убедиться, что их лидеры стали тиранами и делают все, чтобы остановить прогресс. Правда, это был переходный период, и мне пришлось согласиться, что когда гегемония Маури начнет распространяться по всему миру, нам необходимо будет вмешаться, остановить рост их могущества и обусловить возврат к прогрессу.

— Разумеется, не открыто, — вставил я. — Так как человечество не будет готово воспринять ваше появление.

— Конечно, конечно. Нам придется ждать целые столетия, пока мы не станем достаточно сильными для такого вмешательства.

— Леонсе разрешили путешествовать в будущее?

— Да. Уоллис благоволил ей. Она много рассказывала мне о том, каких высот достигла будущая цивилизация. Правда, она не была уверена, что это и есть прогресс. Она говорила о воздушных кораблях, о дирижаблях с электромоторами, ранчо в океане, солнечных батареях, широком использовании бактерий для изготовления топлива, развитии теоретических и прикладных наук, особенно биологии.

Он остановился передохнуть, и я спросил:

— Неужели именно в таких выражениях твоя дикарка обо всем рассказывала?

— Нет-нет. Ее впечатления были более общими. Но она, как охотница и шаманка, прекрасно умела наблюдать и делать выводы. Она могла проследить общий ход событий. Я понял, что будущие люди, достигнув одной высоты, не спешат к следующей. Они не совершенствуют свои достижения, только расширяют сферу их применения.

Вряд ли это устраивало Уоллиса с его стремлением к постоянному совершенствованию, к идеальному обществу. Общество быстро двигалось к своей последней стадии, как мне показалось, ретрогрессии, всеобщей жестокости. Агенты Ээрии еще не создали достаточно мощной организации, и поэтому они не рисковали проводить детальные исследования. И они не понимали, что лежит за всем этим. Все казалось достаточно мирным, спокойным, но непонятным. По опыту своих редких путешествий в будущее я уже готов был поверить Уоллису.

— Что же это было за общество? — спросил я. — Ты можешь мне что-нибудь сказать?

— Очень немного. У меня не было времени. Странно звучит, не правда ли? Но это так. Не забывай, что я это делал почти в полном секрете от всех.

— Насколько я понимаю, путешествия в будущее не уничтожили твой скептицизм в отношении цели Уоллиса? — спокойно спросил я, несмотря на бурю в душе.

Он пробежал пальцами по волосам.

— Подумай, док. Вспомни таких высокоинтеллигентных людей, как Бертран Рассел и Генри Уоллис. Они совершили путешествие по сталинской России и по возвращении домой заявили, что там, конечно, как и везде, есть свои проблемы, но они, в основном, обусловлены чисто внешними факторами и при доброй воле правительства могут быть успешно решены. И будут решены. Не забывай также, что их проводники послушно следовали инструкциям Кремля и показывали только то, что иностранные визитеры могут правильно, с их точки зрения, интерпретировать. — Его улыбка была неприятной. — Может, проклятие моей жизни состоит в том, что я потерял желание верить?

— Значит, ты не веришь в то, что Ээрия принесет миру добро? И ты думаешь, что у Маури тебе показывали только нетипичные, не лучшие черты цивилизации?

— Не совсем так... Все зависит от интерпретации. А вот вам пример...

В одном из своих путешествий в будущее он сумел познакомиться с одним сверхсекретным документом. В нем говорилось, что ученые Хиндурая разработали водородный генератор, который покончит с извечной нехваткой горючего на Земле. Однако правительство Маури сделало все, чтобы об этом открытии не стало известно народу.

Мотивировано это было тем, что такой генератор послужит возрождению машинной цивилизации, а Земля не вынесет второго подобного удара.

И все же... в будущем цивилизации Маури Хейвиг видел огромные бесшумные машины, видел людей, животных, свежую траву... и чистый воздух.

— Были ли правители Ээрии искренни в своей вере? Или же они просто старались сохранить свое положение? Или и то, и другое? Или ни то, ни другое? Или что? И несет ли это людям будущего добро? Откуда я могу знать?

— А ты спрашивал об этом своих компаньонов? — спросил я.

— Конечно. Во-первых, Остина Колдуэлла, честного человека, твердого, как те индейцы, которые охотились за его скальпом.

— Что же он сказал тебе?

— Прекратить свои дурацкие вопросы и во всем довериться Сахэму, ведь Сахэм сделал уже очень много, не так ли? Сахэм все изучил и все обдумал. Он не считает, что знает все, но для этого у него есть мы. Он пользуется нашей объединенной мудростью и ведет нас верным путем.

Я извинился и вернулся в Ээрию вместе с ними.

ГЛАВА 9

Вскоре после этого Джек получил два выходных дня, которые провел в обществе Леонсы, восстанавливая душевное равновесие. Период его тренировок и обучения затянулся; уже наступила зима, так что он мог с удовольствием отдаться зимним видам спорта. Кроме того, он перечитал Историю Будущего, написанную Уоллисом, и сделал некоторые выводы, учитывая те события, которым он был свидетелем. Он даже обсудил некоторые проблемы с Вацлавом Красицким — самым образованным из нынешних правителей замка.

Сахэм признавал, что его труд далек от совершенства, но он путешествовал и видел больше, чем кто-либо другой. Он побывал в самых разных уголках Земли, что было недоступно его подчиненным из-за ограниченности транспортных средств, он разговаривал с очень многими людьми самых разных эпох.

Уоллис знал, что Ээрия будет существовать под его контролем следующие два столетия. Он встретился с самим собой и выяснил, что первая фаза плана успешно

претворяется в жизнь. К тому времени эта крепость подлежала эвакуации. Новая цивилизация распространилась повсюду, и государство, подобное Ээрии, уже не могло существовать изолированно. Оно должно было выходить на широкую арену.

Новая база будет создана в будущем. Хейвиг посетил ее и обнаружил, что она в корне отличается от старой. Широко использовались новые материалы, изощренные конструкции. Все было, в основном, сосредоточено под землей. Там была новейшая техника, автоматизация, термоядерные реакторы.

Это была эра восстаний против Маури. Их попытки навязать свою философию всему человечеству с треском провалились. Сомнения, недовольства, мятежи вспыхивали в разных уголках Земли. В одной стране был разработан водородный реактор, и она не делала из этого секрета. Разваливались старые союзы и блоки, на их обломках возникали новые.

«Нам всегда будут нужны терпение и жестокость, — писал Уоллис. — Теперь у нас гораздо больше материальных ресурсов, чем в эру Первой фазы, и гораздо больше опыта и умения для их эффективного использования. Главное, что нам нужно сейчас сделать, — это увеличить наши военные силы за счет пересылки в эту эпоху путешественников. Я прекрасно понимаю, что подобная операция связана с большими трудностями. У нас нет надежды победить весь мир. Наша империя должна двигаться к цели медленно, но неуклонно».

Так чем же должна закончиться Фаза-2? Уоллис был уверен, что к тому времени люди Ээрии с ее высокоразвитой энергетикой и техникой будут на планете вне конкуренции. Уоллис был уверен и в том, что Фаза-3 пойдет под знаком объединения всех народов планеты под эгидой новых хозяев, под знаком создания человека нового типа. Заглянув в далекое будущее, Уоллис увидел такие чудеса, что был не в состоянии описать их.

Однако эта часть книги была довольно смутной. Точную информацию было трудно собрать. Уоллис продолжал описывать будущее, но уже без подробностей.

Он также знал к тому времени, что его жизнь закончится в Первой Фазе; Уоллис встретил там самого себя довольно старым человеком.

— И я рад, что послужил воле Бога, выполнил его предназначение. Вряд ли наука найдет возможность сделать старого человека молодым, найдет способ сделать человека бессмертным. Но я уверен, что природа путешествий во времени открыта, и, возможно, они будут доступны каждому. И тогда люди найдут нас, тех, кто создал их будущее, и отдадут нам должное!

Хейвиг сжал губы, подумав: «Я уже видел, что происходит, когда человеку навязывают идеологию. Впрочем, пока Уоллис выступает скорее учителем, чем хозяином. — Он задумался. — Но служить этому человеку — значит превратить мой дар в ничто, а жизнь сделать никчемной».

Его вызвал Красицкий. День был холодный. Солнечные лучи играли на сосульках, свисающих со стен башен и крыш. Хейвиг съежился от холода, пересекая двор.

Красицкий был в форме. Он сидел в служебном помещении.

— Садись, — приказал он.

Жесткий стул скрипнул под Хейвигом.

— Как ты думаешь, ты готов к своей работе?

Дрожь пробежала по телу Хейвига, участился пульс.

— Д-да, начинать страшно. Я... — Он выпрямился. — Да.

Красицкий достал какие-то бумаги из стола.

— Я посмотрел, каковы твои успехи, и решил, как лучше использовать тебя с минимальным риском. Я знаю, что ты сам приобрел богатый опыт в путешествиях и уже сейчас представляешь ценность для нас. Однако ты еще не выполнял наших заданий. — Он коротко улыбнулся. — Моя идея базируется на твоих индивидуальных особенностях.

На лице Хейвига ничего не отразилось.

— Нам нужно расширять нашу деятельность. Особенно в части поиска путешественников. Ты рассказывал о своем визите в Константинополь периода Визан-

тии. По-видимому, это самое удобное место, откуда можно начать системный поиск в средних веках.

— Прекрасно! — возбужденно воскликнул Хейвиг. Радость охватила его. — Центр цивилизации! Все торговые пути проходят через него...

Красицкий поднял руку:

— Постой. Это позже. Когда у нас будет достаточно людей, широкая сеть агентов. А сейчас мы ограничены в своих возможностях. Не забывай, мы должны к определенному времени завершить Фазу-1. Нет, Хейвиг, сейчас требуется сделать нечто иное, более важное.

— Что?

— Если бы у нас было достаточно денег той эпохи, нам было бы легче там работать. Но ты же знаешь, как сложно переправлять ценности через время. Следовательно, мы должны раздобыть их на месте. И быстро.

Хейвига охватили неясные подозрения.

— Не думаешь же ты о грабеже?

— Нет — Красицкий покачал головой. — Слушай. Нападение на мирный город, достаточно мощное, обязательно попало бы в книги историков, о нем узнали бы все. Кроме того, это опасно само по себе. Ведь наши люди не могут применять огнестрельное оружие, а византийская армия и полиция сильны и дисциплинированны. Нет, это было бы сумасшествием.

— Что же тогда?

— Воспользоваться хаосом и забрать то, что в противном случае стало бы добычей безжалостных грабителей.

Хейвиг молча ждал.

— В 1204 году Константинополь разграбили крестоносцы во время Четвертого Крестового Похода. После них Константинополь был полностью разрушен. — Вацлав махнул рукой. — Почему бы нам не получить свою долю? — Он всмотрелся в лицо Хейвига. — К тому же мы выплатим компенсацию жителям, поможем им сохранить свою жизнь.

Хейвиг в сердцах выругался.

Джек провел много времени в библиотеке, просматривая пленки и стараясь подобрать костюм, соответст-

вующий эпохе. Самолет доставил его в окрестности Стамбула двадцать первого века, где сейчас были только развалины. Самолет улетел сразу же, как только Хейвиг отправился в прошлое. Здесь все было еще заражено радиоактивностью. Он еще скрывал ото всех хронолог и теперь должен был отсчитывать время по восходам и закатам солнца.

Леонса была в ярости от того, что Хейвиг не взял ее с собой.

Но она не принесла бы пользы, скорее, наоборот, привлекла бы к ним излишнее внимание.

Хейвиг решил изображать пилигрима — скандинава, разумеется, католика, но менее твердолобого, чем французы, венецианцы, арагонцы и другие западноевропейцы, которые, подобно волкам, старались задушить умирающую империю. Конечно, лучше всего было бы предстать в роли русского — их было много в Византии, но русские уже тогда отличались крайней ортодоксальностью взглядов. Хейвиг не стал рисковать, боясь провала, и сразу отбросил эту мысль.

Он также решил, что появляться в год нападения слишком рискованно. Ведь любой чужестранец в годы войны подозрителен, особенно такой, который обо всем расспрашивает, всем интересуется. В 1203 году после морского штурма крестоносцы захватили Константинополь. Они посадили на трон своего ставленника и начали грабить страну, прежде чем отправиться в Святые Земли. Ставленник обнаружил, что сундуки царской казны пусты, и исчез. Начались трения между франками и восточными римлянами, в результате которых в январе 1204 года трон занял Алексиус, сын римского императора. Три месяца он и его сторонники старались изгнать из страны крестоносцев. Но надежда, что Бог поможет им, лопнула, и Алексиус, не отличавшийся мужеством, сбежал. Крестоносцы снова вошли в Константинополь, и началась резня.

Хейвиг выбрал весну 1195 года. Это было прекрасное время года, кроме того, у него была возможность акклиматизироваться здесь. У него были прекрасные документы, позволившие ему спокойно пройти в город, и слитки золота для обмена. Подобрав комнату в при-

личной гостинице — приличную комнату, не имеющую ничего общего с комнатой в современных американских отелях даже высокого класса, он начал вживаться в ситуацию.

Свой первый визит он нанес в 1050 год. Здесь была та же роскошь, та же космополитическая многоцветность, которую он встретил и в 1195 году. Новый Рим все еще оставался властителем Европы.

Хейвиг увидел его с теневой стороны.

Дом и лавка Дукаса Манассиса, ювелира, стояли на холме близ центра города. Этот дом, окруженный соседними зданиями, был обращен глухой стеной к вымощенной плитами улице. Но с его плоской крыши открывался чудесный вид: был виден весь город и даже окрестности за городскими стенами. Отсюда были видны домики предместий, многочисленные церкви, монастыри, где хранились великолепные библиотеки с трудами Эсхила и Сафо, ипподром, величественный комплекс дворцовых зданий. А в другой стороне можно было увидеть сверкающую гладь Мраморного моря и бухту Золотой рог, где теснились торговые парусники.

На улицах города было оживленно. Шум колес, цоканье копыт, шарканье подошв, крики, песни, смех — все смешалось в одном биении сердца большого города. Ветер приносил запахи моря, которые смешивались с запахом жареного мяса, конского навоза и людского пота. Хейвиг с наслаждением вдыхал этот воздух.

— Благодарю тебя, кириос Хаук, — сказал Дукас Манассис. — Я очень рад, что тебе тут нравится. — По всему было видно, что он очень удивлен тем, что франк не охаивает все греческое. Впрочем, Хаук Томассон и не был, судя по всему, франком или кем-нибудь из союзников англичан. Он приехал сюда из какого-то северного королевства.

— Это я должен благодарить тебя, кириос Манассис, за то, что ты показал мне все это, — ответил Хейвиг.

Они обменялись поклонами. Вообще византийцы не были скованы строгими правилами поведения. Это был пылкий народ, отличавшийся во все времена врожденным вкусом, чувством прекрасного. Однако отношения

между людьми высших сословий характеризовались утонченной церемонной вежливостью.

— Ты проявил интерес, — ответил Дукас. Это был седобородый человек с красивым лицом, на котором выделялись близорукие глаза. Его щуплое тело терялось в свободном хитоне.

— Ты очень добр ко мне, — пробормотал ювелир. — Я думаю, что все хорошее и прекрасное от Бога, и мы, подданные Рима, должны больше думать о нем, а не о своих удобствах.

— Что это? — Хейвиг показал на раскидистое дерево перед домом.

Дукас улыбнулся:

— Это для моей дочери. Она очень любит цветы, но мы не можем слишком часто вывозить ее за город.

К женщинам в Византии относились весьма почтительно, и они пользовались многочисленными привилегиями. Дукас решил, что его собеседник нуждается в дальнейших пояснениях, и продолжал:

— Возможно, мы, я и Анна, слишком балуем ее. Но она у нас одна. Я уже был женат, но мои сыновья от Евдокии давно выросли. А Ксения — первый ребенок Анны и моя первая дочь. — Вдруг он порывисто добавил: — Кириос Хаук, не считай меня слишком гордым, но я действительно рад встретить дружески настроенного иностранца. Мне очень приятно говорить с тобой. Не согласишься ли ты принять приглашение на ужин?

— Почему нет? Благодарю тебя. — Хейвиг решил, что это хорошая возможность порасспросить обо всем. Византийские торговцы и ремесленники были объединены в гильдии, управляемые префектами. А этот ювелир, весьма искусный в своем деле, наверняка многое знал о своих коллегах. Да немало и другой полезной информации мог узнать от него Хейвиг.

— Ты не будешь возражать, почтенный гость, если мои жена и дочь разделят с нами трапезу? — спросил Дукас. — Они не будут мешать нам. Мне очень хочется послушать тебя. Ксения, прости мою гордость, еще ребенок, ей пять лет, но она уже умеет читать.

Она оказалась прекрасным ребенком.

Хаук Томассон вернулся на следующий год и рассказал, какое он занял положение в одном из афинских торговых домов. Греция входила в состав империи, но большая часть ее торговли находилась под контролем иностранцев. Деятельность Томассона часто заставляла его бывать в Константинополе, и он был рад снова встретиться с мудрым Манассисом и надеялся, что его дочь примет небольшой презент...

— Афины, — благоговейно прошептал старый ювелир. — Теперь ты живешь в самом сердце Эллады! — Он положил руки на плечи посетителя. Слезы стояли в его глазах. — О, как это чудесно! Как чудесно! Ты воочию видишь то, что лишь снится мне всю жизнь! Это даже лучше, чем посетить святые места!

Ксения с благодарностью приняла игрушку. Как зачарованная, она за обедом и после него слушала рассказы иностранца, пока старшие не отправили ее спать. «Славный ребенок, — думал Хейвиг. — Совсем не избалованный, хотя и единственный, и Анна не собирается иметь детей еще».

Джек и сам наслаждался этими приездами. Встреча с человеком умным, наблюдательным, чувствительным — это удовольствие в любую эпоху. И он уж постарается в будущем помочь Манассису избежать кошмаров катастрофы.

Хейвиг знал это, так как тщательно исследовал будущее. Но он задавал себе вопрос: не слишком ли он внимателен к семейству Манассиса? Нужно ли так часто наносить им визиты, проводить с ними праздники, приглашать на обеды? Ему и так уже пришлось немного превысить расходы. Наплевать. Он мог и сам финансировать себя, делая ставки на ипподроме — беспроигрышные ставки. У агента, работающего в одиночку, больше возможности.

Противно было лгать людям, ставшим его друзьями, и только одно утешало: он делает это ради их спасения.

Слыша тонкий и звонкий голосок Ксении или вспоминая его, Хейвиг всякий раз сравнивал его с птичьими трелями. Она всегда радовалась его появлению и бол-

тала с ним до тех пор, пока родители не отправляли ее в свою комнату.

Она была тоненькой, как тростинка. Хейвиг не знал ни одного живого существа, которое бы двигалось с такой грацией. Когда того не требовали приличия, она не могла ходить степенно, но двигалась словно пританцовывая. Ее волосы цвета полуночи полностью закрывали нежную точеную шею. Кожа была светлой и чистой, овал лица правильный, губы всегда чуть приоткрыты. А на лице выделялись глаза, огромные, бездонно-черные, под большими пушистыми ресницами. Такие глаза он видел только на мозаике Равенны, на лице императрицы Теодоры Великой. И эти глаза невозможно было забыть.

Странно было встречаться с ней по прошествии месяцев, которые для Хейвига были всего лишь часами или днями. Именно поэтому ему казалось, что она взрослеет с головокружительной быстротой. И еще Джек впервые с ужасом ощутил, как свободно плывет он по бескрайней реке времени и что Ксения в сравнении с ним просто барахтается на одном месте.

Дом стоял в саду, где было много цветов, апельсиновых деревьев, играл фонтан. Дукас с гордостью показал Хейвигу свое последнее приобретение: бюст Константина на пьедестале, того самого, кто признал христианство и чьим именем был назван Новый Рим.

— Хотя мастерство древних ваятелей ныне утрачено, — говорил Дукас, — но все же посмотри, как величественно его лицо с твердо сжатыми губами...

Десятилетняя Ксения хихикнула.

— В чем дело, дорогая? — спросил отец.

— Ни в чем, — ответила она и снова хихикнула.

— Нет, скажи нам. Я не буду сердиться.

— Он... он не хочет произносить важную речь, но ему очень хочется пукнуть...

— Клянусь Вакхом, она права! — воскликнул Хейвиг.

Дукас крепился-крепился и тоже, не выдержав, присоединился к общему веселью.

— О, неужели ты не пойдешь с нами в церковь? — взмолилась девочка. — Ты не знаешь, как там красиво поют, как таинственно сверкает пламя свечей, как удивительно пахнет ладаном... — Ей уже одиннадцать лет, и она переполнена Богом.

— Мне очень жаль, — сказал Хейвиг, — но я ведь католик.

— Святым все равно. Я спрашивала папу и маму. Они тоже не против. Мы можем сказать, что ты русский. Я покажу тебе, что нужно делать. — Она схватила его за руку. — Идем!

Он пошел за нею, не понимая, действительно ли девочка просто стремится показать своему обожаемому другу что-то интересное и красивое или хочет обратить его в свою веру.

— Это так чудесно! — У нее на глазах выступили слезы, когда она прижала к груди драгоценный подарок к своему тринадцатому дню рождения. — Папа, мама, посмотрите! Хаук подарил мне книгу! Все пьесы Еврипида! И это мне!

Когда она ушла, чтобы переодеться к праздничному обеду, Дукас сказал:

— Это поистине королевский подарок. И не только из-за высокой цены, это настоящий подарок для души.

— Я знаю, что она любит древних классиков, как и ты.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказала Анна, — но, может, в ее возрасте Еврипид слишком сложен...

— Но и сейчас сложные времена, — ответил Хейвиг. — Быть может, трагедии древних укрепят ее сердце, и это поможет мужественно встретить свою судьбу. — Он повернулся к ювелиру. — Дукас, еще раз говорю тебе: клянусь, я знаю, что венецианцы ведут сейчас переговоры с другими франками...

— Ты это уже говорил, — кивнул ювелир. Его волосы и борода были почти белыми.

— Тебе с семьей еще не поздно выехать куда-нибудь в безопасное место. Я помогу.

— Где же может быть более безопасно, чем здесь, за этими стенами, куда не может ворваться ни один

враг? А если я брошу свою лавку, мы обнищаем и будем страдать от голода. И что делать моим слугам, ученикам? Они же не могут поехать со мной. Нет, мой друг, нам следует оставаться здесь и довериться Богу. — Дукас печально улыбнулся. — Послушай, дружище, ты совсем не меняешься. Ты такой же, каким я увидел тебя впервые.

Хейвиг проглотил слюну.

— Я думаю, что не скоро вновь появлюсь в Константинополе. Мои хозяева, учитывая складывающиеся обстоятельства... Будь осторожен. Старайся быть незаметным. Прячь золото и поменьше бывай на улице. Особенно по ночам. Я знаю франков.

— Хорошо, я буду иметь это в виду, Хаук. Но ты преувеличиваешь. Ведь это же Новый Рим.

Анна взяла их обоих под руки, неуверенно улыбаясь.

— Может, хватит политики, мужчины, — сказала она. — Украсьте улыбками свои постные лица. Сегодня день рождения Ксении. Разве вы забыли?

Хейвиг вышел от Манассиса весьма озабоченный.

Он вернулся назад, в более счастливое время, снял комнату в гостинице, плотно поужинал и лег спать. Утром он хорошо позавтракал. Это было не лишним для человека, которому скоро предстоит сражаться.

Вскоре после этого он переместился вперед, в апрель 1204 года.

Ему надлежало быть всего лишь сторонним наблюдателем. Полученный им приказ был до неприличия прост: оставаться вне опасности, ни во что не вмешиваться, под страхом наказания никак не влиять на события. И сделать все, чтобы вернуться живым, так как им нужны сведения.

По городу ревели пожары. Клубился горький дым. Люди, как обезумевшие крысы, то прятались в домах, то выбегали из них. И везде их ждало одно и то же: убийства, насилия, грабежи, избиения, издевательства. На улицах валялись трупы. Кровь текла по сточным канавам. Матери оплакивали детей, дети с громким плачем искали матерей, пока не становились жертвами обезумевших от крови и убийств вандалов. Всех служителей церкви подвергали жестоким пыткам, чтобы

они выдали тайники с церковной утварью; обычно таковых не оказывалось, и тогда мародеры развлекались тем, что, смочив бороду церковника в масле, поджигали ее. Были у них и еще более изощренные издевательства.

В те ужасные дни на троне патриарха в соборе Святой Софии сидела пьяная проститутка, а на алтарях разыгрывали в кости награбленное.

Картины, драгоценности, предметы культа растаскивались по всему континенту, например — бронзовых коней с ипподрома переправили в Венский Собор Святого Марка. Эти произведения искусства, по крайней мере, сохранились. Большинство же других было разбито, разломано, расплавлено ради поживы, либо сожжено ради забавы.

Таким образом погибла большая часть полотен классической живописи, почти все книги, что до тех пор бережно хранились в Константинополе.

И не турки 1453 года несут ответственность за это — крестоносцы побывали здесь до них.

А потом настали дни Великой тишины, наполненные морским плачем и смрадом пожарищ; повсюду свирепствовали болезни и голод. Вот так в начале XIII века, века, который апологеты католической церкви называли ее расцветом, западное христианство уничтожило свою восточную ветвь. А полтораста лет спустя, поглотив Малую Азию, турки вошли в Европу.

Хейвиг вернулся назад и стал постепенно перемещаться в будущее, иногда переходя в нормальное время. Так он добрался до того момента, когда франки вошли в город. Он снова видел смерть, грабежи, разрушение, видел бандитов, пресытившихся убийствами, подгоняющих своих пленников, нагруженных добычей. Он знал, что не может изменить ни прошлого, ни будущего, но он намерен был взять из прошлого то, что ему нужно.

Хейвиг отмечал места, где мародеры останавливались с добычей, и передавал записи людям из Ээрии, которые, переодевшись крестоносцами, «забирали» награбленное. В этом бедламе можно было сделать все что угодно, не привлекая особого внимания. Добыча переносилась на корабль, стоящий в безопасном месте.

Красицкий обещал Хейвигу, что они, насколько возможно, позаботятся о жителях. Им ничего не угрожало, и у них оставалось немного денег, чтобы они могли переселиться в другое место и обустроиться там.

Можно было не опасаться, что такие добрые поступки демонов-франков попадут в хроники, хотя, наверное, рассказы о них будут жить в фольклоре. Правда, через пятьдесят семь лет, когда Михаил Палеолог покончит с зависимостью от римлян, все рассказы об этом забудутся.

Хейвиг не участвовал в действиях агентов. Он и так многое сделал и многое видел. А то, что он видел, было ужасно. Вернувшись в прошлое, он плакал, вспоминая этот кошмар. Потом, немного придя в себя, Джек отсыпался, набираясь сил для будущей работы.

Дом Манассиса был в числе первых, куда он направился, хотя и не самый первый. Хейвиг хотел сначала немного приучить себя к картине разрушения.

Он лелеял надежду, что дом Манассиса останется нетронутым. Константинополь был слишком велик, и в нем было достаточно храмов, где грабители могли спокойно поживиться, чтобы ломиться в каждую дверь.

Хейвиг не испытывал особого страха. Если что-то потребуется сделать, то кто, кроме него, сделает это? Тем не менее, когда он, приближаясь к дому Манассиса, увидел десяток оборванных мужчин, направляющихся к распахнутой двери, у него оборвалось сердце. Ярость охватила его, и вскоре три франка упали на землю и больше не шевелились, а остальные с криками разбежались, чем Хейвиг был очень доволен.

Вернуться в Ээрию тоже оказалось непросто — он долго ждал самолета в зараженном радиоактивностью мертвом Стамбуле.

Ему было о чем подумать, и он только удивлялся, почему раньше это все не приходило в голову. Он понял наконец, что несмотря на то, что Уоллис и его лейтенанты использовали технику двадцатого века, они оставались людьми своего, девятнадцатого столетия. Нет, теперь ему нужно было хорошенько обдумать все, чему он был свидетелем, в чем принимал участие.

— Прекрасная работа, — сказал Красицкий, прочтя отчет Хейвига. — Превосходно. Я уверен, что Сахэм наградит тебя за это.

— Да? Благодарю, — ответил Хейвиг.

Красицкий долго рассматривал его:

— По-моему, ты похудел.

— Можешь называть меня Рип ван Винкль, — пробормотал Хейвиг.

Красицкий, по-видимому, понял, почему у него такой изможденный вид, ввалившиеся глаза, тик на щеке.

— Я понимаю. Ты заработал отдых. Думаю, тебе захочется побыть в своем времени. Не думай больше о Константинополе. Если нам понадобится узнать что-то еще, мы подождем твоего возвращения. — На его лице появилась теплая улыбка. — Иди. Мы поговорим потом. Полагаю, нам удастся сделать так, чтобы твоя подружка сопровождала тебя. Хейвиг... Хейвиг...

Хейвиг спал.

А потом все и началось. Вместо того, чтобы наслаждаться отдыхом, он начал размышлять.

ГЛАВА 10

Он проснулся с выкристаллизовавшимся решением. Было еще рано. Утренний свет падал на высокие серые крыши зданий Рив Гош (Париж, 1965 год), такие же холодные, как и воздух, спокойствие которого еще не нарушало движение транспорта. В номере отеля стоял полумрак. Леонса мирно посапывала в постели. Они всю ночь провели в ночном клубе, слушая шансонье, по желанию Хейвига, хотя Леонса предпочитала яркие и красочные шоу в мюзик-холле. После этого они вернулись в отель и долго занимались любовью, несколько лениво и утомленно, но ласково. Леонса даже не пошевелилась, когда несколько часов спустя в дверь постучали и горничная принесла кофе с рогаликами.

Хейвиг был удивлен своей решимостью. Все больше и больше он ощущал, что просто идет навстречу неизбежному. Совесть уже устала мучить его и предъявила ультиматум.

И, несмотря на ожидающую его опасность, он впервые ощутил в своей душе мир и покой.

Он поднялся, умылся, оделся, собрал свое снаряжение — два небольших блока в багаже, которое было уже подготовлено. Обычное снаряжение агента во времени, такое же, какое он брал с собой в Иерусалим, плюс пистолет и хронолог. Ему пришлось выдержать борьбу с Леонсой, так как, взяв хронолог, он не мог взять сюда побольше серебра, но он настоял на своем. Затем Джек взял паспорт, сертификат о прививках и кошелек, набитый деньгами.

После этого он долго смотрел на спящую девушку — ему было жаль расставаться с нею. Она радовалась жизни и доставляла ему радость. Неприятно тайком покидать ее. Может, оставить записку? Нет, нет. Он всегда может вернуться. Если же он не вернется... ну что ж, она прилично знает язык, обычаи, у нее достаточно денег. Не пропадет.

Любила ли она его? Может, ей просто нужны мужчины? Впрочем, теперь это неважно. Главное, он ее любил.

Он наклонился над нею.

— Пока, Рыжая, — прошептал он и коснулся губами ее губ. Затем он выпрямился, подхватил чемоданы и вышел из комнаты. Вечером он уже был в Стамбуле.

На это путешествие ушло очень много времени, проведенного в самолетах, аэропортах, автобусах.

Потом Джек говорил мне с угрюмой улыбкой:

— Знаешь, где самое удобное место для проведения тайного хронокинеза? Телефонная будка? Нет. Туалетная комната. Очень романтично, не правда ли?

Перед последним рывком он хорошо поужинал в одиночестве, затем принял снотворное: нужно было хорошенько отдохнуть перед делом.

Константинополь, вторая половина дня 13 апреля 1204 года... Хейвиг вышел на аллею, ведущую на холм. Тишина давила на него: не было привычного стука копыт, скрипа колес, звона колоколов, смеха, голосов, криков детей. Но в этой тишине слышался отдаленный рев пожаров и вопли перепуганных людей. Где-то совсем рядом послышался лай собаки.

Он приготовился. Девятимиллиметровый «смит-вессон» висел на поясе, карманы куртки были набиты патронами. Остальное снаряжение и хронолог он засунул в металлический ящик, который сейчас висел у него за спиной.

Он шел по улице и видел запертые двери, окна с закрытыми ставнями. Люди попрятались по домам; голодные, перепуганные, они пытались найти спасение в молитвах. Это был район ювелиров. Разумеется, здесь жили не только ювелиры. Бедняки жили везде. По внешнему виду домов никак нельзя было сказать, кто здесь живет, богач или бедняк. Видимо, кто-то указал грабителям на дом Манассиса. Здесь ли они еще? Хейвиг не был уверен, что прибыл в нужное время, но вскоре увидел их.

Он завернул за угол. На мостовой лежал труп мужчины с разбитой головой. Над ним склонилась женщина. Хейвиг, проходя мимо, услышал: «Разве недостаточно того, что тебя заставили предать нашего соседа? Во имя Христа, разве этого недостаточно?»

«Нет», — подумал он.

Он прошел мимо. Чем он мог помочь этой несчастной женщине, ведь сейчас в этой одежде он был для нее франком. Хотя в то время, когда он родился, она сама, ее горе были погребены пылью столетий.

«По крайней мере, — подумал он, — теперь я знаю, как крестоносцы обнаружили лавку Дукаса».

Прежде чем грабить город, разведчики, знающие греческий язык, тщательно изучили этот район и теперь решили тут поживиться. И еще пришла уверенность, что время прибытия рассчитано правильно.

Вопли, звон оружия, стук каблуков по мостовой разносились по улицам, метались среди домов. Хейвиг сжал зубы. «Да, — подумал он, — я пришел вовремя».

Он ускорил шаг, желая скорее увидеть тех, с кем придется иметь дело.

Вот и эта улица. Тяжесть навалилась на него, мускулы одеревенели, подошвы стучали по камням в такт ударам сердца, во рту пересохло, горький дым раздражал ноздри.

Один из раненых крестоносцев увидел его, с трудом встал на колени, поднял руки. Кровь залила его плащ, капая на мостовую.

— Друг, — прохрипел он. — Брат, ради Иисуса...

Другой, еще живой крестоносец мог только стонать.

Хейвигу очень хотелось ударом ноги выбить ему зубы, но он устыдился своего порыва. Он шагнул мимо стоящего на коленях крестоносца, тянувшегося к нему, поднял руки и крикнул по-английски:

— Прекратите огонь. Я из Ээрии! Инспекция! Прекратите огонь и впустите меня. — И, чувствуя тяжесть в животе, пошел к двери.

Возле двери стояла повозка, запряженная мулом. Животное было привязано к дверной скобе. Оно двигало ушами, отгоняя мух, и равнодушно смотрело на умирающих крестоносцев. Вероятно, в повозке собирались везти драгоценности, золото и серебро к поджидающему кораблю.

Вход никем не охранялся. Хейвиг остановился, осмотрел дверь. Тяжелая, массивная. Похоже, франки хотели взломать ее. Внезапно она открылась. Хейвиг понял, почему: засов был взорван. Кажется, мальчики Уоллиса воспользовались динамитом. Но почему они ворвались сюда силой? Такое появление напугает всех в доме, затруднит задачу переправки людей в безопасное место.

До него донесся крик из дома:

— Нет! О, нет, пожалуйста!

Это был крик Ксении, сопровождаемый ругательствами и хохотом. Хейвиг вздрогнул, словно его ударили.

Как он ни старался, он пришел поздно. К моменту его прибытия агенты взломали дверь и проникли в дом. Они поставили человека у двери, чтобы тот встретил грабителей, о которых сам же Хейвиг и предупредил. Сделав свое дело, он, кажется, присоединился к остальным, чтобы поразвлечься вместе с ними.

Секунду, которая показалась ему вечностью, Хейвиг ругал себя за свою глупость или наивность — он был еще новичком в таких делах. Хватит. Сейчас он здесь, и нужно спасти хотя бы то, что можно спасти.

На его оклик никто не вышел. Он крикнул еще раз и пошел в дом, в знакомые комнаты. Крик о помощи слышался из той части дома, где находилась лавка и кладовые.

Туда согнали всю семью, учеников, слуг. В большой комнате было светло, так как двери и окна, выходившие в маленький дворик — патио, были открыты. Хейвиг увидел цветочные клумбы, апельсиновые деревья в темной густой зелени, фонтан, разбрызгивающий воду... даже бюст Константина, который безразличным взглядом смотрел на все вокруг. В комнате рядом стояли шкафы и столы, где находились ювелирные изделия, созданные Дукасом и его учениками.

Сам Дукас лежал возле входа с расколотым черепом. Кровь залила пол, впиталась в белую тунику, окрасила седую бороду. Его рука все еще сжимала миниатюрный ювелирный молоточек, которым он, наверное, пытался защитить своих женщин.

Здесь находились четыре агента, одетые крестоносцами. Хейвиг сразу узнал их: Мендоза — преступник из Испании двадцатого века, Хейвиг встречался с ним в Иерусалиме; Мориарти — бруклинский маклер и гангстер девятнадцатого века, он держал в руках наготове автомат; Ганс — ландскнехт шестнадцатого века, с любопытством наблюдавший, как Конрад из Брабанта, который некогда хотел спасти Иисуса, борется с Ксенией.

Девушка кричала и кричала. Ей было только четырнадцать лет. Ее волосы растрепались, слезы текли по лицу, оставляя следы на щеках. Конрад обхватил ее за талию одной рукой, а другой срывал с нее одежду. Тяжелая палица висела у него на поясе. На ней запеклась кровь убитых людей.

— Я за тобой, — ухмылялся Ганс. — Я за тобой...

Повалив Ксению на влажный пол, Конрад стал расстегивать брюки. Анна стояла, словно слепая и глухая ко всему, над телом мужа. Затем она бросилась к дочери. Ганс свалил ее на землю одним ударом.

— А тебя потом, может быть, — сказал он.

Мориарти смотрел на них и смеялся.

Окрик Хейвига снова не был услышан ими, настолько они были захвачены происходящим. Мендоза первым увидел Джека и вскрикнул. Конрад отпустил Ксению и встал.

Ксения умоляюще смотрела на Хейвига. Никогда еще он не думал, что в ее глазах может быть столько огня.

— Хаук! — крикнула она. — Хаук!

Мендоза поднял пистолет.

— В чем дело? — спросил он.

Хейвиг только теперь понял, как далеко его рука от оружия, но не ощутил страха, только бешенство, ярость, душевную боль, отвращение.

— Это я должен спросить, в чем дело, — процедил он.

— Ты забыл, что тебе приказано? Я все знаю. Твоя задача — разведка. Ты не должен был подвергаться риску, появляясь в такое время.

— Я сделал свое дело, Мендоза, и вернулся, чтобы закончить свои личные дела.

— Это запрещено! Уходи отсюда, и мы позже решим, докладывать о тебе или нет.

— А если я не уйду? — Хоть он и старался сохранить спокойствие, его голос поднялся до крика. — Я увидел то, что не ожидал увидеть, не все сразу, а небольшими фрагментами. Поэтому я каждый раз шел на компромиссы, и в конце концов дошел до того, что вынужден либо стать как все вы, либо убить себя.

Мендоза пожал плечами, но дуло его пистолета было все время направлено в живот Хейвига.

— Чего же ты хотел? Мы пользуемся тем человеческим материалом, который нам удается добыть. Эти ребята ничем не хуже крестоносцев. Они — как все люди. Разве не так, Джек, скажи честно?

— Они хуже. Потому что они имеют возможность появляться в любом месте, в любой эпохе и творить зло, не боясь возмездия. Представляю, как они проводят свои отпуска. Удовольствие причинять боль и страдания другим усиливается с практикой и опытом.

— Послушай...

— А Уоллис, черт бы его побрал! Неужели нет у него способа контролировать этих животных?

— Хейвиг, ты слишком много говоришь. Убирайся отсюда, или я арестую тебя!

— Таких, как я, вы все время держите в неведении, пока мы не примиримся с этой болтовней относительно того, что миссия Ээрии слишком важна для всего человечества, чтобы мы могли тратить свои драгоценные жизни на обычную гуманность. Верно?

Мендоза сплюнул:

— Ну хватит. Ты и так наговорил слишком много. Ты арестован, и будешь препровожден в будущее, а Сахэм сам разберетсся с тобой. Веди себя хорошо, и, может, еще легко отделаешься.

Наступила тишина, нарушаемая только всхлипами Ксении, которая держала на коленях голову матери и не отрывала глаз от Хейвига. Все остальные — и домашние Дукаса, и приспешники Мендозы — тоже смотрели на него.

Хейвиг принял решение в то же мгновение. Он оценил положение каждого в комнате, переместился назад во времени на несколько минут, выхватил пистолет и снова вернулся в это время. Прогремели выстрелы, и голова ландскнехта разлетелась на куски. Хейвиг снова переместился назад во времени, чтобы появиться в другом конце комнаты.

Впоследствии он не мог даже припомнить, как все это происходило. Сражение было чересчур яростным и коротким, ведь его противники тоже были способны к таким действиям. Мориарти уже исчез из комнаты, когда Хейвиг появился снова. Прогремел выстрел Мендозы. Хейвиг, не задерживаясь, переместился вперед по времени, где сразу заметил убегающего Мориарти. Застрелив гангстера, Хейвиг вернулся назад.

Мексиканца уже не было. Джек проскользнул в прошлое на целые сутки. Ему нужно было вдохнуть свежего воздуха, вытереть пот с лица и успокоиться. Наконец он пришел в себя и смог вернуться, чтобы просканировать во времени всю битву. Но Мендозу он так и не смог обнаружить. Видимо, мексиканец переместился далеко вперед, в эпоху Ээрии, чтобы вызвать помощь.

Это означало, что действовать надо быстро. Друзья Хейвига не способны перемещаться во времени. Но и враги не смогут сразу попасть точно в нужный момент времени, так что у Хейвига и византийцев еще есть возможность скрыться. Но времени у них было совсем немного.

Хейвиг вернулся в комнату. Возле стены лежал умирающий Мориарти. Домашние, слуги и ученики Дукаса сбились в кучу. Некоторые из них были ранены в перестрелке. Бардас лежал мертвым.

— Я пришел спасти вас, — сказал Хейвиг, и это прозвучало странно в комнате, где в воздухе витали страх и смерть. Он перекрестился: — Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Во имя Девы Марии и всех святых. Быстро идите за мной, иначе вы погибнете.

Он помог Ксении подняться. Девушка вцепилась в него обеими руками, и он погладил ее длинные спутанные волосы, вспомнив, как держал ее на руках, когда она была ребенком. Через плечо он крикнул остальным:

— Иоханнес, Ницефорус, вы понесете свою хозяйку Анну. Остальные, кто может, будут помогать раненым. — Затем у него вырвалось по-английски: — Черт бы вас побрал! Нужно убираться отсюда побыстрее!

Они тупо повиновались Хейвигу. На улице он остановился и снял плащ с одного убитого крестоносца, с другого — меч. Ножны он не стал брать, чтобы не терять времени. Меч крестоносца давал ему возможность провести свой небольшой отряд через город, не боясь, что их остановят.

Вскоре силы оставили его, и он сел, опустив голову, чтобы немного прийти в себя.

Ксения опустилась возле него на колени и, погладив его, прошептала:

— Хаук! Милый Хаук, что с тобой?

— Все нормально, — наконец смог произнести он.

По крайней мере, пока. Впрочем, вряд ли головорезы Ээрии будут обшаривать весь город в его поисках. И все же следовало обеспечить безопасность своим подопечным и себе. Он поднялся и, пошатываясь, повел их дальше.

— Я оставил их в каком-то монастыре, — рассказывал он мне впоследствии. — Монастырь был переполнен беженцами. В следующие несколько дней я устроил их получше, вручив настоятелю монастыря богатые дары. Это нетрудно было сделать — я просто грабил крестоносцев. Это было противно, но, действительно, просто. Благодаря моим взносам, монастырь смог покупать пищу для тех, кто искал здесь убежище.

— А как насчет крестоносцев?

— Что я мог сделать? Их было слишком много.

Я потрепал его по плечу.

— Успокойся, ты ни в чем не виноват. Злых всегда больше.

Он слабо улыбнулся:

— Благодарю, док.

Я уже давно выкурил свою обычную норму, час был поздний, но мои нервы требовали еще. Взяв трубку, я начал ужасную церемонию ее чистки. Жуткий запах табака распространился по комнате.

— Что ты сделал дальше?

— Вернулся в двадцатое столетие — разумеется, в другой отель — и хорошенько выспался. А потом... Что касается моих византийцев, то я уже больше ничем не мог им помочь. Но я предупредил их, чтобы они не болтали о моей помощи. Велел говорить, что они просто сбежали. Чтобы не привлекать к ним лишнего внимания, самое лучшее было предоставить их своей судьбе. Да и теперь мне нужно было позаботиться о себе.

Я глубоко затянулся.

— И что же ты сделал?

Он глотнул. Виски обожгло ему горло.

— Я знаю дату, когда я последний раз был Дж. Ф. Хейвигом, — сказал он. — В 1965 году. Это было мое последнее пребывание в нормальном времени, так что с этого момента мое существование безопасно.

— А агенты Ээрии не могли нанести удар раньше?

— О, они могли бы появиться и подстроить что-нибудь. Но я сомневаюсь, что они стали бы даже пытаться. Никто из них не знает жизни в двадцатом веке.

— Значит, ты считаешь, что происшедшее и зафиксированное событие изменить невозможно?

От его улыбки мороз пошел по коже.

— Я знаю, что путешественник во времени не может ничего изменить. Я пытался сделать это, но безуспешно. Это было еще в юности, когда я хотел вернуться назад и предупредить отца, что его ждет.

— И? — выдохнул я.

— Док, помнишь мою сломанную ногу?

— Да. Подожди... Так, значит, это...

— Я зацепился за проволоку на лестнице как раз в тот день, когда решил отправиться в путешествие... А когда я выздоровел и был готов начать снова, то получил экстренный вызов от моей страховой компании, и мне пришлось заняться срочными делами. А когда я вернулся в Сенлак, оказалось, что мать окончательно порвала с Биркелундом и нуждается в моей помощи. Я увидел двух невинных детей, которых она принесла в этот мир, и принял на себя эту ношу.

— Ты думаешь, что это вмешалось провидение?

— Нет-нет. Это просто логическая невозможность изменить прошлое. Каждое мгновение времени — это прошлое бесконечного множества других мгновений.

— Значит, мы все просто марионетки в руках Времени?

— Я не говорил этого, док. Более того, я не верю в это. Мне кажется, что все мы являемся частью какого-то грандиозного механизма. И чем меньше мы знаем, тем шире диапазон нашей свободы.

— Значит, это похоже на наркотики. Человек добровольно принимает химическое соединение, которое закрепощает его мозг.

— Может быть, может быть. — Хейвиг шевельнулся в кресле, глядя в ночь. Затем сделал еще глоток виски. — Пожалуй, у нас нет времени на философские размышления. Ищейки Уоллиса охотятся за мной. Они кое-что знают о моей биографии и могут выследить меня.

— Поэтому ты так долго избегал встреч со мной?

— Да. — Он положил руку на мое колено. — Пока была жива Кейт. Ты помнишь?

Я кивнул.

Тут он заговорил быстро и, не вдаваясь в подробности, описал только общую схему своих действий. Джек сказал, что распределил свое состояние по банкам, положив вклады на вымышленные имена. Таким образом Дж. Ф. Хейвиг исчез со сцены. А так как в двадцатом столетии у него не было близких людей, кроме матери и меня, то никто не удивился его внезапному исчезновению. А нас он предупредил письмом.

— Мне ты посылал, в основном, почтовые карточки, открытки, — сказал я. — Ты заставил меня понервничать. — Я помолчал. — Где же ты был?

— Заметая свои следы, насколько это возможно, я отправился обратно в Константинополь.

На пожарищах и развалинах Нового Рима был восстановлен относительный порядок. Прежде всего правительство и оккупационные войска нуждались в пище и воде, а поэтому жителей города нельзя было больше грабить и держать под страхом смерти. Им нужно было обеспечить возможность спокойно трудиться. Позже Болдуин Фландрский, наместник императора в той части империи, куда входил Константинополь, решил выжать из своих подданных побольше. Но вскоре в войне с болгарами он был захвачен в плен и умер в тюрьме. Его преемник, Анри Первый, продолжал ту же политику. Король латинян мог принижать греков, ввергая их в бедность, брать в солдаты, но за все это он должен был обеспечить им относительную безопасность.

Ксения уже находилась в женском монастыре. Хотя она была здесь всего лишь гостьей, ее содержание было довольно строгим. Она встретилась с Хейвигом в холодной комнате с кирпичными стенами под неусыпным надзором сестры-монахини. Ксения была в накидке из грубой темной шерсти и не смела даже коснуться руки своего посетителя, несмотря на его щедрые дары монастырю. Хейвиг увидел ее глубокие темные глаза, заметил, что, несмотря на все трудности и лишения, которые ей пришлось перенести, все тело округлилось, наполнилось женственностью, а звуки ее голоса вернули его назад, в те счастливые дни, когда она и ее отец...

— О, Хаук, милый Хаук!

Она тут же испуганно отшатнулась, перекрестилась и, опускаясь на колени, забормотала:

— Я... извините меня... благословенный...

Старая монахиня нахмурилась и шагнула к ним.

Хейвиг замахал руками.

— Нет, Ксения! — воскликнул он. — Я такой же смертный, как и ты. Клянусь. Случилось нечто странное. Может быть, я смогу объяснить тебе позже. Но поверь мне, моя дорогая, я всего лишь человек и ничего больше.

Она всхлипнула, но вовсе не от разочарования.

— Я... я так рада... я рада, что ты пойдешь в рай после смерти, но...

Но сегодня он перестал входить в число ее строгих и хмурых византийских святых.

— Как твоя мать? — спросил Джек.

— Она постриглась в монахини, — едва расслышал он. — И убеждает меня сделать то же самое.

Тонкие пальцы сжались в кулачки так, что даже косточки побелели; глаза, полные ужаса, смотрели на него.

— Я должна сделать это? Я ждала тебя, чтобы ты сказал мне...

— Пойми меня правильно, док, — сказал Хейвиг. — В монастыре было все нормально. Однако там были слишком строгие правила, слишком много ограничений. Ты же католик и можешь себе представить. Ксения любила своего Бога, но и книги она тоже любила. Они были частью ее жизни. В ней был слишком силен дух классической античности, и у меня не хватило сил разочаровать ее. Ведь, в конце концов, и я способствовал тому, чтобы она так рано познала реальный живой мир. А сейчас впереди у нее были лишь молитвы и служение Богу, и ничего, кроме Смерти, не открыло бы перед нею двери монастыря. А ведь она родилась свободным ребенком, жила под вечно ласковым солнцем.

— И что же ты сделал?

— Я нашел престарелых супругов, которые согласились взять ее. Они были бедны, но я помог им деньгами. Они были бездетны и чрезвычайно обрадовались, когда

всевышний через мое посредство подарил им дитя. Она тоже привязалась к ним. Так что все устроилось хорошо.

— Разумеется, ты иногда появлялся у них.

Хейвиг кивнул. Мягкая улыбка тронула его губы.

— У меня было много своих дел, но в последующие три года я несколько раз навещал Ксению. И мои посещения становились все чаще и чаще.

ГЛАВА 11

Этот корабль был огромным тримараном. С мостика Хейвиг смотрел на чистую широкую палубу, отделанную твердыми сортами дерева. Он видел люки, стрелы грузовых лебедок, моторы, элементы солнечных батарей. Цивилизация Маури испытывала недостаток металла, и поэтому он использовался только в самых крайних случаях. Каюты тримарана были украшены пышными тропическими цветами. На каждом носу судна стояла вырезанная из дерева фигура, представляющая одного из божественной троицы: создатель Танароа в центре, Лезу Харисти со своим крестом слева, а справа Пан с зубами акулы, олицетворяющий смерть и темные стороны жизни.

Но вовсе не варвары создали этот огромный корабль. Его тройной киль обеспечивал великолепные гидродинамические свойства тримарана. Три мачты были, разумеется, оснащены парусами, но эти паруса управлялись небольшими двигателями на биологическом горючем. Эти паруса, управляемые компьютером, постоянно отслеживали направление ветра, чтобы максимально использовать его тянущую силу. Экипаж состоял из четырех конаков и двух женщин-вахин, которые не были перегружены работой.

Капитан Реви Лоханессо получил образование в университете Веллингтона, И-Залан. Он говорил на нескольких языках, и его английский вовсе не был какой-то искаженной версией вульгарного американского.

Могучий, загорелый, в саронге и с босыми ногами, он медленно произнес, чтобы его понял пассажир, только-только начавший осваивать их язык:

— Мы разрабатываем новую технологию, ведь мир машин был полностью уничтожен. Нам нужно найти новые пути развития на отравленной Земле. Мы еще не полностью разрешили свои проблемы. Но сделано много, и я уверен, что будет сделано еще больше.

Океан медленно гнал аквамариновые волны. Они накатывали на тримаран, обдавая тело могучего корабля веселыми брызгами. Солнце сверкало на крыльях альбатросов. Где-то вдали вверх взметнулся фонтан, выпущенный китом. Ветер не свистел в ушах — тримаран мчался с такой же скоростью, но освежал кожу, приносил соленый аромат моря и далеких цветущих островов. На палубе полуголый юноша извлекал из деревянной флейты чарующие звуки, а девушка танцевала перед ним, извиваясь всем своим стройным телом. Они оба были почти совсем обнажены, и смотреть на них было очень приятно.

— Ты создал великую вещь, брат Томас, — сказал Лоханессо. — Тебя будут чествовать, когда ты прибудешь. — Он поколебался и сообщил: — Я не радировал, чтобы Федерация прислала за тобой самолет. Дирижабли, конечно, быстрее, но честно говоря, менее надежны, чем корабли. Двигатели там слабенькие, а противопожарный катализатор для водорода еще только проходит испытания.

— Я прибыл туда, — говорил мне впоследствии Хейвиг, — чтобы узнать правду о цивилизации Маури в момент ее взлета. И я увидел, что это совсем не дикари, вернувшиеся в лоно природы. Даже их мозг был более конструктивно устроен, чем у многих людей двадцатого века. Правда, они пока не могли получить хорошего горючего для летательных аппаратов. У них не было даже гелия для создания безопасных дирижаблей. Мы перестарались, уничтожив все, что могли.

— Твоего открытия ждали несколько столетий, — сказал капитан. — Так что ничего, если в Веллингтоне подождут еще несколько недель.

— Чтобы глубоко изучить цивилизацию Маури, понять, какой процент правды заключался в рассказах Уоллиса о ней, я должен был проникнуть туда. Я мог бы легко прикинуться одним из обитателей островов. Но какая польза была бы правительству от еще одного варвара. И тут мне пришло в голову... — Хейвиг ухмыльнулся. — Ты можешь отгадать, док? Нет? О'кей. В двадцатом веке я приобрел партию радиоизотопов вроде углерода-14. Я упрятал их в надежном месте и направился в будущее. Здесь я стал братом Томасом, человеком с далекого материка, получившим неплохое образование. Ты понимаешь, док? Основное направление их исследований чисто биологическое. Во-первых, оно обусловлено необходимостью залечивания ран Земли, ее животного и растительного мира, во-вторых, организм человека — натуральный преобразователь солнечной энергии. Но у Маури не было ядерного реактора, позволявшего метить атомы для исследований. Поэтому моя находка была для них «божьим даром».

— Ты думаешь, что меня примут как ученого? — тревожно спросил Хейвиг капитана. — Но это совсем не так. Я такой же, как все остальные у нас.

Лоханессо положил руку ему на плечо:

— Не бойся, друг. Мы торговый народ. Мы платим за то, что имеет цену для нас, а то, что предлагаешь ты, бесценно. Кроме того, мы хотим распространять знания и цивилизацию повсюду. А для этого нам нужны союзники — умные и знающие люди.

— Вы действительно хотите переделать все человечество?

— Переделать? Ты имеешь в виду, создать наши копии? Нет, конечно. Я не вхожу в правительство, но я читаю отчеты о дебатах, труды наших философов. Основная причина гибели предыдущей цивилизации, машинной культуры, заключалась в том, что она стремилась сделать всех людей одинаковыми. Разумеется, это не единственная причина, но одна из тех, что привели мир к катастрофе. — Лоханессо ударил могучим кулаком по поручням. — Черт побери, Томас, нам нужно все человеческое многообразие, многообразие обликов, способов мышления, образов жизни!

Он рассмеялся и закончил:

— Конечно, в разумных пределах. Например, от пиратов нужно избавляться. Ну хватит на сегодня. Уже полдень. Мне нужно проделать кое-какие измерения, а потом мы пообедаем. Считай, что ты еще не жил, раз не пробовал моего пива.

— Я провел больше года среди ранних Маури, — рассказывал Хейвиг, — и получил там именно те знания, которые мне были нужны для достижения моей цели. Это были очень милые, добрые люди. О, разумеется, среди них были и подлецы, и мошенники. У них, как у всех людей, были свои недостатки, но в целом Федерация того времени была, пожалуй, самой счастливой и наиболее пригодной для нормальной жизни человека, чего не скажешь о более ранних стадиях развития, которые я прошел вплоть до двадцатого столетия. Там я сел на самолет и перелетел из Веллингтона в Стамбул. Я хотел увидеться с Ксенией. Вскоре мы поженились.

Об их совместной жизни, о пяти счастливых годах, проведенных с нею, он рассказывал мало. Да это и понятно. Я тоже никому не рассказывал о своей жизни с Кейт.

Впрочем, их жизнь была довольно сложной. Им приходилось жить затворниками, скрываясь от агентов Ээрии.

К тому же ему было не так просто заниматься предпринимательством. Он не мог начать свое дело в этом мире гильдий, монополий, сложных взаимоотношений, ибо даже тогда, когда отсутствовала регулярная связь с метрополией, слухи и сплетни разносились со скоростью курьерского поезда. Ему стоило немалых усилий утвердиться в роли агента некоего датского торгового дома, выполняющего скорее роль наблюдателя, чем комиссионера, и, следовательно, не связанного с франками. Финансы не были для него проблемой, ведь он сумел захватить с собой достаточно золота. Однако он должен был заниматься делом, чтобы иметь разумное объяснение своему богатству.

Хейвиг подумывал о том, чтобы им с Ксенией перебраться куда-нибудь в более безопасное место, скажем,

в Россию или Западную Европу. Но в Россию тогда нахлынули татары, а в Европе господствовала Святая Инквизиция, и там они бы опять стали свидетелями тех страшных сцен, которые не так давно наблюдали здесь. Кроме того, они бы не остались незамеченными. Каждому будет ясно, что они выдают себя не за тех, кто они есть на самом деле. Поэтому Хейвиг купил дом в пригороде Константинополя. Там обычно жили чужестранцы.

Чтобы еще больше обезопасить себя от агентов Ээрии, он придумал себе новое имя, Джон Андерсон, и приучил Ксению называть себя так. К счастью, она была нелюбопытна и не задавала глупых вопросов вроде: почему он сменил имя, почему он, такой богатый и знатный, решил жениться на ней, бедной девушке. Если ему так захотелось иметь ее, почему он не сделал ее своей наложницей?

— Насколько ты посвятил Ксению в свои дела? — спросил я.

— Я ничего ей не сказал. Правда могла только повредить ей. Она всегда была простодушной девушкой с открытым сердцем. Она совершенно спокойно приняла мои объяснения относительно моего имени. И она никогда не спрашивала меня о делах, так как понимала, что, когда я с ней, мне совсем не хочется думать о делах. И она была права.

— Но как ты объяснил ее чудесное спасение?

— Я ответил, что молился своему святому, который, видимо, услышал мои молитвы. Она была так напугана насильниками, что едва помнила, как все тогда происходило. Поэтому она мне безоговорочно поверила. Мне было больно смотреть на нее, такую нежную, такую юную. Она была как ребенок. Я ведь знал, что нам не суждено иметь детей.

— Хм. Кстати, о религии. Она стала католичкой, или ты перешел в православную веру?

— Ни то, ни другое. Я не требовал от нее перехода в другую веру. Что же касается меня, то я должен был оставаться примерным католиком, чтобы не потерять доверие у своих торговых партнеров — итальянцев и франков. Мы нашли священника, который обвенчал

нас, а потом западного епископа, который за определенную мзду отпустил мне грехи. Ксения же вообще не заботилась об этом. Она вполне терпимо относилась к вопросам веры и религии. Она был уверена, что я не буду гореть в аду после смерти, ведь мой святой так хорошо относится ко мне. А кроме того, она была так счастлива. — Он рассмеялся. — И она постоянно пребывала в таком состоянии.

Сначала их дом был совершенно пуст, но со временем Ксения обставила и украсила его со вкусом, унаследованным от отца. С крыши дома был виден залив Золотой Рог, стены и купола Константинополя на другом берегу. С такого расстояния Константинополь казался богатым, неразграбленным городом.

В доме было трое слуг, совсем немного для того времени, когда работы было немало, а нанять людей — очень непросто. У Хейвига в услужении был грум-каппадокиец с лицом мошенника, женатый на кухарке, которая работала у них же. Ксения с удовольствием возилась с их детьми, баловала их. Она ухаживала за садом, который вскоре стал поистине райским уголком. Остальное время она занималась шитьем, проявляя при этом настоящий талант, читала книги, которые приносил Хейвиг.

— Византийцы, — говорил Джек, — были полны суеверий. Магия гадания, амулеты от дурного глаза, предзнаменования, приворотные зелья... Ксения увлекалась астрологией. Естественно, ее увлечение было безвредным. Она составляла гороскопы, толкуя их так, как ей казалось интересным. Часто по ночам мы вместе наблюдали звезды. О, как она была прекрасна в лунном свете. Я постоянно боролся с искушением принести ей телескоп. Хотя бы маленький. Но это было слишком рискованно.

— Ты многое сделал, чтобы преодолеть интеллектуальную пропасть между вами, — заметил я. — В случае с Леонсой тебе было проще. Ты заполнил эту пропасть сексуальными наслаждениями.

— Ничего особенного я не сделал, док. Она была моложе меня на пятнадцать лет, и, хотя не знала много из того, что знал я, кое в чем ее развитие превосходило

мое. Во-первых, она с детства читала классиков, что не принято в нашем веке. Поэтому у нее сформировалось чувство прекрасного. Она наизусть читала Эсхила и Софокла, Сафо и Аристотеля. Она хорошо знала древнюю историю, искусство, архитектуру, обычаи.

Он остановился, переводя дыхание. Я ждал.

— Мы любили друг друга; я с удовольствием наблюдал за ней, когда она легко передвигалась по дому, делая свои дела, постоянно напевая нежные мелодии.

Они оба не любили гостей, хотя Хейвигу время от времени приходилось приглашать в дом своих компаньонов и агентов. Но Ксения тогда уходила в свою комнату. К счастью, в то время было не принято, чтобы хозяйка присутствовала при таких встречах. А если в гости приходили ее друзья, тогда Хейвигу приходилось скрываться. Ведь он был Джоном Андерсоном, чужим в этой стране.

Когда ему приходилось исчезать, он, с одной стороны, был рад переменам, а с другой — очень грустил при разлуке с Ксенией. Правда, ему, чтобы оправдать свою роль коммерсанта, довольно часто приходилось отлучаться. Хотя его канцелярия находилась прямо в доме, дела фирмы требовали, чтобы он встречался со своими агентами в городе или даже в других городах.

— Вот так и шел день за днем, — говорил мне Хейвиг. — Я вел жизнь преуспевающего коммерсанта с солидным капиталом и любимой женой и в то же время перемещался в будущее, чтобы изучить Федерацию Маури, ее расцвет, ее величие, ее постепенное угасание и конец.

Сумерки медленно наползали на остров. Внизу, у подножия холмов, уже начинали зажигаться фонари, но вода еще излучала свет дня. В темно-голубом небе зажглась Венера. На веранде дома Карело Кеадзиму курилась ароматная кадильня. Старик пробормотал:

— Увы. Мы идем к концу. Умирающий мир. Смерть так же реальна для целого народа, как и для отдельных личностей...

Хейвиг молчал, стоя возле умирающего друга на коленях.

— Я следовал за ним всю его жизнь, — говорил мне Хейвиг. — Он начинал, как блестящий молодой философ, а закончил жизнь государственным деятелем. Я говорю о нем, так как ты один из тех двоих моих современников, которым я могу доверять свои тайны. Видишь ли, я не мудрец, я могу лишь скользить по поверхности жизни, собирая информацию. Но могу ли я истолковать собранные факты, могу ли я понять, что происходит? Откуда мне знать, что должно быть сделано, что может быть сделано... Я просто пролетел по поверхности лет, а Карело Кеадзиму жил, работал, мыслил в самой гуще событий. Мне была нужна его помощь.

— Вы видите, — сказал ему Хейвиг, — один элемент вашей культуры слишком развит за счет остальных.

— Судя по тому, что ты рассказал мне, да. — Его хозяин надолго задумался, но эти минуты ожидания не показались Хейвигу бесконечными. — Вернее, тебе кажется, что в будущем возникнет конфликт между двумя концепциями, которые мы, Маури, стараемся сохранить в равновесии: наука, рационализм, планирование, контроль... и мифы, освобожденная психика, человек, как часть природы, откуда он черпает свои знания и мудрость...

— Мы, Маури, — продолжал старик, — когда-то возвели то доброе, что нам казалось важным, в ранг идола, фетиша, совершенно забыв о другом, хорошем, выбросив его из обращения. Во имя сохранения национальных культур мы старались заморозить целые народы в таком состоянии, которое казалось нам наилучшим. Опаснейшее заблуждение! Во имя сохранения экологии мы старались запретить все работы, которые могли проложить путь к звездам. Не удивительно, что такая стратегия породила множество оппонентов.

После долгого молчания он сказал:

— Но, согласно твоим рассказам, Джек, друг мой, в будущем человечество откажется от науки и сохранит только минимум технологии, необходимый для поддер-

жания жизни на планете. Люди еще больше углубятся в себя, в мистицизм... Я правильно тебя понял?

— Не знаю. У меня сложилось такое впечатление. Но это только впечатление. Я многого не понимаю, и от меня потребовались бы годы жизни, чтобы понять все. Даже не все, а хотя бы столько же, сколько я понял в вашей жизни. А жизнь будущих Маури ускользнула от меня.

— И парадокс углубляется, — сказал Кеадзиму. — Посреди пасторальных пейзажей стоят могучие заводы, которые вибрируют и гудят, наполненные загадочной энергией. В небеса взлетают громадные бесшумные корабли... Это ты и не можешь понять. Ты не можешь себе представить, откуда это у них... Я прав?

— Да, — с несчастным видом сказал Хейвиг. — Карело, что мне делать?

— Мы находимся с тобой на одной ступени знаний. Чему я могу научить тебя?

— Карело, я единственный человек, который пытается увидеть через тысячелетия. Но я не могу! Я чувствую, это невозможно. Ээрия опять наводнит жизнь техникой, машинами. И что тогда будет?

Кеадзиму легонько коснулся его.

— Успокойся. Человек мало что может сделать. Но если это малое принесет пользу, то и этого достаточно.

— Принесет пользу? Но если будущему человечеству предстоит жить под тиранией нескольких человек, обладающих техникой? Разве это нужно людям? И что можно сделать?

— Как политик, я уклоняюсь от ответа. — Его внезапная сухость удивила Хейвига. — Но думаю, что ты видишь будущее в слишком черном цвете. Деспотизм можно уничтожить. Маури, со своей концентрацией на биологии, тоже могут оставить будущему очень плохое наследство.

— Что? — Хейвиг даже привстал.

— Отточенный металл может рубить и дерево, и человеческую плоть, — сказал Кеадзиму. — Взрывчатка делает котлованы, но может уничтожить и людей. Наркотики... да, да. Уверяю тебя, что это главная проблема, которая очень беспокоит наше правительство.

Не обычные наркотики, стимулирующие воображение, нет; мы уже имеем химические вещества, которые могут заставить человека делать все, что ему скажут.

Я, в общем, рад, что гегемония Федерации в будущем прекратится. Следовательно, вина за то, что произойдет с человечеством, ляжет не на нас. — Кеадзиму нагнулся к Хейвигу. — Но ты, несчастный путешественник во времени, ты вынужден думать будущем. Этот вечер — вечер мирного неба. Смотри на звезды, вдыхай ароматы, слушай пение птиц, ощущай дыхание ветра. Будь заодно с землей.

Я сидел в своем коттедже над книгой. Сенлак, ноябрь 1969 года. Ночь была удивительно ясной и пронзительно холодной. Мороз украсил невиданными узорами окна.

Из приемника лилась музыка Моцарта, на моих коленях лежал томик стихов Китса, возле меня на столе стоял стакан, куда было налито на два пальца виски. Воспоминания роились в моей голове и иногда заставляли улыбаться. Прекрасное время для старого человека.

Кто-то постучал в дверь. Я произнес что-то невнятное, с трудом поднялся с кресла и, придумывая предлоги для извинения и отказа, пошел открывать. Мое настроение не улучшилось, когда собака, едва не сбив меня с ног, бросилась к двери. Я держал этого бесцеремонного пса только потому, что его любила Кейт. Он был щенком, когда умерла его хозяйка, а сейчас и сам доживал последние дни.

Когда я открыл дверь, меня окутал морозный воздух. Снега еще не было, земля промерзла насквозь, казалось, до самого экватора. А за дверью стоял человек, который буквально трясся от холода в своем легком не по сезону пальтишке. Он был среднего роста, щуплый, светловолосый, с заостренными чертами лица.

Хотя я не видел его уже пять лет, годы не стерли его из моей памяти.

— Джек! — воскликнул я. Волна слабости нахлынула на меня.

Он вошел, закрыл дверь и сказал неровным, прерывающимся голосом:

— Док, ты должен мне помочь. Моя жена умирает.

ГЛАВА 12

— Жар и озноб, боль в груди, красные пятна на щеках, кашель... все это похоже на пневмонию, — кивнул я. — И все это сопровождается головной болью, болью в спине и шее... Возможно, развивается менингит.

Сидя на краешке стула, Хейвиг спросил:

— Что же делать? Антибиотики...

— Да, да. Я не люблю прописывать лекарства заочно, а тем более давать рекомендации тому, кто не имеет права этим заниматься. Так что сейчас я бы предпочел порекомендовать кислородную палатку.

— Я могу... — воскликнул он, но затем угас. — Нет, баллон с газом слишком тяжел.

— Ну что ж, она молода, — попытался я успокоить его. — Возможно, стрептомицин... — Я поднялся, похлопал его по согнутой спине. — Успокойся, сынок. Послушай, что я скажу... — И я признался, что пять лет назад в беседе с одним писателем из Калифорнии не смог удержаться и рассказал ему некоторые факты об эпохе Маури, о которых узнал от Хейвига. Их странная культура заинтриговала меня, и я подумал, что этот человек, писатель, поднаторевший в размышлениях и предложениях, сможет объяснить мне некоторые загадки и парадоксы. Естественно, я ничего не сказал ему о Хейвиге, как об источнике информации. Выслушав меня, писатель попросил разрешения использовать некоторые мысли в своих произведениях, и я не нашел причин для отказа.

— И рассказы были опубликованы, — с виноватым видом сказал я Хейвигу. — Интересно, что в некоторых рассказах он даже сумел предсказать то, что я узнал от тебя лишь позже, например борьбу правительства с

теми, кто пытается возродить машинную технологию. Что, если агенты Ээрии выйдут на след?

— У вас есть эти рассказы? — спросил Хейвиг.

Я дал ему книгу. Хейвиг быстро просмотрел ее. Озабоченность исчезла с его лица.

— Не думаю, что следует беспокоиться, — сказал он. — Здесь изменены имена, место действия, и кроме того, автор ошибался гораздо чаще, чем оказывался прав. Если кто-нибудь из знающих будущее прочтет эту книгу, он подумает, что это простое совпадение, случайное попадание в цель. Но я сомневаюсь, что кто-нибудь из них прочтет ее. Эта книга скоро забудется. Агенты Ээрии не могут просматривать всю издаваемую литературу.

Мне кажется, что я чрезмерно осторожен. Если за столько времени на нас не вышел еще ни один агент, значит, вряд ли это случится. Несомненно, они проверили вас и решили, что вы бесполезны для них. И все-таки я не появлялся столько времени только ради твоей безопасности.

Помолчав, он добавил:

— Более того, они не устроили мне ловушку даже там, где живет моя мать. Видимо, это кажется им слишком рискованным, ведь они плохо знают нашу эпоху. Так что будь спокоен, док, я думаю, все будет о'кей. Но сейчас ты должен помочь мне.

— Почему ты пришел ко мне? Ведь в эпоху Маури медицина получила хорошее развитие.

— Слишком хорошее. Она там носит только профилактический характер. Поэтому я считаю, что в случае с Ксенией лучше воспользоваться современными знаниями.

Я потер подбородок; под пальцами потрескивала отросшая за ночь щетина.

— Я всегда знал, что химиотерапия имеет свои пределы.

Хейвиг беспокойно шевельнулся:

— Дай мне шприц, ампулы, и я пойду.

— Полегче, полегче, — заметил я. — Помни, что я не практикую и у меня нет лекарств. Придется подождать, пока откроется аптека. Кроме того, я хочу

немного почитать о лекарствах. Антибиотики могут иметь побочные эффекты, так что я должен подготовить тебя. Но прежде всего тебе нужно немного вышить и поспать.

— Ээрия...

— Успокойся, — сказал я этому усталому, издерганному человеку, в котором я все еще видел мальчика. — Ты сам только что сказал, что эти бандиты потеряли интерес ко мне. Если бы они следили за моим домом, то они уже были бы здесь. Согласен?

Он тяжело кивнул.

— Вероятно.

— Я одобряю твою осторожность, но все же настаиваю, чтобы ты сообщил мне о всех стадиях болезни твоей жены.

— Могу ли я?.. Сначала у нее была сильная простуда. Там болезни протекают гораздо сильнее, чем здесь. Дети мрут как мухи. Родители не проявляют особой любви к ребенку первую пару лет. Вероятно, именно потому, что высока детская смертность и родители не хотят привязываться к ребенку. Ксения, заболев, не ложилась в постель, хотя чувствовала себя плохо... А тем вечером... — Он не мог договорить.

— Ты посмотрел ее будущее?

В его запавших глазах стоял дикий страх.

Я не могу понять, почему он боялся заглянуть в будущее Ксении, узнать, когда она умрет. Неужели он считал, что незнание спасет его свободу, вернее, иллюзию свободы. Я ничего не знаю, кроме того, что он оставался у меня два дня, давая отдых телу и учась делать инъекции. Затем мы распрощались. Ни он, ни я не знали, увидимся ли мы снова. Он уехал на такси в аэропорт, сел в самолет и полетел в Стамбул, чтобы там переместиться в прошлое, где его захватят агенты Ээрии.

Был ноябрь 1213 года. Хейвиг выбрал этот месяц, потому что знал: будет грязь, слякоть, холод, и агенты Ээрии не будут дежурить у моего дома. Но на берегу бухты Золотой Рог было не так холодно, хотя пронзительный ветер гнал из России, из-за Черного моря,

тяжелые грозовые тучи. В домах византийцев для защиты от холода имелись только медные жаровни, камины здесь были слишком дороги. Маленькое тело Ксении содрогалось от холода, в легких слышались хрипы.

Хейвиг прибыл в Стамбул в район доков и пошел окружной дорогой, чтобы не навести шпионов. Дорога была почти пуста. В одной руке он нес хронолог, в другой — плоский чемоданчик, где сейчас заключалась, можно сказать, жизнь Ксении. Дождь сыпал с серого неба, и вскоре вся его одежда промокла до нитки, холод подступил к телу. Звук его шагов по скользким камням гулко разносился по пустынным улицам. Он торопился — ведь прошло уже больше пятнадцати минут с тех пор, как он покинул Ксению. Было три часа дня, а над городом повисли сумерки.

Дверь его дома была заперта, ставни опущены, но сквозь щели пробивался свет.

Он постучал, ожидая, что новая служанка, Зулалия, так, кажется, ее звали, откроет дверь и впустит его. Она, конечно, удивится, увидев, что он так быстро вернулся, ну да и черт с нею.

Заскрипели петли, дверь открылась. В дверном проеме стоял бородатый человек в византийской одежде. Дуло пистолета в его руке показалось Хейвигу огромным.

— Не двигайся, Хейвиг, — сказал человек по-английски. — Не пытайся бежать. Помни, что женщина у нас.

Единственное, что напоминало о строгости византийских нравов в их спальне, была икона Девы Марии. Свет, проникавший через щели в ставнях, освещал стены, разрисованные яркими цветами и веселыми зверушками. Ксения лежала в постели. Она была такая маленькая, такая худенькая в своей ночной рубашке. Кожа, обтягивающая ее хрупкие кости, была как свежевыпавший снег, слегка окрашенный розовым рассветом. Губы ее пересохли, потрескались. Густые волосы разметались по подушке, с бледного лица смотрели огромные испуганные глаза.

Человек в одежде римлянина, которого Хейвиг не знал, крепко и профессионально держал Джека за

левую руку. Справа его держал Хуан Мендоза. Он был одет как римлянин с запада, точно так же, как и Вацлав Красицкий, стоявший у постели Ксении.

— Где слуги? — автоматически спросил Хейвиг.

— Мы пристрелили их, — сказал Мендоза.

— Что?..

— Они не знали, что такое пистолет, и поэтому даже не испугались. Мы не могли позволить, чтобы они своими криками предупредили тебя. Заткнись.

Мысль об убитых слугах, о том, что их дети остались сиротами, оглушила Хейвига. Его страдания усугубились тем, что он услышал кашель Ксении.

— Хаук... — прохрипела она. — Нет, нет, Джон...

Она протянула к нему тонкие бессильные руки, но он не сдвинулся с места.

Широкое лицо Красицкого заметно постарело. Он сказал с холодным удовлетворением:

— Должно быть, тебе интересно узнать, что мы потратили большую часть своей жизни, чтобы выследить тебя. Ты у нас в долгу, Хейвиг.

— Но... к чему это вам?

— Не думал же ты, что мы оставим тебя в покое? И не только потому, что ты убил наших людей. Ты много знаешь, умен и поэтому опасен для нас. Мне поручили разыскать тебя.

«Они слишком меня переоценивают», — тупо подумал Хейвиг.

— Мы должны знать, что ты делал, — сказал Красицкий. — Прими мой совет и расскажи правду.

— Но как...

— Чисто детективная работа. Мы предположили, что эти греки дороги тебе, раз ты поступил так, и ты непременно вступишь с ними в контакт. Признаю, ты неплохо запутал следы. Но тем не менее мы сумели выследить тебя. Узнав от соседей, что твоя жена серьезно больна, мы стали ждать, когда ты выйдешь, зная, что ты скоро вернешься. — Красицкий посмотрел на Ксению.

Она содрогнулась и тихонько заскулила, как скулит собака, когда убивают ее хозяина.

— Ради Христа! — воскликнул Хейвиг. — Отпустите меня, дайте мне вылечить ее.

— Кто они, Джон? — спросила Ксения. — Что они хотят? Где твой святой?

— А кроме того, — сказал Мендоза и еще сильнее заломил руку Хейвига, — Пат Мориарти был моим другом.

Боль заполнила все сознание Хейвига, и он как будто издалека услышал голос Красицкого:

— Если ты будешь хорошо себя вести и пойдешь с нами без шума, мы оставим ее в покое. Я даже сделаю ей укол, ведь, насколько я понимаю, в чемоданчике шприц и лекарства?

— Этого... недостаточно... пожалуйста, пожалуйста.

— Хватит. Я тебе сказал, что мы потратили на тебя целый год жизни. Не заставляй нас терять еще больше. К тому же мы рискуем. Слушай, ты хочешь, чтобы тебе сломали руку?

Хейвиг вздрогнул и заплакал.

Красицкий выполнил свое обещание и сделал укол Ксении, но сделал неумело — она вскрикнула от боли.

— Все хорошо, моя дорогая, все хорошо. Святые будут хранить тебя... — сказал Хейвиг и повернулся к Красицкому. — Дайте мне попрощаться с нею. Я сделаю все, что вы требуете, только дайте попрощаться...

Красицкий пожал плечами:

— О'кей, если ты поторопишься.

Мендоза и другой человек держали Хейвига, когда он склонился над Ксенией.

— Я люблю тебя, — сказал он ей, не зная, слышит ли она его, охваченная болью и ужасом. Губы, которых он коснулся своими губами, были совсем не такими, какими он их помнил.

— Олл райт, — сказал Красицкий. — Идем.

Перемещаясь во времени, Хейвиг не чувствовал рядом людей, держащих его. Они как бы стали частью его самого. Только мелькание света в комнате было реальностью. Он видел, как Ксения исчезла, слышал ее крик, в следующее мгновение он уже видел ее неподвижной. Потом в комнате толпились какие-то люди, плачущие, воздевающие руки к небу... Затем там было

совсем пусто, в следующий раз в ней уже оказались другие люди, чужие люди...

Теперь при первой же остановке он мог начать сопротивляться, но должен был обуздать себя. Нельзя прибыть в Ээрию с искалеченными телом и душой, нужно быть готовым ко всему, что придумает для него Калеб Уоллис. Нужно сохранить способность мстить.

Но эти мысли мелькали у него в голове как нечто постороннее. Всю его душу заполнила смерть Ксении. Он уже едва видел, как их дом вспыхнул от пожара, когда турки взяли город, как затем город стал отстраиваться; перед ним мелькали лица, лица, лица... до тех самых пор, пока город не был стерт с лица земли гигантским взрывом. Они остановились среди радиоактивных развалин и полетели на самолете через океан, чтобы продолжить путешествие в будущее, где их ждал Сахэм. Но в душе Джека не было ничего, кроме тоски по Ксении.

У него перед глазами все время стояла картина, как она осталась одна умирать в пустой комнате.

Хотя в Ээрии царило жаркое лето, в камере башни, куда поместили Хейвига, было сумрачно, холодно и пусто, если не считать умывальника, матраца и двух жестких стульев. Из единственного окна открывался вид на поля, где копошились крестьяне.

Металлический трос футов пяти длиной, закрепленный на ноге, был прикован к кольцу, вмурованному в стену. Да, это был единственный способ удержать в заключении путешественника во времени.

— Садись, — приказал Калеб Уоллис.

Он пристроил свой широкий зад на одном из стульев вне досягаемости Хейвига. Черная борода, эполеты, тщательно уложенные рыжие бакенбарды — все это подчеркивало превосходство Уоллиса над Хейвигом, который так и остался в одежде древних. На лице Хейвига были синяки, глаза обведены черными кругами.

Уоллис махнул сигарой.

— Я не очень зол на тебя, — сказал он. — Я даже восхищаюсь твоей энергией, умом. Мне бы хотелось, чтобы ты использовал их для меня. Именно поэтому я приказал моим мальчикам дать тебе отдохнуть перед

этим интервью. Надеюсь, твои нервы пришли в норму. Садись.

Хейвиг повиновался. Он все еще находился в подавленном состоянии духа. Всю ночь ему снилась Ксения. Он был с нею на огромном тримаране, который скользил по водной глади, а затем его паруса превратились в крылья, и они взмыли в небо к звездам.

— Мы здесь одни, — сказал Уоллис. Конвой ждал за дверью, тяжелой и закрытой. — Ты можешь говорить свободно.

— А если я не буду?

Глаза, устремленные на него, были похожи на пули.

— Будешь. Я человек терпеливый. И я не позволю тебе и дальше разрушать то, что я создаю. Я оставил тебя в живых только потому, что надеюсь, что ты компенсируешь тот вред, который нанес нашему делу. Например, ты хорошо ориентируешься во второй половине двадцатого века. У тебя там есть деньги. Это может оказаться полезным для нас.

Хейвиг запустил руку под тунику и почесался. Он тупо подумал: «Драма превратилась в комедию. Я потерял жену, любимую жену, нахожусь в плену, ожидаю пытки. Мне даже не позволено вымыться, так у меня чешется все тело, и от меня дурно пахнет».

Как-то он сказал Ксении, что ее любимые классические поэты весьма далеки от реальной жизни. И она, чтобы доказать ему обратное, прочла Гомера, греческие драмы, гимны... Голос ее звучал вдохновенно, палец бегал по строчкам, а среди роз гудели пчелы...

— Я слышал, что ты завел себе женщину в Константинополе, — сказал Уоллис. — Она заболела и умерла. Я сочувствую тебе. И все же ты сам виноват во всем. — Он качнул тяжелой лысой головой. — Да, да. Ты виноват в том, что случилось с нею. Я не говорю, что твой Бог наказал тебя. Природа только делает с человеком то, чего он заслуживает. Белый человек не имеет права связываться с такими женщинами. Она же левантийка, а это значит, что в ней кровь азиатская, может, еврейская, может, и примесь негритянской. — Уоллис снова выразительно махнул сигарой. — Я ничего не имею против, когда мои мальчики

развлекаются, — сказал он с игривой улыбкой. — Они имеют на это право, так как выполняют трудную работу. Но ты, Джек, ты женился на ней!

Хейвиг не хотел слушать его, но слова Уоллиса проникали в его мозг.

— А это еще хуже, чем кажется на первый взгляд. Это символично. Ты опустился на низший уровень, ибо такая, как она, не могла подняться до тебя. И ты уронил достоинство целой расы. — Его голос стал жестким. — Ты понимаешь? Это всегда было проклятием белого человека. Он всегда более интеллигентен и чувствителен, и он всегда открывался тем, кто ненавидит его. Он впускал в свой дом лживых лицемерных людей, и проходило много времени, прежде чем он убеждался, что открылся врагам хитрым и жестоким. О да, я изучал твой век. Именно тогда произошло то, что готовилось десятилетиями, пришел в действие заговор, уничтоживший мир белого человека, открывший ворота монголам и Маури. Ты знаешь, что я считаю величайшей трагедией всех времен? Это что два величайших гения, каких когда-либо создавала раса белых людей, возможные спасители от нашествия славян и китайцев, оказались в состоянии войны друг с другом. Дуглас Макартур и Адольф Гитлер.

Хейвиг сплюнул на пол в негодовании и ярости.

— Если бы генерал услышал это, я не дал бы и гроша за твою жизнь!

Странно, но Сахэм не выказал гнева.

— Ты как раз подтверждаешь мои слова. — В его тоне появилось что-то похожее на жалость к Хейвигу. — Джек, я хочу, чтобы ты увидел всю перспективу. Я знаю, в тебе сильны инстинкты самосохранения. Они только погребены под грудой коварной лжи и лицемерия. Ты видел эту негритянскую империю будущего, и ты просто не понимаешь, что нужно сделать, что можно сделать, чтобы снова направить белую расу по дороге эволюции.

Уоллис раскурил сигару, ее кончик ярко засветился.

— Разумеется, сегодня ты не в себе. Ты потерял свою жену и скорбишь по ней. Я тебе очень сочувствую. Но к этому времени она все равно давно была бы

мертва. Разве не так? — Голос его ужесточился. — Все умирают. Кроме нас. Я не верю, что мы, путешественники во времени, смертны. Ты можешь быть среди нас и будешь жить вечно.

Хейвиг очень хотел сказать, что он не желает остаться среди них, пока там Уоллис, но сдержался. Он ждал продолжения.

— Да, в далеком будущем нас ждет награда. Мы найдем бессмертие, мы войдем в число богов...

Где-то вдали закаркала ворона, заглушив трубные звуки в голосе Уоллиса.

— Я надеюсь, ты будешь с нами, Джек. Надеюсь. Ты сделал много полезного для нас, до того как сошел с ума. Ты позволил нам широко внедриться в ту эпоху. Поверь мне, Калеб Уоллис помнит добро.

Разумеется, ты, подробнее узнав о нашей миссии, был шокирован. Но что ты скажешь о Хиросиме? Что ты скажешь о многих солдатах, твоих товарищах, Джек, которые были вынуждены умереть за американскую свободу? И ты противопоставил им эту гречанку, в которую ненароком влюбился.

Ты провел там несколько лет. И собрал много информации. Как насчет того, чтобы поделиться ею? И теперь передать нам свои деньги? Этим ты заслужишь возвращение в наше братство.

Или ты хочешь раскаленное железо, щипцы для выдирания ногтей — свидания с теми, кто имеет огромный опыт заставлять людей тщетно мечтать о смерти? Я не позволю тебе быстро умереть...

Сначала стемнело в камере, затем ночь заглянула в окно. Хейвиг тупо смотрел на ужин, принесенный ему, пока тарелка не скрылась во тьме.

Он должен принять решение. Уоллис, возможно, врет о будущем Ээрии. Если Хейвиг не может сбежать отсюда, то должен присоединиться к ним в надежде, что добрый дух Ксении спасет его.

Ведь если, например, Уоллис узнал о психонаркотиках Маури и послал за ними людей...

Ну что же, Юлий Цезарь тоже отступил от своих принципов и заложил основы западной цивилизации, которая в конечном счете дала миру собор в Шартре,

Франциска Ассизского, пенициллин, Баха, Билль о Правах, Рембрандта, астрономию, Шекспира, женскую эмансипацию, Джейн Адамс, следы человека на Луне, космос... и ядерную боеголовку, тоталитаризм, автомобили, Четвертый Крестовый поход... но в целом, с точки зрения бесконечности...

Может ли он, Джек Хейвиг, противостоять будущему во имя маленького обожаемого комочка праха?

Может ли он? Скоро придет слуга Уоллиса, чтобы проверить, записал ли что-нибудь Хейвиг на оставленный ему магнитофон.

Он, Хейвиг, должен помнить, что заслуживает бессмертия не больше, чем Дукас Манассис, Ксения или кто-нибудь другой...

И все же он не должен развязывать врагу руки, не должен давать ему возможность свободно ориентироваться в той эпохе. Пусть враги истратят на это хоть всю свою жизнь...

Чья-то рука коснулась его. Он с трудом вынырнул из объятий беспокойного сна. Мягкая ладонь зажала ему рот. И в темноте ночи послышался шепот Леонсы:

— Тихо, дурачок...

ГЛАВА 13

Вспыхнул луч фонарика. Он высветил металлический трос, затянутый на ноге Хейвига.

— Ах, — выдохнула она. — Вот как они тебя... Держи. — Она протянула ему фонарик, но Хейвиг, сердце которого отчаянно колотилось, не мог держать его ровно. Леонса выругалась, взяла фонарик обратно и, зажав его в зубах, стала пилить трос напильником.

— Леонса, моя дорогая, ты не должна... — пробормотал он.

Она сердито проворчала что-то. Хейвиг покорно замолчал. Звезды смотрели в окно.

Когда трос был перепилен, он выпрямился. На ноге осталось металлическое кольцо. Она выключила фонарик, сунула его в карман: Джек успел заметить, что Леонса в джинсах, куртке, с ножом и пистолетом.

— Слушай, — прошептала она. — Ты переместишься вперед, в утро. Пусть они принесут тебе завтрак, а потом возвращайся сюда. Ты понял? Я хочу, чтобы они считали, что ты сбежал утром. Ты можешь перемещаться? Если нет, ты погиб.

— Я попытаюсь, — слабо сказал он.

— Хорошо. — Она быстро поцеловала его. — Иди.

Хейвиг стал медленно перемещаться во времени. Когда за окном стало совсем светло, он остановился, аккуратно поправил перерезанный трос, чтобы не был заметен разрез, и стал ждать. Никогда еще время не тянулось так медленно.

Вскоре пришел охранник с кофе и едой.

— Привет, — со сдержанным спокойствием поздоровался Хейвиг

Охранник бросил на него суровый взгляд и предупредил:

— Ешь быстро. Тебя ждут для разговора.

Хейвиг с ужасом подумал, что охранник останется в камере. Но тот ушел. Когда дверь закрылась, Хейвиг в изнеможении сел. Ноги не держали его.

Леонса... Он глотнул кофе. Воля и силы вернулись к нему. Вернувшись назад во времени, он услышал хриплый шепот:

— Ты можешь перемещаться? Если нет, ты погиб.

— Я попытаюсь.

— Хорошо. — Пауза. — Иди.

Послышался легкий шелест воздуха, заполняющего вакуум, где он только что был, и Хейвиг понял, что переместился.

— Где я? — тихо спросил он.

Она, вероятно, видела в темноте лучше, чем он, так как сразу подошла к нему.

— Все о'кей?

— Да, кажется.

— Не болтай, — сказала она. — Возможно, они решат проверить и в это время. Держись за меня, и полетим в прошлое. Не торопись. Я буду приспосабливаться к тебе.

В тренировки людей Ээрии входило и совместное перемещение, когда партнер, ощущая скорость перемещения другого, увеличивал или уменьшал свою хронокинетическую энергию.

Прошло несколько суток. Дверь в камере не была заперта. Они спустились по лестнице, прошли через двор и вышли в ворота, которые в те дни всегда были открыты. Вскоре они оказались в лесу и стали перемещаться в прошлое, останавливаясь для отдыха только по ночам.

Страдая от усталости и горя, Хейвиг едва поспевал за Леонсой. Она освободила его. Освободила ли?

Она действительно подарила ему свободу. Ему только требовалось время, чтобы поверить в это.

Они сидели в лесу. Было лето. Колумб еще не родился. Кроны гигантских деревьев сплетались друг с другом, образуя непроходимую чащу. Густые запахи наполняли воздух. На земле лежала плотная тень. Где-то барабанил дятел. В очаге, сложенном из камней, горел огонь. На нем жарился глухарь, которого принесла Леонса.

— Я никогда не думала, — сказала она, — что мир был так чудесен до того, как люди испакостили его машинами. Я больше не мечтаю о Высоких Годах, когда люди летали в космос. Я там побывала, с меня достаточно.

Хейвиг, прислонившись к стволу дерева, испытывал странное ощущение «дежа вю» — уже виденного. И он сразу понял причину: через несколько тысячелетий он и она... Он посмотрел на нее более внимательно. Ярко-рыжие волосы, собранные в узел, померкший загар, мальчишеская одежда на крепком теле — она, казалось, появилась прямо из его времени. В ее английском совершенно исчез акцент родного языка. Но она и сейчас была всегда вооружена, и ее опасная кошачья грация осталась при ней.

— Сколько времени ты там была? — спросил он.

— После того, как ты бросил меня в Париже? Три года. — Она наклонилась и перевернула птицу на углях.

— Прости. Я поступил жестоко. Почему ты решила освободить меня?

Она нахмурилась.

— Я хотела, чтобы ты рассказал мне, что произошло.

— А ты не знаешь? — с удивлением воскликнул он. — Но если ты не знала, за что меня арестовали, как ты могла освободить меня?

— Ты расскажешь мне?

Он стал рассказывать без лишних подробностей. Ее раскосые глаза внимательно смотрели на него, хотя на лице ничего не отражалось. В конце концов она сказала:

— Ну что же, кажется, я поступила правильно.

Он подумал: «Почему? Вряд ли она протестовала против убийства и грабежей...»

Она заговорила, словно отвечая на его мысли:

— Если бы борьба была честной: сила против силы, ум против ума... Но эти шакалы... они напали на беспомощных. И больше для развлечения, чем для поживы. — Она с хищным видом ткнула ножом птицу. На раскаленные угли закапал жир. Вспыхнули языки желтого пламени.

— Кроме того, какого черта мы должны помогать машинам вернуться в мир? Чтобы люди могли назвать Калеба Уоллиса богом?

— Когда ты узнала, что меня схватили, почему ты решила освободить меня? Почему пошла на открытый бунт против Уоллиса?

Леонса пожала плечами:

— Мы сможем наслаждаться жизнью вдвоем, не думая том, что произойдет или должно произойти. — Она внимательно посмотрела на него. — Ведь это мы с тобой можем сделать. Найдем себе укромное местечко для житья... мы же не собираемся жить в Ээрии?

— Я совсем не уверен, что победа Ээрии предрешена. Из того, что я смог узнать... — Размышления наконец заполнили пустоту, вызванную в нем смертью Ксении. — Леонса, ты не права, отрицая начисто науку и технологию. Их только нужно правильно использовать. В природе никогда не было идеального равновесия. Всегда находились виды, лучше других приспособ-

ленные к жизни в данных условиях. И первобытный человек был так же легко уязвим, как и цивилизованный. Почти все люди умирали довольно молодыми от болезней, которые, как ты знаешь, в будущем научились лечить. Маури делают больше, чем просто стараются возродить жизнь на Земле. Они пытаются создать сбалансированную экологию. Но это возможно только в том случае, если у них будут развиты наука и технология.

— Кажется, они не добьются успеха.

— Я не могу ничего сказать по этому поводу. Это — слишком отдаленное будущее. Его еще предстоит изучить. — Хейвиг протер глаза. — Но это позже, позже. Сейчас я слишком устал. Одолжи мне свой нож, я нарежу после обеда веток для постели, чтобы хорошенько выспаться в этом времени.

Леонса опустилась возле него на колени, обняла одной рукой, другой пробежала по его волосам.

— Бедный Джек, — прошептала она. — Я была жестока к тебе, прости. Но ты, когда ушел, тоже причинил мне боль. Спи, спи. Сейчас у нас мир.

— Я не поблагодарил тебя за спасение, — сказал он. — Я в вечном долгу перед тобой.

— Тупица. — Леонса крепко обняла его. — Почему, ты полагаешь, я вытащила тебя оттуда?

— Но... но... Леонса, я видел, как умерла моя жена...

— Да, да, — всхлипнула она. — Как бы мне хотелось попасть туда и познакомиться с этой девочкой... Если она дала тебе счастье... Но это невозможно, я знаю. Ну что ж, я буду ждать, Джек, я буду ждать столько, сколько понадобится...

Они не были готовы к жизни в доколумбовой Америке и могли там остаться лишь очень ненадолго. Они могли, перемещаясь вперед во времени, покупать все необходимое и возвращаться обратно. Но после того, что они оба выстрадали, безмятежная идиллия была для них уже невозможна.

Самым главным препятствием было душевное состояние Хейвига. Его рана залечивалась медленно, но она залечивалась, хотя после нее остался шрам — решимость объявить войну Ээрии.

Порой он думал, что это просто желание отомстить убийцам Ксении. Леонса встала на его сторону, как любая женщина ледникового периода встает рядом со своим мужчиной. Он признал, что до некоторой степени она права.

— Самое странное, — говорил он Леонсе, — что в эпоху Маури и позже не рождались путешественники во времени. Хотя, может, они остаются инкогнито, как это случается в ранней истории. Может, они боятся продемонстрировать свою уникальность. Ах, если бы мы знали хотя бы одного...

— Ты интересовался?

Они находились в гостинице середины двадцатого века. Вокруг бурлила ночная жизнь Канзас-Сити. Хейвиг не прикасался к своим вкладам в банках. Он сначала хотел убедиться, что не находится на крючке агентов Уоллиса. Мягкий свет лампы падал на Леонсу, которая сидела в прозрачном пеньюаре на постели, прижав колени к подбородку. Она никак не проявляла своих чувств к нему, оставаясь для него только сестрой. Охотница научилась терпению, а Скула умела читать в душах людей.

— Да, — сказал он. — Я тебе рассказал о Карело Кеадзиму. У него есть связи во всем мире. Если он не знает о путешественниках во времени, значит, никто не знает. Леонса, нам придется рискнуть и отправиться в будущее, к Маури.

Снова проблемы, снова постижение законов нового мира.

Подумайте. Одна эпоха не мгновенно и полностью заменяет другую. Каждая тенденция замаскирована многочисленными подводными течениями. Так, например, Мартин Лютер вовсе не был первым протестантом. Просто он был первым, кто поднял эту проблему. И его успех был обусловлен многочисленными поражениями его предшественников. Гуситы, лапларды, эльбигензианцы — вот фундамент его успеха. Но и они уже имели под собой основу, заложенную в предыдущих веках.

Если вы хотите изучить эпоху, то в какой ее год следует перенестись?

Вы можете путешествовать во времени, но чтобы остановиться у цели, необходимо обеспечить базу для жизни, крышу над головой. Поэтому предварительно следует сделать несколько путешествий в будущее для подготовки всего необходимого.

Хейвиг переместился на западный берег Северной Америки тридцать первого столетия. Там существовал некий гибрид англо-испано-маури. Хейвиг взял там грамматику, словарь, книги для чтения. После недолгой, но интенсивной практики он и Леонса почувствовали себя готовыми к переселению.

Этот город притягивал к себе путешественников из разных частей света, и еще два чужака не могли привлечь к себе особого внимния. Да, Сансиско был Меккой пилигримов: ведь здесь знаменитый гуру Дуаго Самито провозглашал свои откровения. Никто не верил в чудеса, но люди верили в то, что если стать на высоких холмах над городом, слиться с небом над головой и морем под ногами, то тебя может посетить особый дар внутреннего видения.

Перед пилигримами не стояла финансовая проблема. Эта эпоха была эпохой процветания. Каждый из жителей мог разделить пищу и кров с пилигримами, получая в награду рассказы бывалых людей, много повидавших на свете.

— Если вы ищете Хозяев Звезд, — сказал хозяин, у которого они остановились, — то, действительно, они здесь есть. Но они есть везде, и в вашей стране тоже.

— Мы просто хотели узнать, они такие же, как у нас, или нет, — ответил Хейвиг. — Я слышал, все Хозяева очень разные люди.

— Верно.

— К тому же это нисколько не удлинит наше путешествие.

— Вам и не нужно никуда идти. Достаточно связаться с помощью этой системы. — Хозяин дома показал на аппарат голографической связи, стоящий в углу.

Это была странная конструкция, которая смотрелась здесь примерно так же, как японский замок в средневековой Европе или готическая церковь в Японии эпохи Мэйдзи.

— Хотя, полагаю, у них на станции сейчас никого нет, — заметил хозяин. — Они приходят не часто.

— Мы, по крайней мере, посмотрим, где они живут.

Смуглый человек кивнул:

— Да, вы получите ощущение спасения. Идите с Богом.

Утром, после часового пения и медитации, семья вернулась к обычным делам. Отец вручную обрабатывал небольшой сад, делая это ради удовольствия, а не в силу экономической необходимости. Мать продолжала работу над параматематической проблемой. При одном взгляде на ее записи у Хейвига закружилась голова. Дети занимались, подключившись к сложной электронной общеобразовательной системе, которая, похоже, заменяла теперь учителей и была всепланетной.

Но при всем этом семья жила в небольшом простеньком домике, ютившемся почти в полном одиночестве на склоне холма.

Шагая по дороге, где грязь прилипала к сапогам, тогда как в небе то и дело мелькали сложные машины, Леонса вздохнула:

— Ты прав. Мне никогда не понять их.

— Для этого может потребоваться целая жизнь, — согласился Хейвиг. — В историю человечества вошло что-то новое. Не обязательно плохое, но новое.

Немного погодя он добавил:

— Впрочем, подобное уже бывало. Разве мог охотник палеолита понять земледельца неолита? Разве мог человек, живущий под божественной властью короля, сравниться с живущим в свободном государстве? Я, например, не всегда понимаю тебя, Леонса.

— И я тебя. — Она схватила его за руку. — Так давай постараемся.

— Мне кажется, — сказал Хейвиг, — повторяю, кажется, что эти Хозяева Звезд живут в ультрамеханизированном мире, и это находится в вопиющем несоответствии с жизнью других на Земле. Они появля-

ются время от времени, их жилища, в основном, пусты. Не кажется ли тебе, что они — путешественники во времени?

— Но ведь они несут добро, разве не так?

— И, значит, они не из Ээрии? Но почему нет? Вполне возможно, что они начинали именно там. Внук пирата вполне может стать обожаемым королем. — Хейвиг привел свои мысли в порядок. — Насколько я могу понять, причем следует учесть, что я плохо понимаю их новейший язык, они появляются, чтобы торговать идеями и знаниями, а не материальными ценностями. Их влияние, с одной стороны, казалось бы, ничтожно, но с другой — весьма впечатляюще. И, насколько я мог заметить, оно постоянно растет. Видимо, они провозвестники новой цивилизации, которую я не могу себе даже представить.

— Но местные описывают их иногда похожими на людей, иногда — нет.

— У меня тоже сложилось такое впечатление. Может, это просто фигуральное выражение?

Он посмотрел на нее. Солнце сверкало в ее волосах, на лице блестели капельки пота. Он остро ощутил запах ее тела. Плащ пилигрима прилип к ее ногам, подчеркивая их формы. Где-то поблизости слышалось пение птицы.

— Увидим, если удастся, — сказал он.

Она улыбнулась.

Город с устремленными в небо шпилями и изящно закругленными куполами был пуст. Невидимый барьер задержал их. Они двинулись вперед во времени, пока не увидели в воздухе корабль. Тогда они остановились.

В этот момент корабль приземлился. Команда спустилась на землю по невидимому трапу. Хейвиг видел мужчин и женщин. Сверкающая, переливающаяся одежда обтягивала их тела. Хейвиг понял, что подобных совершенных существ Земля не могла создать ни в эпоху динозавров, ни позже, когда болезненно распухшее красное солнце будет медленно сжигать ее.

Тут появилось покрытое чешуей существо с когтистыми лапами, не имевшее ничего похожего на голову.

Оно издавало какие-то звуки, явно общаясь с человеком, и тот смеялся в ответ.

Леонса вскрикнула. Хейвиг едва успел схватить ее, прежде чем она исчезла, пытаясь унестись в прошлое.

— Неужели ты не поняла? — спрашивал он. — Неужели не поняла, что мы видели чудо?

Они стояли на высоком холме. Бесчисленные звезды были рассыпаны по небу от горизонта до горизонта. Метеориты прочерчивали тьму. Воздух был холодный, при дыхании изо рта вырывались облачка пара. Леонса прижалась к Хейвигу. Вечная тишина космоса окружала их.

— Посмотри, — сказал он. — Каждая из этих звезд — солнце. Неужели ты думаешь, что во Вселенной больше нет планет, населенных живыми существами?

Она содрогнулась.

— Но то, что мы видели...

— То, что мы видели, — чудо... — он старался подыскать слова, ведь они родились в разное время, и что для него казалось естественным достижимым будущим, для нее являлось всего лишь туманной легендой.

— Откуда еще человечество может получить новый приток духовной силы? После эпохи Маури оно не замкнулось в себе. Оно стало расти, распространяясь дальше во Вселенную, за пределы, которых не достигало раньше.

— Расскажи мне, — молила она. — Помоги мне!

Неожиданно для себя Хейвиг поцеловал ее. Они остались во вселенной, слились воедино.

Но счастливых концов нет. Нет никаких концов. Ничто не кончается. Правда, нам выпадают счастливые мгновения.

Пришло утро, когда Хейвиг проснулся возле Леонсы. Она еще спала, теплая, мягкая, положив руку ему на грудь. На этот раз ее утомили его мысли и рассуждения, а не его тело.

— Док, — говорил он мне охрипшим от отчаяния голосом, — я не мог оставаться там, в этом подобии рая. Я нигде не мог оставаться, не мог позволить себе не вмешиваться в будущее.

Я уверен, что будущее идет туда, куда надо. Но могу ли я в этом быть по-настоящему уверен? Да, да, меня зовут Джек, а не Иисус. Моя ответственность за будущее где-то должна кончаться, но где?

И даже если человечеству предназначено счастливое будущее, где дорога, которая ведет туда? Помнишь, однажды я высказал мнение, что Наполеон должен был выполнить свою миссию: объединить Европу, собрать ее вместе. Но Гитлеру этого нельзя позволить. Нельзя было допустить его до победы. А как мне рассматривать Ээрию?

Он разбудил Леонсу. Девушка быстро собралась, чтобы следовать за своим мужчиной.

Они хотели посетить Карело Кеадзиму, но он мало чем мог бы помочь им. Кроме того, он занимал слишком высокое положение, жизнь его была у всех на виду.

Меня не очень интересовало, кого хотят найти Джек Хейвиг и Леонса из Вахорна.

ГЛАВА 14

12 апреля 1970 года. Весна, только что нарождающаяся зелень, еще мокрая после ночного дождя, белые облака на небе, отражающиеся в лужах на дорожках. Сырая холодная земля прилипала к пальцам, когда я, стоя на коленях, сажал луковицы ирисов.

И тут заскрипел гравий под колесами машины. В ворота въехала машина и остановилась на лужайке возле небольшого каштана. Я видел эту машину впервые и выругался про себя, поднимаясь с колен, чтобы встретить посетителей. Когда из машины вышли люди, я сразу же узнал мужчину, но не смог опознать его спутницу.

— Док! — Хейвиг бросился ко мне с раскрытыми объятиями. — Боже, как я рад тебя видеть!

Я не очень удивился. После того, как он несколько месяцев назад был у меня, я все ждал, что он вернется, если еще жив. Но только сейчас я понял, как мне не хватает его.

— Как твоя жена? — спросил я.

Его лицо сразу стало печальным.

— Ее больше нет. Я расскажу... позже...

— О, Джек... Прости...

— Ничего. Ведь для меня это произошло полтора года назад.

А когда он обернулся к рыжеволосой девушке, приехавшей вместе с ним, улыбка вновь появилась на его лице.

— Док, Леонса, вы уже много слышали друг о друге. А теперь встретились.

Как и он, Леонса не обратила внимания на то, что мои руки запачканы землей. Встреча была для меня очень неожиданной. Я ведь еще не видел никого из другого времени. Хейвиг не в счет. А эта женщина — совершенно из другой эпохи.

Охотница, шаманка, прорицательница, любовница многих и убийца многих... и вот она передо мною, одетая в самую обыкновенную одежду, модный костюм, нейлоновые чулки, туфли на высоких каблуках, в руке сумочка, на губах обычная помада, и говорит на английском языке, нисколько не отличающемся от моего.

— Здравствуйте, доктор Андерсон! Я давно мечтала встретиться с вами.

— Входите в дом, — с трудом выговорил я. — Пойдемте умоемся, а потом я угощу вас чаем.

Леонса очень старалась оставаться невозмутимой, но это ей плохо удавалось. Хейвиг рассказывал, а она то и дело вставала со стула, подходила к окну, смотрела на тихую улицу.

— Успокойся, — сказал он ей наконец. — Мы же все проверили, просканировали этот промежуток времени. Помнишь? Никаких агентов в Ээрии мы не обнаружили.

— Не могли же мы проверить каждое мгновение, — возразила она.

— Нет, но... я через неделю буду тебе звонить и спрошу, все ли у вас было в порядке, так что не удивляйся.

— Может, они что-нибудь подготовили, — сказала Леонса.

— Вряд ли. Мы списаны со счета. Я уверен.

— Вероятно, я нервничаю чисто по-женски.

Поколебавшись, Хейвиг сказал:

— Если бы они следили за нами и знали о наших контактах с доком, они нанесли бы мне удар через него. Нет, — обратился он ко мне, — я могу навлечь на тебя неприятности, док. Прости меня. Именно поэтому я не поддерживаю контакта с матерью.

— Все в порядке, Джек. — Я пытаюсь изобразить улыбку. — Это немного развлекает меня с тех пор, как я отошел от практики.

— Но все будет о'кей, — сказал Джек. — Я позабочусь об этом.

Леонса вздохнула. Долгое время стояла тишина, только с улицы доносился шелест ветвей на ветру. По небу проносились облака.

— Значит, ты считаешь, что я спокойно доживу до смерти?

Он кивнул.

— Ты знаешь, когда это случится?

Он сидел неподвижно.

— Хорошо, не говори. Но не потому, что я боюсь. Я простой смертный, и я знаю, что это случится. Однако я не завидую тебе. Когда я умру, ты потеряешь друга.

Засвистел чайник.

— Значит, — говорил я несколько часов спустя, — ты не собираешься быть пассивным наблюдателем? Ты хочешь что-то предпринять относительно Ээрии?

— Если смогу, — тихо ответил Хейвиг.

Леонса, сидевшая рядом с ним, стиснула его руку.

— Что ты говоришь! — воскликнула она. — Я сама была там, в будущем, хотя и недолго, но я видела, какой Ээрия стала могущественной. Я видела Калеба Уоллиса, выходящего из самолета. Он был стар, но я

его видела. — Она стиснула кулаки. — И никто не убил этого ублюдка!

Я взял свою трубку. После обеда мы сидели в моем кабинете среди книг и картин. Солнце уже поднялось высоко, и я объявил, что теперь можно выпить немного виски. Но все же атмосфера в кабинете оставалась напряженной. Я почти физически ощущал горе и гнев, наполнявшие этих двоих.

— Ты не полностью изучил будущее Ээрии? — поинтересовался я.

— Мы читали книги Уоллиса и слушали его рассказы. Я не думаю, что он лгал. Он эгоист, но в таких вопросах лгать не будет.

— Ты не понял меня. — Я махнул трубкой. — Я спросил, изучал ли ты Ээрию как следует, год за годом?

— Нет, — ответила Леонса. — Раньше не было нужды, а теперь слишком опасно. — Она внимательно взглянула на меня. Все-таки она была очень привлекательна. — Вы что-то хотите сказать, док?

— Может быть. — Я достал спички, разжег трубку. Этот маленький очаг в моей руке всегда действовал на меня успокаивающе. — Джек, я думал о том, что ты рассказал мне в последний раз. Это естественно. У меня было время для размышлений. И ты сам сейчас пришел ко мне в надежде, что я дам тебе совет. Верно?

Он кивнул. Мелкая дрожь била его тело.

— Я, разумеется, не могу сказать, что решил ваши проблемы, — предупредил я. — Я могу сказать только то, что ты сам говорил мне когда-то: свобода таится в неизвестном.

— Продолжайте, — выдохнула Леонса. Она сидела, стиснув кулаки.

— Ну что ж, — сказал я, глубоко затянувшись. — Твое последнее утверждение еще больше укрепило меня в моем мнении. Уоллис верит, что его организация, модифицированная, но базирующаяся на том, что он создал, будет доминировать после эпохи Маури. Судя же по тому, что видели вы, это кажется мне сомнительным. Следовательно, где-то когда-то Ээрию ждет крах. И вообще, похоже, о будущем Ээрии вы знаете

только со слов Калеба Уоллиса, который крайне тщеславен и родился более сотни лет назад.

— А какое имеет значение дата его рождения? — спросил Хейвиг.

— Большое. Наш век — жестокий век. Мы получили такие уроки, о каких поколение Уоллиса себе даже представить не может. Кроме того, общий стиль жизни, уровень науки... Он наверняка слышал что-то, например, об операторном анализе, но никогда не пользовался им.

Хейвиг нахмурился.

— Твой хронолог — это пример мышления человека двадцатого века. Кстати, что с ним?

— Я оставил его в Стамбуле, когда меня схватили. Думаю, что люди, которые стали жить в этом доме, либо выбросили его, либо разобрали на части из любопытства. Я уже сделал себе новый.

Мне стало не по себе. Я начал понимать Леонсу, охотницу из дикого племени.

— Ну вот, люди, захватившие тебя, даже не подумали взять этот прибор для изучения. Тот же Красицкий — ведь опытный же человек и неглупый. И это прекрасно иллюстрирует мою точку зрения, Джек. У каждого путешественника во времени есть проблема попадания точно в нужный момент. И только ты подошел к разрешению этой проблемы научно: разработал и нашел компанию, которая изготовила его для тебя.

Я выдохнул облачко голубого дыма:

— Но это никогда не приходило в голову ни Уоллису, ни кому-либо из его окружения. Для них это недоступно. У них совсем не такой образ мышления.

Снова наступила тишина.

— Ну что ж, — заговорил Хейвиг, — значит, я — путешественник во времени, рожденный в самый поздний период.

Я кивнул.

— И воспользуйся своим преимуществом. Ты уже сделал это, решив изучить эпоху после Маури. Никто бы из окружения Уоллиса не осмелился на это. Помни, что Уоллис — выходец из века, где главным было не тщательное изучение с обоснованными выводами, а

предсказание и предложение. Это век Максвелла, Пирса, Рикардо, Клаузевица — мыслителей, гениев. Но семена, которые они посеяли, не взошли в то время. Я уверен, что Уоллис, как и другие путешественники во времени, — дитя своего века, хотя он и смог отбросить кое-какие предрассудки и стать суперменом.

У Леонсы был озадаченный вид. Естественно, моя философия была непонятна ей. Хейвиг тоже не все понимал.

— Что ты предлагаешь? — спросила она.

— Ничего конкретного. Только общую концепцию. Сконцентрируйся на стратегии, а не на тактике. Не пытайся в одиночку воевать с целой организацией. Заручись союзниками.

— Откуда мне их взять?

— Везде и во всех временах. Уоллис неплохо поставил дело с набором агентов. Но он действует слишком грубо, и наверняка многие не попадают в его сети. Тогда, в Иерусалиме, в день Распятия, вероятно, было много путешественников. Его агенты смогли найти только тех, кто не очень старался скрыть свою уникальность. Нужно попытаться найти остальных.

— Хм. Я уже и сам думал об этом. — Хейвиг потер подбородок. — Может, стоит пройти по улицам, напевая мессу на греческом языке.

— И на латинском тоже. — Я сжал трубку. — И еще одно. Может, тебе не стоит слишком уж засекречивать себя. Ты уже не ребенок.

Я говорил о тебе в Беркли, в Хольберг-колледже, разумеется, не называя тебя. В Беркли работают хорошие люди и настоящие ученые. Я могу назвать тебе тех, с кем я говорил и кто принял факт твоего существования. Они могут помочь тебе, уважая твое доверие.

— Но почему? — спросила Леонса.

Хейвиг вскочил и стал метаться по комнате, объясняя ей:

— Чтобы открыть мир, дорогая. Не может быть, чтобы такие, как мы, рождались только на Западе. Это бессмысленно. Китай, Япония, Индия, Африка, Америка — миллиарды людей! И мы... — Он замолчал, чтобы перевести дух. — Мы можем отбросить плохих, ото-

брать лучших, молодых, вывести их на правильный путь, черт побери! О, боже! Что нам эти тупицы из Ээрии? Мы будем делать будущее, а не они!

Конечно, это было непросто. Они отдали много лет тщательной подготовке и за эти же годы наладили отношения между собой. Когда я увидел их в следующий раз, они вели себя по отношению друг к другу, как давно женатая и счастливая пара. И все равно это было трудное время для них.

Оно требовало четкого мышления и трезвого реализма. Благодаря мне Хейвиг встретился с теми учеными, о которых я говорил. Когда он сумел убедить их, они познакомили его со своими коллегами, и у Хейвига образовался настоящий мозговой центр, который руководил его действиями. Некоторые из этих ученых ради Хейвига и его миссии даже ушли в отставку, что озадачило непосвященных коллег. Иногда я слышал кое-что об их успехах. Они разработали немало методов вступления в контакт с путешественниками, и если перечислять их все, нужно было бы написать еще одну книгу. Многие из них не принесли успеха, но некоторые сработали.

Например, ищущему своих собратьев во всех эпохах рекомендовалось обращать особое внимание на всех необычных, отличающихся от остальных людей: шаманов, ведьм, колдунов, творящих чудеса. Крестьянин, который среди засух и прочих бедствий умудрялся получать хорошие урожаи, тоже достоин пристального внимания, как и торговец, чьи корабли регулярно возвращаются домой, несмотря на штормы и ураганы, как и воин, прослывший неуловимым шпионом и разведчиком. А когда путешественник выявлен, не менее сложная задача — каким образом привлечь его на свою сторону.

Найти путешественников во времени — это только полдела. Их нужно объединить. Но как? Как убедить их покинуть свои дома, привычное окружение, пойти на определенные ограничения, положить свои жизни за что-то неясное, призрачное. И чем удержать их, когда они устанут от одиночества и захотят вернуться домой?

То, что они встретятся с подобными себе, конечно, окажет свое воздействие. На этом сыграл Уоллис, сыграет и Хейвиг. Но этого, конечно, мало. Кроме того, Уоллис обещал всем власть, величие, он утверждал, что каждый из них — творец будущего. А что мог сказать своим товарищам Хейвиг, чтобы они прониклись ненавистью к Ээрии, поняли необходимость войны с нею?

Я завидовал громадности задачи Хейвига. Представьте только — отыскать, а затем соединить, можно сказать, слить в некий единый сплав единомышленников, среди которых были: конфуцианский учитель, охотник на кенгуру, польский школьник, месопотамский крестьянин, западноафриканский кузнец, мексиканский вакеро, эскимосская девушка... Даже на то, чтобы просто собрать вместе этот причудливый калейдоскоп, потребовалось много сил. А потом еще многим из них приходилось объяснять, что они путешественники во времени...

Они проходили обучение в разных местах и эрах, после чего определялись на способности. В отдельных случаях — очень небольшой процент — люди отправлялись обратно по домам. Им платили, и с ними прощались. К этому времени они имели минимум информации о враге, с которым предстояло бороться, и не могли вступить в контакт с Ээрией.

Остальные отправлялись на главную базу для дальнейшего обучения.

База находилась именно там, где в будущем была расположена Ээрия, но только на много тысяч лет назад — в эпоху раннего плейстоцена. Такая предосторожность создавала множество проблем. Например, чтобы перемещаться в будущее, нужно было создавать промежуточные базы для отдыха, где можно было бы не только передохнуть и набраться сил, но и переодеться в соответствии с требованиями эпохи.

Но безопасность была дороже всего. Их крепость стояла на высоком холме, у подножия которого мирно катила воды река. Она сверкала на солнце, как бронза.

Хейвиг собрал общество, в котором женщины и мужчины были примерно в равном количестве. Это было настоящее общество, спаянное общими целями. У них

уже появились свои обычаи, ритуалы, законы... Да, это был настоящий триумф Хейвига. Сахэм создал армию, а человек, поклявшийся уничтожить его, создал братство.

Хейвиг и Леонса появились у меня в марте, тогда их работа была в самом разгаре. И только в День Всех Святых я услышал продолжение истории.

ГЛАВА 15

Время неудержимо рвалось вперед, и мимо нас проносились лишь тени. Они имели форму и цвет, массу и размеры только тогда, когда мы останавливались поесть, поспать, глотнуть воздуха. Над этими холмами проносились годы, десятилетия, столетия. Менялся ландшафт, наступали ледники, сопровождаемые снежными бурями. Затем они таяли, оставляя после себя громадные озера, из которых пили воду мастодонты. Затем эти озера зарастали травой, превращались в болота... И снова приходили ледники, и снова они таяли, но теперь по окружающим бескрайним прериям бродили стада бизонов, чья тяжелая поступь заставляла землю содрогаться. И вот появились первые люди, меднокожие, вооруженные копьями с кремниевыми наконечниками. А затем снова наступила Большая Зима — и снова потепление, и снова люди, но уже вооруженные луками и стрелами. Потом пришли завоеватели, огнем и мечом добывающие себе право жить на этой благословенной земле...

Для последнего отдыха группа Хейвига остановилась в доме одного фермера, который не был путешественником, но которому можно было доверять.

Свет фонаря отражался от гладкой поверхности кухонного стола. В печи горели, потрескивая, поленья. На печи стоял громадный кофейник. Хотя до ближайших соседей было полдня езды на лошадях и дом стоял среди деревьев, Олаф Торстад всегда принимал этих гостей, появлявшихся после наступления темноты. То, что кто-нибудь увидит свет в его окнах, не смущало его, подумают, что он страдает бессонницей.

— Вы уже собираетесь? — спросил он.

— Да, — ответил Хейвиг. — Мы уйдем перед рассветом.

Торстад взглянул на Леонсу.

— О, леди как будто собралась на войну.

— Женщина должна идти за своим мужчиной, — сказала она и с усмешкой добавила: — Джеку не удастся отделаться от меня.

— Да, другие времена, другие нравы, — вздохнул Торстад. — Но я рад, что родился в 1850 году. И я очень благодарен вам за то, что вы сделали для меня.

— Ты для нас сделал не меньше, — ответил Хейвиг. — Мы поселили тебя именно здесь потому, что нам нужна база поблизости от Ээрии. Ты все время рисковал, когда мы прятали у тебя свои вещи. Но сегодня все кончится. — Джек устало улыбнулся. — Ты можешь пользоваться всем тем, что осталось после нас, женись на девушке, с которой помолвлен, и живи отныне в мире и покое.

Несколько секунд Торстад смотрел на него, а затем коротко спросил:

— В покое? Но вы ведь вернетесь? Расскажете, что там будет? Пожалуйста...

— Если победим, — ответил Хейвиг и подумал, сколько таких обещаний он дал своим помощникам, разбросанным по разным эпохам. Он вскочил с кресла. — Принеси оружие для моих людей. Нам пора действовать.

У Хейвига не было огромной армии. Отряд состоял из трех тысяч человек. Туда входили и женщины, но это было все-таки слишком большое количество людей, чтобы держать их на одной промежуточной базе, — могли возникнуть различные слухи, которые дошли бы до врага и насторожили его. Поэтому небольшие группы были разбросаны по разным эрам. Теперь все пришло в движение. Все группы стали собираться в исходной точке

Хейвиг и полдюжины его друзей переместились в первое утро 1077 года непрерывного существования Ээрии. Звезды ярко сверкали в западной части неба, но уже начали блекнуть на востоке. В призрачном свете

виднелись кирпичи стен и башен, стекла окон, покрытые инеем булыжники мостовой. Необычайная тишина царила над миром, словно все звуки вымерли в этом холоде, который пощипывал гортань и легкие при дыхании.

Его ребята хорошо знали, что им нужно делать, и тем не менее Хейвиг испытующе посмотрел на них, на тех, кого он выбрал для выполнения самого важного дела.

Все они были одеты одинаково: темно-зеленые парки, брюки, заправленные в кожаные сапоги, шлемы, оружие, пояса с патронами. Он знал лица этих людей лучше, чем свою ладонь, проведя вместе много лет. Леонса с широкими скулами, выпуклым лбом, чувственными губами, которые он часто целовал. Чао, Индхлову, Гуттиерез, Белявский, Маатук ибн Пахаль. Они на мгновение скрестили руки и приготовили оружие, так как часовые могли заметить их и поднять тревогу.

Крепость всегда тщательно охранялась, но теперь, когда Ээрия процветала уже столько лет, никто бы не осудил часовых, которые в утро Нового Года решили отметить праздник и покинули свои посты.

— О'кей, — сказал Хейвиг. — Я люблю тебя, Леонса.

Ее губы скользнули по его губам. Отряд прошел к двери башни, где жил Калеб Уоллис.

Она была заперта. Ругательство сорвалось с прекрасных губ Леонсы. Маатук выпустил из пистолета пулю в замок. Звук выстрела ударил по барабанным перепонкам, заметался между спящими стенами.

Хейвиг повел отряд в башню. Позади он услышал крик, который только удивил его, но не встревожил. Вперед, на лестницу!

Звуки шагов по каменному полу гулко раздавались в тишине. Они быстро поднимались по темной и пыльной спиральной лестнице. Гуттиерез и Белявский остались внизу охранять главный вход в лифт. Индхлову и Чао начали обыскивать второй и третий этажи, в поисках апартаментов секретаря Уоллиса. Хейвиг не знал, кто сейчас секретарь. Они искали и апартаменты

Остина Колдуэлла. А Хейвиг был уже на следующем этаже, перед дверью в кабинете Уоллиса, обитой медью.

Она даже не была заперта. Сюда никто не мог войти без разрешения, кроме того, конечно, кто намеревался уничтожить все, созданное Сахэмом. Хейвиг широко распахнул дверь.

Он сразу узнал этот мохнатый ковер, тяжелую мебель, фотографии на стенах. Воздух был влажным и спертым. Через морозные узоры на окнах свет едва проникал сюда. Маатук остался охранять вход.

Хейвиг и Леонса прошли через кабинет в спальню.

Уоллис вскочил с огромной двухспальной кровати, закрытой пологом. Хейвиг поразился, увидев, как прошедшие годы подействовали на Уоллиса. Он был совершенно седой, кожу на лице избороздила сеть красных прожилок. Жалкое впечатление, которое он производил, еще усиливалось ночной рубашкой. Он бросился к столу, где лежал пистолет.

— Ка-а-а! — крикнула Леонса, прыгая вперед.

Уоллис исчез из виду, она — тоже, успев вцепиться в него. Через мгновение оба появились вновь, катаясь по полу. Он не смог скрыться во времени, Леонса не дала ему сделать этого. Слышалось только хриплое дыхание борющихся да всхлипывания наложницы за пологом. Хейвиг метался по комнате и ничем не мог помочь Леонсе — противники так сцепились, что ему никак не удавалось выбрать подходящий момент, чтобы ударить Уоллиса.

В прихожей прогремели выстрелы.

Джек бросился к двери и выглянул. В коридоре, распластавшись на полу, неподвижно лежал Маатук. Он хрипло дышал, истекая кровью. По-видимому, ему прострелили легкие. Пистолет Колдуэлла искал следующую жертву. Видимо, бывалый воин из Индии сумел убить Чао, который успел все же ранить Остина. Однако Колдуэлл убил и Маатука.

— Вы окружены! Сдавайтесь! — крикнул Хейвиг.

— Иди... к дьяволу... предатель...

И снова рявкнул кольт.

Хейвиг проскользнул во времени на минуту вперед, вышел из двери и выстрелил.

Его пуля пробуравила воздух и разбила стекло на фотографии Шарлеманя. Колдуэлл был мертв.

Во дворе послышались взрывы. Хейвиг поспешил к Леонсе. Она навалилась на Уоллиса всем телом и, обхватив его шею, сдавливала пальцами сонную артерию. Тот колотил ее кулаками по рукам, но Леонса не разжала их. Удары Сахэма слабели, и наконец его руки безвольно упали.

— Быстро! — простонала она. — Быстро!

Хейвиг достал из кармана наручники, тонкую цепь и быстро приковал Уоллиса к ножке кровати.

— Он никуда не денется, если ему никто не поможет. Тебе придется охранять его.

— И пропустить все самое интересное? — воскликнула Леонса.

— Это приказ! — рявкнул Джек. Она бросила на него испепеляющий взгляд, но повиновалась. — Этот пленник — сердцевина всего плана. Я пришлю кого-нибудь сменить тебя, — сказал он и про себя добавил: — После боя.

Он ушел. Наложница тоже исчезла. Хейвиг мельком подумал о том, обрадовалась она неожиданному освобождению или огорчилась?

На следующем этаже был балкон, с которого обозревался весь двор. Отсюда Сахэм произносил свои речи. Хейвиг вышел на балкон и в бледном свете наступающего утра посмотрел вниз. Там кипел бой, слышались крики, стоны, выстрелы. Всюду лежали мертвые, раненые, искалеченные.

Шум боя оскорблял мирные небеса.

Хейвиг не мог понять деталей боя и достал бинокль. С его помощью он разглядел отдельных людей. И трупы... да, Хуан Мендоза... и... О, боже, Джерри Дженнингс, которого он так хотел спасти...

Новый отряд его армии вынырнул из времени и вступил в схватку. Внезапно на крепость опустился парашютный десант, его люди, выпрыгнувшие из самолета в двадцатом веке, приземлились сейчас, в точно назначенный час, так как каждый из них был снабжен хронологом. В рядах защитников Ээрии царило полнейшее смятение — они не ожидали нападения, к тому

же еще не отошли от празднования Нового Года. А если добавить, что им противостояли воины, специально подготовленные для этого сражения, четко знающие свои обязанности, победа Хейвига была неизбежной.

Сейчас для Хейвига главным было не дать ускользнуть как можно большему числу агентов Ээрии. Он опустил бинокль, взял в руки микрофон передатчика и стал руководить боем.

— Скрыться удалось немногим, — рассказывал он мне. — Но и тех мы поймали позже. Ведь из регистрационных книг Уоллиса мы знали о них все, так что нам не составляло труда выяснить, куда они могли скрыться. Никто из них не был суперменом. Все они были либо хлюпиками, поставленными Уоллисом выполнять работу клерков, либо воинами, тупоголовыми, суеверными и жестокими. Уоллис никогда не стремился дать своим людям разностороннее образование. Он развивал в каждом только то, что ему было нужно. Ведь если человек образован, он начинает думать, начинает задавать лишние вопросы.

Словом, те, кто успел бежать из империи, не имели понятия о морали, и единственное, о чем они думали, — это о спасении собственной шкуры. Я не думаю, что такие люди без денег, без образования смогли бы жить спокойно в какой-либо эпохе цивилизованного мира. Нет, единственное, где они могли скрыться, — это в диких племенах. Там они могут стать знахарями, прорицателями и, во всяком случае, кончат жизнь полезными членами общества.

— Так было покончено с Ээрией, — голосом мурлыкающей сытой тигрицы сказала Леонса.

— Да, в военном смысле, — быстро вставил ее муж. — Но работы предстояло много. Нам нужно было превратить всех пеонов Ээрии в свободных граждан. Фаза-2 характеризовалась тем, что мы уничтожили рабство. И наши агенты снова стали самими собою, а не воинами. Они могли свободно посещать прошлое, но только для исследования и поиска новых членов нашего братства. И если для операции требовались деньги, мы

добывали их посредством справедливого обмена ценностями.

Леонса ласково погладила его по щеке.

— Джек родился в сентиментальное время, — промурлыкала она.

— Подождите, — нахмурился я, желая понять все до конца. — Но перед вами стояла еще одна важная проблема — проблема пленников. Что вы сделали с ними?

Воспоминание об этом заставило Хейвига сдвинуть брови.

— Да, трудно было найти правильное решение, — сказал он. — Мы не могли освободить их и не могли вечно держать заточенными в тюрьме.

Леонса поморщилась.

— Уж лучше тогда быть расстрелянным.

— Так вот, — продолжал Хейвиг. — Ты помнишь, я рассказывал о психопрепаратах, изобретенных в эру Маури? Мой друг Карело Кеадзиму боялся их. Человек, находящийся под действием такого наркотика, подвержен стойкому внушению. Он верит всему, что ему говорят. Абсолютно. Это становится частью его существа, его убеждением. И его собственный мозг изобретет для него какое угодно объяснение. Ты понимаешь, что это значит? Полнейшее промывание мозгов! Такое полное, что жертва даже не будет подозревать, что когда-то у него в голове было что-либо другое.

Я присвистнул:

— Боже, неужели ты привлек на свою сторону всех этих мясников?

Хейвига передернуло.

— Нет. Я никогда бы не смог работать с бандой... зомби. Ведь мне пришлось бы стереть из их памяти всю прошлую жизнь и... нет, это неэтично. Кеадзиму устроил нескольких моих парней в школы обучения психотехнологии, но все равно работы было слишком много.

Он перевел дыхание, словно собирался с силами.

— В конце концов мы просто уничтожили в наших пленниках веру в путешествие во времени и затем перенесли всех по домам в их времена. Им внушили, что у одного было помешательство, у другого — дья-

вольское наваждение, словом, что соответствовало эпохе. Теперь все кончено, они здоровы, но никогда не позволят себе даже думать об этом и должны вернуться к нормальной жизни.

Я улыбнулся:

— Ну что ж, должен признать, что идея неплохая. Мне самому нередко приходилось лгать пациентам.

— Но у нас было два исключения, док, — сказала Леонса.

— Иди за мной, — сказал психотерапевт. Его голос был мягким. Одурманенный наркотиками Калеб Уоллис ухватился за его руку. Они ушли, а Хейвиг остался в томительном ожидании. Время текло очень медленно, но наконец психотехник сказал ему, что может войти.

Пожалуй, самым удивительным для Хейвига было то, что Уоллис прекрасно выглядел. Он величественно сидел за столом в своем кабинете, где уже были убраны следы сражения и пятна крови.

— Привет! — воскликнул он. — Добрый день, мой мальчик, добрый день! Садись. Нет, сначала налей нам. Ты знаешь, что я люблю.

Значит, ты вернулся с трудного задания? Тебя долго не было. Ты постарел. Я уверен, что ты прекрасно справился. Я еще не читал твоего отчета. Но собираюсь. А пока давай вышьем. — Он поднял стакан. — За наше здоровье.

Хейвиг заставил себя сделать глоток и опустился в кресло.

— Ты, несомненно, слышал, что я немного приболел, — продолжал Уоллис. — Что-то вроде мозговой лихорадки. Сейчас уже все позади, и я решил, что мы должны сосредоточить все усилия на том, чтобы укрепить наше могущество в нормальном времени. Что ты думаешь об этом?

— Мне это решение кажется мудрым, — прошептал Хейвиг.

— Оно вызвано тем, что мы потеряли много людей, пока тебя не было. Сплошное невезенье. Ты слышал? Остин Колдуэлл. И Вацлав Красицкий... Эй, ты побледнел. Тебе плохо?

— Да, сэр. Просто устал... Я провел столько лет в прошлом...

Это Леонса нашла Красицкого, прикованного цепью. Она вытащила пистолет, сказала «Ксения» и пристрелила его. И Хейвиг даже не испытал никакого сожаления по этому поводу.

— Я скоро приду в себя, сэр.

— Прекрасно, прекрасно. Нам нужны такие люди, как ты. — Уоллис потер лоб и снова заговорил пронзительным голосом, в котором явственно слышалось недоумение: — Здесь так много новых людей. А все старые ушли... Куда? Я смотрю с балкона и вижу только незнакомых. Я знаю, что должен увидеть кого-то, кого зовут Хуан... Ганс... других... Но я не вижу их. Может, они мне приснились, когда я болел?

Он поежился, словно зимний ветер проник в этот кабинет, наполненный тропическим теплом.

— Теперь я очень часто чувствую себя одиноким, совсем одиноким в пространстве и времени...

Хейвиг изобразил участие.

— Все, в чем вы нуждаетесь сейчас, сэр, — это в хорошем отдыхе. Вам нужно хорошенько отдохнуть. Могу предложить интересные места.

— Да, я думаю, ты прав. Я возьму отпуск. — Уоллис сделал глоток из стакана и взял сигарету.

— После возвращения, сэр, вам не следует так много работать. Главное сделано, все налажено и течет по намеченному руслу.

— Знаю, знаю.

— Теперь уже нет необходимости в вашем постоянном руководстве. У нас много компетентных людей, знающих, что и как делать. Теперь нам, в основном, нужен ваш гений предвидения, ваш стратегический дар, который позволяет определить фундаментальные направления.

Уоллис был явно доволен, хотя и пытался скрыть это. Он раскурил сигару.

— Я говорил об этом с офицерами, — продолжал Хейвиг. — Они сказали, что уже обсуждали это с вами. Сэр, позвольте мне добавить свои слова к их просьбе. Мы считаем, что для вас нужно составить расписание

для посещения будущего в разные моменты времени, где вы сможете посмотреть своими глазами, как идут дела, и дать соответствующие указания. Расписание будет составлено так, чтобы затрагивалось как можно меньше вашей драгоценной жизни. Она нужна для осуществления больших проектов.

— Да. Я и сам уже думал об этом, — закивал Уоллис. — Сначала, как ты сказал, хороший отдых, чтобы привести в порядок мысли и избавиться от головокружения. Затем... затем путешествие в будущее, выдача указаний, оценка перспектив... да, да, да...

— Великолепно! — воскликнул я. — Такая месть...

— Это не месть, — сказал Хейвиг, сжав губы.

— И как же он выглядел, когда вернулся из путешествия?

— Меня тогда не было. Люди, которые сопровождали его, рассказывали, что представление удалось как нельзя лучше. Он посетил настоящие потемкинские деревни, где жизнь была именно такой, какую он хотел видеть. А затем его перенесли в прошлое, в уютное местечко, которым был бы доволен сам Потемкин, известный сибарит, и устроили там настоящую оргию, чтобы облегчить ему конец...

Кулак Хейвига стукнул по подлокотнику кресла.

— И он закончил свою жизнь. Ночью он вскрикнул, а затем его комната опустела. Видимо, он куда-то швырнул себя во времени, так как его искали и в прошлом, и в будущем, но не нашли.

Хейвиг допил стакан. Я видел, что он нуждается в подкрепляющем, и предложил еще.

Леонса погладила его.

— Не казни себя, дорогой, — промурлыкала она. — Он не стоит того.

— Скорее, я не стою, — хрипло ответил Джек. — Лучше не обсуждать этот вопрос.

— Я... я не понимаю. — Я ждал объяснений.

Леонса повернулась ко мне. Она мягко улыбнулась, как бы извиняясь за слабость и уязвимость мужчины.

То, что она сказала, для нее было просто замечанием, не имеющим решительно никакого значения:

— Нам потом сказали, что умирающий мозг освободился от действия наркотика, и Уоллис перед смертью вспомнил все, что произошло на самом деле.

ГЛАВА 16

31 октября 1971 года пришлось на воскресенье. Это значит, что завтра дети пойдут в школу. Глядя на ребятишек, я вспомнил о Кейт и о своих детях, когда они были в таком же возрасте. Я развел огонь в камине, приготовил свою любимую кружку с горячим сидром, набил трубку, поставил любимую пластинку Кейт на проигрыватель и сел у огня, погрузившись в воспоминания. Мне было спокойно, и я был счастлив.

Однако чем-то этот день тревожил меня. Он был холодным, ветреным. Солнце сверкало в кристально-чистом небе. Алые, бронзовые, желтые деревья четко вырисовывались на фоне неба. Я вышел прогуляться.

По пешеходным дорожкам Сенлака передо мной катились листья, подгоняемые ветром, слышались странные звуки, казалось, листья смеялись, когда домохозяйки пытались сгрести их в кучу. За городом раскинулись поля, пустынные, темные, как будто чего-то ожидающие. Стаи ворон все еще кружились над ними, зловеще каркая. Я сошел с шоссе и зашагал по старой грязной дороге, по которой автомобили ездили редко. Эта дорога вела в лес Моргана.

Я шел по ней, пока не добрался до ручья. Здесь я долго стоял на мосту, глядя, как вода пробирается между камнями. Белка прыгала по своим владениям на дубе, которому было больше ста лет. Я прислушивался к звукам, окружавшим меня, вдыхал воздух, словно пил холодную воду, ощущал запахи сырой земли... Я ни о чем не думал, не размышлял, я просто был здесь.

Но мои старые кости и истончившаяся плоть все-таки напомнили о себе, и я направился домой. Горячий чай и трубка казались мне высшим блаженством. А

потом я напишу письмо Биллу и Джуди, что собираюсь этой зимой навестить их в Калифорнии.

Я не видел автомобиля, стоящего возле каштана, пока чуть не налетел на него. И сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Может быть... Машина другая, но... Я совсем забыл о больных ногах и пустился бегом.

Джек и Леонса выбежали мне навстречу. Мы обнялись. Все трое сразу.

— Привет, привет, — бормотал я. — Почему вы не предупредили? Я бы подготовился.

— Все о'кей, док, — отвечал Джек. — Мы сидим и наслаждаемся.

Я отступил назад и осмотрел Хейвига. Он похудел, глубокие морщины залегли по обеим сторонам губ и под глазами. Кожа была загорелая, но слишком сухая, в волосах уже появилась седина. Лет сорок с лишним, прикинул я. Значит, для него прошло лет десять с момента нашей последней встречи. Я повернулся к его жене. Высокая, гибкая, с такими же пышными формами... Да, прошедшие годы гораздо меньше изменили ее, чем Хейвига. Конечно, она ведь моложе его. И все-таки я заметил сеть мелких морщинок возле глаз и проблески серебра в бронзовой гриве волос.

— Все в порядке? — спросил я и вздрогнул, но не от холода. — Вы победили Ээрию?

— Да, да, — с торжеством ответила Леонса. Хейвиг просто кивнул. В нем чувствовалась какая-то скованность. Он обнял жену за талию. Я не думаю, что она могла бы оставаться счастливой, если бы чувствовала, что Джека что-то гнетет.

— Прекрасно! — воскликнул я. — Заходите в дом.

— Выпить чаю? — засмеялась она.

— О, боже, нет. Такой случай требует аквавита Альборга или пива от Карлсберга и Гленливета. Я позвоню Свенсону, закажу хороший обед и... Сколько вы можете пробыть у меня?

— Боюсь, не очень долго, — сказал Хейвиг. — День или два. У нас впереди еще много дел.

Их рассказ занял несколько часов. Солнечный закат уже окрасил золотом западную часть неба, деревья,

крыши соседних домов, когда я в общих чертах узнал, как идут у них дела. Ветер стучался в окна. Хотя в доме было еще тепло, я почувствовал, что пора подбросить в камин немного дров. Я хотел встать, но Леонса сказала, что этим она займется сама. Руки ее не потеряли прежних навыков, и на нее приятно было смотреть. Приятно было и то, что, несмотря на все те ужасы, о которых я услышал, взгляд Хейвига с любовью следил за Леонсой.

— Плохо то, что не удалось предотвратить основание Ээрии, — сказал я.

— Мы не смогли, — ответил Хейвиг. — Но я не уверен, что это плохо. Разве мог бы такой человек, как я, принять жестокое решение? Нет, я все время надеялся бы на что-то, что изменит все к лучшему. Разве я стал бы создавать организацию специально для этого, если бы не... — Он замолчал.

— Ксения, — пробормотал я. — Да, конечно.

Леонса взглянула на нас.

— Даже Ксения не смогла ничего изменить, — сказала она. — Крестоносцы не убили ее, она спаслась и прожила еще девять лет. — Леонса улыбнулась. — И пять из них — с Джеком, она получила меньше счастья, чем я, но все же...

Я подумал, что Леонса изменилась меньше, чем Хейвиг, но больше, чем я думал сначала.

Хейвиг молчал, и я понял, что его рана затянулась. След, конечно, остался, но раны больше нет. Так всегда бывает, если у человека здоровы и тело, и дух.

— Хорошо, — сказал я, стараясь уклониться от печальной темы. — Вы собрали вместе себе подобных, низвергли зло, принесли людям добро. Значит, теперь я принимаю у себя Короля и Королеву?

— Что? — Хейвиг удивленно вскинул брови. — Мы не король и королева.

— Разве вы не правите там, в будущем?

— Пока — да. Кто-то же должен править. Но с нами сотрудничают мудрейшие, кого мы смогли найти, и не обязательно путешественники во времени. Мы делаем все, чтобы превратить наше военное общество в свободную республику.

Леонса пошевелила поленья в камине: они потрескивали, огонь отражался в ее глазах.

— Не понимаю, — сказал я уже в который раз за сегодняшний вечер.

Хейвиг подыскивал слово.

— Док, — сказал он наконец. — В этот раз мы уйдем отсюда, и ты никогда больше не увидишь нас.

Я сидел спокойно. Солнце уже ушло за горизонт, наступил вечер.

Леонса подбежала ко мне, обняла, поцеловала. Меня окружил свежий аромат ее волос, смешавшийся с запахом дыма.

— Нет, док! — воскликнула она. — Это вовсе не значит, что ты скоро умрешь.

— Я не хочу... — начал я.

— А-а, — в ней заговорило простодушие девушки варварского племени. — Ты хочешь сказать, что не хочешь знать даты своей смерти. Мы и не собираемся говорить тебе этого, но, черт побери, у тебя впереди еще много времени.

— Дело в том, — как всегда точно объяснил Хейвиг, — что мы, я и Леонса, покидаем Землю. Сомневаюсь, что мы вернемся.

— Что хорошего в путешествиях во времени? — риторически спросил он, когда к нам вернулась способность обсуждать дела.

— Но... — промямлил я.

— Контроль исторического развития? Неужели ты веришь, что горстка людей способна сделать это? Уоллис верил в это, но ты-то, надеюсь, нет? И ты не веришь, что они должны делать это.

— Ну... история... археология...

— Согласен, знания — вещь важная и нужная. Но судьбу предвидеть нельзя. Это смерть надежды. Получив знания, разве может человек остановиться, оставить их при себе? Неужели он не захочет использовать их?

— Все зависит от результата, Джек.

Леонса, сидевшая рядом с ним, шевельнулась, и по стене запрыгали тени от притушенного торшера, от пляшущего огня в камине.

— И нас, — сказал он, — результат привел к звездам. Вот чем хороши путешествия во времени.

Джек улыбнулся. С виду он был спокоен, но в его голосе прорывались звенящие ноты.

— Почему, ты думаешь, мы решили завершить Фазу-2, Полярис Хауз, как мы ее называем? Я уже сказал тебе, что мы не собираемся править миром.

Нет, Полярис Хауз предназначен для исследований и разработок. Эта работа будет завершена, когда будут готовы первые корабли.

— И они будут! — воскликнула Леонса. — Мы видели!

Хейвиг оживился тоже. Его пальцы стиснули стакан, о котором он совсем забыл. Он горячо заговорил:

— Я еще не изучил технологические и научные детали. Именно поэтому нам нужно в будущее. Физики говорят о математическом эквиваленте путешествия в прошлое и о возможности лететь со сверхсветовой скоростью. Они надеются разработать теорию, которая поможет создать такой корабль. Может, у них это и получится. Но, может, выйдет в далеком будущем или на другой планете, вращающейся вокруг другого Солнца. Это не меняет дела. Корабль может лететь и с небольшой скоростью, если команда состоит из путешественников. Ты понимаешь меня? Путешествие может длиться столетиями. Но для нас путешествие в будущее, даже если мы перемещаемся в пространстве, занимает минуты, часы...

— Наши дети будут иными. Но они будут там! Мы откроем человечеству путь в бесконечность!

Я посмотрел в окно. Созвездия прятались в облачном небе.

— Понимаю, — медленно сказал я. — Грандиозные планы.

— И необходимые, — добавил Хейвиг. — А без нас и без нашего главного врага это никогда не могло бы быть сделано. Маури могли бы собрать необходимые ресурсы для межпланетных путешествий, но они не сделали этого. Их запрещения разрабатывать энергетические установки вначале были жизненно необходи-

мы для спасения Земли, но затем, как всегда это бывает, стали тормозом на пути прогресса. Несомненно, культура, которая последует за Маури, не сможет подняться к звездам.

— Мы поднимемся! — восторженно воскликнула Леонса. — Звездные Хозяева — наша раса!

— И спасители жизни на Земле, — добавил Хейвиг. — Ведь цивилизация, которая сейчас владеет Землей, подходит к концу. И спасение придет только извне. Вселенная неизмеримо больше, чем может себе представить любое воображение.

— Насколько я понимаю, звездные пришельцы вдохнут в Землю новую жизнь, — сказал я неуверенно.

— О, да. Причем более в духовном смысле, чем в материальном. Опыт существ, рожденных в самых разных местах Вселенной, даст человечеству новый импульс. Особенно это коснется философов, мистиков. Я не знаю, к чему приведет единение с внеземными цивилизациями. Быть может, к новому, высшему состоянию души? Но я верю, что конец будет счастливым, и именно для этого мы, путешественники во времени, и рождены.

Леонса легонько тронула его:

— Ты заболтался и слишком ударился в высокие материи. Кончай свои пророчества, милый, и обрати внимание на свой стакан.

— И вы оба намерены быть среди первых исследователей?

— Мы имеем на это право, — сказала она.

— Простите, это не мое дело, но ваши дети не смогут унаследовать ваш дар...

Лицо ее стало серьезным.

— Может, мы найдем Новую Землю, чтобы вырастить их. Мы все-таки еще не так стары. — Она посмотрела на заостренный профиль мужа. — А может, мы просто будем скитаться по Вселенной, пока не умрем.

Наступила тишина. Я встал с кресла, чтобы открыть дверь, в которую постучали. На пороге стояли три маленькие фигурки: клоун, медведь и астронавт. В

руках у них были бумажные пакеты. Они запели старинную песенку, которую пели до них миллионы ряженых.

Прошел год с тех пор, как Джек Хейвиг и Леонса из Вахорна распрощались со мной. Я часто думаю о них. Разумеется, обычные заботы заполняют мои дни, но и в суете я всегда нахожу время вспомнить о них.

Они могут быть сейчас в любом месте планеты, предаваться отчаянию или торжеству. Ведь именно сейчас происходит все, о чем они рассказывали мне. Но мы никогда больше не встретимся. Конец их жизни безмерно далек от момента моей смерти.

Что ж, такова жизнь человека. И Земли в космосе...

Я хочу... я иногда хочу... Я хочу, чтобы они были счастливы и свободны в это лето, которое для них уже прошло. Чтобы они заехали ко мне, и мы бы вместе купались в озере, гуляли по лесу. Они наверняка захотели бы увидеться с Элеонорой, его матерью. В один их тех моментов, когда Джек был уверен, что находится в безопасности, он сказал ей... что? Она никогда не говорила мне.

Я хотел бы, чтобы он ответил на вопрос, который давно меня мучает.

Как появилась раса путешественников?

Мы с ним предположили, что уже знаем зачем. Но мы не задавались вопросом, кто — или что — почувствовал необходимость в них и создавал эту расу?

Случайная бессмысленная мутация? Тогда любопытно, что после Хейвига не родился ни один путешественник. По правде говоря, когда они сделали свое дело, освободили человечество, открыв ему вечность, они стали не нужны. Их знание будущего стало лишним, никому не нужным, даже до некоторой степени вредным. Но кто решал все это? Кто формирует реальность, в которой мы живем?

Я недавно читал работы по экспериментальной генетике. Вероятно, можно создать вирус, который будет переносить гены от одного существа к другому, причем не обязательно существу того же вида. А природа, может быть, уже умеет это делать, и вполне возможно,

что мы несем в себе гены тех живых существ, которые никогда не были нашими предками. Хорошо, если это так. Мне нравится чувствовать себя родственником всего живого.

Но не может ли быть создан вирус, переносящий эту странную способность — путешествие во времени? Возможно, он давно создан в будущем, и некоторые прошлые эпохи наводнены им, наполнены людьми, пришедшими из невообразимо далекого будущего?

Почти каждый вечер я брожу по городу, стою под высокими осенними звездами, смотрю вверх и думаю...

ПОВЕСТЬ

Человек, который пришел слишком РАНО

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ СЛИШКОМ РАНО

Да, к старости человек узнает так много, что странным кажется, какая малость может его иногда удивить. Говорят, у миклагардского короля перед троном лежит зверь из чистого золота, который будто бы встает на дыбы и рычит. Слышал я об этом от Эйлифа Эйриксона, что служил в королевской дружине, а ему, когда он не пьян, верить можно. Видел он и греческий огонь, горящий на воде.

Вот почему, жрец, я так легко верю твоим рассказам о Христе. Бывал я и в Англии, и в стране франков, видел — хорошо живет там народ. Должно быть, это очень могущественный бог, коли столько народов поклоняется ему... Ты как будто сказал, что каждому, кто перейдет в твою веру, дадут белую одежду? Я бы не прочь иметь такую. Только вот заплесневеет она из-за наших проклятых исландских туманов, но ведь можно принести жертву домовым, и... Как? У вас этого не делают? Полно! Я готов даже поступиться куском доброй конины, хоть зубы у меня уже совсем не те... Ведь каждый разумный человек знает, сколько неприятностей могут причинить домовые, если их не накормить досыта.

...Что ж, выпьем еще по чаше и поговорим. Нравится тебе мое пиво? Я сам его варю. А чаши эти я привез из Англии много лет назад. Тогда я был еще молод... Как идет время... Потом я вернулся сюда, получил в наследство от отца вот эту усадьбу и с тех пор уж никуда не уезжал. Плавать с викингами хорошо смолоду, а станешь постарше — начинаешь понимать, чем

по-настоящему богат человек: богатство — это земля и скот.

Подкинь-ка топлива, Хьялти! Холодновато становится. Порой мне кажется, что зимы теперь куда суровее, чем в мои мальчишеские годы. Вот и Торбранд из Сэлмондейла тоже так считает, но, по его мнению, это боги сердятся за то, что многие из нас отвернулись от них. Нелегко тебе будет, жрец, обратить в свою веру Торбранда. Уж очень он упрям. Что до меня, то я человек сговорчивый и умею хотя бы слушать.

...И вот что еще. В одном ты неправ. Через два года не будет конца света. Уж это я знаю наверняка!

Ты спросишь меня откуда? Это длинная история, да и жуткая. Хорошо, что я уже стар и буду спокойно лежать в земле задолго до того, как наступит это великое завтра. Страшное будет время перед тем, как придут Великие Морозы[1]. Нет, что я говорю — перед тем, как архангел затрубит в боевой рог. Ведь и проповеди твои я слушаю потому, что знаю: Христос одержит верх над Тором. Скоро вся Исландия примет христианство, так уж лучше оказаться в стане победителей.

Нет, все, что я расскажу, мне не привиделось. А случилось это пять лет назад, и мои домочадцы и соседи могут клятвенно все подтвердить. Почти никто из них не верил тому, что рассказывал незнакомец. А я вот верю, хотя бы уже оттого, что лгун, по-моему, не способен причинить столько бед. Я люблю свою дочь, жрец, и когда все кончилось, нашел ей хорошего мужа. Она не возражала, но теперь сидит со своим мужем в усадьбе на мысу и не пришлет мне даже слова привета. Муж ее, как говорят многие, недоволен, что она так молчалива, печальна, потому он и проводит ночи с наложницей-ирландкой... Укорять его я не могу, но, сказать по совести, меня все это очень огорчает.

Так вот. Я уже порядком выпил и могу поведать тебе эту историю. Мне все равно, поверишь ты или нет.

---

[1] Исландское поверье, адекватное христианскому «концу света», который «намечался» на 1000 год. — *Здесь и далее в рассказе примечания редакторов.*

Эй, девушки! Наполните-ка нам чаши, не то в горле у меня пересохнет, прежде чем я закончу рассказ.

Случилось это в один прекрасный день, пять лет назад, в конце весны. В ту пору со мной и моей женой Рагнильдой оставалось лишь двое наших детей, которые еще не обзавелись собственной семьей: младший сын Хельги — ему исполнилось тогда семнадцать зим — и восемнадцатилетняя Торгунна. Дочь моя считалась красивой. Много женихов приходило сюда, но она всем отказывала, а я не из тех, кто станет силой принуждать дочь к повиновению. Что касается Хельги, так он всегда отличался проворством и умел неплохо работать, хоть и был безрассуден по молодости лет. Сейчас-то он в Норвегии, в дружине короля Олафа. Кроме нас четверых в доме было около десятка слуг: двое рабов-ирландцев, две служанки, помогавшие по дому, и шесть керлов[1]. Хозяйство немалое!

Ты еще не видел, как расположены мои владения? В трех километрах к западу находится залив, а примерно в восьми километрах к югу, возле Рейкьявика, — несколько рыбацких дворов. По направлению к Лонг Ёкуль местность повышается; земля у меня холмистая. Зато покосы на ней хороши, а на берегу можно найти плавник. Я даже выстроил навес для хранения леса и сарай для лодок.

Так вот, с вечера накануне того дня разыгрался шторм, и утром мы с Хельги отправились на поиски плавника. Тебе, норвежцу, не понять, как ценится дерево у нас в Исландии, — ведь здесь растет только мелкий кустарник. Нам приходится привозить лес из других стран. В старину, бывало, поджигали дома кровных врагов, но мы считаем такой поступок страшным злодеянием, хотя это и теперь иногда случается...

Я жил в мире со своими соседями, поэтому мы взяли с собой немного оружия: я — топор, Хельги — меч, а у двух керлов, что нас сопровождали, были копья. После ночной бури день стоял ясный, и лучи солнца весело играли в высокой мокрой траве. Я смотрел на

---

[1] Керл — в древней Исландии вольный крестьянин, не имевший собственного хозяйства. Керлы часто нанимались в батраки.

свои сочные луга, на сытых овец и коров с лоснящимися боками, на дым, поднимавшийся из отверстия в крыше, и думал о том, что жизнь прожита не зря. Когда усадьба скрылась за холмом и мы приблизились к воде, тихий западный ветерок стал теребить волосы моего Хельги. Удивительно, как ясно вижу я сейчас все, что случилось в тот день, хотя, конечно, этот день и должен был больше врезаться в мою память, нежели любой другой.

Мы спустились к морю. Оно с грохотом билось о камни, и бело-серые волны виднелись до самого края света. Несколько чаек с криком метались над нами: наше появление отпугнуло их от рыбы, прибитой штормом к берегу, где было полно плавника и лежал даже целый сосновый ствол... Наверное, в ту ночь потонуло груженное бревнами судно. Находка была ценной, но мне, как человеку осторожному, следовало совершить жертвоприношение, дабы не опасаться бедствий, которые может наслать дух владельца леса.

Мы потащили это бревно под навес, как вдруг Хельги вскрикнул. Я схватился за топор и посмотрел туда, куда указывал сын. Кровной вражды у нас в ту пору не было ни с кем, но ведь нередко в наших местах появляются всякие бродяги.

Однако этот человек выглядел вполне безобидно. И вправду, пока он, спотыкаясь, шел к нам по сырому песку, я заметил, что он совсем безоружен, и не мог понять, откуда он взялся. Это был рослый здоровяк в очень странной одежде: куртка, штаны и башмаки похожи были на наши, но какого-то нелепого покроя, а на икрах вместо перетянутых крест-накрест ремешков были какие-то чулки из твердой кожи. Не доводилось мне видеть и такого шлема: почти квадратный, он прикрывал шею, а нос оставался открытым — стрелки не было. Держался этот шлем на голове при помощи кожаного ремешка, и, верите ли, он был сделан из одного цельного куса, только не похожего на металл.

Подойдя немного ближе, незнакомец торопливо и неуклюже побежал в нашу сторону, размахивая руками и что-то выкрикивая. Слова его больше походили на собачий лай, чем на любой из языков, — а я их

слыхивал немало. Он был бритый, темные волосы коротко подстрижены, и я решил, что незнакомец, должно быть, франк. Этот человек был молод и хорош собой — голубоглазый, с правильными чертами, и хотя сложения он был отменного, по цвету его кожи я определил, что большую часть жизни он провел под крышей.

— Может, он с потонувшего корабля? — спросил Хельги.

— Посмотри на его одежду, — возразил я, — она у него сухая и чистая. Видно, он не так давно странствует, даже бородой не оброс! Но что-то я не слышал, что у нас в округе гостит какой-либо чужестранец.

Мы опустили оружие, а он подбежал к нам и остановился, судорожно переводя дыхание. Я увидел, что его куртка и рубашка не зашнурованы, а скреплены какими-то косточками и сшиты из плотной материи. На шее у него висела засунутая под куртку узкая полоска ткани. Все эти одеяния были коричневатых оттенков. Башмаки его тоже выглядели нелепо, но были сшиты на славу. На плотной куртке в разных местах крепились кусочки меди, на каждом рукаве — по три светлых полоски и черная лента с такими же белыми буквами, что и на шлеме. Это были не руны, а настоящие римские буквы «MP»[1]. Опоясывал его широкий ремень, на котором сбоку в ножнах висел маленький, похожий на дубинку, металлический предмет, а с другого боку — обыкновенная дубинка.

— Он, наверное, колдун, — пробормотал мой керл Сигурд. — Иначе к чему все эти амулеты?

— Может, для красоты или от дурного глаза, — успокоил его я. И, обратившись к незнакомцу, сказал: — Я Оспак Уольфсон из Хилстеда. А кто ты такой?

Грудь его тяжело вздымалась, взгляд был безумным. Он, должно быть, прибежал издалека. Потом он застонал и, закрыв лицо руками, опустился на землю.

— Он, наверное, болен, лучше отведем его домой, — предложил Хельги.

---

[1] Military Police — военная полиция (*англ.*).

Глаза Хельги сияли — нам так редко удается видеть новые лица.

— Нет... нет... — поднял голову незнакомец. — Дайте мне минутку передохнуть...

Говорил он по-норвежски довольно бегло, но произносил слова так, что его трудно было понять. Кроме того, он вставлял в свою речь много чужеземных слов, которых я не знаю.

— Может, это викинги высадились? — вмешался мой второй керл Грим и сжал в руке копье.

— Где же это видно, чтобы викинги появлялись в Исландии? — усмехнулся я. — Спокон веку не было такого.

Незнакомец затряс головой, словно приходя в себя после удара. Чуть пошатываясь, он поднялся на ноги.

— Что случилось? — спросил он. — Что сталось с городом?

— С каким городом? — удивленно спросил я.

— С Рейкьявиком! — простонал незнакомец. — Где он?

— В пяти километрах к югу, откуда ты пришел, если только ты не имеешь в виду фьорд, — ответил я.

— Нет! Там осталась лишь отмель с несколькими жалкими лачугами да...

— Берегись, если Ялмар Широконосый услышит, как ты отзываешься о его усадьбе, — предупредил я.

— Но там был город! — вскричал он. Взгляд его стал безумным. — Я переходил улицу, когда раздался взрыв, все стало рушиться, я очутился на берегу, а город исчез!

— Он спятил, — отступая на шаг, сказал Сигурд. — Осторожней! Если у него изо рта пойдет пена, значит, он берсерк[1].

— Кто вы? — пробормотал незнакомец. — Почему вы все в такой одежде? Зачем вам эти копья?

— Нет, не похож он на безумца, — заметил Хельги. — Он просто перепуган и растерян. Не иначе как с ним что-то стряслось!

---

[1] Берсерк — свирепый воин, приходящий в исступление и одержимый припадками безумия. Древние скандинавы верили в неуязвимость берсерка.

— На нем — проклятье богов, не хочу я стоять рядом с ним! — взвизгнул Сигурд и бросился бежать.

— Вернись! — закричал я. — Стой, не то я проломлю твою вшивую голову!

Сигурд остановился — у него не было родни, которая могла бы за него отомстить, — но к нам не подошел. Тем временем незнакомец успокоился настолько, что по крайней мере обрел способность членораздельно говорить.

— Это была водородная бомба, да? — спросил он. — Разве началась война?

Он и потом часто повторял слова «водородная бомба», вот я и запомнил их, хоть и не ведаю, что они значат. Кажется, что-то вроде греческого огня. Что же касается войны, то я не понял, о какой войне идет речь.

— Вчера вечером разыгралась сильная буря, — добавил я. — Ты говоришь, что слышал грохот. Быть может, Тор[1] ударил своим молотом и перенес тебя сюда.

— Куда это сюда? — спросил он.

Теперь, когда первый испуг прошел, голос его звучал ровнее прежнего.

— Я тебе уже говорил. Это Хилстед в Исландии.

— Но я и был в Исландии, — пробормотал он. — В Рейкьявике... Что произошло? Наверное, все уничтожено водородной бомбой, пока я был без сознания?

— Ничего не уничтожено, — возразил я.

— Быть может, он говорит о пожаре в Олафсвике месяц назад? — предположил Хельги.

— Нет, нет! — Он закрыл лицо руками, но спустя минуту снова взглянул на нас и произнес: — Послушайте. Я Джеральд Робертс, сержант военной базы Соединенных Штатов в Исландии. Я был в Рейкьявике в тот момент, когда в меня ударила молния или что-то другое. Очутившись вдруг на берегу моря, я испугался и побежал. Вот и все. А теперь объясните мне, как добраться обратно до базы.

---

[1] Тор — в скандинавской мифологии бог-громовержец, вооруженный каменным топором; покровитель земледелия.

Я почти слово в слово передаю тебе, жрец, все, что он сказал. Мы, конечно, не поняли и половины его слов, а потому заставили его повторить их несколько раз и объяснить, что они значат. Но даже тогда мы уразумели только, что он из какой-то страны, называемой Соединенными Штатами Америки, что находится эта страна, по его словам, к западу от Гренландии и что он вместе с другими своими соотечественниками прибыл в Исландию, чтобы защищать наш народ от врагов. Он не лжет, думал я, скорее, просто ошибается, или все это ему пригрезилось. Грим готов был уложить его на месте за то, что он считает нас глупцами, способными поверить его россказням, но я-то видел: незнакомец говорит то, что думает.

Когда ему удалось втолковать нам все это, он почти совсем пришел в себя.

— Послушайте, — начал он тоном чересчур рассудительным для рехнувшегося, — давайте попробуем добраться до истины вместе. Разве вы не слыхали о войне? Ничего такого, что бы... Ладно, слушайте. Мои соотечественники впервые прибыли в Исландию, чтобы охранять ее от немцев. Вы знаете, когда это было?

Хельги покачал головой.

— Я-то знаю, что такого никогда не было, — ответил он. — А кто эти немцы? Если только не старые колдуны...

— Он говорит об ирландских монахах, — объяснил я. — Тут жило несколько монахов, но когда пришли норвежцы, их выгнали. Это было... хм... лет сто с чем-нибудь назад. Твой народ помогал этим монахам?

— Да я о них и знать не знаю! — воскликнул он, как-то странно всхлипнув. — Вы... Разве вы, исландцы, пришли не из Норвегии?

— Ну да, лет сто назад, — терпеливо растолковывал ему я. — А после этого король Харальд Светловолосый завоевал все норвежские земли и...

— Сто лет назад! — прошептал он, и я увидел, как лицо его побледнело. — Какой же сейчас год?

Мы уставились на него в изумлении.

— Второй год после великой охоты на лосося, — пытался вразумить его я.

— Какой год с рождества Христова, спрашиваю я? — прохрипел он, с мольбой глядя на нас.

— А, значит, ты христианин? Хм, дай-ка подумать... Однажды в Англии мне довелось беседовать с епископом. Мы с него взяли выкуп, а потом отпустили, так он сказал... Подожди-ка... Он вроде сказал, что ваш Христос жил тысячу лет назад или, быть может, чуть поменьше.

— Тысячу...

Незнакомец затряс головой, и что-то ушло из него, ибо глаза у него вдруг остекленели. Мне приходилось видеть стекло, я ведь говорил тебе, что побывал во многих странах... Вот так он и стоял, а когда мы повели его к усадьбе, шел покорно, как малое дитя.

Ты своими глазами видишь, жрец, что жена моя Рагнильда, хоть она уже и не молода, до сих пор хороша собой, а Торгунна пошла в нее.

Она была... Нет, и нынче она высока и стройна, а на голове у нее целая копна золотистых волос. По обычаю наших девушек она носила их распущенными по плечам. У нее были голубые глаза, чуть удлиненное лицо и алые губы. И к тому же веселый, добрый нрав, поэтому все мужчины были влюблены в нее, а Сверри Сноррасон даже в викинги ушел, когда она отказала ему, и погиб. Но ни у кого не хватило ума понять, что она так и не была счастлива...

Мы привели домой этого Джеральда Сэмсона — на мой вопрос он ответил, что его отца звали Сэм, — оставив Сигурда и Грима на берегу собирать плавник. Есть люди, которые, побоявшись колдовства, не рискнули бы привести к себе в дом христианина, но я человек не суеверный, а Хельги просто сходит с ума, когда видит что-нибудь новое. Пока мы шли полями, наш гость брел, спотыкаясь, как слепой, но едва миновали ворота, он сразу словно очнулся: обежал взглядом все дворовые постройки от конюшен и сараев до коптильни, пивоварни, кухни, бани, капища и самого дома. А в дверях дома как раз стояла Торгунна.

На мгновенье их взгляды встретились, и я увидел, что она покраснела, но тогда я над этим не задумался. Когда мы, разгоняя собак, шли по двору, наши баш-

маки громко стучали по плитняку. Двое моих рабов, бросив чистить конюшни, вытаращили на нас глаза, пока я не заставил их вернуться к работе, заметив, что бездельника никогда не поздно принести в жертву. (Вы, христиане, не используете это право; честно говоря, я сам тоже никогда не принес бы в жертву человеческую жизнь, но вы даже не представляете, как помогает само напоминание об этом!)

Мы вошли в дом, я назвал домочадцам имя незнакомца, поведал им, где мы его нашли. Рагнильда послала служанок разжечь огонь в очаге и принести пива, а я тем временем усадил Джеральда на самое почетное место и сел рядом с ним. Торгунна поднесла каждому из нас рог с пивом.

Пригубив напиток, Джеральд поморщился. Я даже обиделся, потому что мое пиво слывет лучшим в округе, и спросил, что ему не понравилось. Он грубовато засмеялся и ответил, что нет, мол, пиво неплохое, но он привык к такому, которое пенится и не очень кислое.

— А где такое варят? — недоверчиво спросил *я*.

— Везде. И в Исландии тоже. Нет... — Он невидящим взглядом смотрел перед собой. — Скажем... в Винланде.

— А где этот Винланд? — спросил *я*.

— На западе, откуда я приехал. Я думал, вам известно... Подождите. — Он опять покачал головой. — Быть может, я сумею кое-что понять. Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Лейф Эйриксон?[1]

— Нет, — ответил *я*.

Много позднее мне пришло в голову, что именно эти слова доказывают истинность его истории, ибо теперь викинг Лейф Эйриксон известен всем; с большим доверием я ныне слушаю и рассказы о странах, которые видел Бьярни Херюльфсон[2].

---

[1] Лейф Эйриксон, или, как его прозвали, Лейф-счастливчик, — скандинавский викинг, совершивший на исходе X века плавание к берегам Американского континента. В открытой им стране рос дикий виноград, и потому она была названа Винланд.

[2] Бьярни Херюльфсон — норвежский викинг. В 985 г., когда он держал путь в Гренландию, ветром и течением его отнесло к далекой лесистой земле, которую историки отождествляют с материком Северной Америки.

— А о его отце Эйрике Рыжем слышали? — спросил Джеральд.

— Слышал, — ответил я. — Видимо, ты говоришь про норвежца, который, убив человека, бежал из своей страны в Исландию, а потом и отсюда по той же причине; он сейчас живет вместе с другими в Гренландии.

— Тогда, значит... это незадолго до путешествия Лейфа, — пробормотал он. — Конец десятого века.

— Постой, — вмешался Хельги, — мы терпеливо слушали тебя, но сейчас не время для шуток. Придержим их до пиров и похмелья. Скажи нам ясно и просто, откуда ты и каким путем сюда добрался.

Джеральд закрыл лицо руками.

— Оставь его, Хельги, — сказала Торгунна. — Разве ты не видишь, что у него горе?

Гость поднял голову и взглянул на нее, как побитая собака, когда ее погладят. В комнате было сумрачно — в окна под потолком еще падал дневной свет, поэтому свечи пока не зажигали. Тем не менее я приметил, что оба они покраснели.

Глубоко вздохнув, Джеральд начал что-то искать в карманах — а у него чуть ли не вся одежда состояла из карманов. Он достал пергаментную коробочку, вынул из нее маленькую белую палочку и вставил себе в рот. Затем достал другую коробку, а из нее — деревянную палочку, провел ею по коробке, и на конце палочки вспыхнуло пламя. Этим огоньком он поджег палочку во рту и вдохнул дым.

Мы смотрели на него во все глаза.

— Это христианский обряд? — спросил Хельги.

— Нет... не совсем. — Губы его скривились в улыбку; в ней было немало разочарования и горечи. — А я-то думал, что вы удивитесь, даже испугаетесь.

— Мы и вправду видим это впервые, — признался я, — но ведь исландцы не из пугливых. Огненные палочки могут нам пригодиться. Ты приехал, чтобы торговать ими?

— Нет, вряд ли. — Он вздохнул. Дым, который он вобрал в себя, как ни удивительно, по-видимому, придал ему силы, в то время как из-за дыма в нашем

помещении поначалу гость закашлялся, и у него выступили слезы на глазах. — Дело в том... Вы не поверите мне. Я сам не могу себе поверить.

Мы ждали. Торгунна застыла, чуть подавшись вперед; рот ее был полуоткрыт.

— Удар молнии... — Джеральд утомленно кивнул головой. — Во время грозы я очутился на улице, и молния, должно быть, ударила в меня, да так, как это бывает лишь один раз за многие тысячелетия. Удар этот отбросил меня в прошлые времена.

— Это были его слова, жрец. Я не понял их и сказал ему об этом.

— Понять действительно трудно, — согласился он. — Дай бог, чтобы мне это только приснилось. Но если это сон, придется потерпеть, пока я не проснусь... Так вот. Родился я в тысяча девятьсот тридцать втором году от рождества Христова, в расположенной на западе стране, которую вы еще не открыли. На двадцать третьем году жизни вместе с войсками из моей страны я прибыл в Исландию. В меня ударила молния — и вот... вот девятисотый с чем-то год от рождества Христова, и тем не менее я здесь — ведь осталась еще почти тысяча лет *до моего рождения*, — а я здесь!

Мы молчали. Стукнув об пол молотом, я приложил к губам рог и долго пил из него. Одна из служанок захныкала, но Рагнильда, хоть и шепотом, так сурово одернула ее, что услышал и я:

— Тише! Бедняга не в своем уме, но он не причинит нам вреда.

Я был согласен с нею, хотя последние ее слова и вызывали у меня кое-какие сомнения. Устами человека безумного могут говорить боги, а богам не всегда следует доверять. Кроме того, безумец может стать берсерком, а если на нем лежит тяжкое проклятие, оно может перейти и на нас.

Он сидел, глядя прямо перед собой, а я, погрузившись в размышления, поймал на себе несколько блох и раздавил их. Заметив это, Джеральд со страхом спросил, много ли у нас здесь блох.

— Конечно, много, — ответила Торгунна. — А у тебя разве нет?

— Нет. — Он криво улыбнулся. — Пока нет.

— Ах! — вздохнула она. — Значит, ты болен.

Она рассуждала вполне здраво. Я понимал ее мысль, как понимали ее и Рагнильда и Хельги. Раз человек так болен, что на нем даже нет блох, значит, естественно, он должен заговариваться. Я было забеспокоился, не перейдет ли это на нас, но потом решил, что вряд ли. У него ведь что-то с головой, возможно, от удара, который ему нанесли. Во всяком случае, раз дело происходит на земле, а не в небесах, мы сумеем с ним справиться.

Как годи, то есть как старейшине, который приносит жертвы, мне было невыгодно прогонять незнакомца. Более того, если он сумеет раздобыть побольше этих огненных палочек, можно будет наладить выгодную торговлю. Поэтому я велел Джеральду ложиться спать. Он было запротестовал, но мы силой уложили его в постель, где он, утомившись за день, вскоре уснул. Торгунна сказала, что присмотрит за ним.

На следующий день в благодарность за найденный лес и дабы уберечь себя от проклятия, которое могло лежать на Джеральде, я решил принести в жертву лошадь. Конечно, я выбрал старую и ни на что не годную. А кроме того, мы давно уже не лакомились свежим мясом. Джеральд весь день в задумчивости бродил по двору, но, входя в дом, чтобы поужинать, я услышал, что он и моя дочь смеются.

— Тебе, видно, лучше, — заметил я.

— Да... Ведь могло быть и хуже. — Заметив, что керлы положили на козлы доску, которая служила столом, Джеральд сел возле меня. Служанки внесли еду.

— Меня всегда привлекали времена викингов, — сказал гость, — делать же кое-что я умею.

— Что ж, — ответил я, — коли у тебя нет своего дома, можешь жить у нас.

— Я умею работать, — перебил он меня. — Вам не придется кормить меня даром.

И я понял, что он действительно пришел издалека, ибо какой вождь станет батрачить на чужой земле? И все же вел он себя с непринужденностью, свойственной людям знатного происхождения, а по виду его было заметно, что он привык к хорошей еде. Правда, явился Джеральд без даров, но я не придал этому значения; в конце концов он потерпел кораблекрушение.

— Быть может, тебе удастся вернуться обратно в свои Соединенные Штаты, — сказал Хельги. — Снарядим корабль, и я тоже охотно посмотрю это королевство.

— Нет, — мрачно возразил Джеральд, — такой страны нет. Пока нет.

— Значит, ты продолжаешь утверждать, что пришел из завтра? — проворчал Сигурд. — Сумасшедший. Передай-ка мне лучше свинину.

— Продолжаю, — упрямился Джеральд. Теперь он был совершенно спокоен. — И могу это доказать.

— Не понимаю, где научился ты, пришелец из дальних краев, говорить на нашем языке, — заметил я.

Я ни за что не назову человека в глаза лжецом, разве только тогда, когда мы мирно похваляемся друг перед другом, но...

— В моей стране в мое время будут говорить по-иному, — ответил он, — а вот в Исландии язык мало изменился с древних времен, и я научился ему по приезде сюда.

— Хоть ты и христианин, — сказал я, — но уж придется тебе потерпеть, когда мы нынче вечером будем совершать жертвоприношение.

— Мне все равно, — ответил он. — Боюсь, я никогда не был особенно ревностным христианином, и мне хотелось бы посмотреть на ваш обряд. А как вы это делаете?

Я объяснил ему, как на глазах у бога наношу лошади молотом удар по голове, потом перерезаю ей горло и ветками ивы разбрызгиваю кровь. Затем мы разделываем тушу и пируем на славу. Он поспешно произнес:

— Вот теперь я и смогу доказать, кто я такой. У меня есть оружие, которое убьет лошадь... вспышкой молнии.

— А что это такое? — заинтересовался я.

Мы все столпились вокруг Джеральда, когда он вытащил из ножен кривую металлическую дубинку и показал ее нам. Меня, правда, взяло сомнение: лезвия у нее не было, и на вид она годилась, пожалуй, только для того, чтобы ударить по голове, но я понял, что сработал ее удивительно искусный мастер.

— Ладно, давай попробуем, — согласился я.

Он показал нам все, что было у него в карманах: несколько необычайно круглых монет с удивительно четкой надписью, маленький ключ, палочку с грифелем внутри, чтобы писать, и плоский кошелек, в котором было множество бумаг с какими-то знаками. Когда он торжественно заверил нас, что некоторые из них деньги, то все, даже Торгунна, расхохотались. Но лучше всего был нож: лезвие его пряталось в рукоятку. Увидев, как я обрадовался ножу, он подарил его мне — большая щедрость со стороны человека, потерпевшего кораблекрушение. Я сказал, что взамен дам ему одежду и добрый топор и жить он может у нас столько, сколько захочет.

Нет, сейчас у меня нет этого ножа. Ты еще узнаешь почему. А жаль — это был отличный нож, хоть и совсем небольшой.

— А кем ты был до того, как стрела войны поразила твою страну? — спросил Хельги. — Купцом?

— Нет, — ответил Джеральд. — Я был... инженером... то есть я собирался им стать. Инженер строит дома, мосты, делает разные рабочие инструменты, прокладывает дорогу... Это больше, чем просто мастеровой. Поэтому я и считаю, что здесь мои знания могут очень пригодиться. — В глазах его я снова увидел лихорадочный блеск. — Дайте мне время, и я стану королем!

— У нас в Исландии нет королей, — проворчал я. — Наши деды пришли сюда, чтобы избавиться от королей.

У нас есть Тинг[1], где мы разбираем споры и принимаем законы, но каждый человек имеет право добиваться справедливости собственными силами.

— А если обидчик не согласен подчиниться? — спросил Джеральд.

— Тогда мы вспоминаем про кровную месть, — ответил Хельги и принялся рассказывать об убийствах, совершенных за последнее время. Глаза его горели, Джеральд смятенно вертел в руках пистолет. Так он называл свою дубинку, исторгавшую огонь.

— На тебе богатая одежда, — мягко заметила Торгунна. — Наверное, у твоей родни много земли.

— Нет, — ответил он. — Наш... наш король дает такую одежду каждому своему воину. Что же до моей семьи, то у нас нет земли, а живем мы в доме, в котором живет еще много семей.

Я и сам не люблю кичиться своим богатством, но он, этот человек, деливший со мной на правах старшего почетное место у очага, подумалось мне, нарочно прибедняется, говоря, что у него нет земли. Торгунна поспешила погасить мой гнев.

— У тебя еще будет своя усадьба, — сказала она.

Стемнело, и мы отправились к месту, где свершаются жертвоприношения. Керлы развели перед капищем костер, и, когда я отворил дверь, деревянный Один[2], казалось, прямо прыгнул нам навстречу. Джеральд шепнул моей дочери, что наш бог вырезан очень грубо, а так как Одина вырезал мой отец, я еще больше рассердился на Джеральда. Некоторым людям недоступно понимание истинного искусства.

Тем не менее я позволил гостю помочь мне подвести лошадь к каменному алтарю. Взяв в руки сосуд, куда собирают кровь, я заметил, что теперь он, если хочет, может убить лошадь. Джеральд достал свой пистолет, вложил его в ухо лошади и что-то нажал. Раздался

---

[1] Тинг — в скандинавской Исландии сходка, на которой решались все спорные вопросы в границах округа, в отличие от ежегодного Альтинга, собрания «самых умных людей страны».

[2] Один — в мифологии древних скандинавов верховный бог, создатель рода человеческого и всего сущего, воитель, мудрец и судья, а также покровитель мореплавания и торговли.

грохот, лошадь вздрогнула и упала, а в голове у нее оказалась дыра. Мозг был испорчен — вот какое грубое оружие! Затем я уловил резкий, горьковатый запах — так пахнет возле вулкана. Мы все подпрыгнули, одна из женщин вскрикнула, а Джеральд с гордостью огляделся по сторонам. Опомнившись, я поспешил окончить жертвоприношение. Джеральд не пожелал, чтобы его обрызгали кровью, но ведь в конце концов он был христианин. Супа из конины и конского мяса он тоже поел самую малость.

Потом Хельги долго расспрашивал его о пистолете, а он объяснял, что из пистолета можно убить человека с такого расстояния, какое пролетает стрела, но что будто бы в этом нет никакого колдовства, просто надо научиться кое-чему, чего мы еще не знаем. А поскольку мне уже доводилось слышать о греческом огне, то я ему поверил. Пистолет мог быть очень полезен в бою — в этом мне потом пришлось убедиться. Но нам не имело смысла делать такой же: железо стоит дорого, да и много месяцев пройдет, прежде чем удастся сработать хотя бы один.

Больше всего меня беспокоил сам Джеральд.

На следующее утро я услышал, как он рассказывал Торгунне разные глупости о своей стране: о домах, высоких, как горы, о повозках, что ездят без лошадей и летают по воздуху. В городе, где он живет, говорил он, тысячу раз по восемь или девять тысяч жителей, и называется этот город Нью-Йорвик или что-то в этом роде. Я, как и мои соседи, не прочь послушать хорошую выдумку, но это уж было чересчур, а потому, рассердившись, я велел ему идти со мной искать отбившийся от стада скот.

После того как мы целый день проблуждали в холмах, я убедился, что Джеральд не способен даже отличить, где у коровы зад, а где перед. Раз мы почти натолкнулись на заблудившийся скот, но чужеземец, ничего не соображая, пересек тропу прямо под носом у животных; они ушли, а нам пришлось начинать все сначала. Еле сдерживаясь, но все же учтиво я спросил его, умеет ли он доить коров, стричь овец, косить и

молотить. Нет, ответил Джеральд, он никогда не жил на ферме.

— Жаль, — заметил я, — ибо в Исландии этим занимаются все, кроме разбойников.

От моих слов он вспыхнул.

— Я умею делать многое другое, — возразил он. — Дайте мне инструменты, и я покажу вам неплохую работу по металлу.

— Что ж, это достойное занятие, — с радостью отозвался я, — и ты можешь оказать нам большую услугу. У меня сломан меч, а у нескольких копий погнуто острие; неплохо и подковать заново всех лошадей.

Тогда я не очень обратил внимание на то, что он, по его словам, ни разу не пробовал подковать лошадь.

Беседуя, мы возвратились домой. На пороге нас встретила рассерженная Торгунна.

— Так не принимают гостя, отец! — возмутилась она. — Заставляешь его работать, словно он простой керл.

Джеральд улыбнулся.

— Я рад работе, — ответил он. — мне нужно... что-нибудь такое, что бы меня подбодрило. И, кроме того, я хочу хоть немного отплатить вам за вашу доброту.

Я снова почувствовал расположение к нему и сказал, что мы, мол, не виноваты в том, что у них в Соединенных Штатах совсем другие обычаи. Завтра он может начать работу в кузнице, я буду платить ему, но считать его мы будем равным себе, поскольку искусные мастера у нас в почете. После этих слов наши слуги стали косо поглядывать на него.

В этот вечер Джеральд вовсю развлекал нас рассказами о своем доме; правдивы они были или нет, но слушали мы их с интересом. Однако настоящего лоска у него не было: он не умел сложить даже двух стихотворных строк! Необразованные и отсталые люди, видно, живут в этих Соединенных Штатах! Он объявил, что в его обязанности входило поддержание порядка в войске. Хельги был несказанно удивлен и заявил, что Джеральд, должно быть, очень храбрый человек, раз не боится обижать других людей, но тот ответил, что

солдаты подчинялись ему из страха перед королем. Когда Джеральд добавил, что молодые люди обязаны находиться на военной службе в течение двух лет и что они могут быть призваны даже во время сбора урожая, я заметил, что ему повезло, раз он выбрался из страны, которой правит такой безжалостный властелин.

— Нет, — задумчиво проговорил он, — мы люди свободные и говорим, что нам захочется.

— Но делать, что захочется, по-видимому, не можете, — заметил Хельги.

— Что ж, — отозвался Джеральд, — разумеется, мы не можем, например, убить человека только за то, что он нас оскорбил.

— Даже если он убил твоего родственника? — спросил Хельги.

— Даже в этом случае. Король... Король мстит за всех нас.

— Твои рассказы хороши, — усмехнулся я, — только здесь ты споткнулся. Как может один король выследить всех убийц, уж не говоря о том, чтобы им отомстить? Тогда у него даже не хватит времени родить наследника.

Раздался такой хохот, что гость не смог мне ответить.

На следующий день Джеральд в сопровождении раба, который должен был раздувать мехи, отправился в кузницу. Я же целые сутки пробыл в Рейкьявике у Ямьмара Широконосого, ездил договариваться насчет покупки овец. Я пригласил Ямьмара к нам погостить на денек, и мы прискакали в усадьбу вместе с ним и его сыном Кетилем, рыжеволосым двадцатилетним молодцом угрюмого нрава, которому в свое время тоже отказала наша Торгунна.

Джеральда я застал в зале, где он с мрачным видом сидел на скамье. На нем была одежда, которую я ему подарил, — его собственная была вся прожжена искрами и запачкана пеплом. Чего иного следовало ожидать от этого глущца? Он о чем-то тихонько беседовал с моей дочерью.

— Ну, — спросил я еще с порога, — как работалось?

Мой керл Грим захихикал.

— Сломал наконечники у двух копий, а пожар нам удалось погасить: не то сгорела бы вся кузня.

— Как? — воскликнул я. — Ты ведь сказал, что умеешь ковать?

Джеральд встал и вызывающе взглянул на меня.

— Дома у меня были другие инструменты, причем лучшего качества, — ответил он. — Здесь у вас все не так.

Оказалось, он раздул слишком сильный огонь, а молот его бил куда угодно, но только не туда, куда нужно. Он испортил сталь, не зная, как ее закаляют. Кузнечному делу, разумеется, учатся годами, но ему следовало бы признаться, что он и в подмастерьях-то не был.

— В таком случае, — резко обратился я к нему, — чем же ты будешь зарабатывать себе на хлеб?

Меня сердило, что я предстал в глупом свете перед Яльмаром и Кетилем, которым столько нарассказал о чужеземце.

— Это известно только Одину, — отозвался Грим. — Я поехал с ним верхом пасти коз и убедился, что никогда в жизни не видывал более неловкого всадника. Я спрашивал его, умеет ли он прясть или ткать; нет, ответил он.

— Мужчине не задают таких вопросов! — вспыхнула Торгунна. — Убить бы ему тебя за это!

— Пусть убивает, — засмеялся Грим. — Только позволь мне договорить. Я думал, что мы починим мост через ров. И что же? Пилой он еле-еле орудовал, зато чуть не отрезал себе ногу стругом.

— Мы не пользуемся такими инструментами, говорю я тебе!

Джеральд сжал кулаки и, казалось, готов был заплакать.

Я пригласил гостей сесть.

— Разделать свиную тушу и закоптить ее ты тоже, наверное, не сумеешь? — спросил я.

— Нет, — чуть слышно донесся ответ.

— Тогда... что же ты умеешь?

— Я... — слова застряли у него в глотке.

— Ты был воином, — напомнила ему Торгунна.

— Да, я был воином! — подтвердил он, и лицо его просветлело.

— В Исландии от этого мало проку, коли больше ничего не умеешь, — проворчал я, — хотя, быть может, если тебе удастся пробраться на восток, там какой-нибудь ярл[1] охотно возьмет тебя в свою дружину.

В глубине души, откровенно говоря, я сомневался в этом, ибо воин при дворе должен держать себя так, чтобы оказывать честь своему господину. Но мне было жаль его огорчать.

Кетилю Яльмарсону явно не нравилось, что Торгунна не отходит от Джеральда да еще заступается за него.

— Да ты и драться-то, наверно, не умеешь, — презрительно усмехнувшись, вмешался он.

— Этому-то меня хорошо учили, — мрачно отозвался Джеральд.

— Хочешь побороться со мною? — спросил Кетиль.

— Давай! — буркнул Джеральд.

Жрец, что такое человек, если как следует вдуматься? С годами жизнь все менее и менее представляется мне разделенной только на хорошее и плохое, на черное и белое, какой рисуешь ее ты; мы все — лишь существа серого цвета. Этот ни на что не годный парень, который даже не замахнулся топором, чтобы достойно ответить на вопрос, умеет ли он выполнять женскую работу, этот неотесанный увалень вышел с Кетилем Яльмарсоном во двор и там три раза кряду уложил его на обе лопатки. Он как-то по-особому захватывал Кетиля, когда тот лез на него... Заметив, что Кетиль в ярости готов убить нашего гостя, я приказал им остановиться, похвалил обоих и подал им по чаше пива. Но весь остаток вечера Кетиль просидел на скамье в мрачной задумчивости.

Джеральд рассказал, что можно сделать оружие, похожее на его пистолет. Оно будет размером больше пушки, как он ее назвал, и сможет потопить корабль

---

[1] Ярл (*др.сканд.*) — независимый от короля (конунга) феодал. Отсюда английское слово «earl» — «граф».

и рассеять войско. Только ему нужна помощь кузнецов и различные материалы. Древесный уголь был у нас под руками, серу, наверное, можно найти возле вулкана, но что такое селитра?

Теперь уже, не веря ему на слово, я подробно расспросил его, как он все это сделает. Знает ли он, из какой смеси получается порох? Нет, признался он. Какой величины должна быть пушка? Когда он ответил мне, что самое малое величиной с человека, я расхохотался и спросил, каким образом можно отлить такой большой предмет, даже если мы сумеем собрать столько железа? И этого он не знал.

— У вас нет орудий, чтобы сделать орудия, необходимые для изготовления орудий, — пояснил он. Что он хотел этим сказать, я не понял. — Видит бог, мне не под силу в одиночку преодолеть тысячу лет истории.

Он достал последнюю из курительных палочек и зажег ее. Хельги как-то попробовал сделать затяжку, его потом тошнило, но он по-прежнему тянулся к Джеральду. А теперь мой сын предложил взять шлюп и утром отправиться в Айс Фьорд, где мне надо было собрать арендную плату. Яльмар и Кетиль охотно согласились принять участие в поездке. Торгунна так слезно умоляла взять и ее, что я согласился.

— Ну теперь жди беды, — пробурчал Сигурд. — Кто не знает, что женщина на корабле — к несчастью. Не любят этого тролли.

— А каким же образом твой отец когда-то доставил женщин сюда, на наш остров? — усмехнулся я.

Эх, послушаться бы мне его! Мудрецом его назвать нельзя, но он знал, что говорил.

В то время я был совладельцем судна, которое ходило в Норвегию менять шерсть на лес. Дело это приносило прибыль, пока наше судно не встретилось с викингами во время беспорядков, когда Олаф Тригвасон сверг ярла Хаакона. Есть воры, убийцы, ради денег готовые на все. Вешать их надо, этих презренных разбойников, покушающихся на кошелек честного купца. Будь у меня мужество или честность, они отправились

бы в Ирландию — там полным-полно всяких грабителей.

Так или иначе, а корабль наш ушел в чужие страны. Но у меня оставалось три ладьи, и мы взяли одну из них. Кроме меня, Торгунны и Хельги в путь отправились Ялмар с Кетилем, Грим и Джеральд. Я видел, как он скривился, ступив в холодную воду, когда мы спускали ладью, а затем, сняв башмаки и чулки, растирал ноги. В свое время он очень удивился, узнав, что у нас есть баня, — наверное, он принимал нас за дикарей, — но все же оставался по-женски брезгливым и вскоре пересел подальше от наших ног.

Ветер был попутный, мы поставили парус. Джеральд пытался нам помочь, но, разумеется, не мог отличить фал от шкота и все перепутал. Грим ворчал на него, а Кетиль злобно смеялся. Когда мы наконец пошли полным ходом, Джеральд пересел ко мне на корму.

Долго он сидел в задумчивости, а потом робко заметил:

— А у нас оснастка и руль лучше... будет лучше. С их помощью можно идти навстречу ветру.

— Ага, наш морской волк, видать, снова решил осчастливить нас советом, — ухмыльнулся Кетиль.

— Помолчи, — резко остановила его Торгунна. — Пусть Джеральд говорит.

Джеральд с благодарностью взглянул на нее, да и мне самому хотелось послушать.

— Это нетрудно сделать, — сказал он. — Я сам ходил на таких ладьях и неплохо их знаю. Во-первых, парус должен быть не прямоугольным, свисающим с нок-рея, как у вас, поперек ладьи, а треугольным. Короткую сторону паруса принайтовьте к рею, подвижно соединенному с мачтой на высоте в половину человеческого роста от борта. Кроме того, кормовое весло у вас не на месте. Его надо поместить ниже транцевой доски, чтоб оно было целиком под водой, а управлять длинным румпелем.

Он рассказывал с увлечением, рисуя указательным пальцем на плаще Торгунны, где и что нужно расположить.

— С помощью такого паруса, руля и киля, уходящего в воду на большую глубину, скажем в рост человека для судна такого размера, ладья смело пойдет наперерез ветру. А между мачтой и носом можно натянуть еще один косой парус, поменьше.

Что ж, жрец, признаюсь, мысль эта достойна внимания, и если бы я не боялся несчастья — ведь все, связанное с этим человеком, приносило несчастье, — быть может, я и воспользовался бы ею. Но были в ней и явные просчеты, на которые я ему благоразумно указал.

— Прежде всего и хуже всего то, — ответил я, — что из-за этого руля и острого киля нельзя вытаскивать судно на берег или ходить по мелководью. Возможно, там, откуда ты пришел, есть много мест для причала, но здесь судно пристает, где потребуется, а в случае нападения его спускают на воду. Во-вторых, эту твою мачту трудно будет убрать, когда спадет ветер и придется взяться за весла. Наконец, твой треугольный парус нелегко превратить в шатер, чтобы спать в открытом море.

— Судно будет стоять на рейде, а вы подойдете к берегу в шлюпке, — ответил он. — Кроме того, можно построить каюты.

— Каюты мешают гребцам, — возразил я, — если только, разумеется, судно не чересчур широкое по траверсу или если гребцы не сидят ниже палубы, как рабы на галерах Миклагарда; ведь свободные люди не станут терпеть такое мучение!

— А разве весла обязательно нужны? — спросил он, словно малое дитя.

Раздался могучий взрыв хохота. Даже чайки, парившие за кормой, где смутно темнел берег, и те принялись оглашать воздух пронзительными криками.

— Неужели там, откуда ты пришел, и ветры подчиняются человеку? — фыркнул Яльмар. — А что делать, если на море уже несколько дней полный штиль и запас пищи на исходе?

— Можно построить такое судно, на котором хватит места для провизии сразу на много недель, — ответил Джеральд.

— Если ты богат, как король, тогда можно, — отозвался Хельги. — Однако такое королевское судно, стоит ему лишь попасть в штиль, сразу окажется беспомощным и быстро станет добычей первого же викинга из тех, что шныряют вдоль побережья от наших мест до Йомсборга. А если оставить судно на якоре и разбить на берегу лагерь, то где ты найдешь убежище и как сможешь защищаться, коли тебя заметят враги?

Джеральд ничего не смел возразить. Тогда Торгунна тихо сказала:

— Некоторым людям не по душе новое. А мне кажется, это — прекрасная мысль.

Он устало улыбнулся ей и, собравшись с духом, принялся объяснять, как можно, даже при облачности, определить, где находится север. Есть камни, объяснил он, которые, если их подвесить на веревочке, всегда указывают на север. Я мягко ответил ему, что это очень интересно, но нужно иметь такие камни, или, быть может, если он знает, где такой камень можно достать, я попрошу торговца разыскать его для меня. Но этого он не знал и надолго замолчал. Кетиль открыл было рот, но Торгунна окинула его таким колючим взглядом, что он не сказал ни слова; однако всем видом он показывал, что считает Джеральда страшным лжецом.

Спустя некоторое время ветер стал встречным. Мы убрали парус и взялись за весла. Джеральд помогал охотно и энергично, но очень уж неумело, а руки его оказались такими нежными, что вскоре все были в крови. Я предложил ему немного отдохнуть, но он упорно сидел на веслах.

Глядя, как он мерно раскачивается взад и вперед под тоскливый скрип уключин — весло в том месте, где он его держал, было красным и влажным от крови, — я думал о нем. Все, за что он ни брался, что сумел бы шутя сделать любой мужчина, Джеральд делал из рук вон плохо — так казалось мне тогда, ибо я не ведал будущего. Не по душе мне было и то, что Торгунна нередко останавливает на нем свой взгляд. Без земли, без денег, совершенно беспомощный,

он никак не годился в мужья моей дочери. И все же он мне нравился. Правду ли он рассказывал или все это было порождением безумия, я чувствовал, что он не лжет: нечто необычное было и в его появлении здесь. Я заметил на подбородке у него порезы от бритвы, которую я одолжил ему; он сказал, что не умеет обращаться с такой бритвой и что лучше уж ему отпустить бороду. Он изо всех сил старался быть полезным. Любопытно, думалось мне, как бы вел себя я, если б очутился один в его колдовской стране, а между мной и моим домом лежала бы целая вечность.

Быть может, такая же жалость тронула и сердце Торгунны. Женщины — странные существа, жрец, и ты, который не имеешь дела с ними, вероятно, не в силах понять их так же, как и я, который спал, наверное, не меньше чем с полусотней женщин в шести различных странах. Порой мне кажется, они сами себя не понимают. Рождение, жизнь и смерть — это великие таинства, которые никому не дано познать, но женщина стоит к ним ближе, чем мужчина.

Лобовой ветер усилился, под низкими свинцовыми тучами море стало серо-стальным и заволновалось. Мы были вынуждены войти в маленький необитаемый залив и устроить что-то вроде лагеря на берегу.

Мы взяли с собой дрова и трут. И тут Джеральд, хоть он чуть не падал от усталости, оказался на высоте, ибо его палочки разожгли костер скорее, нежели сталь и кремень. Торгунна принялась стряпать ужин. Ладья плохо загораживала нас от пронизывающей до костей стужи. Плащ Торгунны крыльями метался по ветру, а волосы ее развевались над языками пламени. Стояла пора светлых ночей, когда небо окутано темно-голубой дымкой, море похоже на измятый лист металла, а берег едва приподымается над царством туманов. Мы, мужчины, завернувшись в плащи, грели у костра озябшие руки и молчали.

Надо чем-то развеселить людей, решил я, и приказал откупорить бочонок моего лучшего, самого крепкого пива. Не иначе как злая Норна подсказала мне сделать это, но куда уйдешь от судьбы? Лишь только, разбрыз-

гивая во все стороны сало, зашипела на огне баранья нога, как мы еще сильней ощутили пустоту в наших желудках, и пиво быстро ударило нам в голову. Я, помню, принялся читать предсмертную песнь Рейнара Волосатого и делал это только потому, что мне хотелось ее читать.

Торгунна подошла к тому месту, где Джеральд не сел, а скорее рухнул на землю. Я заметил, что она слегка провела рукой по его волосам; не ускользнуло это и от Кетиля Ялмарсона.

— А в твоей стране разве не читают стихов? — спросила она.

— Не так, как здесь, — ответил он, подняв на нее взгляд, и секунду они, не отрываясь, глядели друг другу в глаза. — Мы больше поем, чем читаем стихи. Вот была бы со мной моя гитара... Это инструмент такой, вроде арфы.

— А, так ты — ирландский бард! — догадался Ялмар Широконосый.

Не понимаю даже, почему я так хорошо запомнил слова, которые Джеральд с улыбкой произнес на своем языке. Но они мне запомнились, хотя я и не понял их значения: «Only on me mither's side, begorra»[1]. Наверное, это было какое-то заклинание.

— Спой нам что-нибудь, — попросила Торгунна.

— Сейчас, только подумаю, — ответил он. — Ведь мне надо переложить песню на норвежский язык, чтобы вы ее поняли.

Чуть помедлив, глядя во мрак студеной ночи, он запел. Песня его мне понравилась. Звучала она примерно так:

Покидаешь ты нашу долину,
И в глазах, что полны огня,
Ты с собою уносишь солнце,
Озарившее жизнь для меня![2]

Только это я и запомнил да еще то, что песня дальше была не очень скромной.

---

[1] Один из предков моей матери, бродяга... (*искаж. англ.*).

[2] Перевод В. Бетаки.

Когда он кончил петь, Ялмар и Грим поднялись посмотреть, не готово ли мясо. В глазах моей дочери я увидел слезы.

— Очень славная песня! — сказала она.

Кетиль сидел выпрямившись. Отсветы пламени беспорядочно метались по его лицу.

— Наконец-то мы дознались, что умеет делать этот молодчик, — произнес он, и голос его зазвучал грубо, — сидеть-посиживать да напевать песенки девчонкам. Этим пусть он и служит тебе, Оспак.

Торгунна побледнела, а Хельги схватился за меч. У Джеральда, увидел я, потемнело лицо, и он хрипло проговорил:

— Ты не имеешь права так говорить. Возьми свои слова обратно.

Кетиль встал.

— Нет, — ответил он. — Я не буду просить извинения у бездельника, живущего нахлебником у честного хозяина.

Он пришел в ярость, однако у него хватило ума не трогать мою семью и оскорбить только Джеральда. Иначе ему и его отцу пришлось бы иметь дело с нами четырьмя. Тем временем Джеральд тоже встал и, сжав кулаки, спросил:

— Ты готов в стороне решить наш спор?

— С радостью!

Кетиль повернулся и, пройдя несколько шагов по берегу, достал из шлюпки свой щит. Джеральд последовал за ним. Стоявшая неподвижно Торгунна, на лице которой был написан неподдельный страх, вдруг схватила его топор и бросилась вслед за ним.

— Ты идешь без оружия? — крикнула она.

Джеральд остановился и непонимающе взглянул на нее.

— Мне этого не нужно, — пробормотал он. — Кулаки...

Полный самомнения Кетиль выпрямился, обнажил меч и сказал:

— Ты, конечно, умеешь сражаться только так, как сражаются рабы на твоей земле. Поэтому, если ты

попросишь у меня прощения, я буду считать дело улаженным.

Джеральд стоял ссутулившись. Он пристально, как слепой, смотрел на Торгунну, словно спрашивая у нее, что ему делать. Она подала ему топор.

— Значит, ты хочешь, чтобы я его убил? — прошептал он.

— Да, — был ее ответ.

И я понял, что она его любит, иначе почему она так не желала допустить его позора?

Хельги подал ему шлем. Он надел его, взял топор и пошел навстречу Кетилю.

— Недоброе дело! — заметил Ялмар. — Ты на стороне чужеземца, Оспак?

— Нет, — ответил я. — Он мне не кровный и даже не названый брат. Эта ссора меня не касается.

— Вот и хорошо, — обрадовался Ялмар. — А то мне вовсе не хочется ссориться с тобой, приятель. Ты всегда был добрым соседом.

Мы вместе прошли вперед и очертили площадку для противников. Торгунна попросила меня одолжить Джеральду меч, чтобы он тоже мог пользоваться щитом, но он, как-то странно поглядев на меня, сказал, что предпочитает держать в руках топор. Он и Кетиль стали друг против друга, и бой начался.

Это не был обычный хольмганг[1] с определенными правилами и порядком наносимых ударов, где первое появление крови означает победу. Нет, эти двое бились насмерть. Кетиль бросился вперед, и меч в его руке со свистом полоснул воздух, а Джеральд отпрыгнул назад, неуклюже размахивая топором. Топор со звоном отскочил от щита Кетиля. Юноша усмехнулся и полоснул мечом по ногам Джеральда. Я видел, как на его штанах выступили пятна крови.

Это было убийство с самого начала. Джеральд, видно, никогда не держал в руках топора. Один раз он даже нанес удар не острием топора, а плашмя. Кетиль давно зарубил бы его, если бы меч у него не притупился

---

[1] Хольмганг (*исл.*) — поединок.

от удара по шлему и Джеральд не сумел тотчас вскочить на ноги. Тем не менее он уже шатался от десятка ран.

— Прекратите! — крикнула Торгунна и кинулась к ним.

Хельги схватил ее за руки и силой заставил вернуться на место, но она так вырывалась и билась, что пришлось Гриму прийти Хельги на помощь. Я увидел, что мой сын огорчен, а на лице керла играет злобная улыбка.

Джеральд повернулся взглянуть на Торгунну. Клинок Кетиля, скользнув, полоснул Джеральда по левой руке, и он выронил топор. Кетиль зарычал, готовясь его прикончить. Тогда Джеральд вытащил пистолет. Вспышка, звук, похожий на короткий лай. Кетиль упал, судорожно вытянулся и застыл. У него разнесло нижнюю челюсть и затылок.

Наступило долгое молчание; были слышны лишь вой ветра да грохот волн.

Затем вперед вышел Яльмар; лицо его было искажено горем, но держался он с достоинством. Опустившись на колени, он закрыл сыну глаза, тем самым как бы говоря, что за ним остается право мести.

— Это колдовство. Тебя следует объявить вне закона.

— Никакого колдовства тут нет, — глухо отозвался Джеральд. — Это... это как стрела из лука. У меня не было выбора. Ведь я же предлагал ему биться на кулаках.

Я стал между ними, сказав, что это дело должен решать Тинг, но что, я надеюсь, Яльмар согласится принять выкуп за убитого сына.

— Но ведь я убил его, спасая свою жизнь, — возразил Джеральд.

— Все равно выкуп должен быть уплачен, если только родичи Кетиля согласятся его принять, — объяснил я. — А за такое оружие, думаю, придется заплатить вдвое больше, но это уже решит Тинг.

У Яльмара было много сыновей, Джеральд же не принадлежал к враждебной ему семье, и поэтому, я

чувствовал, Яльмар не откажется от выкупа. Сдержанно усмехнувшись, он, однако, спросил, где человек, у которого нет денег, достанет столько серебра.

Сохраняя ледяное спокойствие, Торгунна сделала шаг вперед и заявила, что мы заплатим выкуп. Я открыл было рот, но, увидев ее глаза, только кивнул головой в знак согласия.

— Да, — подтвердил я, — во имя сохранения мира.

— Значит, ты хочешь принять участие в этой ссоре? — спросил Яльмар.

— Нет, — ответил я. — Этот человек мне не родня. Но разве я не могу, если пожелаю, сделать ему подарок в виде денег, а он использует их, как ему заблагорассудится?

Яльмар улыбнулся. Горе таилось в уголках его глаз, но на меня он смотрел взглядом старого друга.

— Этот человек, наверное, скоро станет твоим зятем, Оспак, — предположил он. — Судя по всему, так и случится. Тогда он действительно будет членом твоей семьи. А твое желание помочь ему сейчас поставит тебя на его сторону.

— И что же? — тихо спросил Хельги.

— А то, что хоть я и ценю твою дружбу, но у меня есть сыновья, которые плохо встретят весть о смерти их брата. Они захотят отомстить Джеральду Сэмсону, пусть даже ради чести своего имени, и таким образм наши дома перестанут дружить, а за одним убийством последует другое. Так часто случалось прежде, — Яльмар вздохнул. — Я-то не хочу ссориться с тобой, Оспак, но если ты примешь сторону убийцы, все будет по-другому.

Я на минуту задумался, представив себе Хельги на земле с раскроенным черепом и других моих сыновей, вынужденных покинуть свои дома и выйти на бой из-за человека, которого они никогда в жизни не видели, подумал о том, что впредь, отправляясь на берег за плавником, мы должны будем постоянно надевать кольчуги, а ложась спать, бояться, как бы утром не увидеть, что дом окружают вооруженные люди.

— Да, — заметил я, — ты прав, Яльмар. Я беру свое предложение назад. Это дело должны решать с ним вы одни.

И мы пожали друг другу руки.

Торгунна, тихо вскрикнув, бросилась к Джеральду. Он прижал ее к себе.

— Что это значит? — тихо спросил он.

— Я больше не могу держать тебя у нас в доме, — ответил я, — но ты найдешь приют у кого-нибудь из крестьян. Яльмар — человек, уважающий законы, и не обидит тебя, пока Тинг не решит твою судьбу. А это будет не раньше середины лета. Быть может, до той поры тебе удастся выбраться из Исландии.

— Такому бездельнику, как я? — горько усмехнулся он в ответ.

Торгунна вырвалась из его рук и, пылая гневом, закричала, что я трус, клятвопреступник и все такое прочее. Я дал ей выговориться, а потом, положив руки ей на плечи, сказал:

— Только ради нашего дома. Дом и семья священны. Мужчины умирают, женщины плачут, но пока существует род, наши имена будут помнить. Разве ты имеешь право ради своей прихоти требовать смерти десятка людей?

Долго стояла она молча, и каков был бы ее ответ, я и по сей день не знаю. Но тут заговорил Джеральд.

— Да, — произнес он. — Наверное, ты прав, Оспак... прав по законам вашего века. Это не мой век.

Он пожал руку мне, затем Хельги, скользнул губами по щеке Торгунны, повернулся и зашагал во мрак.

Потом, как я слышал, он обрабатывал землю у Торвальда Хольсона, арендатора Хэмпбек Фелла, но не рассказал ему о том, что произошло. Должно быть, Джеральд надеялся, что о нем забудут, а тем временем он сумеет пробраться на восток. Но, разумеется, пошли слухи. Я помню, как он хвастал, что в Соединенных Штатах люди могут разговаривать друг с другом с разных концов земли. Видя, как мы живем в своих уединенных усадьбах, он и представить себе не мог, как быстро у нас разносятся слухи. Сын Торвальда

Хрольф, придя о чем-то поговорить с Брэндом — Тюлений Сапог, конечно, упомянул о чужеземце, и скоро вся западная часть Острова была посвящена в эту историю.

Знай Джеральд, что ему следует в первой же усадьбе, где он остановился, рассказать о случившемся, он был бы в безопасности, по крайней мере до созыва Тинга, ибо Яльмар и его сыновья — люди рассудительные и никогда не убьют человека, который находится под охраной закона. А он хранил все в тайне, и это, превращая его в убийцу, ставило чужеземца вне закона. Яльмар со своей родней подъехал к Хэмпбек Феллу и, окликнув Джеральда, приказал ему выйти из дома. С помощью пистолета Джеральд прорвался в холмы. Враги последовали за ним. Несколько человек были ранены, один убит, и за эту смерть тоже предстояло отомстить. Джеральд, наверное, думал, что необычность его оружия лишит их присутствия духа. Он, вероятно, не знал, что каждый умирает только тогда, когда ему предназначено, не раньше и не позже, поэтому нет смысла бояться смерти.

В конце концов, когда его окружили, пистолет вдруг почему-то смолк. Тогда он схватил меч убитого и так мужественно оборонялся, что Ульф Яльмарсон хромает до сих пор. Он вел себя храбро, это признали даже его враги. Они, наверное, все колдуны там, в Соединенных Штатах, но отваги им не занимать.

Когда с ним было покончено, труп его приволокли назад. И чтобы дух его не бродил по домам — ведь он, наверное, тоже был колдун, — тело сожгли, и все его имущество положили на костер вместе с ним. Тогда-то я и потерял нож, который он мне подарил. Курган, где покоится его прах, находится вон там, возле болота, к северу отсюда, и люди обходят это место стороной, хотя дух его ни разу не появлялся. А теперь, после стольких событий, о нем все больше начинают забывать...

Вот и вся история, жрец, все, что я видел и слышал. Большинство людей считают, что Джеральд Сэмсон был безумцем, но сам я верю: он действительно пришел к

нам из другого века, и проклятие его было в том, что он пришел слишком рано. Нельзя снимать урожай, пока жатва не созрела. А я гляжу в будущее, в то самое будущее, что наступит через тысячу лет, когда люди будут летать по воздуху, ездить в повозках без лошадей и уничтожать одним ударом целые города, и думаю о тогдашней Исландии и о молодых людях из Соединенных Штатов, которые придут в нашу страну в тот год, когда нам будет грозить конец света. Быть может, кто-нибудь из них, бродя по вересковым полянам, увидит курган и подумает: какой древний воин похоронен в нем? И быть может, ему даже захочется перенестись в те далекие времена, когда жил он и когда люди были свободны...

СОДЕРЖАНИЕ

Коридоры времени. Роман
Пер. А. Соловьева 5

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ. Роман
Пер. М. Гилинского 243

НАСТАНЕТ ВРЕМЯ. Роман
Пер. М. Коркина 439

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ СЛИШКОМ РАНО. Повесть
Пер. Н. Емельянниковой 601

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД»
продолжает книжную серию
«НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА»

Готовятся к печати:

АНДЕРСОН ПОЛ
Бесконечная игра
Рассказы / Пер. с англ. — СПб.:
Северо-Запад, 1993. (В переплете)

ЗВЯГИНЦЕВ В. Д.
Одиссей покидает Итаку
Роман. — СПб.:
Северо-Запад, 1993. (В переплете + суперобложка)

ГЕРБЕРТ ФРЭНК
Дюна
Роман / Пер. с англ. — СПб.:
Северо-Запад, 1993. (В переплете)

КАТТНЕР ГЕНРИ
Долина пламени
Романы, рассказы / Пер. с англ. — СПб.:
Северо-Запад, 1993. (В переплете)

Литературно-художественное издание

Пол Андерсон

КОРИДОРЫ ВРЕМЕНИ

Перевод с английского

Ответственный редактор *Ольга Солохина*
Художник *Владимир Бедин*
Редакторы: *Марина Новикас, Варвара Князева*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Раткевич*
Корректоры: *Ирина Сорокина, Нина Смирнова, Людмила Быстрова*
Верстка *Елены Черновой*

Подписано к печати с оригинала-макета 05.04.93.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура школьная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 100 000 экз. Изд. № 171. Заказ 475.

Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18

Отпечатано в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220041, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Андерсон П.

А65 Коридоры времени: Романы, повесть/ Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 637 с.
ISBN 5-8352-0171-0

В предлагаемый вашему вниманию том вошли романы знаменитого американского фантаста Пола Андерсона. Их названия говорят сами за себя — «Коридоры времени», «Патруль времени», «Настанет время». Все они повествуют о путешествиях во времени. Вместе с героями мы то и дело переносимся в разные века и эпохи. Вас ждут невероятные приключения, отважные люди, головокружительные перелеты и жестокие схватки.

Заканчивается том небольшой повестью, тесно связанной по сюжетной линии с перечисленными выше романами.

50
100
150
200

Сделано в Запад ®